[Адресъ ре]дакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

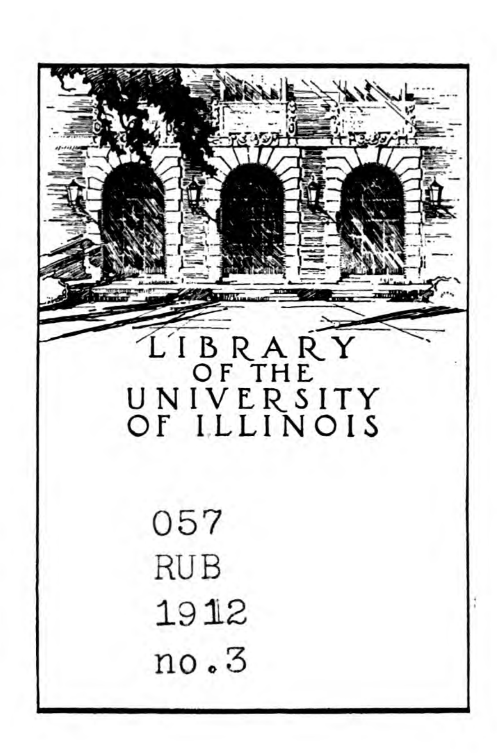
По опредѣленію комитета по дѣламъ печати НАЛОЖЕНЪ АРЕСТЪ на февральскую книжку „Русское Богатство“.

МАРТЪ. 1912.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 3.

СОДЕРЖАНІЕ:

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

МАРТЪ. 1912

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1912.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотъ).

Потомки царя іудейскаго.

I.

Вечерѣло.

Центурія римскихъ воиновъ на усталыхъ лошадяхъ подъѣзжала къ деревнѣ Кура за Тиверіадскимъ озеромъ.

День былъ жаркій. Камни раскалились. Но къ вечеру осенній воздухъ быстро тяжелѣлъ, ложился на камни росой. И камни дышали въ лошадиныя морды теплой влагой, ароматами засохшихъ травъ и нагрѣтой лавы.

Тиверіадское озеро подернулось синимъ туманомъ. Туманъ густѣлъ, бѣлѣлъ, одѣвалъ голубое зеркало озера въ каменистыхъ берегахъ бѣлымъ пушистымъ покровомъ.

Когда зашло солнце, надъ горами стало тихо...

Точно вмѣстѣ съ заходомъ солнца умолкъ звукъ мѣдной трубы, которая цѣлый день гудѣла надъ выжженной, каменистой землей. Когда она гудѣла, ея не было слышно, — такъ могуче ровенъ и утомительно долгъ былъ этотъ свѣтлый, торжествующій звукъ. Но теперь, когда онъ прекратился, въ ушахъ тихо звенятъ его отголоски. И чувствуется, какъ тишина плотно охватываетъ каменныя горы, упруго распираетъ глубокія долины.

Другъ за другомъ, длинной линіей вытянулись всадники по горной тропинкѣ. Развязывали на головахъ бѣлые платки, открывали грубыя, загорѣлыя лица. Вздыхали, набирая полныя груди холодѣющаго воздуха, и съ шумомъ выдыхали, надувая щеки. Лошади фыркали, нетерпѣливо махали хвостами, бросали по сторонамъ уши, ловя звуки жилого мѣста.

Съ тропинки поднималась пахучая пыль. Пахло ослинымъ пометомъ, сухой соломой ячменя и чечевицы. Кура была недалеко.

Проводникъ—высокій и веселый сиріецъ, взятый сотникомъ изъ Виѳсаиды, въ сѣромъ плащѣ изъ овечьей шерсти, съ палкой въ рукѣ шелъ впереди центуріи, прыгалъ съ

камня на камень, выбиралъ прямой путь. А воины длинной цѣпью тянулись и вились по узкой тропинкѣ. Сначала проводникъ робѣлъ и при лязгѣ оружія, звукахъ непонятной рѣчи испуганно вздрагивалъ и останавливался. Теперь осмѣлѣлъ, вскинулъ палку на шею, на ея концы повѣсилъ узловатыя руки, оралъ пѣсни:

Лошади не ѣдятъ чечевицу,
А только ячмень!..

Начальникъ центуріи, старый сирійскій служака изъ простыхъ воиновъ, ѣхалъ впереди всѣхъ. У него было рыжее веснущатое лицо, голова четыреугольная, одѣта мѣднымъ шлемомъ, какъ окованный мѣдью ларецъ уличнаго мѣнялы.

И мысли въ головѣ сотника были такія же размѣнныя и простыя, какъ въ ларцѣ мѣнялы размѣнныя деньги. Цѣлый ларецъ мелочи можно отдать за одну-двѣ золотыхъ монеты, а золотую монету можно снова размѣнять, и мелкими оболами и лептами наполнить ларецъ до верху.

Центуріонъ думалъ о каждомъ воинѣ своей сотни въ отдѣльности, но эти отдѣльныя мысли, какъ мелкія лепты и хальки—въ оболъ, могли собраться въ одну, болѣе крупную мысль: центурія! Его центурія.

— Центурія, остановись! Центурія, трогайся!

Но центурія была частью когорты, а когорта — частью легіона... Ихъ легіонъ стоитъ теперь въ Тирѣ... Проконсулъ приказалъ доставить въ Тиръ потомковъ іудейскаго царька, распятаго лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ Пилатомъ... Мысль о проконсулѣ была уже крупной мыслью, вродѣ денарія. Консулъ получилъ приказъ отъ императора, приказъ строгій... Эта мысль была самой крупной въ головѣ сотника. Когда весь ларецъ мелкихъ мыслей онъ превращалъ въ эту одну большую мысль, по величинѣ своей равной золотому, то дѣлался тревожнымъ и строгимъ. Выпрямлялся въ сѣдлѣ, оборачивалъ назадъ четыреугольную голову и, кривя отъ усилій поворота челюсти, кричалъ воинамъ:

— Не отставать! Цѣпью, воинъ за воиномъ!

Но потомъ эта большая мысль постепенно снова мѣнялась на болѣе мелкія мысли о начальствѣ, воинахъ, лошадяхъ, проводникѣ. Центуріонъ успокаивался и дремалъ, усыпленный зыбкимъ шагомъ коня.

Тревожно просыпался и снова думалъ о томъ, не предупредилъ ли кто потомковъ іудейскаго царя, и не бѣжали ли они изъ Куры? Центурія ѣхала быстро, какъ только можно ѣхать быстро по горнымъ дорогамъ. Изъ Назарета выѣхали утромъ, отдыхали въ Виѳсаидѣ и взяли тамъ проводника до

Куры. По свѣдѣніямъ мѣстныхъ жителей, Кура—небольшое селеніе, куда лѣтъ сорокъ тому назадъ переселились сыновья Іуды, брата царька іудейскаго. Теперь тамъ живутъ внучатные племянники этого царя, Хиллель, Якубъ и Симанъ, по прозванью Нажжары, т. е. плотники. Неизвѣстно, легко ли дадутся въ руки. Могутъ оказать сопротивленіе. Не мало ли воиновъ?

И центуріонъ снова оборачивался, отдавалъ строгія приказанія, какъ будто строгость могла увеличить силы центуріи передъ укрѣпленнымъ врагомъ...

Почему онъ не взялъ двѣ сотни? Было непривычно для него, стараго воина, говорить: „Насъ мало! Мы слабы!" Если бы ему дали десятокъ воиновъ, онъ поѣхалъ бы и съ десяткомъ.

И чтобы не думать о вещахъ непріятныхъ, сотникъ снова начиналъ думать о каждомъ воинѣ своей центуріи, о легіонѣ, проконсулѣ и императорскомъ указѣ.

Такъ мѣняльщикъ отъ скуки перебираетъ и складываетъ въ кучки монеты, пробуетъ на зубы и позваниваетъ,—нѣтъ ли фальшивыхъ,—пока не придетъ купецъ. Тогда съ лица его мигомъ исчезнетъ скука, посторонніе мысли отлетятъ далеко, и онъ съ веселой настороженностью примется считать и торговаться...

Когда проводникъ взобрался на камень и закричалъ: „Вотъ Кура!" — сотникъ остановилъ воиновъ и долго вглядывался въ синѣющую груду убогихъ домовъ. Искалъ глазами признаковъ какого-нибудь укрѣпленія, замка, наконецъ просто большого дома, въ которомъ прилично обитать потомкамъ уважаемаго іудейскаго самозванца. Но ничего не находилъ. Въ синемъ сумракѣ быстро сгущающейся ночи виднѣлся только каменный холмъ. И лишь сверху, прямыми линіями обозначались грани плоскихъ крышъ. Вокругъ селенія разбросаны по гумнамъ небольшія кучи соломы. Если бы не указалъ проводникъ, селеніе трудно было отличить отъ темносѣрыхъ холмовъ и вывѣтрившихся скалъ. Пахнуло горѣлымъ навозомъ. Заплакалъ гдѣ-то оселъ.

Проводникъ съ испугомъ слушалъ и смотрѣлъ, какъ отдавались непонятныя приказанія, звякнули мечи, поднялись надъ головами лошадей опущенныя въ дорогѣ копья. Отрядъ раздѣлился на двѣ части и двинулся къ селенію двумя кучами. Одна разсыпалась вокругъ села на стражу, а другая быстро понеслась въ селеніе и произвела тамъ большое смятеніе.

II.

Голосили женщины, плакали дѣти. Бѣгали и блеяли козы. Лаяли изумленныя и обрадованныя новому зрѣлищу собаки, бѣгали съ поднятыми кверху носами, наслаждаясь новыми запахами. И отъ смутныхъ волненій въ перекличку выли, залѣзая на плоскія крыши домовъ и сосѣднія скалы.

Проскакавшій отрядъ задавилъ на улицѣ испуганнаго козленка. Старуха-хозяйка подняла его окровавленнаго и пыльнаго съ земли, цѣловала, плакала и посылала вслѣдъ воинамъ проклятія. Просила Бога, чтобы послалъ воинамъ такую же смерть, какой погибъ козленочекъ, котораго она всю весну носила у себя за пазухой и кормила травой, набранной по былиночкѣ межъ камней на бѣдныхъ курскихъ поляхъ.

Несмотря на страхъ, многіе все-таки поднялись на крыши посмотрѣть, что будетъ. Отрядъ воиновъ сгрудился въ рединѣ села, около большой скалы на токовинѣ, гдѣ обитатели Куры собирались по субботамъ на бесѣды. Зажгли костеръ, привели старшину Куры и потребовали Хиллеля, Якуба и Симана Нажжаровъ.

Пламя костра изъ соломы и сухого навоза полыхало по сторонамъ красными отсвѣтами. Загорѣлыя лица воиновъ, шлемы, панцыри и щиты вспыхивали въ темнотѣ пятнами, отчего воины казались таинственными, почти не-людьми. Небо позеленѣло, угасла заря. Первый страхъ прошелъ, и крыши сосѣднихъ домовъ наполнились народомъ. Одна крыша не выдержала, провалилась вмѣстѣ съ людьми, задавила на смерть больного старика. Многіе ушиблись. Заплакали о мертвомъ родственники.

Сотникъ сидѣлъ у костра въ нетерпѣніи, и его рыжее веснущатое лицо, освѣщаемое неровными сполохами пламени, было сурово. Иногда оно свѣтилось ярко, точно само загоралось вмѣстѣ съ костромъ, то скрывалось въ темнобагровой тѣни.

Былъ онъ въ недоумѣніи. Кура оказалась жалкимъ, маленькимъ селомъ, и всѣхъ его обитателей могъ бы доставить въ Тиръ десятокъ воиновъ. А онъ пріѣхалъ сюда съ цѣлой сотней тяжеловооруженныхъ всадниковъ. И въ этомъ старый служака чувствовалъ себѣ какую-то обиду, только еще не могъ разобраться, кто обидчикъ. Пожалуй, и строгости военнаго порядка излишни. Излишне это тяжелое напряженіе вооруженной сотни, все еще стоящей въ готовности и ожиданіи. Но не хотѣлось отмѣнять, потому что

тогда, можетъ быть, положеніе вооруженной сотни въ маленькомъ безпомощномъ селѣ станетъ ужъ явно нелѣпымъ и смѣшнымъ.

Тревожно перекликались въ селѣ голоса. Вокругъ костра наростала молчаливая толпа. Виднѣлись освѣщенныя огнемъ, обожженныя солнцемъ и вѣтромъ грубыя лица: у стариковъ—затаенныя съ круглыми глазами; у дѣтей—весело испуганныя; у женщинъ — тревожно злобныя съ плотно сжатыми ртами. Женщины готовы плакать и кричать, какъ только это покажется необходимымъ.

Отъ нетерпѣнія и раздраженія сотникъ сталъ браниться и кричать, требовалъ доставить скорѣе Нажжаровъ, грозилъ старшинѣ, но отъ себя его не отпускалъ. Сотникъ давно служилъ въ Сиріи, бойко объяснялся по сирійски, но въ раздраженіи путался и начиналъ говорить съ тяжелымъ акцентомъ римскаго солдата. Точно во рту у него лежалъ большой камень, и онъ, выговаривая слова, поворачивалъ его языкомъ. Такъ по сирійски говорили всѣ римляне, а потому въ Сиріи ихъ дразнили словами: „Проглоти камень". Воины считали эти слова очень обидными.

И теперь въ толпѣ какая-то женщина не удержалась и закричала сотнику: „Проглоти камень!" Молодежь засмѣялась; старики притворно закачали головами, защелкали укоризненно языками. Сотникъ закричалъ:

— Смотрите, какъ бы я не заставилъ самихъ васъ глотать камни!—и приказалъ отогнать толпу подальше.

Издалека послышались сдержанные, но какъ бы даже радостные крики.

— Идутъ, идутъ!

Невидно было, гдѣ они, но по восклицаніямъ можно было опредѣлить ихъ путь. Шумная полоса привѣтствій, ободреній, шутокъ и ругательствъ ложилась передъ ними и тянулась за ними звучной дорогой. Въ голосахъ было ободреніе и страхъ одновременно,—ободреніе своимъ Нажжарамъ и страхъ передъ внезапной бѣдой, передъ тѣмъ грознымъ и непонятнымъ, что принесли съ собой въ глухое сирійское село чужіе люди, закованные въ желѣзо и мѣдь.

Черезъ толпу протискались три мужика въ короткихъ полосатыхъ плащахъ изъ козьей шерсти. Одинъ оторвалъ отъ полы корявую рученку мальчика, своего сына, и передалъ его въ толпу. Мальчикъ ревѣлъ, звалъ отца и бранилъ римскихъ воиновъ. Потомки іудейскаго царя подходили къ сотнику испуганные и робкіе. Щурились отъ свѣта костра, шевелили мохнатыми бровями, какъ будто торопились подойти, но и прятались другъ за друга одновременно. Они

еще издали сняли войлочныя шапки и привѣтствовали эту ночь римскаго начальника миромъ.

Глядя на нихъ, сотникъ удивился. Передъ нимъ стояли самые бѣдные, обыкновенные мужики съ лохматыми бородами, засоренными соломой, съ грубыми лицами, и безпокойно бѣгающими испуганными глазами. Они молча кланялись и хватали его большую веснущатую руку для поцѣлуя.

Сотнику давно хотѣлось сорвать на комъ-нибудь непонятное раздраженіе. А, можетъ быть, хотѣлось выяснить, такіе ли они, эти потомки іудейскаго царя, смиренные и ничтожные, какими кажутся съ виду... Онъ закричалъ на нихъ громко и ненужно-грубо.

— Вы Нажжары?

— Мы, нашъ владыка! Я—Симанъ, этотъ—Якубъ, а вотъ—Хиллель.

Этотъ покорный отвѣтъ вывелъ изъ себя сотника, точно Симанъ сказалъ ему оскорбительное слово. Онъ закричалъ на нихъ со злобой, съ полнымъ сознаніемъ своей силы и превосходства.

— Кто вы такіе?

— Мы—мирные фалляхи, нашъ владыка!

— Вы преступники! Вы не повинуетесь законамъ! Вы оскорбляете кесаря!

— Какъ можетъ оскорбить кесаря прахъ его ногъ...

Мужики стояли передъ сотникомъ покорные, испуганные. Пламя костра выхватывало изъ сумрака ихъ робкія грубыя лица. Сотникъ кричалъ на нихъ, билъ ихъ, но, накричавшись, утихъ и смягчился. И уже съ недоумѣніемъ, точно впервые увидѣлъ ихъ въ эту минуту, точно только что теперь, наконецъ, понялъ всю ихъ слабость и безграничную покорность, спросилъ. Увидѣлъ, удивился и спросилъ. Отъ этого удивленья забылъ даже начальническую важность.

— Такъ зачѣмъ же васъ требуютъ въ Римъ?

Задалъ вопросъ ненужный, даже глупый, и самъ это почувствовалъ, что вопросъ глупый, потому что онъ-то, римскій сотникъ, долженъ знать лучше этихъ мужиковъ, зачѣмъ ихъ требуютъ въ Римъ.

Въ это время въ толпѣ заголосила какая-то женщина. Можетъ быть, это была жена Хиллеля, ибо она начала причитать: „О, нашъ Хиллель!“ За ней не утерпѣла, заплакала другая. Плачемъ откликнулись вдалекѣ, на крышахъ, на улицахъ многія женщины. Заплакали, еще не зная, зачѣмъ плачутъ и причитаютъ. Завыли потому, что было имъ страшно, и потому, что услышали плачъ другихъ женщинъ.

Чувствовали, что настало время плакать. И скоро заголосило все село.

Точно село было какимъ-то большимъ струннымъ музыкальнымъ инструментомъ, брошеннымъ среди скалъ Тиверіадскихъ береговъ. И вотъ, въ ночномъ сумракѣ чья-то невидимая рука пробѣжала по натянутымъ струнамъ, коснулась пальцами тамъ и здѣсь, и готовыя струны загудѣли дружной и жалобной разноголосицей.

Женщины голосили, вспоминали умершихъ предковъ и патріарховъ, проклинали эту ночь и римскихъ воиновъ и желали имъ смерти. Нѣкоторыя выли безъ словъ, сидя на порогѣ своего дома, покачиваясь, точно отъ зубной боли. И плачъ каждой женщины въ отдѣльности казался безсмысленнымъ и ненужнымъ. Ну, зачѣмъ она воетъ? Ее пока никто не обидѣлъ, никто не тронулъ ея родственниковъ, дѣтей, мужа... Но въ разноголосомъ воѣ всего села была уже какая-то одна глубокая и упорная мысль.

Вокругъ Куры, въ горахъ старвчиво завыли звѣринымъ воемъ шакалы. Выли вблизи, выли вдали, выли, вѣроятно, и тамъ, откуда уже не доносились въ Куру ихъ тоскующіе голоса. Но они неслись дальше, слышались въ другомъ, такомъ же затерянномъ въ горахъ, бѣдномъ сирійскомъ селѣ.

И, можетъ быть, тамъ, на звѣриный вой откликнулись и заголосили люди. Звѣри откликнулись на людскую тоску, а люди—на тоску звѣриную. И кязалось, что въ тихомъ сумракѣ ночи, въ темно-базальтовыхъ горахъ, по всей измученной, запуганной, тоскующей о невѣдомомъ странѣ заголосили люди и звѣри. Неизвѣстно, зачѣмъ каждый въ отдѣльности, но всѣ вмѣстѣ говорили объ одномъ: о тысячелѣтнихъ гоненіяхъ, скитаніяхъ и рабствѣ, о надеждахъ и исканіяхъ маленькаго, но живучаго и безсмертнаго племени.

Сотникъ съ тревожнымъ удивленіемъ прислушался къ этому разноголосому плачу и вою людей и звѣрей. Въ этомъ воѣ сотнику послышались чувства покорной враждебности и могучаго безсилія этого народа. Чувства эти охватили его и снова раздражили своей странной и смутной противорѣчивостью. Кажется, здѣсь, въ этихъ горахъ люди и звѣри заодно противъ нихъ, сильныхъ и вооруженныхъ римскихъ солдатъ. Бояться вооруженной силы нечего, но сотнику все же стало почему-то жутко и тоскливо.

И какъ мѣняльщикъ выбрасываетъ изъ своего мѣняльнаго ларца все, что не деньги, такъ и сотникъ разсердился на эти новыя, чуждыя ему мысли и чувства. Чтобы забыть эти непривычныя чувства, выбросить изъ головы новую, непривычную мысль, онъ закричалъ на толпу:

— Уймите женщинъ! Чтобы не выли! Не то заставлю воиновъ! Расходитесь по домамъ!

И все еще не вѣря, что повезетъ къ проконсулу въ Тиръ этихъ, какъ онъ про себя ихъ называлъ, ословъ, онъ приказалъ Симану, Хиллелю и Якубу собираться. Завтра они поѣдутъ въ Тиръ, а оттуда въ Римъ къ самому императору.

Протрубили воинамъ сборъ. Долго шли переговоры о ночлегѣ. Село было маленькое, и воиновъ размѣстили по домамъ въ большой тѣснотѣ. Женщины бранились, не хотѣли пускать. Много было крику и жалобъ.

Сотника угощали, разспрашивали, зачѣмъ требуютъ въ Римъ Симана, Якуба и Хиллеля. А сотникъ въ свою очередь узнавалъ, вывѣдывалъ издалека, нѣтъ ли какой подмѣны, и дѣйствительно ли эти мужики—потомки іудейскаго царя, распятаго Пилатомъ?

Въ домѣ Нажжаровъ собрались родные, голосили жены надъ своими мужьями, какъ надъ покойниками. Когда Симанъ, Якубъ и Хиллель узнали, что въ ихъ роду былъ такой самозванецъ, который назывался царемъ іудейскимъ и Мессіей, и потому кесарь требуетъ ихъ, его потомковъ, теперь къ себѣ, они бранили этого своего предка, говорили, что они мирные и благочестивые евреи и не отвѣчаютъ за своихъ предковъ.

Шли къ сотнику и съ поклонами просили его, клялись Богомъ... Уходили и снова приходили съ просьбами и поклонами, приводили въ подарокъ сотнику сонныхъ, испуганныхъ козъ и овецъ, все еще не вѣря, что упросить нельзя, что придется ѣхать въ далекій и чужой край.

Село не спало всю ночь. У дверей домовъ на камняхъ зажигали костры, варили пшеницу и бобы, рѣзали козлятъ, коихъ лелѣяли цѣлое лѣто, и угощали родныхъ, сосѣдей и воиновъ, сами не зная, почему они сегодня такъ неразсчетливы и легкомысленно-щедры. Сидѣли вокругъ костровъ и долго вели тревожныя бесѣды, старались представить себѣ невидимое, уразумѣть непонятное.

И мысли простыхъ фалляховъ, не видавшихъ ничего, кромѣ каменистыхъ береговъ Геннисаретскаго озера, были уродливы и невѣроятны, а слова грубы и просты, какъ скалы ихъ полей. Кесарь представлялся таинственнымъ знаменемъ на небѣ. При одной мысли о немъ становилось жутко, тоскливо, и вся жизнь казалась обманчивой и непрочной.

III.

Всю дорогу до Тира воины насмѣхались надъ потомками іудейскаго царя. Было имъ обидно, людямъ вооруженнымъ и сильнымъ, сопровождать такихъ овецъ. Если бы эти фалляхи выказывали намѣреніе бѣжать, сердились, сопротивлялись. Если бы это были разбойники, хитрые воры. А они были молчаливые и смирные, которыхъ могъ проводить до Тира любой пастухъ.

Хиллель ѣхалъ на молодомъ мулѣ. У него продолговатое, сдавленное съ боковъ лицо, горбатый носъ, откинутый назадъ лобъ и брови расходящіяся отъ переносицы, точно приподнятыя крылья птицы. И все лицо его выражало напряженный моментъ взлета хищной птицы. Но подъ крыльями бровей, въ сухихъ глазницахъ, точно въ каменныхъ чашкахъ, были вставлены удивленно простодушные выпуклые глаза. Онъ былъ неподвиженъ и благодушно молчаливъ Въ Курѣ его звали совой и онъ не обижался.

Симанъ былъ круглоголовый, подвижный, говорливый, губастый, курчавый и сѣрый. Онъ вздыхалъ, крутилъ круглой головой, догонялъ молчаливаго Хиллеля или даже самого сотника, и въ пятый, и десятый разъ озабоченно спрашивалъ:

— А что намъ будетъ? Ну, самое худое, господинъ сотникъ? Допустимъ самое худое, что можетъ сдѣлать великій кесарь мирнымъ фалляхамъ?

— Смотря по тому, какая вина!—отвѣчалъ сотникъ.

— Ну вотъ, ты самъ разсуди, какая можетъ быть вина передъ цезаремъ у мирнаго фалляха...

Старательно подгоняя пятками своего мула, привычнаго къ горной дорогѣ, Симанъ ѣхалъ съ собесѣдникомъ рядомъ по цѣлинѣ, вдоль тропинки и охотно начиналъ разсказывать. Разсказывалъ онъ всю свою жизнь, и, казалось, его разсказу не будетъ конца.

Но вся его жизнь укладывалась въ сотню отрывочныхъ словъ. Онъ родился въ Курѣ, жилъ въ Курѣ и умеръ бы въ Курѣ, если бы его теперь не потревожили. Онъ соблюдалъ субботу, платилъ десятину. На двадцатомъ году женился. У него три сына и дочь, два осла, мулъ, (вотъ этотъ самый мулъ, хорошій мулъ!) и съ приплодомъ нынѣшняго года двадцать пять козъ... Былъ у него споръ съ сосѣдомъ изъ-за земли, но они давно помирились. Теперь ему сороковой годъ... Что же сдѣлаетъ за это дурного Кесарь?

Симанъ смотрѣлъ тревожными глазами на сотника,

ожидая отвѣта. И самъ онъ удивлялся, что его жизнь была столь простая, что и разсказать нечего. Ему казалось, что сотникъ подозрѣваетъ и не вѣритъ.

— Можетъ быть, господинъ сотникъ не вѣритъ? Можетъ быть думаетъ, что я лгу или утаилъ? Спроси Хиллеля или Якуба. Они тебѣ то же скажутъ... Знаю, знаю, мой владыка: не говори! Знаю и понимаю: Хиллель и Якубъ тоже могутъ утаить. Но я и не думалъ, что мудрый сотникъ окажется легковѣрнѣе ребенка. Онъ запомнитъ все, что сказалъ ему Симанъ, что разскажутъ Хиллель и Якубъ, но спроситъ еще другихъ. Спроси въ Виѳсаидѣ, въ Капернаумѣ, въ Назаретѣ, спроси—кто знаетъ Симана? Никто, мой господинъ, не знаетъ. Если бы я былъ разбойникъ, или мошенникъ,—меня всѣ знали бы. А мирнаго фалляха никто, мой господинъ, не знаетъ. Не такъ ли?

— Да, пожалуй ты правъ.

— Ну вотъ, и господинъ сотникъ согласенъ. Мудрый человѣкъ всегда согласенъ съ правдой. Это ужъ давно сказано. Вотъ я разскажу тебѣ какой случай. Былъ я, мой господинъ, въ Виѳсаидѣ. Несли по улицѣ мертваго хоронить. Прохожіе останавливались и спрашивали: кто это? Кто померъ? И удивительное диво, мой господинъ! Даже тѣ, кои шли за гробомъ... А такихъ было немного: четверо несли гробъ, а трое шли на смѣну. Такъ вотъ, даже тѣ, что шли за гробомъ, не всѣ знали, какъ умершаго зовутъ. И всѣ останавливались и спрашивали его имя. Кто-то сказалъ: „Даніилъ померъ, померъ Даніилъ!“ Удивился я тогда, господинъ сотникъ, сильно удивился. И подумалъ: „Должно быть честный былъ этотъ человѣкъ, Даніилъ!“ Даже въ своемъ городѣ... А великъ ли городъ Виѳсаида, господинъ сотникъ, ты самъ знаешь!.. Даже въ своемъ городѣ его никто не знаетъ! Даже носильщикъ, который несъ его прахъ, не зналъ, какъ звали человѣка! Я проводилъ Даніила до могилы и всѣмъ говорилъ: „Померъ честный человѣкъ, Даніилъ!“ И плакалъ я, мой господинъ, истинно говорю, горько плакалъ, а почему,—и самъ не знаю. Умилительно было, что вотъ могъ же такъ прожить человѣкъ цѣлую жизнь, что не умри онъ, такъ его никто бы и не узналъ. Такъ же вотъ и я, Симанъ. Меня никто не знаетъ, значитъ я никому не сдѣлалъ худого, никого не смущалъ. И Хиллель тоже, и Якубъ... Всѣ мы люди мирные, честные евреи, мой господинъ.

Якубъ ѣхалъ на рословъ, черномъ ослѣ. Онъ былъ убитъ горемъ, вздыхалъ, плакалъ и въ теченіе перваго дня не хотѣлъ даже ѣсть. А на разговоры Симана отвѣчалъ только горестнымъ восклицаніемъ.

— Ахъ, Симанъ! Чѣмъ мы прогнѣвили Бога?

Но на слѣдующій день успокоился, привыкъ къ воинамъ, и они не казались ему страшными. Новые села и города развлекали его и приводили въ восторгъ. А когда съ Галилейскихъ горъ онъ впервые увидалъ безграничное море и сверкающую на водѣ солнечную дорогу, уходящую въ голубую даль, то пришелъ въ восторгъ, пѣлъ пѣсни и благодарилъ кесаря за то, что онъ вспомнилъ о немъ, Якубѣ Нажжарѣ, вывелъ его изъ Куры и показалъ красоты земли и моря. А то онъ такъ бы и померъ въ Курѣ, ничего не видавъ.

И всѣ трое весь день радовались, какъ дѣти, пока ѣхали вдоль моря до Тира.

Дорога шла сначала по зеленымъ низинамъ, потомъ поднималась на горы. И голубая пустыня моря развернулась шире. Проѣхали опасное мѣсто приморской дороги, „Скачекъ лошади“. Тропинка здѣсь вилась по обрыву и въ одномъ мѣстѣ прерывалась совсѣмъ. Лошадямъ приходилось дѣлать небольшой скачекъ съ камня на камень надъ пропастью. Римляне выкопали въ горѣ полукруглый обходъ, и дорогу можно было дѣлать безъ прыжка, но все таки она была узка и опасна.

Лошади и мулы тревожно прядали ушами, сторожко переступали по камнямъ ногами, тянулись длинной лентой. Внизу, на подводныхъ мѣловыхъ банкахъ синимъ молокомъ переливалось и шумѣло море. И привычные римскіе воины и наивные евреи-фалляхи,—всѣ ѣхали сосредоточенно, молча, въ жуткомъ восторгѣ надъ сверкающей глубиной.

Съ одной стороны, вплотную къ плечамъ, — скалы, а съ другой—безконечная голубая пустота надъ теплымъ моремъ. И каждый чувствовалъ, будто со стороны моря у него выростало крыло, широкое и могучее крыло. Но тѣмъ опаснѣе было это крыло, потому что было одно. И тѣлу напряженно хотѣлось прижаться безкрылымъ плечомъ къ горячимъ камнямъ, успокоиться отъ жуткаго чувства неуравновѣшенности и зовущей глубины.

Скоро вдали, въ сверкающемъ морѣ, увидѣли темносинюю груду Тира. Городъ съ двухъ сторонъ окрылился гаванями. Въ гаваняхъ двигались, вздымались и падали паруса, и городъ походилъ на какую-то тяжелую птицу. Птица эта собралась летѣть за море, но упала въ воду и протянула къ берегу узкій и длинный хвостъ. Тѣло ея неподвижно, а крылья движутся, шевелятъ перышками, но не могутъ поднять и унести грузное тѣло.

Долго ѣхали мимо каменнаго водопровода. Онъ протянулся по песчаному берегу арочнымъ, сводчатымъ тѣломъ,

точно гигантская гусеница. Когда ѣдешь вдоль него, кажется, — онъ движется, перебираетъ каменными ногами, ползетъ и шумитъ текучей водой. Вода сочилась, текла по стѣнамъ, и стѣны покрывались водорослями, заростали плющемъ, дикимъ макомъ и душистыми каперсами.

Все это радовало, удивляло и восхищало братьевъ. Но ближе къ Тиру настроеніе опять стало тревожнымъ. Усталыя лица воиновъ сдѣлались строгими. Они оправились въ сѣдлахъ, осмотрѣлись, подобрали короче поводья, вскинули на плечи копья. Короткія и отрывистыя приказанія сотника опять стали пугать Хиллеля, Якуба и Симана, грозили чѣмъ-то невѣдомымъ, говорили о суровой и сильной власти, которая выхватила ихъ, мирныхъ фалляховъ, съ тихихъ береговъ Геннисаретскаго озера, ведетъ въ далекіе края и можетъ сдѣлать все дурное.

На узкихъ и глубокихъ каменныхъ улицахъ Тира власть эта подошла совсѣмъ близко, показалась ощутимой. И Якубъ снова вслухъ затосковалъ, Симанъ тревожно оглядывался, только Хиллель ѣхалъ по прежнему спокойно и молча. И лицо его, какъ взлетающая птица, плыло вмѣстѣ съ плотнымъ тѣломъ надъ спиной мула и было исполнено того внушительнаго достоинства, которое такъ легко дается людямъ глуповатымъ и безпечнымъ.

При въѣздѣ на площадь, подъ сводомъ крытаго базара, центурію съ фалляхами встрѣтила небольшая толпа тирскихъ христіанъ. Они слышали, что воины привезутъ въ Тиръ родственниковъ Господа, увидѣли съ крышъ приближающійся отрядъ и второпяхъ собрались въ темномъ углу базара, чтобы взглянуть и сказать любовное привѣтствіе. Увидѣли среди воиновъ Симана, Якуба и Хиллеля, привѣтствовали нерѣшительно, еще сомнѣваясь, они ли потомки Господа?

— Миръ съ вами! Пусть будетъ счастливъ вашъ пріѣздъ!

Хиллель снялъ войлочную шапочку и отвѣтилъ на привѣтствіе съ достоинствомъ. Даже тоскующій Якубъ не утерпѣлъ и усмѣхнулся:

— Что ты, Хиллель! Пріѣхалъ въ Тиръ, какъ большой начальникъ. Думаешь,—это тебя встрѣчаютъ, тебя привѣтствуютъ?

Хиллель неторопливо одѣлъ свою голову и степенно возразилъ Якубу:

— Если я ошибся, тѣмъ лучше: эти добрые люди подумаютъ, что я первый ихъ привѣтствовалъ. А мы въ чужой странѣ. Насъ всякій можетъ обидѣть.

Но крики радостнаго привѣтствія повторились. Подталкивая другъ друга и сторонясь всадниковъ съ длинными копьями, торопливо шли мужчины, женщины, взрослые и

дѣти. Перебрасывались на ходу одинаковыми словами, точно мячомъ играли:

— Они?

— Да, да!

— Они?!

— Да!..

Бѣжали, нагибались, чтобы изъ-подъ лошадиныхъ мордъ заглянуть на дорогія черты потомковъ Великаго. На площади, передъ домомъ проконсула всадники окружили потомковъ іудейскаго царя, оттѣснили толпу къ домамъ, а сотникъ пошелъ доложить о пріѣздѣ проконсулу.

Старый сенаторъ приказалъ ввести потомковъ іудейскаго царя въ палаты. Принялъ ихъ торжественно, сидя въ консульскомъ креслѣ.

Вошли робкіе фалляхи, еще въ двери поклонились ему до земли и почти на четверенькахъ, согнувшись, поползли по коврамъ до проконсула, чтобы поцѣловать край его одежды.

Намѣстникъ увидѣлъ согнутыя спины, смиренныя грубыя лица, шишковатую, изъѣденную лишаями голову Хиллеля и нѣкоторое время молча и съ изумленіемъ разглядывалъ странныхъ людей. Потомъ разсердился, вскочилъ, затопалъ ногами, закричалъ на сотника, по старчески брызгая слюной. Грозилъ судомъ, съ гнѣвомъ говорилъ, что онъ смѣяться надъ собой не позволитъ. Махалъ дрожащими отъ старости руками, не слушая, что докладывалъ ему въ свое оправданіе сотникъ. Наконецъ, опомнился, утихъ и до выясненія дѣла велѣлъ заключить мужиковъ въ темницу.

С. Кондурушкинъ.

Новая фаза русской литературы.

Статья А. Герцена (Искандера).

(Переводъ Вал. Яковенко).

Отъ редакціи „Русскаго Богатства“.

Предлагаемая вниманію читателей статья А. И. Герцена появилась во французскомъ изданіи „Колокола“ въ 1864 году. Затѣмъ она была издана отдѣльной брошюрой, тоже на французскомъ языкѣ *), съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

Этотъ рядъ очерковъ А. И. Герцена (Искандера), напечатанныхъ впервые въ „Колоколѣ“ (франц. изданіе), появится позже по русски. Рекомендуемъ ихъ вниманію особенно тѣхъ, кто хочетъ составить себѣ понятіе о нравственномъ уровнѣ современной прессы, находящейся въ услуженіи петербургскаго правительства“.

Впослѣдствіи, однако, на русскомъ языкѣ эта статья не появилась и не вошла ни въ одно собраніе сочиненій Герцена. Такимъ образомъ для русскаго читателя она является новостью. Ея „боевая сторона“, то, для чего авторъ „особенно рекомендовалъ“ ее современнымъ ему читателямъ, отошла въ область исторіи. Кто теперь пожелалъ бы „составить себѣ понятіе о нравственномъ уровнѣ прессы, находящейся въ услуженіи петербургскаго правительства“, — найдетъ, пожалуй, матеріалъ и побогаче, и посвѣжѣе. Но сторона чисто литературная, но тѣ лучи, посредствомъ которыхъ такъ увѣренно и мѣтко Герценъ устанавливаетъ историко-литературныя перспективы, — сохраняютъ и до сихъ поръ интересъ яркой мысли и мастерского анализа.

---

*) Nouvelle phase de la littérature russe, par A. Herzen (Iskander); Bruxslles et Gand, 1864.

Въ годовщину рожденія знаменитаго русскаго писателя-изгнанника (25 марта 1812 г.) мы рады случаю дать читателямъ эту интересную „старую новинку", хотя бы только въ „переводѣ съ французскаго". *Ред.*

Новый періодъ литературы, возникшій послѣ смерти Николая и Крымской войны, періодъ пробужденія и порывовъ, въ родѣ нѣмецкаго Drang und Sturm, начинаетъ отчасти измѣнять свое направленіе. Пяти лѣтъ было достаточно, чтобы утомить правительство и общество. Правительство, послѣ освобожденія крестьянъ, испугалось, что оно слишкомъ ушло впередъ. На недоразумѣнія крестьянъ, порожденныя новыми указами, оно отвѣчаетъ картечью; на отказъ студентовъ подчиниться требованіямъ, какія предъявляются дѣтямъ,—казематомъ и ссылкой; 14 декабря 1861 г. вновь начинаютъ осуждать за политическія преступленія, и поэта Михайлова приговариваютъ къ каторжнымъ работамъ за воззваніе къ молодежи, воззваніе, которое не имѣло никакихъ послѣдствій.

Но, быть можетъ, еще удивительнѣе, что общество также начинаетъ выражать неудовольствіе. Оно кажется утомленнымъ свободою, прежде чѣмъ успѣло даже получить ее. Оно боится крайностей свободы, не успѣвъ насладиться ею.

Первое возбужденіе прошло, и все стремится успокоиться.

Недоставало лишь предлога, чтобы выступить на путь полной реакціи.

Полиція доставила его.

Чтобы выйти изъ тупика, она дѣйствуетъ рѣшительно, по старинному, и взваливаетъ на «красныхъ», на «соціалистовъ», и вообще на молодежь пожаръ, опустошившій одинъ кварталъ въ Петербургѣ, пожаръ, котораго она не сумѣла потушить и къ которому, быть можетъ, были причастны нѣсколько уличныхъ воровъ. Это происходило въ маѣ 1862 года.

Подобнаго обвиненія какъ бы только поджидали,—въ газетахъ поднимаются крики возмущенія противъ поджигателей. Требуютъ разслѣдованія и «строжайщаго наказанія». Обвиняютъ молодыхъ людей, которые распространяли родъ революціоннаго манифеста. «Московскія Вѣдомости» стараются установить причастность «Молодой Россіи» къ пожарамъ и домогаются перенести на нее отвѣтственность за дѣйствія поджигателей.

Общественное мнѣніе встревожено. Боятся въ Петербургѣ. Боятся въ Москвѣ. Боятся въ провинціи. Правительство должно спасти общество, успокоить умы; и, чтобы достигнуть этого, оно спѣшитъ арестовать нѣсколько сотенъ молодыхъ людей, студентовъ и писателей.

Участіе, принятое въ этой тревогѣ газетами, было прологомъ къ новой фазѣ русской журналистики, органы которой въ прошедшемъ году вызвали содроганіе въ Европѣ наглой откровенностью, съ какой они рукоплескали казнямъ въ Польшѣ и превозносили палачей.

Между тѣмъ слѣдствіе относительно пожаровъ продолжалось. Сотни лицъ были опрошены. Безчисленное множество квартиръ было обыскано. Нашли подпольные печатные станки, брошюры для распространенія, проекты конституціи, мечты утопистовъ; но не было обнаружено ни одного соучастника этихъ свирѣпыхъ поджигателей, которые задумали сжечь городъ, чтобы вызвать къ себѣ симпатіи его жителей.

Въ теченіе года слишкомъ продолжалось слѣдствіе по этому дѣлу, съ усердіемъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ, съ лихорадочной горячностью, при помощи всѣхъ средствъ, какими располагаетъ русская полиція...

И ни одного виновнаго.

Четыре раза «Колоколъ», издававшійся въ Лондонѣ, требовалъ назвать имена этихъ гнусныхъ Катилинъ, этихъ новыхъ Геростратовъ и въ частности сообщить о наказаніяхъ, которыя постигли ихъ... Гробовое молчаніе.

Князь Суворовъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, человѣкъ прямодушный и честный, составилъ отчетъ объ этомъ дѣлѣ и хотѣлъ опубликовать его. Но Валуевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, воспротивился этому, находя неудобнымъ объявлять гласно, послѣ цѣлаго года разслѣдованія, что ничего не раскрыто. Кромѣ того, онъ былъ того мнѣнія, что для правительства полезно держать подъ подозрѣніемъ безпокойныхъ и неугомонныхъ людей.

Правительство, встрѣтивши такую сильную поддержку въ своихъ реакціонныхъ намѣреніяхъ, тотчасъ же стало преслѣдовать съ ожесточеніемъ независимую прессу. Оно запрещаетъ журналы, сажаетъ въ крѣпость Чернышевскаго, самаго выдающагося публициста; оно угрожаетъ однимъ и подкупаетъ другихъ и такимъ образомъ успѣваетъ создать литературу порядка и *моральнаго оздоровленія*, какой до тѣхъ поръ никогда не существовало въ Россіи.

Цензура, перешедшая изъ своей канцеляріи въ литературу, дѣйствуетъ съ тѣхъ поръ орудіемъ гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ были ножницы. Возникаетъ система намековъ, полиція изъ корреспондентовъ. И послѣ всего этого возстаніе въ Польшѣ. Его только недоставало, чтобы отбросить всякую осмотрительность, всякое чувство приличія.

Вотъ объ этомъ-то странномъ, печальномъ періодѣ мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

I.

Русская литература начинается, собственно говоря, не ранѣе XVIII вѣка, т. е. съ реформы Петра I. Она, какъ новая Минерва, вышла изъ этой реформы, вооруженная съ ногъ до головы дипломами и въ академическомъ мундирѣ. Она не переживала наивнаго періода, свойственнаго нормальному росту. Она зарождается въ сатирахъ князя Кантеміра, пускаетъ корни въ комедіяхъ Фонвизина

и достигаетъ своего завершенія въ горькомъ смѣхѣ Грибоѣдова, въ безпощадной ироніи Гоголя и въ отрицаніи новой школы, не знающемъ ни страха, ни границъ.

Единственный великій поэтъ и великій художникъ, который по своему звучному и всеобъемлющему стиху, по своей эстетической уравновѣшенности, могъ бы составить исключеніе, это—Пушкинъ, и именно онъ нарисовалъ намъ печальный и вполнѣ оригинальный образъ Онѣгина, лишняго человѣка.

Правда, до насажденія цивилизаціи, были зародыши иной литературы; но эта послѣдняя не имѣла ничего общаго съ литературой цивилизованнаго періода. Языкъ, даже сами печатныя буквы,—все было иное. Это была простонародная, бѣдная литература, въ которой слышались первые отзвуки настоящаго лиризма и благочестивыя размышленія бѣглыхъ и преслѣдуемыхъ раскольниковъ. Это были печальныя, меланхолическія пѣсни, иногда, впрочемъ, впадавшія въ тонъ безумнаго веселія. Что же касается до религіозныхъ произведеній, то они всегда отличались мрачнымъ, суровымъ, аскетическимъ характеромъ.

Благодаря кормилицамъ, нянькамъ, разнымъ престарѣлымъ крѣпостнымъ пѣсни проникали иногда и въ цивилизованное общество. Подпольная же литература раскольниковъ оставалась скрытой въ лѣсахъ, въ нѣдрахъ общинъ, столь отдаленныхъ, что онѣ избѣгали двойного надзора,—православной полиціи и полицейской церкви. Лишь въ послѣднее время стали записывать эти пѣсни и эти мелодіи изъ устъ самихъ крестьянъ.

Однако, считаемъ необходимымъ съ самаго же начала предупредить читателей, что въ нашемъ очеркѣ,—какъ это было и въ старомъ русскомъ «хорошемъ обществѣ»,—мы вовсе не будемъ говорить объ этой первоначальной народной литературѣ, которая всегда находилась ниже просвѣтительнаго ценза русской имперіи. Занимающая насъ литература не представляетъ собою естественнаго полевого цвѣтка. Далеко нѣтъ, это—цвѣтокъ экзотическій, пересаженный, съ громадными издержками, въ императорскія петербургскія оранжереи. Грубыя руки крестьянина никогда не ухаживали за нимъ. Онъ развивался въ космополитическихъ нѣмецкихъ школахъ, въ казармахъ императорской гвардіи и въ бюрократическихъ канцеляріяхъ. Литература эта никогда не переступала за предѣлы круга дворянства и служилаго сословія и представляла сама по себѣ, въ сущности, своего рода должность. Это не покажется страннымъ нѣмцамъ: они имѣли «государственную философію», мы же имѣли государственную литературу, которую создавали предписанія правительства и внушенія полиціи. Но вотъ что очень странно: когда закончилось ея образованіе за счетъ государства, когда она почувствовала, что стоитъ сколько-нибудь твердо на собственныхъ ногахъ, она, съ замѣчательной неблагодарностью, перешла въ глухую оппозицію, въ ироническій и насмѣшливый протестъ.

Но было бы совершенно ошибочно думать, что эта искусственная литература, пересаженная съ запада и подкрашенная нѣмецкой настойкой (infusion), не была въ дѣйствительности ассимилирована русской средой и не ассимилировала себѣ въ свою очередь эту послѣднюю. Совсѣмъ напротивъ. Она пустила очень сильные корни въ каменистую, твердую, прикрытую грязью почву и развивалась тамъ болѣзненно, но упорно, пока не почувствовала себя хотя сколько-нибудь свободной отъ педантовъ-садовниковъ, которые жертвовали всѣмъ ради классической правильности и любили подрѣзываніе деревьевъ больше, чѣмъ самыя деревья. Она развивалась съ насмѣшкой на губахъ и съ презрѣніемъ въ сердцѣ къ окружавшей ее средѣ, какъ растутъ несчастные уличные мальчики большихъ городовъ, безъ воздуха и свѣта, между сараемъ и канавой, хилые, нервные, блѣдные, но обладающіе неисчерпаемымъ источникомъ выносливости и развитіемъ не по лѣтамъ. Подобно этимъ дѣтямъ, русская литература, въ первомъ періодѣ своего развитія, никогда не видѣла полей. Она никогда не удалялась отъ дворцовой прихожей, никогда не спускалась ниже послѣдней ступеньки **табели о рангахъ**. Она останавливалась тамъ, гдѣ исчезалъ чиновникъ и начинался простой смертный. И это было естественно, такъ какъ обыкновенный смертный, никѣмъ не обучаемый, не умѣлъ читать.

Безъ народной основы, безъ внутренней необходимости существованія, безъ воспоминаній, порвавъ съ прошлымъ, презирая все русское, за исключеніемъ грубой силы и военной славы, презирая, наконецъ, самое себя, видя смѣхотворное положеніе общества, приговореннаго, такъ сказать, правительствомъ къ каторжной цивилизаціи,—литература эта запечатлѣла на себѣ явные слѣды своего внезапнаго и революціоннаго происхожденія.

Петръ I хотѣлъ создать сильное государство, съ пассивнымъ народомъ. Онъ презиралъ русскій народъ, въ которомъ любилъ одну численность и силу, и доводилъ денаціонализацію гораздо дальше, чѣмъ дѣлаетъ это современное правительство въ Польшѣ.

Борода считалась за преступленіе; кафтанъ—за возмущеніе; портнымъ угрожала смерть за шитье русскаго платья **для русскихъ**,—это, конечно, nec plus ultra.

Правительство, помѣщикъ, офицеръ, столоначальникъ, управитель (intendant), иноземецъ только то и дѣлали, что повторяли—и это въ теченіе, по меньшей мѣрѣ, шести поколѣній—повелѣніе Петра I: перестань быть русскимъ, и ты окажешь великую услугу отечеству. Презирай отца, стыдись своей матери, забудь все то, что учили тебя уважать въ отчемъ домѣ, и изъ мужика, каковъ ты теперь, ты станешь образованнымъ и нѣмцемъ; а разъ ты станешь образованнымъ и хорошимъ нѣмцемъ, императоръ вознаградитъ тебя. Ты будешь бариномъ. Ты самъ будешь владѣть тогда крестьянами, и, при случаѣ, сможешь купить свою мать, если она крѣпостная, и

продать своего отца, если онъ не свободный *). Какое воспитаніе!

Не думайте, что мы сожалѣемъ, подобно московскимъ славянофиламъ, о нравахъ и обычаяхъ, господствовавшихъ въ Россіи до Петра I и вызвавшихъ необходимость насильственной революціи. Мы говоримъ здѣсь лишь о моральныхъ послѣдствіяхъ той странной педагогики, которую только что описали.

Царизмъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, ниже петербургскаго режима. Этотъ послѣдній таилъ въ себѣ закваску, бродило, какое-то безпокойство, порывъ къ будущему и, слѣдовательно, возможность выйти изъ даннаго положенія, тогда какъ старый порядокъ былъ совершенно лишенъ всякаго движенія, являя собою настоящій застой, отсутствіе знанія, идеала, цѣли. Находясь въ безопасности отъ внѣшнихъ враговъ, не страшась болѣе ни монголовъ, ни поляковъ, ни литовцевъ, царизмъ не зналъ, что ему дѣлать. Правда, онъ обнаруживалъ робкія покушенія на преобразованія; но тяжелая, сонливая атмосфера окутывала его византійскій тронъ. Народъ, несчастнѣе, чѣмъ когда либо, вслѣдствіе развитія крѣпостного права въ ширь и въ глубь, началъ уже, послѣ отчаянныхъ возстаній, отдаляться въ свое à parte. Москва превращалась въ своего рода арктическій Китай. Къ счастью, это не былъ покойный сонъ. Смутно чувствовался какой-то укоръ, мученіе; и безпорядочное броженіе не находившихъ себѣ исхода силъ, обнаруживая органическое недомоганіе, выражалось въ глубокой испорченности высшихъ классовъ.

И вотъ это-то недомоганіе, эта неудовлетворенность, скорѣе чувствуемая, чѣмъ ясно высказанная, нашла, наконецъ, своего выразителя въ неистовой, нетерпѣливой, приверженной ко всему новому личности Петра I. Петръ I, дѣйствительно, былъ принятъ за спасителя, такъ какъ онъ пробудилъ внезапно людей отъ сна и нещадно колотилъ тѣхъ, кто снова засыпалъ...

Это апатичное, пребывающее въ летаргіи общество было внезапно и насильственно увлечено какой-то лихорадочной дѣятельностью. Верхній слой, единственный пробужденный и втянутый въ движеніе, сталъ болѣе и болѣе отдѣляться отъ массы; всякія человѣческія отношенія между верхами и низами

*) Не слѣдуетъ думать, что это—преувеличеніе. Сынъ крестьянина, будучи солдатомъ, могъ, отличившись храбростью или прослуживши много лѣтъ, получить офицерскій чинъ, жениться на богатой женщинѣ и купить у своего бывшаго помѣщика имѣніе, къ которому принадлежало его семейство. Сынъ помѣщикъ имѣлъ полное право продать отца, и отецъ, представляющій собою лишь вещь, лишь собственность, никоимъ образомъ не могъ жаловаться на это или протестовать. У насъ встрѣчались въ деревняхъ бравые патріархи, которые, соединяя полезное съ пріятнымъ, продавали на американскій ладъ своихъ собственныхъ незаконныхъ дѣтей, рожденныхъ отъ нихъ несчастными служанками или крестьянками. И такой порядокъ вещей продолжался до 1861 года! (*Примѣч. Герцена*).

прекратились, и въ этомъ-то процессѣ отдѣленія и окончательнаго разрыва создалась русская литература, покровительствуемая правительствомъ, какъ одна изъ отраслей общественной службы. Стоитъ немного поразмыслить надъ этимъ страннымъ положеніемъ, чтобы увидѣть, каковы были тѣ двѣ единственныя тропинки, по которымъ эта литература могла двигаться. Ей оставалось выбирать лишь между безподмѣснымъ государственничествомъ, быть можетъ, даже искреннимъ, такъ какъ правительство представляло «цивилизацію», и ироніею, сарказмомъ. Это послѣднее направленіе единственно соотвѣтствовало положенію людей, находившихся между двумя нелѣпыми мірами, среди безпорядочной толчеи, настоящаго маскарада, гдѣ кишѣли самые вопіющіе контрасты, гдѣ личность не признавалась, гдѣ смѣшное переходило лишь въ ужасное и свирѣпое.

Это именно и случилось. Холодная и напыщенная поэзія дифирамбовъ и панегириковъ, скопированная съ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, не могла стать популярной даже среди петербургскаго общества. Державинъ, напримѣръ, былъ большой талантъ; но Державина, весьма цѣнимаго въ высшихъ школахъ, семинаріяхъ, среди духовенства и литераторовъ, Державина въ обществѣ уважали гораздо болѣе самого по себѣ, чѣмъ за его талантъ.

Первый значительный, серьезный, продолжительный литературный успѣхъ выпалъ на долю комедій Фонвизина, написанныхъ въ срединѣ царствованія Екатерины II. Фонвизинъ, человѣкъ весьма образованный, философъ въ смыслѣ энциклопедистовъ, самъ принадлежалъ къ высшему обществу и пробылъ довольно продолжительное время при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ; онъ не могъ сдержать своего сатирическаго вдохновенія при видѣ полуварварскаго общества съ утонченно-цивилизованными манерами. Онъ попытался воспроизвести эту удивительную путаницу на сценѣ, и это удалось ему въ совершенствѣ. Публика помирала со смѣху, видя осмѣянной себя безъ всякой пощады. Успѣхъ «Бригадира» *) былъ чрезвычайный, полный. Князь Потемкинъ, при всѣхъ его недостаткахъ, далеко не былъ лишенъ извѣстной широты пониманія; встрѣтивши послѣ перваго представленія «Бригадира», на которомъ онъ присутствовалъ, при выходѣ изъ театра, автора, онъ взялъ его за руку и сказалъ растроганнымъ голосомъ: «Фонвизинъ, умри теперь».

Но Фонвизинъ сдѣлалъ лучше. Онъ написалъ другую комедію. Успѣхъ «Недоросля» значительно превзошелъ успѣхъ «Бригадира». Это произведеніе сохранится навсегда въ русской исторіи и литературѣ, какъ картина нравовъ русскаго дворянства, возрожденнаго Петромъ I.

---

*) Начальникъ бригады, между полковникомъ и генераломъ, чинъ, не существующій болѣе въ русской арміи. (*Примѣч. Герцена*).

Этотъ первый смѣхъ—сатиры князя Кантеміра представляли лишь подражаніе—далеко отозвался и разбудилъ цѣлую фалангу даровитыхъ насмѣшниковъ, и ихъ-то смѣху сквозь слезы литература обязана своими крупнѣйшими успѣхами и большею частью своего вліянія въ Россіи.

Смѣхъ, это самобичеваніе, былъ нашимъ искупленіемъ, единственнымъ протестомъ, единственнымъ мщеніемъ, возможнымъ для насъ,—да и то въ предѣлахъ весьма ограниченныхъ.

Какъ только сознаніе пробудилось, человѣкъ съ отвращеніемъ увидалъ окружавшую его гнусную жизнь: никакой независимости, никакой личной безопасности, никакой органической связи съ народомъ. Само существованіе было лишь общественной службой своего рода. Жаловаться, протестовать,—невозможно! Радищевъ попробовалъ было. Онъ написалъ серьезную, печальную, полную слезъ книгу. Онъ осмѣлился поднять голосъ въ защиту несчастныхъ крѣпостныхъ. Екатерина II сослала его въ Сибирь, сказавъ, что онъ опаснѣе Пугачева. Смѣяться надъ собою было безопаснѣе: крикъ ярости преобразился въ смѣхъ, и вотъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сталъ раздаваться зловѣщій и безумный смѣхъ, который силился разорвать всякую солидарность съ этимъ страннымъ обществомъ, съ этой нелѣпой средой и который, боясь быть смѣшаннымъ съ нею, указывалъ на нее пальцемъ. Не существуетъ, кажется, другого народа въ мірѣ, который вынесъ бы это, и литературы, которая дерзала бы на это. Единственное исключеніе представляетъ, быть можетъ, Англія. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что великій смѣхъ Байрона и горькая насмѣшка Диккенса имѣютъ предѣлы. Наша же неумолимая иронія, наша страстная аутосекція ни передъ чѣмъ не останавливается, все разоблачаетъ безъ всякаго страха, такъ какъ у нея нѣтъ ничего святого, что она могла бы профанировать. Система воспитанія Петра I принесла свои плоды.

Самый большой литературный успѣхъ послѣ комедіи Фонвизина, и при этомъ лѣтъ 50—60 спустя, выпалъ, какъ и слѣдовало ожидать, на долю произведенія подобнаго же рода. Въ этотъ промежутокъ не появилось ничего крупнаго. Денаціонализированная русская мысль, смутная, нерѣшительная, безъ иниціативы, всецѣло поглощенная подражаніемъ, склоняясь то въ сторону мартинизма, то въ сторону энциклопедизма, порождала произведенія слабыя, безцвѣтныя, натянутыя, которыя и тогда мало читались, а теперь совсѣмъ позабыты.

Комедія Грибоѣдова *) появилась подъ конецъ царствованія Александра I; своимъ смѣхомъ она связывала самую блестящую эпоху тогдашней Россіи,—эпоху надеждъ и возвышенной юности,—съ темными и безмолвными временами Николая.

*) „Горе отъ ума“. (*Примѣч. Герцена*).

Чтобы вѣрно оцѣнить значеніе и вліяніе произведенія Грибоѣдова въ Россіи, надо вспомнить то время во Франціи, когда первое представленіе «Свадьбы Фигаро» имѣло тамъ значеніе государственнаго переворота.

Комедію Грибоѣдова читали, заучивали наизусть, переписывали во всѣхъ уголкахъ государства, прежде, чѣмъ она появилась на сценѣ, прежде цензорскаго imprimatur (дозволяется печатать). Николай разрѣшилъ постановку этой пьесы, чтобы лишить ее привлекательности запрещеннаго плода, и далъ свое согласіе на отпечатаніе ея въ урѣзанномъ видѣ, чтобы противодѣйствовать распространенію рукописныхъ экземпляровъ.

И опять-таки содержаніе пьесы составляетъ vacuum horrendum высшаго русскаго общества, въ особенности московскаго. Но это было уже не то доброе старое время, когда писалъ Фонвизинъ; за полстолѣтіе совершилось много перемѣнъ. Краски уже не такъ легки, и не такъ ужъ веселъ смѣхъ. Высшій свѣтъ Грибоѣдова лучше поддѣлывается подъ Парижъ, хотя все еще отъ него несетъ русской кожей на десять шаговъ.

Каково же было въ началѣ нашего вѣка это высшее московское общество, о которомъ на Западѣ составилось фантастическое представленіе, какъ о старыхъ боярахъ, упорствующихъ въ своей оппозиціи, имѣющихъ, хотя и ошибочныя, но все же убѣжденія? Объ этомъ можно составить себѣ довольно правильное понятіе, познакомившись съ замѣчательными письмами миссъ Вильмотъ, напечатанными въ приложеніи къ запискамъ княгини Дашковой *). Грибоѣдовъ, родившійся въ 1795 г., принадлежалъ къ этой же средѣ, и ему незачѣмъ было оставлять свой отчій домъ, чтобы увидѣть собственными глазами эти «призраки сановниковъ въ отставкѣ», прикрывающіе орденами и звѣздами цѣлыя бездны неспособности, невѣжества, тщеславія, угодливости, надменности, низости и даже легкомыслія; и вокругъ этихъ «покойниковъ, которыхъ позабыли похоронить», цѣлый міръ кліентовъ, интригановъ, тунеядцевъ, ведущихъ жизнь, преисполненную формализма, этикета и лишенную всякаго общественнаго интереса.

Не великъ промежутокъ между 1810 и 1820 годами, но между ними находится 1812 годъ. Нравы—тѣ же; тѣни—тѣ же; помѣщики, возвращающіеся изъ своихъ деревень въ сожженную столицу, тѣ же. Но что-то измѣнилось. Пронеслась мысль, и то, чего она коснулась своимъ дыханіемъ, стало уже не тѣмъ, чѣмъ было. И прежде всего, въ фокусѣ, который отражаетъ этотъ міръ, есть что-то новое, о чемъ не думалъ Фонвизинъ. У автора есть задняя мысль, и герой комедіи представляетъ лишь воплощеніе этой задней мысли. Фигура Чацкаго, меланхолическая, ушедшая въ свою

*) По англійски, 2 тома. (*Примѣч. Герцена*).

иронію, трепещущая отъ негодованія и полная мечтательныхъ идеаловъ, появляется въ послѣдній моментъ царствованія Александра I, наканунѣ возмущенія на Исаакіевской площади; это—декабристъ, это—человѣкъ, который завершаетъ эпоху Петра I и силится разглядѣть, по крайней мѣрѣ, на горизонтѣ обѣтованную землю... которой онъ не увидитъ.

Его выслушиваютъ среди молчанія, такъ какъ общество, къ которому онъ обращается, принимаетъ его за сумасшедшаго,—за буйнаго сумасшедшаго,—и за его спиной насмѣхается надъ нимъ.

II.

Краткій періодъ отъ 1812 до 1825 г. слѣдуетъ разсматривать, какъ послѣдній органическій періодъ цивилизаторской эпохи въ Россіи: дѣйствительно, программа была исполнена, даже превзойдена.

Хотѣли сильнаго государства,—Александръ возвращался изъ Парижа, окруженный штабомъ нѣмецкихъ правителей. Хотѣли образованнаго дворянства,—аристократическая молодежь была либеральна, даже революціонна и ни въ чемъ не уступала самымъ пылкимъ радикаламъ своего времени.

Съ того момента, какъ цивилизація почувствовала себя достаточно сильной, чтобы обходиться безъ покровительства, а правительство замѣтило, что она ускользаетъ отъ его благодѣяній и руководства, столкновеніе между покровительствующимъ деспотизмомъ и покровительствуемой цивилизаціей становится неизбѣжнымъ. Едва начавшаяся борьба окончилась въ пользу самодержавія. Режимъ неумолимыхъ репрессій на тридцать лѣтъ пріостановилъ всякія политическія начинанія, независимыя отъ правительства, задержалъ на устахъ зарождавшееся слово и загналъ мысль въ ея тайники, чтобы дать ей—конечно, совсѣмъ помимо желанія—совершенно иное направленіе, гораздо болѣе серьезное, чѣмъ раньше.

Когда общество пришло въ себя, послѣ всеобщаго унынія, вызваннаго терроромъ первыхъ годовъ царствованія Николая, одинъ страшный вопросъ сталъ все болѣе и болѣе проясняться отъ иноземныхъ предразсудковъ, привитыхъ намъ, отъ навязанныхъ готовыхъ мнѣній и усвоенныхъ традицій. Этотъ фатальный вопросъ предсталъ передъ мыслящимъ человѣкомъ и прозвучалъ еще разъ, подобно голосу Бога въ Библіи: «Каинъ, что ты сдѣлалъ съ братомъ твоимъ?»

Съ тревогой стали замѣчать отсутствіе народа. Увидѣли, что все зданіе русской цивилизаціи какъ бы виситъ въ воздухѣ и поддерживается посредствомъ веревки, конецъ которой находится въ рукахъ правительства. Но какова же была причина этого равнодушія народа, этой апатіи въ несчастіяхъ и страданіяхъ? Исторія

русскаго народа представляетъ, въ самомъ дѣлѣ, очень странное зрѣлище. Въ теченіе болѣе, чѣмъ тысячелѣтняго своего существованія, русскій народъ только и дѣлалъ, что занималъ, распахивалъ огромную территорію и ревниво оберегалъ ее, какъ достояніе своего племени. Лишь только какая-либо опасность угрожаетъ его владѣніямъ, онъ поднимается и идетъ на смерть, чтобы защитить ихъ; но стоитъ ему успокоиться относительно цѣлости своей земли, онъ снова впадаетъ въ свое пассивное равнодушіе, равнодушіе, которымъ такъ превосходно умѣютъ пользоваться правительство и высшіе классы.

Недоумѣніе вызываетъ въ особенности то обстоятельство, что народъ этотъ не только не лишенъ мужества, силы, ума, но, напротивъ, надѣленъ всѣми этими качествами въ изобиліи. Дѣйствительно, русскій крестьянинъ болѣе развитъ, чѣмъ земледѣльческій классъ почти во всей Европѣ; только Швеція, Швейцарія и Италія составляютъ нѣкоторое исключеніе.

Вопросъ ставился вообще слѣдующимъ образомъ. Русскій народъ, казалось, представлялъ собою геологическій пластъ, прикрытый верхнимъ слоемъ, съ которымъ онъ не имѣлъ никакого дѣйствительнаго сродства, хотя этотъ слой выдѣлился изъ него. Спящія силы, сокровенныя возможности, таящіяся въ этомъ пластѣ, никогда не были вполнѣ раскрыты; и онѣ могли пребывать въ такомъ состояніи до какого-нибудь новаго потопа, точно такъ же, какъ и могли прійти въ движеніе при столкновеніи съ другими элементами, способными вызвать этотъ пластъ къ новому существованію. Отсюда, естественно, возникалъ вопросъ: гдѣ эти элементы? каковы они? Если русскій народъ въ теченіе десяти вѣковъ своего существованія не пришелъ въ соприкосновеніе съ ними, то, кто знаетъ, прійдетъ ли онъ въ соприкосновеніе съ ними въ теченіе своего второго тысячелѣтія? Если нѣтъ, то ему остается только приготовиться къ существованію, аналогичному съ существованіемъ его сосѣдей въ Тибетѣ и Бухарѣ. Впрочемъ, для народовъ, которые не вступили еще въ исторію, время не считается; ихъ д ѣ й с т в и т е л ь н а я служба еще не началась.

Люди, не любящіе покидать проторенныхъ путей, путей, дѣйствительно очень надежныхъ, чтобы прійти изъ одного извѣстнаго мѣста въ другое извѣстное мѣсто, говорили прежде, какъ говорятъ и теперь: «Почему предполагаютъ, что русскій народъ можетъ пойти по иному пути историческаго развитія, чѣмъ тотъ путь, какимъ были выработаны учрежденія другихъ современныхъ народовъ?» Тѣ, къ кому обращались съ такимъ вопросомъ, могли лишь отвѣтить: «Почему? Да что мы знаемъ объ этомъ? Вѣдь мы не привилегію какую нибудь оберегаемъ, не преимущества какого нибудь требуемъ для русскаго народа. У Россіи такъ же нѣтъ особой миссіи, какъ у всякаго другого народа; эта іудейская идея никогда не была свойственна намъ. Мы лишь просто указываемъ

на фактъ. И такъ какъ мы можемъ утверждать, что въ русской жизни отсутствуетъ элементъ завоеванія, развитія городовъ, господства буржуазіи, то мы имѣемъ право сказать, что бродило, реактивъ, закваска, которая могла бы возбудить въ русскомъ народѣ, вызвать въ немъ нравственное, органическое броженіе, была еще неизвѣстна въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, и едвали можетъ быть предугадана въ настоящее время». Послѣ 1825 года стало ясно, что высшій классъ не обладалъ ею, этой закваской; такъ называемая цивилизація—еще того менѣе; не располагало ею и правительство. Правительство, покончивши со своею ролью «цивилизатора», имѣло за себя только одну силу, пріобрѣтенную имъ, да апатію народа.

Тогда-то тревога отчаянія и мучительный скептицизмъ овладѣли разбитой душой. Энтузіастъ Чацкій (герой комедіи Грибоѣдова), декабристъ въ глубинѣ души, уступаетъ мѣсто Онѣгину, герою Пушкина, человѣку скучающему и понимающему всю свою колоссальную ненужность. Онѣгинъ, который вступалъ въ жизнь съ улыбкой на устахъ, съ каждой пѣсню становится все болѣе и болѣе мрачнымъ и кончаетъ тѣмъ, что исчезаетъ не оставивъ никакого слѣда, никакой мысли. Типъ былъ найденъ; и, съ тѣхъ поръ, каждый романъ, каждая поэма имѣла своего Онѣгина, т. е. человѣка, осужденнаго на праздность, безполезнаго, сбитаго съ пути, человѣка, чужого въ своей семьѣ, чужого въ своей сторонѣ, не желающаго дѣлать зла и безсильнаго дѣлать добро, не дѣлающаго, въ концѣ концовъ, ничего, хотя и берущагося за все, исключая, впрочемъ, двухъ вещей: во-первыхъ, онъ никогда не становится на сторону правительства, и, во-вторыхъ, онъ никогда не умѣетъ стать на сторону народа.

«Тѣ, кто со временъ Николая говорили, что Онѣгинъ Пушкина есть Донъ-Жуанъ въ русской обстановкѣ, не понимали ни Байрона, ни Пушкина, ни Англіи, ни Россіи: они судили по внѣшности. Онѣгинъ—самое замѣчательное произведеніе Пушкина, оно поглотило половину его жизни. Эта поэма окончательно созрѣла въ тѣ грустные годы, которые слѣдовали за 14-мъ декабря, и можно ли говорить, что подобное произведеніе есть подражаніе!

«Онѣгинъ—ни Гамлетъ, ни Фаустъ, ни Манфредъ, ни Оберманъ, ни Тренморъ, ни Карлъ Мооръ; Онѣгинъ—русскій, временъ Николая; онъ былъ возможенъ только въ Россіи, тамъ онъ былъ неизбѣженъ, тамъ его встрѣчали на каждомъ шагу. Онѣгинъ—человѣкъ праздный, потому что онъ никогда ничѣмъ не занимался; человѣкъ лишній въ той сферѣ, въ которой находится, и не имѣющій достаточной силы характера, чтобы уйти прочь. Это человѣкъ, который испытываетъ жизнь до самой своей смерти и который желалъ бы испытать смерть, чтобы узнать, не лучше ли она жизни. Онъ за все брался и ничего не кончалъ; онъ думалъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше дѣлалъ; онъ уже старъ въ двадцать

лѣтъ и молодѣетъ благодаря любви, когда уже начинаетъ старѣться. Онъ, какъ и мы всѣ въ ту эпоху, постоянно чего-то ожидалъ, такъ какъ человѣкъ не могъ быть настолько безуменъ, чтобы вѣрить въ продолжительность такого порядка вещей, какой существовалъ въ то время въ Россіи. Но ничто не приходило, а жизнь уходила. Личность Онѣгина была такъ національна, что она встрѣчалась во всѣхъ романахъ, во всѣхъ поэмахъ, какія только находили себѣ какой-либо откликъ въ Россіи, и не потому, что ее копировали, но потому, что ее постоянно находили вокругъ самихъ себя или въ самихъ себѣ» *).

Чацкій, это — резонерствующій Онѣгинъ, его старшій братъ. «Герой нашего времени» Лермонтова—его младшій братъ. Онѣгина не трудно узнать даже во второстепенныхъ произведеніяхъ, хотя бы тутъ онъ появлялся въ утрированномъ видѣ и не вполнѣ обрисованнымъ. Если это не онъ самый, то по меньшей мѣрѣ его копія. Молодой путешественникъ въ «Тарантасѣ» графа Соллогуба— это Онѣгинъ, ограниченный и плохо воспитанный. Фактъ тотъ, что всѣ мы были болѣе или менѣе Онѣгиными, если только не предпочитали быть чиновниками или помѣщиками.

«Цивилизація насъ губитъ, сбиваетъ съ пути,—говорилъ я тогда **).—Это она дѣлаетъ насъ въ тягость другимъ и самимъ себѣ, праздными, безполезными, капризными; заставляетъ насъ переходить отъ чудачества къ разгулу, растрачивать безъ сожалѣнія свое состояніе, свою душу, свою юность и искать занятій, впечатлѣній, развлеченій. Мы всѣмъ занимаемся: музыкой, философіею, любовью, военнымъ искусствомъ, мистицизмомъ, чтобы развлечься, чтобы позабыть угнетающую насъ необъятную пустоту. Цивилизація и рабство, и между ними нѣтъ даже «клочка бумаги», который помѣшалъ бы этимъ двумъ крайностямъ, насильственно сближеннымъ, раздавить насъ внутренно или внѣшне... Намъ даютъ обширное образованіе, намъ прививаютъ желанія, стремленія, страданія современнаго общества, и намъ кричатъ: оставайтесь рабами, нѣмыми, пассивными, или вы погибнете! Взамѣнъ того намъ предоставляется право обдирать крестьянина и растрачивать за зеленымъ столомъ, или въ кабакѣ налогъ крови и слезъ, который мы беремъ съ него. Молодой человѣкъ не находитъ никакого живого интереса въ этомъ мірѣ холопства и мелоч-

*) «Du développement des idées révolutionnaires en Russie, par Iskander (A. Herzen). 2-e edition. London. (*Примѣч. Герцена*). См. русскій переводъ „А. И. Герценъ. О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи. Переводъ съ французскаго А. Тверитинова“, стр. 88—114 (изданіе Ф. Павленкова), или: „А. И. Герценъ. Движеніе общественной мысли въ Россіи“, съ приложеніемъ портрета А. И. Герцена и статьи «О сельской общинѣ въ Россіи». Перев. съ французскаго (изданіе Т-ва И. Д. Сытина). *Примѣч. переводчика.*

**) Ibid., какъ и цитаты ниже. (*Примѣч. переводчика*).

ного честолюбія. И тѣмъ не менѣе онъ осужденъ жить въ этомъ именно обществѣ, ибо народъ еще болѣе далекъ отъ него.

«Этотъ свѣтъ» состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ падшихъ людей той же породы, тогда какъ между нимъ и народомъ нѣтъ ничего общаго. Петръ I такъ основательно порвалъ съ традиціями, что нѣтъ такой человѣческой силы, которая могла бы возстановить связь съ ними, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Остается одиночество или борьба,—и у насъ нѣтъ достаточно нравственной силы ни на первое, ни на второе. Такимъ-то образомъ становятся Онѣгиными, если не погибаютъ въ публичныхъ домахъ или въ казематахъ какой-нибудь крѣпости. Мы украли цивилизацію, и Юпитеръ хочетъ наказывать насъ съ тѣмъ же ожесточеніемъ, съ какимъ онъ мучилъ Прометея».

Наряду съ Онѣгинымъ Пушкинъ изобразилъ Владимира Ленскаго, другую жертву русской жизни, оборотную сторону Онѣгина. Это—острое страданіе рядомъ съ хроническимъ страданіемъ. Это—одна изъ тѣхъ дѣвственныхъ, чистыхъ натуръ, которыя не могутъ приспособиться къ развращенной и безумной средѣ, которыя восприняли жизнь, но не могутъ ничего болѣе воспринять изъ нечистой почвы, кромѣ смерти. Жертвы искупленія, эти юноши проходятъ—молодые, блѣдные, съ печатью фатальности на лицѣ, какъ упрекъ, какъ укоръ, и печальная ночь, среди которой они жили, становится еще чернѣе.

Между этими двумя типами, между самоотверженнымъ энтузіастомъ, поэтомъ и усталымъ, огорченнымъ, безполезнымъ человѣкомъ, между могилой Ленскаго и скукой Онѣгина тянется глубокій и мутный потокъ цивилизованной Россіи, съ ея аристократами, бюрократами, офицерами, жандармами, ... , эта безформенная и безгласная масса низости, холопства, жестокости и зависти, которая увлекаетъ и поглощаетъ все;—«омутъ, какъ говоритъ Пушкинъ, гдѣ съ вами я купаюсь, милые друзья».

Изъ этого омута необходимо было выйти, во что бы то ни стало.

Но у порога къ выходу находился нашъ сфинксъ-народъ, съ его загадкой, которой никто не могъ разгадать!

Первое серьезное слово, которое было сказано, первая попытка разрѣшить загадку, попытка, приведшая, между прочимъ, къ совершенно отрицательному отвѣту, было извѣстное письмо Чаадаева.

Появленіе въ печати этого письма составляло одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій.

Это былъ вызовъ, обозначавшій пробужденіе; письмо это взломало ледъ послѣ 14 декабря. Наконецъ-то, пришелъ человѣкъ, душа котораго переполнилась горечью. Онъ обрѣлъ страшный языкъ, чтобы высказать съ печальнымъ краснорѣчіемъ, съ убійственнымъ спокойствіемъ всю ту горечь, которая накопилась въ душѣ образованнаго русскаго человѣка за эти десять лѣтъ.

Это письмо было завѣщаніемъ человѣка, отказывающагося отъ своихъ правъ не изъ любви къ своимъ наслѣдникамъ, но изъ отвращенія. Строго и холодно авторъ требуетъ отчета у Россіи во всѣхъ страданіяхъ, которыя она причиняетъ человѣку, осмѣливающемуся выйти изъ животнаго состоянія. Онъ хочетъ знать, что мы покупаемъ такой цѣной, чѣмъ мы заслужили такое положеніе. Онъ анализируетъ это положеніе съ глубокомысліемъ неумолимымъ, приводящимъ въ отчаяніе. И, покончивъ съ этой вивисекціей, онъ съ ужасомъ отворачивается, проклиная страну, ея прошлое, ея будущее. Да, этотъ мрачный голосъ раздался только для того, чтобы сказать Россіи, что она никогда не существовала по человѣчески, что она представляетъ одинъ лишь «пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія, великій урокъ для Европы». Онъ сказалъ Россіи, что ея прошлое было безполезно, что ея настоящее никому не нужно, и что она не имѣетъ никакого будущаго.

И рядомъ съ суровымъ старикомъ, произнесшимъ это отлученіе, молодой поэтъ Лермонтовъ писалъ:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно...
. . . .
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли.
. . . .
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ.
. . . .
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Чтобы показать съ полной ясностью перемѣну, происшедшую въ настроеніи умовъ послѣ 1825 г., лучше всего сравнить Пушкина съ Лермонтовымъ. Пушкинъ, часто недовольный и грустный, оскорбленный и полный негодованія, готовъ тѣмъ не менѣе заключить миръ. Онъ желаетъ его, онъ не отчаивается въ немъ; въ его сердцѣ постоянно звучала струна воспоминаній о временахъ Александра I. Лермонтовъ же такъ сжился съ безнадежностью, съ антагонизмомъ, что не только не искалъ выхода изъ этого поло-

женія, но даже не представлялъ себѣ возможными ни борьбу, ни примиреніе. Лермонтовъ никогда не умѣлъ надѣяться; онъ не жертвовалъ собой, такъ какъ ничто не вызывало его на жертву. Онъ не шелъ съ горделиво поднятой головой къ своему палачу, подобно Пестелю и Рылѣеву; онъ не могъ вѣрить въ дѣйствительность жертвы. Онъ бросился въ сторону и погибъ ни за что *).

Прибавимъ къ этому еще одну характерную черту.

Въ Россіи былъ тогда лишь одинъ живописецъ, пользовавшійся широкою извѣстностью, Брюлловъ. Въ чемъ же художникъ искалъ вдохновенія, каковы его сюжеты? Каковъ сюжетъ его главной картины, этого шедевра, который доставилъ ему извѣстность въ Италіи?

Посмотрите на это странное произведеніе. На громадной картинѣ вы видите группы испуганныхъ, остолбенѣвшихъ людей; они стараются спастись; они погибаютъ среди всеобщаго разрушенія: землетрясеніе, изверженіе вулкана, катаклизмъ; они падаютъ жертвами дикой, тупой, неправой силы, всякое сопротивленіе которой было бы безполезно. Таково вдохновеніе, навѣянное петербургской атмосферой.

Въ самый годъ смерти Лермонтова появились «Мертвыя души» Гоголя.

Наряду съ философскими размышленіями Чаадаева и поэтическимъ раздумьемъ Лермонтова, произведеніе Гоголя представляетъ практическій курсъ Россіи. Это рядъ патологическихъ очерковъ, взятыхъ съ натуры и написанныхъ съ огромнымъ и совершенно оригинальнымъ талантомъ. Гоголь тутъ не нападаетъ ни на правительство, ни на общество; онъ расширяетъ рамки своего произведенія и выходитъ за предѣлы столицъ; предметами его вивисекціи служатъ: человѣкъ лѣсовъ и полей, волкъ, дворянинъ; чернильная душа, лиса, мелкій провинціальный чиновникъ, и ихъ странныя самки. Поэзія Гоголя, его скорбный смѣхъ, это не только обвинительный актъ противъ подобнаго нелѣпаго существованія, но и мучительный вопль человѣка, старающагося спастись прежде, чѣмъ его заживо похоронятъ въ этомъ мірѣ безумныхъ. Подобный вопль могъ вырваться изъ груди, лишь при условіи, если у человѣка уцѣлѣли еще здоровыя части и сохранилась громадная сила возрожденія. Гоголь чувствовалъ—и многіе другіе чувствовали съ нимъ—позади мертвыхъ душъ души живыя.

Итакъ, нашлись люди, которые послѣ надгробнаго слова Чаадаева подняли голову и протестовали противъ выданнаго имъ свидѣтельства о ихъ смерти. «Наша исторія, говорили они, едва начинается. Къ несчастію, мы сбились съ своего пути; нужно возвратиться назадъ и выйти изъ тупика, куда втолкнула насъ своею властной и грубой рукой цивилизующая имперія».

---

*) Лермонтовъ былъ убитъ на дуэли въ 1840 г. (*Примѣч. Герцена*).

Смѣльчаки, отважившіеся отрицать цивилизующій режимъ нѣмецкой имперіи въ Россіи, впали въ крайнія преувеличенія, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, перепутали настоящій западъ съ петербургскимъ западомъ и пришли къ искусственному управленію Московскаго государства съ его узкими формами. Это была реакція, чудачество, нѣчто въ родѣ романтизма въ Германіи, или прерафаэлизма въ Англіи. Нетерпимость этихъ людей помѣшала Россіи съ теченіемъ времени признать великую инстинктивно угаданную правду, которою они безспорно обладали.

У славянофиловъ—подобно сэнъ-симонистамъ—было очень вѣрное, но случайное предчувствіе новаго порядка вещей; только вмѣсто того, чтобы разработывать его положительную сторону, они обратили это предчувствіе въ религію, и притомъ въ религію прошедшаго, совершенно не соотвѣтствовавшую ихъ же собственному представленію о русскомъ народѣ. Подъ наслоеніемъ правительственной цивилизаціи они открыли элементы иного существованія, и хотѣли воскресить учрежденія, при которыхъ эти элементы никогда не могли развиваться.

Письмо Чаадаева прогремѣло подобно выстрѣлу изъ пистолета въ глубокую полночь. Что это: извѣщеніе о какомъ-то бѣдствіи, зовъ на помощь, знакъ пробужденія, вопль скорби,—не важно. Несомнѣнно лишь то, что послѣ этого нельзя было больше спать.

На этотъ крикъ отчаянія славянофилы отвѣтили крикомъ надежды. Образовалось двѣ школы; исторія русской мысли до 1848 года и заключается преимущественно въ борьбѣ ихъ.

Между этими двумя крайностями образовалась вскорѣ независимая партія. Она не хотѣла воспринять ни религіи отчаянія, ни религіи надежды. Она отрицала вообще всякое навязанное вѣрованіе. Эта группа людей, ученыхъ, литераторовъ желала изучать вопросъ безъ всякой предвзятой мысли, произвести безпристрастное изслѣдованіе. Они не раздѣляли мрачнаго взгляда на будущее Чаадаева, но они отвергали и культъ мертвыхъ, проповѣдуемый славянофилами. Изъ ихъ именно рядовъ вышли самые замѣчательные люди того десятилѣтія: публицистъ и критикъ Бѣлинскій, профессоръ Грановскій и, наконецъ, авторъ «Записокъ охотника», Иванъ Тургеневъ.

Мы не станемъ вдаваться въ частности полемики, возникшей между этими партіями. Но важно указать, что люди, отчаивавшіеся въ Россіи, и люди, искавшіе спасенія въ прошломъ, всѣ мы, наконецъ, со всѣми оттѣнками надежды и вѣры, сомнѣнія и невѣрія, любви и ненависти, всѣ мы сходились въ одномъ—и тутъ Чаадаевъ, Хомяковъ *) и Бѣлинскій подавали другъ другу руки—и именно въ осужденіи императорскаго режима, установившагося при Николаѣ. Не существовало двухъ мнѣній

*) Панславистскій поэтъ. (*Примѣч. Герцена*).

относительно петербургскаго правительства. Всѣ люди, имѣвшіе независимыя убѣжденія, одинаково относились къ нему. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется странное зрѣлище, какое представляли тогда Московскіе литературные салоны, гдѣ люди, принадлежавшіе къ діаметрально противоположнымъ партіямъ, встрѣчались вполнѣ дружелюбно.

Въ то время существовала газета, хотя и не официальная, но редактируемая въ правительственномъ духѣ, «Сѣверная Пчела»- ее не считали серьезной газетой и относились къ ней, какъ къ дѣтищу полицейской канцеляріи. Бывали въ литературѣ случайныя проявленія холопства и прислужничества; но они всегда вызывали всеобщее негодованіе. Даже слава, какой пользовался Пушкинъ, не спасла его отъ общаго порицанія, вызваннаго письмомъ, съ которымъ онъ обратился къ императору Николаю. Гоголь потерялъ всю свою популярность послѣ нѣсколькихъ писемъ, въ которыхъ онъ становился на сторону власти. Одному поэту, шедшему своимъ путемъ, вздумалось какъ-то воодушевиться коляской и величественной, воинственной фигурой Николая; это стихотвореніе вызвало такое сильное негодованіе, что несчастный поэтъ, считая себя погибшимъ, сталъ просить, со слезами на глазахъ, прощенія у своихъ друзей за увлеченіе и клялся, что никогда болѣе не позволитъ себѣ унизиться подобнымъ образомъ.

Итакъ, —мы особенно настаиваемъ на этомъ,—вся литература временъ Николая была оппозиціонной литературой, непрекращающимся протестомъ противъ правительственнаго гнета, подавлявшаго всякое человѣческое право. Подобно Протею, эта оппозиція принимала всевозможныя формы и говорила на всевозможныхъ языкахъ. Слагая пѣсни, она разрушала; смѣясь, она подкапывалась. Раздавленная въ газетѣ, она возрождалась на университетской каѳедрѣ; преслѣдуемая въ поэмѣ, она продолжала свое дѣло въ курсѣ естественныхъ наукъ. Она проявлялась даже въ молчаніи и умѣла проникнуть, несмотря на стѣны и запоры, въ дортуары молодыхъ институтокъ, въ залы военныхъ упражненій въ кадетскихъ корпусахъ и въ залы богословскихъ диспутовъ въ семинаріяхъ.

И вотъ во время этого глухого и скрытаго прозябанія прогремѣло извѣстіе о февральской революціи.

Николай на этотъ разъ твердо рѣшился покончить безповоротно со всякимъ умственнымъ движеніемъ въ Россіи, и онъ вступилъ въ открытую, безпощадную борьбу съ мыслью, словомъ, знаніемъ.

Семь лѣтъ,—настоящій періодъ для испытанія по правилу Пиѳагора,—образованная Россія влачила жалкое существованіе въ глубокомъ, унизительномъ, оскорбительномъ молчаніи, чувствуя, что ей недостаетъ силы, т. е. что ей недостаетъ народа.

Нѣсколько недостаточно благоразумныхъ молодыхъ людей *) осмѣлились въ 1849 г. собираться на бесѣды о соціализмѣ и политической экономіи. Ихъ приговорили къ разстрѣлу; имъ прочли приговоръ на площади, завязали глаза и, заставивъ такимъ образомъ извѣдать шагъ за шагомъ всѣ муки агоніи, ихъ помиловали... на каторжныя работы. Молчаніе было водворено, и на сей разъ по настоящему.

Благо Бѣлинскому, умершему во время,—писалъ ко мнѣ Грановскій въ 1851 г.—Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее... Когда же рушится этотъ міръ? И онъ прибавляетъ: «Слышенъ глухой, общій ропотъ, но гдѣ силы? Тяжело, братъ, бремя нашей жизни»!

III.

На печальномъ досугѣ, какой установился въ тюрьмахъ послѣднихъ годовъ царствованія Николая, умы зрѣли быстро. Съ обѣихъ сторонъ молчали о томъ, что видѣли все съ большей и большей ясностью. Правительство все свело къ репрессіи, къ деспотизму порядка и ни въ чемъ не встрѣчало препятствія; однако Николай съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе и подозрительнѣе. Если онъ не уклонился отъ Крымской войны, то потому, въ сущности, что и самъ не давая себѣ отчета, желалъ какого-нибудь движенія въ этомъ застывшемъ, нѣмомъ и плачевномъ положеніи, которое начинало пугать его уступчивостью безъ убѣжденія и покорностью безъ инициативы. Онъ думалъ, что война во всякомъ случаѣ не послужитъ на пользу свободы, и затѣмъ... онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ! Давно ли въ самомъ дѣлѣ австрійскій генералъ на колѣняхъ умолялъ одного изъ его намѣстниковъ спасти апостольскій тронъ **), и Паскевичъ писалъ ему: «Венгрія у ногъ Вашего Величества».

Послѣ ряда пораженій въ Крыму, Николай съ ужасомъ понялъ, какъ слаба организація, для которой онъ пожертвовалъ всѣмъ. Его смерть означала сознаніе, отреченіе; Катонъ деспотизма, онъ не хотѣлъ пережить порядокъ вещей, надъ которымъ трудился тридцать лѣтъ, и который рушился при первомъ выстрѣлѣ изъ пушки.

Чары разсѣялись. Правительство и общество взглянули другъ другу въ лицо, какъ бы спрашивая другъ друга: — Правда ли это? И съ одной, и съ другой стороны были очень довольны,

---

*) Петрашевскій, Достоевскій, Спѣшневъ и др. (*Примѣч. Герцена*).

**) Генералъ графъ Кабога, не будучи въ состояніи убѣдить Паскевича, бросился въ присутствіи секретаря послѣдняго, Гильфердинга, на колѣни передъ нимъ и сказалъ: „Мой государь приказалъ мнѣ на колѣняхъ вымолить у васъ помощь“. (*Примѣч. Герцена*).

что то оказалась правда. Само правительство почувствовало, что съ его плечъ скатилось тяжелое бремя, и не скрывало этого. Александръ II поспѣшилъ заключить миръ съ союзниками и предоставить внутри государства нѣкоторую свободу, или, правильнѣе сказать, ослабить нѣсколько преслѣдованія.

Удивительная масса идей, мыслей была пущена тогда въ обращеніе. Все, что было погребено въ глубинѣ души вслѣдствіе вынужденнаго молчанія, вдругъ обрѣло языкъ, чтобы протестовать и выйти наружу. Если сравнить газеты и журналы послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая съ тѣми, которые явились полгода спустя послѣ его смерти, то можно было бы подумать, что ихъ раздѣляетъ, по меньшей мѣрѣ, четыре поколѣнія.

Совершенно естественно, что первымъ плодомъ такой внезапной свободы слова была обвинительная, описательно-патологическая литература. Само правительство открыло для гласности темные закоулки и низы бюрократіи, охраняя отъ нападокъ лишь высшія сферы. При такомъ условіи очистка низшихъ ступеней бюрократической лѣстницы становилась дѣломъ безполезнымъ. Тѣмъ не менѣе доставляло удовлетвореніе уже то, что можно было вывести на чистую воду, хотя бы отчасти, безпорядокъ, угнетеніе, невѣроятное лихоимство, свойственное этому тяжелому, безчестному и придирчивому режиму бюрократіи, въ одно и то же время нѣмецкой и азіатской, патріархальной и военной.

Такъ какъ правительство участвовало въ общемъ хорѣ, и только и говорило что о злоупотребленіяхъ, которыя необходимо искоренить, о духѣ вѣка, о потребностяхъ новой прогрессивной эпохи, то либерализмъ сталъ модой, даже средствомъ обратить на себя вниманіе. Генералы, ничего такъ не боявшіеся, какъ слова «свобода», не признававшіе слова «законность» и налагавшіе, послѣ каждаго смотра, тѣлесныя наказанія на солдатъ, начинали замѣчать, что въ сущности они были либералами, конечно, любящими порядокъ, но все же большими либералами. Каждый новый столоначальникъ, вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, не могъ обойтись безъ того, чтобы не высказать «своихъ прогрессивныхъ принциповъ» и не напомнить, что для Россіи наступила эра реформъ и улучшеній. Въ одномъ изъ университетовъ попечитель дошелъ до того, что сталъ упрекать профессора за недостаточно либеральную рѣчь, произнесенную на офиціальномъ торжествѣ. У чиновниковъ ни одинъ обѣдъ не обходился безъ прогрессивныхъ тостовъ и рѣчей. Головнинъ, нынѣ министръ народнаго просвѣщенія былъ того мнѣнія, что для награжденія чиновниковъ за ихъ независимость необходимо установить новый знакъ отличія ad hoc!

Чѣмъ распространеннѣе становился либерализмъ, тѣмъ болѣе онъ терялъ въ глубинѣ, силѣ, серьезности. Мрачно настроенное меньшинство, дѣлавшее своимъ молчаніемъ оппозицію въ царство-

ваніе Николая, было крѣпкаго закала. Слабые люди отходили тогда въ сторону, такъ какъ игра была слишкомъ опасная, а для тѣхъ, кто оставался, двухъ-трехъ словъ было достаточно, чтобы узнать другъ друга. Многорѣчивость была имъ не нужна. Они много ненавидѣли, а ненависть—сила. При Александрѣ II сила эта была притуплена словами. Правительство позволяло говорить; но можно было однако предвидѣть, что настанетъ конецъ этой терпимости. Что же касается народа, то онъ не принималъ никакого участія во всемъ этомъ,—онъ оставался въ своемъ à parte. Хотя онъ былъ равнодушенъ къ тому, что происходило наверху, но къ войнѣ, стоившей ему много крови, онъ относился иначе. Неудачи вызвали въ народѣ мысль, какой у него не было въ 1812 г.: поднимаясь массами на защиту страны, онъ думалъ о возможности добиться уничтоженія крѣпостного права. Въ Малороссіи дѣло дошло даже во возстанія крестьянъ, подавленнаго вооруженной силой того самаго правительства, на защиту котораго поднимались крестьяне.

Ясно было, что единственнымъ вопросомъ, который могъ вывести народъ изъ спячки и объединить его съ образованной Россіей, былъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ.

Въ то время какъ люди образованные занимались критическимъ изслѣдованіемъ заржавѣлыхъ колесъ дисциплинарнаго правительства Николая, правительство предложило на разсмотрѣніе великій вопросъ объ освобожденіи.

Дворянство вмѣсто того, чтобы постараться получить первый призъ за быстроту, признавъ добровольно историческую необходимость вопроса и взглянувъ широко на дѣло, стало въ упорную, мелочную оппозицію. Съ этого момента сила его была парализована. Народъ, брошенный въ объятія правительства, ожидалъ, съ наивной вѣрой, иной свободы отъ своего царя, золотой свободы... свободы съ землею . . . . ; но крестьяне, падая, проклинали дворянъ и сохраняли вѣру въ царя.

Правительство, которое до сихъ поръ обращалось съ народомъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и съ сугубою грубостью помѣщика и воина, начинало теперь понимать, какую силу придавалъ ему народъ.

Положеніе совершенно измѣнилось; правительство, поддерживаемое народомъ, могло бы смѣло идти впередъ въ 1860—1861 гг. и провести серьезныя реформы; но вмѣсто этого не успѣло оно ощутить себя сильнымъ, какъ употребило свою силу на то, чтобы повернуть назадъ и укрѣпить самодержавіе.

Пока продолжалась борьба между правительствомъ и дворянствомъ, литература всякихъ оттѣнковъ поддерживала правительство и его проекты освобожденія крестьянъ,—зрѣлище совсѣмъ невиданное. Но согласіе продолжалось недолго. Какъ только былъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи, одна часть литературы

перешла въ оппозицію и вступила въ глухую, неравную борьбу съ правительственной литературой, борьбу, вся тяжесть которой должна была неизбѣжно обрушиться на радикальную партію.

Сочувственное отношеніе русской молодежи къ Польшѣ, въ которой начались тогда печальные протесты въ видѣ церковныхъ процессій и траура, появленіе цѣлаго ряда прокламацій, отпечатанныхъ тайно въ Петербургѣ, и русскихъ книгъ и журналовъ, шедшихъ изъ заграничныхъ станковъ,—все это обострило борьбу.

Когда въ Варшавѣ пали первыя жертвы, въ Россіи случилось нѣчто неслыханное: студенты и офицеры, гвардейскіе и армейскіе, заказывали заупокойныя обѣдни по убитымъ полякамъ, и это происходило въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и въ воинскихъ частяхъ, расположенныхъ въ Польшѣ.

Правительство, не привыкшее къ подобнаго рода демонстраціямъ, пришло въ сильное раздраженіе, а слѣдующее, еще болѣе серьезное событіе, происшедшее въ Казани, довело это раздраженіе до крайности.

Студенты г. Казани собрались въ университетской церкви, чтобы помолиться за упокой души крестьянина Антона, разстрѣляннаго по приказанію графа Апраксина, какъ участника въ безоружномъ возстаніи, которое было подавлено съ кровожадной жестокостью; Щаповъ, профессоръ университета, изъ духовнаго званія, произнесъ рѣчь, посвященную памяти мученика. Этого правительство не могло вытерпѣть. Оно начало съ отдѣльныхъ преслѣдованій. Офицеры, заказывавшіе заупокойныя обѣдни по полякамъ, были отданы подъ военный судъ. Щапова тотчасъ же арестовали и бросили въ тюрьму тайной полиціи *). Политическіе процессы, почти прекратившіеся со смертью Николая, снова возобновились. Поэтъ Михайловъ за воззваніе къ молодежи, не имѣвшее никакихъ послѣдствій, былъ осужденъ на семь лѣтъ каторжныхъ работъ въ рудникахъ. Онъ находился въ дорогѣ, не успѣлъ еще прибыть на мѣсто своего назначенія, какъ новые аресты и новые процессы встревожили общество. Между арестованными находились военные, напр., Обручевъ, и даже гвардейскіе офицеры, какъ, напр., Григорьевъ.

Въ 1862 г. правительство отдало подъ судъ въ Варшавѣ трехъ молодыхъ русскихъ офицеровъ, Арнгольдта, Сливицкаго, Каплинскаго, и унтеръ-офицера Ростковскаго, за то, что они занимались пропагандой въ арміи, основали тайное офицерское общество и были преданы польскому дѣлу. Ихъ разстрѣляли, за исключеніемъ Каплинскаго, котораго приговорили къ каторжнымъ работамъ. Солдата Щура прогнали сквозь строй за то, что онъ не донесъ на офицеровъ.

---

*) Въ настоящее время онъ сосланъ въ Восточную Сибирь.
Примѣч. Герцена.

. . . .

Приговоръ относительно офицеровъ былъ подписанъ генераломъ Лидерсомъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ казни, ему въ Варшавѣ, въ общественномъ саду, раздробили пулей челюсть.

Крассвскій, заслуженный полковникъ, покрытый ранами и крестами, былъ выведенъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ Кіевѣ, на площадь; съ него сорвали эполеты и ордена, бросили ему одежду осужденнаго на каторжныя работы, заковали въ кандалы и отправили въ рудники на двѣнадцать лѣтъ. Преступленіе его состояло въ пропагандѣ между солдатами, которыхъ онъ убѣждалъ не стрѣлять въ крестьянъ.

Смущенное правительство не знало, ни какъ выпутаться изъ этого положенія, ни какъ сохранить либеральную репутацію, не дѣлая ни малѣйшей уступки. Задача предстояла трудная. Николай былъ гораздо счастливѣе, благодаря простотѣ своего деспотизма.

Преслѣдованія студентовъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ не имѣли успѣха; они были задуманы слишкомъ грубо и исполнены слишкомъ жестоко. Государь самъ замѣтилъ сдѣланную ошибку, отстранилъ адмирала отъ народнаго просвѣщенія, удалилъ Петербургскаго генералъ-губернатора и рѣшился испробовать новый, болѣе цивилизованный способъ дѣйствія.

Изобрѣтеніе этого новаго способа, который имѣлъ полный успѣхъ и подъ вліяніемъ котораго Россія находится еще и понынѣ, принадлежитъ, главнымъ образомъ, двумъ государственнымъ людямъ, молодымъ, просвѣщеннымъ, находящимся въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ. Мы говоримъ о министрѣ народнаго просвѣщенія, Головнинѣ, и министрѣ внутреннихъ дѣлъ, Валуевѣ.

Когда всѣ инструменты были надлежащимъ образомъ налажены, и оркестръ ожидалъ лишь взмаха палочки капельмейстера, а этотъ послѣдній удобной минуты, — подвернулся случай, какой судьба всегда посылаетъ тѣмъ, кто желаетъ этого, и кто располагаетъ силой. То былъ пожаръ, случившійся въ Петербургѣ, тотъ историческій пожаръ, о которомъ мы уже говорили въ предисловіи.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ

(Записки).

... Позвали сегодня на сходку... Думалъ, какое-нибудь серьезное дѣло, а оказалось, собрались по пустякамъ: дядѣ Налиму, старому, на половину выжившему изъ ума богатѣю, пользующемуся почему-то большимъ авторитетомъ, „взбрело въ башку“ сдѣлать міру предложеніе: не работать по праздникамъ въ продолженіе всей рабочей поры.

— Я и на сходку-то за этимъ пришелъ, православные,— сказалъ онъ,—давно не бывалъ, устарѣлъ... нонѣ вона какі хахали пошли: умные все, обученные... гдѣ намъ, дуракамъ!

И при этомъ смотрѣлъ въ мою сторону.

„Старики“ согласились съ его предложеніемъ и составили приговоръ, что, если кто ослушается и будетъ въ праздникъ работать, — съ того (въ этомъ-то вся и штука) „два двадцать“, т. е. на четверть водки.

Мнѣ стало досадно, и я заявилъ, что не согласенъ.

Поднялся крикъ... заспорили... Дядя Налимъ, весь трясясь, брызгая слюной, какимъ-то не своимъ, а бабьимъ визгливымъ голосомъ началъ ругать меня забастовщикомъ и богоотступникомъ.

Я плюнулъ, махнулъ рукой и ушелъ домой...

Вчера, въ Петровъ день по утру пришелъ ко мнѣ въ гости товарищъ. Пришелъ онъ съ фабрики верстъ за пятнадцать... Товарища этого я не видалъ давнымъ-давно и очень былъ радъ его приходу.

Дома у меня тѣснота: избенка старая, восьми-аршинная, необычайно мрачная, внутри вся заваленная разной рухлядью... Грязь, туча мухъ, тараканы, клопы, вонь отъ дѣтскихъ тряпокъ. Жена у меня—баба грязная, злая, худая, какъ палка, съ огромными глазами, то и дѣло кричитъ на дѣтей.

Кромѣ того, на моей шеѣ старая мать, слѣпая, помѣшанная (покойный отецъ мой, въ пьяномъ видѣ, избилъ ее полѣномъ, послѣ чего она помѣшалась). То про себя, то громко на всю избу бормочетъ она на печкѣ все одну и ту же молитву: „да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его"...

Принять гостя въ такой обстановкѣ было совѣстно: онъ заявился ко мнѣ такимъ франтомъ, что я просто ротъ разинулъ отъ удивленія. Поэтому я взялъ *потихоньку* отъ жены изъ кошелька, лежавшаго „у боговъ", полтину и повелъ его въ шинокъ, къ „Мюръ-Мерилизу"...

Этотъ „Мюръ-Мерилизъ" у насъ въ деревнѣ своего рода „бытовое явленіе"... Лѣтомъ онъ ѣздитъ съ таратайкой, зимой съ салазками по ярмаркамъ, а по престольнымъ праздникамъ возитъ „товаръ". Сверху у него селедки, пряники, лимоны, конфетки „ириски", а снизу—водка, такъ что у него можно и выпить, и закусить...

Онъ вдовый и одинокій, но въ избѣ у него просторно и чисто... Гостей принимаетъ ласково и привѣтливо. Можно заказать самоваръ, сварить яицъ и сидѣть, сколько угодно...

Мы пришли и сѣли къ столу... „Мюръ-Мерилизъ" подалъ, что надо, и отошелъ въ сторону, за переборку...

Всю мнѣ душу перевернули разговоры, съ товарищемъ. Я слушалъ его, и мнѣ было горько и обидно за себя... Какъ онъ далеко ушелъ отъ меня! Какъ я отсталъ во всемъ, озвѣрѣлъ, одичалъ, опустился!

Живетъ онъ на фабрикѣ табельщикомъ и получаетъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ. Дѣтей нѣтъ, жена тоже на мѣстѣ и тоже зарабатываетъ.

Вспомнили старину—то время, когда мы жили въ Москвѣ на чугунно-литейномъ заводѣ... 1905 годъ...

— Ну, какъ же ты живешь, товарищъ?—спросилъ онъ,— Крестьянствуешь, а?.. На землю сѣлъ... Да и постарѣлъ же ты сильно. Точно не ты это...

— Да не я и есть,—отвѣтилъ я.—Плохо живу... бѣдно, сѣро, дѣти, жена, мать убогая, отецъ померъ. Пока живъ былъ,—здѣсь работалъ, дома, а я на сторонѣ... Теперь мнѣ волей-неволей пришлось хозяйствовать... трудно... Плохо я зналъ хозяйство: съ дѣтства въ Москвѣ... Да и жену свою плохо зналъ: женили мальчишкой, работница въ домъ понадобилась... Пріѣдешь, бывало, домой на праздникъ, не поговоришь путемъ, да и не объ чемъ, собственно говоря, — глядь, черезъ девять мѣсяцевъ радость: Акульку Богъ далъ...

Онъ засмѣялся, а я угрюмо замолчалъ.

Въ это время вдругъ стекла въ одномъ изъ оконъ со

звономъ полетѣли въ избу, и вслѣдъ за тѣмъ я услыхалъ хорошо знакомый мнѣ голосъ жены:

— Разбойникъ! кабатчикъ! кровопійца!—кричала она на всю улицу,—кабакъ здѣсь открылъ... народъ спаивать... ахъ ты, сволота эдакая! Всѣ я твои рамы вышибу. Спалю, и суда мнѣ не будетъ!..

— Что это?—тревожно спросилъ товарищъ.

Я покраснѣлъ.

— А это, видишь вотъ, моя подруга жизни.

Жена набросилась на меня... Выступилъ на сцену взятый потихоньку полтинникъ.

— Жуликъ! Мошенникъ! Пьяница!—понеслось по улицѣ,— и пріятель твой такая же, должно быть, сволочь... Подохъ бы ты, чертъ... Му-у-читель! Взаправду вонъ люди-то говорятъ про тебя: забастовщикъ проклятый! Въ Москвѣ жить нельзя, мошеннику,—стало быть, хорошъ! Этапомъ пригнали.

Дальше я уже плохо помню, что было. Помню только, что я какъ-то очутился у себя въ избѣ и, весь трясясь отъ бѣшенства, держалъ надъ жениной головой топоръ и кричалъ:—„Убью! молчи, убью!“ Она, въ свою очередь обезумѣвъ, лѣзла на меня и вопила, тараща побѣлѣвшіе и вышедшіе изъ орбитъ, глаза:

— Бей, мучитель! бей! бей! на—бей!..

Дѣти... впрочемъ что ужъ... Тяжело!.. И стыдно, стыдно...

Товарищъ уѣхалъ, не повидавшись со мною больше...

Начался покосъ... Я проснулся задолго до восхода солнца. Сплю я не въ избѣ, гдѣ душно и множество насѣкомыхъ, а въ чуланѣ, сколоченномъ изъ досокъ.

Чуланъ этотъ одной стороной выходитъ въ сѣни, а остальными во дворъ, благодаря чему сильный запахъ навоза постоянно царитъ въ этомъ моемъ „кабинетѣ“... Мнѣ слышно, какъ жуетъ и вздыхаетъ корова... Пѣтухъ горланитъ надъ самой головой и будитъ меня. Поднявшись, я сую ноги въ опорки, надѣваю картузъ и выхожу на дворъ гдѣ на переводѣ виситъ съ вечера отбитая коса и лежитъ въ уголкѣ брусочекъ.

Взявъ то и другое, выхожу черезъ калитку въ огородъ и оттуда торопливо иду версты за полторы, на мѣсто покоса.

Покосъ у меня купленный, „снятой“, какъ говорятъ у насъ, за пять рублей въ сосѣднемъ селѣ у попа. Свой-же, котораго немного, я обыкновенно начинаю косить, когда управлюсь съ купленнымъ...

До восхода солнца еще не скоро... только что начинаетъ розовѣть востокъ... Свѣжо... туманъ стелется по низкимъ

мѣстамъ, какъ дымъ, во ржи кричатъ дергачи, гдѣ-то далеко крякаютъ утки... Каждый звукъ отчетливо и ясно слышенъ въ чуткомъ воздухѣ...

Трава и цвѣты стоятъ наклонившись, мокрые отъ росы.

Я иду, мало обращая вниманія на красоту природы... мнѣ не до того... Я думаю, какъ бы только успѣть побольше накосить травы, высушить и отвезти лишній возъ въ городъ на рынокъ... Денегъ нѣтъ. Мука на исходѣ... чай, сахаръ тоже...

Придя на мѣсто, я торопливо точу косу и начинаю „тяпать"... жикъ, жикъ! жикъ, жикъ!—раздается подъ косой, и мягкая мокрая трава ложится валами...

Кошу я по кустамъ, которые то и дѣло надо обкашивать вокругъ, что очень задерживаетъ и затрудняетъ работу. Пока мокро и не взошло еще солнце, я по возможности выбираю, гдѣ поразгонистѣй, по полянкамъ, чтобы подвалить побольше. Но вотъ огромнымъ огненнымъ шаромъ выплыло солнце, и все заблестѣло и ожило... Сверкаетъ роса, чирикаютъ птички, трещатъ кузнечики... Какой-то особенный бодрящій запахъ наполняетъ воздухъ. Я усердно кошу. Солнце поднимается все выше и выше. Верстъ за пять въ монастырѣ ударили къ заутренѣ. Я начинаю чувствовать голодъ.

— Хорошо-бы теперь попить чайку,—думаю я, дѣлая свальникъ.

Время идетъ, солнце начинаетъ нагрѣвать спину. Трава обсохла, только кое-гдѣ въ тѣни, за кустами лежитъ роса... Косу приходится точить чаще... чувствуется усталость, и ужасно хочется ѣсть.

— Скоро-ли принесутъ?—съ тоской и злостью голоднаго человѣка думаю я,—какого они тамъ чорта!..

Но вотъ, наконецъ, слава Богу, я слышу тоненькій голосокъ своего сынишки шагахъ въ двадцати отъ меня.

— Тя-я-я-тька... а тятькъ... гдѣ ты?

— Здѣсь... гопъ!—радостно кричу я,—сюда иди... гопъ!..

— Гопъ!—откликается сынишка и выходитъ изъ кустовъ, держа въ рукахъ узелокъ.

— Богъ помочь, тятькъ!—говоритъ онъ.—Много-ль накосилъ?

— Спасибо,—отвѣчаю я,—принесъ?..

— Принесъ... на, на, ѣшь... чай, поѣсь хотца?..

— Да, есть таки малость,—отвѣчаю я, вѣшая косу на сучекъ.—Ну, давай, чего ты тутъ мнѣ?

Беру узелокъ, развязываю концы... Все то же: ломотокъ черстваго хлѣба и въ чашкѣ кислое снятое „синь-синемъ" молоко съ творогомъ... „Лаженое", какъ говорятъ у насъ.

Сынишка садится возлѣ меня и смотрить, какъ я ѣмъ.

— А вы позавтракали?—спрашиваю у него.—Топила мать печку-то?

— Истопила,—отвѣчаетъ онъ,—у ней нонче хлѣбы.. лепешекъ напекла. Мы ѣли...

— Что же ты мнѣ, чудакъ, не принесъ лепешку-то? говорю я,—сами ѣли, а объ отцѣ забыли... Нехорошо, братъ.

Я огорченъ и обиженъ. Мнѣ кажется, что одна-двѣ лепешки скрасили бы мнѣ весь этотъ день... Никто обо мнѣ не подумаетъ. Сынишка смотритъ на меня вопросительно и смущенно. Глаза у него большіе, круглые...

— Я не знаю... мамка ничего не сказала...—говоритъ онъ печально.

— Что она дѣлаетъ-то?

— Сѣно на усадьбѣ трясетъ.

Молчимъ...

— Тятькъ!—окликаетъ онъ меня, немного погодя.

— Ну?..

— Купи мнѣ, поѣдешь въ городъ, ножикъ вонъ такой, какъ у Мартына у пастуха... косной... во-о-стрый, разво-острый!.. во, каку палку такъ до разу и перемахнетъ!..

— Ладно. На вотъ чашку, тащи къ матери... Спасибо..

Онъ уходитъ. Я беру косу и принимаюсь за дѣло.

Жарко... я весь мокрый отъ поту. Больно спинѣ... Злоба острая и мучительная наполняетъ душу, и вмѣстѣ съ тѣмъ тоска и дума о дѣтяхъ, о себѣ... Все то же, одно, одно и одно!..

Къ полднямъ, когда солнце стоитъ прямо и печетъ немилосердно, бросаю косить и, усталый, съ трясущимися руками, облитый потомъ, озлобленный и голодный, иду домой обѣдать...

Вхожу въ избу... сердце сжимается еще сильнѣйшею тоской...

Жара... духота... пахнетъ хлѣбами... Полъ черный, загаженный, тряпки. Тучи мухъ повсюду. Люлька на длинномъ во всю избу „оцѣпѣ“ виситъ посреди избы, и въ ней на какихъ-то издающихъ острый запахъ тряпкахъ ворошится и оретъ золотушный съ болячками на головѣ ребенокъ. Жена, обтрепанная, босикомъ, потная, злая, ругается и кричитъ на дѣтей:

— Чтобъ вы передохли, проклятые, дай-то, Господи...

На печкѣ, несмотря на страшную жарищу, лежитъ мать и по обыкновенію бормочетъ, какъ тетеревъ на току, все одно и тоже: „да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его“...

Сажусь къ столу, предварительно оторвавъ отъ висящаго на стѣнкѣ, купленнаго какъ-то зимой отрывнаго кален-

даря листочекъ и читаю. Сначала „мысли о воспитаніи", потомъ „народная мудрость", потомъ „меню"... Этотъ „отдѣлъ" особенно привлекаетъ мое вниманіе... Читаю:

„1. Супъ-пюре изъ чечевицы. 2. Каплунъ съ компотомъ изъ сливъ. 3. Вафли и молоко"...

— Ѣстъ кто-нибудь и это,—думаю со злостью, глотая слюну,—черти проклятые...

И я чувствую, какъ острая ненависть противъ этихъ невѣдомыхъ людей, для которыхъ составлено это „меню",—сжимаетъ мнѣ грудь...—А я вотъ... За что?..

— Ты что за столъ-то сѣлъ, жрать что-ли, а?..—спрашиваетъ жена...

Я нѣкоторое время почти съ ужасомъ гляжу на нее... Господи, на что только похожа эта „все выносящаго русскаго племени многострадальная мать".

— Что у тебя другихъ-то словъ нѣту, что-ли?—говорю ей,—„жрать", „чертъ", „сволочь", только отъ тебя и слышно. Не можешь ты и говорить по людски...

— А что?—не понимая и глядя на меня, спрашиваетъ она.

— Давай ѣсть,—махнувъ рукой, говорю я—ладно ужъ...

— Успѣешь... У меня вонъ съ ранняго утра маковой росинки во рту не было... Звалъ бы щенятъ-то... Залѣзъ, разсѣлся, лба не перекрестилъ... давай ему!.. Было бы чего, спроси сперва, жрать-то... много-ль припасъ-то съ умной своей головой?..

— Вонъ тоже,—продолжаетъ, не умолкая, жена,—на печи дьяволъ лежитъ, не подыхаетъ... Корми ее... бормочетъ съ утра до ночи не вѣсть что, голову индо вскружила... пришибить бы, что-ли... да грѣха боюсь...

— Давай!—кричу я.

— Сейчасъ!.. Чего орешь то? не великъ господинъ...—На, жри, не подавись!—говоритъ она, ставя на столъ чашку, въ которой что-то дымится и издаетъ „духъ".—Посоли, я даве забыла посолить-то...—Капуста вотъ вся доходитъ, на днѣ осталось самая малость... Мука тоже вся—продолжаетъ она съ какимъ-то злорадствомъ—еще на одни хлѣбы, а то и нѣту... Царица небесная, матушка! Что намъ дѣлать-то, что намъ дѣлать-то?! Какъ мы жить-то будемъ... батюшки-свѣты, батюшки-свѣты!..

Я отодвигаю чашку и встаю.

— Ѣшь,—сквозь слезы говоритъ она,—что же ты?.. Хлебай еще... молока дать?..

— Не надо. Сѣно-то тамъ на усадьбѣ просохло, небось?—спрашиваю я.—Сейчасъ его убирать или какъ?

— Знамо, сейчасъ... чего ему валяться-то... оно давно

поспѣло... сейчасъ уберемъ его... да за тѣмъ поѣдемъ, сгребать... Натяпалъ волочужку, а?

— Больше.

— Ну да, больше! Ты все такъ говоришь, а начнемъ сгребать, нѣтъ ничего... положить подъ себя охапку, и вся твоя работа... Люди-то вонъ, посмотри, какъ работаютъ... а ты тяпъ, тяпъ! тяпъ, тяпъ! Руки бы отшибъ, ей-Богу!..

— Да ну тебя къ чорту!—наконецъ потерявъ терпѣніе, кричу я,—чортъ!

— Чортъ-то самъ четвёртъ!—кричитъ она мнѣ вдогонку.

. . . .

Перетаскавъ съ усадьбы въ сарай сухое сѣно, мы съ женой, бросивъ ребятишекъ однихъ, ѣдемъ сгребать траву, которую я накосилъ давеча... Ее привеземъ сюда же на усадьбу и здѣсь высушимъ.

Работаемъ оба молча, подальше другъ отъ друга... Она кладетъ свою скирду, а я свою... Если мы сойдемся вмѣстѣ, то непремѣнно начнемъ „лаяться".

Впрочемъ, когда собранную траву приходится навивать на телѣгу,—жена становится на возъ, а я подаю.

— Что ты, — кричитъ она, — словно, прости Господи, по яйцамъ ходишь... по рублю ступень... До коихъ же поръ мы съ тобой здѣсь пробудемъ? Ишь накосилъ, глядѣть не на что, а тоже, какъ и путный, пошелъ на работу изъ дому, чѣмъ свѣтъ... Вонъ посмотришь, добрые-то люди...

Привезя домой на усадьбу траву, мы раскладываемъ ее на маленькія кучки, чтобы она за ночь не сгорѣлась и не почернѣла. Жена идетъ ставить самоваръ, а я отпрягаю лошадь и дѣлаю кое-что около сарая: подгребаю ошурки, очесываю сторону...

Самоваръ у насъ почему-то ужасно долго не поспѣваетъ, а передъ тѣмъ какъ „поспѣть", имѣетъ одну особенную привычку: начинаетъ жалобно „выть". Это его вытье въ нѣкоторомъ родѣ крестъ моей жизни. Какъ только онъ заведетъ свою пѣсню, жена заводитъ свою:

— Ну, завылъ, притка тебя задави!—говоритъ она,—вой, вой, собака, на свою голову!.. Ужъ не иначе,—обращается она ко мнѣ,—ужъ вспомяни ты мое слово, не передъ добромъ это онъ воетъ... Ужъ, знаю я, выживаетъ кого-нибудь... Да кого-жъ, правда, окромя меня?.. тебѣ вотъ радость будетъ: другую заведешь по своему скусу, умную... а то я для тебя вѣдь дура, гдѣ мнѣ супротивъ тебя... А зачѣмъ бралъ меня таковскую-то, а? Искалъ бы умную, коли я тебѣ опротивѣла... Я бы, можетъ, безъ тебя-то въ тыщу разовъ счастливше была... Я тебѣ не какая-нибудь досталась... измываться-то надо мной...

Напившись чаю, я иду снова косить. Домой возвращаюсь ночью... Возвращаюсь усталый, голодный, и сейчасъ же, поужинавъ тѣми же щами, что и за обѣдомъ (къ вечеру, впрочемъ, они дѣлаются еще хуже), иду къ себѣ въ чуланъ и ложусь спать.

Но уснуть скоро не могу: въ голову лѣзутъ мысли торопливыя, назойливыя, пугающія.

И такъ каждый день!.. Сколько еще ихъ впереди?..

Сегодня у меня горе: кто-то ночью повалилъ двѣ колодки пчелъ, залилъ ихъ и такимъ образомъ погубилъ. Когда я увидалъ это злое дѣло,—каюсь, заплакалъ... У меня всего только четыре колодки, и мнѣ не легко было развести ихъ.

Но дѣло даже не въ этомъ,—Богъ съ ними, съ пчелами! Но какая же злоба и какая дикая тьма должны быть въ человѣкѣ, чтобы сдѣлать такое дѣло!..

Думаю, что это мнѣ за вчерашнее... Вчера былъ праздникъ—Казанская, а я послѣ обѣда работалъ. Вышелъ цѣлый скандалъ, чуть не драка, но я всетаки сдѣлалъ по своему. Съ какой стати долженъ я подчиняться выдумкѣ какихъ-то дикарей, у которыхъ одна цѣль—выпить?..

Они кричали:

— Что ты, сукинъ ты сынъ, за таковскій выискался, одинъ противу міра идешь, а?

— Я противъ міра не иду—сказалъ я имъ,—а противъ вашихъ порядковъ иду. Кто не хочетъ работать—не работай, а я хочу, и никто не смѣетъ мнѣ запретить.

Скандалъ этотъ начался у меня на усадьбѣ. Я трёсъ сѣно. Вижу, идетъ ко мнѣ, опираясь на палку, дядя Налимъ. Я сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю его. Онъ подошелъ и, не сказавъ обычнаго: „Богъ помочь!"—спросилъ:

— Порабатывашь?

— Да,—отвѣтилъ я,—погода хорошая... вёдро... чего-жъ зѣвать. Завтра, почемъ знать, можетъ, дождикъ пойдетъ... пропадетъ добро.

— Та-а-къ, правильно!.. А вѣдь нонѣ,—продолжалъ онъ, помолчавъ, — люди сказываютъ, праздникъ большой, въ кругу. Нонѣ Пресвятыя чудотворныя иконы Казанскія Божія Матери, а?.. Забылъ, знать? Какъ ты, басурманъ, полагаешь? Не слыхалъ звону-то?.. Ты въ храмъ-то Господній сходилъ, а? Ахъ ты, сукинъ ты сынъ!.. возьму вотъ палкой, да начну охаживать... Забылъ, что надысь на сходкѣ говорено было... Забылъ?

— Помню,—сказалъ я,—да мнѣ наплевать, что вы тамъ порѣшили.

— Наплевать, а?.. Наплевать тебѣ?.. Проплюешься, сукинъ ты сынъ, проплюешься. Ахъ ты, мошенникъ ты эдакой, пра-а-хвостъ! Язва! Погоди, мы съ тобой сдѣлаемъ... заплюешь ужо...

Онъ ушелъ, а спустя полчаса послѣ его ухода ко мнѣ прибѣжалъ сынишка и, запыхавшись, выпалилъ:

— Тятька, тятька, иди скорѣе... Таматка къ намъ подъ окошки мужики пришли, тебя зовутъ... ругаютъ тебя стра-а-а-сть какъ!

Дѣйствительно, подъ окнами моей избы собралась кучка мужиковъ изъ самыхъ отборныхъ пьяницъ и горлопановъ.

— Вотъ онъ,—ткнулъ на меня пальцемъ дядя Налимъ,—возьмите вотъ его боготступника... „Мнѣ, гытъ, наплевать на все... Я, гытъ, по своему дѣлать стану. Я, гытъ, не намѣренъ васъ слушать"...

На меня набросились со всѣхъ сторонъ, требуя „два двадцать". Я сказалъ: не дамъ. Начался крикъ, сквернословіе, трясеніе кулаками... „зубы вышибить" „придушить" и т. д. Вообще вышла безобразнѣйшая сцена, на которую, разинувъ рты, смотрѣли мои дѣти.

Въ заключеніе, кто-то крикнулъ:

— Погоди, такой сякой, болѣ отдашь!.. спокаешься, взвоешь; мы тебя найдемъ...

И вотъ, дѣйствительно, нашли...

Невеселую картину представляетъ наша деревня. Чѣмъ живетъ она помимо „жратвы"—неизвѣстно.

У меня какъ-то разъ вышли всѣ чернила... Идти за другими въ лавку далеко, а было нужно: пришла баба съ просьбой—написать письмо въ Москву къ сыну... Пойду, думаю, спрошу у сосѣда, нѣтъ ли молъ. Прихожу, спрашиваю.

— Что ты,—говоритъ,—Господь съ тобой, каки у насъ чернилы? На кой они намъ лядъ...

Обошелъ всю деревню, всѣ тридцать два двора, и нигдѣ не нашелъ...

Живемъ, точно отрѣзанные отъ всего міра. То, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, до насъ не касается. „Мало ли чего таматка господа придумаютъ... Наше дѣло маленькое... намъ бы хлѣбушка, а больше ничего и не надыть"...

Всѣ не то чтобы избѣгаютъ другъ друга, а какъ-то удивительно злобно ненавидятъ. Если случилось горе, бѣда, то это для другихъ радость... Неистощимая тема для разговоровъ.

— Такъ ему, сукину сыну, и надыть... Подъ другими-то рылъ яму, самъ въ нее и ввалился... Богъ-то наказалъ...

Всѣ и каждый слѣдятъ другъ за другомъ: куда поѣхалъ, что сдѣлалъ, что купилъ, что съѣлъ, что выпилъ?..

Все, что за послѣдніе годы волновало и волнуетъ нашу „многострадальную Русь", какъ-то прошло мимо нашей деревни стороной, не задѣло и краемъ, а если и задѣло, то какъ-то по дурацки, совсѣмъ не такъ, какъ надо, а шиворотъ на выворотъ. И мнѣ кажется, что не скоро опять задѣнетъ такъ, какъ надо...

А кто виноватъ?..

Впрочемъ, какое мнѣ дѣло?.. Мнѣ самому, я выразить не могу, до чего мнѣ надоѣло это нищенское прозябаніе, грязь душевная и тѣлесная, тѣснота!.. Эта проклятая „власть земли"!..

Убить-бы, что-ли, кого-нибудь, обобрать, плюнуть бы на все!..

Ходили къ попу на помочь всей деревней косить лугъ. Косить начали послѣ обѣда, часу во второмъ и къ вечеру, еще далеко до заката солнца, кончили...

Батюшка сдѣлалъ угощеніе. Подносилъ каждому самъ чайной чашкой... Закусывали огурцами да селедками „рѣзанныя горлушки".

Въ концѣ-концовъ всѣ перепились и стали кричать пѣсни. Батя тоже „выпимши" стоялъ посреди насъ и дирижировалъ, махая по воздуху обѣими руками.

Домой на ночь я не попалъ... Ночевалъ гдѣ-то во ржи и потерялъ картузъ...

Отвратительно чувствую себя послѣ этой помочи... Тоска невыносимая, и стыдно, точно укралъ что.

О, сколько разъ я давалъ зарокъ не пить,—но нѣтъ, не могу, не могу, не могу!..

Водка... Что такое водка въ деревнѣ и какъ ее пьютъ?.. Водка это—все... За водку сдѣлаютъ, что угодно...

И, странное дѣло,—мнѣ кажется, пьютъ ее не затѣмъ, что пріятно пить, а потому, что каждый не увѣренъ въ своей жизни, т. е. не увѣренъ, что онъ твердо стоитъ на ногахъ и не упадетъ, какъ ребенокъ, только что начавшій переступать.

Боязнь жизни и заставляетъ пить. „Хоть часъ, да мой!" Мнѣ вотъ думается, что если бы, допустимъ, у меня было все хорошо, т. е. зналъ бы я, что и сегодня, и завтра буду сытъ, обутъ, одѣтъ, въ чистой избѣ, не съ дикой бабой

а съ дѣйствительной подругой жизни, не съ золотушными, малокровными, пузатыми дѣтьми, и что впереди мнѣ бояться нечего, то я не пилъ-бы такъ или даже совсѣмъ бы не пилъ... Но... Страшно жить такъ, а какъ перемѣнить эту жизнь? Кто ее перемѣнитъ? кто поможетъ?..

Я часто съ грустью и съ болью въ душѣ думаю, что тѣ люди, которые хотѣли перемѣнить нашу жизнь къ лучшему, всѣ погибли... И кто изъ тѣхъ, за кого они погибли, вспоминаетъ ихъ добрымъ словомъ?

Можетъ быть (впрочемъ, даже навѣрно), придетъ время— вспомянутъ, только долго-долго ждать этого! Мнѣ не дождаться, а дѣти... Страшно подумать, а похоже на то, что и дѣти не дождутся!

Дѣти, дѣти... Господи, что мнѣ съ ними дѣлать?.. Какъ вывести въ люди?.. Какъ показать свѣтъ?.. Какъ спасти ихъ?.. Больно мнѣ отъ этихъ вопросовъ... хочется плакать... хочется взять и разорвать самому свое сердце!..

Сѣно въ городѣ на базарѣ „нипочемъ“: десять-двѣнадцать копѣекъ пудъ... Привозятъ его страшно много. Вся площадь заставлена возами.

Что дѣлать?.. Мука вся. До нови еще далеко, да и мало надежды на эту новь. Повидимому, придется получить одну только солому, ибо рожь во время цвѣта хватило два раза подрядъ морозомъ. Разсчитывалъ на картошку, но и тутъ ошибся: картошка почему-то не уродилась. Рядомъ, на полосѣ у Птюшкина отличная, а у меня по орѣху,—какая то паршивая и больная. Жена говоритъ—отъ того это, что я, „не благословясь“, дѣло дѣлаю...

— Люди вонъ все съ молитвой, благословясь, а ты все съ чертомъ... Онъ твой пріятель, онъ тебя и осѣтилъ: ничего у тебя и нѣту, ничего и не будетъ..

Не знаю и не придумаю, что дѣлать... Ужасъ беретъ, когда вспомнишь, что впереди осень съ длинными, темными, вѣтренными ночами, а за ней—холодная, безконечная зима!..

Теперь я вотъ здѣсь, въ этомъ чулашкѣ спасаюсь... одинъ всетаки: и пописать вотъ могу и почитать что достану, а осенью, когда начнутся холода? А зимой?..

Волей-неволей приходится торчать въ избѣ съ утра до ночи, часто безъ всякаго дѣла, слушать ругань жены, плачъ дѣтей, бормотанье матери... А грязи и гадости всякой въ избѣ зимой прибавится вдесятеро: отелится корова, теленка беремъ въ избу...

Горе и горе!.. Ни просвѣта, ни надежды...

Осталось три дня до престольнаго праздника Ильи Пророка, а у меня мука вся и вообще, какъ говоритъ жена, „все—все“... Что дѣлать? Жена просто на стѣну лѣзетъ...

— У людей вонъ праздничекъ Христовъ встрѣчаютъ,— начала она вчера вечеромъ за ужиномъ,—а у насъ пылины муки въ дому нѣту-ти... Надѣвай суму да иди подъ окнами стрѣлять... А все ты, со своей умной-то головой... То ему не такъ, это ему не эдакъ... умница, подумаешь!.. Рѣчистъ гдѣ не надыть, мразь стоячая! Чего сидишь-то, чего думаешь, чего ждешь-то?.. Съ неба тебѣ свалится, само придетъ?.. Сходилъ бы къ пріятелю въ лавку, попросилъ бы, покланялся бы... Може, далъ бы чего: чайку, сахарку, муки хучь пудъ... Праздникъ вѣдь на дворѣ-то, а наши дѣти чернаго куска не увидятъ. Сходи по утру.

— Не дастъ,—сказалъ я,—и ходить нечего.

— Ну, такъ что-жъ дѣлать-то, а?.. Съ голоду околѣвать что ли?

— Сѣна продать бы воза три,—сказалъ я.

— Дарма-то отдавать?.. спасибо! А весна придетъ,—самимъ покупать въ тридорога, аль послѣднюю коровенку со двора тащить?

— Занять бы у кого-нибудь?..

— Поди займи, коли ловокъ... Меня все, небось, наровишь послать... Я и такъ рвусь, какъ собака, а самъ ни съ мѣста... портки всѣ протеръ, сидя на одномъ мѣстѣ—чинить нельзя стало... Ступай-ко, ступай къ своему Наумычу, покланяйся... Какой ты есть дому хозяинъ, а? Вонъ они щеняты-то скулятъ, жрать просятъ... твои, небось... не съ солдатомъ я ихъ пригуляла-то, не въ подолѣ тебѣ ихъ принесла... Долженъ заботиться, долженъ кормить...

Я молчалъ. Что я могъ сказать на это? Она заплакала и начала ругаться скверными словами. Я ушелъ къ себѣ въ чуланъ, легъ, и мнѣ слышно было, какъ, надрываясь, захлебываясь, не плакалъ, а „вопилъ“ въ люлькѣ больной ребенокъ, и какъ жена проклинала его...

Въ концѣ концовъ я не выдержалъ и самъ заплакалъ...

Слезы были тяжелыя, невыносимыя, злыя...

Завтра у насъ „престолъ“, Илья пророкъ...

„Приди ты, немощный, приди ты, радостный,
Звонятъ ко всенощной, къ молитвѣ благостной“—

зубрилъ я, помню, когда-то въ школѣ... Какъ давно это было!.. А теперь?.. Какая тутъ молитва „благостная“, когда всѣ мысли направлены на то, какъ бы „справить“ празд-

никъ по настоящему, „какъ у добрыхъ людей“; то есть... изъ послѣдняго купить водки, сварить пива, угостить гостей и дня два-три быть самому пьянымъ...

Этого дня ждутъ годъ. За недѣлю еще до праздника говорятъ объ какомъ-нибудь дѣлѣ, которое нужно сдѣлать: „ну, обожди... послѣ праздника“... И вотъ, какъ я сталъ себя помнить, изъ года въ годъ праздникъ „справляется“ одинаково... Все одно и то же, до тошноты... Такъ же по утру, „чѣмъ свѣтъ“, ударяютъ къ заутренѣ, такъ же послѣ заутрени начинаютъ перезванивать къ водосвятію, такъ же кричатъ на обоихъ клиросахъ любители-пѣвчіе, такъ же ходитъ и гнуситъ рыжебородый дьяконъ, такъ же послѣ обѣдни торгуютъ неподалеку отъ церкви въ палаткахъ пряниками, такъ же ходятъ толпами съ гармошками молодые парни, такъ же толкутся, сбившись въ кучу, какъ овцы, дѣвки, такъ же начинается по избамъ гульба, такъ же подносятъ „стакашкомъ“ водку, упрашивая выпить: „сватъ, родной, выкушай! Сватьюшка, а ты-то, ты-то, родная!.. Дождались, слава те, Господи, сподобились... Илья-пророкъ, батюшка... доживемъ ли, нѣтъ ли еще до этого дня“ и т. д.

Все то же, все то же!.. И все-таки другимъ—радость. А я... Нѣтъ, убѣгу куда-нибудь завтра, скроюсь!.. Господи, научи, коли ты есть, что мнѣ дѣлать? Гдѣ искать покоя? Какъ утишить эту муку душевную, тоску эту проклятую, которая неотступно терзаетъ меня!..

Утромъ въ праздникъ проснулся рано и сразу почувствовалъ, что меня какъ будто кто стукнулъ обухомъ по головѣ и крикнулъ:

— Вотъ онъ, пришелъ, радуйся!..

Было еще рано, вставать не зачѣмъ... лежалъ, думалъ, и слушалъ, поджидая чего-то непріятнаго и предчувствуя, что это непріятное не замедлитъ явиться. Такъ оно и случилось.

Жена вышла на дворъ доить корову и, услыхавъ мой кашель (я за послѣднее время сталъ кашлять тяжело и по долгу, въ особенности по ночамъ), крикнула:

— Проснулся, хозяинъ, съ праздникомъ!..—И, видя, что я молчу, продолжала со злобнымъ ехидствомъ:—Вставай.. скоро пироги поспѣютъ... я самоваръ приготовлю, а ты иди, выкушай рюмочку пока... гости, небось, пріѣдутъ, царь въ каретѣ... съ гостями опять выпьешь... у меня все ужъ припасено: и закусить, и выпить...

И вдругъ сразу оборвала и завыла, точно голодная собака, жалобно и отчаянно:

— Что-жъ это такоича, а? До коихъ же поръ я буду терпѣть-то?.. Что-жъ теперича, въ самомъ дѣлѣ, по міру идтить, суму надѣвать? Вѣдь ѣсть-то нечего... укусить, скажи, нечего, останный хлѣбъ на брусу лежитъ... Ты бы объ этомъ-то подумалъ, проклятый! Ты бы хучь объ дѣтяхъ-то подумалъ, ужъ я про себя-то не говорю, ужъ мнѣ все одно... Дѣти-то за что муку-то мученскую несутъ... андельскія-то душки чѣмъ виноваты, а? Не хочетъ ни объ чемъ подумать, прилипъ къ одному мѣсту: ни просить, ни сходить куды разузнать... не пропрешь!.. Само къ нему придетъ, съ неба свалится...

— Господи,—еще шибче завопила она,—Царица ты моя небесная, ма-а-тушка!.. Хуже-то мы, посмотрю я, всѣхъ!.. нѣтъ-то насъ хуже: разуты, раздѣты, голодны... О-о-о, батюшки вы мои родимые!.. Что мнѣ дѣлать-то, что мнѣ дѣлать-то?.. О-о-о!.. о-о-о!..

Я молчалъ, сознавая, что жена по своему права, и отъ этого мнѣ дѣлалось еще гаже. Между тѣмъ она не умолкала... вой ея, по всему вѣроятію, былъ слышенъ у сосѣдей и далеко по улицѣ. Мнѣ стало невтерпежъ. Я вскочилъ, кое-какъ поправилъ свой костюмъ, схватилъ картузъ и буквально убѣжалъ изъ дому,—сначала въ огородъ, а оттуда, слыша все тотъ же вой и не въ силахъ выносить его, перелѣзъ черезъ плетень и задами, по усадьбамъ, направился подъ горку, на ту сторону ручья, въ лѣсъ.

Въ лѣсу было тихо, сыро и какъ-то необычайно грустно. Полянки были скошены, и на молодыхъ березкахъ на нижнихъ вѣткахъ кое-гдѣ уже висѣли желтые листья. Уже чувствовалось во всемъ—и въ глубокомъ молчаніи лѣса, и въ поблекшей травѣ, и въ самомъ воздухѣ—приближеніе осени. Какая-то тоска, тихая и печальная, казалось, стояла вокругъ, какъ туманъ надъ болотомъ. Хотѣлось не жить... Хотѣлось тихо и незамѣтно слиться съ природой и вмѣстѣ съ ней уснуть.

Безпорядочныя, ненужныя, странныя мысли проносились въ головѣ... Вся моя жизнь съ самаго ранняго дѣтства, какъ только я сталъ себя помнить, какими-то отрывками, клочками, проходила передо мной и будто нарочно дразнила и мучила своимъ убожествомъ.

Между тѣмъ, пока я бродилъ по лѣсу, солнце взошло и стояло уже довольно высоко. Подъ его лучами стали сохнуть покрытые росою за ночь листья и трава.

Въ селѣ зазвонили къ обѣднѣ.

— Куда же мнѣ идти и что дѣлать?—задалъ я себѣ вопросъ и, не зная, что на него отвѣтить, сѣлъ на старый пень и, свернувъ папироску, сталъ курить.

И опять странныя, ненужныя и злобныя мысли закружились и замелькали въ головѣ, точно снѣжинки во время мятели...

Звуки колокола наполняли весь лѣсъ и еще пуще волновали и раздражали. Мнѣ чудилось, что колоколъ не звонитъ, а кричитъ что-то отчаянно и тоскливо, все одно и то же... И въ этомъ крикѣ нѣтъ никакого значенія и смысла, а только одна мертвая тоска.

Я всталъ и пошелъ по направленію звуковъ въ село.

„Зайду къ лавочнику, попрошу,—съ тоской предчувствуемаго напраснаго униженія, думалъ я:—дастъ, дастъ, а не дастъ—наплевать!..

— Не дастъ,—наплевать! казалось, звонилъ и колоколъ.

Войдя въ село, я не пошелъ прямо въ лавку, зная, что она теперь заперта, и хозяинъ Григорій Наумычъ въ церкви. Я забрался въ пустую ригу и легъ тамъ на какіе-то мелкіе, заброшенные за негодностью ухвостья съ цѣлью дождаться конца службы.

Ударили „къ достойной"; спустя долгое время—къ молебну, и наконецъ вдругъ, какъ-то отчаянно-радостно, точно подъ пляску, затрезвонили „во всѣ"... Молебствіе кончилось...

Побывъ въ ригѣ еще съ полчаса, я вышелъ и направился въ лавку задворками, точно воръ, стыдясь своего костюма, боясь съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться.

Подойдя, я увидалъ, что лавка еще заперта, но хозяинъ Григорій Наумычъ уже дома. Мнѣ видно было сквозь кусты акаціи и сирени въ палисадничкѣ передъ домомъ, что самъ онъ сидитъ бокомъ возлѣ окна на своемъ обычномъ мѣстѣ и пьетъ съ женой чай...

Окно, около котораго онъ сидѣлъ, было открыто. Я пріотворилъ калитку и прошелъ палисадничкомъ. Григорій Наумычъ меня какъ-то не замѣтилъ.

— Здравствуйте,—сказалъ я,—съ праздникомъ!

Онъ быстро обернулся и, какъ всегда дѣланно-ласково и радостно, воскликнулъ:

— А-а-а, сынокъ! (онъ постоянно такъ называлъ меня). Ты это какъ, а? Въ церкви, что-ли, былъ?—И, окинувъ меня съ ногъ до головы пронзительнымъ взглядомъ, добавилъ:—да словно не похоже.

— Нѣтъ,—сказалъ я,—не въ церкви... Я къ вамъ.

— Зачѣмъ больше?..

— Да дѣльце есть...

Онъ помолчалъ. Допилъ съ блюдца чай, хлюпая губами, выплюнулъ на полъ кусочекъ сахару и сказалъ:

— Проходи въ хату, иди чай пить. Проходи...

Онъ поднялся съ мѣста, вышелъ въ сѣни и, что-то потихоньку напѣвая, отперъ для меня входную дверь.

— Чудно мнѣ, — сказалъ онъ, снова окинувъ меня съ ногъ до головы взглядомъ и пропуская изъ сѣней въ комнату:—что это тебѣ вздумалось. У васъ, чай, тоже праздникъ... Какъ же ты это отъ праздника-то?..

Я ничего не отвѣтилъ и поздравилъ съ праздникомъ его, жену Анисью Петровну, худую, длинную бабу съ большимъ ртомъ и тонкими синими губами, сидѣвшую за столомъ и пившую чай.

Она молча и съ нескрываемымъ презрѣніемъ кивнула головой и, обратившись къ мужу, спросила:

— Тебѣ еще налить?.. Пей, чаю много.

— Насыпь! — отвѣтилъ мужъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:—Садись къ столу. Давай съ нами чай пить... Анисьюшка, насыпь ему. Бери, вонъ, стулъ-то... Подвигайся...

Я подсѣлъ къ столу. На столѣ, помимо самовара и чайнаго прибора, стояла закуска: колбаса, нарѣзанная ломтиками, сыръ, копченая селедка и два пирога—одинъ съ рисомъ, другой съ вареньемъ.

— Закуси, сынокъ... съѣшь вонъ пирожка,—предложилъ мнѣ Григорій Наумычъ и, вдругъ спохватившись, воскликнулъ: — А что-жъ я тебѣ выпить-то, а? И изъ головы вонъ, ей-Богу. Самъ-то я не пью, ну, мнѣ ни къ чему, забылъ... Не выпивши, закусить потчую... Охъ, грѣхи тяжкіе...

Онъ всталъ, отворилъ шкафчикъ со стеклянными дверками и, доставъ оттуда бутылку, изображающую медвѣдя, налилъ въ рюмку „съ наперстокъ“ какой-то настойки.

— Выкушай, на вотъ,—сказалъ онъ.

Я выпилъ. Онъ заткнулъ бутылку пробкой и, поставивъ ее опять въ шкафчикъ, сѣлъ на свое мѣсто къ столу, а я почему-то слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ пристальнымъ, точно прилипшимъ взглядомъ.

— Ну, что скажешь, сынокъ, а? — тяжело вздохнувъ, спросилъ онъ. — Какъ поживаешь?.. Давно тебя не видать.

— Плохо живу,—сказалъ я.

— Что такъ?

— Ѣсть нечего.

— Ну?

Возгласъ былъ противный, глубоко лицемѣрный и лживый. Я чувствовалъ, что онъ отлично знаетъ, что у меня нечего ѣсть, нисколько не удивляется и знаетъ, что я сейчасъ у него попрошу... У меня поднималось что-то къ горлу и сверлило въ груди.

— Скоро, небось, жать начнете?—спросилъ онъ опять тѣмъ же лицемѣрнымъ голосомъ.—Аль ужъ начали?..

— Жать-то нечего, — сказалъ я. — Пропало зерно. Одна солома.

— Божья воля.

Я опять промолчалъ. Онъ какъ-то подозрительно посмотрѣлъ на меня, но все еще пытался отодвинуть объясненіе— зачѣмъ я пришелъ.

— А у тебя много ребятишекъ-то?

— Четверо...

— Гей... ишь ты... четверо, н-да! четверо... Вотъ оно что.

И, забарабанивъ пальцами по столу, отвернулся и посмотрѣлъ въ окно. Было видно, что онъ не только понялъ, зачѣмъ я пришелъ, но и рѣшилъ уже про себя не давать ничего. Смущенный и подавленный, я молчалъ.

— Ну, такъ какъ же, а? Въ чемъ дѣло-то?—помолчавъ, спросилъ онъ.

— Не можете ли вы дать мнѣ взаймы (я хотѣлъ сказать: „мѣшокъ", да не посмѣлъ) пудъ муки?..

— Эва! — какъ-то даже радостно воскликнулъ онъ, не глядя однако на меня и бѣгая глазами по сторонамъ,— Гдѣ-жъ ты раньше-то былъ?.. Приди ты третьевось — далъ бы, слова бы не сказалъ, а теперича нѣту у самаго... Послѣдній мѣшокъ сторожъ вонъ съ барскаго двора взялъ, нѣту, сынокъ, ни пылины... Да ты, чудакъ, занялъ бы у кого-нибудь въ деревнѣ-то... Неужли во всей деревнѣ пуда муки не найдешь? Отдашь, небось... Скоро вонъ, Богъ дастъ на дняхъ, своя будетъ, обойдется дѣло-то... Пей чай-то, простылъ стаканъ...

Онъ замолчалъ, зѣвнулъ и забарабанилъ опять пальцами по столу, глядя въ сторону своими равнодушно лицемѣрными глазами. Видимо онъ былъ доволенъ, а во мнѣ поднималась и закипала ѣдкая злоба. Такъ и подмывало размахнуться и ударить этого самодовольнаго, нахально лгущаго человѣка.

— Отдыхать-то будешь, аль нѣтъ?—лѣниво промямлила жена.

— Сосну часокъ,—отвѣтилъ онъ.—Пей, пей чай-то!—обратился онъ ко мнѣ:—пей... Да, давненько тебя что-то не видать... Заходи почаще, у меня газеты есть, почиталъ бы... нѣтъ ли чего новенькаго... Самъ-то я все какъ-то время не выберу... Да и смотрѣть сталъ плохо, не вижу, особливо вотъ на лѣвый глазъ... Боюсь, сынокъ, не темная-ли вода подступаетъ!—прибавилъ онъ съ какой-то ласковой живостью, очевидно доставляя мнѣ случай выказать ему свое участіе.

— Вы дали бы мнѣ хотя рубль,—сказалъ я, перебивая его,—осенью продамъ овса, отдамъ.

— Ну вотъ,—воскликнулъ онъ:—опять, денегъ, рубль! Чудакъ ты, сынокъ! Ступай, погляди въ ящикѣ, есть-ли тамъ рубли-то? Монетокъ двадцать, никакъ, мѣдными валяются... Кака у меня торговля, такъ только, нужда заставляетъ, надо какъ-нибудь кормиться, надо вѣкъ доживать, какъ-нибудь... Нѣтъ, сынокъ, не могу, мы деньгами не торгуемъ. Нѣту... Были, признаться, деньжонки,—продолжалъ онъ, мелькомъ взглянувъ на меня,—собрались было, да истратилъ. Быка у Кузьмы купилъ, затратилъ деньги-то... теперича вотъ подбился, сижу вотъ, товаръ въ долгъ роздалъ... Тотъ придетъ, проситъ: „дай!"—другой... Дашь, ну и говори, что пропало: ходить перестанетъ, забудетъ, какъ тутъ и дверь-то отворяется... Нѣтъ, сынокъ, извини, — и жалко мнѣ тебя, а нѣту... Были—не отказалъ бы...

Я слушалъ, глядя ему въ лицо съ какимъ-то новымъ и страннымъ чувствомъ, похожимъ на любопытство. Вдругъ, какъ-то сразу, неожиданно, точно варомъ какимъ обварила меня всего съ головы до ногъ и ударила въ сердце пришедшая въ голову мысль:

— Чего ты ждешь?

Я почувствовалъ, какъ у меня затряслись руки и кто-то будто началъ стучать по головѣ молотками.

Я вскочилъ. Должно быть, въ эту минуту было въ моемъ лицѣ что-то особенное. Его спокойное самодовольство исчезло, смѣнившись тревогой, внезапной и какъ-то жалкой.

— Что ты, сынокъ, а?—съ испугомъ и понизивъ голосъ, спросилъ онъ:—поблѣднѣлъ даже весь... Да съ чего ты это а?.. осерчалъ, обидѣлся? А ты не серчай... Ей-Богу, у самаго нѣту... Погоди, постой! полтинникъ, ужъ такъ и быть, дамъ!..

И, сказавъ это, онъ полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ.

Я схватилъ фуражку и выбѣжалъ...

На улицѣ я остановился, оглядываясь кругомъ, какъ внезапно проснувшійся отъ сна. Въ вискахъ у меня стучало... Сердце сильно колотилось въ груди...

— Нездоровится, знать, а? Гдѣ былъ-то?

Это спрашивалъ у меня знакомый угольщикъ, Иванъ Долгобородый, съ любопытствомъ заглядывавшій мнѣ въ лицо.

Я немного отряхнулся и сказалъ, гдѣ былъ и зачѣмъ.

— Га, захотѣлъ тоже! — воскликнулъ онъ: — да у него кровь изъ зубовъ пойдетъ... дастъ онъ, держи карманъ-то. Спятъ на деньгахъ, анафемы! Эхъ! Вотъ-бы на кого експиріяторовъ-то наставить... любезное бы дѣло... ей-Богу!.. Ты

куда же теперича? пойдемъ ко мнѣ, выпьемъ... поднесу для праздника.

— Мнѣ, братъ, не до праздника,—сказалъ я:—жрать нечего, дѣти голодаютъ... Ты не выручишь-ли, не дашь-ли пудъ муки?

Онъ весело засмѣялся и сказалъ:

— Да бери хучь два! Небось, когда-нибудь отдашь... Что-жъ тебѣ безъ хлѣба сидѣть, не жрамши?.. Бери! Богъ велѣлъ дѣлиться, сыты авось будемъ... мнѣ плохо придется—я къ тебѣ приду. Чай, не прогонишь? Такъ-то, родной! Пойдемъ-ка вотъ, выпьемъ для праздника по баночкѣ... Посидимъ, потолкуемъ, дѣло-то, глядишь, и обойдется... Пойдемъ!..

Рожь сжали, свозили и обмолотили...

Я, кажется, не собралъ и сѣмянъ. Зато соломы оказалось много. Въ овинъ „сажали“ безъ малаго по пятисотъ сноповъ, а намолачивали съ нихъ полторы мѣры... Бывало, въ хорошій годъ съ этого же самаго овина намолачивали 15-18 мѣръ...

Какъ жить? Что будетъ впереди? Сколько дожидаться еще до новей! Все надоѣло, и не глядѣлъ бы ни на что. Хожу, какъ въ воду опущенный, а душой овладѣло какое-то странное равнодушіе... Пьяный пастухъ съ подпаскомъ „заладилъ“ все стадо въ яровое: все смяли, перепутали, заваляли такъ, что теперь и на косу не поймаешь...

Я съ пастухами разругался, но какъ-то равнодушно. У нихъ случилось тоже несчастіе: старшій хозяинъ зарѣзалъ подпаска, малаго лѣтъ двадцати. Произошло это страшное дѣло изъ-за пустяковъ: подпасокъ съ похмелья стащилъ у пастуха сапожныя „головки“ и гдѣ-то ихъ около казенки продалъ за три четвертака, которые и пропилъ. Это узналось, и вотъ, когда онъ возвратился утромъ назадъ, пастухъ набросился на него и началъ бить. Билъ долго и жестоко. Потомъ, очевидно совсѣмъ озвѣрѣвъ отъ злобы, схватилъ ножикъ и выпустилъ у подпаска кишки. Дѣло это было не гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, одинъ на одинъ, а при народѣ, и никто не догадался разнять дерущихся... „Такъ и надыть, не воруй... Ишь ты, ловкачъ, какой выискался“...

Тѣло подпаска и теперь еще валяется на мѣстѣ преступленія, дожидаясь начальства, а мы по череду караулимъ его.

Караулилъ и я... Долго глядѣлъ въ молодое застывшее лицо съ выраженіемъ почти еще дѣтскаго страданія, и въ моей головѣ стояла одна неотвязная мысль:—„Изъ-за чего

онъ убитъ?..“ Изъ-за какихъ-то несчастныхъ головокъ цѣною въ три четвертака!

Скоро Успенье,—сѣвъ. Что намолотили, почти уже съѣли... Въ земствѣ мы должны, и тамъ, говорятъ, не даютъ.. Зарѣзъ!..

Дома каждый день изъ-за нужды, изъ-за тѣсноты ругань, свара, попреки... Жена говоритъ, что опять „затяжелѣла“, но я ей не вѣрю: вретъ, со злости. А если это правда, что-же тогда?!.

Хорошо-бы уйти куда-нибудь, скрыться на время, освѣжиться, побыть съ чужими людьми... Уйти отъ себя, отъ дикихъ и страшныхъ мыслей, постепенно овладѣвающихъ мною, не дающихъ покоя ни днемъ, ни ночью, ни на досугѣ, ни за работой...

Мысли гадкія, низменныя, злыя,—все объ деньгахъ, какъ бы добыть ихъ, какъ разбогатѣть сразу... И я знаю даже, какъ это сдѣлать: встревоженное лицо Наумыча, его испуганно забѣгавшіе глазки то и дѣло оживаютъ въ памяти. И за ними упрямо тянется рядъ другихъ воспоминаній...

...Деньги онъ всегда держитъ дома: боится положить ихъ „въ банку“, думая, что она лопнетъ... Прежде я хаживалъ къ нему часто и пользовался полнымъ его довѣріемъ. Онъ почему-то, кажется, даже любилъ меня, часто просилъ почитать ему книжку, добытую въ школѣ, изданіе „Посредника“, или газету.

Разъ какъ-то сидѣлъ я у него въ праздникъ за чаемъ, и въ это время изъ сосѣдняго барскаго имѣнія пріѣхалъ верхомъ приказчикъ подъ предлогомъ (какъ это послѣ объяснилъ мнѣ Наумычъ) купить кое-что въ лавкѣ, а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, чтобы размѣнять на мелочь сторублевую бумажку. Наумычъ вышелъ къ нему въ лавку, а я остался въ комнатѣ одинъ. Минутъ черезъ пятнадцать Наумычъ возвратился изъ лавки обратно и прошелъ въ другую комнату, „спальню“, гдѣ у него стоитъ широкая съ грудой подушекъ, покрытая стеганымъ ватнымъ одѣяломъ кровать.

Прямо противъ меня, гдѣ я сидѣлъ, висѣло зеркало, и я видѣлъ въ немъ всё, что продѣлывалъ Наумычъ.

Войдя въ спальню, онъ откинулъ край одѣяла, всталъ на колѣнки, наклонился, подлѣзъ немного подъ кровать и какъ-то особенно быстро и ловко поднялъ изъ половицы небольшую, въ аршинъ, доску.,. И изъ образовавшагося подъ ней отверстія онъ вытащилъ металлическую шкатулку.

Мнѣ сразу стало понятно, въ чемъ дѣло. Чувствуя ка-

кую-то неловкость, я всталъ съ мѣста и, пройдя въ дальній уголъ къ окну, сталъ глядѣть на улицу.

Минутъ черезъ пять онъ вышелъ изъ спальни и, увидя меня у окна, спиной къ нему, сказалъ:

— Ты что-жъ, сынокъ, не пьешь? Пей... Наливай самъ... Куда это только старуха запропастилась, песъ ее знаетъ. Наливай, я сейчасъ...

Отпустивъ приказчика, онъ возвратился, и мы снова принялись за чай. Онъ чувствовалъ какую-то неловкость, видимо хотѣлъ разъяснить мнѣ что-то, какъ будто сдѣлалъ какое нехорошее, стыдное дѣло.

— Прикащикъ это изъ имѣнья, Иванъ Иванычъ—говорилъ онъ,—взять кое-что по мелочи... Размѣнялъ ему бумажку: „мелкіе, говоритъ, нужны — поденщицъ разсчитывать!“ А у меня словно, прости Господи, мѣняльная лавка... Мнѣ и самому мелкія нужны... Да и нѣтъ крупныхъ-то, откель имъ взяться? Бьюсь, какъ рыба объ ледъ... Съ монетки на монетку перебиваюсь... Какія у меня деньги? Откуда?... Есть сотня-другая, берегу подъ старость. Такъ онѣ у меня не здѣся, не дома, а въ банкѣ положены, подъ книжку... Распустили про меня славу добрые люди, — продолжалъ онъ, схлебнувъ съ блюдца чай,—что денегъ конца-краю нѣтъ.

Онъ поставилъ блюдце на столъ, посмотрѣлъ на меня какимъ-то жалкимъ взглядомъ и заговорилъ довѣрчиво и тихо:

— Вотъ теперича и боюсь, сынокъ, не скрою отъ тебя, по ночамъ не сплю... все жду: вотъ-вотъ придутъ эти, какъ ихъ, ну, грабители-то нонѣшніе... убьютъ, сукины дѣти, ни за что. Вонъ въ Прудищахъ, лѣтось, въ Казанскую пришли вѣдь къ Лапину пятеро съ леворвертами... Все вѣдь, что было-то... подумай, сынокъ, самъ, своими руками отдалъ... Да и отдашь! Что станешь дѣлать, отдашь! Имъ вѣдь человѣка жизни лишить—все равно, что, не за столомъ сказано, на дворъ сходить. Чего имъ бояться то?.. Бога? Они въ него не вѣрютъ... Поймаютъ ихъ, повѣсятъ... „Наплевать! все одно, такъ-ли, этакъ-ли, а издыхать не миновать“... Отпѣтый народъ! Боюсь!.. Истинный Господь, до смерти боюсь, сынокъ! Ну, какъ придутъ, что станешь дѣлать, а?

Его глаза смотрѣли на меня растерянно и вопросительно, ожидая какого-нибудь успокоительнаго, ободряющаго отвѣта. Но мнѣ было тогда только весело и смѣшно.

— Придется отдавать,—сказалъ я и улыбнулся.

— Чего отдавать-то?.. Отдавать-то нечего!—нахмурившись и внезапно разсердившись, заговорилъ онъ,—тебѣ вотъ любо... Зубы скалишь, смѣешься... Чего тебѣ смѣшно-то? А? Чего смѣшно? Ничего смѣшного нѣту.— Плакать надо, а

ему смѣшно. Эдакая подлость пошла по Россіи, а? Слыхано-ли было допрежь?.. Думано-ли? Приходятъ: „давай!.. руки кверху!“ Тьфу!

На эту тему, когда мнѣ приходилось бывать у Наумыча, онъ выпускалъ безконечное число злобныхъ и трусливыхъ словъ, а во мнѣ шевелилось насмѣшливое веселое желаніе, чтобы его дѣйствительно ограбили...

Почему? Или уже и тогда эта мысль, которая сейчасъ овладѣла и захватила меня всего, смутно бродила на самомъ днѣ моей души, изрѣдка подавая свой голосъ, точно аукаясь откуда-то издалека, и тихонько, ощупью, сбившись съ дороги, въ потемкахъ брела ко мнѣ на встрѣчу?

И вотъ, мы сошлись, наконецъ, и теперь у меня есть огромная и властная поддержка во всемъ. Если я усталъ на работѣ, *она* шепчетъ мнѣ въ уши: „ничего, ничего... *тогда* отдохнешь“... Если жена, плача и крича противныя слова, набрасывается на меня, тыча въ глаза нуждой, она снова шепчетъ: „Ничего, ничего... все это вѣдь, пока ты не сдѣлалъ *то*... сдѣлаешь, и ничего этого не будетъ... потерпи... все это пройдетъ, пройдетъ, пройдетъ!..“

И трусливые глазки Наумыча смотрѣли на меня робко и тревожно, какъ въ тотъ разъ, когда онъ признавался въ своихъ опасеніяхъ или когда предлагалъ мнѣ полтинникъ...

Порой мнѣ становилось жалко, но странно: жалѣлъ я не Наумыча, а себя. Вспоминалось другое время, вспоминался пріѣзжавшій ко мнѣ товарищъ. Уѣхать бы хоть на время къ нему, туда, гдѣ идетъ другая жизнь, отряхнуться, забыть все это: стыдъ, и тоску, и позоръ, и нищету, изъ которой нѣтъ выхода...

Тяжело... Стою на краю пропасти... Упаду въ нее или нѣтъ?..

И нѣтъ кругомъ ничего... И нѣтъ никого, кто-бы протянулъ руку помощи!..

Приходилъ утромъ староста Василій Василичъ, по прозванью „Шестъ-каршинный“ и засталъ меня съ ребятишками за завтракомъ. Пришелъ онъ, какъ всегда, озабоченный и сердитый, съ книгой подъ мышкой...

Значеніе его появленія я, конечно, понялъ сразу и не далъ ему начать давно надоѣвшихъ рѣчей. Показавъ на дѣтей, на грязь и убожество своей избы, я сказалъ одно слово.—Видишь!..

— Вижу,—согласился онъ,—н-да! а какъ же быть-то?

— Какъ хошь...

— Когда-жъ будутъ-то?

— Не знаю.

— Кому-жъ знать-то, а? Тотъ говоритъ „обожди“, другой „нѣту“, а меня за это ѣдятъ... Эхъ-ма! Все то по новому пошло, только для нашего брата все по старому—все хуже... На то давай, на другое давай... На памятникъ лѣтось генералу Скобелеву собирали... подай!.. Провалитесь вы совсѣмъ и съ должностью съ этой!.. А все нужда да баба: „соглашайся... тридцать цѣлковыхъ—деньги... на полу не подымешь“... Вотъ и труби теперь годъ годеньскій... сапогъ болѣ того, бѣгамши въ волость, истреплешь... Опять—время теряю. Люди косить, а ты, аки сукинъ сынъ какой, иди отмѣряй участокъ для какого-то дьявола... Цѣльную, понимаешь, недѣлю ходили, путались пятеро дураковъ: Спирькѣ Птюшкину земли участокъ отводили... отрубъ-то этотъ... Дери его чертъ,—на хуторъ захотѣлъ, баламутка непутевая!.. Ему, сукину сыну, все одно... онъ объ чемъ хлопочетъ-то: продать аль заложить да пропить, а ты вотъ тутатко изъ-за него цѣлую недѣлю теряй .. Чего она стоитъ-то! Ну, наплевать бы, погода плохая была, все одно тогда путаться-то, а то вѣдь ведро,—благодать... люди косить, а ты ходи...

— А что у васъ за спѣшка? Можно бы и послѣ,—спросилъ я.

— А шутъ ихъ, прости Господи, знаетъ!.. Спѣшка и есть... Чудно, голова:—заикнись только, что вотъ-молъ на хуторъ желаю, на высылку, такъ въ тебя и вцѣпятся обѣими руками: „иди скорѣй!.. пожалуйте!.. Сюпсидію даютъ, деньгами, сколько-то корней изъ казеннаго лѣсу на стройку... Шутъ ихъ знаетъ, чего имъ охота насъ по хуторамъ порознь, аки чертей какихъ, распихать?.. Неиначе ужъ тутъ штуки каки-нибудь... Ужъ это какъ Богъ Святъ, и къ маменькѣ не ходи... Заѣдемъ на хутора,—дальше ѣхать некуда!.. Къ Птюшкину то къ этому, къ обармоту-то самъ надысь земскій пріѣзжалъ изъ городу съ членомъ устроительной по землѣ комисіи Чесаловымъ... Пріѣхали, а онъ пьянѣй вина,—спитъ въ холодкѣ въ шалашикѣ... насильно добудились, дьявола!..

Онъ сдѣлалъ покурить и, пуская дымъ къ порогу, сердито продолжалъ:

— Попа вонъ тоже намедни встрѣтилъ... Тоже присталъ, тоже каки-то деньги требуетъ: ишь, не додали ему каки-то, лѣтось кругъ полей ходили, иконы подымали, молебствали насчетъ прекращенія дождя, такъ ишь не доплатили ему въ тѣ поры... А я-то тутъ при чемъ? Мнѣ безъ этого дѣловъ по горло... И, дивное дѣло, все-то имъ мало! Ему-ли ужъ, прости Господи, долгогривому, не житье?.. Нѣтъ, все мало!.. все „дай“!.. тьфу!.. По теперешнему времю

только и житье—попу да скворцу: скворецъ прилетѣлъ неизвѣстно откеда, а ужъ ему домъ готовъ. Попъ пришелъ—тоже самое: „пожалте"...

— А ты слышалъ—заплевавъ папироску и бросивъ окурокъ на полъ, продолжалъ онъ, перемѣняя внезапно тему разговора:—Зябкина-то, Василь Яковлича, какъ обчекрыжили? Чище хрусталя, дальше ѣхать не куда!

— Кто?—встрепенулся я,—когда? гдѣ?..

— Нашлись добрые люди! Знамо, ужъ не мы, тумаки, намъ гдѣ ужъ, когда мы всего боимся, всякая курица заклевать можетъ... Эти, какъ ихъ, забастовщики-то нонѣшніе... они!.. Пришли трое середь бѣла дня... самаго-то не было, уѣхамши былъ съ краснымъ товаромъ на ярманку въ Кузево. Жена была дома, братъ да старуха... Вмѣстѣ со щикатулкой и взяли-то. Говорятъ,—правда ли, нѣтъ ли,—семьсотъ цалковыхъ ахнули! Закуска, а?.. Хы, хы, хы! Вотъ, чай, теперича Васька-то?.. Пронесло, небось, чище ничѣмъ съ касторки, хы, хы, хы! Такъ и надо! Такъ имъ мошенникамъ и надо! за дѣло... Истинный Господь, за дѣло! Позавидуешь людямъ, ей-Богу,—какъ умѣютъ сдѣлать... Скоро и хорошо... взялъ да пошелъ. А мы вотъ, прости Господи, аки черти какіе... бѣгай вотъ, выкуся языкъ, аки песъ какой...

— Что-жъ это онъ такую сумму при себѣ держалъ?—спросилъ я, чувствуя, какъ какой-то ознобъ пробѣжалъ по моему тѣлу.—Да еще правда ли это?

— Ну, вотъ аще! Говорю, правда—стало быть, вѣрно. Зачѣмъ таку сумму при себѣ держалъ? Хы, чудакъ человѣкъ,—зачѣмъ... да они, старые обормоты, нешто выпустятъ изъ рукъ деньги! Боятся,—пропадутъ... Чего тутъ,—недалеча ходить, про своего тестя скажу: до старости тоже вотъ дожилъ, а тумакъ тумакомъ, тетеревъ какой-то, ей-Богу... Тоже, вотъ, всю жизнь копилъ, дегтемъ торговалъ... накопилъ денегъ шесть сотъ и не знаетъ куды съ ними дѣться... Мыкался, мыкался, словно баба съ рабенкомъ: то туды сунетъ, то сюды... Досовался до дѣла, допрятался!..

Онъ засмѣялся и продолжалъ:

— Потѣха, истинный Господь, и смѣхъ, и грѣхъ! Упряталъ онъ ихъ разъ въ сараѣ: у воротъ подъ лапу въ землю зарылъ... Въ банкѣ они у него были, въ жестяной, длинная эдакая банка,—онъ мнѣ опосля казалъ,—съ крышкой... и все замѣть, одними золотыми... Ладно. Успряталъ это онъ ихъ, и не терпится ему: безперечь въ сарай повадился бѣгать... „здѣсь ли, молъ? Цѣлы ли?" А молодая смѣтила это дѣло... „Что такоича значитъ—все въ сарай да въ сарай?.." подсмотрѣла, да и того—изъ банки-то изъ этой, не будь

глупа, поболѣ сотни и вынула... Всѣ-то взять побоялась: удавится, молъ, старый лѣшій... не захотѣла, значитъ, на душу грѣха брать...

Онъ весело ухмыльнулся, блестя глазами, и продолжалъ:

— Вотъ иду я разъ въ церковь,—забылъ въ какой праздникъ... Иду, а рано еще,—къ заутренѣ не ударяли... Гляжу,— что за диво: сыпетъ мнѣ навстрѣчу тестюшка мой, лица на немъ нѣтъ... Взопрѣлъ, такъ и льетъ съ него.—„Куда ты?“—спрашиваю.—„Къ тебѣ“...—А самъ духу не переведетъ.—Зачѣмъ?—„Такъ и такъ, говоритъ,—ограбили... Полтораста не досчитаюсь никакъ... взяли, руками взяли! Свои, не иначе... что дѣлать, научи?“—Что, говорю, учить тебя. Я тебѣ скольки разовъ, дураку, твердилъ: положь въ городѣ подъ книжку, цѣлы будутъ... процентъ будешь получать, а ты все свое... Вотъ теперича тебѣ наука, умнѣе будешь. Говори слава Богу,—не всѣ... Заболѣлъ, что ты думаешь—съ огорченія-то: двѣ недѣли въ больницѣ вылежалъ... А деньги, пока хворалъ, у жены у моей сохранялись. Мнѣ было давалъ, да я не взялъ... „Отдавай, говорю, вонъ дочери своей... Ну тебя и съ деньгами-то! Пропадутъ,—наживешь съ тобой бѣды!..“

— Что-жъ онъ и теперь ихъ при себѣ держитъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, какой при себѣ!.. Выучили!.. Послушался, положилъ... радехонекъ теперь, благодаритъ постоянно, когда увидитъ... Самъ дома не живетъ,—ушелъ, въ богадѣльну предѣлился... живетъ,—помирать не надо... Такъ вотъ они какіе: безъ полѣна не увѣришь...

Онъ посидѣлъ еще немного и ушелъ.

Жена, копавшаяся надъ чѣмъ-то у печки и молчавшая все время, пока мы разговаривали, обернулась ко мнѣ, какъ только онъ скрылся за дверью, и сказала страннымъ голосомъ, въ которомъ звучало и осужденіе, и злоба, и зависть:

— Вотъ какъ люди-то богатѣютъ, не боятся! Вѣрно пословица-то говорится: пустишь душу въ адъ—будешь богатъ... Не боятся и ада мошенники! И то сказать: этакъ, вотъ, дома-то сидя за печкой, не много наживешь... Подъ лежачій камень и вода не бѣжитъ.

— Что-жъ, стало быть, и мнѣ, по твоему, за грабежъ приниматься?—спросилъ я,—взглянувъ на нее и ожидая отвѣта.

— Гдѣ ужъ тебѣ!—съ нескрываемымъ презрѣніемъ воскликнула она:—куда ты годенъ-то? Сиди ужъ, Ерема, дома... Вотъ скоро суму надѣвать придется, просить подъ окош-

ками... самое по тебѣ это дѣло... знай, потряхивай сумочкой-то!..

Она опять завыла по своему, потомъ принялась браниться, потомъ, по обыкновенію, зная, что я этого въ особенности не выношу, накинулась, какъ цѣпная собака, на дѣтей.

— Черти, дьяволы проклятые, чтобъ вы передохли всѣ, чтобъ вамъ засадъ сѣлъ въ глотки-то и съ отцомъ-то вашимъ вмѣстѣ, окаянная сила, мучители!.. Шелъ бы хучь, дьяволъ тебя задави, въ люди куды ни на есть, на мѣсто на зиму-то... Въ Москву бы шелъ... Да, правда,—спохватившись и еще съ большей злостью и ехидствомъ продолжала она,—и въ Москву-то тебѣ нельзя: за хорошія дѣла выгнали... Забастовщикъ проклятый! Безстыжія твои бѣльмы—болѣ ничего!.. За-а-ѣлъ ты мою жизнь, мошенникъ!.. За-а-ѣлъ, су-у-кинъ ты сынъ!.. За-а-ѣлъ!..

Я слушалъ эти надоѣвшія постылыя причитанія, но думалъ не о нихъ; въ головѣ у меня, какъ въ темномъ лѣсу, бродили и откликались свои мысли.

Цѣлую недѣлю ненастье: пасмурно, сѣро, тоскливо. Надвигается осень, ночи дѣлаются длиннѣе, темнѣе... Вѣтеръ шумитъ по осеннему: глубоко, угрюмо, зловѣще. На дворѣ сквозь прогнившую на крышѣ солому постоянная капель. Коровенка жмется въ уголъ, выбирая гдѣ посуше. Въ избѣ грязь, вонь, сырость, дѣтскій вой, бормотаніе старухи, ругань жены и... почти голодовка.

Съ вечера ложусь спать въ своемъ чуланѣ рано, какъ только стемнѣетъ. Огня не зажигаю, потому что нѣтъ керосина. Жена нащепала изъ березоваго полѣна лучины, высушила ее и украдкой, чтобъ не видали сосѣди („а то совѣстно... осудятъ"),—жжетъ ее съ вечера и ночью, вставая къ ребенку.

По ночамъ я сплю мало: лежу навзничь, подложивъ подъ голову руки, гляжу въ темноту и думаю... Мысли тянутся такія же темныя, угрюмыя, какъ осеннія облака, и, кажется, даже воютъ и гудятъ такъ же зловѣще, какъ вѣтеръ.

Подъ утро уснешь, и снятся странные, ненужные сны, отъ которыхъ потомъ весь день носишь въ душѣ что-то мучительное и нездоровое...

Вчера видѣлъ себя молодымъ и свободнымъ... Живу я въ Москвѣ... И ее видѣлъ, свою Дуняшу... Гдѣ она теперь?... Ѣдемъ мы съ ней, будто бы, въ праздникъ по Плющихѣ на Дѣвичье Поле на гулянье... вдругъ, откуда ни возьмись, собачонка прямо подъ колеса пролетки...

— Ваня, Ваня!—кричитъ Дуня, — смотри, собачку задавили, собачку задавили! Задавили, задавили!.. Боже мой...

Проснулся. Хлынули воспоминанія... Вся жизнь прошла въ памяти съ самаго дѣтства... Такъ сдѣлалось тоскливо и такъ жалко самаго себя, что не утерпѣлъ и заплакалъ...

Боже мой! Неужели кончена жизнь, и ничего-то уже, ничего нельзя ждать отъ нея?.. И умирать придется, зная, что и дѣтямъ предстоитъ эта же горькая чаша?..

Такъ ли? Кончено, уже все и для тебя, и для нихъ?.. Нѣтъ, нѣтъ! Огонекъ еще не погасъ, еще теплится гдѣ-то мерцающей звѣздочкой, еще, можетъ, разгорится и освѣтитъ рано или поздно эту проклятую тьму, и не будетъ ея...

Будь она проклята, эта сырая, промозглая, душная тьма!

Только... гдѣ же онъ, огонекъ этотъ?.. Какъ разглядѣть его, какъ пройти къ нему, чѣмъ поддержать? Голова напрягалась до отупѣнія, до боли, а тьма была все такая же. И когда въ полузабытіи я съ усиліемъ пробирался къ огоньку сквозь буераки и чащу,—онъ исчезалъ...

И опять смутно мерцалъ, — такъ же далеко и неясно. И когда я окончательно выбивался изъ силъ, — передо мною являлась пара глазъ: они смотрѣли на меня съ вопросомъ и тревогой и начинали бѣгать по сторонамъ, испуганные и жалкіе. Я зналъ ихъ. Это были глаза Наумыча.

— Боится,—проносилось въ уставшемъ мозгу...—А мнѣ что же? Такъ и оставаться навсегда въ этой постылой промозглой ямѣ?..

У меня семейная радость: умеръ маленькій... Ему пошелъ только двѣнадцатый мѣсяцъ.—Подъ конецъ я не могъ смотрѣть на него... Это была одна сплошная гноевая болячка... Подсохнетъ, сдерется, какъ кожа съ картошки, эта гадость и сейчасъ же снова начинаетъ мокнуть и гноиться... Кричалъ онъ днемъ и ночью, и этотъ неумолкаемый крикъ смертельно терзалъ мое сердце. Нѣсколько разъ посылалъ я жену въ больницу, но она, будто на зло мнѣ, предпочитала лечить его какими-то домашними средствами, какой-то травой-чередой... Теперь, когда мальчикъ уже успокоился, она плачетъ и опять винитъ меня:

— Ты, ты всему дѣлу, мошенникъ, причиненъ,—кричитъ она,—погоди, дождешься, всѣхъ робятъ погубишь, всѣхъ голодной смертью поморишь... Какой ты есть отецъ, когда дѣти разумши, раздѣмши, голодныя... За какимъ ты чертомъ женился?

Сколотилъ я изъ досокъ кое-какой гробикъ и вырылъ на погостѣ могилку...

Погостъ у насъ отъ церкви съ версту или даже больше, глухой, старый, заросшій травой и запущенный...

Я провелъ тамъ почти весь день... Выбралъ сначала мѣсто, повырубилъ сучья, корни и началъ рыть яму. Рыть было трудно: глинистая земля слежалась и затвердѣла, какъ камень... Уставъ, я садился отдыхать, и странное чувство какой-то тихой и даже пріятной скорби, отъ которой хотѣлось плакать, наполняло мою душу.

Глубокая, жуткая тишина царила на кладбищѣ. Неслышно падали съ березъ уже сильно пожелтѣвшіе листья... Высокая трава, „метла" пожухла и побурѣла .. пахло легкой гнилью... На бугоркахъ-могилахъ стояли кое-гдѣ кресты; другіе уже валялись на землѣ, подгнивъ снизу... Нѣкоторыя могилы, вырытыя, очевидно, зимой и заваленныя кое-какъ мерзлыми комьями, теперь проваливались, и какъ-то особенно жутко было глядѣть на эти зіяющіе провалы... Все поросло травой, бурьяномъ, кустарникомъ и стояло въ тихой задумчивости среди сырого тлѣнія.

Я глядѣлъ на эти забытыя, заросшія, заброшенныя могилы и думалъ:

— Какіе люди лежатъ подъ ними? Вѣдь они тоже жили когда-то, двигались, думали, страдали, радовались—и нѣтъ ихъ... И я буду лежать здѣсь же, и меня зароютъ въ такую же яму... Что останется отъ меня? Куда дѣнется то, чѣмъ я сейчасъ живъ, что заставляетъ меня двигаться, думать, страдать и работать? И почему тѣ люди, которые вѣрятъ въ загробную жизнь, боятся все же смерти? Если бы я могъ вѣрить, если бъ былъ твердо убѣжденъ, что тамъ есть что-то другое лучшее или хоть просто иное, я не сталъ бы, кажется, дожидаться смерти, а изъ одного любопытства узнать поскорѣе, что и какъ тамъ, убилъ бы себя... Я очень завидую этимъ людямъ-дѣтямъ, вѣрующимъ въ то, чего никто не видалъ и не знаетъ. Чего имъ бояться? Самыя страданія на этой землѣ пріобрѣтаютъ и смыслъ, и значеніе: вѣдь чѣмъ больше горя, грязи, нищеты и униженія здѣсь, тѣмъ больше награда тамъ...

А я? Во что я вѣрю? За что мнѣ уцѣпиться? Прожить въ нищетѣ, въ грязи, въ униженіяхъ всю жизнь и въ концѣ концовъ попасть въ яму, гдѣ меня съѣдятъ черви и ничего отъ меня не останется... Зачѣмъ же я страдаю?.. Нѣтъ, я буду бороться!.. Пусть мои братья, „свободные граждане", ковыряютъ свою проклятую глину, живутъ въ лачужкахъ, пусть „все терпятъ во имя Христа", пусть ждутъ и вѣрятъ, что имъ будетъ хорошо *тамъ*... Я не могу. Я хочу, чтобы мнѣ было хорошо *здѣсь*... Хоть бы годъ, недѣлю, день—все равно.. Отъ этого года, недѣли, дня, отъ одного яркаго

часа освѣтятся промозглые сумерки всей моей невыносимой жизни..

Да, я этого хочу... И я сдѣлаю это, сдѣлаю, сдѣлаю...

Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, схоронилъ я своего несчастнаго мальчишку. Потомъ зло поругался съ батюшкой изъ-за денегъ. Началъ онъ меня при всѣхъ (дѣло было въ воскресенье) „усовѣщевать" въ томъ, въ чемъ я совсѣмъ неповиненъ. Я чувствую, что онъ меня ненавидитъ. Впрочемъ, онъ и не скрываетъ этого. Даже называетъ не по имени, а „сознательный".

— А-а-а, сознательный, ну какъ поживаешь? Почитываешь. Толстого, а?.. Максимку Горькаго тоже? Доброе дѣло, до-о-оброе дѣло. Ахъ ты, горе луковое! Профессоръ кислыхъ щей, философъ Спиноза!.. Конституція, революція!.. Ка-акъ же!.. Взять бы тебя, да—погоди, дождешься еще—разложить въ волости, да вмазать штукъ полтораста! Забылъ бы и думать, что есть какой-то Толстой!..

И, сверкнувъ злыми глазами, онъ сказалъ съ угрозой:

— Ты у меня помути народъ, ты помути! Я терпѣливъ, но всему бываетъ конецъ, и мое терпѣнье лопнетъ... Ты вѣдь кто, а? Пойми ты себя, возьми въ голову-то въ свою: червякъ вѣдь ты, паръ, ничтожество... Фу-у-у—и больше ничего, неосязаемый предметъ... тебѣ ли соваться-то, а?.. Почему ты въ храмъ божій не ходишь, какой ты примѣръ подаешь своимъ дѣтямъ, да и другимъ тоже, а?.. Гдѣ и чему учился? Помни, дружокъ, что ты у меня всегда на примѣтѣ, глазъ я съ тебя не спускаю: чуть что, фи-и-ть и кончено! Попадешь, не оглянешься, къ ледовитому океану... Мнѣ вѣдь все передано: ты мои дѣйствія осуждаешь и критикуешь, носъ суешь не въ свое дѣло? Думаешь, не знаю, что ты проповѣдовалъ насчетъ колодца, а? „Молебствіе не поможетъ, напрасно это?" Какъ такъ напрасно? Почему напрасно? Это, значитъ, молиться тебѣ напрасно? Стало быть, ты не признаешь уже и силу молитвы?.. Это чѣмъ пахнетъ, понимаешь ты?..

Дѣло было въ томъ, что у насъ почти пересохъ колодецъ, и въ немъ откуда-то появилась пропасть лягушекъ... Лягушекъ повытаскали, но онѣ появились снова. Бабы перестали черпать воду, считая, что она „поганая". Батя узналъ объ этомъ и посовѣтовалъ „освятить" колодецъ. Подняли иконы, пришли къ колодцу всѣмъ міромъ,—мужики, бабы, дѣвки, ребятишки, — настоящій праздникъ устроили... Батя прочелъ молитвы, какія полагаются, объ

уничтоженіи гада и освятилъ колодецъ. Но лягушки и послѣ этого не пропали...

По этому поводу, какъ-то вскользь и безъ всякаго намѣренія, я высказалъ кому-то изъ мужиковъ скептическое, хотя и невинное по существу замѣчаніе. „Добрые люди“ передали, какъ водится, съ добавленіями, и онъ еще больше возненавидѣлъ меня.

— Вотъ Богъ тебя и наказалъ—заключилъ онъ:—сына вотъ отнялъ... Ты это знаменіе-то понялъ ли? Или какъ по твоему, а?

— По моему,—отвѣтилъ я угрюмо,—не меня наказалъ, а только сжалился надъ младенцемъ.

— Гм! Философія опять. Толстой!.. Брось, я тебѣ говорю, все вѣдь это у тебя чужое, своего ничего нѣту... Ничего не понимаешь, а туда-же судишь обо всемъ... Работалъ бы больше, а то съ философіей-то своей живешь хуже послѣдняго нищаго. Жена твоя мнѣ жаловалась: „не знаю, говоритъ, что и дѣлать: ничего нѣту, съ голоду мремъ“... Хорошо? что, а?

— Да я-то чѣмъ же виноватъ?

— А кто-же? У другихъ есть, а у тебя вонъ какого-нибудь гривенника, и того нѣту... а главное: заботы имѣть добыть его и попросить ты отъ гордости не можешь... Какъ, дескать, я, такой-сякой, сознательный, кланяться стану... отъ этого и гибнешь,—что смиренія въ тебѣ нѣтъ, ласки, покорства... волкомъ на всѣхъ глядишь.., Ну, никто тебѣ и не поможетъ... Что? Неправда? Я вѣдь насквозь тебя вижу: злоба у тебя, зависть, ненависть, бунтъ, крамола!.. Плохо ты кончишь, попомни мои слова—плохо!

Закопавъ въ землю гробикъ, я ушелъ съ кладбища, оставивъ на могилѣ воющую жену, и, выпросивъ у кого-то на водку, напился до безпамятства...

Говорятъ, что я ходилъ послѣ того по деревнѣ, сквернословилъ, плакалъ, проклиналъ, грозился все кого-то убить и ограбить.

„Убить и ограбить“... Да, значитъ, и въ пьяномъ видѣ эта мысль не покидала меня. Хорошо, что никто, по обыкновенію, не придаетъ значенія пьянымъ рѣчамъ...

Съ этого случая я перестаю пить...

Вотъ и настоящая осень пришла... Уже половина почти сентября, а погода стоитъ удивительно хорошая... Дни солнечные, теплые, ясные и тихіе. Ночи еще лучше. Когда въ избѣ все замолкнетъ, уснетъ (со смертью маленькаго стало тише), я ухожу изъ своего чулана въ огородъ и

сажусь тамъ подъ старой яблоней на скамейкѣ. Я сижу здѣсь подолгу. Надо мною темносиняя бездна, усыпанная звѣздами. Точно кто-то играетъ ими: онѣ то загорятся, то погаснутъ, то замигаютъ, то падаютъ... Налѣво, на востокѣ, виситъ, точно фонарь, мѣсяцъ, окруженный бѣловатой дымкой, и когда долго не спускешь съ него глазъ, кажется, видишь его тихое движеніе въ ночномъ небѣ.

Тишина вокругъ поразительная. Все—и деревья, и оставшіеся еще на вѣткахъ листья, и кусты, и плетень, и пустое поле за огородомъ, и овины, и избы,—все замерло, притаилось и ждетъ чего-то...

Тихая грусть вдругъ защемитъ сердце, начнешь перебирать свою жизнь... Что сдѣлалъ, какъ было прежде и какъ стало теперь? Что будетъ дальше? Какой смыслъ въ моей жизни? Какъ придетъ смерть? Какая она будетъ? Гдѣ?

Тяжело станетъ на душѣ, обида и жалость къ себѣ и другимъ... Зачѣмъ все такъ вышло? И почему вышло именно такъ, когда могло-бы быть иначе? Кто виноватъ въ этомъ?

Часто только подъ утро я возвращался къ себѣ, въ свой постылый чуланъ, и, вмѣсто синяго неба съ мѣсяцемъ и звѣздами, на меня глядѣло окаянное убожество, грязь и тоска моей повседневной жизни. Завтра будетъ то же самое и послѣзавтра... Нужели такъ до конца жизни?.. Эта мысль, точно ударъ кнута, сразу разогнала очарованіе смутныхъ ночныхъ настроеній... И когда онѣ окончательно разсѣивались, а постылые будни еще не успѣвали захватить цѣликомъ мою душу,—въ умѣ рѣзко и отчетливо звучало:

— Нѣтъ, такъ не должно быть... Надо рѣшиться...

„Рѣшиться" порой мнѣ кажется такъ просто: придти *туда*,—отодвинуть доску подъ кроватью и вынуть ящикъ. Въ этомъ ящикѣ все, что мнѣ нужно, чтобы сразу стало иначе... Да, но раньше нужно сдѣлать еще что-то... Какъ я это сдѣлаю? Что буду дѣлать въ это время? Что буду думать послѣ?.. Какъ будутъ смотрѣть на меня эти испуганные глаза?.. И порой мнѣ хотѣлось плакать о себѣ и молиться;

— Господи, да я ли это думаю?. Да гдѣ же я, прежній, у котораго еще не было этихъ неотвязныхъ мыслей?..

Ходилъ туда подъ предлогомъ купить махорки... Кажется, я и самъ думалъ въ ту минуту, что иду за махоркой, но мои глаза пытливо и быстро всматривались во всю обстановку, а въ умѣ пробѣгали соображенія *о томъ*...

Приняли меня, какъ и всегда, ласково. Самъ пригласилъ пить чай.

— Что тебя, сынокъ, давно не видать?—говорилъ онъ,

оглядывая меня съ ногъ до головы, ни слуху, ни духу... Вспоминалъ я объ тебѣ, что, молъ, такое значитъ? Обидѣлся, знать, за тогдашнее?.. Ну, какъ поживаешь? Похудѣлъ ты за это время, обросъ, почернѣлъ... Нездоровится, знать?.. Да?..

— Всего тутъ есть,—сказалъ я, не глядя ему въ лицо,—плохо живу.

— Сердцемъ ты горячъ, сынокъ. Да... Надо бы, надо тебѣ какъ нибудь поправляться... Н-да... Конечно, надо... Управился-ли съ дѣлами-то?..

Я махнулъ рукой.

— На мѣсто-бы на какое поступилъ на зиму-то, а?—сказалъ онъ, отыскивая мой взглядъ глазами... Я тоже взглянулъ ему въ глаза и вдругъ почувствовалъ, какъ будто что-то изъ моихъ глазъ перебѣжало въ его и изъ его въ мои. Это было мгновеніе, острое и жуткое. Я вздрогнулъ, а онъ отвелъ глаза и, вздохнувъ, сказалъ опять тѣмъ же тономъ просящимъ и жалкимъ, какъ тогда, въ праздникъ:

— Да, сынокъ, тяжелыя времена пришли... Послушаешь: тамъ убили, тамъ ограбили, тамъ въ церковь забрались... Подумай, въ церковь! Не то ужъ насъ,—Бога и того ограбить норовятъ. Что-же это будетъ, сынокъ? Что будетъ, а?..

Я молчалъ и, глядя на его огромную лысину, весь холодѣя и содрагаясь отъ какого-то *пріятнаго* ужаса, думалъ:

— Да, бываетъ.. Придетъ кто-нибудь и къ тебѣ... Тогда ужъ... Вотъ по этому мѣсту,—топоромъ.. лезвіемъ... по самый обухъ... черепъ на двѣ половинки... кровь зальетъ глаза и лицо, и бороду... Не закричитъ,—не успѣетъ... Упадетъ сразу... Куда? Мои глаза пытливо измѣряли: куда упадетъ голова, какъ падаетъ тѣло...

— На мѣсто бы шелъ—опять послышался его голосъ, прерывая молчаніе... Сколько времени мы молчали оба? Одну секунду или минуту? Или полчаса?

— Да и то хочу попробовать въ Москву сходить,—совралъ я.

— А тебѣ можно-ли въ Москву-то?—спросилъ онъ какъ-то вкрадчиво...—Я слышалъ, правда-ли нѣтъ-ли, люди говорятъ: нельзя тебѣ, ишь, въ Москву-то...

— Мало-ли, что говорятъ...—отвѣтилъ я, подумавъ:—вранье все!

— Та-а-а-къ!—протянулъ онъ, какъ будто съ облегченіемъ...—Да вѣдь оно, конечно, можно и такъ... Мало-ли тамъ народу-то?—а когда думаешь?

— Да къ Покрову какъ-нибудь... дровишекъ вотъ еще надо навозить, запасти на зиму...

— Та-а-а-къ!—опять протянулъ онъ, помолчавъ, и сказалъ:—Ты тогда толконись ко мнѣ: я тебѣ письмецо дамъ къ знакомому, на Арбатѣ живетъ... Лавка своя, торгуетъ... можетъ, онъ тебя по моей рикиминдаціи не впихнетъ-ли куды... Пѣшкомъ пойдешь?

— Да, навѣрно. На машину денегъ нѣтъ.

— Пѣшкомъ-то долго. Послѣдніе сапожонки растреплешь, пока дойдешь... На машину-бы добылъ...

Онъ помолчалъ и прибавилъ:—Не бо знать, кака сумма шесть-то гривенъ...

— Да гдѣ-жъ денегъ-то взять?

Онъ поглядѣлъ на меня опять, что-то обдумывая и какъ будто не рѣшаясь, и потомъ сказалъ:

— Я, пожалуй, дамъ... такъ и быть, выручу ужъ... Жалко мнѣ тебя, ей-Богу, жалко... Человѣкъ ты хорошій, а пуще того дѣтей твоихъ жалко... Поступишь на мѣсто, все, глядишь, копейку пришлешь... сыты будутъ. Ко мнѣ и приходи тогда съ вечера,—барабаня по привычкѣ пальцами по столу, продолжалъ онъ:—побудешь у меня, а часиковъ эдакъ съ двѣнадцати аль попозднѣй—пойдешь, себѣ съ Богомъ... Приходи, приходи! Мы рады посидѣть съ тобой ночь-то, а то, вѣришь?—измучились вѣдь...

Онъ заговорилъ тише и какъ-то жалобно, опять какъ тогда, въ праздникъ:

— Время пришло глухое, ночи долгія... Долгія ночи-то! Стукнетъ гдѣ или мышь заскребетъ... вотъ-вотъ, думаешь, идутъ уже... всю ночь и не спимъ, запираемся кругомъ... Собака была у насъ, помнишь,—жуликъ-то... Песъ ее знаетъ съ чего издохла въ одночасье... Ужъ не отравилъ-ли кто, думаемъ, съ подвохомъ съ какимъ-нибудь... Боимся сынокъ, ей-Богу!.. Придутъ—что тогда? Много-ль намъ надо, люди мы старые... Страшно!..

Лицо у него стало вдругъ сердитое, и онъ заговорилъ со злостью:

— Время пришло, прости Господи, окаянное; люди стали какіе-то злодѣи: ни Бога, ни совѣсти, ни страху, ни трепета... Намедни послушалъ: мальчишки во какіе, отъ земли не видать,—пѣсни какія поютъ... Господи-Создателю! Волосъ дыбомъ всталъ: про власть предержащую такое въ пѣснѣ выражаютъ, страсти, истинный Господь! А съ кого переняли?.. Извѣстно, не сами выдумали... Дальше-то чего-же ждать, а? Дальше-то что-жъ пойдетъ?.. Обхватила Россію зараза, въѣлась, вкоренилась, какъ клопы въ деревянной кровати, трудно вывести теперича... И вѣшаютъ вотъ, сколько ужъ перевѣшали подлецовъ, а пользы видится мало: не помогаетъ, такъ только себя тѣшатъ... Я, вотъ, газету читаю...

Дума эта, напримѣръ, правые тамъ... Знаю: хорошіе люди, и рѣчи ихнія мнѣ, старому человѣку, по душѣ, а только дивлюсь я, какъ это они не поймутъ, что рѣшетомъ воду черпаютъ?.. Неужели не видятъ, не смыслятъ, что рѣчи ихнія только потѣха одна для нонѣшняго народу... Смѣется надъ ними народъ, злобствуетъ на нихъ... Они думаютъ, народъ все такой-же, какъ допрежь былъ... Какъ мы, старики: „чего извольте" да „слушаю-съ"... Ну, нѣтъ, ужъ теперича не то!.. страху этого прежняго нѣту... Смиренія нѣтъ, покорности нѣтъ, злоба одна... Ничего не подѣлаешь,—вкоренилась, говорю, зараза... въѣлась...

— Да вѣдь сами говорите: вѣшаютъ, кажется, довольно?— возразилъ я. Старикъ опять весь побагровѣлъ и, немного помолчавъ, сказалъ:

— Ну и что-жъ, что вѣшаютъ... пустое это дѣло! Что ему, сукину сыну, значитъ, что его повѣсятъ?—Наплевать! Нешто онъ скорбитъ объ своей жизни... Отчаянный: на все идетъ, а попался - вѣшай!—скоро и хорошо... Это развѣ наказаніе?.. Это въ родѣ какъ: отвѣтилъ, молъ, мелкихъ нѣту...

Онъ замолчалъ и нервно забарабанилъ по столу пальцами. Лицо его покрылось красными пятнами, сѣдыя брови сердито нахмурились, и изъ-подъ нихъ глядѣли на меня пристально и злобно маленькіе, нечистые, будто осочкой прорѣзанные, китайскіе глаза.

— Придетъ,—началъ онъ опять,—какой-нибудь... У котораго нѣтъ ничего... перебьетъ, перерѣжетъ всю семью, дѣтей малыхъ, андельскихъ душекъ, не пощадитъ... Оберетъ, что надо, и уйдетъ.—Давай послѣ того гулять!.. Возьмутъ его какъ-нибудь, можетъ, пьянаго... Живо это осудятъ, веревку на глотку... вздернули... га-а-тово! Подрыгалъ ногами минутъ десять и шабашъ... тьфу! Да нешто этого онъ заслужилъ по дѣламъ-то своимъ, а? Нѣтъ, ты его оставь, да муку ему придумай... На всю жизнь... Да такую, чтобы мучился ежечасно, день и ночь, безпрестанно... Вотъ ему, что надо. И чтобы другіе, которые ему подобные—вострепетали... Вотъ тогда поймутъ... Такъ-ли я говорю? Вотъ то-то и оно-то... а вы имъ не толкуйте: то-се, пято-десято... н—да!..

Онъ торопливо, большими глотками, допилъ простывшій чай и, желая видимо перемѣнить разговоръ, спросилъ:

— Такъ, значитъ, придешь?

— Приду,—отвѣтилъ я, почему-то вздрагивая и чувствуя, какъ все захолонуло у меня внутри.—Приду, непремѣнно.— Спасибо вамъ за ласку.

— Не на чемъ... Приходи,—съ вечера приходи... Посту-

пишь тамъ, можетъ, Богъ дастъ, въ Москвѣ, тогда сочтемся... Чай, отдашь?

— Спасибо!—еще разъ поблагодарилъ я и, отуманенный, точно пьяный, ушелъ отъ него.

Новость въ деревнѣ: опилась водкой „до смерти" Аринка Гущина.

Сходилъ, между прочимъ, посмотрѣть. Лежитъ баба около сарая, съ какимъ-то чернымъ лицомъ. Пальцы на рукахъ скрючены, голова не покрыта,—волосы растрепаны. Одинъ глазъ полузакрытъ, другой смотритъ. Рядомъ—„вещественное доказательство"—пустая бутылка изъ-подъ водки, а другая, цѣльная, за пазухой. Гдѣ баба достала денегъ на водку, пока еще неизвѣстно. Выяснилось только, что взяла въ казенкѣ „на чистыя деньги" двѣ бутылки да полбутылки. Полбутылки выпила тамъ же, на мѣстѣ, около казенки, а двѣ взяла съ собой и, придя въ деревню, около своего сарая, выпила, очевидно, уже цѣлую бутылку и ткнулась тутъ же, гдѣ сидѣла...

Тѣла не трогаютъ: ждутъ „начальства", по обыкновенію, „караулятъ"... Мужъ пришелъ съ фабрики, дѣти—двѣ дѣвочки—смотрятъ удивленными глазенками, ничего не понимая. Вокругъ, съ возбужденными лицами толкутся и трещатъ, какъ сороки, обрадованныя выходящимъ изъ ряда событіемъ бабенки. Мужики или хмурятся, или потихоньку посмѣиваются... Мужъ, высокій, тонконогій, съ худымъ лицомъ, плохо одѣтый крестьянинъ не проявляетъ никакихъ признаковъ горя: онъ куритъ папироску, безпрестанно сквозь зубы, противно, по фабричному, „цыркая" на землю слюной, и, какъ будто, даже доволенъ.

А надъ этой деревенской картиной виситъ сѣрое, мутное, низкое небо, изъ котораго по временамъ мороситъ дождь... Каркая, пролетаютъ мимо вороны, жалобно „вопитъ", точно плачетъ гдѣ-то на усадьбѣ, овца, упрямо и монотонно тявкаетъ собака... Кричатъ пѣтухи, наноситъ откуда-то ѣдкимъ горькимъ дымомъ, за овинами въ пустомъ полѣ кричитъ пастухъ: О-о-охъ!.. о-о-охъ! о-о-охъ!..

Тоска... Господи, какая тоска!..

Дома все то же...—или, впрочемъ, еще гораздо хуже. Снаружи, съ улицы, жена „загодя" завалила, по нашему „запелѣдила" избу осокой на зиму, для тепла. Закрыла до половины окна, и потому въ избѣ даже среди дня полутемно, какъ говорится: „днемъ съ огнемъ". Дѣти ходятъ словно

пришибленныя, жалкія, голодныя, съ выпяченными животами, разутыя... Съ перваго еще сентября начались въ школѣ уроки, а мой старшій мальчишка сидитъ дома: мать не пускаетъ безъ сапогъ... всѣ обуты, а ты разумши, „стыдно, учитель осудитъ"...

Къ довершенію, къ ужасу моей жизни, жена сказала правду: она, дѣйствительно, „чижолая"... Умершему исполнился-бы годъ...

Подлость! грязь! стыдъ!

На жену просто страшно смотрѣть: лицо худое, щеки втянулись, желтыя пятна, синяки подъ огромными съ блескомъ глазами... Походка точно у пьяной... „Такъ меня и швыряетъ всяе изъ стороны въ сторону", — говоритъ она, постоянно злая, обтрепанная, въ огромныхъ стоптанныхъ опоркахъ на босую ногу.

— Издохнуть бы мнѣ, провалиться... Такъ нѣтъ: и чертъ-то меня не беретъ, кошку живущую... Не разродиться бы дай-то Господи! Пузо бы у меня лопнуло, у псовки... Что надѣлала, а?.. На году почитай двое!?. Что-жъ это будетъ-то... о-о-ой, батюшки! Ой, батюшки!

— А все ты... все ты, кобель проклятый!—накидывается она на меня...—Ужъ хоть бы не такъ досадно,—жили бы по людски, а то придетъ время,—рожу, завернуть щенка не во что... Лишняго заваляшщаго лоскутка въ дому не найдешь... О-охъ, батюшки! О-охъ, батюшки!

И такъ каждый день... Я хорошо понимаю, что и она по своему права, нельзя такъ жить... Надо ихъ, *во что бы-то ни стало надо*—обуть, одѣть и кормить... Но гдѣ же я возьму?..

И какой-то злой, знакомый голосъ ясно шепнулъ въ душѣ:—Гдѣ?.. Не знаешь, гдѣ взять?.. И чего только ждешь?.. Пока ты не рѣшаешься и все только раздумываешь, все равно придетъ другой, рѣшительный и сильный, и возьметъ... сильнымъ жизнь...

И мнѣ показалось вдругъ все такъ просто: солнце, что ли, перестанетъ свѣтить, когда исчезнутъ эти два никому ненужныхъ существа,—противный скупецъ съ прорѣзанными осочкой глазами и эта баба безъ человѣческой мысли въ тупой головѣ?.. Кому они нужны?.. Взялъ кто-нибудь изъ муравейника двухъ муравьевъ, выбросилъ, раздавилъ... Не все ли равно? Кто замѣтитъ?

— Вѣрно!—говорило что-то въ душѣ твердо и опредѣленно... Добро и зло выдумали люди, а въ сущности... можетъ быть, зло-то и нужно?.. Можетъ быть, въ немъ и есть самая суть нашей жизни... Большинство людей привыкаетъ

работать правой рукой. Но есть и такіе, что все дѣлаютъ лѣвой. А результаты тѣ же.

Этотъ аргументъ въ ту минуту показался мнѣ совершенно убѣдительнымъ:

— Да, да, именно такъ: одни—правой, и говорятъ: такъ и надо, это добро. А другіе—лѣвой... пьютъ, ѣдятъ... и говорятъ: мы вотъ и такъ сыты... ха-ха... Ну, такъ. Это вѣрно. Теперь другое. Если сдѣлать лѣвой рукой... убить. А тѣ-то, правые, глядишь—поймаютъ. Бываетъ вѣдь это и даже довольно часто... Тогда они меня правыми-то своими руками заборятъ...

И мнѣ представилось съ какой-то ощутительной ясностью: *это* сдѣлано, и все осталось по старому. Муравейникъ жизни копошится попрежнему, только нѣтъ въ немъ ни *ихъ*, тѣхъ двухъ, ни меня... а дѣти мои останутся... еще несчастнѣе, чѣмъ теперь?..

— Ну, что-жъ... Меня „только повѣсятъ“,—какъ говорилъ Наумычъ,—не болѣе... А ту-то, неизбѣжную муку, которой онъ хотѣлъ бы предать грозящихъ ему невѣдомыхъ враговъ,—ее-то я терплю ежедневно, ежеминутно, безпрестанно... Петля можетъ только избавить отъ нея... Меня не будетъ... Не-бу-детъ... Что это значитъ? Прежде всего не будетъ этой тоски, этого стыда, вражды, озлобленной жены,—крика голодныхъ дѣтей... Ничего я этого не услышу. Плохо это? Нѣтъ, это хорошо... Это—успокоеніе. Наумычъ правъ: это не можетъ удержать отъ того, что можетъ быть сдѣлано „лѣвой рукой“... „Мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной сказки“, тяжелой, страшной, ненужной сказки... Такъ чего же бояться... А зато—этотъ мигъ могущества... Держать ее, эту жизнь, и свою и чужую, въ своихъ могучихъ, сильныхъ рукахъ...

Я задрожалъ отъ жуткаго наслажденія...

— Бояться смерти на висѣлицѣ?.. Какъ глупо! Вѣдь смерть всегда со мною и безъ висѣлицы... Со мною и спитъ, и ѣстъ, и ходитъ, и радуется, и плачетъ, и караулитъ, и глумится надо мной, выбирая только по своему усмотрѣнію время, когда взять и покончить. Она постоянно играетъ мной, какъ кошка мышкой: хочу—сейчасъ съѣмъ; хочу—погожу; а все-таки въ концѣ концовъ ты мой, и ничего отъ тебя не останется, точно не жилъ на свѣтѣ... А вотъ же нѣтъ: я самъ буду держать тебя въ рукахъ, и ты будешь работать не по своей, а по моей волѣ...

Это было мгновеніе потрясающей радости... Но вслѣдъ за этимъ пришло другое. Острая жалость къ себѣ вынырнула откуда-то неожиданно и бурно. Я заплакалъ... Господи! Почему я—именно я—испытываю все это, почему и откуда вошли въ меня эти мысли?.. И заглушаютъ что-то

другое, мое собственное, съ чѣмъ я когда-то былъ спокоенъ и счастливъ...

Я завтра пойду *туда*... Да, пойду непремѣнно! Ждать больше я не могу. За чѣмъ я пойду? За этой шкатулкой, что стоитъ подъ кроватью? Странно, но я совсѣмъ мало думаю о ней и о деньгахъ... Я думаю только о себѣ. Съ мучительнымъ и даже пріятнымъ чувствомъ прислушиваюсь я къ движеніямъ своей мятущейся души, которой теперь нужны уже не деньги и не то, что можно добыть на нихъ... Нужно сдѣлать.. нужно дойти до конца въ чемъ-то, требующемъ завершенія.

Въ моей горькой жизни оставалось одно: теплился огонекъ надежды... Теперь онъ звалъ меня... Куда?.. Къ Наумычу...

Какъ ребенокъ, проснувшійся однажды и нашедшій у себя подъ подушкой игрушку, которую ему принесъ ночью рождественскій дѣдъ, я всякое утро послѣ того радуюсь и шепчу про себя: а у меня есть, а у меня есть, а у меня есть!..

И какъ я это „сдѣлаю"?.. Сразу, вотъ теперь? Нѣтъ... вѣроятно, еще нѣтъ.. Я пойду *туда*... пока еще *это* надо обдумать, надо взвѣсить и подготовить...

Чѣмъ я это сдѣлаю?

Ружье, одностволка?.. вотъ она виситъ на стѣнѣ, давнымъ-давно заряженная крупной дробью... ружьишко дрянное, старое, съ надколотой капсулькой, съ которой сваливается нерѣдко пистонъ... Не годится, дастъ осѣчку... да и что подумаютъ хозяева, увидѣвъ, что я пришелъ съ ружьемъ... Какъ сразу забѣгаютъ тревожные, прорѣзанные осочкой глаза Наумыча. „Зачѣмъ, молъ, тебѣ въ Москву ружье?" Сказать, что взялъ только на дорогу, дойти до васъ... дѣло молъ, ночное? Нѣтъ, ружье вообще не годится: гулъ выстрѣла отдастся ночью по всей деревнѣ... А за выстрѣломъ отчаянные бабьи вопли. Вѣдь ее то не убьешь тѣмъ же выстрѣломъ... А ружье одноствольное... Мысль, вѣрное воображеніе работало отчетливо и быстро.

Топоръ? Есть у меня старый, небольшой! Годится: за поясъ, подъ пиджакъ; когда понадобится, можно выхватить быстро... взмахнуть и... Мнѣ слышался уже сухой хряскъ черепа въ маленькой комнаткѣ Наумыча. Лампа стоитъ на столѣ—свѣтитъ... окна занавѣшенныя... большіе часы на стѣнѣ хлопаютъ маятникомъ, выговаривая, какъ живые: такъ, такъ! такъ, такъ!.. Кровь... Господи, Господи помоги мнѣ! Гдѣ ты, Господи, гдѣ ты?! Видишь-ли ты, что со мной дѣ-

лается?.. Помогите кто-нибудь... разорвите кто-нибудь мое сердце!..

Гдѣ я? Что со мной? Я опять въ своей каморкѣ? Всѣ спятъ, а я сижу за столомъ. И передо мной моя тетрадь, куда я заносилъ всѣ эти свои черныя, кровавыя мысли?

И *это* уже сдѣлано? Неужели, о неужели?.. Люди, милые мои братья... Я такъ люблю васъ... Можете-ли вы простить меня?.. Самъ я, все равно, себя не прощу. Сейчасъ брезжитъ утро... Вечера для меня уже не будетъ... И пусть эта тетрадь скажетъ вамъ, что я сдѣлалъ и отчего ухожу...

Что, если-бы меня теперь, какъ хотѣлъ Наумычъ, *насильно* оставили жить?.. О нѣтъ, нѣтъ, это было-бы слишкомъ, слишкомъ жестоко...

Какъ это было?.. Вотъ какъ:

Я ушелъ изъ своего чулана, когда въ избѣ стало совсѣмъ тихо, и всѣ заснули; было часовъ десять или немного позднѣе...

За плечами у меня была сумка, набитая сѣномъ,—въ рукахъ узелокъ съ краюшкой хлѣба... За поясомъ, подъ длиннымъ и широкимъ мужичьимъ пиджакомъ, болтался топоръ, который при каждомъ моемъ шагѣ потихоньку ударялъ топорищемъ по ногѣ...

Ночь лунная, тихая, чуткая, съ легкимъ морозцемъ.

Тихо крадучись вдоль забора, спустился я подъ горку, позади овиновъ, къ ручью, перешелъ его и пошелъ лѣсомъ, стороной, по тропинкѣ... Въ лѣсу было необычайно тихо и торжественно.

Подъ ногами съ трескомъ ломались сухіе сучья, шуршали опавшіе листья. Отъ деревьевъ ложились уродливыя, странныя тѣни, а луна, окруженная яркими звѣздами, свѣтила съ нѣжною жалостью... Я слышалъ на ходу, какъ въ груди колотилось сердце—то часто, то рѣдко, точно испорченные часы. Въ головѣ мелькали и кружились странныя, совсѣмъ ненужныя, пустыя мысли... А за ними, притаившись... да, именно, именно, притаившись на самомъ днѣ души, какъ змѣя, лежало то, что я собирался сдѣлать... И я боялся: если эту змѣю потревожить, она ужалитъ, и я сойду съ ума...

То, что мнѣ нужно было сдѣлать, было страшно... Я понималъ, что это страшно; но... я не знаю, чѣмъ объяснить это,—я шелъ безъ колебаній. Я зналъ, что я это сдѣлаю... Зачѣмъ? Я зналъ также, что пользы отъ этого мнѣ не будетъ, и о деньгахъ не думалъ... И зналъ, что за этимъ будетъ огромное, непоправимое страданіе... да, да, хорошо зналъ... я все зналъ—и все таки сдѣлалъ!..

Къ дому Наумыча я подкрался со стороны поля. Пройдя въ тѣни высокаго плетня, завернулъ за уголъ и заглянулъ въ окна... Окна были плотно завѣшены, и огня не было видно.

Кругомъ все было тихо. Село спало. Избы стояли темныя, молчаливыя и печально выжидающія. Свѣтъ луны освѣщалъ дорогу мертвымъ, фосфорическимъ свѣтомъ... Гдѣ-то очень далеко тявкала собака, и стучали колеса... кто-то ѣхалъ...

Я постоялъ еще, слыша, какъ въ груди колотится испуганное сердце... Потомъ, какъ-то сразу, машинально шагнулъ въ полуотворенную сломанную калитку и, подойдя къ окну, стукнулъ въ раму... стукнулъ и испугался... Отвѣта не послѣдовало.

Весь холодѣя, я стукнулъ сильнѣе три раза подрядъ... Отдернулся снизу уголъ занавѣски, и я увидѣлъ, какъ Наумычъ, приложивъ лицо къ стеклу и загородивъ щеки ладонями рукъ, старается разглядѣть, кто стучитъ.

— Кто тутъ?—послышался сквозь двойныя рамы испуганный голосъ.

— Я!—тоже какъ-то глухо и испуганно вырвалось у меня.

— А-а-а!.. Сейчасъ!... обожди!—очевидно, сразу узнавъ меня и обрадовавшись, крикнулъ онъ.

Занавѣска опустилась, и свѣтъ, вырвавшійся было изъ окна въ отдернутый уголъ, пропалъ.

Сразу стало темнѣе, тихо и жутко.

...Не убѣжать ли, пока не поздно?..

Поздно: Григорій Наумычъ уже громыхалъ засовомъ, отворяя дверь.

— Ты что-ль, сынокъ?!—крикнулъ онъ съ крыльца.

— Я...

— А мы со старухой думаемъ: кто это?... Испугались,— не жулики ли, молъ, пришли?. Иди, иди скорѣе! Вотъ и хорошо сдѣлалъ, что пришелъ!—радостно говорилъ онъ, впуская меня и запирая снова запоры и засовы входной двери. Въ Москву собрался никакъ?

Я не отвѣтилъ и молча, держась позади, прошелъ за нимъ изъ сѣней въ домъ. Здѣсь въ небольшой кухнѣ (она же и прихожая), отдѣленной отъ горницы „тесовой“ переборкой, я снялъ свою набитую сѣномъ сумку и, положивъ ее въ сторонку, въ уголъ, сказалъ: „Бѣльишко тутъ... рубашки.. кое-что“...

Голосъ мой звучалъ странно. Сердце похолодѣло и мучительно ныло, въ ногахъ чувствовалась тяжесть, и я едва передвигалъ ихъ. Мы вошли въ горницу.

Здѣсь было тихо, свѣтло и уютно. На столѣ горѣла не-

большая лампа подъ зеленымъ стекляннымъ колпакомъ. Передъ „Божьей благодатью", занимавшей чуть-ли не полстѣны, висѣли подрядъ три затепленныя лампадки; тихій свѣтъ ихъ отражался въ золоченыхъ и серебряныхъ ризахъ, по временамъ вздрагивая и нервно колыхаясь. Большіе, почернѣвшіе отъ времени часы рѣдко, важно, самоувѣренно, щелкали маятникомъ: такъ... такъ... такъ... На лежанкѣ около печки лежалъ, растянувшись во весь ростъ, откормленный сѣрый котъ и круглыми зелеными глазами, поднявъ и насторожившъ уши, какъ-то подозрительно глядѣлъ на меня.

Около этой лежанки, прислонясь къ ней спиной, на низенькой скамеечкѣ сидѣла сама хозяйка и вязала на деревянныхъ „пруткахъ" варежку изъ черной шерсти..

Я поздоровался съ ней. Неохотливая и въ обычное время старуха молчаливо кивнула головой.

— Садись, сынокъ,—сказалъ Григорій Наумычъ, показавъ мнѣ на стулъ.—А мы вотъ со старухой не спимъ,—продолжалъ онъ, подождавъ.—Она вонъ вяжетъ, а я читаю ей Евангелье.—Время-то у насъ и идетъ. Такъ, почитай, до самаго до свѣту и сидимъ, не ложимся... Ночь-то нынѣ—годъ: идетъ, идетъ, конца нѣтъ... Сколько одного керосину прижгешь... Боимся, сынокъ, боимся... напалъ на насъ, тебѣ одному будь сказано, на обоихъ страхъ: чудится все, не спится. У страха, видно правда, глаза велики... Чуть гдѣ стукнуло, Господи Исусе, не идутъ-ли?.. Напуганы до смерти... Да и какъ не бояться?..

Онъ взглянулъ на меня и заговорилъ тише:

— Только и разговору:—Тамъ убили, тамъ ограбили.. А про меня, знаешь, слава пущена: ишь, много у меня денегъ... Сво-о-лочи, право, сво-о-лочи!.. откуда онѣ у меня деньги? Какія деньги?

— На чужбинку-то всѣ больно лакомы,—продолжалъ онъ, немного помолчавъ, и вдругъ взглянулъ мнѣ въ лицо.—А ты ихъ наживалъ?.. Попробуй-ка, наживи... ихъ нажить-то не легко... Накося: придетъ съ вѣтру,—„давай! руки кверху"... Тьфу, сволочи!..

Онъ опять замолчалъ и, закрывъ книгу, отодвинулъ ее въ сторону.

— Табѣ еще не скоро,—сказалъ онъ спокойнѣе, взглянувъ на часы.—Эна еще время-то, одиннадцатый въ началѣ!—Чаю напьемся, письмо я пріятелю напишу... успѣешь сто разъ! Живо добѣжишь... Только вотъ что я тебѣ скажу, сынокъ: придешь къ моему знакомому, смотри, Боже тебя избави, не вздумай выпимши притти, что-бъ отъ тебя водкой не пахло, ни-ни!.. Услышитъ,—бѣда! Не любитъ! Пер-

вымъ долгомъ спроситъ: „пьешь?“ Говори: нѣтъ. Смотри, сынокъ, помни это. Не подгадь...

— Ладно!—сказалъ я.

— То-то, молъ, ладно. Ладно да не играетъ. Ну, посиди пока, помолчи, а я напишу. А ты, мать, подика-сь, разбундорь самоваръ,—чайку попьемъ... покрѣпче завари: сонъ разгоняетъ.

— Ишь ты, точно въ свѣтлый праздникъ заутрени ждешь,—сказала жена,—о Господи, Царь небесный!.. грѣхи тяжкіе!..

Онъ ничего не отвѣтилъ. Молча, выдвинулъ въ столѣ ящикъ, порылся тамъ, досталъ листикъ почтовой бумаги, конвертъ, опять задвинулъ ящикъ и, вставъ съ мѣста, прошелъ къ какому-то угольнику, стоявшему на полу подъ святыми иконами. Изъ него онъ досталъ ручку и пузырекъ съ чернилами.

— Давно не писалъ,—сказалъ онъ, усѣвшись на свое мѣсто.—Какое наше писанье... Да и вижу плохо,—охъ-хо-хо! Помирать, видно, пора...

Онъ надвинулъ на носъ очки, лежавшіе на столѣ, и медленно вынулъ пробочку изъ пузырька. Все это онъ дѣлалъ, не торопясь, съ серьезнымъ видомъ, обдумывая, очевидно, какъ писать письмо.

Жена его въ это время довязала рядъ и положила варежку. Поднялась и, вздыхая и переваливаясь на ходу, какъ утка, ушла въ кухню ставить самоваръ.

Мы остались одни.

Наумычъ началъ царапать перомъ по бумагѣ, низко и немного на правую руку склонивъ голову. Я сидѣлъ насупротивъ, черезъ столъ, и вся его лысая, съ красной шишкой надъ лѣвою бровью голова была передо мною.

Было тихо, только часы выговаривали свое обычное: „такъ-такъ! такъ-такъ“! Потихоньку скрипѣло перо, да изрѣдка потрескивало что-то въ горящихъ лампадкахъ.

Я почувствовалъ, какъ чья-то рука осторожно продвинулась за бортъ моего пиджака и взялась за топорище. Это была моя рука... Уже?—подумалъ я со страхомъ.— Неужели теперь? Вотъ оно... подошло.

— Разъ, два! разъ, два!—какъ-то странно и дико стучало у меня въ головѣ въ то время, какъ холодѣло сердце:— разъ, два! разъ, два!

И вотъ, не отдавая себѣ отчета, я...—или не я, а кто-то другой, потому что я совсѣмъ не хотѣлъ сдѣлать это сейчасъ, въ эту именно минуту... — тихо поднялся (также точно не я), тихо вынулъ изъ-подъ полы топоръ и, шагнувъ съ мѣста, ударилъ, размахнувшись изо всѣхъ силъ, лезвіемъ

по склонившейся къ столу головѣ... Голова ткнулась объ столъ, а подъ столомъ застучали по полу судорожно задрыгавшія ноги...

Потомъ все тѣло грузно опустилось... грудь уперлась на край стола, а голова немного наклонилась на бокъ, и я увидалъ высунувшійся изо рта кончикъ языка...

Нѣсколько секундъ я смотрѣлъ на это, и мнѣ хотѣлось опуститься на полъ, подражая движеніямъ этого грузнаго тѣла.

Но въ это время въ кухнѣ, за переборкой, что-то громко стукнуло,—что-то упало. Я вздрогнулъ, оглянулся и, держа въ правой рукѣ окровавленный топоръ, на цыпочкахъ, быстрыми скачками, точно „балуясь", бросился туда... Старуха стояла около печки и тряпкой вытирала ушедшій облитый кипяткомъ самоваръ. Стояла она ко мнѣ спиной и, должно быть, не слыхала моего прихода. Я поднялъ топоръ обѣими руками...

Слѣдующихъ мгновеній я уже не помню. Сколько времени я стоялъ надъ убитой женщиной,—не знаю. Очнулся я какъ-то вдругъ. Все было удивительно тихо. Свѣтила лампа. Часы ровно, спокойно, невозмутимо говорили свое такъ... такъ... такъ... На дворѣ прокричалъ пѣтухъ...

Я насторожился. Пѣтухъ,—какъ это всегда бываетъ,—прокричалъ еще и еще... Ему, тише, съ отдаленія откликнулся другой. Это тамъ, въ деревнѣ, недалеко отъ моего дома...

И сразу я будто очнулся, точно это мгновеніе легло гранью между всѣми этими днями и моей обычной жизнью... Не надо этого, не надо... Вернуться къ себѣ, туда, до той минуты, когда я вышелъ изъ дому... Не надо, не надо, не надо...

И вотъ, я вернулся... Я сижу за своимъ дневникомъ, но *это*... то, что я сдѣлалъ, тамъ, у Наумыча, осталось... Тамъ все еще свѣтитъ лампа, тикаютъ часы... и на полу—въ лужахъ крови... Господи! Какъ же сдѣлать, чтобы этого не было, чтобы не было, чтобы не было...

Впрочемъ,—средство есть... Оно въ моихъ рукахъ.

Конецъ, конецъ!..

– Записку? Нѣтъ, не надо.—Вмѣсто записки—этотъ дневникъ. Изъ него видно, „что въ смерти своей я никого не виню"... И въ жизни тоже—виновенъ я самъ, а, можетъ быть, и не самъ, не знаю... никто не знаетъ.

Теперь, послѣ всего этого и послѣ крика пѣтуха... я, можетъ быть, сумѣлъ-бы разобраться въ этомъ вопросѣ, но—мнѣ некогда... Скоро утро... Днемъ людской муравейникъ

закопошится особенно *оживленно*: три муравья изъ него исчезли...

Взглянуть въ послѣдній разъ на дѣтей. Я вѣдь ихъ люблю всѣхъ—блѣдныхъ и худосочныхъ. Только теперь вижу, какъ я люблю ихъ. Но я не имѣю уже на это права. Да и некогда...

Прощай жизнь! Прощай, моя бѣдная!

С. Подъячевъ.

Пилигримъ.

Постылъ мнѣ тихій кровъ, и сонъ, и миръ... И нынѣ
Бреду въ пустынѣ я, печальный пилигримъ;
Но путь мой дорогъ мнѣ... Я знаю: только имъ
Приду, усталый, я къ немеркнущей святынѣ.

Я все оставилъ тамъ, въ той дремлющей долинѣ,
Что позади... Еще мнѣ виденъ легкій дымъ
Надъ кровлей мирною... Но я путемъ инымъ
Иду къ краямъ инымъ... Мой путь залегъ въ пустынѣ.

Песокъ, и зной, и даль, невѣдомая даль,
Глубокое и грозное молчанье...
Но путь мой дорогъ мнѣ... Мнѣ прежняго не жаль;
И жадно пьетъ душа священное страданье.
Съ тоской земли моя сливается печаль
Въ безмолвное и долгое лобзанье...

Е. С.

Съ горстью золота среди нищихъ.

(Неудачная дѣятельность во время голода 1906 г.).

Это было послѣ выхода изъ Шлиссельбурга, когда я начала свою *вторую* жизнь, ту жизнь, надъ внутреннимъ содержаніемъ и смысломъ которой я такъ мучительно и долго размышляла. Вѣдь со времени объявленія мнѣ, что каторга безъ срока замѣнена каторгой двадцатилѣтней, — до дѣйствительнаго выхода изъ крѣпости должно было пройти полтора года... Было—когда подумать!

Наконецъ, 29 сентября 1904 года, срокъ истекъ, и я оставила «Островъ Мертвыхъ». Процессъ возвращенія къ жизни начался...

Извѣстенъ обычай въ Индіи, по которому вдова умершаго всходитъ на костеръ, и ее сжигаютъ. Но, чтобъ умереть такимъ спососбомъ, надо приготовиться къ смерти, надо проститься съ жизнью, съ міромъ... И она приготовилась, простилась; она примирилась со своею участью... Замерли чувства въ ея душѣ, замолкли всѣ звуки жизни въ ней, и воцарился одинъ покой... Вотъ она уже на кострѣ; дрова дымятся... дымъ застилаетъ взоры, и пламень вспыхиваетъ здѣсь и тамъ.

Но вмѣшивается полиція, и женщину, душа которой ужъ замирала, стаскиваютъ съ ложа мертвыхъ, и ее, ужъ приготовившуюся къ смерти, уже душой умершую, заставляютъ жить...

Но если пролежать не часы, а годы... если уходить отъ жизни, глушить всѣ отзвуки ея—не дни, недѣли, а цѣлыя десятилѣтія?.. *И такъ было...*

Трудно, мучительно трудно вернуться къ жизни послѣ долгой смерти... «Хорошо *умереть*,—тяжело *умирать*», сказалъ Некрасовъ. Хорошо *воскреснуть*,—сказала бы я,—но трудно *воскресать*, чтобы *вполнѣ* уже никогда, конечно, не воскреснуть...

Прошло послѣ 29 сентября полтора года, а тяжелый длительный процессъ все еще не кончился. Въ физическомъ и духовномъ организмѣ все еще было смятеніе и хаосъ, были колебанія и сомнѣнья: *какъ жить? чѣмъ жить? зачѣмъ жить?*

И тутъ снова въ мою внѣшнюю, видимую жизнь вмѣшалась полиція.

Нижегородская охранка оболгала меня, изъ департамента государственной полиціи пришла бумага, что я ѣздила тайно въ Петербургъ и Москву въ цѣляхъ агитаціи, и потому изъ Нижняго, гдѣ я жила въ семьѣ сестры, должна немедленно отправиться на мѣсто родины, въ Тетюшскій уѣздъ Казанской губерніи, въ имѣнье брата, и снова, подъ надзоромъ двухъ спеціально назначенныхъ стражниковъ, неотлучно пребывать тамъ.

Все это было выдумкой: и никуда-то я не ѣздила, и ни для какой агитаціи у меня ни физическихъ, ни духовныхъ силъ не было: мнѣ въ то время—только бы собрать мои собственныя косточки, собрать внутреннюю храмину мою...

Прошло послѣ 29 сентября полтора года, а эта храмина все еще лежала въ развалинахъ. Я была одинокой, отрѣшенной отъ людей, отъ жизни, была чуждой всему и всѣмъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я *жила въ первый разъ,* прошло около четверти столѣтія, и жизнь за это время не стояла на одномъ мѣстѣ. Громадныя матеріальныя перемѣны произошли въ странѣ; измѣнилась и духовная атмосфера. Народилось новое поколѣніе и радостно и смѣло ринулось оно на поле дѣйствія. Оно имѣло *новую* почву подъ ногами и для дѣятельности—*новый* матеріалъ подъ руками. Чувства и настроенія этого поколѣнія, нравы и отношенія—были новые... Среди этихъ перемѣнъ я чувствовала себя анахронизмомъ, чѣмъ-то вродѣ рѣдкостной монеты. Она, эта монета, быть можетъ, и полновѣсна; она, эта монета, быть можетъ, и недурной чеканки, но теперь затеряна въ грудѣ новыхъ, свѣтленькихъ кружечковъ, только что отбитыхъ рукой неустаннаго кузнеца — времени... И да здравствуетъ новая жизнь, новые люди!.. Но я-то? я?.. Я—старинная рукопись, въ которой запечатлѣны дѣянія прошлаго: любопытствующіе подходятъ къ ней и съ осторожностью берутъ двумя пальцами... они перебрасываютъ нѣсколько страницъ назадъ, глаза смотрятъ пристально, въ нихъ почтеніе... ну, да! Вѣдь это документъ эпохи, отошедшей въ даль...

Раньше, до этого, обстоятельства моей жизни постоянно складывались такъ, что я всегда принадлежала къ какому-нибудь коллективу. Такъ было съ дѣтства: многочисленная семья, почти все—погодки... воспитаніе въ закрытомъ учебномъ заведеніи, гдѣ, кромѣ сверстницъ-институтокъ, можно сказать, и людей не было... Въ 19 лѣтъ—заграничный университетъ, жизнь тѣсной колоніей учащейся молодежи, объединенной одними и тѣми же духовными интересами, одушевленной однимъ и тѣмъ же стремленіемъ къ полезной общественной дѣятельности. Потомъ революціонная среда, тайное общество, связанное строгимъ уставомъ: требованіе отдать себя, свои силы, имущество и жизнь безраздѣльно, — и радостное рас-

твореніе своей личности въ коллективѣ съ девизомъ: «За народъ»! «За свободу»!

Затѣмъ—Шлиссельбургъ. Здѣсь весь режимъ былъ направленъ къ распыленію людей, къ полной изоляціи ихъ отъ себѣ подобныхъ, чтобъ каждый чувствовалъ: «я—одинъ», «я единственный»!.. Но самое долголѣтіе заключенія, полный разрывъ со всѣмъ живымъ, сущимъ привели къ единенію, къ солидаризаціи,—и товарищество было, былъ молчаливый союзъ безъ устава, скованный тяжелыми желѣзами тюрьмы.

Но теперь? теперь, когда меня выбросили за стѣну крѣпости, которая въ теченіе 20 лѣтъ вытравляла въ душѣ любовь къ человѣчеству и къ родинѣ, любовь къ родной семьѣ и къ семьѣ товарищей,—что̀ было у меня взамѣнъ хотя бы того крошечнаго союза, который выковала тиранія тюрьмы?

Никакого единства не было... никакого коллектива, никакого союза, къ которому довѣрчиво и любовно можно было прикрѣпить длинную паутинку своей жизни... И не было цѣли — доступной и опредѣленной, высокой и твердой. Не было маяка, который стоялъ бы впереди, всегда передъ глазами и къ которому не идти, а бѣжать бы надобно!.. *Какъ жить? чѣмъ жить? Зачѣмъ жить?*

Изъ жизни, жизни настоящей—я была выброшена давно! Ахъ какъ давно — трудно и вспомнить! А изъ жизни призрачной, посторонней, какая была въ Шлиссельбургѣ, теперь тоже выброшена, и не по своей волѣ. Выброшена!.. сначала отсюда, потомъ оттуда... Но человѣкъ не мячикъ, который, какъ ни брось, все отскакиваетъ круглымъ... Цѣль-то... цѣль новой жизни—какая?

Даже въ Шлиссельбургѣ, даже тамъ была цѣль, было стремленье, былъ идеалъ. Пускай стремленье — на чужой взглядъ, фантастическое: но, вѣдь, я жила—въ мірѣ фантазій... Пускай цѣль и идеалъ, на чужой взглядъ, — нелѣпо аскетическій... Но, вѣдь, я была анахоретомъ, жила аскетомъ...

Стремленье было въ высоту, сообразно съ мѣстомъ, освященнымъ страданіями многихъ поколѣній... Цѣлью была гармонія жизни, ея начала и конца, гармонія смерти—съ жизнью.

Теперь «въ міру» все было разрушено: гармонія исчезла, всякая опредѣленность исчезла... надо было создавать что-то; лучше сказать,—все наново строить...

Но опредѣленной цѣли не было, опредѣленныхъ задачъ не было, *связи* съ міромъ—не было. «Овца безъ стада»,—сказалъ бы Успенскій... Изолированный атомъ, вибрирующій въ пространствѣ, скажу я.

Но я не могла жить такъ... такимъ одинокимъ атомомъ. Мнѣ нужна была цѣль, нужны «препятствія въ жизни», которыя нужно бы преодолѣвать; нужна была связь съ людьми, съ родиной, съ человѣчествомъ.

А гдѣ возможности? Какъ жить гармонически съ прошлымъ?

Какъ жить среди заново данныхъ условій? Чѣмъ жить при наличныхъ физическихъ и духовныхъ силахъ или безсиліи? Какъ и зачѣмъ жить, если хотѣніе и осуществленіе не слиты воедино?

И среди этихъ настроеній и нестроеній полиція снова накладывала на меня свою руку. Она лишала меня той крошечной ячейки, гдѣ было тепло, семьи, хотя не мной организованной, хотя и отчужденной долгой разлукой, и отправляла въ сугубое одиночество, въ глухую деревню глухого уѣзда.

Еслибъ и въ са́момъ дѣлѣ я нарушила правила о неотлучкѣ и ѣздила тайно въ Петербургъ,—я не могла-бъ роптать: по пословицѣ—«что посѣешь, то пожнешь». Но ѣхать въ деревню, гдѣ въ тотъ моментъ у меня не было ни души знакомыхъ... ѣхать изъ-за лжи—это возмущало меня до изступленія.

Однако, дѣлать было нечего! Не повиноваться?—но тогда увезутъ силою, къ несправедливости и жестокости присоединится униженіе, котораго и не перенесешь... Я уѣхала.

Былъ апрѣль въ началѣ. Но какая весна въ городѣ? Ея тамъ почти и не замѣтишь! Теперь я попала въ деревню, и здѣсь она была въ полномъ блескѣ. Живя въ прекрасной усадьбѣ брата, я выходила поутру на террассу, обвитую дикимъ виноградомъ. Предо мной раскрывалась красота свободнаго неба; я вдыхала свѣжесть заброшеннаго сада; ловила лучи свѣта и нѣжные оттѣнки весеннихъ листьевъ. Я слушала ихъ тихій шелестъ и возбужденное чириканье воробьевъ, обезумѣвшихъ отъ счастья бытія, и это «счастье бытія» отъ солнца, отъ неба и воздуха охватывало и меня. Какая благодать! Уединеніе, свѣжесть и красота! Все великолѣпно, и все необычайно. Необычайна и великолѣпна была эта *первая* весна на просторѣ, весна настоящая, потому что, что̀ за весна была въ Архангельской губерніи, куда я была отправлена послѣ Шлиссельбурга, — весна скупая, сѣрая! А здѣсь, среди угодьевъ деревенскаго барства! Свободно и тихо! Просторно и красиво!

Я пріѣхала въ деревню раздраженная и злая. Провожавшая меня сестра не мало пострадала отъ моей злости. Никогда съ такимъ личнымъ чувствомъ озлобленія не относилась я къ департаменту государственной полиціи и ея шефу П. Н. Дурново... А кругомъ была тишина, была благодать! Весеннее солнце ласково пригрѣвало; земля, еще полная влаги, отдавала воздуху свои испаренія, и этотъ прозрачный, чистый воздухъ убаюкивалъ чувства и нѣжилъ. Было невозможно злиться, когда кругомъ все благоухало и ликовало. «Мнѣ жаль,—писала я сестрѣ дня черезъ три,—что я ужъ не могу бранить Дурново... Хотѣла бы бранить, но не могу!»

Да, ликовало все кругомъ... Но развѣ красота міра внѣшняго, созерцаніе красоты его можетъ заполнить весь міръ внутренній?!. Мнѣ было нечѣмъ жить, нечѣмъ наполнить гармонично мою *вторую* жизнь.

Наполнить ее могла бы только широкая, благая дѣятельность. Но на пути ея стояли неодолимыя препятствія, *внутреннія* и *внѣшнія*.

Всякая дѣятельность требуетъ непремѣнно общенія съ людьми. Между тѣмъ тюремное заключеніе изуродовало меня: оно сдѣлало меня, по отношенію къ обществу людей, чувствительной мимозой, листья и вѣтви которой опускаются въ безсиліи послѣ каждаго прикосновенія къ нимъ. Душа моя стремилась къ людямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могла переносить ихъ. На мнѣ всей тяжестью лежала привычка быть одной, привычка къ одиночеству *физическому*. Міръ, по временамъ, долженъ былъ быть для меня беззвучно тихимъ.

Это было неисправимо, неизгладимо. Въ послѣднее десятилѣтіе тюремная изоляція уже не была полной. Но дѣло было сдѣлано: присутствіе людей ужъ тяготило, вызывало какое-то нервное трепетанье; потребность быть съ людьми если не атрофировалась совсѣмъ, то упала до минимума. Мнѣ и теперь трудно быть много съ людьми: лишь въ полной тишинѣ я нахожу себя.

Съ другой стороны—я находилась подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи. Между мной и людьми теперь всегда стоялъ стражникъ. Всякій шагъ мой былъ извѣстенъ; даже на прогулкѣ полицейскій шелъ слѣдомъ. Всякій приходящій ко мнѣ записывался въ книгу живота. Послѣ ссылки въ Архангельскъ, когда меня перевели въ первый разъ на родину, никто изъ мѣстной интеллигенціи не посѣтилъ меня; ни одинъ крестьянинъ не зашелъ побесѣдовать, а первое время, когда я проходила вечеромъ по деревнѣ, сельскій староста демонстративно загонялъ дѣтей съ улицы въ избы, чтобъ я не заговорила, не приласкала...

При такихъ условіяхъ, съ кѣмъ, въ какой мѣрѣ и на какой почвѣ я могла въ деревнѣ входить въ общеніе? Въ чью жизнь, въ какую сторону ея могла вмѣшиваться?

Вся область высшихъ интересовъ, общественныхъ и духовныхъ, была закрыта для меня. Медицинская практика? Но въ числѣ другихъ правъ я была лишена и права на нее; кромѣ того, вѣдь я страшно отстала, и усиленная работа была мнѣ не по силамъ. Единственно доступной оставалась только матеріальная помощь нуждающимся,—область, до тѣхъ поръ мнѣ совершенно незнакомая и чуждая.

Еще въ Архангельской губерніи, въ посадѣ Нёнокса, гдѣ меня поселили послѣ Шлиссельбурга, ко мнѣ обращались мѣстные жители: старики, вдовы и сироты, побирающіеся по міру, а также безпаспортные, высылаемые изъ столицъ, чтобы получить въ нуждѣ небольшую помощь. Неизвѣстно какъ возникшая легенда, будто я княгиня, подвергшаяся временной опалѣ при Дворѣ, много способствовала разнымъ ходатайствамъ и просьбамъ. И я была рада помочь, кому можно. Да и стражники не препятствовали—разъ дѣло шло о деньгахъ, хлѣбѣ и т. п.

Теперь, весной 1906 года, наше село и его округа нуждались въ продовольствіи, потому что предъидущій годъ былъ въ Казанской губерніи неурожайнымъ. И вотъ, редакція одного журнала передала мнѣ 800 рублей для помощи голодающимъ. Другое учрежденіе прислало нѣсколько сотъ на помощь безлошаднымъ, главнымъ образомъ, для солдатъ, вернувшихся съ Дальняго Востока.

Такъ въ рукахъ моихъ оказалось золото, оказались деньги на благотворительность. И съ этого момента, съ момента, когда въ деревнѣ, убогой и полной всевозможныхъ нуждъ, въ рукахъ моихъ оказалось золото—начались мои злоключенія и бѣды: мои огорченія и непріятныя сношенія съ деревней. Начались тяжелыя впечатлѣнія и встрѣчи, приносившія разочарованіе и досадное сознаніе, что я дѣлаю непоправимое, безобразное дѣло, которое лишитъ меня расположенія деревни и отниметъ у меня ее,—отниметъ *ту* любовь, которая до тѣхъ поръ была у меня къ ней.

Съ первыхъ же шаговъ я надѣлала непозволительныхъ ошибокъ... и весь смыслъ моего разсказа заключается въ томъ, *какъ не надо поступать*,—потому что я поступала изъ рукъ вонъ плохо...

Непозволительныя ошибки мои состояли въ томъ, что я презрѣла всѣ традиціи прошлаго, всѣ благоразумныя правила, которымъ слѣдовала въ давно прошедшія времена, когда селилась въ деревнѣ съ цѣлями пропаганды. Презрѣвъ ихъ, я теперь дѣлала все наоборотъ прежнему. Я поселилась теперь въ *имѣніи* брата, въ *барской* усадьбѣ, окруженной зеленью сада и окаймленной вдали сараями и просторными амбарами, *наполненными зерномъ*. А тамъ, въ селеніи, стояли низкія, крытыя соломой избы, гдѣ не было то коровы, то лошади, а то и хлѣба. Я заняла ложное положеніе барыни, помѣщицы, одной изъ тѣхъ, чьи интересы съ испоконъ вѣковъ противоположны интересамъ мужика, пахаря.

И это положеніе было притомъ вдвойнѣ ложно, потому что это была одна видимость, а не сущность: видъ барыни былъ,—это было несомнѣнно извнѣ; но помѣстье-то было не мое, усадьба—не моя, амбары съ хлѣбомъ—не мои... *Распоряжаться* всѣмъ этимъ я вѣдь не могла.

Я заняла вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе благотворительницы ex officio: «Пріидите—и дастся вамъ».

Но въ какихъ размѣрахъ? Никто не зналъ, кромѣ меня самой, и знать—не могъ. Но всякій былъ склоненъ думать, что золотой песокъ не изсякаемъ, и каждый проситель былъ увѣренъ, что не пришелъ же конецъ какъ разъ тогда, когда *онъ* обратился съ просьбой.

Я *могла дать*—этого было достаточно, чтобъ возбудить всѣ надежды, вскрыть всѣ неудовлетворенныя нужды, пробудить аппетиты.

Я *могла не дать*, но мотивы, какъ бы разумны и справед-

ливы ни казались они мнѣ самой, никогда не являлись обязательно такими же въ глазахъ просителя. Напротивъ, они всегда казались произвольными и несправедливыми. Каждый отказъ рождалъ обиду или, по крайней мѣрѣ, горечь неудовольствія.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ я хотѣла быть любимой, я оборачивалась къ народу самой неблагопріятной для меня стороной.. Я хотѣла дѣлать доброе, хотѣла быть полезной, но на одного удовлетвореннаго создавала десятокъ недовольныхъ и завидующихъ. А, между тѣмъ, удовлетворить всѣхъ, придти навстрѣчу всѣмъ нуждамъ, конечно, не было возможности, да между требованіями часто бывали домогательства, никоимъ образомъ удовлетворенію не подлежавшія. А все-таки, это были шипы и шипики, которые вонзались въ сердца обѣихъ сторонъ, потому что, если было непріятно *получать отказъ*, то непріятно и *отказывать*.

Да! я обращалась къ народу непріятной для него стороной; но и деревня оборачивалась ко мнѣ самой худшей своей стороной. Я имѣла несчастіе стоять, какъ богатый человѣкъ противостоитъ бѣдному; *но и народъ* стоялъ передо мной, какъ неимущій стоитъ предъ тѣмъ, у кого кошелекъ въ рукѣ: у меня просили и выпрашивали, просили и запрашивали... предо мной лгали, лицемѣрили и унижались. И, видя эту приниженность, видя униженіе неимущаго предъ имущимъ, я познавала на себѣ гнусность положенія того, у кого въ рукахъ золото, когда кругомъ — нищета... я чувствовала гнусную власть золота надъ человѣкомъ, ищущимъ, жаждущимъ получить крупинку его, и мнѣ казалось отвратительнымъ, что я имѣю *власть какъ дать, такъ и не дать*. И было тягостно и непріятно *и давать, и не давать*.

Я была новичкомъ въ дѣлѣ филантропіи. Только пустота и безцѣльность жизни заставили меня взяться за нее. Прежде, когда, съ революціонными цѣлями и совершенно мирными средствами, я отправлялась съ сестрой въ деревню, въ Саратовскую губернію, чтобы служить въ земствѣ, у насъ было рѣшено стать, въ экономическомъ отношеніи, съ крестьянами болѣе или менѣе на равную ногу и ни въ какомъ случаѣ не являться для нихъ источникомъ матеріальныхъ выгодъ. Мы хорошо знали, что въ этомъ заключается величайшая опасность для насъ, какъ людей привилегированнаго класса. Мы знали, какъ много лжи возникаетъ въ сношеніяхъ съ крестьяниномъ, если онъ видитъ предъ собой человѣка богатаго, «барина», на счетъ котораго можно поживиться.

Мы не хотѣли корыстныхъ отношеній; мы желали, чтобъ на насъ смотрѣли, какъ на людей, полезныхъ своими знаніями, своимъ образованіемъ, а не карманомъ. Мы хотѣли, чтобъ въ насъ видѣли людей *трудящихся*, но только въ другой области, въ сферѣ труда умственнаго, но не баръ, которые покупаютъ чужой трудъ и которыхъ легко обойти, разжалобить и выжать ту или

иную подачку. Чтобы установить простыя, искреннія отношенія, мы устроили себѣ такой образъ жизни, создали вокругъ себя такую обстановку, которые мало отличали насъ отъ окружающей деревенской бѣдноты. Нашимъ жилищемъ была изба, пріобрѣтенная земствомъ для фельдшерскаго пункта, недавно выстроенная, а потому чистая и лишь немногимъ болѣе просторная, чѣмъ обыкновенная рядовая изба. Тщетно сосѣдніе помѣщики, наши друзья, Ермолаевы, приглашали насъ поселиться неподалеку въ ихъ пустующей усадьбѣ: мы не согласились на это. Тщетно хотѣли Ермолаевы хотя бы омеблировать нашъ домикъ,—мы отказались отъ всего, чтобъ не отпугнуть отъ себя убогую деревню барскимъ видомъ квартиры. Все должно было выглядѣть у насъ бѣдно и просто, чтобъ не отдалить деревню и не шокировать крестьянскій глазъ. Наша стряпуха, простая деревенская женщина, не имѣвшая ни малѣйшаго представленія о «кулинарномъ искусствѣ», кормила насъ, какъ говорится, чѣмъ богъ послалъ. Достаточно сказать, что мы тратили на всѣ наши матеріальныя нужды, на все, про все, рублей 12—13 въ мѣсяцъ! Но за то никто не просилъ у насъ ничего, кромѣ лекарствъ и пріема дѣтей въ безплатную школу, импровизованную въ нашемъ же жилищѣ сестрою. Живя тогда въ деревнѣ, — какъ ни была она убога и бѣдна со своимъ «нищенскимъ надѣломъ»,— мы не видали попрошайничества. Всего лишь разъ была сдѣлана попытка занять у насъ денегъ, и такъ какъ она не оправдывалась обстоятельствами, мы съ твердостью отказались дать. И надо сказать: наши отношенія съ крестьянами не были омрачены гадкой корыстью. Мы вынесли съ сестрой изъ этого, почти годового, общенія съ деревней самыя чистыя, свѣтлыя воспоминанія.

Трогательно было стремленіе крестьянъ къ просвѣщенію и къ намъ, какъ людямъ, въ рукахъ которыхъ свѣтильникъ знанія. Въ трехъ волостяхъ Петровскаго уѣзда, которыми я завѣдывала, какъ фельдшерица, не существовало въ то время (78—79 гг.) ни одной школы; въ селѣ Вязьминѣ, въ которомъ мы жили, было всего два человѣка грамотныхъ. Но потребность въ знаніи, пониманіе необходимости и важности школы были ярко выражены. Послѣ тяжелаго трудового дня (приходящихъ больныхъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ было 5 тысячъ), когда, вечеромъ, мы заходили съ книжкой въ чью-нибудь избу, для хозяевъ это былъ праздникъ, на который быстро сходились сосѣди. Насъ обогрѣвало безъискусственное радушіе, милое гостепріимство, и, кончивъ чтеніе, мы уходили съ миромъ, чувствуя надъ собой словно теплое благословеніе. Особенной любовью пользовалась моя сестра, Евгенія, учившая дѣтей читать и писать. «Наша золотая учительша» — было ея прозвище. И эти хорошія воспоминанія я унесла въ тюрьму и сохранила во всѣ годы заточенія въ крѣпости. Теперь, въ 1906 году, послѣ громаднаго

промежутка времени, я снова стала лицомъ къ лицу съ деревней. Но какая была громадная разница въ положеніи!..

Конечно, я не знала деревни, матеріальной подоплеки ея, не знала крестьянина въ его матеріальныхъ отношеніяхъ, не знала народа, какъ массы... Не знала — всесторонне. Для этого было мало времени, прожитаго мной въ деревнѣ, и, при обиліи работы, я имѣла слишкомъ мало встрѣчъ. Самое положеніе наше въ деревнѣ, въ Саратовской губерніи, было исключительное, для крестьянъ новое. Оно опредѣлялось интересомъ *къ человѣческой личности* крестьянина, и это ставило насъ на извѣстную высоту, а вмѣстѣ съ тѣмъ приподнимало и крестьянина, вводя его въ сферу духовныхъ и умственныхъ интересовъ. Прозаическіе копейки и рубли не стояли между нами; мы не являлись покупателями труда крестьянина, а онъ не былъ продавцемъ своего единственнаго товара — рабочихъ рукъ. Это былъ праздникъ жизни: отношеніе обѣихъ сторонъ было приподнятое, праздничное. «Новые люди пріѣхали къ намъ» — такъ волостной писарь-взяточникъ формулировалъ съ неудовольствіемъ свои первыя впечатлѣнія относительно насъ. «Новые люди» внесли «новую», еще не испытанную въ заброшенномъ селѣ форму отношеній къ деревнѣ, внесли элементъ духовный. Мы рѣзко отмежевались отъ всѣхъ, деньги и власть имущихъ, отодвинулись отъ священника, который вымогалъ пятаки и гривенники за требы; стали въ сторону отъ волостного писаря, который за все, про все бралъ тѣ же пятаки и гривенники, и отъ барскаго двора крупнаго помѣщика, гдѣ задешево покупался трудъ мужика. И деревня тотчасъ поняла насъ, поняла мотивы нашей дѣятельности и опредѣлилала ихъ какъ нельзя лучше: все, что мы дѣлали для деревни,—мы дѣлали «для души» Такъ объясняли наше поведеніе крестьяне. И, какъ мы стояли предъ крестьянами въ самой благопріятной для насъ позиціи, такъ и деревня стала къ намъ своей наилучшей, чистой стороной.

Невозможно отрицать, что вынесенные мной ихъ деревни взгляды на крестьянство отличались сантиментализмомъ. Это былъ результатъ не только того особеннаго положенія, о которомъ только что сказано, но и всего предшествовавшаго развитія моей личности, тѣхъ литературныхъ, а потомъ революціонныхъ вліяній, которыя не на меня одну, а на цѣлое поколѣніе накладывали извѣстную печать. Жизнь въ деревнѣ тогда не поколебала, а еще болѣе утвердила воспринятое идеализированное воззрѣніе на народъ, на крестьянство. Принеся въ деревню розовую иллюзію, я и ушла съ чувствами, въ которыхъ былъ элементъ иллюзорный. Но эти иллюзіи были мнѣ дороги: онѣ помогали мнѣ жить и дѣйствовать онѣ одушевляли и поддерживали огонекъ теплаго отношенія къ обездоленнымъ...

Для характеристики моего, пожалуй, нѣсколько смѣшного, наивнаго взгляда той эпохи, приведу небольщую сцену изъ того вре-

мени, сцену между мной и несравненнымъ бытописателемъ деревни Г. И. Успенскимъ. Какъ-то осенью 80-го года, когда я уже оставила деревню, въ «Отечественныхъ Запискахъ» появился одинъ изъ дышащихъ скорбной правдой разсказовъ его. Быть можетъ, то была «Книжка Чековъ», или «Изъ записной книжки» — не помню точно. И вотъ, одважды, когда я была у Успенскихъ, Глѣбъ Ивановичъ подсѣлъ ко мнѣ и спрашиваетъ: что я думаю о его разсказѣ? Я съ горечью, откровенно высказала свое мнѣніе... Я говорила, что все, что онъ пишетъ, проникнуто пессимизмомъ и крайне удручаетъ меня... Послушаешь его, — такъ въ деревнѣ все плохо, все темно... Онъ живописуетъ лишь однѣ отрицательныя стороны мужика, и тошно становится смотрѣть на это жалкое, забитое матеріальными интересами человѣческое стадо, въ которомъ, если и живетъ «правда», то лишь «правда зоологическая», не прошедшая чрезъ горнило сознательности и потому неустойчивая и разлетающаяся въ прахъ при первомъ искушеніи, при первомъ сомнѣніи, осложненіи окружающихъ первобытныхъ формъ жизни... Неужели въ деревенской жизни, въ душѣ мужицкой нѣтъ просвѣта? Нѣтъ ничего привлекательнаго, трогательно-симпатичнаго?! Зачѣмъ же рисовать мужика такими красками, что никому въ деревню забраться не захочется, и всякій постарается стать отъ нея подальше!...

Глѣбъ Ивановичъ терпѣливо слушалъ и все больше и больше морщилъ лобъ. Наконецъ, принявъ жалобный, прежалобный видъ, онъ заговорилъ своимъ добродушно-ироническимъ тономъ, обращаясь къ присутствующимъ: «Вотъ, господа, обижается на меня Вѣра Николаевна за мужика моего! Не нравится ей мужикъ мой!.. Она требуетъ: подай ей мужика, но мужика шоколаднаго!»...

Всѣ разсмѣялись, и я смѣялась, потому что смѣшно было, было мѣтко сказано... Но *всей* правды его словъ, всей правды его ироніи я тогда *не почувствовала*, и только теперь не могу не признать, что изъ моей деревенской жизни въ Саратовской губерніи я дѣйствительно вынесла образъ мужика шоколаднаго, и шоколаднымъ съ тѣхъ поръ онъ для меня и оставался...

Съ той же мыслью о шоколадѣ теперь, въ 1906 году, я пріѣхала въ деревню. Пріѣхала и стала дѣлать все противъ прежняго наоборотъ: *Тогда* я сама выбирала себѣ положеніе и создавала необходимыя для себя условія; сама избирала сферу дѣятельности, характеръ отношеній къ окружающей средѣ. *Теперь* я принимала положеніе, въ которое меня ставила полиція и пожертвованія добрыхъ людей. Я была не господиномъ надъ обстоятельствами, а подчинялась имъ и, не будучи въ состояніи давать какое-нибудь благо настоящее, стала пытаться давать благо видимое и фальшивое...

Я взяла горсть золота и съ нимъ встала среди нищихъ... потому что только нищіе и были кругомъ... Жалкое, грязное жилище,

крытое соломой и окруженное вязкимъ отъ навоза и грязи дворомъ; вмѣсто пищи — три раза въ день чай съ черным хлѣбомъ и солью; блѣдныя, худосочныя дѣти, нескладныя фигуры взрослыхъ... Нужда вездѣ, во всемъ, и въ массѣ никакихъ порываній къ свѣту, къ духовному простору. Школа, существующая около сорока лѣтъ, и на ряду съ этимъ множество безграмотныхъ... Библіотека, очень порядочная, но среди взрослыхъ почти не имѣющая читателей... Повторительные курсы, устроенные на частныя средства,—но безъ желающихъ повторять и идти дальше... Таково было родное село, которому я должна была помогать ближайшимъ образомъ... Изъ контакта фиктивной барыни-помѣщицы съ чужими благотворительными деньгами съ одной стороны, и убогой деревней съ другой, могло выйти только безобразное. Оно и вышло.

Въ 1906 году высшая губернская администрація не признавала существованія голода въ Казанской губерніи, и губернаторъ не разрѣшалъ устройства столовыхъ, этой *единственно раціональной* формы помощи ad hoc голодающему населенію. Я говорю раціональной, потому что она наименѣе деморализуетъ: она исключаетъ попрошайничество и, такъ какъ въ общественной столовой всегда существуетъ *общественное* мнѣніе и общественный контроль, то автоматически, безъ всякаго сыска, исключается возможность пользованія помощью элементами не нуждающимися *). Разъ столовыя были запрещены, а нужда въ хлѣбѣ до урожая несомнѣнно существовала, Отдѣлъ Пироговскаго Общества врачей въ Казани примѣнялъ раздачу нуждающимся зерна или муки. Въ нашемъ уѣздѣ этимъ завѣдывала Наталья Петровна Купріянова, моя двоюродная сестра, черезъ руки которой въ предъидущіе неурожаи прошли десятки и сотни тысячъ рублей, собранныхъ въ Россіи, въ Англіи и Америкѣ.

Обыкновенно она запасалась поименнымъ спискомъ жителей той или другой голодающей деревни съ записями о семейномъ и имущественномъ положеніи каждаго двора. Затѣмъ, по этому списку, съ помощью нѣсколькихъ приглашенныхъ по ея выбору односельчанъ, составляла списокъ нуждающихся въ помощи, и тѣ же приглашенные отпускали потомъ на мѣстахъ зерно или муку. По совѣщаніи съ Натальей Петровной относительно моей округи мы остановились на томъ, что и я, имѣя списокъ всѣхъ крестьянъ села Никифорова, которому я главнымъ образомъ должна была помогать, буду раздавать нуждающимся муку для взрослыхъ и

*) Въ этой формѣ — крупнѣйшій недостатокъ тотъ, что она послѣ голода оставляетъ деревню такою же, какой нашла. Еслибъ, вмѣсто интеллигента, дѣйствующаго сверху, работалъ выборный крестьянскій комитетъ, — въ деревнѣ оставался бы опытъ, навыки, полезные для нея.

пшено для дѣтей, провѣряя дѣйствительность нужды опросомъ сосѣдей и мѣстныхъ жителей вообще.

Что же касается денегъ на покупку лошадей, то, въ виду незначительныхъ средствъ и разныхъ практическихъ соображенiй, мы рѣшили: во 1-хъ, не выдавать пособiя въ размѣрѣ полной покупной цѣны, но лишь какъ прибавку къ затратѣ самого хозяина,—чтобъ лошадь не приходилась, такимъ образомъ, ему совсѣмъ даромъ; во 2-хъ, выдавать пособie только тѣмъ безлошаднымъ крестьянамъ, которые вслѣдствiе *недавней* потери лошади (украденной, павшей или проданной по невозможности прокормить зимой), еще въ состоянiи, при пособiи, поддержать хозяйство на прежнемъ уровнѣ, и отказывать тѣмъ просителямъ, хозяйство которыхъ ужъ безвозвратно запущено.

На основанiи этихъ правилъ я и стала дѣйствовать.

Нечего и говорить—народъ валомъ повалилъ ко мнѣ. Да развѣ и могло быть иначе?! Разнеслась кругомъ благая вѣсть: въ Никифоровѣ *даютъ;* даютъ деньги, даютъ рожь, даютъ пшено, — и естественно, всякiй захотѣлъ этой благодати. Каждый, кто *въ чемъ либо* нуждался,—а нуждались, въ сущности, почти *всѣ* во *всемъ*—потянулся къ барской усадьбѣ, съ ея садами, службами и аппетитными амбарами: и старъ, и младъ, мужики и бабы, вдовы и сироты, никифоровскiе и изъ сосѣднихъ деревень. Сразу же я почувствовала натискъ со всѣхъ сторонъ: съ утра до вечера, каждый часъ, каждые полчаса кто-нибудь приходилъ, и я выслушивала до полнаго истощенiя силъ жалобы на то, на сё и просьбы о томъ, о сёмъ и обо всемъ. Ни физически, ни нравственно я не могла переносить такого рода работы надъ оголенною нуждой. Я уставала... я не могла *слушать* людей до безконечности, мои нервы отказывались служить, а чувства — функцiонировать. У меня не хватало ни терпѣнья, ни любви, ни времени входить въ положенiе каждаго, некогда было индивидуализировать случаи: я превращалась въ машину—раздавательницу мелкихъ подачекъ, и уже одна эта механизацiя приводила меня въ отчаянiе. И то, что эти подачки были изъ чужого кармана, лишало дѣло элемента любви, превращая меня въ передаточный аппаратъ чужой сердобольности. Затѣмъ, очень часто самый характеръ обращенiй о помощи дѣйствовалъ угнетающимъ образомъ.

Просьбы и нужды были самыя разнородныя, нерѣдко не имѣющiя ничего общаго съ задачей прокормленiя до урожая. Но все же каждаго надо было принять, каждаго выслушать, и въ концѣ концовъ—отказать! Но какъ же тяжело отказывать!.. Одному откажешь, другому откажешь... Онъ недоволенъ тобой, а ты недоволенъ собой и тѣмъ, что проситель недоволенъ. Какъ будто возможно и быть довольнымъ при такихъ условiяхъ!

Было множество и такихъ претендентовъ, требованiя которыхъ не могли по существу быть удовлетворены; и, по весьма понятной

причинѣ, эти-то случаи, оставлявшіе послѣ себя горькій осадокъ, и наиболѣе врѣзывались въ память.

Приходитъ, напримѣръ, одинъ никифоровскій мужикъ, высокій старикъ съ сѣдою бородой. Онъ принадлежитъ къ зажиточнымъ домохозяевамъ, а его сынъ служилъ старшимъ работникомъ на барскомъ дворѣ.

— Я къ вашей милости.

— Въ чемъ дѣло?

— Да, видите, слыхалъ я, есть у васъ деньги на лошадей, такъ пришелъ попросить у васъ. Есть у меня, извольте видѣть, два коня. Одинъ больше ста рублевъ стоитъ, а другого-то больно охота промѣнять. Да за промѣнъ приплату просятъ. Явите божескую милость—денегъ у меня нѣтъ: дайте на прибавочку!

— Что вы, Иванъ Миронычъ! Деньги даны для безлошадныхъ, а вы сами говорите, у васъ два коня есть.

— Вѣра Николаевна! Матушка! Сдѣлайте такое одолженіе, больно ужъ нужда большая: никакъ безъ второго коня быть нельзя, а за промѣнъ 30 цѣлковыхъ просятъ. Ужъ выдайте способіе, пожалуйста.

— Не взыщите, я не могу дать!

— Ну, сдѣлайте милость... Какъ не можете?! Все можете!.. Войдите въ положеніе, вѣкъ за васъ Бога молить буду!..

— Увѣряю васъ, это невозможно. Деньги назначены на безлошадныхъ. Отступить отъ этого я не имѣю права, и мы только попусту тратимъ время, говоря объ этомъ.

И снова мужикъ проситъ, настаиваетъ, повторяя одно и то же. И снова я отказываю и повторяю одно и то же.

Наконецъ, ужъ съ раздраженіемъ, онъ спрашиваетъ:

— Значитъ, такъ-таки не дадите?..

— Такъ-таки не дамъ, не могу дать.

— Такъ попомните же вы меня!..—грозитъ старикъ и въ гнѣвѣ хлопаетъ дверью.

Черезъ нѣсколько дней онъ застаетъ меня въ избѣ, гдѣ я говорю съ его сыномъ, и снова начинаетъ тотъ же разговоръ о лошади, которую хочетъ промѣнять съ приплатой. Снова проситъ, настаиваетъ, и опять я отвѣчаю отказомъ.

— Ну, дайте хоть въ долгъ!

— Не могу: у меня нѣтъ для этого денегъ.

— Хоть десять цѣлковыхъ дайте!

— Не могу...

— Ну, хоть трёшку!—патетически восклицаетъ старикъ, и—бухъ мнѣ въ ноги...

Взволнованная, я повторяю: что вы? что вы! Какъ не стыдно!

Но онъ ползаетъ на колѣняхъ, повторяя тѣ же мольбы.

Его сынъ, въ которомъ больше чувства достоинства, хватаетъ

отца за шиворотъ и, стараясь поднять на ноги, шипитъ: «Если ты... у меня... еще разъ.. я тебя...»

Тутъ, не прощаясь, я устремляюсь къ двери и исчезаю...

...Раннимъ утромъ, черезъ садъ пробирается къ балкону мужикъ изъ дальняго села и проситъ денегъ на постройку избы послѣ пожара.

— Деньги, порученныя мнѣ, даны на хлѣбъ для неимущихъ, и я не могу вамъ дать изъ нихъ на избу,—говорю я, выслушавъ обстоятельства дѣла.

— Ну, такъ пудовъ 10 ржи дайте!

— Вы дальніе, и вашу нужду я не знаю. Надо, чтобъ ктонибудь ее удостовѣрилъ: учитель, священникъ или сельское общество. Кромѣ того, десяти пудовъ вамъ и тогда не выдадутъ. У насъ выдаютъ пудъ-полтора на ѣдока въ мѣсяцъ.

— Куда-жъ за удостовѣреньемъ идти, а потомъ возвращаться! Нѣтъ, вы ужъ такъ повѣрьте... Ну, пудика хоть три отпустите. Совсѣмъ у насъ хлѣба нѣтъ...

— Не могу сдѣлать этого. Принесите удостовѣреніе, тогда получите, какъ другіе получаютъ.

— Ну, такъ деньжонокъ отъ вашей милости хоть сколько-нибудь не будетъ ли? Рублей бы десять...

— Никакихъ денегъ для раздачи у меня нѣтъ, я не могу ничего дать вамъ.

— Какъ же такъ? Шелъ-шелъ, и вдругъ ничего! Вы хоть трешницу пожертвуйте!

— Нѣтъ у меня и трешницы.

Стоитъ. Молчаніе.

Потомъ, просительно: «Ну, хоть двугривенный пожалуйте,—пойти на дорогу хлѣба купить».

Я иду за портмонэ и даю 20 коп. изъ своихъ.

Потомъ плыветъ молодуха, хорошо одѣтая, съ ребенкомъ на рукахъ.

— Вы откуда?—спрашиваю я.

— Я-то? Здѣшняя... Карпа Ѳедотова избу, чай, знаете? Еще круподирка у нашего двора: крупу деремъ...

— Ладно! Что скажете?

— Да, вотъ, пшенца для робятъ попросить пришла. Люди идутъ, и я пришла.

— Ну, что вы?! Идутъ бѣдные, неимущіе... отъ нужды идутъ. А вамъ зачѣмъ просить? У васъ все есть—вы достаточные.

— Достаточные! Что-жъ изъ того? Людямъ даете и мнѣ дайте!

— Поймите: я выдаю только тѣмъ, у кого хлѣба нѣтъ, кому ѣсть нечего. Деньги на пшено собраны въ Петербургѣ добрыми людьми на помощь голодающимъ. Но вы не голодающіе, и вамъ не слѣдуетъ просить. Я не могу вамъ дать.

— Бѣдные, не бѣдные—всѣ идутъ, всѣ получаютъ: должны и мнѣ дать... У насъ робята тоже каши хотятъ.

— Хотятъ или не хотятъ—пшена я не дамъ, и вамъ стыдно у бѣдныхъ кусокъ отнимать. Вамъ дать—имъ меньше останется. Пшена вы не получите.

— Какъ такъ, не получу? Какъ не дадите?! Всѣмъ даете, и мнѣ дайте!

— Но вѣдь это для бѣдныхъ, говорю вамъ. Вѣдь это все равно, что милостыня нищему,—говорю я, разгорячившись.—Неужели же вы, зажиточные, хотите руку протянуть Христа ради?!

Густая краска покрываетъ лицо женщины и, круто поворачиваясь спиной, обиженная, она уходитъ.

А я осталась съ непріятнымъ, тяжелымъ чувствомъ на душѣ.

...Вотъ парень лѣтъ 25, кудрявый, разбитной. Должно быть, видалъ виды: за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Спорить съ нимъ трудно, убѣдить—невозможно. Онъ настойчивъ, упрямъ и, во что бы то ни стало, хочетъ добиться своего. Въ обращеніи его, чувствуется нахалъ. Онъ проситъ на лошадь.

Свое хозяйство онъ запустилъ давно: не пашетъ и не сѣетъ. Не имѣетъ ни сбруи, ни телѣги, ни хотя бы малой толики денегъ на пріобрѣтеніе лошади. Промышляетъ онъ тѣмъ, что шьетъ на деревню и для этого имѣетъ швейную машинку.

Тщательно разспросивъ обо всемъ, я вижу, что дать денегъ на лошадь—это бросить ихъ на вѣтеръ. Заниматься земледѣліемъ онъ не будетъ; для этого, кромѣ собственной охоты, была бы нужна довольно крупная сумма не только на лошадь, но и на необходимыя орудія: купивъ лошадь безъ всякой приплаты съ своей стороны, онъ просто на просто, недѣли черезъ двѣ, продалъ бы ее и дѣлу конецъ. Невозможно было удовлетворить его просьбу.

Но, какъ я ни доказывала, что при условіяхъ, въ которыхъ онъ находится, я не могу дать ему денегъ на лошадь, какъ ни убѣждала, что покупка лошади, сама по себѣ, еще не поставила бы на ноги его заброшеннаго хозяйства, онъ не соглашался ни съ какими доводами и твердилъ одно: «дайте!»

А когда я старалась растолковать, при какихъ условіяхъ я вообще могу выдавать пособіе безлошаднымъ, онъ съ негодованіемъ возражалъ:

— Гдѣ-жъ тутъ справедливость? У кого *ничего* нѣтъ, тому вы не даете, а тѣмъ, у кого все-жъ таки есть кое-что, тѣмъ вы благодѣтельствуете! Чѣмъ бы помочь самому, что ни на есть, бѣдняку, которому податься некуда, вы богатѣю помогаете!..

Въ этомъ была правда: безлошадный, у котораго была телѣга, сбруя, было еще не раззоренное хозяйство, безлошадный, у котораго было маленькое сбереженіе на пріобрѣтеніе лошади, имѣлъ, по принятому мной рѣшенію, всѣ права на пособіе изъ моихъ

рукъ, а тотъ, кто былъ уже на днѣ, долженъ былъ получить только отказъ.

Мои политико-экономическія соображенія нисколько не удовлетворяли бойкаго просителя, и внутренно, по человѣчеству, съ точки зрѣнія простой филантропіи, я была согласна съ нимъ. Дѣйствительно, какое ему дѣло до политической экономіи, до общехозяйственной точки зрѣнія? Онъ тонетъ или уже потонулъ... и судитъ не съ точки зрѣнія политико-эконома, а съ точки зрѣнія человѣка, который уже на днѣ и всетаки хочетъ жить, имѣетъ право на жизнь.

Въ концѣ концовъ, совершенно измучивъ меня своей настойчивостью, парень уходитъ возмущенный, негодуя на людскую несправедливость вообще и мою въ частности.

И, какъ я ни утомлена и ни хотѣла бы посидѣть одна въ полномъ покоѣ, изъ передней ужъ подвигается древняя старуха съ посошкомъ. Она вспоминаетъ мою мать; вздыхаетъ, поминая ее добромъ и вытирая концомъ головного платка старческіе слезящіеся глаза... и, послѣ многихъ блужданій вокругъ да около, слезно проситъ денегъ на избенку. Она—лишняя въ семьѣ, которая ее пріютила; пока у нея было что отдавать, за ней ухаживали, ее холили; потомъ—терпѣли, а теперь она слышитъ только попреки и ругань... «Хотѣла бы умереть, да Богъ не прибираетъ»... «Келью выстроить»—вотъ ея мечта, пока Богъ не смилуется. Спокойно дожить вѣкъ послѣ трудовой тусклой жизни—вотъ чего она желала бы... Ничего не подѣлаешь! Я не могу «ублаготворить» эту деревенскую бабусю, не могу дать ей «спокой»... Я могу только отказать ей со всякими, болѣе или менѣе сладкими оговорками.

— Ну, Богъ проститъ!—кончаетъ она нашу бесѣду, оставляя меня въ унынiи.

Едва я ухожу въ спальню и въ изнеможеніи опускаюсь на кровать, какъ слышу подъ окномъ шорохъ, сначала робкій, а потомъ все сильнѣе. Чрезъ нѣсколько минутъ кустъ подъ окномъ трещитъ, и лицо, на которомъ написано любопытство, заглядываетъ ко мнѣ въ комнату. Когда я спрашиваю: что такое?—оказываются новые просители. Я подымаюсь и выхожу, кислая.

На этотъ разъ это цѣлая ватага бабъ, и у каждой своя докука: кому надо избу выстроить, кому избу крышей крыть, а у иной печь развалилась... Просятъ на корову, потому что безъ молока дѣтямъ бѣда... Просятъ на тёлку, въ ожиданіи, что въ свое время она коровой станетъ. Кто проситъ на овцу: послѣднюю по осени продали... придетъ зима—безъ валенокъ дѣти останутся: ни клочка шерсти въ домѣ нѣтъ!.. Всѣмъ нужно, нужно весьма существенное, необходимое... Но всѣмъ приходится говорить одно и то же: деньги даны на хлѣбъ голодающимъ, а не на коровъ, не на тёлокъ, не на овецъ. Бабы недоумѣваютъ; онѣ сомнѣваются: по-

чему на хлѣбъ деньги есть, а на телушку, на овцу—нѣтъ? Такія надежды были—и уйти съ пустыми руками!.. Бабы удаляются, чувствуя себя, какъ старуха, обманутая золотой рыбкой въ сказкѣ.

Къ вечеру новый приливъ посѣтителей: приходитъ уже сельскій староста, волосатый мужчина лѣтъ 45, неграмотный, и, не умѣя объяснить, какого рода недоимка числится за обществомъ—въ земство-ли или въ земскій банкъ—проситъ 25 рублей... Иначе становой приступитъ, дескать, къ описи.

Сколько ни толкуемъ, не можемъ выбраться изъ какой-то путаницы, въ которой разбираю только, что недоимка старая, и будто становой покрылъ ее изъ своего кармана, а теперь настоятельно требуетъ уплаты.

Я разъясняю, что уплата недоимокъ не входитъ въ намѣренія жертвователей; что деньги собраны на хлѣбъ насущный, чтобъ люди не болѣли, не умирали съ голоду.

Побившись въ этомъ словопреніи достаточно, я предлагаю такую комбинацію. Я слышала, что у управляющаго есть работа — вырыть канаву, чтобъ осушить болотистое мѣсто между барскимъ садомъ старой усадьбы и рядкомъ деревенскихъ избъ. Не хотятъ ли крестьяне сдѣлать эту работу? Это дало бы возможность уплатить недоимку и вмѣстѣ съ тѣмъ оздоровило бы деревню.

Ладно! Староста поговоритъ съ мужиками.

Но черезъ нѣсколько дней все это оказывается лишнимъ: мужики не хотятъ канаву рыть. Почему? никто мнѣ объяснить не можетъ или скорѣе не хочетъ.

За старостой идетъ татаринъ. Жалкая старческая фигура, блѣдное лицо все въ морщинкахъ и почти безъ всякой растительности.

По русски говоритъ очень плохо, а понимаетъ русскую рѣчь, пожалуй, еще хуже. Онъ проситъ отпустить ему ржи или муки, говоритъ, что дома ни зерна не осталось; пришелъ изъ сосѣдней татарской деревушки, верстахъ въ двухъ отъ насъ.

Я отвѣчаю, что сегодня-же или много-много завтра пошлю кого-нибудь узнать о его семейномъ положеніи, и тогда мука будетъ тотчасъ же отпущена. Но это не удовлетворяетъ его. Онъ хочетъ получить теперь-же: онъ ждать не можетъ, не можетъ вернуться домой ни съ чѣмъ.

Сколько я ни говорю ему, онъ стоитъ на своемъ и, наконецъ, рѣшительно заявляетъ, что съ мѣста не сойдетъ, пока не получитъ требуемаго. Онъ садится на ступени балкона, на которомъ происходитъ разговоръ. Послѣдній аргументъ! Мнѣ кажется, онъ даже ложится тутъ!.. Я скрываюсь въ комнаты.

Я чувствую гнусность своего положенія. Я поступаю отвратительно...

Этотъ распростертый старикъ!.. Конечно, онъ нуждается: онъ не имѣетъ вида нахала, этотъ изможденный, моргающій глазами, выцвѣтшій старикъ. Гдѣ же во мнѣ состраданіе?.. На меня нашло упрямство: меня вѣдь уже осаждали ложными претензіями... и я поставила себѣ за правило — провѣрять степень нужды каждаго.

Правило, правило!—вѣдь я сама себѣ навязала правило!!!

И эта жалкая, упрямая фигура, распростертая на крыльцѣ барской террасы!.. Гадость... И не хочется уступить, чтобъ не создавать репутаціи: «Хошь образованные, а придурковаты всѣ!»

...А все-таки, быть можетъ, у него дѣти, и имъ ѣсть нечего!..

Внезапно меня озаряетъ мысль: я зову дѣвушку-Машу и посылаю ее на кухню за печенымъ хлѣбомъ.

Я выношу его на балконъ.

— На, возьми хлѣбъ и ступай домой! Сегодня же пріѣдетъ приказчикъ къ вамъ, тогда пріѣзжай за мукой.

Татаринъ, словно проснувшись, встаетъ, и, положивъ хлѣбъ въ холщевый мѣшокъ, бредетъ прочь изъ сада, такой-же жалкій и безпомощный, какимъ вошелъ въ него.

А на мнѣ стыдъ остался, стыдъ до сихъ поръ, что не повѣрила сразу, не съумѣла настоящую нужду отличить отъ попрошайничества...

Онъ, дѣйствительно, нуждался: прикащикъ удостовѣрилъ это...

Рѣшительно—дѣло было не по мнѣ. Помогать изъ своего кошелька, помогать когда, сколько и въ чемъ хочешь—это одно. Это дѣло милосердія, состраданія и любви. Но взять чужія, общественныя деньги, въ которыхъ надо предъ кѣмъ-то дать отчетъ, считаться съ волей давальцевъ... повѣсить вывѣску: «здѣсь даютъ»... «Просите и дастся вамъ»—это какая-то обязанность безъ внутренняго содержанія, подчиненіе себя и чужихъ нуждъ выдуманнымъ правиламъ, которыя становятся ярмомъ, придаютъ всѣмъ отношеніямъ характеръ офиціальности, на самого себя нацѣпленной... И все это сопровождается справками, провѣрками—какимъ-то сыскомъ!.. Нѣтъ! Я не могу выносить такого положенія; не могу быть не самой собой, а лишь уполномоченнымъ чужого добросердечія!..

— Наташа! Возьми деньги! Возьми отъ меня эти деньги,— просила я свою кузину.—Не могу я заниматься этимъ дѣломъ: я не умѣю; мнѣ непріятно, мнѣ тяжело...—упрашивала я ее.

— Ну, вотъ, всегда такъ! Тяжело, непріятно, такъ вали на чужую шею!—отвѣчаетъ она.—А мнѣ, ты думаешь, пріятно?!

Аргументъ попадаетъ въ цѣль. И въ самомъ дѣлѣ, если и ей непріятно, какое право имѣю я свою непріятность перекладывать на ея плечи?

— Ты права! Попробую потянуть еще...—вздыхаю я.

И тяну... Тяну...

...Наступило 9-ое мая, Николинъ день, храмовой праздникъ въ нашемъ селѣ. Весь день разливное веселье царитъ въ Никифоровѣ: слышится гармоника, пѣсни; вся деревня высыпала на улицу; толпятся у воротъ, ходятъ парами, сидятъ на завалинкахъ; принарядившiяся бабы щелкаютъ сѣмячки, а ребятишки вертятся у всѣхъ подъ ногами.

Вечеромъ—разгулъ во всю: все пьяно; мужики горланятъ пьяныя пѣсни; отовсюду несутся пьяные выкрики...

На барскомъ дворѣ, въ старой усадьбѣ, гдѣ лѣтомъ живутъ сестры, пусто; работники ушли ночевать къ женамъ въ сосѣднюю деревушку; старикъ сторожъ еле на ногахъ стоитъ; старшiй работникъ, такъ называемый староста, пьянствуетъ гдѣ-то у родственниковъ.

Въ новой усадьбѣ, усадьбѣ брата, въ которой живу я, царствуетъ полная тишина. Въ домѣ—только я да деревенская дѣвушка, исполняющая несвойственную ей роль горничной. Въ «людской»—только однѣ стряпухи: работники разошлись, кто куда, а управляющiй или приказчикъ пьянъ пьянешенекъ, пируетъ, должно быть, у кумовьевъ.

Уже половина 11-го, и я сижу, усталая, надъ книгой. Внезапно съ высоты сосѣдней колокольни раздается ударъ колокола... другой, третiй... Все громче, лихорадочнѣе звучитъ набатъ среди весенней теплой ночи... Я спѣшу къ окну и вижу на востокѣ, совсѣмъ близко, громадное пламя пожара.

Краска гнѣва заливаетъ мое лицо, и почти съ отчаяньемъ я думаю: Еще этого недоставало! Нищенствуютъ, голодаютъ... просятъ и унижаются, а теперь—перепились и спалили свою деревню!.. Что же будетъ *теперь* съ ними?!.

Напрасно я стараюсь разбудить свою Машу. Она не внемлетъ моимъ словамъ, такимъ страннымъ, такимъ необычайнымъ: «Вставай, вставай скорѣй, Маша! У насъ пожаръ: горитъ Никифорово! Вставай! Огонь близко—мы сгоримъ!..

Все тщетно: ея 16-лѣтнiй деревенскiй сонъ непробуденъ...

...Наконецъ, мы обѣ на дворѣ. Меня изумляетъ спокойствiе женщинъ, которыя стоятъ въ бездѣйствiи подлѣ забора, изрѣдка обмѣниваясь отдѣльными замѣчанiями. Развѣ не надо выносить все изъ дома?.. Развѣ не надо выгнать скотъ въ поле, чтобъ не сгорѣли лошади и коровы?..

Я не могу орiентироваться: мнѣ кажется, что горитъ ближайшiй къ намъ порядокъ избъ, откуда слышенъ глухой гулъ толпы, и гдѣ высоко къ небу взвиваются столбы пламени и дыма.

— Да что вы?!—возражаетъ стряпуха.—Это не Никифорово горитъ... Горитъ ваша старая усадьба!..

— Вотъ оно что! Горитъ *«старый домъ»*! Это лучше, чѣмъ несчастная деревня... Только бы не она... только бы не она!..

И все звучитъ набатъ, посылая съ высоты колокольни въ ночной воздухъ новыя и новыя волны... И все новые языки огня и волнующіеся клубы дыма поднимаются за *«старыми ивами»* нашего сада.

Эти ивы, этотъ садъ, окружающіе старую усадьбу со всѣми ея службами, сберегутъ крестьянскія избы, спасутъ деревню отъ конечнаго разоренія... А тамъ, за ними, среди весенняго засушья, горитъ сначала овчарня, и въ ней живьемъ гибнутъ овцы; горитъ конюшня, которую, спьяна, сторожъ не въ силахъ отперть,—и въ ней живьемъ сгораютъ лошади... Потомъ горятъ флигеля, сараи, и горитъ, со всѣмъ своимъ добромъ, «старый домъ» временъ дѣдушки...

...Деревня не сгоритъ... деревня не погибнетъ, не пойдетъ по міру, и мѣсто для личныхъ чувствъ, для личной скорби—очищено... И больно, страшно больно въ теченіе пяти часовъ смотрѣть, какъ гибнетъ эта колыбель нашей семьи. Тамъ родились... тамъ выросли... Потомъ ушли... ушли въ широкій свѣтъ, на разныя дороги... Но о немъ, объ этомъ старомъ домѣ, помнили... къ нему стремились въ мечтѣ, въ воспоминаніи...

Сколько разъ въ Шлиссельбургѣ рисовался мнѣ этотъ родной уголъ, единственный на всей землѣ, постоянный и неизмѣнный!..

Рисовался—и я писала:

„Вотъ деревня... вотъ домъ... Къ небесамъ
Поднимаются стройныя ивы...
Вьется змѣйкой рѣка по лугамъ,
А кругомъ—разстилаются нивы...
 Незатѣйливъ пейзажъ, и не разъ
 Я видала красивѣй картину!
 Но привычный и любящій глазъ
 Все рисуетъ *тотъ* домъ, *ту* равнину.
Сколько лѣтъ я ужъ тамъ не была!
Но знакомо тамъ все, и все мило:
Тамъ я дѣтство свое провела,
Тамъ училась, росла и шалила...
 Этотъ домъ ужъ давно опустѣлъ
 И стоитъ, молчаливъ, какъ гробница...
 А когда-то онъ смѣхомъ звенѣлъ,
 И мелькали въ немъ милыя лица...
На каникулы шумной толпой
Мы въ родное гнѣздо прилетали...
Шаловливой, веселой гурьбой
Мать съ отцомъ, какъ вѣнкомъ, окружали...
 Тамъ я первую книжку прочла:
 Мысль и чувство надъ ней пробудились...
 Тамъ же, послѣ, цѣль жизни нашла—
 Идеалы въ душѣ зародились...
Въ тѣхъ мѣстахъ услыхала впервой
Я горячія рѣчи признанья..

Тамъ мнѣ братъ положилъ золотой
Въ башмачекъ предъ обрядомъ вѣнчанья...
Тамъ добру и наукѣ съ сестрой
Свои силы отдать мы рѣшились
И, судьбу вызывая на бой,
Надъ отцовской могилой склонились...
Мудрено-ли, что эти мѣста
Сердцу дороги, въ памяти живы?..
И въ душѣ не смолкаетъ мечта
Умереть подъ шумокъ старой ивы... *)

(I,—1888 г.).

... И теперь огонь все пожралъ, все уничтожилъ! Нѣтъ больше «*нянинной*» комнаты, гдѣ воображенье всегда рисовало образъ Натальи Макарьевны, съ ея милыми морщинами и небольшими голубыми глазами, которые такъ любо было цѣловать въ дѣтствѣ, теребя ручкой широкія складки старческой шеи... Нѣтъ «кабинета» отца, съ желтымъ стеклояннымъ шкафомъ-библіотекой, откуда брались: «Антонъ Горемыка» Григоровича и «Давидъ Копперфильдъ» Диккенса, надъ которыми пролито столько горькихъ ребячьихъ слезъ... Нѣтъ «залы» съ висячей лампой и круглымъ столомъ, за которымъ, въ зимній вечеръ, мать читала всѣмъ вслухъ своимъ мягкимъ музыкальнымъ голосомъ романъ Некрасова и Панаевой изъ «Современника»... Нѣтъ балкона, на ступеняхъ котораго, во время каникулъ, сидѣли, по вечерамъ, всѣ въ сборѣ, отыскивая глазами первыя загорающіяся созвѣздія, и спорили за мѣста подлѣ матери...

Все исчезло и сметено безъ возврата. На утро—дымящееся пепелище... обожженная земля,—и болѣе ничего!..

Поджогъ былъ очевиденъ: всѣ кругомъ о немъ говорили, а скоро самъ поджигатель, подъ хмѣлькомъ, сталъ открыто хвастать своимъ дѣломъ.

Это былъ актъ мести, и *я... я*—была виной гибели родного гнѣзда!..

Въ деревнѣ былъ старикъ, пользовавшійся нелестной репутаціей пьяницы и «охальника», какъ его величали бабы. Восемь лѣтъ, какъ онъ уже забросилъ землю: не пахалъ, не сѣялъ и служилъ въ пастухахъ. Оказывается, онъ приходилъ ко мнѣ и просилъ на лошадь. Конечно, я отказала. И вотъ, въ отместку, онъ спалилъ усадьбу, которой я не владѣла и въ которой я не жила. Спалилъ въ праздникъ, съ полной безопасностью для себя, но съ опасностью для всего села въ 400—500 душъ.

И едва ли въ какой-либо другой странѣ возможно слѣдующее: на старомъ пепелищѣ, на страховую премію братъ выстроилъ для сестеръ новую усадьбу. Каково-же было ихъ изумленіе и тревога, когда лѣтомъ, на слѣдующій годъ, онѣ увидѣли, что сторожемъ ея нанятъ тотъ же поджигатель. На вопросъ, что это значитъ?

*) Стихотворенія. Библіотека освободительной борьбы. Пб. 1906 г.

толстый, красный приказчикъ, улыбаясь жирнымъ лицомъ деревенскаго прасола, бойко отвѣчалъ: «Это—лучшій способъ обезопасить отъ огня»... Прогнать этого человѣка было уже невозможно—усадьба непремѣнно сгорѣла бы... Судиться?.. Тащить въ судъ эту темную, безсознательную голову?.. Но для этого, помимо всего прочаго, даже и свидѣтелей не нашлось бы. Деревня знала—деревня молчала бы.

Послѣ пожара, этого семейнаго несчастія, «сознательные» крестьяне, какъ они себя сами называли, выразили мнѣ свое «коллективное» сочувствіе и соболѣзнованіе о случившемся. Не утаю: этихъ «сознательныхъ» было мало, меньше, чѣмъ пальцевъ на рукѣ. Я нѣсколько разъ, по разнымъ хозяйственнымъ поводамъ, встрѣчалась съ ними. Я интересовалась ихъ личностью и степенью развитія. Вѣдь это была новость для меня—заря будущаго деревни. Они были грамотные, прочли нѣсколько брошюръ, тогда свободно обращавшихся. Къ ихъ мнѣніямъ я прислушивалась.

Разъ, приходитъ одинъ изъ нихъ, взволнованный,—онъ только что прочелъ газету.

— Въ чемъ дѣло?

— Это возмутительно,—отвѣчаетъ онъ.—Чего только не дѣлаютъ Дурново и Витте! Я такъ думаю, Вѣра Николаевна, ихъ слѣдуетъ повѣсить!

— Развѣ вы стоите за смертную казнь? — спокойно спрашиваю я.

— Нѣтъ! я противъ смертной казни: ее необходимо отмѣнить,—говоритъ крестьянинъ.

— Но если отмѣнить, то можно ли казнить Витте и Дурново?! Разъ вы стоите за отмѣну, невозможно казнить кого бы то ни было и за что бы ни было, — иначе вы не противникъ смертной казни...

— Нѣтъ, я—противникъ, но все-таки Дурново и Витте надо повѣсить!

И какъ я ни билась, доказывая невозможность такой постановки: «Смертную казнь отмѣнить, а Дурново повѣсить»—убѣдить «сознательнаго» я не могла.

Тотъ же крестьянинъ на вопросъ о преимуществахъ общественнаго или частнаго землевладѣнія сказалъ: — Конечно, мнѣ было бы лучше имѣть участокъ въ полную собственность: на немъ я былъ бы самъ себѣ король!.. Только я знаю: если общину рушить, черезъ десять лѣтъ полсела будетъ нищими: участки продадутъ. *Поэтому* я не хочу и стою за общину.

При покупкѣ земли у помѣщика (по закону 9 ноября) онъ твердо стоялъ за покупку общиной, и его старанія увѣнчались успѣхомъ.

Однако, годъ назадъ мнѣ сообщили, что Иванъ вышелъ изъ общины и укрѣпилъ за собой участокъ.

Говоря объ аграрныхъ погромахъ, Иванъ объяснилъ, что понимаетъ некультурность и темныя стороны этого пріема:—«А все таки, скажу вамъ, Вѣра Николаевна, не будь погромовъ, не подняли бы вопроса о землѣ для насъ»...

Другой «сознательный» сказалъ однажды: «Намъ не столько земля нужна, сколько свобода. Будь у насъ свобода, мы и съ этой землей, что у насъ есть, поправились-бы»... Это было хорошо сказано, и мнѣ понравилось. А черезъ нѣсколько дней онъ заговорилъ: «Думаю я, думаю, Вѣра Николаевна: одѣнусь-ка я жандармомъ, да начну-ка, во имя Государя Императора, по Указу его Императорскаго Величества, народъ за землю противъ помѣщиковъ поднимать»!..

На общемъ фонѣ осады меня всяческими просьбами нѣкоторые крестьяне и между «сознательными» оказались не выше общаго уровня деревни.

Одинъ сказалъ: «*Пособія* — я не желаю, но дайте мнѣ въ долгъ изъ барской экономіи десять пудовъ ржи. Придетъ урожай— отдамъ.

Я дала. Долгъ и до сихъ поръ не возвращенъ.

Другой, придя какъ-то въ сумерки, заявилъ просьбу въ такихъ выраженіяхъ:

— Чѣмъ я хуже другихъ? Другимъ рожь даете—и мнѣ дайте!

— Вы не хуже другихъ! — говорю я съ горячностью, возмущенная, что хотя онъ не нуждается, а все-же проситъ.—Вы не хуже! Вы лучше другихъ... ваше положеніе лучше... Вы достаточный, вамъ не надо спину гнуть! Вы ни отъ кого не зависите и не принуждены ради хлѣба насущнаго обращаться къ чужой милости!..

Все было тщетно; все разбивалось о «я не хуже другихъ: другимъ даете—мнѣ дайте»!..

Конечно, онъ ничего не получилъ.

Наконецъ, третій принесъ мнѣ еще большее огорченіе. Онъ зналъ кузнечное мастерство, а въ селѣ не было кузницы, и ковать лошадей ходили въ сосѣднюю деревню—за версту. Мечтой Михайлы было устроить кузницу, но для этого было нужно рублей 40. Нечего и говорить — такой суммы у него въ рукахъ во вѣки вѣковъ не было. Въ виду пользы деревни и слыша хорошія рекомендаціи о Михайлѣ, я переговорила съ нимъ о его задушевномъ желаніи и на первыхъ порахъ даю 20 рублей на покупку лѣса для постройки кузницы, а остальные двадцать обѣщаю выдать потомъ на оборудованіе ея.

Но будущій кузнецъ, съ большимъ подъемомъ чувствъ, начинаетъ упрашивать меня *оказать ему довѣріе*: выдать всѣ сорокъ рублей сразу. Онъ оправдаетъ это довѣріе.. онъ никогда ни отъ кого не видалъ такого довѣрія... онъ даетъ *честное слово*, что во всю жизнь не забудетъ того довѣрія, которое я ему теперь окажу.

Его слова, ставившія вопросъ на почву довѣрія, дѣйствуютъ на

меня. Мнѣ стыдно думать, что послѣ такихъ трогательныхъ словъ возможно обмануть... Передо мной бородатый человѣкъ, человѣкъ довольно развитой, и глаза у него такіе честные... Возможно ли унизить его отказомъ, который будетъ послѣ такого разговора прямымъ выраженіемъ недовѣрія?! Нѣтъ, я не могу дать ему такой щелчекъ; у меня нѣтъ данныхъ поступить съ нимъ, какъ съ недобросовѣстнымъ или какъ съ ребенкомъ.

Застѣнчиво я подаю другіе двадцать...

Онъ обманулъ меня: кузницы въ Никифоровѣ и до сихъ поръ нѣтъ... и воспоминаніе о честномъ словѣ этого взрослаго и разумнаго человѣка до сихъ поръ причиняетъ мнѣ боль...

Такъ дѣйствовала я неудачно. Всегда неудачно! Крестьянинъ-садовникъ, имѣющій недурной заработокъ, строилъ избу. Не хватало ему на крышу. Стыдно было оставить домъ безъ крыши изъ-за недостачи какихъ-нибудь десяти-пятнадцати рублей. Онъ просилъ ихъ—я дала, получивъ гору обѣщаній...

Онъ не отдалъ.

Другой, сосѣдъ по усадьбѣ, Христомъ-Богомъ просилъ 15 рублей въ долгъ, чтобъ уйти съ ними на заработки въ Сибирь, какъ онъ раньше уже дѣлалъ. Въ деревнѣ, въ семьѣ, ему дѣйствительно работы не было. Всѣми святыми клялся онъ прислать ихъ съ мѣста. Стыдно было не дать — такъ ясна была необходимость уйти съ пустого мѣста.

Я дала. Онъ ушелъ. Денегъ не вернулъ, хотя женѣ еще въ мою бытность въ деревнѣ прислалъ довольно крупную сумму.

Видимое дѣло: тѣснимая нуждой и имѣя предъ собой представителя «добрыхъ господъ», деревня не стѣснялась честнымъ словомъ и не признавала даже практической выгоды элементарной честности.

Пришелъ конецъ моимъ неумѣлымъ шагамъ, моимъ досаднымъ огорченіямъ: пріѣхала изъ Петербурга моя сестра Ольга Николаевна, и тутъ ужъ я ее не пожалѣла.—«Какъ хочешь, говорю, бери счеты, бери деньги!.. Быть можетъ, у тебя дѣло пойдетъ лучше. Силы у тебя свѣжія, а мнѣ ужъ не въ моготу»...

Сестра вошла въ дѣло и продолжала... Она продолжала, и тутъ ужъ вышло такое, что прямо къ Щедрину или къ Успенскому просится.

Пришло время ленъ сѣять, и бабы стали обращаться къ сестрѣ съ просьбами о сѣмени для посѣва: кто на полосу въ одну сажень, кто — на двѣ. Сестра распорядилась о закупкѣ сѣмянъ въ окрестныхъ деревняхъ и, когда привезли, стала раздавать просительницамъ въ мѣру надобности.

Этимъ исчерпывались данные намъ фонды, и кампанія заканчивалась.

И что-же? *Какъ только все льняное сѣмя было роздано*, мы узнали, что женщины сначала продавали сестрѣ свои запасы, а потомъ у нея же брали на посѣвъ.

Эта бѣлыми нитками шитая комбинація была такъ геніально-проста, и положеніе наше было такое шутовское, что мы начали хохотать... Особенно смѣялась я, и, разумѣется, не только потому, что финалъ вѣнчалъ дѣло, но и потому, что обманута была сестра, а не я.

Будь я сама жертвой, — я, вѣроятно, взглянула бы на дѣло трагически — старый шоколадъ давалъ себя знать! Но жертвой былъ другой, добрый и довѣрчивый человѣкъ, и случай показался мнѣ такимъ смѣшнымъ, такимъ характернымъ! Я забыла на минуту, какъ меня дурачили, и какъ это волновало и огорчало меня... забыла все, и хохотала; хохотала надъ собой, надъ сестрой, надъ «добрыми господами» вообще...

Это было повтореніе, варіація того, что было описано лѣтъ 30 назадъ Г. Успенскимъ: какъ въ колоніи интеллигентовъ на Кавказѣ, когда было нечего ѣсть, посылали работника съ барскимъ ружьемъ на охоту; а онъ шелъ на барскій дворъ, стрѣлялъ домашняго фазана и приносилъ его «добрымъ господамъ» въ ягдташѣ, какъ плодъ «удачной охоты».

... Смѣхъ прокатился и исчезъ. А тоскующая душа осталась...

Душа, надъ которой тяготѣетъ *все прошлое* и которая, возрождаясь ко второй жизни, спрашиваетъ себя въ пустынѣ: какъ жить? чѣмъ жить? зачѣмъ жить?

Гдѣ *мое* мѣсто въ жизни? гдѣ мѣсто для *моей* неповторяющейся, неповторимой индивидуальности?

Но, чудодѣйственною силой, на оголенномъ протяженіи пустыни, уже возросъ первый пучекъ травъ; травъ ѣдкихъ, горькихъ, потому что надъ ними вѣяло дуновеніе скорби; травъ соленыхъ — потому что въ тиши ночи, вмѣсто росы, на нихъ падали слезы... Эти травы выросли, потому что была сдѣлана *попытка жить*, пускай ошибочная, пускай неудачная, но попытка вмѣшаться въ людскую жизнь, раздѣлить интересы, пріобщиться къ людскимъ нуждамъ и страданіямъ.

Съ попыткой было связано потрясеніе, нравственный сдвигъ: пересмотръ чувствъ «былого», взвѣшиваніе «сегодняшняго»... Медленно передвигался свѣтъ прошлаго, тѣни настоящаго... Медленно измѣнялся краски, смягчались тоны... Теплое голубоватое сіяніе «дали», и черная тушь полотна, только что предъ глазами разостланнаго... Колыхались *свѣтъ* и *тѣни* деревни... колыхались, боролись, смѣшивались,—*создавался синтезъ*... И, словно легкій

матовый транспарантъ, медленно, въ процессѣ безсознательнаго, опускался на мучительную загадку: какъ жить?..

И медленно, водяными знаками, рука жизни чертила:—«Ошиблась, споткнулась! Отбрось,—не дѣлай этого больше!.. Но, какъ ни мало предъ тобой возможностей, *ищи, пытайся!.. пробуй и опять ищи!...*

Вѣра Фигнеръ.

Clarens.
26. I. 12.

Ксенія Турпанова.

I.

Жена ссыльнаго Турпанова, Ксенія, одѣлась въ полутемной прихожей, тихонько отворила дверь въ кладовую, взяла корзину и, думая, что двигается совсѣмъ неслышно, направилась къ выходу. Изъ столовой вышелъ Турпановъ.

Ксенія смущенно засмѣялась, дѣлая круглые невинно-виноватые глаза и наспѣхъ соображая, какъ обмануть мужа. Но онъ уже увидѣлъ корзинку.

— Куда ты, Ксенюшка?—спросилъ хорошо выспавшійся Турпановъ.

— Я—въ лавочку... муки надо и соли,—она открыла дверь, но мужъ схватилъ ее за руку и сталъ цѣловать въ ухо.

— Не надо муки, не надо соли,—проговорилъ онъ,—на дворѣ сыро, слякоть.

— Я резиновые надѣла,—сказала молодая женщина.— Пусти меня.

— Пошли дѣвушку.

— Но я не могу безъ свѣжаго воздуха, мнѣ надо гулять, я засиживаюсь.

— Ну, иди, иди,—лѣниво сказалъ Турпановъ, расчесывая бороду гребешкомъ.

Ксенія кивнула головой и сбѣжала по лѣстницѣ. На дворѣ ей встрѣтился Кузнецовъ. Это былъ круглоголовый, сѣрый, семинарскаго типа человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, въ рыжемъ драповомъ пальто, скучный и нездоровый.

— Дома Власъ Ивановичъ?—спросилъ онъ, вяло здороваясь и, получивъ утвердительный отвѣтъ, поднялся наверхъ.

— Раздѣвайтесь,—сказалъ Турпановъ.—Жену видѣли? Что новаго?

Кузнецовъ хмыкнулъ, потирая озябшія руки, долго смотрѣлъ въ глаза Турпанову и, словно очнувшись, скинулъ пальто.

— А? новаго?—сказалъ онъ.—Ничего новаго нѣтъ. Я спрашивалъ у мужиковъ, когда рѣка встанетъ. Никто ничего не знаетъ. Лѣтъ тридцать, говорятъ, такой зимы не было. Теперь вѣдь шестое. А?

— Да, шестое ноября.—Турпановъ разстегнулъ воротникъ сорочки, выпятивъ круглую, бѣлую, волосатую грудь и сталъ растирать ее ладонью.—Я хорошо выспался. Надоѣло сидѣть на островѣ.

Поздняя сѣверная зима сильно угнетала жителей Тошнаго острова. Рѣка медлила замерзать; легкое ледяное сало, а потомъ болѣе крупный, сломанный оттепелями ледъ плылъ, загромождая русло грязно-бѣлой коркой; по временамъ льдины скоплялись у береговъ, примерзали, и вода затягивалась стекловиднымъ полувершковымъ льдомъ; онъ держался ночь, а утромъ таялъ, дробился и уплывалъ въ море. Маленькіе пароходы, бѣгавшіе лѣтомъ изъ города къ острову и обратно, постепенно перестали ходить совсѣмъ. Тошноостровцы вздыхали о санной дорогѣ и маялись.

— Пароходы больше не пойдутъ, я думаю,—сказалъ Турпановъ.—А хорошо-бы въ городъ попасть. Пообѣдать въ ресторанѣ, сходить въ кинематографъ, даже просто пройтись по улицамъ.

— Глафира Федоровна вчера мужа за обѣдомъ ругала,—захохоталъ Кузнецовъ,—я даже въ тарелку прыснулъ. „Дуракъ, идіотъ, скотина“, а онъ сидитъ и краснѣетъ. Вчера зашелъ къ Меркулову; онъ сидитъ и бьетъ себя по колѣнкѣ молоточкомъ—купилъ спеціально молоточекъ. На одной ногѣ стоялъ,—забавно смотрѣть. Сухотку спинного мозга отыскиваетъ.

— Значитъ, все по старому,—усмѣхнулся Турпановъ.—А въ табурлетъ сыграемъ?

Расположившись въ одной изъ трехъ комнатъ турпановской квартиры, они сыграли нѣсколько партій. Выигралъ Кузнецовъ. Карты скоро надоѣли. Послѣ унылаго молчанія, во время котораго каждый думалъ о своемъ, куря папиросу за папиросой, Кузнецовъ всталъ и собрался идти обѣдать. Посѣщеніе имъ Турпанова не имѣло другой цѣли, кромѣ потребности потолкаться въ чужомъ домѣ; это было обычное безтолковое, хмурое хожденіе ссыльныхъ другъ къ другу. На островѣ, въ деревнѣ ихъ было семь человѣкъ, они жили замкнуто, хотя и видѣлись часто, говорили о пустякахъ и втихомолку сплетничали. Ксенія не была ссыльной, она пріѣхала къ мужу съ юга. Жизнь на сѣверѣ казалась ей тоскливой и мрачной.

II.

Короткій ноябрьскій день переходилъ въ сумерки. Трехверстная ширина рѣки убѣгала въ рѣдкомъ туманѣ къ смутнымъ контурамъ городскихъ зданій, церквей и зимующихъ у набережной морскихъ пароходовъ; издали, съ острова все это казалось зубчатой тоненькой лентой. Медленно плылъ, кружась, грязный, изрытый дождями ледъ; на льдинахъ сидѣли вороны; сиплое карканье ихъ надоѣдливо будило тишину. У дамбы, среди обмелѣвшихъ лодокъ, стояли мужики; большой карбасъ, спущенный на воду, тыкался кормой въ камни. Мужикъ безъ шапки, растрепанный, подъ хмѣелькомъ, кричалъ:

— Кладь тащи, Емельянъ, да доски, доски приволоки, ловчае!

Мужикъ, стоявшій на дамбѣ, отчаянно махалъ руками въ сторону переулка, откуда, медленно потягивая сани съ грузомъ, осторожно, чтобы не оступиться на гололедицѣ, выступала пѣгая лошадь. Рядомъ съ лошадью шелъ высокій, кривоплечій старикъ безъ сѣдины, съ темнымъ лицомъ.

— Привороти корму,—закричалъ онъ,—таскай, сто пудовъ взялъ, шестеро васъ поѣдетъ, али какъ?

— Всѣ тутъ,—сказалъ мужикъ безъ шапки и, широко разставляя ноги, потащилъ зашитый въ рогожу ящикъ. Это были сельди изъ коптильни высокаго старика Татарьина. Онъ поставлялъ ихъ въ городскія рыбныя лавки.

Остальные, скупо и медленно шевелясь, какъ во снѣ, поснимали съ саней грузъ, закладывая имъ середину карбаса. Борта осѣли почти вровень съ водой. Гора ящиковъ, прикрытая рогожей, раздѣляла корму отъ носа. Молодой парень въ желтой клеенчатой винцеродѣ принесъ двѣ длинныя тесовины, переходить, если понадобится, ледъ у городского берега.

— Степанъ Кирилычъ, увезите и меня, пожалуйста,— сказала, подходя, Ксенія.

Татарьинъ обернулся. Онъ былъ хозяинъ дома, въ которомъ жили Турпановы.

— Садись, барыня, увезу,—дѣловито сказалъ онъ, шлепая сапогами въ лужѣ.

Мужики, бросивъ работу, тупо смотрѣли на барыню одинъ, неизвѣстно почему, ухмыльнулся, почесавъ за ухомъ. Ксенія спустилась къ водѣ. Мутно-желтая пѣна двигалась вдоль карбаса, шурша льдомъ. Маленькая, темнорусая женщина слегка боялась этой суровой воды, утлаго карбаса,

загадочныхъ мужиковъ, льдинъ, сѣраго неба, но въ тоже время боязнь приводила ее въ легкое восхищеніе. Ей казалось, что плыть на карбасѣ, совсѣмъ не обыкновенное дѣло, которымъ сотни лѣтъ, изо дня въ день, занимается населеніе, а такое-же загадочное и новое, какъ, напримѣръ, дрессировка змѣй. Самое себя она чувствовала теперь тоже не балованной городской женщиной, а новой, расположенной къ мужикамъ и мужицкому Ксеніей, которую мужики не могутъ только видѣть, а еслибъ увидѣли, то загалдѣлибы въ ея присутствіи, не стѣсняясь.

Въ то время, когда она, смотря на карбасъ и рѣку, думала, что все готово, и можно ѣхать, мужики дѣйствительно загалдѣли всѣ сразу, и нельзя было понять, въ чемъ дѣло; тонъ голосовъ ихъ заставилъ-бы непривычнаго человѣка подумать, что случилось что-то такое важное, что ѣхать совсѣмъ нельзя. Покричавъ, однако всѣ успокоились и начали размѣщаться. Четверо сѣли на носу, въ весла, одинъ—на кормѣ; Татарьинъ подошелъ къ Ксеніи, говоря:

— Садитесь, барыня, на скамеечку.

Ксенія ступила одной ногой на бортъ, ожидая, что отъ этого карбасъ сразу наклонится и черпнетъ воды, но судно почти не шелохнулось. Татарьинъ бросилъ на сидѣнье кусокъ брезента; въ карбасѣ было тѣсно и сыро.

— Садитесь вотъ, посушѣе. Поѣхали. Съ Богомъ!

III.

Татарьинъ держалъ руль. Короткій плескъ четырехъ веселъ мѣрно удалялъ карбасъ отъ берега. Черныя кучи домовъ отходили въ сторону и назадъ. Ксенія сидѣла лицомъ къ кормѣ, плотно обтянувъ юбкой ноги; ей было слегка холодно и чуть-чуть страшно. За ея спиной и за грудой ящиковъ невидимые гребцы о чемъ-то говорили вполголоса; разговоръ ихъ былъ отрывистъ и глухъ.—„О чемъ-бы такомъ интересномъ подумать?“—мысленно произнесла Ксенія. Но мысли были только о томъ, что непосредственно относилось къ настоящему положенію. Она думала, что мужъ будетъ въ большомъ недоумѣніи, узнавъ объ ея поѣздкѣ, пожалуй обезпокоится, а потомъ, когда завтра она вернется—обрадуется и удивится. Она любила его сильной, думающей любовью. „Такой большой и славный, очень милый“, мелькнуло въ головѣ Ксеніи.

Дулъ ровный, холодный вѣтеръ; мужики умолкли, а Татарьинъ, изгибаясь во всѣ стороны, разсматривалъ проходящій ледъ, и Ксеніи казалось, что мужики не разговариваютъ

потому, что ея присутствіе ихъ стѣсняетъ. Отъ этой мысли ей стало неловко, она спросила болѣе громко, чѣмъ было нужно:

— А сегодня назадъ поѣдете?

— Тамъ видно будетъ,—сказалъ Татарьинъ и, помолчавъ, прибавилъ:—изъ Заостровья попадать плохо теперь...

— Изъ Заостровья?

— Плохо попадать,—продолжалъ мужикъ, очевидно, слѣдуя своимъ мыслямъ.—Попажа плохая. Сала тамъ понаперло, вотъ что. А съ Кикосихи ѣздіютъ, вчера мясо везли хорошо, слободно.

Водяное пространство, казавшееся раньше загроможденнымъ льдомъ, теперь, когда карбасъ плылъ по срединѣ рѣки, немного очистилось. Только у городского берега стояла ровная, бѣлая полоса. Сырой вѣтеръ знобилъ, студилъ ноги; Ксенія, не выдержавъ, встала, переминаясь и подергивая плечами.

— Озябли, хе-хе!—сказалъ гребецъ съ мочальной бородкой,—городъ ужъ недалеко, чаю попьете.

Татарьинъ, межъ тѣмъ, разговорившись, тянулъ низкимъ, негромкимъ голосомъ разсказъ о томъ, какъ шесть лѣтъ назадъ плылъ изъ Соломбалы съ пикшуемъ, а отецъ лежалъ пьяный и захлебывался водой, хлеставшей черезъ бортъ.

— Нахлебался, протрезвѣлъ маленько,—сказалъ коптильщикъ,—и въ ухо мнѣ какъ звизданетъ: „ты, говоритъ, Хамъ, а я Ной, отецъ я твой, ты это чувствуй"—однако, свалился опять, вотъ какія дѣла.

Ксенія слушала, смотря на сѣрую, длинную воду, уходившую къ далекимъ берегамъ Заостровья и Тошнаго хмурымъ просторомъ. Большія льдины, покрытыя снѣгомъ и грязью, текли къ морю; нѣкоторыя изъ нихъ, шипя, ползли у самаго карбаса. Сумеречный узоръ города показался вблизи, дома и пароходы какъ будто выростали, подымаясь изъ воды. Ѣхали уже около часа, у Ксеніи окоченѣли руки; сзябшаяся, боясь пошевельнуться, чтобы не озябнуть еще больше, она тоскливо посматривала на берегъ, мечтая выскочить изъ неуклюжаго карбаса, пробѣжаться по улицѣ, согрѣться, зайдя въ магазинъ.

Карбасъ плылъ теперь въ рыхломъ береговомъ льду, на носу стоялъ мужикъ, раскачивая суденышко; карбасъ, переваливаясь съ боку на бокъ, давилъ своей тяжестью ледъ; льдины хрустящія, перемѣшанныя какъ хлѣбъ, накрошенный въ молоко, спирали борта, гребцы отталкивали ихъ баграми, крича:—„ну еще, Василій, обопрись ловчае, оттяни назадъ, не мѣшкай, дьяволъ, въ русло попадай, норови, норови еще!" Карбасъ медленно и шатко скользилъ къ пристани; наконецъ обмерзшія, мокрыя ступени каменнаго трапа

поплыли у ногъ Ксеніи. Татарьинъ дернулъ багромъ, и карбасъ остановился.

— Вылѣзайте!—сказалъ онъ, помогая окоченѣвшей женщинѣ. Она поднялась на пристань и улыбнулась отъ удовольствія.

— А назадъ скоро?—Ксенія порывалась бѣжать, мужики, уложивъ багры, таскали селедку.

— Не мѣшкайте ужъ, барыня,—сказалъ коптильщикъ,—дó-темна ѣхать надо.

Ксенія, порывшись въ кошелькѣ, сунула ему тридцать копѣекъ. Мужикъ охотно и быстро спряталъ въ карманъ, говоря:—„ну что, стоитъ-ли, благодаримъ васъ“. Уходя съ пристани, молодая женщина долго еще слышала шорохъ льдинъ, быстрый плескъ веселъ и ровный гулъ вѣтра.

Возвратившись черезъ часъ, нагруженная покупками, рѣзавшими ей пальцы петельками тонкихъ бичевокъ, усталая и запыхавшаяся, она не увидѣла ни мужиковъ, ни карбаса. Два другихъ, причаленные въ томъ-же мѣстѣ, были пусты, покачивались, и на днѣ ихъ, жулькая и почмокивая, переливалась накопившаяся вода. Было почти темно, глухо и вѣтрено.

IV.

Турпановъ, послѣ ухода Кузнецова, вспомнилъ, что жены долго нѣтъ, одѣлся, прошелъ къ лавочкѣ, увидѣлъ за стойкой мужика, разсматривающаго картинки старыхъ журналовъ, и спросилъ:

— Жены моей не было у васъ?

— Нѣту,—сказалъ мужикъ,—не приходили.

„Что за чортъ, подумалъ Турпановъ.—Не ушла-ли она къ Антоновымъ“? Но, тутъ-же вспомнивъ, что жена Антонова давно въ ссорѣ съ нимъ изъ-за спора о „самоцѣнности жизни“, оставилъ эту мысль и прошелъ на берегъ. Изъ казенки шелъ парень съ двумя четвертями подъ мышкой, трезвый, дѣловито посматривая на бутыли.

— Голубчикъ, — спросилъ Турпановъ,—не видалъ ли ты барыню въ бѣлой шапкѣ? Это моя жена, — прибавилъ онъ, думая, что такъ парню будетъ понятнѣе, зачѣмъ онъ объ этомъ спрашиваетъ.

— Въ бѣлой? — переспросилъ парень,—это Турпаниха, стало быть... видѣлъ никакъ супругу вашу,—поправился онъ,—на татарьинскомъ карбасѣ давеча проѣхали въ городъ, вѣрно они, глазъ у меня такой.. примѣтливый.

Турпановъ пожалъ плечами, покачалъ головой и, обезпокоенный, подошелъ къ водѣ. Въ темнѣющей дали, шурша двигался невидимый ледъ, свистѣлъ вѣтеръ.

„Ну, Ксенія: — подумалъ Турпановъ,—зачѣмъ это?“ Неужели правда? Ни вчера, ни сегодня между ними не было разговора о необходимости ѣхать. Съ почты, кромѣ газетъ, нечего было ожидать, знакомыхъ въ городѣ не было. „Ксенія, что-же это?—твердилъ Турпановъ.— А вдругъ утонетъ.. нѣтъ, пустяки... а вотъ простудится, сляжетъ, хрупкая“... и почему-то обманула его.

Ничего не понимая, и начиная отъ этого слегка раздражаться, Турпановъ медленно двинулся по дорогѣ среди голыхъ зимнихъ кустовъ, къ мысу. Черныя вечернія избы глухо проступали слѣва, среди замерзшихъ полей; огонекъ спасательной станціи горѣлъ высоко на мачтѣ межъ тусклыхъ звѣздъ. Мысли о Ксеніи, доѣхала-ли она и когда вернется, преслѣдовали Турпанова.

Онъ вдругъ ясно и живо представилъ ее, безшумную, иногда грустную молчаливо, подчасъ веселую тѣмъ внутреннимъ, смѣющимся, тихимъ и невиннымъ весельемъ, которое непремѣнно въ концѣ-концовъ передавалось ему, какъ-бы онъ ни хандрилъ. — „Ахъ, ты, славная Ксеничка“, — сказалъ Турпановъ, съ удовольствіемъ чувствуя, что любитъ жену, и вспомнилъ, что ему часто приходила въ голову мысль, любитъ ли онъ ее.

„Вотъ странно, даже дико,—подумалъ онъ:—какъ-же не люблю?“ И опять стало страшно, что она утонетъ. Самъ онъ чрезвычайно боялся воды, и ко всему, отмѣченному рискомъ, къ рѣкамъ, лѣсу, охотѣ и оружію, относился съ брезгливымъ недоумѣніемъ интеллигента,-полумужчины, неловкаго, головного человѣка.

— Сегодня пріѣдетъ, какъ-же иначе,—вслухъ сказалъ Турпановъ.—Жена сбѣжала! — шутливо усмѣхнулся онъ. И вспомнилъ, что у Меркулова дѣйствительно убѣжала жена, не вынеся бѣдности въ ссылкѣ съ мужемъ истерикомъ. Турпановъ старался представить, могла-ли бы сдѣлать то же самое его Ксенія. Вопросъ этотъ интересовалъ его, но не безпокоилъ, отношенія ихъ были ровныя и заботливыя. „Мы все-таки, съ ней разныя,—мои идеалы, напримѣръ, чужды ей“. Подъ идеалами онъ подразумѣвалъ необходимость борьбы за новый, лучшій строй. Но представленія объ этомъ строѣ и способахъ борьбы за него дѣлались у Турпанова съ каждымъ годомъ все болѣе вялыми и отрывочными, а остальные ссыльные даже избѣгали говорить объ этомъ, какъ живописцы не любятъ вспоминать о недоконченной, невытанцевавшейся картинѣ.

„Да, Ксенія... человѣкъ внутренно свободный, — размышлялъ, прогуливаясь, Турпановъ,—а все-таки...“ Что

„все-таки“,—онъ хорошенько не зналъ. На языкѣ сбивчивыхъ, туманныхъ мыслей его это выражало животное чувство превосходства мужчины. Она спорила рѣдко, а если спорила, то утверждала всегда что-нибудь шедшее въ разрѣзъ со всѣми его установившимися понятіями, и было видно, что высказанное принадлежитъ ей.—„Пожалуй, я не знаю ее,—подумалъ Турпановъ:—и не надо знать, такъ лучше, можетъ быть она просто недалекая, но добрая“.

Онъ перешелъ дорогу, думая повернуть назадъ, какъ вдругъ замѣтилъ двигающійся, неясный силуэтъ человѣка, идущаго навстрѣчу. Очертанія фигуры показались ему знакомыми. Черезъ минуту онъ поклонился и обрадовался. Это шла Марина Савельевна Красильникова, ссыльная, вдова убитаго на войнѣ офицера; на Тошномъ ее звали по-просту Мара. Турпановъ разглядѣлъ ея улыбку, выразившую веселье и зябкость. Полная, бѣлокурая и высокая, она въ темнотѣ казалась стройнѣе и меньше.

— А, здравствуйте,—болѣе бодрымъ, чѣмъ всегда, голосомъ сказалъ Турпановъ.—Вы гуляете?

— Да, вышла пройтись. А вы?

— Тоже. Я провожу васъ,—сказалъ Турпановъ.—Знаете, жена въ городъ уѣхала. И не предупредила. Я вотъ хожу и ломаю голову: зачѣмъ?

— Ну, по хозяйству что-нибудь, а вы безпокоитесь?

— Нѣтъ, зачѣмъ же...—Турпановъ перебилъ себя:—ну что, какъ дни вашей жизни?

— А вотъ скоро срокъ мой оканчивается,—радостно и серьезно заговорила Мара;—вы, бѣдняжки, будете здѣсь сидѣть, а я уѣду. Уѣду,—повторила она, какъ бы стараясь полнѣе представить прелесть освобожденія.—Въ Москвѣ остановлюсь на мѣсяцъ; тамъ вѣдь у меня, знаете, знакомства... Два года жизни убито. Теперь догоняй! И догоню...

— Вы можете,—медленно произнесъ Турпановъ, сбоку оглядывая женщину. Она шла рядомъ съ нимъ, на одномъ и томъ же небольшомъ разстояніи. Про нее ходили смѣшныя и раздражающія сплетни, а сослали ее за дѣло о какомъ-то партійномъ спектаклѣ. Турпановъ сказалъ:

— Рисковать будете?

Мара сдержанно засмѣялась.

— О, нѣтъ! Довольно съ меня. По горло сыта!

— Вы откровенны.

— И вы будьте такимъ.—Она посмотрѣла на него внимательно, строго.—Актеры вы всѣ, и плохіе, плохенькіе. Ну, чего тамъ? Какая еще революція? Живы—и слава Богу.

— Позвольте же, Мара,—началъ было Турпановъ, но вдругъ убѣдительно и просто почувствовалъ, что спорить, а

тѣмъ болѣе горячиться не о чемъ.—„Все это странно, однако, — подумалъ онъ;—неужели я...“, но объ этомъ не хотѣлось даже думать.—„Доступна или недоступна?“—глухо подумалъ онъ;—„ну и свинья я, а Ксенія“?

— Ваша жена сегодня пріѣдетъ?

— Не знаю,—сказалъ Турпановъ,—а вотъ что интересно!.. Да, она не пріѣдетъ, конечно, уже темно и вѣтеръ. Въ гостиницѣ переночуетъ, я думаю... Такъ интересно, я говорю, вотъ что: въ молодости мы треплемся чортъ знаетъ какъ, и теперь вродѣ второй молодости... насыщаемся или хотимъ этого.

— Голодны,—усмѣхнулась Мара.

— Да все равно.—Ему хотѣлось измѣнить разговоръ въ легкую и двусмысленную игру словами, но онъ не могъ уловить подходящаго момента. Въ томъ, что жена уѣхала, а онъ идетъ съ нравящейся ему женщиной и не знаетъ ея отношенія къ себѣ, было что-то жестокое и пріятное.

— Слушайте,—сказалъ вдругъ Турпановъ, втягиваясь въ это немного хмѣльное, немного лукавое настроеніе,—а пойдемте ко мнѣ. Вы, вѣдь, у меня никогда не были,—повторилъ онъ, вспомнивъ, что Мара лишь двѣ недѣли переведена на островъ изъ уѣзднаго города;—а у меня хорошо, городская квартира. Ну, какъ? Есть конфекты.

— Если есть конфекты,—помолчавъ, сказала Мара,—завернемъ. Только я ненадолго. А что у васъ хорошая квартира, то этимъ меня, знаете ли, не удивишь.

— Да развѣ я хотѣлъ васъ удивить?

— Ну, не хотѣли, а подумали.

— Глупости,—сказалъ Турпановъ, сердясь на то, что дѣйствительно это подумалъ.—Налѣво въ переулочекъ.

У крайней избы села, видя что Мара нерѣшительно ступаетъ по льду лужицъ, онъ хотѣлъ взять ее подъ руку, но почему-то не сдѣлалъ этого. Они подошли къ дому, гдѣ жилъ Турпановъ. Крутая, темная лѣстница вела наверхъ; женщина оступилась, Турпановъ поддержалъ ее неловко за локоть, теплый и упругій, и замѣтилъ это; и отъ этого стало душно. Чиркнувъ спичкой, Турпановъ отворилъ дверь, стоя возлѣ Мары и тупо слѣдя за движеніями ея рукъ, сбрасывающихъ пальто; огонь подошелъ къ пальцамъ, обжегъ ихъ; Турпановъ взялъ другую спичку, а женщина засмѣялась.

— Что же вы, зажгите лампу,—сказала Мара,—или въ темнотѣ будемъ сидѣть?

— Виноватъ!—Онъ бросился въ столовую и, снявъ зеленый колпакъ лампы, освѣтилъ комнату. Мара сѣла къ столу, оглядываясь, держась какъ бы принужденно, Турпановъ стоялъ. Онъ вдругъ забылъ, что нужно что-нибудь гово-

рить, занимать гостью, или вызвать ее самое на разговоръ; грудь, шея и руки женщины, ея полное, овальное, затаенно-дерзкое лицо путали всѣ мысли Турпанова; трусливое волненіе наполняло его; онъ сдѣлалъ усиліе, остылъ и, подойдя къ буфету, вынулъ коробку.

— Пожалуйста, прошу васъ,—сказалъ Турпановъ, стараясь быть просто корректнымъ, но, противъ воли, сердце его стучало быстрыми, замирающими толчками.

— Эта комната вашей жены?—громко, шелестя конфектной бумажкой, спросила Мара.

— Да, вотъ посмотрите.—Турпановъ взялъ лампу и пошелъ въ сосѣднюю комнату, но гостья не встала, а только кивнула головой, и онъ вернулся.—Тамъ она устроилась...

— Да, мило у васъ,—сказала Мара и принялась ѣсть конфекты.

„Однако, нужно же говорить что-нибудь“, — думалъ Турпановъ.

— Знаете, я недавно читалъ Бельше, „Любовь въ природѣ“...

Она молчала, ѣла, откинувъ голову къ стѣнѣ; сомкнутыя губы двигались сосущими движеніями, и было видно, что молчаніе нисколько не стѣсняетъ ее. Турпановъ, стараясь не смотрѣть на Мару, сбивчиво и путанно говорилъ о Бельше, и чѣмъ больше говорилъ, барабаня по столу пальцами, тѣмъ яснѣе становилось ему, что Мару Бельше вовсе не интересуетъ. Она смотрѣла на него пристально, блестящими глазами и молчала. Сердце Турпанова успокоилось, но осталось ровное, тяжелое раздраженіе. Посидѣвъ немного, онъ всталъ, принялся ходить по комнатѣ, говоря о Бельше, синдикалистахъ, перемѣнѣ министра, мужикахъ и, взглядывая на Мару, видѣлъ одно и то же, въ одномъ и томъ же положеніи, здоровое, молчаливое лицо со странными, неотступно глядящими на него глазами.—„Чего она,—подумалъ Турпановъ,—я человѣкъ женатый, однако, и все это дурь... Самка...

Поговоривъ, онъ замолчалъ, не слыша ни „да“, ни „нѣтъ“. Прошла минута; Мара развернула еще конфекту, а Турпановъ, посмотрѣвъ на нее, улыбнулся, остановился взглядомъ на подбородкѣ, и вдругъ желаніе стало мучительнымъ, почти нестерпимымъ.

— Какъ вы смотрите, — сказалъ Турпановъ, — вотъ вы какая...

— Какая? — Она тихонько зѣвнула. — Вѣдь и вы тоже смотрите.

„А что если“, — мелькнуло въ головѣ, но Турпановъ смутился и всталъ. И, вставъ, увидѣлъ, что глаза Мары

взглянули на него еще прямѣе и проще. Онъ подошелъ къ ней съ перехваченнымъ спазмой горломъ и, не думая ни о чемъ, ужасаясь тому, что хотѣлъ сдѣлать, и въ то же время безсильный воспротивиться жуткимъ толчкамъ крови, положилъ руки на плечи Мары. Она смотрѣла прямо ему въ глаза, не отодвинулась и не пошевелилась, а Турпановъ, продолжая ужасаться и радоваться, нагнувшись, поцѣловалъ ее въ бровь неловкимъ и недавшимъ ему никакого удовольствія поцѣлуемъ. Онъ весь дрожалъ, губы его кривились; чувствуя, что теперь все можно, съ душой замкнутой, даже слегка враждебной цвѣтущему тѣлу Мары, путаясь, разстегнулъ пуговицы на пышной груди, и захмѣлѣлъ.

„А Ксеничка, какъ-же я... но я ее люблю, это во мнѣ звѣрь“,—бормоталъ мозгъ Турпанова; и вдругъ, безъ словъ, качнувшись стремительно съ закрытыми глазами, Мара лѣвой рукой охватила его шею, притянула голову Турпанова къ горячему бюсту; она стала вся неловкой, покраснѣвшей и жадной.—„Конфекты, Бельше... теперь надо крѣпко цѣловать“,—подумалъ Турпановъ и, весь затрепетавъ, вырвался, готовый закричать отъ страха... Быстрые шаги сзади замерли отчаянной тишиной. Онъ обернулся, ослабѣлъ и, задыхаясь отъ растерянности, увидѣлъ жену.

V.

Ксенія долго стояла на пристани, прислушиваясь къ гулу вѣтра, оглядываясь и соображая, поѣдетъ-ли теперь кто-нибудь на островъ, или-же ей, дѣйствительно, придется ночевать въ городѣ.

Озадаченная, она не могла даже долго возмущаться Татарьинымъ, уѣхавшимъ, не дождавшись ее. Надоѣвшій деревенскій островъ теперь, когда на него почти невозможно было попасть, казался такимъ близкимъ и родственнымъ ей, что у Ксеніи тоскливо, отъ нетерпѣнія, сжалось сердце. Темная рѣка шумѣла у ея ногъ; Ксенія представила себѣ мужа, выбѣгающаго на берегъ прислушаться, не плещутъ-ли вдали весла, и почувствовала себя виноватой, почти преступницей. Это происходило оттого, что именно такъ тоскливо чувствовала-бы она себя на его мѣстѣ.

Поспѣшные шаги нѣсколькихъ человѣкъ и стукъ телѣги заставили ее обернуться; пятеро крестьянъ, три мужика и двѣ бабы шли сзади ломовика, таща корзины съ пустыми кадушками изъ-подъ молока, проданнаго днемъ. Лошадь остановилась у воды, огромный человѣкъ въ кацавейкѣ прыгнулъ въ затрещавшій карбасъ и принялся вычерпывать

скопившуюся въ немъ воду. Тусклый фонарь пристани освѣщалъ погруженные на телѣгу мѣшки, остановившихся неподвижно бабъ и Ксенію, подошедшую къ нимъ. Колоссъ, черпавшій воду, вылѣзъ на край мола, вытирая руки о штаны. Ксенія сказала:

— Вы, кажется, ѣдете на островъ?

— Изъ Тошнаго, кладь вотъ наберемъ и пошли.

— Возьмите меня.

— С-съ удовольствіемъ! — Мужикъ зашмыгалъ носомъ, отвернулся, скрутилъ папироску, закурилъ ее, и блеснувшій огонь спички освѣтилъ его круглое, темное лицо, съ маленькими глазами.

— Терентій,— закричалъ онъ суетливымъ, самодовольнымъ голосомъ,—вотъ барыня просится, взять штоль?

Сутулый старикъ, встряхиваясь подъ съѣзжавшимъ со спины мѣшкомъ и сѣменя къ каменнымъ ступенямъ, подъ которыми ожидалъ карбасъ, крикнулъ:

— Пущай, много-ли, вѣсу въ ей!

— Мы завсегда, — сказалъ круглолицый, поворачиваясь къ Ксеніи и выставляя ногу какимъ-то особенно картиннымъ вывертомъ: — значитъ, сочувствуемъ. Какъ я былъ сѣрый мужикъ,—продолжалъ онъ,—а служилъ я въ конной гвардіи, въ Петербургѣ, и что такое политиканы не зналъ, ну то-есть... понимаете... да.

Онъ подвинулся ближе и дохнулъ въ лицо Ксеніи сивулой. Она молчала. Мужикъ затянулся папиросой и, не успѣвая договорить, потому что другой крикнулъ ему: — таскай мѣшки, чоортъ!—пятясь задомъ, пробормоталъ:

— Какъ вы произошли курсъ вашей гимнастики и науки, а мы водяную часть, потому не боимся! Мнѣ хоть сейчасъ скажи кто: „Иванъ, бѣги по льду“,— и готово: это намъ нипочемъ.

Онъ исчезъ въ карбасѣ, укладывая мѣшки и, видимо, форся, такъ какъ каждое движеніе другихъ вызывало съ его стороны взрывъ авторитетныхъ восклицаній.

Телѣга, постукивая, отъѣхала; бабы, волоча корзины и охая, усѣлись въ кормѣ. Третій мужикъ, вялый и благообразный, все время вытирая рукой ротъ, словно съѣлъ гадость, топтался на лѣстницѣ и, наконецъ, сѣлъ къ мачтѣ, на корточкахъ. Ксенія помѣстилась противъ бабъ. Старикъ сѣлъ къ рулю; круглолицый, толкая всѣхъ и немилосердно качая судно, поставилъ парусъ. Карбасъ сидѣлъ глубоко въ водѣ; зыбь, полная льдинъ, терлась у самыхъ бортовъ.

— Поѣхали!—сказалъ старикъ—темь, ну да и это бывало. Съ Богомъ!

Онъ сдернулъ шапку, перекрестился, и этотъ механическій

жестъ безъ словъ далъ понять Ксеніи, что ѣхать теперь опасно и неудобно, но желаніе скорѣе попасть домой вытѣсняло страхъ. Она только безсознательно и довѣрчиво улыбнулась; улыбка это выражала безсловесную просьбу къ ночной рѣкѣ—не очень пугать. Карбасъ отъѣхалъ, раздвигая льдины медленнымъ, неуклоннымъ движеніемъ.

— Ой, страшно,—равнодушно сказала баба и замолчала. Другая грызла орѣхи, встряхивая головой и шумно отплевываясь. Холодный, сильный вѣтеръ рвалъ воду; карбасъ приподняло, положило на бокъ, ударило въ бортъ льдиной, отчего онъ весь затрясся и заскрипѣлъ, подбросило снова, взмыло еще выше и мягко швырнуло внизъ.

— Во время поѣхали!—закричалъ старикъ, вертя руль,—лѣшій, прости Господи, Иванъ мѣшкаетъ который разъ, наказанье съ парнемъ.

— А что я тебѣ?—сказалъ круглолицый,—у меня часовъ нѣтъ, я не баринъ; не господинъ; ходилъ, вѣрно, не долѣ тебя.

Вѣтеръ дулъ въ бокъ, лѣвый бортъ черпалъ воду, по временамъ бѣшеные скачки вѣтра срывали гребни, обдавая лица плывущихъ ледяной сыростью. Впереди на далекомъ берегу острова свѣтился огонь спасательной станціи, и старикъ упорно держалъ на него, хотя невидимые толчки залитыхъ водой льдинъ повторялись все чаще и неожиданнѣе. Мужикъ, сидѣвшій ранѣе на корточкахъ, а теперь ставшій на колѣни, держась за мѣшокъ, заговорилъ заискивающимъ, искусственно-веселымъ голосомъ:

— Развело, значитъ, да не по-пусту; по-пусту-то зворыхаетъ куда сильняе, ледъ, значитъ, ѣстъ волну эту самую, утюжитъ, а то бѣда.

— Лѣтъ пятьдесятъ ѣзжу, знаю, — быстро заговорилъ старикъ, видимо говоря для барыни, такъ какъ всѣ мужики знали, что каждый изъ нихъ можетъ разсказать о рѣкѣ:—а въ туманъ, либо морокъ путался часовъ по десять, отецъ еще учивалъ, смотри,—говоритъ,—по уху; какъ вѣтеръ дуетъ; дуетъ онъ тебѣ правильно, по одному мѣсту, такъ и держись и-и, держи, говоритъ... головы не ворочай, слушай вѣтра, замѣсто компаса онъ... А то по волоску.

— По волоску лучше не надо,—съ жаромъ подхватилъ, стоявшій на колѣняхъ мужикъ,—вотъ дымъ, ежели папироску закурить—унесетъ, а волосокъ никуда не дѣнешь, онъ на башкѣ; отпусти его, онъ и показываетъ.

Оба замолчали; карбасъ, стиснутый волной и льдиной, круто положило на бокъ, отнесло въ сторону, и парусъ, выйдя изъ вѣтра, тревожно заполоскалъ, почти касаясь воды.

Ксенія встала; мѣшокъ муки упалъ къ ея ногамъ, придавивъ завизжавшихъ бабъ.

„Мы утонемъ“ — подумала Ксенія, но это былъ не страхъ, а жуткое, тяжелое возмущеніе. Со всей силой молодой жизни почувствовала она грозный, потопившій ее мракъ, темную даль рѣки, безпомощность, отсутствіе любимаго человѣка, и ей захотѣлось жить не иной, а именно такой жизнью, какой жила она до сихъ поръ и лучше которой, какъ показалось теперь, быть не можетъ.

Старикъ, бросаясь какъ угорѣлый, выдернулъ мачту, другой отпихивалъ багромъ льдину. Карбасъ кренило, онъ зачерпнулъ воды и остановился. И вдругъ, среди общаго смятенія раздался глухой, булькающій шумъ, льдина ушла подъ киль, карбасъ пошевелился, выпрямился и сталъ качаться.

— Весла бери!—крикнулъ старикъ,—весла, снесетъ васъ, неуповоротные, греби што-ль.

Нѣсколько мгновеній продолжалась возня, скрипъ уключинъ, безпомощные толчки, кряхтѣнье и брань—и все кончилось! Вѣтеръ дулъ съ прежней силой, но волненіе почти прошло, судно зашло за мысъ.

— Ой, страшно!—снова сказала баба, охая и плюхаясь на мѣшокъ.—Что и дѣлается, поѣхала я съ вами!

— Пронесло, и слава Богу,—сказалъ старикъ, и Ксенія второй разъ почувствовала, что была настоящая, серьезная и большая опасность.

VI.

У дома Ксенія остановилась и, запыхавшись, перевела духъ, такъ какъ шла очень скоро, почти бѣжала, замирая отъ нетерпѣнія и волненія. Душа ея, полная нѣжнаго оживленія, влюбленности и хитроватой радости, торопилась высказаться; уже на ходу она улыбалась, представляя, какъ встрѣтитъ ее мужъ, и какой нескончаемый, съ восклицаніями, притворно-сердитыми упреками и вопросами начнется межъ ними разговоръ, пока онъ снимаетъ ея калоши, а она шапку. Какъ всегда, когда ей особенно хотѣлось быть съ мужемъ, Ксенія старалась думать объ этомъ вскользь, и ей было чуть-чуть стыдно отъ сознанія, что она теперь женщина, и что межъ ней и однимъ изъ безчисленныхъ мужчинъ нѣтъ ничего тайнаго. Поднимаясь по лѣстницѣ, она сунула руку въ карманъ, гдѣ лежало нѣчто, купленное ею въ городѣ; это былъ подарокъ мужу, часы съ монограммой, которымъ завтра, въ день своего рожденья онъ долженъ

удивиться и обрадоваться. Пока же она рѣшила сказать что въ городъ ѣхать совсѣмъ не думала, и это вышло случайно: вспомнила, что нужно кое-что по хозяйству.

Открывъ дверь, Ксенія увидѣла блеснувшій свѣтъ лампы, заслоненной спиною мужа, быстро подошла и остановилась, еще продолжая машинально улыбаться. Турпановъ съ широко открытыми, помутившимися глазами подскочилъ къ ней, отступилъ, оглянулся на Мару и поблѣднѣлъ. Мара инстинктивно закрыла грудь, хихикнувъ нервнымъ смѣшкомъ; глаза ея сузились, вспухли и заслезились; сдѣлавшись вдругъ некрасивой, вороватой и жалкой, пунцовая, она, быстро дыша, застегивала грудь.

Ксенія подняла руку, машинально проводя ею по глазамъ, перевела взглядъ съ мужа на женщину, отошла въ уголъ, продолжая неудержимо улыбаться, побѣлѣла и крѣпко зажмурилась. Тоскливое, холодное изнеможеніе овладѣло ею, два-три тупыхъ слова—безсмысленныхъ и случайныхъ—замѣнили на мгновеніе ясность мысли, ноги ослабѣли, она прислонилась къ столу и оцѣпенѣла, болѣзненно усталая, готовая закричать отъ боли. Мара, рѣзко вскочивъ, бросилась въ переднюю; Турпановъ, мигая, захлебываясь отъ напряженія и потерянности, сказалъ:

— Ты не подумала-ли... Маринѣ Васильевнѣ было, знаешь, нехорошо, легкое головокруженье...—онъ замолчалъ и жалкимъ, громкимъ голосомъ прибавилъ:—Ну, какъ мы съѣздили, маленькіе путешественники?

— Куда?—сказала Ксенія черезъ силу, со страхомъ, что онъ будетъ теперь лгать, просить прощенья, извиваться. Ей было невыразимо стыдно отъ мысли, что мужъ можетъ узнать объ ея поѣздкѣ. Часы, лежавшіе въ карманѣ, были ей отвратительны, смѣшны, глупы и тривіальны. Они могли быть нужными и важными, почти живыми,—раньше, но все это было оплевано.—Я была здѣсь, въ гостяхъ, но засидѣлась...

— Ксюша,—застоналъ Турпановъ, ломая себѣ пальцы и дѣлая мучительное лицо:—это былъ психозъ, ей-Богу, повѣрь мнѣ, не надо катастрофъ, это былъ не я; я же люблю тебя!

Но говоря это, онъ чувствовалъ, что обращается къ чужой, случайно зашедшей сюда женщинѣ; пристальные, отталкивающіе его глаза жены были тѣми новыми глазами человѣка, которыми онъ смотритъ разъ въ жизни и, осмысливъ ее по новому, умираетъ вѣрно, просто и стремительно для всѣхъ, кромѣ себя. Ксенія молчала; передумать и сознать все, случившееся такъ рѣзко, было ей не подъ силу.

Мужчина, стоявшій передъ ней, сильно напоминалъ ей Власа, но былъ чужой.

— Ну, прощай Власъ,—тихо сказала Ксенія, и ей стало жаль себя за то, что она не можетъ какими-нибудь другими, такими же простыми, но огненными словами передать ему всю силу боли и ужаса. Она тронулась къ выходу, обернулась и прибавила:—За что?

— Ксенія! — закричалъ Турпановъ. — Куда же, что за шутка, я не допущу!—Онъ бросился къ ней, хватая ее за руки; она молча и сосредоточенно вырывалась; Турпановъ уступилъ, думая, что этимъ смягчитъ ее. Она вышла безъ слезъ, еще не зная, что сдѣлаетъ: поѣдетъ ли въ другую деревню, гдѣ можно переночевать, или найметъ карбасъ къ вокзалу, поѣдетъ по чистому и тихому рукаву, въ темнотѣ, съ горемъ въ душѣ и звѣздами надъ головой.

Турпановъ, сбѣгая по лѣстницѣ вслѣдъ за Ксеніей, безсвязно просилъ и плакалъ. На крыльцѣ онъ остановился, совершенно упавшій духомъ; маленькій, стройный силуэтъ женщины быстро уходилъ въ тьму. Скрипѣлъ снѣгъ; за овиномъ пѣлъ пьяный, отчетливо выговаривая:

Было дѣло подъ горой,—
На каку нарвался!
Разъ - другой поцѣловалъ,
Три часа плевался!

А. С. Гринъ.

Пѣвецъ «поколѣнья, проклятаго Богомъ».

Коль посреди именъ, отмѣченныхъ несчастьемъ,
Ты встрѣтишь и мое,—о, пусть рука твоя
Мой образъ начертитъ съ холоднымъ безпристрастьемъ.
Не нужно лавровъ мнѣ, не нужно пышныхъ розъ,—
Пусть ихъ возьмутъ бойцы, не знавшіе сомнѣнья:
Великихъ ради мукъ, обидъ и тайныхъ слезъ
Винамъ моимъ молю пощады и забвенья.
(Изъ „Прощанья" П. Якубовича).

Минулъ годъ со дня смерти П. Ф. Якубовича. Много сыпалось на его могилу и «лавровъ» и «пышныхъ розъ»; много въ рѣчахъ и статьяхъ, вызванныхъ его кончиной, было вполнѣ заслуженныхъ Якубовичемъ лестныхъ отзывовъ и похвалъ, въ которыхъ онъ, конечно, болѣе уже не нуждается. Но его «образа» все еще нѣтъ. Оно и понятно, такъ какъ еще не появилась сколько-нибудь обстоятельная его біографія.

Я не претендую дать въ настоящемъ небольшомъ очеркѣ сколько-нибудь исчерпывающую характеристику пѣвца «поколѣнья, проклятаго Богомъ»,—это сдѣлаютъ, вѣроятно, люди болѣе искусные и ближе, чѣмъ я, знавшіе его. Но судьбѣ угодно было предоставить мнѣ возможность жить вмѣстѣ съ Якубовичемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Карійской каторжной политической тюрьмѣ, о каковомъ періодѣ его жизни мнѣ не попадалось въ печати сообщеній. Объ этомъ времени я и намѣренъ разсказать, чѣмъ, быть можетъ, посодѣйствую исполненію его желанія, высказаннаго въ приведенномъ мною выше стихотвореніи, которое, насколько мнѣ извѣстно, онъ написалъ по поводу разставанья съ нами, его товарищами по заключенію, когда его, вмѣстѣ съ другими, осенью 1890 года отправили въ Акатуй—«Шелай» по «Міру отверженныхъ».

Въ моей книгѣ «16 лѣтъ въ Сибири» я лишь вскользь касаюсь Якубовича, къ тому же не всегда обозначаю его имя достаточно ясно. Поэтому лица непосвященныя не въ состояніи догадаться, о комъ у меня идетъ тамъ рѣчь. Здѣсь я разскажу о всѣхъ перипетіяхъ его жизни на Карѣ, насколько, конечно, онѣ были мнѣ извѣстны и удержались въ моей памяти.

Пусть не посѣтуетъ на меня читатель, если изъ моего очерка онъ вынесетъ нѣсколько иное представленіе о Петрѣ Филипповичѣ, чѣмъ то, которое онъ себѣ о немъ составилъ: онъ долженъ не упускать изъ виду, что я зналъ его почти 25 лѣтъ тому назадъ, къ тому же при особенныхъ, исключительно тяжелыхъ условіяхъ. За одно могу поручиться: по мѣрѣ моихъ силъ, я исполню страстное и искреннее желаніе поэта:

«Посреди именъ, отмѣченныхъ несчастьемъ» начертаю его образъ на Карѣ «съ холоднымъ безпристрастьемъ».

I.

Глухое, жестокое время установилось въ Россіи, когда происходилъ процессъ 21-го, по которому П. Якубовичъ былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной ему затѣмъ каторжными работами на 18 лѣтъ. Наступившая послѣ 1-го марта 1881 г. реакція ко времени этого процесса достигла кульминаціоннаго своего пункта. То было, какъ извѣстно, время почти неограниченнаго господства давно прославившагося, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Д. А. Толстого.

Мы, заключенные на Карѣ, не предполагали, чтобы кого-нибудь изъ осужденныхъ по упомянутому процессу прислали къ намъ: тогда, за ничтожными исключеніями, всѣхъ приговоренныхъ къ продолжительнымъ срокамъ каторжныхъ работъ отправляли въ Шлиссельбургскую крѣпость. Тѣмъ болѣе радостнымъ сюрпризомъ для насъ было полученное нами въ 1887—8 гг. извѣстіе, что двое мужчинъ и двѣ женщины, осужденныхъ по указанному процессу, идутъ къ намъ на Кару.

Въ виду упомянутой выше реакціи, господствовавшей тогда въ Россіи, а также вслѣдствіе полной нашей оторванности отъ внѣшняго міра, приходъ новичка къ намъ дѣлался необычайнымъ событіемъ, вносившимъ на нѣкоторое время разнообразіе въ нашу монотонную, полную лишеній жизнь. Новичекъ, проведшій minimum 6—8 мѣсяцевъ въ пути, какъ-никакъ, былъ лицомъ, явившимся «съ воли». Ничего, что эта «воля» сопровождалась мучительными переходами, во всякую погоду, подъ конвоемъ, по ужаснымъ этапамъ и тюрьмамъ,—все же новичекъ дышалъ «вольнымъ», неогороженнымъ воздухомъ, по пути встрѣчалъ «вольныхъ» людей и слыхалъ отъ нихъ разныя новости. Поэтому, кромѣ всего прочаго,

мы съ невыразимой радостью смотрѣли на новичка, видъ котораго такъ живо напоминалъ намъ столь желанную всѣмъ волю...

Но недѣли проходили за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами, а къ намъ никто по процессу 21-го не являлся. У нѣкоторыхъ изъ насъ, наиболѣе пессимистически настроенныхъ, начало, было, являться даже сомнѣніе насчетъ правильности дошедшаго до насъ извѣстія. Но вѣрность его подтвердилъ вполнѣ надежный человѣкъ,—жандармскій вахмистръ Голубцовъ, сообщившій нашему «старостѣ» о полученіи въ конторѣ бумаги, въ которой увѣдомляли коменданта, завѣдывавшаго государственными тюрьмами, о предстоявшемъ прибытіи на Кару двухъ мужчинъ—П. Якубовича и В. Сухомлина—и двухъ женщинъ—Саловой и Добрускиной.

Тогда самые отчаянные скептики должны были замолкнуть. Однако, наступила весна 1888 г., а новичковъ все не было. Нетерпѣніе нѣкоторыхъ изъ насъ достигло высокаго напряженія. Наконецъ, мы узнали, что Сухомлинъ, по болѣзни, задержался въ въ г. Читѣ, а Якубовичъ долженъ былъ придти съ ближайшей партіей.

Имя его, какъ поэта, а также иниціатора «Молодой Народной Воли», было хорошо извѣстно всѣмъ намъ. Но лично изъ насъ знали его только двое: Θаддей Рехневскій, встрѣчавшій Якубовича въ Петербургѣ, и Осипъ Нагорный, считавшійся даже другомъ Петра Филипповича. Немногое могъ сообщить намъ Рехневскій, такъ какъ и самъ онъ не особенно близко зналъ Якубовича; да и отъ Нагорнаго, въ виду личныхъ свойствъ его, тоже нельзя было добиться сколько - нибудь обстоятельной характеристики его друга.

Кромѣ указанныхъ выше причинъ, Якубовичъ вызывалъ во многихъ изъ насъ особенный интересъ еще и тѣмъ, что онъ былъ поэтомъ: разныхъ профессій и призваній лица перебывали на Карѣ, но заправскаго поэта, печатавшагося въ толстыхъ журналахъ и издавшаго уже томъ своихъ стихотвореній, мы еще не имѣли въ нашей тюрьмѣ.

* * *

Наступилъ день прибытія партіи, а Якубовича все нѣтъ какъ нѣтъ. Мы недоумѣвали, чѣмъ объяснить это. Прошло нѣсколько дней, и мы вновь примирились съ мыслью, что по какой-нибудь причинѣ онъ, какъ и Сухомлинъ, задержался въ пути, какъ вдругъ совершенно неожиданно по тюрьмѣ раздался крикъ: «Якубовича привели!» «Якубовичъ идетъ!» А вслѣдъ за этимъ въ ту камеру, въ которой я сидѣлъ,—въ такъ называемую у насъ «больницу»,—вошелъ столь давно жданный нами новичекъ.

Въ нашей тюрьмѣ съ «древнѣйшихъ временъ» установился обычай, по которому вновь прибывавшій долженъ былъ дѣлать обходъ камеръ, чтобы познакомиться со всѣми заключенными и въ каждой повторить имѣвшіяся у него новости. Этотъ обычай осуще-

ствлялся даже во времена «Кота», какъ прозвали мы жестокаго, хитраго и злого коменданта Николина. Но незадолго до прибытія Якубовича, его мѣсто занялъ добродушный и безхарактерный жандармскій полковникъ Масюковъ, при которомъ у насъ установился довольно либеральный режимъ: камеры днемъ большею частью не запирались, и мы свободно могли разгуливать по коррридору и по двору.

Якубовичу, поэтому, не понадобилось и дѣлать визитовъ, такъ какъ, вслѣдъ за его приходомъ, въ «больницу» сошлись почти всѣ обитатели тюрьмы.

Въ арестантскомъ халатѣ съ желтыми «тузами» на спинѣ, съ обритой правой половиной головы, Якубовичъ мало напоминалъ «поэта», и еще менѣе того пѣвца «проклятаго Богомъ поколѣнья», котораго многіе привыкли себѣ представлять.

Хотя Якубовичу было тогда 28 лѣтъ, но на лицѣ его было очень мало растительности: бородка рѣдкая и крохотная, на щекахъ также жидкіе волосы. Но цвѣтъ лица у него былъ здоровый, смуглый, и смотрѣлъ онъ бодрымъ, веселымъ. Говорилъ онъ очень оживленно, громко, сильно жестикулируя при этомъ руками и часто сопровождая свои сообщенія отрывистымъ смѣхомъ.

Окружившіе его со всѣхъ сторонъ товарищи, конечно, засыпали его вопросами и, заражаясь веселымъ его видомъ, также разражались часто громкимъ смѣхомъ по поводу тѣхъ или иныхъ его разсказовъ.

Якубовичъ, между прочимъ, разъяснилъ намъ, почему онъ не пришелъ къ намъ раньше. Оказалось, что по какому-то недоразумѣнію въ бумагахъ, имѣющихся у начальниковъ партій и называющихся «статейными списками», не обозначено было, что Якубовичъ—политическій каторжанинъ. Поэтому, по приходѣ партіи на Кару, его отправили въ уголовную тюрьму. Но объ этомъ узнали наши товарищи-«вольнокомандцы», и, лишь благодаря энергичнымъ ихъ хлопотамъ, его перевели къ намъ,—что случилось дня два спустя послѣ его прихода на Кару. За все время существованія государственныхъ тюремъ на Карѣ, кажется, съ нимъ единственнымъ произошло такое недоразумѣніе. Такимъ образомъ, съ самаго перваго дня его прибытія на Кару начались для него всякаго рода непріятности, огорченія и страданія.

Мое мѣсто въ «больницѣ» приходилось какъ разъ вблизи того, гдѣ, стоя, окруженный собравшимися товарищами, Якубовичъ весело бесѣдовалъ. Ему, понятно, приходилось разбрасываться, перескакивать съ предмета на предметъ и, не окончивъ отвѣта на одинъ вопросъ, начинать о другомъ. Сидя вблизи на койкѣ и самъ не вмѣшиваясь въ общій говоръ, я разсматривалъ новичка.

Сразу бросилась въ глаза искренность, простота и непосредственность Петра Филипповича. Качества эти не такъ были рѣдки среди политическихъ заключенныхъ, связанныхъ другъ съ другомъ

единствомъ стремленій и общностью условій развитія, а также предстоявшей всѣмъ участи. Поэтому съ первой же встрѣчи всѣ мы чувствовали себя какъ бы старыми, хорошими пріятелями. Но въ Якубовичѣ указанныя черты какъ-то особенно рѣзко выдѣлялись.

Не могу, конечно, воспроизвести теперь всѣ его сообщенія и разсказы. Больше всего, помнится, они касались его процесса, участниковъ послѣдняго, условій его заключенія въ Петропавловской крѣпости, времени, предшествовавшаго его аресту (осенью 1884 г.) и пр. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ разсказывалъ о впечатлѣніяхъ, которыя произвели на него сибирскіе пейзажи, во время продолжительнаго его путешествія по этапамъ. Онъ восхищался быстрой ѣздой вокругъ Байкала, что и передано было имъ тогда въ стихотвореніи, начинающемся такъ:

Зеленѣлъ Байкалъ сердитый,
Клокоталъ гремучій валъ;
По бокамъ висѣли грозно
Цѣпи горъ и кручи скалъ.

II.

Якубовичъ поселился въ «больницѣ», такъ какъ тамъ помѣщался и другъ его Нагорный. Я такимъ образомъ имѣлъ возможность близко узнать его, видѣть его постоянно и часто бесѣдовать. А затѣмъ, вскорѣ по приходѣ, онъ попалъ въ одну со мною «поварскую группу», дежурившую въ теченіе семи дней на кухнѣ черезъ каждыя 5—6 недѣль и въ которой я и онъ исполняли обязанности «чернорабочихъ», «судомоекъ» и пр. Всѣ эти обстоятельства очень способствовали нашему знакомству, но не могу сказать—сближенію: мы были черезчуръ разными людьми, съ различными характерами, взглядами, привычками.

Какъ я уже выше сказалъ, каждый новичокъ вносилъ въ нашу жизнь нѣкоторое разнообразіе, развлеченіе. Но то, что внесъ Якубовичъ, было значительно существеннѣе и продолжительнѣе, чѣмъ бывало у другихъ. Такъ, съ его поселеніемъ въ «больницѣ» стало практиковаться въ этой камерѣ по вечерамъ чтеніе вслухъ произведеній лучшихъ нашихъ писателей—Толстого, Достоевскаго, Щедрина, Глѣба Успенскаго. Чтецомъ, большею частью, былъ Петръ Филипповичъ, который могъ безъ передышки исполнять эту функцію по нѣсколько часовъ подрядъ. Читалъ онъ очень живо, образно; но нѣкоторымъ не особенно нравилась его манера, переходившая въ декламацію, съ чрезмѣрными повышеніями и пониженіями голоса. Когда, помню, кто-то изъ насъ замѣтилъ ему, зачѣмъ онъ такъ «выкрикиваетъ, словно актеръ на сценѣ»,—Петръ Филипповичъ отвѣтилъ просто: «я такъ привыкъ,—насъ, студентовъ, такъ училъ читать профессоръ словесности».

Эти чтенія, сопровождавшіяся каждый вечеръ, по ихъ окончаніи, обсужденіями и спорами, были далеко не безполезны многимъ изъ насъ, въ особенности тѣмъ изъ сокамерниковъ, которые сами не были большими охотниками до чтенія и чуть не умирали отъ тоски и скуки. Находились, правда, и протестанты, утверждавшіе, что эти чтенія мѣшаютъ ихъ занятіямъ, и, хотя такихъ лицъ было немного, все же пришлось ограничить время общихъ чтеній опредѣленными часами.

Не мало посодѣйствовалъ Якубовичъ и обогащенію нашей библіотеки выпиской черезъ своихъ родственниковъ разныхъ недостававшихъ намъ литературныхъ произведеній, за что многіе изъ насъ были ему очень признательны: извѣстно, что карійская наша тюрьма являлась въ своемъ родѣ учебнымъ заведеніемъ, къ тому же во многихъ отношеніяхъ очень напоминавшимъ «закрытыя».

Но, если «не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ», то и наоборотъ: онъ, понятно, не можетъ довольствоваться и одной умственной пищей, какъ бы пріятна и содержательна она ни была. Петръ Филипповичъ вскорѣ по прибытіи къ намъ сталъ заботиться и объ улучшеніи нашихъ матеріальныхъ средствъ.

Дѣло въ томъ, что приходъ его къ намъ какъ разъ совпалъ съ чрезвычайнымъ оскудѣніемъ нашихъ денежныхъ рессурсовъ. Получки съ воли, бывшія и раньше незначительными, стали все болѣе или болѣе уменьшаться. Бюджетъ нашъ доведенъ былъ до минимума.

Хотя Якубовичъ и не привыкъ съ дѣтства къ нуждѣ и лишеніямъ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно никогда не жаловался на неудовлетворительность нашего питанія. Но онъ осуществилъ одно предпріятіе, которое увеличило наши средства.

Намъ строго-на-строго запрещено было писать и вообще посылать что-либо на волю, кромѣ офиціальныхъ писемъ отъ имени коменданта самымъ близкимъ родственникамъ. Тѣмъ не менѣе Якубовичъ какимъ-то образомъ ухитрился списаться со своими близкими, чтобы они позаботились о доставленіи ему платнаго перевода съ какого-нибудь иностраннаго языка. Спустя нѣкоторое время онъ, дѣйствительно, получилъ «Гигіену дѣтей» Уффельмана, на нѣмецкомъ языкѣ, и родственница его условленнымъ заранѣе съ нимъ способомъ увѣдомила его, что она нашла издателя, который согласенъ напечатать это сочиненіе въ русскомъ переводѣ.

Радость, распространившаяся въ нашей тюрьмѣ при полученіи этого сообщенія, не поддается описанію. Книга эта немедленно была разбита на части, которыя были разобраны знавшими нѣмецкій языкъ, а такихъ среди насъ было не мало. Избрана была редакціонная коллегія, въ которую, въ качествѣ стилиста, попалъ, конечно, и Якубовичъ. Работа закипѣла, вскорѣ была окончена, и рукопись «нелегальнымъ» путемъ отправлена на волю. Къ великому нашему удовольствію, она, по прошествіи

нѣкотораго времени, дошла по назначенію, и мы получили слѣдовавшую намъ за переводъ, сравнительно большую сумму въ нѣсколько сотъ рублей, которые, по установленному у насъ правилу, пошли на улучшеніе продовольствія всѣхъ безъ различія заключенныхъ.

Благодаря изобрѣтательности же и настойчивости Якубовича, мы пріобрѣли еще нѣчто, являвшееся для насъ, быть можетъ, не менѣе важнымъ, чѣмъ улучшенная пища. Я имѣю въ виду установленную имъ конспиративнымъ путемъ переписку съ Петербургомъ.

Хотя въ Россіи и господствовала сильнѣйшая реакція, все же жизнь не замерла въ ней окончательно,—извѣстно, что даже подъ толстымъ слоемъ льда она не прекращается. А насъ, наглухо замурованныхъ, не могла не занимать мысль о томъ, какъ и въ чемъ проявляется жизнь на волѣ. Не зная дѣйствительнаго положенія вещей, мы, естественно, склонны были строить всевозможныя предположенія, — радужныя или, наоборотъ, пессимистическія, смотря по индивидуальнымъ свойствамъ каждаго и по его настроенію.

Установить связь съ крупнымъ центромъ, въ особенности же съ Петербургомъ, было для насъ совершенно неосуществимой мечтой. И вотъ это-то легко и просто устроилъ Петръ Филипповичъ. Хотя съ тѣхъ поръ миновала четверть вѣка, и у насъ, «слава Богу», установился «конституціонный» строй,—все же не рѣшаюсь раскрыть въ печати тотъ очень практичный и удобный способъ, благодаря которому Якубовичъ получилъ самыя подробныя сообщенія не только о всѣхъ крупныхъ фактахъ общественной жизни Россіи, но и изъ эмиграціи.

Если вы, читатель, втеченіе многихъ лѣтъ не были заживо погребены,—чего я вамъ, кто бы вы ни были, конечно, не желаю,— то вы не въ состояніи представить себѣ, какимъ не только облегченіемъ, но и спасеніемъ отъ моральныхъ, а отчасти и физическихъ страданій явилась для многихъ изъ насъ эта «нелегальная» связь съ Петербургомъ, а, слѣдовательно, и со всѣмъ міромъ. Правда, приходившія этимъ путемъ извѣстія были большею частью невеселаго характера,—все же они были оттуда, «съ воли»...

Немедленно по полученіи новостей, Петръ Филипповичъ переносилъ ихъ на бумагу, вслухъ прочитывалъ ихъ въ нашей камерѣ, затѣмъ передавалъ въ дальнѣйшія. Новости эти, конечно, вызывали оживленіе, разговоры, споры, а то и «пари».

III.

Якубовичъ принадлежалъ къ наиболѣе активнымъ, работящимъ членамъ нашей тюремной коммуны. Онъ, правда, не уклонялся ни отъ общихъ разговоровъ на темы, которыя его интересовали, ни отъ бесѣдъ съ тѣмъ или другимъ на-единѣ. Но онъ всегда былъ

чѣмъ-нибудь занятъ и не принималъ рѣшительно никакого участія въ очень распространенныхъ у насъ всевозможныхъ играхъ на дворѣ и въ камерахъ. Онъ вѣчно какъ будто торопился куда-то, словно ему необходимо было поспѣть къ опредѣленному сроку. Ходилъ Петръ Филипповичъ быстрой походкой, съ сосредоточеннымъ, задумчивымъ видомъ. Случалось, кто-нибудь изъ насъ, внезапно остановивъ его, спроситъ:

— На какое свиданіе торопитесь, поэтъ?

На лицѣ его появляется выраженіе недоумѣнія, словно изъ міра грезъ онъ вдругъ вновь очутился въ незавидной дѣйствительности, а затѣмъ съ добродушной улыбкой онъ отвѣчаетъ:

— Такъ, знаете, одна мысль пришла!

Или продекламируетъ:

Нѣтъ, еще мало страдалъ я во имя свободы и свѣта:
Я недостоинъ, о братья, святого названья поэта!

До его прибытія, насколько помню, мы были мало освѣдомлены о новыхъ родахъ поэзіи—о символизмѣ и декадентствѣ, тогда входившихъ лишь въ моду въ Европѣ. Онъ, кажется, первый познакомилъ насъ съ произведеніями Бодлэра, переводомъ которыхъ на русскій языкъ занимался. Восхищаясь стихами пѣвца «Fleurs du mal», Якубовичъ энергично пропагандировалъ его у насъ, но, кажется, среди заключенныхъ въ карійской тюрьмѣ эта пропаганда не имѣла большого успѣха.

Надсонъ также былъ тогда любимымъ поэтомъ Петра Филипповича, благодаря которому, нѣкоторые изъ насъ стали внимательнѣе относиться къ стихотвореніямъ недавно угасшаго поэта. Впрочемъ, я не могу припомнить ни одного поэта, у котораго Петръ Филипповичъ не находилъ бы, въ большей или въ меньшей степени, «прекрасныхъ», «чудныхъ», «превосходныхъ» стиховъ. Исключеній въ этомъ отношеніи не составляли ни Фетъ, ни Фофановъ, которыхъ многіе изъ насъ считали ниже всякой критики.

Такая широта у Якубовича не мало удивляла насъ и служила нерѣдко темой споровъ. Объяснялась она, конечно, способностью Петра Филипповича къ разносторонней воспріимчивости: въ поэтическихъ произведеніяхъ онъ цѣнилъ и ихъ темы, «тенденціи», и настроенія авторовъ, и ихъ форму.

Должно отмѣтить при этомъ полнѣйшее отсутствіе у Якубовича какого-либо соперничества, намека даже на сопоставленіе себя и своихъ стиховъ съ какимъ-либо изъ извѣстныхъ поэтовъ. Непритязательность его въ этомъ отношеніи доходила чуть не до самоуниженія: «ну, гдѣ уже мнѣ до него!»—говорилъ онъ, когда кто-нибудь изъ насъ сравнивалъ то или иное его стихотвореніе съ аналогичными у другого изъ извѣстныхъ поэтовъ.

Наше удивленіе онъ вызывалъ также прекраснымъ знаніемъ произведеній всѣхъ родныхъ поэтовъ. Въ большинствѣ случаевъ Яку-

бовичъ по одному слову угадывалъ, изъ какого стихотворенія оно взято.

— Откуда это, Петръ Филипповичъ: «п р и?»—спроситъ, бывало кто-нибудь,

«...каждой новой жертвѣ боя»,—продолжалъ онъ безъ малѣйшей запинки.

— А «е с л и»?—вспоминалъ другой,

«...пасмуренъ день, если ночь не свѣтла»,—отвѣчалъ онъ.

Изъ этого развился у насъ своего рода «спортъ», котораго не было до прихода Якубовича: во время разговора о предметѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ поэзіею, или Петра Филипповича кто-нибудь вдругъ спрашивалъ, или онъ внезапно произносилъ, напр., «такъ?»

«...въ ненастные дни собирались они»,—отвѣчалъ вопрошаемый, продолжая затѣмъ прерванную бесѣду.

При Якубовичѣ, помню, пошло еще въ ходъ другое состязаніе: опредѣленіе, чѣмъ знаменитъ тотъ или иной названный кѣмъ-либо выдающійся дѣятель въ той или иной области изъ извѣстныхъ только спеціалистамъ. Въ этомъ отношеніи Петръ Филипповичъ обнаруживалъ большую память на имена лицъ, прикосновенныхъ къ изящной литературѣ, но онъ проявлялъ умѣренное знаніе «знаменитостей» въ другихъ областяхъ.

Чуть ли не съ перваго же дня своего прихода Петръ Филипповичъ предпринялъ энергичную борьбу противъ неправильнаго употребленія нами удареній въ нѣкоторыхъ словахъ, въ особенности—въ фамиліяхъ. Услыхавъ, что мы говоримъ «Надсо̀нъ», онъ запротестовалъ, заявивъ, что слѣдуетъ дѣлать удареніе на первомъ слогѣ. По этому поводу онъ велъ нескончаемую полемику, приводилъ въ подтвержденіе правильности своего произношенія массу доводовъ, ссылокъ и примѣровъ. Втеченіе нѣкотораго времени по всей тюрьмѣ только и раздавалось: «На̀дсонъ» или «Надсо̀нъ», «Гла̀дстонъ» или «Гладсто̀нъ». Чтобы не огорчать Петра Филипповича и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считая возможнымъ уступать ему въ столь важномъ вопросѣ, нѣкоторые въ разговорѣ съ нимъ произносили спорныя слова и фамиліи двоякимъ образомъ.

При монотонной, однообразной нашей жизни, всѣ такія состязанія вносили кое-какое развлеченіе, заставляя хоть на время забыть печальную дѣйствительность, такъ какъ они, конечно, сопровождались шутками, остротами, смѣхомъ, и иной посторонній человѣкъ съ трудомъ повѣрилъ бы, что такъ забавляются политическіе каторжане, изъ которыхъ многіе осуждены не на одинъ десятокъ лѣтъ...

IV.

Якубовичъ ввелъ насъ въ совершенно неизвѣстный намъ литературный кругъ, въ которомъ онъ вращался до своего ареста. Его живые и образные разсказы о такихъ популярныхъ писателяхъ, какъ Михайловскій, Щедринъ, Шелгуновъ, мы слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Онъ съ добродушнымъ смѣхомъ передавалъ намъ, какъ Салтыковъ молча возвратилъ ему тетрадку съ его стихами и на вопросъ Петра Филипповича, слѣдуетъ ли ему продолжать, отвѣтилъ: «пишите пишите!»... Между прочимъ, помню такой курьезный эпизодъ, разсказанный Петромъ Филипповичемъ.

Нѣсколько литераторовъ бесѣдовали о Марксѣ, — это было вскорѣ послѣ его смерти. Они высказывали сожалѣніе по этому поводу; вдругъ въ разговоръ вмѣшался Фофановъ и съ недоумѣніемъ спросилъ, о чьей смерти они говорятъ.

— Да о Марксѣ!—отвѣтили ему.

— Какъ о Марксѣ? Онъ живъ,—я только сегодня сдалъ ему лично свое стихотвореніе!—заявилъ поэтъ.

— Вы, конечно, имѣете въ виду издателя «Нивы»? А мы говоримъ объ авторѣ «Капитала».

— Ну, этого Маркса я не знаю,—признался Фофановъ.

Аналогичныхъ курьезовъ о нѣкоторыхъ его собратьяхъ передалъ намъ Якубовичъ немало...

Но и о себѣ самомъ Петръ Филипповичъ любилъ разсказывать смѣшныя и забавныя происшествія; къ сожалѣнію, они не удержались въ моей памяти. Онъ безъ малѣйшихъ стѣсненій признавался также въ недостаточномъ своемъ знакомствѣ съ общеизвѣстными соціальными фактами, а то и съ терминами. Случалось, при общей тишинѣ въ камерѣ, когда всѣ, въ томъ числѣ и Петръ Филипповичъ, заняты были чѣмъ-нибудь, вдругъ раздается его голосъ:

— А скажите, господа, что означаетъ слово «кувада»?

— Ну, какъ же вы, поэтъ, не знаете такого слова, а еще кандидатъ!—съ шутливымъ укоромъ замѣтитъ кто-нибудь.

— Что съ того, что я окончилъ университетъ,—отвѣчалъ онъ просто.—Но я, дѣйствительно, кромѣ поэзіи, мало что знаю...

Такія чистосердечныя признанія повели къ тому, что вскорѣ въ нашей тюрьмѣ за нимъ установилась репутація знатока изящной литературы, но человѣка довольно слабаго въ другихъ областяхъ, въ особенности же въ вопросахъ соціальныхъ, считавшихся, конечно, наиболѣе важными и обязательными для полити-

ческаго дѣятеля. Вообще, Якубовичъ не вполнѣ подходилъ къ большинству обитателей нашей тюрьмы: по своимъ интересамъ, привычкамъ, а, отчасти, и прошлому, онъ являлся человѣкомъ изъ иной нѣсколько среды, чѣмъ остальные заключенные интеллигенты.

Если не весь, то, во всякомъ случаѣ, преобладающій контингентъ у насъ составляли семидесятники, т.-е. профессіональные революціонеры, попавшіе въ движеніе въ тотъ его періодъ, когда спеціальныя теоретическія знанія отрицались, когда развитіе пріобрѣталось главнымъ образомъ изъ нелегальныхъ изданій да изъ устныхъ бесѣдъ. Между участниками въ движеніи этого періода легко поэтому устанавливались одинаковые понятія, стремленія, привычки. Единство условій ихъ развитія давало имъ возможность легко понимать другъ друга, даже когда они расходились во взглядахъ по тому или иному вопросу.

Къ этому у большинства заключенныхъ въ нашей тюрьмѣ присоединилась продолжительная совмѣстная жизнь, начавшаяся за много лѣтъ до прихода Якубовича, что не мало способствовало выработкѣ у нихъ извѣстнаго единства во многихъ пунктахъ.

Инымъ по своему прошлому, по времени своей дѣятельности, а также, отчасти, и по своему образованію и развитію былъ Петръ Филипповичъ.

Онъ, какъ мы знаемъ, вращался главнымъ образомъ среди легальныхъ литераторовъ; къ революціонному движенію присталъ только въ началѣ 80-хъ годовъ и именно тогда, когда почти никого изъ старыхъ дѣятелей уже не было на волѣ. Къ тому же и самъ онъ вскорѣ былъ арестованъ; слѣдовательно, не успѣлъ пріобрѣсти ни революціонныхъ традицій, ни привычекъ. Въ теченіе же нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ до суда въ Петропавловской крѣпости и въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, онъ, конечно, лишенъ былъ возможности пополнить свои пробѣлы по этой части.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, Якубовичъ, очутившись среди насъ въ возрастѣ среднемъ для большинства заключенныхъ, т.-е. подъ тридцать лѣтъ, оказался менѣе многихъ другихъ интеллигентовъ подготовленнымъ, свѣдущимъ въ томъ опредѣленномъ кругѣ идей, который составлялъ умственный обиходъ тюремнаго населенія. Это вскорѣ и было замѣчено остальными.

Какъ я уже не разъ упоминалъ, Петръ Филипповичъ обладалъ прямымъ, искреннимъ, безъискусственнымъ нравомъ. Черты эти, конечно, цѣнились у насъ, но одними ими нельзя было выдѣлиться, занять видное положеніе въ нашей средѣ, такъ какъ такими же свойствами обладало немало и другихъ заключенныхъ. Чтобы пріобрѣсти замѣтное уваженіе и симпатіи въ Карійской политической тюрьмѣ, необходимо было отличаться особенными свойствами, обладать значительнымъ умственнымъ превосходствомъ, большими и разнообразными знаніями, исключительнымъ характеромъ и пр.

Якубовичъ же въ этихъ отношеніяхъ не выдѣлялся особенно рѣзко изъ средняго уровня интеллигентовъ, находившихся въ нашей средѣ. Нѣкоторые даже находили, что онъ не всегда умѣло пользовался присущими ему несомнѣнно положительными чертами: его прямоту и искренность признавали подчасъ переходящими въ «наивность», а, вслѣдствіе его неопытности въ обыденныхъ житейскихъ обстоятельствахъ, иной практикъ величалъ Петра Филипповича «взрослымъ младенцемъ».

Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что Якубовичъ, несмотря на пріобрѣтенное уже тогда имъ литературное имя,—чего не было ни у кого другого изъ заключенныхъ,—занялъ на Карѣ положеніе значительно менѣе замѣтное, чѣмъ ему подобало, и на какое онъ несомнѣнно имѣлъ право. Въ этомъ не было рѣшительно ничьей вины, — такъ неблагопріятно сложились для него обстоятельства. По указаннымъ же причинамъ, Якубовичъ не только ни съ кѣмъ изъ заключенныхъ не сблизился, что такъ часто случалось у насъ, но даже съ Нагорнымъ у него,— не помню уже по какому поводу,— установились довольно холодныя отношенія. Проживъ нѣкоторое время въ «больницѣ», Петръ Филипповичъ, послѣ расхожденія со старымъ другомъ, перешелъ въ «Якутку».

Будучи несомнѣнно прекраснымъ товарищемъ, чуткимъ, отзывчивымъ, а, главное, чрезвычайно справедливымъ, Якубовичъ,— что вполнѣ понятно и извинительно, — временами бывалъ крайне раздражителенъ и вспыльчивъ. Но, отличаясь добротой и незлобивостью, онъ сейчасъ же готовъ былъ признать что погорячился, и искренно стремился загладить свою вину, если вина дѣйствительно была съ его стороны. Не пустой фразой являются поэтому его слова въ цитированномъ уже мною стихотвореніи «Прощаніе»:

Великихъ ради мукъ, обидъ и тайныхъ слезъ
Винамъ моимъ молю пощады и забвенья!

V.

Въ разныхъ такъ называемыхъ хозяйственныхъ занятіяхъ, требовавшихся нашей коммуной отъ каждаго здороваго ея члена,— въ уборкѣ камеры, въ топкѣ печи, колкѣ дровъ и т. п.,—Якубовичъ, понятно, не проявлялъ особенной сноровки и искусства. Да откуда ему, какъ и многимъ другимъ новичкамъ изъ интеллигенціи, было научиться этому? То же незнаніе и неопытность обнаруживалъ онъ во время нашихъ совмѣстныхъ съ нимъ дежурствъ на кухнѣ, чѣмъ нерѣдко,—особенно на первыхъ порахъ,—давалъ поводъ къ шуткамъ и остротамъ.

— Что мнѣ теперь дѣлать? — спроситъ, бывало, Якубовичъ, окончивъ нужную работу и обуреваемый желаніемъ еще чѣмъ-нибудь помочь главному повару.

— Пойдите къ старостѣ и возьмите у него 40 цыплятъ, 10 фунтовъ лавроваго листа и 5 бутылокъ мадеры: это для больничныхъ порцій,—серьезнымъ тономъ отвѣчаетъ поваръ.

Якубовичъ стремглавъ мчится исполнить это порученіе. Староста, конечно, догадывается въ чемъ дѣло и, чтобы въ свою очередь пошутить надъ неопытнымъ новичкомъ, говоритъ ему:

— Скажите повару, что цыплятъ нѣтъ у меня, а имѣются индѣйки, мадера также вся вышла, за то есть лафитъ.

Подобныя шутки вызывали, понятно, веселый смѣхъ на кухнѣ да и въ камерахъ *).

Во время дежурствъ на кухнѣ, когда не было у насъ спѣшной работы, мы, помню, любили предаваться воспоминаніямъ. Случалось, правда, при этомъ, что, увлекшись разсказами, мы забывали про данное намъ поваромъ порученіе слѣдить за тѣмъ, чтобы не перегорѣли дрова подъ плитой или не сгорѣло что-нибудь на ней жарившееся. За эти упущенія намъ, конечно, потомъ влетало отъ нашего старшóго.

Лично Якубовичъ не зналъ никого изъ старыхъ народовольцевъ, участниковъ предыдущаго десятилѣтія, изъ которыхъ однихъ давно уже не было въ живыхъ, другіе навсегда погребены были въ казематахъ Петропавловской крѣпости, и лишь немногіе уцѣлѣвшіе томились въ эмиграціи. Ко всѣмъ этимъ лицамъ Якубовичъ относился съ восторгомъ и имена ихъ произносилъ съ благоговѣніемъ.

Такъ какъ мнѣ привелось знать почти всѣхъ участниковъ той эпохи, то я, по просьбѣ Петра Филипповича, дѣлился съ нимъ имѣющимися у меня о нихъ свѣдѣніями. Въ свою очередь, онъ съ сердечной болью и участьемъ вспоминалъ о сопроцессникахъ, а также и о другихъ лицахъ, томившихся въ Шлиссельбургской крѣпости, представляя себѣ мученія, которымъ они тамъ подвергаются. Нерѣдко разсказывалъ онъ намъ то объ одномъ, то о другомъ изъ участниковъ процесса 21-го, и въ голосѣ его всегда слышались такая нѣжность, словно онъ говорилъ о родныхъ братьяхъ.

Но, по внѣшнему его виду, по преобладавшему у него настроенію, трудно было повѣрить, что онъ таитъ въ своей груди большую драму: ему, вѣдь, пришлось разстаться на многіе-многіе годы не только съ товарищами-сопроцессниками, но и съ матерью и сестрой, къ которымъ онъ былъ нѣжно привязанъ, а также и съ невѣстой, отправленной административнымъ порядкомъ въ Якутскую область.

---

*) Это Якубовича же я имѣлъ въ виду, когда въ моей книгѣ «16 лѣтъ въ Сибири» я сообщилъ, не обозначивъ его фамиліи, что, насыпавъ картошку въ котелокъ, чтобы сварить ее, онъ въ недоумѣніи спрашивалъ затѣмъ, куда же ему налить воду? Онъ же, въ другой разъ, наливъ воды въ самоваръ, но забывъ всыпать въ него горячіе угли, воскликнулъ: «что я надѣлалъ: теперь самоваръ распаяется»!

Это внѣшнее спокойствіе Петра Филипповича было тѣмъ болѣе поразительно, что онъ вовсе не казался замкнутымъ въ себѣ человѣкомъ; скорѣе даже, наоборотъ, его можно было отнести къ тому типу людей, у которыхъ, какъ говорится, душа на распашку. Несмотря на присущія ему прямоту и искренность, онъ въ разсказѣ о своихъ личныхъ переживаніяхъ и страданіяхъ былъ откровененъ лишь на столько, на сколько считалъ это возможнымъ съ даннымъ лицомъ.

За три года совмѣстной жизни съ Якубовичемъ, во время которыхъ вся наша тюрьма вынесла неимовѣрныя страданія, мнѣ,—да и никому, я увѣренъ,—не пришлось услыхать отъ него ни малѣйшаго сожалѣнія по поводу постигшей его, безъ всякаго серьезнаго къ тому основанія, тяжелой участи. Скорѣе даже наоборотъ: онъ готовъ быть признать, что судьба была къ нему еще милостива, такъ какъ онъ могъ вѣдь тоже очутиться въ Шлиссельбургѣ.

Поэтому неподдѣльная правда заключается въ стихотвореніи, въ которомъ онъ говоритъ:

Ни о чемъ не жалѣю я въ прошломъ, друзья,
Ни одной-бы черты въ немъ не выкинулъ я...
. . . .
Тамъ за каждой слезой, въ каждомъ сумрачномъ днѣ
Солнца яркаго лучъ вспоминается мнѣ:
Это солнце я въ сердцѣ горячемъ носилъ,
Я одними страданьями съ родиной жилъ!

Въ этихъ словахъ его нѣтъ никакихъ поэтическихъ прикрасъ: онъ, дѣйствительно, «одними страданьями съ родиной жилъ». Его убѣжденіе, что эти страданья должны вскорѣ прекратиться, и что для беззавѣтно любимой имъ родины настанетъ свѣтлая пора, основывалось у него не столько на знакомствѣ съ фактами, съ внутренними условіями жизни Россіи, сколько на его личномъ желаніи и вѣрѣ.

Во многихъ отношеніяхъ Якубовичъ напоминалъ мнѣ другого крупнаго поэта-энтузіаста—Сергѣя Кравчинскаго. Петръ Филипповичъ былъ очень доволенъ, когда я какъ-то сообщилъ ему объ этомъ. Кстати, ему также было пріятно, что онъ носитъ ту же фамилію, что и извѣстный декабристъ. Будучи на волѣ, онъ даже избралъ для себя имя и отчество послѣдняго—Александръ Ивановичъ--нелегальной своей кличкой.

VI.

Живя за-границей, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я встрѣчался тамъ съ Кравчинскимъ, Ошаниной, Лавровымъ и Тихомировымъ. Жизнь этихъ лицъ чрезвычайно интересовала Якубовича, и мнѣ не разъ приходилось разсказывать ему о нихъ. Къ каждому изъ нихъ онъ относился съ благоговѣніемъ, высказывая увѣренность, что имъ вскорѣ вновь удастся разжечь потухшій лишь наружно, но продолжающій тлѣть внутри горючій матеріалъ.

Особенно велики были его ожиданія относительно Льва Тихомирова. Какъ и вся тогдашняя народовольческая молодежь, Якубовичъ, на основаніи устныхъ разсказовъ, составилъ себѣ объ этомъ вдохновителѣ почти всѣхъ террористическихъ актовъ конца 70-хъ и начала 80-хъ г.г. очень высокое мнѣніе. Тогда еще ни онъ, да и никто другой изъ насъ не зналъ, что Тихомировъ уже во всемъ раскаялся, написалъ брошюру «Почему я пересталъ быть революціонеромъ» и получилъ полное прощеніе.

Легко представить себѣ, какимъ тяжелымъ ударомъ было для Якубовича,—какъ, конечно, и для всѣхъ остальныхъ насъ,—полученное упомянутымъ выше его «нелегальнымъ» способомъ извѣстіе о ренегатствѣ этого кумира!

— Быть этого не можетъ! Неправда! — твердили лица, безпредѣльно преданныя старымъ народовольцамъ. Иные изъ нихъ, напр., нынѣ покойный Спандони, возмущались по поводу легкомыслія людей, способныхъ повѣрить «нелѣпому извѣстію, несомнѣнно пущенному въ ходъ самимъ правительствомъ». Когда же ему возражали, что случаются всякія метаморфозы, онъ приходилъ въ сильнѣйшее негодованіе и по адресу этихъ «легковѣрныхъ» отпускалъ всякія колкости и рѣзкіе эпитеты.

Бѣдный Петръ Филипповичъ былъ въ крайне затруднительномъ положеніи: съ одной стороны онъ зналъ, что его источникъ не могъ сообщить ему неустановленнаго факта, а съ другой, ему также трудно было повѣрить, что Тихомировъ сдѣлался монархистомъ. Онъ попросилъ своего корреспондента справиться, на сколько вѣрно сдѣланное имъ сообщеніе. Но пришлось ждать томительно долгіе мѣсяцы, пока пришло подтвержденіе перваго извѣстія.

Ренегатство Тихомирова немедленно произвело у насъ свое дѣйствіе.

Одинъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ, твердыхъ и развитыхъ участниковъ движенія 70-хъ годовъ, сидѣвшій въ одной со мною и Якубовичемъ камерѣ, — бывшій офицеръ Властопуло, котораго дважды мы избирали на самую почетную въ нашей коммунѣ должность «старосты»,—вдругъ раскаялся во всемъ своемъ прошломъ и подалъ прошеніе о помилованіи.

Извѣстіе это произвело на всѣхъ насъ, въ особенности на чуткаго, воспріимчиваго Якубовича, ошеломляющее впечатлѣніе.

Но, какъ ни велико было огорченіе, испытанное Петромъ Филипповичемъ вслѣдствіе этихъ фактовъ, оно было у него лишь временнымъ и не могло лишить его горячей вѣры въ правоту дѣла, за которое, сообща съ другими, онъ страдалъ. Это настроеніе вылилось у него въ стихотвореніи, написанномъ, помнится, въ то именно время:

Все глубже сонъ и мракъ на небесахъ отчизны,
Все тягостнѣй кошмаръ предательствъ и утратъ:
Замолкли голоса бойцовъ безъ укоризны,
Нахальнѣй и смѣлѣй постыдный кличъ: «назадъ»!
. . . .
Пусть сномъ еще мрачнѣй родимый край заснетъ,—
Того, что темный міръ сіяньемъ озарило,
Что въ жизнь влагало смыслъ, грозѣ не истребить.
И на развалинахъ святого идеала,
Какъ прежде, буду я и вѣрить, и любить!

Тѣмъ цѣннѣе и изумительнѣе эта глубокая вѣра Якубовича въ «идеалъ», что онъ, какъ мы знаемъ, и на политическую арену вступилъ, когда революціонное движеніе было, въ сущности разбито, и въ карійскую тюрьму попалъ, когда разочарованіе слѣдовало за разочарованіемъ, и ренегатства приняли широкіе размѣры.

Судьба какъ-бы усиленно преслѣдовала этого даровитаго человѣка. Подвергая его тяжелымъ невзгодамъ, она словно желала убѣдиться, устоятъ-ли его вѣра и любовь; вынесетъ-ли онъ всѣ посылаемыя ему испытанія?

Мы знаемъ, что Якубовичъ устоялъ и все вынесъ...

Въ жестокій періодъ Дегаевщины и Судейкинщины вошелъ онъ въ порѣдѣвшіе ряды «Народной Воли»; не въ лучшій моментъ въ исторіи карійскихъ политическихъ тюремъ прибылъ онъ и къ намъ.

Тихомировъ открылъ покаянное шествіе: его примѣру послѣдовали въ нашей тюрьмѣ многіе, среди которыхъ, кромѣ Властопуло, были лица, сами еще незадолго предъ тѣмъ не допускавшія мысли о томъ, что они въ состояніи перейти въ станъ «ликующихъ»,

Каждый такой случай повергалъ Якубовича чуть не въ отчаяніе, но затѣмъ онъ вновь ободрялся, еще болѣе прежняго укрѣпляясь въ своей вѣрѣ въ идеалъ.

Но ренегатствами не ограничились огорченія и страданія, посыпавшіяся на насъ, въ особенности же на Якубовича, съ момента его прибытія на Кару. Тогда же начались продолжительныя перипетіи извѣстной исторіи по поводу насильственнаго увода изъ женской политической тюрьмы Елизаветы Ковальской, ознаменованныя тремя голодовками, небывалымъ случаемъ тѣлеснаго наказанія политической каторжанки Надежды Сигиды и многочислен-

ными самоотравленіями. Не желая повторять здѣсь всѣхъ подробностей кровавой драмы, которая длилась около полутора лѣтъ, такъ какъ это уже сдѣлано мною въ книгѣ «16 лѣтъ въ Сибири», я остановлюсь только на переживаніяхъ Якубовича, на сколько, конечно, они мнѣ извѣстны.

Въ моей памяти особенно рельефно запечатлѣлся образъ Петра Филипповича во время голодовки, объявленной нами лѣтомъ 1888 г. изъ чувства солидарности къ женщинамъ, не принимавшимъ пищи, какъ мы узнали, уже въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Якубовичъ былъ однимъ изъ первыхъ, поддержавшихъ предложеніе объявить голодовку, чтобы такимъ способомъ побудить женщинъ прекратить ихъ мученія. Удивительно бодро, помню, чувствовалъ онъ себя. Съ высоко поднятой головой онъ по обыкновенію быстро носился по корридору и тюремному двору, какъ всегда что-то обдумывая и едва замѣтно шевеля губами. Быть можетъ, про себя онъ въ такихъ случаяхъ декламировалъ стихи любимыхъ поэтовъ или свои собственныя.

— Что, Петръ Филиппычъ, какъ чувствуете себя?—обратился я къ нему на прогулкѣ на второй или третій день нашей голодовки.

— Превосходно! Знаете, я совсѣмъ не испытываю голода; голова работаетъ, какъ всегда!—отвѣтилъ онъ твердымъ тономъ.

Онъ, дѣйствительно, имѣлъ обычный, бодрый видъ, и непосвященный человѣкъ не повѣрилъ бы, посмотрѣвъ на Якубовича, что онъ три дня уже не принималъ пищи.

Разгуливая затѣмъ вмѣстѣ вдоль тюремныхъ палъ, мы бесѣдовали о совершенно постороннихъ предметахъ.

Въ тотъ разъ, путемъ переговоровъ, намъ удалось склонить нашихъ женщинъ, чтобы онѣ прекратили голодовку. Но борьба ихъ съ комендантомъ Масюковымъ приняла лишь иную форму: чтобы добиться его смѣщенія, онѣ рѣшили бойкотировать его. Впрочемъ, въ этой борьбѣ изъ двѣнадцати заключенныхъ женщинъ принимали участіе только шесть.

Наша тюрьма также раздѣлилась на двѣ «партіи»: на большинство, считавшее возможнымъ ограничиться принятіемъ извиненія отъ Масюкова за его распоряженіе о насильственномъ увозѣ Ковальской; и меньшинство, находившее обязательнымъ для насъ согласовать свои дѣйствія съ поведеніемъ женщинъ, какъ въ ихъ требованіи, такъ и во всѣхъ употребляемыхъ ими для этого пріемахъ.

Безъ малѣйшихъ, кажется, колебаній присоединился Якубовичъ къ намъ, къ «умѣренному» большинству, несмотря на то, что въ числѣ рѣшительныхъ протестантокъ противъ Масюкова находились его товарищи по процессу—Неонила Салова и Генріетта Добрускина, съ которыми онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и поддерживалъ товарищескую переписку. Отъ этого рѣшенія онъ не

отступилъ даже тогда, когда, по поводу неприсоединенія большинства изъ насъ къ протестанткамъ, отъ послѣднихъ получилось письмо, полное упрековъ по нашему адресу за отсутствіе чувства товарищеской солидарности.

Петръ Филипповичъ былъ чрезвычайно опечаленъ этимъ протестомъ. Отъ огорченія онъ теребилъ волосы на небритой половинѣ головы и въ тѣ дни, быть можетъ, пролилъ не мало «тайныхъ слезъ». Наконецъ, онъ рѣшилъ отправить Саловой, которую особенно высоко цѣнилъ, обстоятельное письмо съ изложеніемъ всѣхъ своихъ взглядовъ и соображеній относительно предпринятой ими борьбы, а также о неосуществимости ихъ требованія объ удаленіи коменданта, о нашемъ, вообще, положеніи въ тюрьмѣ и пр.

Письмо это, по окончаніи, Петръ Филипповичъ прочиталъ нѣкоторымъ изъ насъ: оно было тепло, убѣдительно, а главное, какъ и всѣ его произведенія, искренно написано. Но, увы! Все его краснорѣчіе не возымѣло ожидаемаго имъ дѣйствія. Помнится, Салова даже не отвѣтила Якубовичу и прервала съ нимъ переписку.

Легко представить себѣ, что испытывалъ вслѣдствіе этого Петръ Филипповичъ!

А въ это же приблизительно время, въ другомъ концѣ Сибири,—въ отдаленной Якутской области,—происходила другая, еще болѣе ужасная трагедія, также касавшаяся непосредственно Якубовича: тамъ нѣсколько десятковъ ссыльныхъ, среди которыхъ находилась и невѣста Петра Филипповича, подверглись ружейному обстрѣлу солдатъ, послѣдствіемъ чего шесть человѣкъ оказались убитыми и многіе ранеными.

Не помню, дѣлился-ли съ кѣмъ-нибудь изъ насъ Якубовичъ своимъ душевнымъ состояніемъ, когда до насъ достигло извѣстіе объ этой бойнѣ и о послѣдовавшемъ затѣмъ жестокомъ приговорѣ военнаго суда. Кажется, у него хватило силъ таить про себя тревогу и опасенія, ничѣмъ наружно не проявивъ своего состоянія, даже тогда, когда онъ узналъ, что его невѣста не попала въ число жертвъ,—она приговорена была къ поселенію.

VII.

Напомню вкратцѣ о послѣднемъ актѣ предпринятой въ женской тюрьмѣ борьбы. Когда одна изъ протестантокъ—Надежда Сигида—убѣдилась въ невозможности путемъ второй голодовки, длившейся уже двѣнадцать дней, добиться удаленія коменданта, она рѣшила принести себя въ жертву, чтобы, такимъ образомъ, положить конецъ собственнымъ мученіямъ и товарокъ по заключенію. Съ этой цѣлью она замахнулась только на полковника Масюкова, полагая, что за это оскорбленіе ее или казнятъ, или увеличатъ

срокъ каторжныхъ работъ, а его удалятъ со службы. Но, какъ извѣстно, поступокъ ея имѣлъ совсѣмъ иной финалъ: ее подвергли унизительному наказанію, Масюковъ же, по прежнему, остался комендантомъ.

Отъ нервнаго-ли сотрясенія или отъ принятаго яда, Сигида на второй день скончалась. Три ея товарки—Марія Ковалевская, Марія Калюжная и Надежда Смирницкая—вслѣдъ за ней покончили съ собою. Въ нашей тюрьмѣ, безъ споровъ и переговоровъ, многіе также рѣшили отравиться. Къ этой формѣ протеста противъ возмутительной расправы съ политической заключенной присоединились даже нѣкоторые изъ наиболѣе мирно настроенныхъ людей; въ ихъ числѣ былъ и другъ Петра Филипповича—«докторъ Панглоссъ», какъ мы называли Нагорнаго за его оптимизмъ. Но и на этотъ разъ Якубовичъ остался за одно съ большинствомъ.

Никто, полагаю, и изъ отравлявшихся не сомнѣвался, что у Петра Филипповича хватило бы рѣшимости покончить съ собою. Навѣрно, онъ не разъ и готовъ былъ осуществить это; если же не сдѣлалъ этого, то не изъ чрезмѣрной привязанности къ жизни, а скорѣе потому, что, по его мнѣнію, онъ «еще мало страдалъ во имя свободы и свѣта», и ему необходимо было испытать еще больше «великихъ мукъ». Онъ, какъ мы знаемъ, дѣйствительно, претерпѣлъ ихъ до конца.

Сосредоточенный, мрачный, быстро носился Петръ Филипповичъ въ тѣ дни по тюрьмѣ, нигдѣ не находя себѣ покоя. Онъ то обращался къ кому-нибудь изъ рѣшившихъ отравиться съ увѣщаніями не дѣлать этого, то въ отчаяніи бросался въ камерѣ на свою постель и подолгу лежалъ неподвижно, устремивъ глаза въ потолокъ,—нужно-ли говорить, что онъ страдалъ неимовѣрно.

Изъ сорока заключенныхъ, находившихся въ то время въ тюрьмѣ, вечеромъ 12-го ноября 1889 г. приняли ядъ на глазахъ у не принимавшихъ участія въ этомъ самоотравленіи товарищей семнадцать человѣкъ. Прощаніе съ ними дѣйствовало потрясающимъ образомъ и на здоровыхъ нервами людей, вызывая у нихъ слезы, а то и сдерживаемыя рыданія.

Во время этой ужасной сцены у отзывчиваго Петра Филипповича сердце, вѣроятно, разрывалось на части, но онъ не плакалъ на виду у другихъ. Ему же пришлось присутствовать при продолжительной предсмертной агоніи наиболѣе симпатичныхъ его сокамерниковъ —Сергѣя Бобохова и Ивана Калюжнаго.

Вспоминая теперь объ этомъ времени, я удивляюсь той внутренней силѣ, которая дала Петру Филипповичу возможность вынести всѣ эти мученія.

VIII.

Унесены были трупы Бобохова и Калюжнаго. Поправились постепенно остальные отравлявшіеся. Въ тюрьмѣ господствовало тяжелое, мрачное состояніе. Мы чувствовали себя придавленными, угнетенными и съ тревогой ждали новыхъ несчастій.

Въ первые два года своего пребыванія на Карѣ Якубовичъ очень мало творилъ, что видно и изъ собранія его стихотвореній: муза его,—очевидно, подъ вліяніемъ нашей обстановки,—бездѣйствовала. Лишь иногда онъ произносилъ экспромптомъ какое-нибудь юмористическое стихотвореніе. Но послѣ описанныхъ выше печальныхъ происшествій онъ усиленно сталъ писать что-то. Вскорѣ оказалось, что то были очерки, посвященные Бобохову и Калюжному. Когда по окончаніи онъ пустилъ свою рукопись по камерамъ, всѣ безъ исключенія пришли въ восторгъ отъ его произведенія. Петръ Филипповичъ до того художественно вѣрно изобразилъ умершихъ товарищей, что они, какъ живые, стояли у насъ передъ глазами. Мы настаивали, чтобы онъ отправилъ на волю для напечатанія гдѣ-нибудь эту рукопись. Онъ сдѣлалъ это, но мнѣ рѣшительно неизвѣстно, куда она дѣвалась,—въ печати она не появилась. А это чрезвычайно жалко, потому что этотъ очеркъ— на сколько могу теперь припомнить, лучшее произведеніе изъ всего того, что мнѣ приходилось читать о заключенныхъ въ нашихъ политическихъ тюрьмахъ.

* * *

Жизнь мало-по-малу снова начала входить у насъ въ свою обычную колею. Начальство оставило насъ въ покоѣ. Ренегатства почти совсѣмъ прекратились, такъ какъ всѣ тѣ, которые были къ тому склонны, успѣли уже подать прошенія о помилованіи. Какъ въ то время чувствовалъ себя Петръ Филипповичъ, а также многіе другіе изъ насъ, лучше всего показываетъ написанное имъ въ томъ году (1890) стихотвореніе «Крестъ и идеалъ»:

Ни дружеской руки, ни любящаго взгляда...
Чѣмъ вѣру поддержать, чѣмъ горе усладить?
. . . .
Все отнято у насъ!.. Убиты до разсвѣта
Любви и счастья сны... Средь холода и тьмы,
Съ душою, полною тепла, добра и свѣта,
Не грѣя, не свѣтя, въ глуши угаснемъ мы.
. . . .
— Путь скорби и креста, а послѣ—мракъ забвенья?..
Нѣтъ, нѣтъ! Не можетъ быть! Есть правда въ небесахъ:
Когда и жизнь, и смерть—одной лишь цѣпи звенья,
Когда въ вѣкахъ живетъ и нашъ бездушный прахъ.

Какъ всегда, въ самыя отчаянныя времена, Петръ Филипповичъ и въ указанномъ году не терялъ надежды на торжество «идеала». Этой вѣрой проникнуто далѣе и только-что приведенное стихотвореніе:

Какъ грозный океанъ, волнуясь съ плескомъ мѣрнымъ,
Родъ человѣческій сквозь сумракъ золъ и бѣдъ
Путемъ медлительнымъ, но неуклонно-вѣрнымъ
Идетъ, за шагомъ шагъ, впередъ, гдѣ брежжетъ свѣтъ!

Оно-то такъ, относительно «рода человѣческаго». Но самому Якубовичу и многимъ другимъ пришлось вскорѣ итти не туда, «гдѣ брежжетъ свѣтъ», а въ еще большую глушь, на новыя испытанія и страданія...

Давно уже носившіеся слухи о готовящемся уравненіи политическихъ во всемъ съ уголовными подтвердилъ въ концѣ лѣта 1890 г. генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ.

Собранные всѣ на тюремномъ дворѣ, мы рѣшили не отвѣчать на вопросы этого жестокаго намѣстника обширнѣйшаго края, явившагося въ сопровожденіи большой и блестящей свиты, такъ какъ, именно вслѣдствіе его распоряженія, Сигида подвергнута была тѣлесному наказанію, что повлекло за собою шесть жертвъ.

Въ теченіе долгаго времени тщетны были старанія барона Корфа втянуть насъ въ разговоръ. Лишь когда онъ повернулся, намѣреваясь уже уйти, Мирскій обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ. Тогда и Якубовичъ не смогъ сдержаться: волнуясь и размахивая руками, онъ съ большой горячностью началъ доказывать, что мы на все готовы, что мы можемъ вынести всякія лишенія и страданія, но одного политическіе заключенные не позволятъ безъ протеста учинять надъ собою—тѣлесныхъ наказаній.

Этотъ неожиданный, навѣрно, и для самого Якубовича экспромтъ былъ произнесенъ съ такой страстностью и съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что видимо произвелъ впечатлѣніе и на генералъ-губернатора. Онъ сталъ утверждать, что въ его намѣренія никогда не входило подвергать политическихъ тѣлеснымъ наказаніямъ; если же это случилось съ Сигидой, то она, вѣдь, первая подняла руку.

* * *

Вновь наступило невыносимо тягостное время: перспектива быть вскорѣ во всемъ уравненными съ уголовными нагоняла печальныя мысли. Всѣ ходили съ понуренными головами. Лишь Якубовичъ, по обыкновенію, бодро смотрѣлъ въ будущее.

Вскорѣ затѣмъ намъ было объявлено, что всѣхъ окончившихъ установленный срокъ выпускаютъ въ «вольную команду» на Карѣ же, а тринадцать человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и Петръ Филипповичъ, будутъ на дняхъ отправлены въ Акатуй.

Не могу передать, до чего намъ, «вольнокомандцамъ», тяжело было разставаться съ этими товарищами, обреченными на новыя мученія, быть можетъ, еще болѣе тяжкія, чѣмъ уже сообща съ нами испытанныя ими въ теченіе многихъ лѣтъ. Тягостно было наше прощанье...

По прошествіи разныхъ сроковъ мнѣ удалось свидѣться со многими изъ акатуйцевъ. Только съ Якубовичемъ я уже не встрѣчался никогда.

Левъ Дейчъ

Гибель „Анны Гольманъ".

Романъ *Густава Френсена.*

Переводъ съ нѣмецкаго А. С. Полоцкой.

(*Окончаніе*).

XIII.

Тихимъ, молчаливымъ человѣкомъ сталъ Янъ Гульдтъ. Въ душѣ его, точно опустошенной пожаромъ и подернутой дымомъ и мглою, не было ничего, кромѣ туманныхъ обрывковъ событій и образовъ изъ того ужаснаго путешествія, да тупого, равнодушнаго недовѣрія къ жизни и всему міру. Онъ все глубже погружался въ это недовѣріе и, снова вызывая въ своей памяти всѣ подробности того странствованія, все больше отдавался горькимъ, безнадежнымъ мыслямъ. Съ тупой, равнодушной насмѣшкой сравнивалъ онъ судьбу добрыхъ и злыхъ: злого стараго капитана у хижины и его мягкаго обиженнаго противника; изящнаго, подвижнаго барина на его красивой верандѣ и обоихъ бѣдныхъ спутниковъ въ церкви на Сильтѣ, которую онъ представлялъ себѣ очень мрачной. Какъ будто въ туманѣ онъ видѣлъ ихъ движенія, смутно слышалъ ихъ рѣчи и различалъ ихъ лица; но онъ не зналъ, какъ ихъ зовутъ, и откуда и какъ они вошли въ его жизнь.

За три-четыре года онъ привыкъ къ этому новому состоянію тоскливаго, холоднаго оцѣпененія, освоился съ нимъ. И вотъ мало-по-малу, почти незамѣтно, въ немъ стало пробуждаться тихое удивленіе и неудовлетворенное желаніе проникнуть за этотъ туманъ, посмотрѣть, что таится за нимъ, или обойти его. Онъ говорилъ себѣ, что должно-же быть за нимъ что-нибудь: страна, въ которой живутъ знакомые люди и вещи. Но когда онъ пытался проникнуть въ эту тьму, его сейчасъ-же охватывалъ страхъ заблудиться въ ней и окончательно потерять дорогу.

Мало-по-малу у него явилась мысль поговорить о своемъ состоянiи и о своей исторiи съ какимъ-нибудь добрымъ и умнымъ человѣкомъ и такимъ образомъ, такъ сказать, пробраться въ эту страну въ сопровожденiи этого спутника. Но прошелъ годъ, за нимъ другой, и уже пять лѣтъ прошло, безъ движенiя, а онъ при своей меланхолiи и теперешней нелюдимости не находилъ человѣка, который показался-бы ему подходящимъ для того, чтобы передать ему эту темную исторiю.

Какъ-то разъ—это было въ Монреалѣ, въ Канадѣ,—Янъ Гульдтъ отправился въ городъ, чтобы немного разсѣяться. Зайдя посидѣть въ какой-то трактиръ, онъ обратилъ вниманiе на человѣка въ длинномъ черномъ сюртукѣ, который въ Германiи называютъ лютеровскимъ,—повидимому пастора. Очевидно, онъ продалъ или купилъ какую-то землю или акцiи желѣзной дороги, или что-то въ этомъ родѣ, вѣроятно по порученiю своей общины, и былъ доволенъ исходомъ дѣла. Онъ сидѣлъ съ нѣсколькими изъ своихъ фермеровъ, которые сопровождали его для большей вѣрности предпрiятiя, и бесѣдовалъ объ акцiяхъ, тарифахъ, цѣнахъ на пшеницу, Соединенныхъ Штатахъ и Богѣ. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ благочестивый и вмѣстѣ съ тѣмъ знающiй жизнь, и, попивая виски съ содовой водой, мало-по-малу вошелъ въ то довольное и задорное настроенiе, которое ищетъ случая проявить себя и въ которомъ диспутъ съ дьяволомъ кажется человѣку величайшимъ удовольствiемъ.

Янъ Гульдтъ смутно чувствовалъ это и какъ разъ нѣчто въ этомъ родѣ и могъ предложить. Къ тому-же эта деревенская, твердая вѣра доставляла ему безсознательное удовольствiе, хотя самъ онъ давно отошелъ отъ нея и не имѣлъ о ней больше никакого понятiя. Онъ пододвинулъ свой стулъ къ стулу пастора, выколотилъ свою трубку о спинку стула и сказалъ:

— Ваше преподобiе, вы мнѣ разрѣшите разсказать вамъ одну исторiю?

И онъ выложилъ передъ нимъ обломки своей жизни, то, что изъ всей его прошлой жизни осталось у него: какъ ихъ несло по волнамъ втроемъ. И въ заключенiе онъ махнулъ рукой, точно говоря: вотъ и все; больше ничего нѣтъ.

У пастора сначала выпала изо рта короткая трубка, которую онъ держалъ въ зубахъ, потомъ опустились широкiя плечи, а подъ конецъ почти упало и сердце, когда онъ выслушалъ эту темную исторiю и понялъ, что у худощаваго человѣка съ напряженнымъ благороднымъ лицомъ больше ничего нѣтъ въ душѣ.

— Тамъ было море,—сказалъ Янъ Гульдтъ, слегка про-

водя рукой по спинкѣ стула...—и мы поднялись надъ нимъ и затѣмъ отправились въ путь.

И онъ замолчалъ съ открытымъ ртомъ въ ожиданіи отвѣта.

Пасторъ прежде всего поднялъ свою трубку,—но это онъ сдѣлалъ исключительно по привычкѣ,—затѣмъ поднялись и его плечи; затѣмъ ужъ мало-по-малу пріободрилось и его твердое сердце. Онъ тихо и неувѣренно сказалъ:

— Вы забыли все: родителей, имя, всю молодость, всѣхъ товарищей дѣтства? Въ вашей жизни, очевидно, произошло какое-нибудь ужасное событіе.

И онъ еще разъ внимательно всмотрѣлся въ его лицо. Онъ увидѣлъ глубокосидящіе глаза и толстые узлы надъ ними и, медленно и осторожно подходя къ этому удивительному дѣлу, нащупывающимъ голосомъ сказалъ:

— Можно, кажется, предположить, что съ вами случилось нѣчто вродѣ того, что случается иной разъ съ быками?

— То есть какъ?—спросилъ Янъ Гульдтъ, не понимая.

— Я сейчасъ объясню вамъ,—уже увѣреннѣе сказалъ пасторъ.—Вчера, когда я ѣхалъ въ поѣздѣ сюда, я издали на лугу, на которомъ еще стояло нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ дѣвственнаго лѣса старыхъ стволовъ, увидѣлъ молодого бычка. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на одинъ изъ этихъ пней, смотрѣлъ очень внимательно. Онъ даже изогнулся немного назадъ, чтобы разсмотрѣть его получше. Потомъ онъ нагнулъ голову и, разбѣжавшись, стукнулся объ него лбомъ. Мнѣ казалось, что я слышу глухой странный стукъ. Послѣ этого бычокъ долго стоялъ, совершенно оглушенный, широко разставивъ ноги, безъ движенія и, я думаю, совершенно утративъ память о прежнихъ лугахъ и друзьяхъ. Я считаю возможнымъ, что таково, ваше состояніе. Не можетъ-ли быть и что, какъ быкъ вмѣсто того, чтобы оставить дерево въ покоѣ и мирно пастись вокругъ него, съ разбѣга бросился на него, такъ и вы бросились на Бога и міръ? Что вы скажете на это?

Бѣдный Янъ Гульдтъ нѣсколько минутъ тщетно рылся въ своей памяти, точно занесенной снѣгомъ; затѣмъ онъ медленно раскрылъ свою лѣвую руку, въ которой держалъ трубку, глубокомысленно осмотрѣлъ ладонь и своимъ беззвучнымъ голосомъ сказалъ:

— Здѣсь на рукѣ у меня четыре бѣлыхъ рубца. Я никогда не могъ вспомнить, откуда они у меня. Но приблизительно годъ тому назадъ, когда мы во Владивостокѣ грузили мѣха, лѣнивый староста грузчиковъ злилъ меня въ теченіе трехъ дней; на четвертый день я схватилъ его за шиворотъ;

тогда эти раны стали у меня болѣть. Такъ что, пожалуй, вы и правы.

И, снова посмотрѣвъ на свою ладонь, онъ нерѣшительно, точно обращаясь къ самому себѣ, сказалъ:

— Мнѣ теперь кажется, что тогда, когда я шелъ въ Лондонъ, онѣ были совсѣмъ свѣжія; мнѣ какъ будто помнится, что я сидѣлъ у бѣлой дороги и разсматривалъ ихъ.

Онъ опять поднялъ голову и сказалъ:

— Но что могли мнѣ сдѣлать тѣ, на которыхъ я такъ яростно набросился? Что это за старый капитанъ, что сидитъ съ другимъ старикомъ у костра передъ хижиной? И кто этотъ маленькій человѣкъ на верандѣ? И кто тѣ двое, которые были со мной и потомъ ушли въ церковь? Я ясно помню—я еще слышу звукъ его голоса,—какъ мальчикъ сказалъ: „церковь на Сильтѣ". И зачѣмъ-бы мнѣ было сталкиваться съ Богомъ, съ Богомъ, до котораго мнѣ нѣтъ никакого дѣла?

И онъ сдѣлалъ рукой такое движеніе, какъ будто отстранилъ отъ себя навязчиваго разнощика съ его ненужнымъ товаромъ.

Священникъ неодобрительно покачалъ своей широкой, честной головой; затѣмъ строго сказалъ:

— Я воздерживаюсь отъ сужденія о томъ, дѣйствительно-ли эти особы, противъ которыхъ была направлена ваша ярость, провинились передъ вами особенно; что касается послѣдняго, который въ моихъ глазахъ стоитъ выше всѣхъ человѣческихъ сужденій...

— Да, да,—сказалъ Янъ Гульдтъ,—простите, ваше преподобіе. Но скажите, не можете-ли вы мнѣ посовѣтовать, что мнѣ дѣлать, чтобы понемногу припомнить все?

И онъ быстрымъ движеніемъ провелъ своимъ краснымъ платкомъ по лбу, на которомъ подъ бѣлокурыми волосами стояли капли пота.

Пасторъ опять запыхтѣлъ трубкой, радуясь, что бесѣда покинула скользкую почву и переходитъ опять на твердую дорогу, по которой онъ ходилъ каждое воскресное утро. Онъ хорошенько затянулся и сказалъ:

— Когда я вижу человѣка слабаго, вялаго и лѣниваго, я говорю ему: ты долженъ держаться прямо и бодро, долженъ читать смѣлыя, воинственныя книги и водиться съ мужественными людьми. Но когда я вижу человѣка—и онъ посмотрѣлъ на тихое лицо Яна Гульдта, въ которомъ лишь уснула безудержная отвага—у котораго есть склонность закусить удила, на коихъ ведетъ насъ вѣчная Сила, и съ пѣной на губахъ бросаться очертя голову на устои жизни, я говорю ему: держись поближе къ деревьямъ, дѣтямъ и

женщинамъ и учись у нихъ добротѣ и кротости; и, какъ говорится въ Священномъ Писаніи, „смирись передъ могучей десницей Всевышняго“.

И онъ провелъ рукой по своему лбу и глазамъ, какъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать послѣ каждаго отрывка своей проповѣди.

Янъ Гульдтъ понялъ, что здѣсь ему больше нечего ждать, разсудительно кивнулъ головой, допилъ свой стаканъ и еще нѣсколько разъ молча кивнулъ головой. Затѣмъ онъ поблагодарилъ и ушелъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ взялъ себя въ руки и попытался быть ласковымъ и общительнымъ и согрѣть застывшую душу прелестью жизни. Онъ ходилъ по тихимъ дорожкамъ подъ деревьями, слушалъ птицъ и смотрѣлъ на игравшихъ дѣтей въ надеждѣ, что въ этихъ картинахъ ему явится его собственное дѣтство. Онъ также заговаривалъ съ женщинами, которыя могли быть въ одномъ возрастѣ съ его матерью, въ надеждѣ, что изъ-за ихъ плеча вдругъ выглянетъ лицо матери. Но онъ не могъ вспомнить ничего. Библейское-же изреченіе, на которое рекомендовалъ ему обратить вниманіе пасторъ, тоже не могло ему помочь, потому что онъ совершенно утратилъ способность понимать все могучее, какъ могучій гнѣвъ, могучій порывъ, могучую любовь.

Въ такомъ состояніи онъ, черезъ шесть лѣтъ послѣ того перелома, въ свѣтлый зимній день, въ первый разъ снова поднимался по Эльбѣ, теперь уже въ качествѣ перваго офицера корабля.

Въ своихъ хотя и неясныхъ размышленіяхъ о прошломъ, онъ принималъ во вниманіе и языки, которые понималъ. Сначала онъ думалъ, что съ дѣтства говорилъ по англійски, такъ какъ при своей теперешней флегматичности и неразговорчивости легко обходился съ помощью этого языка и даже думалъ на немъ. Къ тому же въ первые годы команда на пароходѣ состояла исключительно изъ англичанъ. Какъ-то разъ онъ услышалъ, какъ нѣсколько матросовъ говорили на Plattdeutsch, народномъ языкѣ Гамбургскаго побережья, и замѣтилъ, что понимаетъ ихъ. Но это не удивило его, такъ какъ это нарѣчіе можно услышать во всѣхъ концахъ свѣта, куда только заходятъ какія-нибудь суда. Но когда однажды онъ услышалъ въ какой-то американской гавани литературную нѣмецкую рѣчь и понялъ ее, ему показалось вѣроятнымъ, что онъ нѣмецъ. Поэтому онъ ѣхалъ въ Гамбургъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Но онъ проѣхалъ мимо Бланкенезе и Эвельгённе, надъ которыми носился легкій снѣжокъ, и не почувствовалъ

ничего; и увидѣлъ зеленыя башни и высокіе старые дома у гавани и не вспомнилъ ничего.

Тогда онъ въ холодъ, подъ рѣзкимъ восточнымъ вѣтромъ поѣхалъ на сѣверъ, несмотря на морозъ, благополучно добрался до острова Сильта, нашелъ церковь, которую смутно рисовала ему память, поговорилъ наединѣ съ молодымъ пасторомъ — и всю длинную зимнюю ночь просидѣлъ въ кейтумской церкви въ смутной надеждѣ увидѣть своихъ спутниковъ или хоть почувствовать ихъ присутствіе, или увидѣть и поймать здѣсь какой-нибудь другой маленькій обрывокъ своей исчезнувшей жизни. Но онъ сидѣлъ напрасно.

И когда на девятый день онъ ѣхалъ внизъ по Эльбѣ, берегъ Эвельгённе и Бланкенезе снова молчалъ, хотя теперь на его пескѣ и его деревьяхъ лежалъ золотой налетъ осени.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и въ его состояніи ничего не измѣнилось. Наконецъ, наступилъ седьмой годъ, который часто играетъ страшную таинственную роль въ физической и духовной жизни человѣка. И тутъ случилось одно за другимъ два происшествія.

„Альберта", капитаномъ которой онъ теперь былъ, стояла въ гавани Вальпарайсо и разгружалась. Наконецъ, работа была окончена, и вечеромъ они должны были отплыть. Въ это время подошелъ гамбургскій пароходъ и сталъ корма съ кормой рядомъ съ ними. Янъ Гульдтъ замѣтилъ, что капитанъ гамбургскаго парохода приглядывается къ нему, и что лицо его выражаетъ удивленіе. Но онъ не обратилъ на это особеннаго вниманія.

Когда онъ вечеромъ стоялъ на мостикѣ и измѣрялъ, какъ глубоко сидитъ судно въ водѣ, капитанъ гамбургскаго парохода тоже вышелъ на палубу, какъ будто собираясь дѣлать то же самое; увидѣвъ Яна Гульдта, онъ приподнялъ фуражку и сказалъ по англійски:

— Простите: не учились ли мы съ вами въ одной школѣ въ Бланкенезе, на Эльбѣ?

Янъ Гульдтъ смутился и робко покачалъ головой; тогда гамбуржецъ сказалъ:

— Извините; я былъ увѣренъ, что мы съ вами были когда-то знакомы.

Онъ опять приподнялъ свою фуражку и отошелъ.

Въ эту ночь капитанъ „Альберты" ходилъ взадъ и впередъ по мостику, все снова взадъ и впередъ — и думалъ: „Бланкенезе?! Бланкенезе?!" И онъ старался вызвать въ своей памяти весь гамбургскій берегъ, который видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. И ему казалось, что онъ видитъ вдали, въ сумракѣ и туманѣ, что-то, что какъ будто

знакомо ему— какъ видятъ въ туманѣ свѣтлый лоскутъ и не знаютъ, парусъ-ли то или стѣна тумана. Бланкенезе? Бланкенезе? Но какъ зорко ни вглядывался онъ во мракъ, онъ не могъ ничего разобрать, кромѣ развѣ мальчика, котораго мать выпускала изъ дверей, и который съ грифельной доской подъ мышкой плелся по дорожкѣ на гору.

Три мѣсяца спустя „Альберта" плыла вверхъ по Темзѣ, къ Лондону. Онъ разговаривалъ съ лоцманомъ и случайно увидѣлъ, что на берегу, на ровномъ песчаномъ мѣстѣ, сидитъ на опрокинутой лодкѣ молодой человѣкъ; онъ невольно еще разъ обернулся посмотрѣть на него, потомъ еще разъ, самъ удивляясь этому и думая: „что мнѣ за дѣло до этого молодого человѣка, который сидитъ на своей лодкѣ съ развѣвающимся шарфомъ на шеѣ!?". Въ это время изъ дома, недалеко отъ лодки, вышла дѣвушка лѣтъ пятнадцати, подошла къ юношѣ и подала ему что-то. Ему показалось, что это былъ хлѣбъ, и что она подала его, вытянувъ во всю длину руку, какъ будто юноша могъ укусить ее. Его точно молнія ударила, все его тѣло затрепетало, и въ внезапномъ, жгучемъ желаніи увидѣть больше—точно для того, чтобы отодвинуть въ сторону туманъ—онъ сталъ размахивать рукой, такъ что лоцманъ подумалъ, что на капитана напали осы. Но онъ увидѣлъ только то, что онъ когда-то, какъ этотъ юноша, сидѣлъ съ развѣвающимся шарфикомъ на лодкѣ, а дѣвушка протягивала ему хлѣбъ... Но онъ не зналъ, сестра-ли она была ему или невѣста, и мрачно смотрѣлъ на сѣрый туманъ, который и въ дѣйствительности стоялъ надъ Темзой.

Но послѣ этого событія у него появилось чувство, что туманъ какъ будто сталъ разсѣиваться, и онъ безсознательно жилъ въ тревожномъ ожиданіи, которое, когда наступилъ наконецъ моментъ, сдѣлало его способнымъ видѣть яснѣе.

И наконецъ, еще черезъ два года, наступила развязка.

„Альберта" посѣтила два незначительныхъ порта южной Испаніи, гдѣ взяла грузъ сѣрнаго колчедана. Затѣмъ она поплыла на сѣверъ, къ мѣсту своего назначенія, которымъ былъ Гамбургъ. Когда Бискайскій заливъ былъ почти позади, недалеко отъ канала, налетѣлъ штормъ. Судно было сильно нагружено и двигалось особенно тяжело, какъ это всегда бываетъ при грузѣ сѣрнаго колчедана; но опасности не было никакой, такъ какъ оно было крѣпко выстроено и хорошо содержалось.

Послѣ того, какъ въ борьбѣ съ бурей прошелъ часъ или два, на верхнюю палубу поднялись два матроса, чтобы получше укрѣпить одну изъ шлюпокъ. Сквозь тяжелый грохотъ моря

до него доносились иногда слова, которыя они кричали другъ другу.

Они говорили о разныхъ вещахъ, которыя не обращали на себя его вниманія. Затѣмъ онъ услышалъ, что одинъ изъ нихъ, нѣмецъ, заговорилъ о томъ, скоро-ли будетъ виденъ „Прусскій гренадеръ". Это выраженіе, которое гамбургскіе матросы употребляютъ для обозначенія разрисованнаго бѣлыми и черными полосами уэссанскаго маяка, странно взволновало его—какъ будто прозвенѣлъ забытый звукъ изъ старой пѣсни. Безсознательно для него самого имъ овладѣло мягкое, воспріимчивое настроеніе, въ которомъ былъ и страхъ.

Къ вечеру они увидѣли уэссанскій маякъ. По морю носились, сталкиваясь и разбиваясь одна о другую, яростныя волны; надъ ними необыкновенно широкими полосами носилась пѣна. Взошла луна.

Часамъ къ десяти вечера налетѣвшій валъ расшаталъ желѣзную лѣстницу, которая вела съ верхней палубы внизъ. Сейчасъ же послѣ этого второй офицеръ, высокій, тяжеловѣсный человѣкъ, спустился внизъ по лѣстницѣ. Такъ какъ палубу какъ разъ въ этотъ моментъ залила волна, то показалось на мгновеніе, будто онъ спускается прямо въ море. Яну Гульдту вдругъ пришло въ голову, что онъ уже видѣлъ разъ эту самую картину: такую же бурную лунную ночь, верхнюю палубу возлѣ шлюпки, и высокаго, тяжелаго человѣка, спускающагося съ лѣстницы прямо въ смерть, и маякъ у края ночного моря, и это былъ тоже, казалось ему, уэссанскій маякъ. Его охватилъ странный трепетъ, и отъ тягостнаго волненія онъ съ трудомъ дышалъ.

Въ это время на мостикъ опять поднялись оба матроса, американецъ и нѣмецъ, чтобы еще разъ привязать шлюпку, которой предстояло еще многое выдержать. Они перекликались между собой, и онъ услышалъ, какъ нѣмецъ громко и отрывисто, прерываемый грохотомъ и шумомъ въ природѣ, говорилъ: „Здѣсь десять или одиннадцать лѣтъ тому назадъ утонула...—имя поглотилъ шумъ налетѣвшаго вала.—Думали, что въ живыхъ.. не осталось... ни души... Но потомъ... представь себѣ... на Сильтѣ... въ Кейтумѣ, въ церкви... видѣли третьяго штурмана... Онъ просидѣлъ тамъ... цѣлую ночь... Онъ изъ Бланкенезе родомъ... Кончилъ мореходную школу въ Альтонѣ. Видно, онъ тогда отъ испуга сошелъ съ ума... иначе чего онъ прячется и блуждаетъ по свѣту? Говорятъ, что онъ былъ большой забіяка. Тѣ, кто зналъ его раньше, говорятъ еще иногда: „Я могу все, говоритъ Янъ Гульдтъ".

Онъ слышалъ это. Въ его душѣ все всколыхнулось; и

земля и небо колыхались тоже въ красномъ, бушующемъ туманѣ.

Въ этотъ моментъ налетѣла огромная волна и подкатилась къ самымъ его ногамъ, такъ что судно подъ нимъ какъ будто погрузилось въ воду. И вдругъ его душу пронизали сверкающія, пылающія молніи. Одна за другой, цѣлыми снопами, проносились онѣ и наполняли весь міръ своимъ свѣтомъ.

— Такъ стоялъ я... на гибнущемъ суднѣ... стоялъ въ бѣшеномъ гнѣвѣ.. Такая волна унесла меня въ море... Вѣчныя силы, скажите мнѣ... „Анна Гольманъ"!—вскричалъ онъ и, ослѣпленный яркимъ сіяніемъ, закрылъ глаза рукой.—Гольманы! Мой дѣдъ, ихъ злой холопъ! Боцманъ! Блѣдный мальчикъ! Гибель! Дикій, бѣшеный гнѣвъ! Несусь по морю, въ когтяхъ у смерти...

Второй офицеръ опять поднялся по лѣстницѣ, увидѣлъ его призрачно-блѣдное лицо и въ ужасѣ спросилъ: „Что случилось, капитанъ?" И онъ потрясъ его за плечо. Янъ Гульдтъ покачалъ головой и знакомъ приказалъ ему отойти. Онъ долго стоялъ и смотрѣлъ на море. Было еще только около полуночи... Но онъ смотрѣлъ въ ту сторону, надъ которой горѣли зарницы, и зажигалась заря.

XIV.

Между тѣмъ маленькая, худенькая Ева Геттъ въ одинъ печальный день вмѣстѣ со всей округой узнала, что „Анна Гольманъ" погибла въ Бискайскомъ заливѣ со всѣмъ, что было на ней. Не нашли ни одной шлюпки, ни одной уключины, ни одного круга, ни одного человѣка.

Когда эта вѣсть дошла до нея, она стояла у дверей своего дома. Она такъ сильно испугалась, что у нея захватило дыханіе, и подкосились колѣни. Когда она оправилась настолько, что могла подняться съ порога, она пошла въ свою комнату, заперла за собой дверь, легла на кровать и пролежала двадцать четыре часа. И, лежа такъ, она съ горькой радостью вспоминала его мужественное, суровое лицо и его пламенное высокомѣріе и гнѣвъ, и слезы непрерывно катились по ея вискамъ и смачивали подушку по обѣ стороны бѣлокурыхъ волосъ. Въ эти часы она такъ горячо, съ такой жгучей любовью рисовала себѣ его образъ, и рисовала его въ такихъ прекрасныхъ, яркихъ краскахъ, что онъ уже не могъ больше померкнуть въ ея душѣ, не могъ даже просто измѣниться. И эти часы безсознательно для нея самой, въ семнадцать лѣтъ опредѣлили всю ея жизнь.

Долговязый техникъ писалъ ей часто изъ политехникума и посылалъ ей открытки съ самыми удивительными видами: съ замками, которые, казалось, состояли изъ однихъ башенъ, съ скрещенными рапирами, съ уголками заглохшаго кладбища, съ извѣстнымъ комикомъ съ наклееннымъ большимъ носомъ, съ цѣлующимися голубками. Все это показывало, что душа техника способна къ самымъ различнымъ настроеніямъ. Она аккуратно отвѣчала ему всевозможными открытками, какія только могла найти между Куксгафеномъ и Гамбургомъ, и вѣжливыми словами: на разстояніи и на бумагѣ она изъ уваженія ко всякой письменности была всегда аккуратна и вѣжлива. Но когда затѣмъ онъ на каникулы пріѣхалъ домой и во время прогулки— это было ровно черезъ годъ послѣ той прогулки въ Шулау— снова лежалъ въ тѣни дубовой поросли, раскинувъ свои длинныя руки, онъ даже не посмѣлъ пригласить ее: такъ тихо и прекрасно было ея лицо. Въ душѣ ея жилъ Янъ Гульдтъ; она видѣла его и слышала его прекрасный, звучный голосъ. Онъ былъ такъ хорошъ со своими короткими рыжеватыми волосами, и такъ гордъ и независимъ, и его красный шарфикъ развѣвался, а голосъ такъ звонко смѣялся. Янъ Гульдтъ, сердце котораго уже не билось, все еще заставлялъ биться ея сердце. При этомъ она продолжала жить такъ, какъ жила раньше, принимала участіе во всѣхъ прогулкахъ клуба и танцовала зимой со всѣми молодыми штурманами, студентами и учениками и была всегда готова на всякую шалость.

Черезъ три года послѣ гибели „Анны Гольманъ"—ей шелъ уже двадцать первый годъ—за нее посватался первый офицеръ одного ганзейскаго парохода, статный и дѣльный человѣкъ, сынъ лоцмана, а когда ей исполнилось двадцать два года, его другъ, который былъ не хуже его. Но она отказала обоимъ, не колеблясь ни минуты, хотя оба они къ тому же еще умѣли хорошо управлять парусомъ и были задорные и веселые молодые люди.

Карлъ Крегеръ, который зналъ объ этомъ и, какъ мужчина, не могъ понять ея поведенія, отвелъ ее разъ въ сторону и, наморщивъ лобъ и строго глядя на нее, спросилъ: чего она собственно хочетъ? Ужъ не хочетъ ли она быть иной, чѣмъ всѣ остальные люди? Или она думаетъ, что сможетъ всю жизнь обходиться безъ мужской любви? Подъ конецъ онъ даже съ гнѣвомъ, отъ котораго округлились его глаза, спросилъ, что будетъ съ отечествомъ, если самыя лучшія и красивыя дѣвушки не захотятъ быть матерями?

Но она только смотрѣла на него своими зеленоватыми глазами и говорила:

— Я не могу, Карлъ Крегеръ; повѣрь мнѣ, что я не могу. Это совершенно невозможно.

Для такихъ удивительныхъ вещей, какъ поцѣлуи, ласки и свадьба, оба ганзейца казались ей совершенно неподходящими; для этого подходилъ бы одинъ Янъ Гульдтъ.

Такъ незамѣтно исполнилось ей двадцать пять лѣтъ, и она была все такая же худенькая и тоненькая и все также, когда сидѣла въ лодкѣ, казалась замерзшей и также, съ прежней живостью, поворачивала тонкую шею, чтобы посмотрѣть, не обгоняютъ ли ихъ товарищи въ сосѣднихъ шлюпкахъ, и чтобы позлить ихъ звонкими окриками. Но мало-по-малу, такъ какъ она знала другой полъ только въ воспоминаніи о Янѣ Гульдтѣ, и такимъ образомъ цѣлая половина жизни была закрыта для нея, ея шалости и рѣчи и всѣ манеры пріобрѣли что-то жеманное, что размашистая и немного грубоватая молодежь сейчасъ же почувствовала. И разъ или два ей, со всей вѣжливостью и деликатностью, дали понять, что здѣсь жеманности не мѣсто. Она спокойно выслушала намекъ; но она поняла, что ея время прошло, и отдалилась отъ молодежи. Она вела хозяйство своего отца, часто каталась одна, иногда на веслахъ, иногда подъ парусомъ, и заботилась о маленькихъ дѣтяхъ одной бѣдной вдовы, которая должна была уходить на работу. Съ ними она обращалась ласково, но въ то же время держала ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Такъ жила она, и была вполнѣ счастлива и не жаловалась ни на что. Она не думала: „Какъ жаль, что никто другой не учитъ меня любви и жизни! Какъ жаль, что Янъ Гульдтъ умеръ!“ Она думала: „Какъ красивъ и прелестенъ былъ Янъ Гульдтъ! Какъ развѣвался красный шарфикъ вокругъ его шеи! Какъ смѣлъ и гнѣвенъ былъ онъ!“ И продолжала любить человѣка, который одинъ во всемъ обширномъ мірѣ подходилъ къ ея душѣ. И праздновала въ своей нѣжной дѣвичьей душѣ обрученіе съ мертвымъ Яномъ Гульдтомъ.

Такъ прошло десять лѣтъ со времени гибели „Анны Гольманъ“. И вотъ однажды, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, вернулся изъ Китая молодой штурманъ, родители котораго жили въ сосѣднемъ домѣ. Онъ слонялся по цѣлымъ днямъ по берегу и отъ скуки заходилъ поболтать къ сосѣдямъ. Зашелъ онъ какъ-то разъ и къ ней въ кухню, когда она стояла у плиты и пекла печенія. Онъ нѣсколько времени задумчиво смотрѣлъ на нее, разсказалъ ей, что теперь онъ понимаетъ, какъ неправильно дѣлалъ онъ все когда-то юнгой на шкунѣ своего отца, и затѣмъ сказалъ:

— Скажите, фрейлейнъ Геттъ, вы еще помните ученика мореходной школы, нѣкоего Гульдта, который лѣтъ десять

тому назадъ работалъ здѣсь на верфи у Бруна, потому что у него не было денегъ? По воскресеньямъ онъ сидѣлъ со своимъ краснымъ шарфикомъ на баркасѣ Руди Клея и заглушалъ голодъ тѣмъ, что швырялъ въ сваи камни. Потомъ онъ уѣхалъ на гольмановскомъ суднѣ и не вернулся?

Она сняла сковороду съ огня и сѣла на скамью у плиты: когда такъ внезапно передъ ней, такъ внезапно, такъ спокойно и громко произнесли имя, которымъ она жила, у нея вдругъ отнялись ноги, и захватило дыханіе. Она съ трудомъ отвѣтила. Да, она помнитъ Яна Гульдта. Что онъ хочетъ разсказать о немъ? И она посмотрѣла на него въ невыразимомъ смятеніи.

— Да,—сказалъ словоохотливый штурманъ:—Года четыре тому назадъ, передъ отъѣздомъ въ Китай, я поѣхалъ навѣстить моего дядю, который живетъ на Сильтѣ, въ приходѣ Кейтумъ. Тамъ я въ сумерки пошелъ съ нимъ на кладбище, на могилу его жены. Это было зимой, дулъ рѣзкій восточный вѣтеръ, а надъ могилами носился снѣгъ. Вдругъ на дорожкѣ показался пасторъ съ какимъ-то человѣкомъ, въ которомъ я уже издали, несмотря на сумерки, узналъ англійскаго флотскаго офицера. Когда же они подошли поближе, я совершенно ясно увидѣлъ Яна Гульдта. Совершенно ясно! Такъ ясно, что мнѣ стало не по себѣ. Его вѣдь можно было легко узнать—вы должны признать это—по его лицу и походкѣ. Вѣдь онъ умеръ, подумалъ я, какъ же я его вижу здѣсь?.. На слѣдующій день я спросилъ причетника, кто такой былъ этотъ пріѣзжій; но онъ не зналъ ни его имени, ни откуда онъ пріѣхалъ, и вообще не хотѣлъ ничего разсказывать. Но это вызвало въ насъ только еще большее любопытство. И въ концѣ концовъ намъ удалось узнать, что пріѣзжій провелъ ночь въ церкви... цѣлую длинную, холодную зимнюю ночь. Когда на слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, пасторъ пришелъ въ церковь, онъ сидѣлъ на послѣдней скамьѣ. Лицо у него было тихое и безнадежное. Онъ всталъ и пошелъ съ пасторомъ. Потомъ онъ у пастора позавтракалъ и сейчасъ же уѣхалъ.

Ева Геттъ сидѣла молча, опустивъ руки на колѣни и низко наклонивъ голову, и стараясь успокоить свое колотившееся сердце. Наконецъ, она настолько справилась съ собою, что могла сказать:

— И вы думаете, что это былъ Янъ Гульдтъ?

Штурманъ покачалъ головой и сказалъ:

— Этого я не говорю. Вѣдь онъ погибъ тогда, при крушеніи „Анны Гольманъ“. И потомъ въ этомъ человѣкѣ было что-то непохожее на Гульдта. Вы вѣдь знаете, что у Гульдта въ походкѣ было что-то высокомѣрное, что-то за-

дорное, и въ голосѣ тоже. У человѣка, который шелъ рядомъ съ пасторомъ, всего этого не было. Онъ держался какъ-то неподвижно, а голосъ у него былъ беззвучный и монотонный.

Она сидѣла молча, еще ниже опустивъ голову, и съ трудомъ дышала. Отъ сердца къ горлу у нея ползли страхъ и тоска, и грудь ея сжималась. Что сказалъ этотъ человѣкъ? Что онъ, можетъ быть, живъ? Что онъ уже не держится побѣдоносно, какъ прежде? Что у него уже нѣтъ задорной походки? Нѣтъ милаго голоса? И высокомѣрія, пожалуй, тоже нѣтъ? И дикаго гнѣва тоже? Но тогда вѣдь онъ не Янъ Гульдтъ? Какая мука!

Штурманъ все еще стоялъ и толковалъ о томъ, почему это всетаки былъ не Янъ Гульдтъ. Но такъ какъ она сидѣла съ такимъ видомъ, какъ будто вдругъ ослѣпла и оглохла онъ оставилъ ее и пошелъ въ слѣдующій домъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ она жила въ тревожной и мучительной неувѣренности: то въ тайной, ярко вспыхивающей радости, что онъ, можетъ быть, живъ, то въ внезапномъ, жгучемъ страхѣ, что онъ сталъ такимъ, какимъ его описывалъ штурманъ: утратилъ всю свою красоту, блескъ и отвагу; то въ прежнемъ блаженномъ сознаніи, что онъ умеръ, но принадлежитъ ей.

И вотъ однажды, въ свѣтлый октябрьскій день, къ ней зашелъ Карлъ Крегеръ, который уже обзавелся женой и дѣтьми и былъ лоцманомъ, какъ и его отецъ. Она стояла передъ домомъ и старалась предугадать погоду, за которой все еще внимательно слѣдила, хотя выѣзжала теперь очень рѣдко. Онъ остановился, поднялъ кверху руки и сказалъ:

— Представь себѣ, Ева! Представь себѣ, что я слышалъ! На дняхъ я привелъ сюда одинъ пароходъ компаніи „Космосъ". Разговорились мы съ капитаномъ, котораго я знаю съ дѣтства—мы не видѣлись уже нѣсколько лѣтъ, вдругъ онъ ударяетъ меня по плечу и говоритъ:

— А теперь я разскажу тебѣ кое-что такое удивительное, что ты и не повѣришь.

Ева Геттъ поблѣднѣла, какъ мѣлъ, опустилась на порогъ, на которомъ стояла,—ноги больше не держали ея,—и пошевелила рукой.

Карлъ Крегеръ растерянно смотрѣлъ на нее большими, круглыми глазами.

— Что съ тобой, Ева?—сказалъ онъ.—Я еще ничего не разсказалъ, а ты...

Она нѣсколько разъ судорожно глотнула,—затѣмъ сказала, какъ ребенокъ, который учится говорить;

— Послушай, Карлъ Крегеръ... Ты знаешь, что разска-

зываетъ молодой человѣкъ, у котораго родственники въ Кейтумѣ: что будто бы онъ видѣлъ его?

Карлъ Крегеръ сильно испугался, такъ какъ вдругъ понялъ, какъ обстояло съ ней дѣло: что всѣ эти годы она безумно любила Яна Гульдта и изъ-за него не вышла замужъ. Онъ сильно испугался и смущенно, запинаясь, сказалъ:

— Ахъ, молодой человѣкъ, у котораго родственники на Сильтѣ... Онъ просто болтунъ, Ева. Вѣдь мы знаемъ, что онъ умеръ.

Она посмотрѣла на него широко раскрытыми глазами и сказала:

— Мы не были, Карлъ Крегеръ, при томъ, какъ его хоронили,—сдѣлали ли это люди или море... Что разсказалъ о Янѣ Гульдтѣ капитанъ того парохода?

Карлъ Крегеръ хотѣлъ уклониться, такъ какъ она со своимъ страннымъ страхомъ въ глазахъ—почему она не была внѣ себя отъ радости?—казалось ему непонятной и почти пугала его. Онъ сказалъ:

— Ты вѣдь вовсе не знаешь, что онъ разсказывалъ именно о Янѣ Гульдтѣ... И чего только не болтаютъ люди!

Она опять посмотрѣла на него, слегка подняла руку и сказала:

— Ты долженъ разсказать мнѣ все подробно и откровенно, Карлъ; въ особенности, какой у него видъ.

— Хорошо,—съ сокрушеніемъ сказалъ Карлъ Крегеръ;—такъ вотъ, онъ сказалъ:—ты помнишь Яна Гульдта, который погибъ на гольмановскомъ суднѣ, кажется, на „Аннѣ Гольманъ"? Я отвѣтилъ: „Какъ мнѣ не помнить! Онъ былъ мой лучшій другъ! Не проходитъ и недѣли, чтобы я не вспомнилъ о немъ". Ну,—говоритъ онъ,—представь себѣ! Полгода тому назадъ мы какъ-то зашли въ Вальпарайсо и стали бортъ о бортъ съ большимъ англійскимъ пароходомъ, который долженъ былъ въ тотъ-же вечеръ опять уйти въ море. Я, по своему обыкновенію, стою и посматриваю на сосѣда, какъ онъ построенъ и какой у него экипажъ. Въ это время на палубу выходитъ капитанъ. Я смотрю на него, смотрю еще разъ... смотрю, какъ онъ ходитъ и какъ онъ выбиваетъ трубку, ударяя по ней три раза вытянутымъ указательнымъ пальцемъ, и думаю: да вѣдь это Гульдтъ, который ходилъ со мной одинъ годъ въ Бланкенезе въ школу, а потомъ кончилъ мореходную школу? Ты можешь себѣ представить, что за чувство было у меня. Я не рѣшался заговорить съ нимъ, такъ какъ онъ смотрѣлъ на меня совсѣмъ чужими глазами. И потомъ онъ держался такъ прямо и неподвижно, а въ голосѣ его было что-то равнодушное, это совсѣмъ не

былъ голосъ Яна Гульдта. Но когда онъ черезъ нѣкоторое время опять пришелъ на корму, я поклонился ему и спросилъ, не учился ли онъ со мной въ школѣ въ Бланкенезе. Но онъ покачалъ головой, равнодушнымъ голосомъ назвалъ какое-то англійское имя и ушелъ. Бываютъ иногда сходства,—прибавилъ онъ, но это ужъ слишкомъ большое сходство... На названіе судна онъ въ своемъ волненіи не обратилъ вниманія.

На узенькомъ личикѣ Евы Геттъ были видны только огромные, пронзительные, тревожные глаза.

— Что-же ты скажешь?

Карлъ Крегеръ спокойно и рѣшительно отвѣтилъ:

— Я сказалъ ему:—ты ошибся, дружище! Подумай самъ вѣдь какія-бы ужасныя вещи ни пришлось пережить человѣку и какъ-бы онъ ни измѣнился, какъ это возможно чтобы онъ потерялъ свою походку? Онъ вѣдь, помнишь, ходилъ такъ, точно спускался съ горы? Или чтобы онъ потерялъ свою смѣлость? Испугался-ли бы Янъ Гульдтъ Бога, или самого дьявола? Или чтобы онъ потерялъ свой голосъ? Можемъ-ли мы забыть его? Такихъ вещей не теряютъ.

— Правда, правда,—сказала она, и радость и успокоеніе выразились въ ея еще тревожныхъ глазахъ.

Карлъ Крегеръ не понялъ ея и удивился. Она радуется,—подумалъ онъ,—что онъ мертвъ. Но въ то же время онъ подумалъ:—попробуй-ка разгадать женское сердце, а особенно сердце Евы Геттъ, и сказалъ:

— Надо думать, что существуетъ англійскій морякъ, похожій на него. Вотъ и все... Скажи мнѣ,—заикаясь сказалъ онъ, такъ какъ ему все-таки хотѣлось понять, что въ ней происходитъ:—ты не можешь забыть его?

Она посмотрѣла на него глазами, которые утратили нѣжный блескъ юности и пріобрѣли ясность, нѣсколько рѣзкую,—и счастливо засмѣялась ему въ лицо.

— Нѣтъ,—сказала она, и покачала головой, радуясь, что нѣтъ на свѣтѣ безнадежнаго, беззвучнаго, неподвижнаго живого Яна Гульдта, который могъ бы разрушить прекрасный образъ, наполнявшій блаженствомъ ея жизнь.

Карлъ Крегеръ покачалъ головой и, не смѣя ничего сказать, повернулся и ушелъ.

Ева Геттъ вошла въ домъ и прошла къ себѣ. Здѣсь круглый преддиванный столъ, изъ-за уборки, отодвинутый отъ дивана, стоя среди комнаты, точно говорилъ:—Потанцуй вокругъ меня! Она минуту прислушивалась, посмотрѣла въ окно, не идетъ ли кто-нибудь мимо—тротуаръ проходилъ подъ самымъ окномъ—и принялась кружиться по комнатѣ,

тихо и немного жеманно поворачивая свою тоненькую фигурку, а въ душѣ у нея пѣло:

— Янъ Гульдтъ... какъ хорошъ ты и какъ смѣлъ... ты сильный, гордый и самый смѣлый изъ всѣхъ. Кто можетъ сравниться съ тобой! Правда, ты мертвъ... когда-то ты былъ моимъ... и не смотрѣлъ ни на какую другую дѣвушку... и ты остался моимъ. Другіе не любятъ больше другъ друга... они говорятъ другъ съ другомъ равнодушнымъ голосомъ и ссорятся... но мы сидимъ другъ противъ друга... и проходимъ другъ мимо друга... и смотримъ другъ на друга счастливыми глазами.

Затѣмъ она съ тихими, серьезными глазами, въ которыхъ еще отражалось тайное счастье, немного жеманная и чопорная, принялась за свою ежедневную домашнюю работу.

XV.

Недѣлю спустя надъ устьемъ Эльбы бушевалъ одинъ изъ тѣхъ сѣверо-западныхъ вихрей, которые налетаютъ съ такой силой, какъ будто хотятъ пронестись по всему Сѣверному морю до Гамбурга и опрокинуть дома и башни Гамбурга. На слѣдующій день вернувшіеся лоцманы сообщили, что большой англійскій пароходъ, которому изъ-за бури не удалось получить лоцмана, сидитъ на мели у Шаргерна. На третій день въ газетахъ появилось сообщеніе, что капитанъ съ большимъ спокойствіемъ и осмотрительностью руководитъ работами по освобожденію судна. На четвертую ночь еще дулъ сильный вѣтеръ, и шелъ дождь—снятый съ мели пароходъ, „Альберта“ изъ Лондона, вошелъ въ Эльбу.

Въ Брунсбюттелѣ по штурмовой лѣстницѣ поднялся лоцманъ Крегеръ, взошелъ на мостикъ и поклонился капитану, худому и немного сгорбленному человѣку, который стоялъ впереди въ тѣни, и сейчасъ-же сошелъ внизъ.

Карлъ Крегеръ вступилъ въ бесѣду съ первымъ офицеромъ, и тотъ подробно разсказалъ ему объ аваріи и о томъ, какъ они три ночи не спали и добились того, что сняли судно съ мели. Была еще ночь, но уже близилось утро, когда капитанъ опять поднялся наверхъ и сталъ въ концѣ мостика, видимо, очень усталый. Лоцману пришло въ голову крикнуть ему, чтобы онъ пошелъ спать, они ужъ сами доведутъ судно въ цѣлости и сохранности; но онъ сейчасъ же забылъ объ этомъ своемъ намѣреніи.

Наконецъ, стало медленно свѣтать. И когда стало немного свѣтлѣе, капитанъ нагнулся впередъ и сталъ вглядываться въ лежавшую во мглѣ и туманѣ землю, точно ожидая, что

сейчасъ покажутся высоты Шулау. Карлъ Крегеръ удивился, всмотрѣлся въ него внимательнѣе заговорилъ съ нимъ о чемъ-то и получилъ отвѣтъ. Движеніе, которымъ капитанъ повернулъ къ нему голову, поразило его, и онъ подумалъ: „Ужъ не тотъ ли это самый, который такъ похожъ на покойнаго Яна Гульдта“? И онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать, чтобы стало свѣтло, и онъ могъ увидѣть его яснѣе.

Но когда затѣмъ въ туманѣ и дождѣ смутно вырисовывались бѣловатыя высоты, и капитанъ, подавшись впередъ, застылъ безъ движенія, какъ человѣкъ, который послѣ долгаго отсутствія ищетъ вдали, въ туманѣ, свой родной домъ и находитъ его, и вглядывается въ него, тогда по всему тѣлу Карла Крегера, до самой макушки, пробѣжалъ ужасъ. Онъ немного откинулся назадъ, и посмотрѣлъ на него. И, посмотрѣвъ, испугался до глубины души и вздрогнулъ какъ отъ удара, потому что понялъ, кто стоитъ возлѣ него. Еще разъ посмотрѣлъ Карлъ Крегеръ на стоявшаго рядомъ съ нимъ человѣка и узналъ его окончательно. Но онъ не сказалъ ни слова.

Такъ онъ простоялъ нѣсколько минутъ, повернувъ голову въ его сторону, потому что не могъ оторвать глазъ отъ лица своего любимаго друга. Тогда и Янъ Гульдтъ узналъ его и понялъ, кто это стоитъ возлѣ него и такъ смотритъ на него.

Но и онъ не сказалъ ни слова.

Они стояли молча другъ возлѣ друга и не смотрѣли другъ на друга. И оба они плакали,—Янъ Гульдтъ оттого, что вернулся домой послѣ такихъ событій и въ такомъ видѣ, Карлъ Крегеръ оттого, что такъ исчезли красота и мужество. Но имъ обоимъ удалось скрыть это, потому что вѣтеръ, дувшій сбоку, гналъ дождь имъ въ лицо.

У Бланкенезе глаза вернувшагося скитальца медленно скользнули вдоль берега и долго искали соломенную крышу материнскаго домика, котораго уже не существовало. Въ Эвельгённе они точно также скользили отъ дома къ дому, пока не остановились на домѣ Евы Геттъ.

Часъ спустя, они бросили якорь въ Ганзейской гавани. Тогда Янъ Гульдтъ попросилъ своего друга зайти къ нему въ каюту, сказавъ беззвучнымъ голосомъ:

— Одно слово лоцманъ.

Въ простой коричневой каютѣ онъ подалъ ему руку и спокойнымъ, тихимъ голосомъ человѣка, котораго знойные лѣтніе дни и бурныя грозовыя ночи сдѣлали зрѣлымъ, состарили и усмирили, но все-же съ жадностью началъ разспрашивать его обо всемъ: о домѣ своей матери и о ея могилѣ, о Евѣ Геттъ и корабельномъ мастерѣ, о Километрѣ и маленькомъ Маэстро и о другихъ старыхъ знакомыхъ. Онъ

спросилъ также, спасся-ли съ „Анны Гольманъ" еще кто-нибудь кромѣ него; спросилъ и о Гольманахъ.

Карлъ Крегеръ отвѣтилъ на всѣ вопросы, какъ умѣлъ. О Евѣ Геттъ онъ сказалъ, что тогда, на той прогулкѣ, она была совершенно невинна, что когда онъ, Янъ Гульдтъ, убѣжалъ оттуда, она впала въ такое неистовство, что они боялись за ея разсудокъ, и что потомъ она не вышла замужъ, несомнѣнно изъ любви къ нему. Но что во всѣ эти годы и до нынѣшняго дня она нисколько не производила впечатлѣнія несчастнаго человѣка; наоборотъ, въ ней всегда чувствовалась какая-то странно-спокойная и тихая, но открытая радость, точно у дерева, которое тоже не говоритъ, но стоитъ у самой дороги, въ полномъ цвѣту, и смотритъ на все... Несомнѣнно, она больше не думаетъ о любви. О Гольманахъ онъ разсказалъ, что въ фирмѣ больше нѣтъ никого ихъ крови, такъ какъ они изъ скупости дали изсякнуть источнику жизни, и когда смерть начала обходить ихъ, то скоро изъ нихъ не осталось ни одного. Хозяйничаетъ же фирма теперь совсѣмъ иначе. Такъ стоялъ Карлъ Крегеръ и отвѣчалъ, и все еще не смѣлъ поставить вопроса, который горѣлъ въ его душѣ: „Какъ ты спасся? Что тебѣ нужно было въ кейтумской церкви? Почему ты носишь другое имя? Гдѣ твоя сила и твой задоръ, которые мы такъ любили?" Но подъ конецъ онъ рѣшился сдѣлать намекъ въ этомъ направленіи, осторожно и съ большой добротой, какъ могъ бы спросить братъ у своего любимаго брата о годахъ его безумія.

Янъ Гульдтъ опустилъ глаза, и яркій румянецъ залилъ его худое, рано постарѣвшее лицо.

— Меня тогда,—запинаясь сказалъ онъ,—подобрали рыбаки. Я былъ полумертвый, былъ тяжело боленъ или не въ своемъ умѣ, или гдѣ-то далеко... я не знаю, и послѣ того долгіе годы жилъ точно въ полуснѣ, забывъ свое имя и все прошлое. Я не люблю объ этомъ говорить; да это и ни къ чему. Теперь я выздоровѣлъ настолько, насколько это возможно послѣ такой тяжелой болѣзни и такого ужаснаго состоянія, которое прекратилось только мѣсяцъ тому назадъ. Пожалуйста, ни говори обо мнѣ ни съ Евой Геттъ, ни вообще съ кѣмъ-бы то ни было. Зачѣмъ мнѣ нарушать миръ, въ которомъ она, какъ ты говоришь, живетъ, и становиться предметомъ людскихъ толковъ?

Карлъ Крегеръ подумалъ о томъ, что было когда-то, и не могъ узнать въ вернувшемся того, прежняго. Онъ подавленно и уныло сказалъ:

— Ты былъ прежде такой человѣкъ... Ты не боялся ни Бога, ни людей.

Янъ Гульдтъ всталъ и сдѣлалъ движеніе, говорившее: Бога ради... молчи объ этомъ! Затѣмъ онъ беззвучнымъ голосомъ сказалъ, что у него сейчасъ много работы, а потомъ ему надо будетъ прилечь; онъ прибавилъ, что останется въ гавани приблизительно недѣлю и будетъ радъ увидѣть своего стараго друга еще разъ. Онъ сказалъ это, какъ и все предыдущее, не недружелюбнымъ, но усталымъ и сухимъ тономъ.

И Карлъ Крегеръ ушелъ отъ него притихшій, съ тяжелымъ ощущеніемъ, что въ человѣкѣ, котораго онъ любилъ больше всѣхъ, умерла всякая гордость, всякая радость, даже простое чувство и способность къ дружбѣ.

Янъ Гульдтъ занимался весь день своей обычной работой, но все услышанное преслѣдовало его, а родныя мѣста угнетали. Родина точно говорила ему:

— За что ты сердишься на меня? Развѣ я причинила тебѣ зло? Я твореніе Господа, какъ и ты, и страдаю вмѣстѣ съ тобой. Положи свое горе въ мои руки, какъ въ руки матери.

И мало-по-малу ему стало казаться, что Ева Геттъ призываетъ его, и что она имѣетъ право узнать все о его судьбѣ. Когда начало смеркаться, онъ сошелъ съ парохода и поѣхалъ въ Альтону, а оттуда прошелъ пѣшкомъ въ Эвельгённе и дошелъ до дома Евы Геттъ. Были уже сумерки.

Онъ прошелъ мимо и прислонился нѣсколькими домами дальше къ забору. Событія послѣднихъ дней и безсонныя ночи не могли не утомить его. Несмотря на все волненіе, въ которое привелъ его этотъ знакомый путь, онъ почувствовалъ себя вдругъ такимъ усталымъ, что впалъ въ какую-то полудремоту, и голова его опустилась на грудь. Онъ стоялъ, и голова его опускалась все ниже, и онъ думалъ:

— Постою здѣсь минутку, и пойду опять на пароходъ.

Ева Геттъ сидѣла у окна за своими цвѣтами, и передъ глазами у нея по обыкновенію стоялъ смѣлый юный Янъ Гульдтъ со своимъ краснымъ шарфикомъ. Но все-таки она замѣтила странную, устало ищущую фигуру прохожаго, его тусклые глаза, устремленные на ея дверь, и почувствовала, кто это прошелъ. Она хотѣла встать, и не могла подняться; она положила голову, въ которой уже виднѣлось нѣсколько прядей сѣдыхъ волосъ на столъ, и во второй разъ въ своей жизни лишилась чувствъ. Такъ лежала она нѣсколько минутъ. Онъ же въ это время стоялъ въ дремотѣ, прислонившись къ забору.

Наконецъ, она съ глубокимъ вздохомъ очнулась и сейчасъ же стала искать его глазами. Она долго съ дрожащими колѣнями и прерывающимся дыханіемъ стояла за дверью и

смотрѣла на него. Потомъ, увѣрившись, что это онъ, она тихо открыла дверь, подошла къ нему и попыталась что-то сказать, но не могла, и коснулась его рукой. Онъ поднялъ глаза, посмотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ на призрака, и послѣдовалъ за нею, какъ слѣдуютъ за призракомъ.

Они вошли въ домъ, она заперла дверь на задвижку и ввела его въ полутемную низкую комнату, указала ему на большое кресло, стоявшее здѣсь еще со временъ ея отца, сѣла у стола напротивъ него, скорбными глазами оглядѣла его надломленную фигуру и повторила два раза торопливымъ хриплымъ голосомъ:

— Разсказывай, Янъ Гульдтъ! Разсказывай, Янъ Гульдтъ!

У него вдругъ явилось чувство, что она не только Ева Геттъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его мать: вѣдь его мать тоже называла его полнымъ именемъ и тоже произносила эти два слова такъ торопливо. Онъ выпрямился въ своемъ креслѣ и, запинаясь, неумѣло разсказалъ ей все, что пережилъ со времени своего ухода; и онъ обнажилъ передъ ней всю свою душу, потому что ему въ его безмѣрной усталости и странно взволнованномъ душевномъ состоянiи все еще чудилось, что, конечно, это—Ева Геттъ, но въ то же время и его покойная мать или же ангелъ Господень: а вѣдь матери и ангелу можно сказать все. И онъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ Гольманами на пристани въ Бланкенезе и на эвельгёнскомъ шоссе, потомъ о своей любви къ Евѣ Геттъ и о своемъ отчаянiи на песчаномъ полѣ; затѣмъ о прежнихъ рейсахъ „Анны Гольманъ" подъ управленiемъ стараго, злого Яна Гульдта, о боцманѣ и о юномъ пассажирѣ; о томъ, какъ налетѣлъ штормъ, и пришла смерть; и какъ онъ со своими двумя спутниками пустился въ путь, до самыхъ вратъ Господнихъ; онъ разсказалъ ей о своемъ спасенiи и о многолѣтнемъ состоянiи отупѣнiя и о тяжеломъ пробужденiи. Затѣмъ онъ чинно и безъ горечи сказалъ:

— Я вошелъ въ жизнь, совсѣмъ не зная ея, въ убѣжденiи, что она должна быть такой, какой была въ моихъ представленiяхъ, унаслѣдованныхъ мной отъ моихъ предковъ: стараго бѣшенаго Яна Гульдта, гольмановскаго капитана, и одинокихъ, честныхъ чудаковъ въ Эцерскомъ болотѣ. Я всегда стоялъ за справедливость, вѣрность, порядокъ, стоялъ горячо, и думалъ, что всѣ люди такiе же или могутъ и должны стать такими, и воображалъ, что Богъ слѣдитъ за этимъ, какъ хорошая хозяйка за своими слугами или за горшками въ своей кухнѣ. Но мнѣ пришлось узнать, что люди идутъ своимъ собственнымъ путемъ, и Богъ не препятствуетъ имъ. Видѣть это было мнѣ очень тяжело, понять же этого я не могъ никакъ. Потому-то все и кон-

чилось такъ ужасно. Въ концѣ концовъ, я думаю, всѣ горячіе и хорошіе люди должны пережить то, что пережилъ я; но мнѣ это было особенно тяжело и кончилось слишкомъ плохо... Наши предки справлялись съ этимъ легче. Они жили болѣе одиноко и не сталкивались такъ съ людьми; у нихъ какъ будто были закрыты глаза, и они не видѣли несправедливости и не шли противъ Бога. Мы же видимъ всѣ несправедливости людскія и Божьи и всѣ недочеты жизни и мучимся этимъ. Богъ какъ будто отошелъ отъ насъ дальше, сталъ намъ болѣе чуждымъ, онъ какъ-будто рѣшилъ заставить насъ внимательно всмотрѣться въ міръ, въ Гольмановъ и во все остальное; онъ какъ будто хочетъ отдать міръ намъ, въ наше распоряженіе и на нашу отвѣтственность. И эта перемѣна такъ велика, что мы для того должны стать почти новыми существами. Во мнѣ это новое существо еще не созрѣло и, вѣроятно, и не созрѣетъ. Я былъ такъ спокоенъ и такъ радъ, что Богъ ведетъ меня за руку, и теперь я не могу идти одинъ, какъ это дѣлаютъ многіе люди. Я какъ будто шатаюсь, нетвердо держусь на ногахъ, точно послѣ паденія или тяжелой болѣзни.

Послѣднія фразы онъ произнесъ уже почти сквозь сонъ. Это, очевидно, были слова, которыми онъ обычно объяснялъ себѣ самому свою странную, горячую жизнь и свое теперешнее состояніе невѣрія. Высказавъ до конца эти мысли, менѣе плавно и опредѣленно, чѣмъ онѣ переданы здѣсь, онъ тяжело уперся обѣими руками въ ручки кресла, наклонилъ голову и заснулъ, какъ человѣкъ, котораго сонныя видѣнія оставили наконецъ въ покоѣ, и который погружается въ глубокій, спокойный сонъ. Такъ спалъ онъ долго, какъ мертвый.

Она внимательно слушала и переживала вмѣстѣ съ нимъ все, о чемъ онъ говорилъ; но наряду съ этимъ въ ея головѣ все время, точно старая, безобразная женщина, съ дикими криками разбрасывающая горящія головешки, носилась мысль:

— Гдѣ мой Янъ Гульдтъ? Гдѣ мой Янъ Гульдтъ? Какъ счастлива я была! Что мнѣ этотъ человѣкъ, безъ огня въ глазахъ, въ голосѣ и въ сердцѣ, безъ Бога? Это просто старый знакомый, навѣстившій меня, да и то нѣтъ: вѣдь я говорила съ нимъ какихъ-нибудь полчаса въ своей жизни.

Съ такими мыслями слушала она его разсказъ, все время тихо и прерывисто плача, и продолжала плакать, когда онъ замолкъ.

Замѣтивъ, наконецъ, что онъ спитъ, она перегнулась черезъ столъ, стараясь получше разсмотрѣть его лицо: можетъ быть, это все-таки тотъ юный Янъ Гульдтъ, котораго

она любила больше всего на свѣтѣ. Такъ какъ въ комнатѣ было уже совершенно темно, и она не могла видѣть его лица, она безшумно встала, тихо опустила шторы, принесла спички и зажгла висячую лампу—все это легкими, безшумными движеніями и съ той же аккуратностью, съ какой вела все свое чистенькое маленькое хозяйство. Затѣмъ она опять сѣла на стулъ и нагнулась еще ниже. Но и теперь она не могла разглядѣть его лица, такъ какъ голова его опустилась на грудь. Тогда она тихонько соскользнула со стула на колѣни и заглянула въ его лицо. Она увидѣла рыжеватые, слегка вьющіеся на вискахъ волосы, и свѣтлыя капли пота подъ ними, и смѣлый носъ, и рѣшительный ротъ; но еще яснѣе увидѣла она многолѣтнее страданіе и горькую безнадежность. И въ безумномъ отчаяніи ей страстно захотѣлось увидѣть того, кого она любила, его смѣлые глаза и необузданную отвагу, и она тихо позвала: „Янъ Гульдтъ, Янъ Гульдтъ". Но страданіе и безнадежность на его лицѣ только еще усилились.

Тогда она откинулась назадъ, сгорая отъ стыда: вѣдь передъ ней былъ чужой человѣкъ. И она сѣла напротивъ него, немного чопорно выпрямившись, и, сидя такъ, все время дѣлала рукой такое движеніе, какъ-будто торопливо отстраняла и отталкивала отъ себя что-то, и все время тихо говорила самой себѣ:

— Нѣтъ, *это* не онъ. Ахъ, нѣтъ, *это* не онъ. Не могу же я любить двухъ! Нѣтъ, этого я не могу.

И такъ сидѣла она, охваченная скорбью и отчаяніемъ, и волосы ея, казалось, сѣдѣли съ сѣрѣющимъ утромъ. И, наконецъ, онъ проснулся.

Онъ извинился, что заснулъ, и пока она быстро и безшумно ходила взадъ и впередъ, приготовляя утренній кофе, спокойно разговаривалъ съ ней о разныхъ вещахъ. Затѣмъ онъ немного поѣлъ, выпилъ кофе и ушелъ, сказавъ, что зайдетъ еще разъ передъ отъѣздомъ.

Онъ и въ самомъ дѣлѣ пришелъ еще разъ и долго сидѣлъ, разсказывая о своемъ суднѣ и о своихъ плаваніяхъ, особенно о восточно-азіатскихъ портахъ. Ея отецъ много лѣтъ плавалъ у тѣхъ береговъ, пока его хозяинъ не призвалъ его домой, такъ какъ замѣтилъ, что капитанъ Геттъ отдавалъ ему доходъ только съ двухъ третей груза, остальное же клалъ себѣ въ карманъ. Она показала ему всевозможныя вещи: стрѣлы съ Формозы, идола, котораго старикъ укралъ въ китайскомъ храмѣ, и изящныя японскія шкатулки, которыя онъ получалъ въ подарокъ отъ купцовъ—онъ никогда не былъ сторонникомъ покупокъ за наличныя—и старыя поблекшія фотографіи. Онъ съ интересомъ осмат-

ривалъ все и дружелюбно бесѣдовалъ съ ней; но она все время думала:

— Ахъ, еслибы онъ уже ушелъ!

Затѣмъ они простились, какъ прощаются люди, которые дѣтьми, лѣтъ двадцать тому назадъ, играли вмѣстѣ и теперь съ трудомъ скрываютъ, что имъ не о чемъ говорить, обѣщаютъ писать другъ другу и знаютъ, что имъ не о чемъ писать. О чемъ она будетъ переписываться съ этимъ чужимъ человѣкомъ?

На восьмой день „Альберта" опять поплыла внизъ по Эльбѣ. Ева стояла съ холоднымъ сердцемъ передъ своимъ домомъ и думала:

— Слава Богу, что онъ уѣзжаетъ.

И она думала о немъ съ горечью и не могла ему простить, что онъ разрушилъ образъ, составлявшій красоту и счастье ея жизни, и оставилъ ее нищей, съ опустошенной душой.

И, какъ это обыкновенно бываетъ у женщинъ, когда онѣ перестаютъ любить, не чувствовала никакого состраданія къ бѣднягѣ, съ которымъ жизнь сыграла такую жестокую шутку.

XVI.

Она боялась, что онъ будетъ часто писать ей. Но онъ молчалъ, и она мало-по-малу успокоилась. Къ тому-же наступило чудесное, солнечное лѣто со свѣтлыми голубыми ночами. Онѣ выманивали ее изъ комнатъ, и часто поздно вечеромъ, когда берегъ пустѣлъ, она бродила вдоль рѣки, мимо верфи Бруна, по дорогѣ къ Нинштедтену. И, какъ это было свойственно ей съ дѣтства, мысли ея уносились далеко, и она вся уходила въ прекрасныя, безцѣльныя мечты. И все снова съ тихой, робкой тоской она вспоминала о томъ счастливомъ лѣтѣ, когда она поворачивала къ нему голову и сердце ея бѣшено билось, когда она видѣла его. И мало-по-малу, благодаря этимъ прекраснымъ вечерамъ и ночамъ, которые осѣняли своими широкими голубыми крыльями уходящую вдаль рѣку, образъ худого, изможденнаго, безнадежнаго и безрадостнаго человѣка, который, точно невѣроятное видѣніе, сидѣлъ за ея столомъ, словно расплывался въ голубой ночи, и передъ ея душой колыхался другой образъ, прекрасный, необузданный и горячій. И скоро онъ снова стоялъ передъ ея глазами въ своемъ прежнемъ великолѣпіи.

Такъ прошло это лѣто. И осенью она получила отъ него письмо изъ Нью-Іорка. Она сильно испугалась, особенно, когда увидѣла, что это не простой знакъ вѣжливости, что

онъ хочетъ сообщить ей что-то важное. Онъ писалъ, что его прежній покровитель и капитанъ не разъ разсказывалъ ему о путешествіяхъ въ Аляску и другія мѣста, которыя онъ совершалъ по порученію одного географическаго общества. Теперь онъ предлагаетъ ему принять участіе въ слѣдующемъ путешествіи, которое предполагается черезъ три года. Онъ въ своемъ прежнемъ многолѣтнемъ угнетенномъ состояніи слушалъ разсказы капитана равнодушно; но теперь эта поѣздка въ снѣга очень привлекаетъ его. Очевидно, это новое желаніе доказываетъ, что подъ пепломъ въ немъ тлѣетъ еще старый огонь, который хочетъ теперь вырваться наружу, и его намѣреніе заключается не въ томъ, чтобы охладить тамъ, въ снѣгу, этотъ просыпающійся огонекъ, а, наоборотъ, въ томъ, чтобы дать ему тамъ разгорѣться такъ ярко, какъ только онъ сможетъ. Въ глубинѣ души онъ все-таки твердо вѣритъ, что Богъ любитъ людей, въ которыхъ горитъ огонь. Но эти люди должны раскладывать его не у самыхъ дверей или ногъ Его, а на нѣкоторомъ отдаленіи, подъ сіяніемъ Его глазъ и подъ защитой рукъ, которыя Онъ держитъ надъ огнемъ, чтобы онъ горѣлъ свѣтло и ровно.

Послѣ того, какъ она прочла это письмо, на нее снизошло прежнее полное блаженство, даже еще большее. Его образъ стоялъ передъ ней опять въ прежнемъ блескѣ; но оттого, что она видѣла его зрѣлымъ мужчиной, его свѣжій юношескій образъ пріобрѣлъ что-то болѣе мужественное, какъ будто былъ нарисованъ болѣе серьезнымъ и правдивымъ художникомъ, дорожащимъ также и морщинами, и рубцами.

И можно было-бы даже подумать, что, если бы онъ еще разъ вернулся, дѣло, пожалуй, кончилось бы свадьбой. Но это было далеко не такъ. Ей ни разу не пришла въ голову мысль о такой возможности. Съ Яномъ Гульдтомъ не вѣнчаются. Съ человѣкомъ, который пережилъ такія вещи. Съ образомъ, картиной, и картиной въ золотой рамѣ. Онъ сдѣлался для нея миѳомъ. Свиданіе исказило этотъ миѳъ, какъ камень, брошенный лапой одинокаго, бѣгущаго звѣря, искажаетъ гладкую поверхность тихаго лѣсного пруда. Затѣмъ она снова сверкаетъ въ своемъ неподвижномъ, тихомъ блескѣ.

Поэтому на нее не произвело никакого впечатлѣнія, когда въ одинъ прекрасный день Карлъ Крегеръ сообщилъ ей, что, какъ онъ случайно узналъ, Янъ Гульдтъ умеръ. Смерть застала его повидимому не на пути въ Аляску, а во время какой-то поѣздки по Тихому Океану.

Съ этихъ поръ ничто не нарушало ея покоя. Образъ

того больного, глухого, холоднаго человѣка, который посѣтилъ ее когда-то, изгладился совсѣмъ. Она видѣла его на берегу на лодкѣ съ его серьезными, горящими глазами и звучнымъ голосомъ, съ краснымъ шелковымъ шарфикомъ стараго сенатора на стройной шеѣ, и, точно играя, сплетала и сливала его въ своихъ легко скользящихъ мысляхъ съ серьезнымъ человѣкомъ, который съ тѣми же горящими глазами ѣхалъ по снѣжнымъ полямъ, и съ тѣмъ, который съ тихимъ, блѣднымъ лицомъ, но все еще со старымъ жгучимъ огнемъ за закрытыми глазами скользилъ за бортъ. Все это она сплетала вмѣстѣ. Отъ этихъ горячихъ мыслей и постояннаго душевнаго удовлетворенія, какъ это бываетъ съ женщинами,—по нимъ вѣдь видно даже, что у нихъ хорошій мужъ,—она даже похорошѣла, и со своими свѣтлыми, гладкими, чуть-чуть рыжеватыми волосами, въ которыхъ блестѣли серебряныя нити, и округлыми красными щеками напоминала золотистое яблочко, когда оно въ сентябрѣ виситъ на деревѣ, круглое и зрѣлое. А ея домъ и садъ самые опрятные въ Эвельгённе, что не мало значитъ.

КОНЕЦЪ.

Письма Гл. И. Успенскаго.

Къ десятилѣтію со дня смерти Г. И. Успенскаго мы получили возможность подѣлиться съ нашими читателями новой серіей писемъ покойнаго писателя, рисующей его съ нѣсколько неожиданной стороны. Успенскій, обычно и не безъ основанія являющійся въ общемъ представленіи образцомъ непрактичности, здѣсь оказывается въ роли практическаго совѣтника въ сложномъ дѣлѣ организаціи новаго журнала; и есть всѣ основанія думать, что совѣты его, полные знанія дѣла и здраваго смысла, легли бы въ основу жизнеспособнаго и цѣннаго литературнаго предпріятія, если бы послѣднее не было преждевременно погублено совершенно посторонними обстоятельствами. Письма относятся къ 1875—1876 гг., и написаны изъ Парижа, гдѣ Глѣбъ Ивановичъ жилъ въ это время съ семьей, къ его пріятелю Андр. Вас. Каменскому, только что ставшему негласнымъ редакторомъ обновленнаго журнала «Библіотека дешевая и общедоступная». Съ литературной стороны журналъ, находившійся подъ нѣкоторымъ покровительствомъ кружка «Отечественныхъ Записокъ», особенно Н. К. Михайловскаго, былъ поставленъ хорошо. Видное мѣсто занимала въ немъ переводная беллетристика, въ выборѣ которой играли роль совѣты И. С. Тургенева, указывавшаго А. В. Успенской новыя французскія произведенія, пригодныя для перевода на русскій языкъ. Участвовалъ въ журналѣ также Прок. Вас. Григорьевъ, въ это время находившійся въ Парижѣ и приводившій въ порядокъ библіотеку Тургенева. Издателемъ «Библіотеки» былъ П. П. Меркульевъ (по ошибкѣ Гл. Ив. называетъ его въ первыхъ письмахъ Меркурьевымъ), человѣкъ достойный, но мало дѣловой и уже запутавшійся въ мало знакомомъ ему дѣлѣ издательства и книжной торговли. Къ хозяйственнымъ неурядицамъ присоединились цензурныя преслѣдованія. Пресловутый Логиновъ, по словамъ котораго, вокругъ «Дешевки» собралась шайка изъ покойнаго «Русскаго Слова», задался мыслью уничтожить журналъ и достигъ этой цѣли безъ большого труда, систематически не пропуская къ печати лучшихъ статей журнала.

Изъ многочисленныхъ писемъ, которыми въ эту эпоху обмѣня-

лись Гл. Ив. Успенскій со своимъ корреспондентомъ, мы выбрали для печати болѣе значительныя. Текстъ писемъ напечатанъ безъ пропусковъ по подлинникамъ, но мы не видѣли основанія сохранять нѣкоторыя особенности орѳографіи Гл. И. Успенскаго вродѣ *Петровичь*, *ужь*, *съ нова*, *незнаю* и т. п.

Парижъ, 8 апрѣля, 75.

Пишите намъ на старую кв.
Rue Colisée, № 46.

Дорогой Андрей Васильевичъ,—тысячу разъ прошу у Васъ прощенія какъ за Антонову, такъ и за то, что не доставилъ работы. Съ Антоновой не знаю, что дѣлать, съ работой—идетъ туго, задачу забралъ трудную, а главное, вѣдь, ей Богу, не бываетъ минуты покоя—надо жить, ѣсть, пить, кругомъ долженъ—просто ужасное положеніе. Но начало повѣсти я пришлю Вамъ черезъ недѣлю *непремѣнно* и тогда по полученіи и одобреніи Вами ея въ цензурномъ и другихъ отношеніяхъ—если будете въ состояніи, то дайте Антоновой къ Святой руб. 50 денегъ. Теперь же прямо напишите ей, что такъ какъ Вы не получили отъ меня никакихъ работъ, то отказываетесь отъ всякихъ за меня поручительствъ и просите оставить Васъ въ покоѣ. Я ей пишу сегодня основательное письмо.

1-й № Библіотеки я далъ Тургеневу,—что скажетъ онъ о переводахъ и о Григорьевѣ—напишу Вамъ.

3-й номеръ хорошъ, но вотъ какое дѣло—я бы не помѣщалъ такихъ вещей, какъ «Не вынесла»; дѣйствительно не вынесешь этой муки изъ-за рублей и на такомъ количествѣ страницъ. А заплатили Вы за нее рублей 100 навѣрно,—поэтому вотъ мой совѣтъ. Отдѣлъ беллетристики сдѣлать преимущественно переводнымъ, удѣляя не болѣе $1^1/_2$ или 2-хъ листовъ для оригинальной,—и то если хороша,—и для 2—3 стихотв. безъ подписи, а затѣмъ лучше всего воспользоваться отдѣломъ библіографіи,—это превосходный отдѣлъ—онъ вмѣщаетъ въ себѣ все рѣшительно, всѣ самые животрепещущіе вопросы. Его раздѣлить на двѣ части—*Новыя книги*, или нѣтъ, лучше одинъ отдѣлъ подъ названіемъ. «Обзоръ журналовъ и новыхъ книгъ» за такой-то мѣсяцъ. I. Беллетристика. *Романъ Толстого.* Разсказать романъ и перепечатать лучшія страницы; Вы имѣете право на 1 печ. листъ. Повѣсть Щедрина,—то же самое и лучшія мѣста. «Проступокъ аббата Мурэ»—то же самое. Отдѣльнымъ изданіемъ вышли такія то книги по беллетристикѣ.—Изложить самое лучшее, что есть въ каждой. Затѣмъ «Современное Обозрѣніе», и здѣсь извлеченіе изъ всѣхъ совр. обозрѣній всѣхъ толстыхъ журналовъ, и т. д. Такой отдѣлъ, если и займетъ листа 4 печ. въ мѣсяцъ, то будетъ вѣдь полонъ хорошей пищи. Словомъ, въ этомъ отдѣлѣ необходимо передать все, что въ вышедшихъ въ теченіе

мѣсяца журналахъ и книгахъ сказано было интереснаго и хорошаго. Повѣрьте, этотъ отдѣлъ будетъ стоить повѣсти «Не вынесла». Въ самомъ дѣлѣ какое драматическое положеніе: учитель, жена, дѣти и цѣлое семейство родителей живутъ на 28 руб.!! Что же было бы, если бы на 20? И какое счастіе, если бы на 35 р. 50 к. Сейчасъ видно, что писалъ В. Н. Никитинъ. Въ обзорѣ Григорьева о Гейне,—все пахнетъ переводомъ,—ни строчки своей, развѣ въ одномъ только мѣстѣ, о любви, да и то, можетъ быть, не его. Но такъ и надо писать обозрѣнія, о которыхъ я говорю. Если вы согласны со мной, то съ удовольствіемъ буду работать въ этомъ родѣ по 15 р. за листъ и если хотите, напишу о двухъ вещахъ,—о романѣ Толстого и объ Аб. Мурэ. Григорьевъ пусть пишетъ о «Присяжныхъ—крестьянахъ», разсказывая, что есть въ нихъ существеннаго и, напр., о какихъ-нибудь отдѣльныхъ изданіяхъ. Вы выберете обзоръ такого отдѣла въ журн., какъ современное обозрѣніе; отвѣчайте, пожалуйста, по этому поводу. Мы переѣзжаемъ на другую квартиру, къ самой окраинѣ Парижа, къ Булонскому лѣсу, въ Отей или Отейль,—подробный адресъ не знаю, хотя уже нанята квартира,—съ водой, газомъ, приспособленнымъ и освѣщать и варить кушанье,—за 11 руб. въ-мѣсяцъ,—3 комнаты, кухня, погребъ и пр. Но жить будетъ скучно,—передъ носомъ лѣсъ и віадукъ желѣзной дороги. Пустыня. Тамъ у меня будетъ маленькая отдѣльная коморка, гдѣ я буду работать усердно. Теперь у меня нѣтъ ничего подобнаго. Поставьте вашъ письменный столъ въ переднюю къ самой входной двери и вы будете имѣть понятіе, какъ я помѣщаюсь и удобно ли мнѣ.

Какъ нелѣпъ Прок. Вашъ. Вѣдь онъ пропадетъ въ Петербургѣ. Онъ не можетъ разстаться съ семьей, точно его присутствіе съ разодраннымъ въ клочья духомъ можетъ принести ей удовольствіе. Если бы онъ разстался на 3 мѣсяца и то бы, воротившись, онъ былъ другой и могъ бы быть и для Борьки, и дли Кольки гораздо пріятнѣй и полезнѣй. Софья Ивановна да Софья Ивановна—вѣдь наконецъ дѣйствительно дойдешь до такой простоты, что голымъ будешь ѣздить съ голымъ Колькой на рукахъ по Невскому и по Литейной. Если бы у него было 100 руб., т. е. 350 фр. онъ бы прожилъ здѣсь очень долго—вотъ счетъ: квартира 12 фр. въ мѣсяцъ, столъ—30 фр., свѣчи, табакъ, прачка—20 фр., итого 62 фр., ну 80 фр.,—такъ и то 3 мѣсяца съ дорогой сюда. Скажите ему это, пожалуйста. Вѣдь издохнетъ вмѣстѣ съ Софьей Ивановной.

Разсказы Кляделя—всѣ въ такомъ родѣ. А. В. пошлетъ вамъ ихъ еще 2.—«Нази» лучше всѣхъ. Теперь она переводитъ для Васъ романъ Кларти, новый, печатающійся въ Temps, затѣмъ имѣются въ виду еще два—Фабра и Мало. Если что будетъ лучшее—разумѣется, примемся тотчасъ. Относительно Альф. Додэ, Тургеневъ обѣщалъ вытребовать отъ него самого журнальные отзывы о немъ. Я буду у Тургенева, завтра, въ пятницу, а если получу

отзывы, то тотчасъ же ихъ вышлю. Въ сущности А. Додэ весьма узколобъ,— но у него есть живыя черты, которыя только и дороги въ немъ, въ остальномъ онъ слабъ, т. е. по мысли.

Надо бы написать о русскомъ спектаклѣ въ театрѣ Вантадуръ и у меня лежитъ совсѣмъ готовая корреспонденція—но, увы, не принимаетъ цензура, да и она мнѣ стала неинтересна, такъ что не хочется и посылать никуда,—я ее озаглавилъ: «Варварка въ Вантадурѣ». Одна изъ Московской трупы, Пушкова, пѣвица, положительно гремитъ въ Парижѣ. Кланяйтесь всѣмъ, кто этого заслуживаетъ, но, напротивъ, тѣмъ, кто не заслуживаетъ этого,—не свидѣтельствуйте никакого почтенія.

Повръ Паризьенъ.

Мая 9. Парижъ. 75 г.

Андрей Васильевичъ! На дняхъ Вы непремѣнно, непремѣнно и непремѣнно получите мою статью. Называется она «Изъ памятной книжки». Я рѣшилъ, все, что думаю и что есть у меня въ башкѣ теперь, привести въ нѣкоторый порядокъ и печатать такъ, какъ думается въ самой разнообразной формѣ, не прибѣгая къ крайне стѣснительнымъ въ настоящее время формамъ повѣсти, очерка. Тутъ будетъ и очеркъ, и сценка, и размышленіе,—приведенные, какъ я сказалъ, въ нѣкоторый порядокъ, т. е. расположенные такъ, чтобы читатель зналъ, почему этотъ очеркъ слѣдуетъ за этой сценой. Я пришлю Вамъ на 2 листа, на іюнь—листъ, и на іюль—листъ, хотите печатайте теперь, хотите—въ августѣ, но я предполагаю подъ назв. «Изъ памятной книжки»—издать книгой, предварительно напечатавъ у Васъ. Тутъ будетъ при случаѣ и Парижъ, и деревня, и Петербургъ. Съ романомъ мнѣ некогда возиться, и я рѣшился—кончить этого рода работой.

Затѣмъ, сію минуту, писать о Золя, какъ я хотѣлъ, и о французской литературѣ, я не могу. Но осенью я съ великимъ удовольствіемъ займусь этимъ дѣломъ, и Вы вполнѣ можете разсчитывать на меня. Кромѣ того, у Вашей Библіотеки по части нѣмецкой литературы будетъ сотрудникъ, болѣе дѣятельный, чѣмъ Григорьевъ. Завтра или послѣзавтра я пришлю Вамъ статью подъ названіемъ: «Фрицъ Рейтеръ», нѣмецкій народный писатель въ родѣ Рѣшетникова, съ переводомъ нѣсколькихъ его разсказовъ. Я пришлю 1-ю половину, вторая, съ разсказами, пишется. Авторъ ея Клеменцъ, котораго Григорьевъ знаетъ. А знаете что, кажется Григорьевъ не терялъ денегъ въ Вильно,—я имѣю данныя. Что это значитъ. Дѣло г......е, но я его разузнаю въ подробности. Очень можетъ быть, что тутъ что нибудь не такъ.

К., про котораго я говорю, дѣйствительно знаетъ нѣмецкую литературу *какъ нельзя лучше*, онъ знаетъ въ ней всѣ мышиныя норки и крайне радъ работать, онъ теперь здѣсь и относительно вознагражденія можетъ ждать, лишь бы знать, что статьи помѣ-

стятся. Его труды, разумѣется, не помѣшаютъ и работамъ Григорьева. За листъ хорошо бы ему платить руб. 20, словомъ тоже, что Григорьеву. Повѣрьте — съ осени мы жестоко примемся работать. У меня порой на душѣ становится совсѣмъ свѣтло, да и у всѣхъ, хотя поминутно видишь гадость и гадость, но этихъ минутъ у меня давно, давно не было. Да здравствуетъ Григорьевъ! Онъ посадилъ меня на хлѣбъ, на воду и—что же? Я отрезвѣлъ, похудѣлъ, потерялъ жиръ и животъ, —и прозрѣваю временами... Серьезно—Григорьевъ—мой спаситель. Онъ меня такъ ошарашилъ, что я дѣйствительно очнулся, лучше чѣмъ отъ зельц. воды. Душевно благодаренъ ему.

Моя статья о Золя будетъ называться: «Бремъ и Золя». Послѣднимъ романомъ онъ завершилъ картину французскаго общества т. е. не франц., а всякаго общества при настоящихъ условіяхъ жизни, и кончилъ провозглашеніемъ, т. е. не нашелъ ничего лучше,—скотины, животнаго (Дезире). У него удивительный звѣринецъ больныхъ животныхъ отъ Тюльери до крестьянской избы. Вотъ почему я беру Брема.

Г. У.

Андрей Вас. По окончаніи «Ф. Р.» будетъ 2-й этюдъ: Гервегъ и т. д.

Общее названіе имъ придумайте сами. Помѣщайте прямо въ библіографію подъ назв.: «Библіогр. нѣмец. лит.» или «Очерки совр. нѣм. лит. Оч. I. Ф. Р.». Какъ хотите. Что нужно выбросите. Во второй половинѣ статьи будутъ переведены нѣкоторые очерки Ф. Рейтера.

Приписка въ началѣ письма: Обратитесь также къ Златовратскому, но пож. къ А. Михайлову не вздумайте.

Парижъ. 8 іюня 75.

Милый Андрей Васильевичъ. Посылаемъ Вамъ при этомъ начало новаго романа Г. Мало, который, какъ я думаю, очень выгоденъ для привлеченія подписчиковъ, да и написанъ тоже очень недурно. Этотъ романъ обѣщаетъ (какъ гласятъ буквально саженныя объявленія, развѣшенныя по всему городу) коснуться всѣхъ сторонъ парижской жизни, отъ царей до нищихъ. Я бы даже совѣтовалъ Вамъ напечатать хорошую публикацію въ газетахъ, что молъ съ іюля—Библіотека обяз. будетъ печатать *большой* (дѣйст. б.) романъ Г. Мало «Всесв. трактиръ» и тутъ же объявить о полугодовой подпискѣ, увеличивъ слегка цѣну. Этотъ романъ, кромѣ того, по моему очень выгоденъ для отдѣльной продажи. Посылаю то, что вышло; онъ началъ выходить только на дняхъ, и черезъ каждые 4 дня будемъ присылать по стольку же.

5-ю книжку Библіотеки получили очень поздно, только вчера. Она становится все лучше и лучше, но еще много нужно, чтобы стать жур-

наломъ. Во 1-хъ—ни подъ какимъ видомъ не печатайте такихъ стиховъ—это просто чортъ знаетъ что за вздоръ. Во 2-хъ Катрель—весь выѣзжаетъ на фарсахъ и звукоподражаніяхъ и переводитъ его такъ, чтобы можно было читать,—очень трудно. Кромѣ того во всемъ разсказѣ нѣтъ ни одного знака препинанія, да и вообще знаки препинанія соблюдаются плохо,—а это увѣряю Васъ очень важная штука. Добрые люди держатъ по 8 корректуръ, для того чтобы въ рукописи было соблюдено все—и внѣшнее и внутреннее для впечатлѣнія. Я не рекомендую Вамъ этихъ 8 корректуръ,—а всетаки не мѣшало бы повелѣть г.г. корректорамъ типографіи быть потщательнѣе. Но стихи Ольхина Круглова—это Богъ знаетъ что. Стиховъ Ольхина *нигдѣ* ни за какія деньги не напечатають,—зачѣмъ же это дѣлаетъ Библіотека. Потому что Ольхинъ хорошій человѣкъ? Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но онъ можетъ быть полезенъ Вамъ въ другомъ отдѣлѣ журнала, а не здѣсь. Если нужны стихи, то ихъ надо доставать отъ Плещеева, Михаловскаго, Минаева (и) пр.—купить у нихъ по два стихотворенія и этого хватитъ на полгода. Затѣмъ, если Вы серьезно хотите поставить Библіотеку на настоящую ногу,—то я бы Вамъ совѣтовалъ прежде всего *организовать* дѣло какъ можно прочнѣе. Для организаціи же, по моему, требуется во-первыхъ—сговориться относительно направленія журнала и подобрать человѣкъ 2-хъ (никакъ не больше и незачѣмъ это),—которые бы и составляли редакцію, каждый дѣлая свое дѣло. Цѣль изданія, по моему конкурренція съ такимъ напр. изданіемъ, какъ «Дѣло», и это тѣмъ удобнѣе, что цѣна Библіотеки ниже,—а сотрудники могутъ быть и изъ «Дѣла» и изъ другихъ журналовъ, т. е. выборъ больше и разнообразнѣе. Вы сами возьмете беллетристическій отдѣлъ; другой возьметъ отдѣлъ подъ назв. «Литературное обозрѣніе» въ который должна—войти во 1-хъ—литературная критика (напр. разборъ Печерскаго «Въ лѣсахъ»), разборъ мелкихъ литературныхъ вещей и статьи по поводу современныхъ русскихъ и европейскихъ вопросовъ жизни,—которые должны писаться тоже подъ общимъ названіемъ (2) «Библіографіи» такъ какъ кажется отдѣла хроники у Васъ нѣтъ. Этотъ 2-й отдѣлъ Литературнаго обозрѣнія долженъ быть раздѣленъ между двумя лицами, изъ которыхъ одно ведетъ исключ. литератур. критику и библіографію, а другое—библіографію по вопросамъ *общественнымъ* русск. и загранич. Для литературной критики у Васъ есть господинъ пишущій о типахъ безт. белл. *) для библіографіи общественной—или сами оставайтесь, или подыщите человѣка (Ядринцева, Шашкова), который и будетъ входить въ сношенія со множествомъ лицъ, которыя будутъ писать по этому отдѣлу.

---

*) Въ 4 и 5 кн. „Библіотеки дешев. и общедоступн." за 1875 г. была напечатана статья *Ego* „Новые типы безтенденціозной беллетристики" (о романѣ Смирновой „Огонекъ"). *Пр. ред.*

Вы же, завѣдующій беллетрист. отдѣломъ, въ теченіе нынѣшняго лѣта, войдите въ сношенія со Смирновой, съ Наумовымъ, со Старостинымъ (въ Дѣлѣ), даже съ Лѣтневымъ,—и заручитесь отъ нихъ работами (дайте денегъ, если нужно), хотя къ сентябрю. Также добудьте рублей на 100 стиховъ отъ Плещеева, Михаловскаго и т. д., переведите сами хорошую англійскую вещь, напр. Гринвуда (нов. книга), и когда все это будетъ запасено,—съ сентября сразу выступайте на литературную сцену и тотчасъ же разсылайте объявленіе о подпискѣ на будущій годъ. Увѣряю Васъ, я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ.

По этому плану вотъ какъ мнѣ представляется долженъ выйти журналъ (Примѣрно).

Напримѣръ:

Содержаніе сентябрьской книжки.

1. Очеркъ Смирновой или Наумова.
2. Стихотв. А. Плещеева.
3. Ром. Гринвуда или (всякій разъ непр. цѣлую вещь).
4. Америк. очеркъ Мачтета.
5. Компиляція Прок. Васильевича—ну хоть о Берне.
6. Мой разсказъ.
7. Стихи Минаева.
8. *Въ приложеніи* романъ Андре Лео: Большія надежды маленькаго Буржуа.

Отдѣлъ 2-й.

Литературное обозрѣніе.

1. *Темнаго царства нѣтъ и никогда не было.* Критическая статья по поводу романа изъ народной жизни А. Печерскаго: «Въ лѣсахъ» . . . . тотъ же, кто о Смирновой.

Библіографія.

1. Дантъ, въ пер. Минаева (литератур. библіографія). Пр. Вас.
2. Очерки и разсказы Суворина (лит. библіографія). Пр. Вас. или тотъ кто о См.
3. Отчеты коммиссіи по рабоч. вопросу (обществ. библіографія и въ то же время внутреннее обозрѣніе (Ядринцевъ).
4. Десятилѣтіе суд. реф. К. Арсеньева (обществ. библіографія и продолженіе вопросовъ внутр. жизни, касаясь чего угодно,—это хоть Ольхину).
5. Георгъ Гервегъ (назв. книги по нѣмецки), обозрѣніе движенія мысли въ Германіи. Сотр. есть.
6. «Les ordures de Paris» (обозрѣніе новыхъ книгъ) (обозрѣніе обществ. жизни во Франціи).
7. Англійская книга (и по поводу англ. литер. и жизни) Вы. И—фельетонъ, если будетъ кому писать.

Если выкинуть изъ перваго отдѣла статьи 2, да во второмъ помѣщать въ каждой книжкѣ по 1 загранич. обозр., то и тогда

отличная все таки выйдетъ книга. Если даже переводовъ сдѣлать до 18 листовъ, то есть 2 и 3 приложенія.

Итакъ, во-первыхъ Вы—хозяинъ беллетристич. отдѣла,

положимъ Шашковъ—библіографія по обществ. вопросамъ,

критикъ, что писалъ о Смирновой—литературная библіографія, и больше никого не нужно (Прок. Вас. можетъ дѣйствовать во всѣхъ отдѣлахъ),—иначе будетъ толкотня давка и выйдетъ чертъ знаетъ что.

Къ Вамъ поступаютъ всѣ беллетристич. статьи, повѣсти, разсказы, стихи, ориг. и перев. Къ Шашкову—все, что по вопр. русской жизни,—корреспонденціи и т. д., все это онъ долженъ облечь въ настоящую форму, подогнать подъ названіе книги. Сюда же корреспонденціи русскія и иностранныя. Этотъ отдѣлъ я бы самъ взялъ съ удовольствіемъ, но я скажу ниже, почему я не могу.

И критику—вся литературная библіографія.

Вотъ, какъ я смотрю на это дѣло. Если Вы найдете одного человѣка для всего литературнаго обозрѣнія—ему надо дать 1200 р. въ годъ жалованія, кромѣ полистной платы, и себѣ Вы тоже положите жалованье, за переводы тоже получайте отдѣльно. Повѣрьте, что если все это будетъ сдѣлано хорошо и сразу,—дѣло Ваше выиграно вполнѣ и сразу. Здѣсь въ настоящую минуту редакторъ Знанія Гольдсмитъ. Я говорилъ съ нимъ. Они убили безъ толку 25000 р. на журналъ и теперь еще не получаютъ ни коп.,—именно отъ того, что сначала не было все организовано,—а были пріятели, хорошіе люди и пр. Такая правильность и прочность организаціи держитъ и От. З. и Дѣло и тотчасъ-же привлечетъ новыя силы и дастъ журналу жизнь.

Я все ждалъ Вашего подробнаго письма и, не дождавшись, пишу намъ. Относительно себя я Вамъ скажу слѣдующее: я бы съ громаднымъ удовольствіемъ принялся работать для журнала и знаю, какъ сдѣлать это дѣло, какъ поставить его на ноги,—но мнѣ теперь нельзя еще жить въ Петербургѣ, потому что у меня долги, которые меня сію же минуту затормошатъ. Но я сдѣлаю все, что могу, во 1-хъ, относит. переводнаго отдѣла съ франц., будьте сов. увѣрены, что получите лучшее, что есть. Тургеневъ далъ мнѣ слово указывать все, что есть замѣчательнаго. (Я отъ него сію минуту получилъ письмо изъ Карлсбада). Хроника парижской жизни (подъ видомъ иностр. библіографіи) будетъ вестись, если то нужно, однимъ изъ образованнѣйшихъ молодыхъ людей и за интересъ ея я Вамъ ручаюсь; хроники германской жизни—у Васъ уже есть сотрудникъ, о которомъ Вы не судите по Рейтеру, въ Парижѣ нѣтъ или трудно достать нѣмец. матеріалы, но который съ осени будетъ жить въ Лейпцигѣ — въ центрѣ литературнаго рынка и будетъ работать добросовѣстно и интересно. Затѣмъ я самъ все, что ни напишу,— все будетъ принадлежать Вамъ,—но мнѣ необходимо іюнь, іюль и августъ провести въ Россіи, въ деревнѣ. Это для меня необходимо,

какъ воздухъ, это не отдыхъ, я отдохнулъ въ Парижѣ и окрѣпъ окончательно, и я теперь ищу случая облечь мои мысли въ плоть и кровь,—мнѣ нужно видѣть, жить среди самой настоящей русской народной жизни. Повторяю—это не отдыхъ, а именно настоящее дѣло. Если Вы только вѣрите этому и сочувствуете мнѣ, то я прошу Васъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Для поѣздки въ Россію мнѣ нужно 350 р. с. 150—я оставляю А. В., а съ 200 уѣду, не заѣзжая ни въ Питеръ, ни въ Москву, прямо къ брату въ лѣсъ, у котораго возьму лошадь и отправлюсь по Дону. Я уже ѣздилъ однажды и у меня есть замѣтки, но ихъ мало. Это степная мало тронутая сторона; я буду заниматься этимъ дѣломъ серьезно, основательно—и увѣренъ, что ничто не пропадетъ для меня, особливо въ настоящее время, когда я убѣдился, что, чтобы выбиться изъ моего стѣсненнаго положенія, мнѣ нужно работать и работать. Я теперь очнулся, отрезвѣлъ, окрѣпъ,—я буду работать много, разъ навсегда плюнувъ и растеревъ вопросы о личныхъ моихъ несчастіяхъ. Но безъ этой основательной поѣздки, я издохну на чужой сторонѣ и боюсь сорваться снова. Если Вы пришлете мнѣ 350 руб., то я, въ уплату ихъ, пошлю Вамъ на дняхъ два очерка (3-й, готовый для Васъ, мнѣ жаль пускать въ томъ видѣ, какъ онъ есть. Мнѣ надо обновить его новыми впечатлѣніями). Назначайте ему какую хотите цѣну,—но все, что не оплатится, будетъ покрываться моими дальнѣйшими работали поноламъ: половину—въ долгъ, половину—мнѣ. Къ сентябрю я обѣщаю Вамъ доставить работу непремѣнно, прямо изъ провинціи,—а затѣмъ опять уѣду заграницу на осень, откуда и буду писать. Тѣмъ временемъ будетъ выходить въ свѣтъ собраніе моихъ сочиненій съ предисловіемъ, въ которомъ будутъ даны нѣкоторыя очень простыя объясненія критикамъ, напр., Ткачеву, который бранитъ меня, видя упадокъ и не зная, что то, что издано мною въ 1875 году,—писано не въ 75, а въ 62 и 63—12 лѣтъ назадъ,—а помѣщено въ книгѣ, благодаря мошенническимъ контрактамъ и условіямъ издательства. Мнѣ важно покрыть 1000 р. долгу Псковскому банку, и я тотчасъ же возьму ее назадъ, расплачусь до копѣйки съ Антоновой и къ Рождеству уже буду въ Петербургѣ и могу работать, если Вы не устроитесь гораздо лучше,—вмѣстѣ съ Вами. Вотъ что я намѣренъ дѣлать. Если же эта поѣздка не удастся,—я потеряю, да не могу не потерять ту охоту къ труду, которая теперь снова поднялась во мнѣ, какъ 5—6 лѣтъ. Этой поѣздки я добиваюсь два года, и два года не могу сдѣлать. Въ прошломъ году я досталъ денегъ, но чортъ меня дернулъ дать въ долгъ Надѣину 1100 р. сереб. и вслѣдствіе этого я все лѣто и всю осень пропьянствовалъ въ Петербургѣ. Вмѣсто того, чтобы отдать все сразу, онъ дастъ мнѣ 100 р.—я пошлю ихъ А. В. и двѣ недѣли жду другихъ каждый день, ничего не дѣлая и забирая, то 3, то 5 р.,—а черезъ двѣ недѣли опять дастъ 100 р., когда въ гостиницѣ уже накопилось полтораста. Ужасное положеніе. Я не виню его, но

знаю и утверждаю, что онъ былъ причиной непроизводительной тратой денегъ.

Отвѣчайте мнѣ дорогой Андрей Васильевичъ, на это письмо теперь же. Я пишу о томъ же и Меркурьеву. Мнѣ нужно знать это какъ можно скорѣй. Затѣмъ, будьте такъ добры, вышлите 200 фр., если можно, тоже поскорѣй. Мы буквально безъ всякихъ средствъ сидимъ эти дни. И только эти 200 фр.—всѣ ваши средства. Саша и Юлія поглощаютъ ихъ большую часть и намъ остается едва-едва; даже не хватаетъ, по правдѣ сказать. Я ѣмъ разъ въ день кусокъ чего-нибудь или же 3 яйца. Пожалуйста, вышлите ихъ, если можно, теперь же и отвѣчайте на мою просьбу.

Вашъ Г. Успенскій.

Будьте милосерды, Андрей Васильевичъ! Извѣстите меня, что такое дѣлается съ Библіотекой и съ Вами. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю Вашего отвѣта и отвѣта Меркурьева, такъ какъ это для меня дѣло жизни и смерти...

Какъ бы то ни было, а *сегодня 9 іюня*, время идетъ, а я сижу и жду, быть можетъ безплодно. Тогда какъ все, что ни живетъ здѣсь, эмигранты напр.—преспокойно получаютъ всевозможныя средства, ѣздятъ, куда хотятъ, ровно ничего не работая и не имѣя лично никакихъ денегъ,—я никакъ не могу добиться побыть въ Россіи, прося такъ мало денегъ, какъ только возможно. Мнѣ ужасно грустно и обидно, ужасно обидно. Григорьевъ *меня обманываетъ* (буквально). На письма я не получаю отвѣта,—я не знаю что это такое? Все это сведетъ меня, право, окончательно съ ума. Ради Бога, пишите мнѣ, пожалуйста.

Г. У.

Парижъ 9 іюня.

Андрей Васильевичъ! Посылаю Вамъ еще 2 страницы разсказа. Теперь начинается самая интересная глава, разсказъ дьякона (онъ займетъ 3 слѣд. главы)—вещь трудная и чтобы исполнить ее удовлетворительно—я долженъ имѣть хоть каплю спокойствія духа. Но мысль о томъ, что я останусь въ Парижѣ, что не выѣду въ Россію, просто угнетаетъ меня; у меня опускаются руки и голова не хочетъ ни о чемъ другомъ думать. Я не знаю, дадите ли Вы мнѣ денегъ, состоится ли Ваше дѣло, не знаю, можете ли Вы или нѣтъ достать мнѣ денегъ, если я пришлю работы руб. на 200, полагая даже по 50 р. за листъ—ничего не знаю. Передавать рукопись въ От. З. не стоитъ, потому что тамъ всѣ разъѣхались и отвѣтъ я получу развѣ 1 августа. Лучше я брошу писать и прекращу всякія мечтанія.

Поэтому я Васъ убѣдительно прошу: извѣстить меня *сегодня же*, т. е. по полученіи этого письма, можете ли Вы мнѣ выслать 200 р. и когда именно. Если не состоится нов[ая ред]акція, то не мо-

жетъ ли Меркурьевъ выслать подъ мою работу, если я ее окончу? Или пришлю на 200 р., т. е. 4 вашихъ листа? Затѣмъ, если не будетъ ни того, ни другого, то не можете ли Вы, имѣя у себя мою рукопись, и зная, что ее напечатаютъ гдѣ-нибудь (если не состоитсяу Васъ)—достать мнѣ руб. 150. А я укажу Вамъ мѣсто, куда послать рукопись и гдѣ будутъ выплачивать деньги по мѣрѣ печатанія. Все это мнѣ надо знать непремѣнно теперь же.

Если отвѣтъ будетъ удовлетвор.—рукопись будетъ окончена какъ нельзя лучше. Если нѣтъ, то я теперь же буду знать, что, мнѣ ждать нечего.

Глѣбъ Успенскій.

Пожалуйста извѣстите меня, милый Андрей Васильевичъ.

Вашъ Г. Успенскій.

На стран. 19—зачеркнуты строчки послѣ приглашенія идти гулять».

Парижъ 14 іюня 75 г.

Милый Андрей Васильевичъ! Сію минуту я сдѣлалъ непростительную глупость: здѣсь въ Парижѣ проживаетъ сестра Н. А. Шульгиной, которой я долженъ (я занималъ для Антоновой) и часть долга которой долженъ былъ уплатить также многоуваж. Пр. Вас. Эта госпожа—...... ...., — постоянно разжигаетъ противъ насъ Н. Алек., думая безъ сомнѣнія, что у насъ есть деньги и сію минуту такъ меня разбѣсила, что я рѣшился написать Вамъ записку, прося Васъ, въ случаѣ, если Вы достанете мнѣ 350 р., о которыхъ я Васъ просилъ на поѣздку, то выдать эти деньги Н. А. Шульгиной, которая и явится къ Вамъ съ этой запиской.

Я теперь ужасно раскаиваюсь. Сама Н. А. Шульгина, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ смотрѣть на все это совершенно иначе, какъ только будетъ въ Парижѣ, а будетъ она въ Парижѣ скоро; если же я ей отдамъ деньги, которыя мнѣ нужны на поѣздку, то я совсѣмъ пропаду. Мнѣ эти деньги безконечно и крайне нужны,—а Н. А. хоть и разозлена своей сестрой, но повидавшись со мной навѣрное устроитъ это дѣло до осени, когда я буду, несомнѣнно буду работать много. Поэтому я прошу Васъ, если Вы добудете мнѣ просимыя деньги, прислать мнѣ ихъ немедленно, а Н. А. Шульгиной сказать, что *никакихъ денегъ для меня Вы не достали.* Эти деньги единственное мое спасеніе и надежда, я рѣшительно не могу отдавать ни копейки кому бы то ни было теперь, потому что мнѣ необходимо работать.

Пожалуйста, дорогой Андрей Васильевичъ, сдѣлайте это вѣря, что Вы не принимаете на душу никакого грѣха.

Будьте увѣрены, съ меня получатъ навѣрное, все!

Всесвѣтскій трактиръ посылаемъ завтра.

Кромѣ того готовимъ:

1. Компиляцію новой книги В. Гюго.

До изгнанія (до 1852 г.).
Во время изгнанія (въ 1852 г.).
и Послѣ изгнанія (съ 70-го года).
Его воспоминанія, пока I т.

2. «Изгнанникъ», романъ Т. Ревильона. Чудеснѣйшій, симпатичнѣшій романчикъ изъ временъ послѣдней войны и коммуны. Онъ цензуренъ.

Простите, дорогой Андрей Васильевичъ.

Вашъ Г. Успенскій.

Денегъ, ради Бога, не вѣрятъ въ лавкахъ, увѣряю Васъ! Просто ужасъ, что дѣлается. Пожалуйста вышлите А. В. ея 200 фр.

Г. Успенскій.

Іюня 28.

Андрей Васильевичъ! Письмо Ваше получилъ и душевно радъ Вашему предложенію. Если дѣло состоится—я Вашъ вѣрный рабъ и примусь за дѣло съ тѣмъ большей охотой, что я поздоровѣлъ. Но если и не состоится, то я все-таки еще разъ прошу Васъ, не томите меня напраснымъ сидѣніемъ въ Парижѣ. У меня силы тратятся сов. напрасно, мнѣ до зарѣзу надо быть въ Россіи, а время идетъ—вѣдь ужъ половина іюня. Мнѣ дорога каждая минута, поэтому я прошу Васъ, если и не состоится дѣло,—добудьте мнѣ, ради самого Бога, 200 руб. 150 мнѣ мало, я 100 р. непремѣнно долженъ оставить въ Парижѣ. Посылаю Вамъ начало работы, завтра пошлю еще и, пожалуйста, вѣрьте, что, если Вы мнѣ поможете, и поможете *во время*, я сдѣлаю для Васъ все, что буду въ силахъ.

Это начало цѣлаго ряда очерковъ, въ концѣ 1-го (завтра) вы увидите цѣль ихъ. Все цензурно, я думаю. Второй долженъ быть, какъ мнѣ кажется, очень интересенъ и смѣшонъ.

Пожалуйста, достаньте мнѣ денегъ и пришлите—у насъ нѣтъ ни гроша. Мнѣ крайне надо ѣхать. Пожалуйста же. Если можно, не долѣе какъ черезъ 5 дней-бы.

Глѣбъ Успенскій.

Парижъ. 7 августа 1875 г. Суббота.

Дорогой Андрей Васильевичъ! Въ понедѣльникъ 9 августа поѣду къ Вамъ въ Лондонъ и если будетъ возможно, то нельзя ли Вамъ пріѣхать на станцію. Поѣду я на томъ же поѣздѣ, какъ и Вы въ 7 ч. утра. Если же вамъ быть въ понедѣльникъ нельзя и Вы собираетесь ѣхать куда нибудь, то телеграфируйте мнѣ; я останусь въ Парижѣ и буду здѣсь ждать Васъ. Костюмъ у меня первобытный, вотъ почему я рѣшительно не могу явиться къ Гов. П. и полагаю, что мнѣ въ моемъ вретищѣ самое подходящее мѣсто на улицѣ только.

Парижъ. Воскресенье.

Милый Андрей Васильевичъ! Поѣздъ, на которомъ Вы ѣхали, для меня очень дорогъ, и я рѣшилъ ѣхать въ 4 часа, завтра же, а пріѣду въ Лондонъ въ 9 часовъ утра во вторникъ, такъ что въ среду, какъ Вы и думали, мы можемъ выѣхать назадъ къ намъ въ Парижъ. Такъ, если можете—пожалуйста выскочите гдѣ-нибудь мнѣ на встрѣчу въ 9 ч. утра. Если же нельзя, то телеграфируйте теперь же мнѣ, чтобы завтра получить мнѣ Вашу телеграмму часамъ къ 2 дня. Вашъ Г. Успенскій.

Парижъ 8 августа.

Милый Андрей Васильевичъ! При всемъ моемъ желаніи облегчить Вашу участь, ей-ей, нигдѣ не могъ добыть 10 фр., чтобы послать для Васъ депешу. Только на слѣдующій день къ вечеру я досталъ эти деньги,—но онѣ бы пропали напрасно, такъ какъ Вамъ могли бы выслать деньги только въ день пріѣзда Вашего въ Вержболово, а пришли бы онѣ на слѣдующій день; я поэтому и не послалъ. Простите меня, ради Бога, что я, понадѣявшись на письмо Некрасова, поставилъ Васъ въ такое положеніе. Не сердитесь и забудьте, если можно, неудобство 3-го класса. Вы видѣли, въ какомъ я положеніи. Теперь оканчиваю, скрѣпя сердце, работу для От. Записокъ. Послалъ имъ еще 24 листика и еще остается листиковъ 20. Думаю, что кончу къ субботѣ. Не сердитесь же пожалуйста.

Вашъ Г. Успенскій.

Парижъ, 75, августа 8.

Многоуважаемый Павелъ Петровичъ! *)

Спѣшу отвѣтить Вамъ на Ваше послѣднее письмо. Названіе романа Мало (Гекторъ)—«L'auberge du monde». Романъ изъ парижской жизни, обнимающій періодъ времени отъ 1867 г.—по 71-й. Романъ этотъ, предполагается—будетъ великъ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ романовъ (связанныхъ конечно). Первая часть этого ром. «Полковникъ Шамберлэнъ»—уже оконченъ и можетъ смѣло составить отдѣльный томъ; Ал. В. приметъ всѣ мѣры, чтобы какъ можно скорѣе выслать Вамъ окончаніе этого тома. Сколько всего выйдетъ—неизвѣстно. Въ І-й части сорокъ главъ, а сколько выходитъ изъ главы—я незнаю; это Вамъ узнать легче. 2-я часть называется «Маркиза Люсильеръ». Я думаю, Вы можете открыть на этотъ романъ, кромѣ Библіотеки,—отдѣльную подписку, объявивъ, что вотъ молъ въ настоящую минуту въ Парижѣ сталъ выходить большой романъ такой-то въ нѣсколькихъ томахъ. Въ романѣ этомъ, обнимающемъ Парижскую жизнь со времени всемірной выставки и оканчивающемся войною,—авторъ обѣщаетъ

*) Письмо повидимому обращено къ П. П. Меркульеву. *Ред.*

коснуться всѣхъ сторонъ парижской жизни отъ дворца до клоаки (слова объявленія). Если Вамъ надо,—я Вамъ пришлю полное объявленіе, составляющее листъ въ 2¹/₂ квадратныхъ аршина.

Романъ печатается въ газетѣ «Le Siècle». Но Вы этого не объясняйте, а то ужъ непремѣнно перехватятъ.

Векселя и довѣренность Надѣину я послалъ,—но прошу Васъ подробно написать мнѣ, какъ мнѣ поступить, гдѣ и какъ заключать формальную довѣренность и проч. Я очень плохо понимаю письмо Надѣина. Мнѣ надо знать,—что, какъ и зачѣмъ мнѣ надо дѣлать? И я тогда сдѣлаю все въ точности.

Что Андрей Васильевичъ? Какъ то онъ добрался до Питера? Что Григорьевъ? Отчего нѣтъ до сихъ поръ Библіотеки И? Это дурно можетъ дѣйствовать на публику.

Г. Успенскій.

Многоуважаемый Андрей Васильевичъ! Если знаете перевести по русски слово «croque-mort»—то поправьте, я не знаю. Вслѣдъ за симъ посылаю непремѣнно и непремѣнно мои замѣтки. Онѣ остановились за поправкой. Напишу Вамъ подробно. Пожалуйста, не откажите мнѣ послать рублей 6 сер. моему брату Яшѣ: на ст. Тосно, Ник. ж. д., въ Лисинское учебное лѣсничество, Якову Ив. Успенскому. Ему крайне нужны деньги, негдѣ взять. Пожалуйста.

Вашъ Г. Успенскій.

Въ примѣчаніи къ Кляделю припишите, что «Les martyrs ridicules», романъ Кладеля тоже переведенъ для Библіотеки, чтобы никто не перебилъ.

Приписка А. В. Успенской:

Croque-mort значитъ, могильщикъ, погребальщикъ. Сегодня Гл. поправилъ и сегодня же посылаю, можетъ еще попадетъ въ этотъ №. Мнѣ очень жаль, что запретили разсказъ. Я хотѣла вмѣстѣ съ этимъ разсказомъ прислать разсказъ Золя «Chomage», да все равно вырѣжутъ.

А. Успенская.

Теперь у васъ почти ²/₃ романа, остальное пойдетъ въ слѣдующихъ двухъ №№. Это не очень большой романъ. Зафранкировать бы письмо, да нѣтъ ни франка.

Парижъ, 9 января.

Андрей Васильевичъ! Пожалуйста, скажите Прок. Васил. Григорьеву, чтобы онъ исполнилъ хоть что-нибудь изъ своего обѣщанія—выслать мнѣ 140 р. Мы буквально безъ денегъ и задолжали угольщикамъ и прачкамъ, а 220 ф., которые у меня были, пришлось тотчасъ по пріѣздѣ отдать за прошлое. Что же это идетъ за чепуха и неужели нельзя ни одного разу распорядиться такъ, какъ я разсчитываю и какъ мнѣ обѣщаютъ сдѣлать, какъ надо.

Григорьевъ обѣщалъ непремѣнно выслать къ 4 января, а сегодня 10-е. Если онъ обманетъ, то будетъ просто палачъ. Здѣсь по пріѣздѣ я принялся ѣсть и спать и отлично поправляюсь; если-бы мнѣ еще двѣ недѣльки покоя, я бы отлично принялся за работу. Но почти тотчасъ же начинаются мученья и заботы. Лучше Васъ со мной никто почти не поступалъ. Я напишу Вамъ письмо большое, ибо я кой-что видѣлъ въ Парижѣ,—а теперь, пожалуйста, Вы черкните Григорьеву, что обѣщанія даютъ вовсе не для того, чтобы ихъ не исполнять. Парижъ не Петербургъ,—здѣсь у меня знакомыхъ нѣтъ, кредита нѣтъ—и завтра же я не знаю, что буду ѣсть. Григорьевъ это знаетъ. Что-же Библіотека—вышла ли 1-я книжка? Пожалуйста пришлите, но если Григорьевъ не послалъ мнѣ денегъ, пришлите ее франкированною,—право ни одной копейки денегъ нѣтъ. Нѣтъ—это не люди. Это чортъ знаетъ что такое. Погода здѣсь стоитъ хорошая, теплая. Я вчера ходилъ въ лѣтнемъ пальто. Въ мѣховомъ невозможно. Французы—тѣ просто валяютъ въ сюртукахъ. Есть даже зелень въ Елисейскихъ Поляхъ вокругъ фонтановъ, но говорятъ, что холода еще будутъ. Въ головѣ у меня вообще стало свѣжѣй какъ-то, и если-бы Григорьевъ былъ человѣкъ, а не дубье, то я уже писалъ бы Вамъ разсказъ. Я, впрочемъ, напишу его скоро. Кланяйтесь всѣмъ.

Г. Успенскій.

Андрей Васильевичъ! Отвѣчаю на Ваше письмо: все, что Вы написали въ прошеніи, по моему вѣрно, кромѣ фразы *«и съ болѣе расширенной программой»*—никогда программы расширить не позволятъ, это ужъ будьте покойны, но увѣряю Васъ, что право имѣть беллетристику и библіографію—это громадное право, или, по крайней мѣрѣ, все, что нужно для хорошаго журнала. Я даже измѣнилъ бы въ прошеніи фразу такъ—«не измѣняя разрѣшенной программы, имѣю честь просить о перемѣнѣ названія журнала»—да и тутъ не слишкомъ хорохориться, а просить хоть такое: «Общедоступная Литературная Библіотека»—то есть просить о замѣнѣ слова (одного только слова)—другимъ: вмѣсто Дешевая—Литературная. Изъ Москвы я не выслалъ Вамъ объявленія потому что, прочитавъ его, нашелъ совершенно неумѣстнымъ и съ такими требованіями, которыя никоимъ образомъ удовлетворены быть не могутъ. Если будетъ издаваться журналъ, тогда я напишу объявленіе половчѣй и поумнѣй,—а теперь это еще ненужно. Съ Валеріаномъ Панаевымъ едва ли возможно дѣлать дѣло,—онъ начнетъ самодурничать и не дастъ никому изъ насъ пикнуть слова. Если бы можно было достать хотя 3000 р., то право начинать бы изданіе и безъ нихъ. Тургеневъ написалъ уже предисловіе къ разсказамъ Кляделя и я не знаю, какъ поступить—продать въ виду продолженія Библіотеки,—жаль, не продать нельзя—нужны деньги. 600 фр., которые мы съ Вами послали,—ужъ не засталъ я въ живыхъ, когда прі-

ѣхалъ. Самъ я почему то, не знаю право, еще ничего не могу работать; что и было, все разлетѣлось прахомъ—я думаю, что это съ дороги. Работать буду безъ всякаго сомнѣнія.

Своихъ я засталъ здоровыми; Саша здоровъ удивительно, говоритъ все и много понимаетъ, онъ сначала звалъ меня мосье... «Съ этимъ мосье сяду», теперь говоритъ Глѣбъ.—«Прощайте, Глѣбъ, здравствуйте, Глѣбъ». Главное, что здоровъ и выросъ очень. Пр. Вас. разсказалъ мнѣ свои похожденія, причемъ исторія сумасшествія вышла совсѣмъ иначе. Сію минуту онъ ушелъ къ Тургеневу приводить въ порядокъ его библіотеку. Онъ Вамъ душевно кланяется. Душевно и я благодарю Васъ за Горенку, она—горластая баба и ее надо было удовлетворить раньше другихъ. Я скоро приду въ себя и скоро, скоро поправлю прорѣху въ своихъ финансахъ—я буду писать и въ Пет. Вѣд. и въ Русскихъ. Теперь я еще не сообразилъ, что писать. Я вамъ обо всемъ напишу подробно. Точно я деревянный въ настоящую минуту. Кланяйтесь всѣмъ Вашимъ. Г. Усп.

Прошеніе въ Главн. Управл. по дѣламъ печати по моему должно быть такое: «Вслѣдствіе передачи мнѣ согласно..... права изданія журнала Библіотека общедост. и дешевая, мною были сдѣланы значительныя денежныя затраты съ цѣлью продолженія этого изданія съ 1-го янв. 76 г. но такъ какъ прежній издатель и по наст. вр. не додалъ подписчикамъ, согласно бывшаго между нами условія, остальныхъ 3 №№ журнала за 75 г.,—то открыть подписку на 76 г. я не могъ и вслѣдствіе этого понесъ значительные убытки, не говоря уже о томъ, что подобный перерывъ въ выходѣ книжекъ журнала, весьма неаккуратно выходившаго при прежнихъ двухъ издателяхъ его,—на этотъ разъ долженъ былъ окончательно уронить его въ мнѣніи публики. Ввиду этихъ крайне неблагопріятныхъ условій и необходимости возвратить хоть часть сдѣланныхъ мной на продолженіе журнала затратъ, я нахожу себя вынужденнымъ просить Главное Управленіе по дѣламъ печати, оставляя прежнюю программу Общ. Дешевой Библіотеки, разрѣшить мнѣ продолженіе изданія съ перемѣною названія «Дешев. Общ. Биб.» на названіе «Литературное Обозрѣніе»,—или по крайней мѣрѣ на замѣну слова «Дешевая»—словомъ «Литературная»—такъ, чтобы журналъ могъ называться: «Общедоступная Литературная Библіотека».

Вотъ, что я могу написать сію минуту. Я думаю, что больше ничего и не нужно; если-бы и это позволили, было бы счастье. Мотивировать однимъ только убыткомъ—самое лучшее, они еще могутъ пожалѣть потерю денегъ, убѣдить чѣмъ-нибудь другимъ—едва ли возможно. Пришлю Вамъ для образца книжку *Республиканскаго Обозрѣнія*, которое начало только что выходить—по моему отличная вещь. Она можетъ служить образцомъ этой Библіотеки. Буду писать Вамъ можетъ сегодня, а можетъ завтра. Не взыщите теперь. Г. Усп.

Андрей Васильевичъ! Не пишу я потому, что измученъ совершенно. Что будетъ—не знаю. Жаль мнѣ Библіотеки ужасно,—но, если другого исхода нѣтъ, то разумѣется, надо отдать Якоби. Не купитъ ли она переводъ Ал. Вас. Кляделя съ пред. Тургенева за 200 р.—15 печ. листовъ большихъ? У меня нѣтъ никакихъ силъ долѣе биться. Неужели Григорьеву семья не вышлетъ денегъ. Разсказывать и толковать объ этомъ я болѣе не буду.

Жаль Библіотеку. Вина и бѣда въ томъ,—что нѣтъ денегъ. Нужны деньги и Библіотека пойдетъ, въ этомъ я увѣренъ. Посылаю при этомъ вамъ образчикъ новаго журнала. Вы видите, какое въ немъ разнообразное содержаніе, а весь № состоитъ изъ 2 печ. листовъ, такой печати, какъ прилагаемый листъ. Такъ и библіотеку надо издавать и брать пять рублей, давать 5 листовъ и 2 приложенія убористой печати,—бумага самая дорогая вещь. Если бы вы рѣшились рисковать, то вотъ, по моему мнѣнію, что надо бы сдѣлать. Надобно занять 5 т. рублей на три года и издавать журналъ самому, не перемѣняя на заголовкѣ ничего. 5 листовъ, платя по 50 р.—будетъ 250, и 250 бумага и печать—пятью тысячью обезпечено 10 книжекъ. Первое должна быть аккуратность полнѣйшая. Если бы вы высылали намъ всѣмъ 100 р. въ мѣсяцъ то мы изъ 5 листовъ доставляли бы 3 листа, то есть $1^1/_2$ листа убористой печати Литературнаго Обозрѣнія, русской и франц. литературы,—и $1^1/_2$ листа оригиналу—я бы отдавалъ все, что пишу для От. Зап., и выходило бы по небольшому разсказу въ книгу, подъ тѣмъ же назв. Люди и Нравы и одинъ хорошій разсказъ съ французскаго; для васъ остается 2 листа и денегъ 150 р. Это для перевода съ англійскаго, нѣмецкаго и для мелкихъ литературныхъ вырѣзокъ. Кромѣ этого въ концѣ книги 2 листа романа, который тоже будемъ переводить мы, покуда не поправимся, изъ этихъ 100 р. При этихъ условіяхъ—полистная плата хороша, и можно съ полною любовью отдаться дѣлу, не страшась завтрашняго дня. Всѣ разсказы, которые будутъ доставлены вамъ,—все присылайте сюда. Туда и назадъ—7 дней,—это то же, что пролежитъ въ каждой редакціи. Право, рѣшившись на это и зная, что тутъ все наше будущее—посмотрите, какъ бы пошла работа. Якоби возьметъ и у нея пойдетъ, потому что она достанетъ денегъ и обратится все къ тѣмъ же самымъ лицамъ, котор. и къ Вамъ всегда шли съ удовольствіемъ. Тогда бы до сентябрьской книжки,—мы оставили и Тургеневское предисловіе. Небольшія книжки эти были бы очень интересны и я, увѣряю Васъ, добылъ бы и Щедрина, и кого угодно. Некрасова бы непремѣнно получилъ, а главное, испросилъ бы право *перепечатывать* у первоклассныхъ писателей ихъ статьи у насъ. Льва Толстого перепечатали нѣсколько журналовъ и это дало имъ ходъ. Перепечатывать такія вещи, которыя разумѣется гремятъ. Литературное же обозрѣніе, занимая $2^1/_2$ листа убористой печати,—велось бы какъ нельзя лучше и не было бы въ немъ ни

капли воды. Журналъ весь былъ бы новый для всей читающей публики. Вотъ сію минуту есть новая книга Гюго, новая книга Ренана, Тэна—этюдъ о Жоржъ Зандъ—и такъ каждый день. Стиховъ, кромѣ первостатейныхъ, т. е. именъ, не надобно никакихъ. Я увѣренъ, что надобно даже не 5 т., а $2^1/_2$ тысячи, съ рекламами, чтобы къ Новому году была подписка. Новое имя издателя сильно будетъ говорить о томъ, что дѣйствительно будетъ новое, а главное, надо это доказать. Во всѣхъ газетахъ печатать содержаніе 1-й книжки на первой страницѣ. Печать должна быть еще убористѣе той страницы, которую прилагаю. Хорошо-бы было, и принялись бы за работу. Охъ, измучился я. Не купитъ ли Якоби Кляделя хоть (за) 175 р. Юлія наша кормилица непремѣнно хочетъ въ Россію. Что я буду дѣлать! Посмотрите, сколько прожито денегъ зимой! Изъ русскихъ никого нѣтъ и, право, я не знаю, что со мною будетъ. Прощайте. Беритесь, ради Бога, не бойтесь,—право будетъ все очень хорошо, надо только взяться, какъ слѣдуетъ, а не то, такъ отдавайте Якоби.

Вашъ Гл. Успенскій.
5 іюля.

4 августа 76.

Андрей Васильевичъ! Отвѣчаю Вамъ по пунктамъ:

1) На условія за 100 р. серебромъ составить хронику и за разсказъ я согласенъ; если только уладится дѣло на дальнѣйшее, я прошу Васъ мнѣ телеграфировать и я тотчасъ примусь за работу.

2) Теперь же приглашать Михайловскаго, Некрасова и Щедрина—для сотрудничества у Нотовича—вещь сов. немыслимая. Если бы я дѣйствовалъ отъ своего имени, то есть, если бы они знали, что это мое дѣло—тогда имена ихъ были бы въ 1-й книжкѣ. Но и теперь никто изъ нихъ не въ правѣ будетъ отказать, да и не откажетъ, стоитъ только хоть двѣ книжки — октябрь и ноябрь — повести какъ слѣдуетъ. Если бы положились въ этомъ на меня, то есть, если бы не брали ни одной статьи (кромѣ вашихъ работъ) безъ моего указанія, то, увѣряю Васъ, всякій съ радостью далъ бы журналу свою статью и имя. За эти же самые 100 р., безъ всякой приплаты, я бы взялъ для этихъ 2-хъ книжекъ сдѣлать все, вмѣстѣ съ переводами съ французскаго. Ни Нотовича, ни Ольхина стиховъ, ни Круглова не должно быть. Я бы прислалъ переводы въ прозѣ изъ Аккерманъ и изъ другихъ французскихъ поэтовъ, которыя надобно заказать переложить въ стихъ Минаеву или какому иному стихотворцу и помѣщать безъ подписи, даже Минаева. Нотовичъ съ Минаевымъ долженъ быть знакомъ.

3) Тургенева предисловіе къ Очеркамъ Кляделя Нотовичъ можетъ пріобрѣсти не иначе, какъ для *отдѣльнаго приложенія*, что очень хорошо для подписки будущаго года. За книгу Карбасни-

ковъ даетъ 200 р. и придется отдать. За ту же цѣну можетъ пріобрѣсти ее и Нотовичъ и при началѣ Библіотеки объявить, что книга эта будетъ разослана въ видѣ приложенія, въ видѣ преміи всѣмъ новымъ подписчикамъ. Деньги онъ за нее долженъ выслать сразу теперь же и будетъ имѣть право продавать книгу, кромѣ того отдѣльно.

Если онъ на это согласенъ, то извѣстите, и тогда сейчасъ же примусь за работу. Для 1-й книжки будетъ мой разсказъ—1 листъ, разск. Пр. Васил.—1 л., потомъ будетъ разсказъ Катулла Мандеса въ 1 листъ, романъ Тони Ревильона $2^1/_2$ или 3—«Развращенная буржуазія» (въ 3-хъ книгахъ онъ кончится) и «Письма изъ Сербіи»—2 л. (съ театра войны) Л. Езерскаго (переводы). Письма эти полны подробностей быта, нравовъ, словомъ — самая живая картина теперешняго положенія этой страны. Езерскій—спеціальный корреспондентъ одной газеты. Потомъ въ хроникѣ французской литературы обзоръ за два года двухъ журналовъ по женскому вопросу. Журналы эти переполнены курьезами. Для русской литературы, — введеніе: обозрѣніе ея за послѣдніе годы, ея вѣсъ въ публикѣ, ея матеріальное положеніе и въ слѣд. № — уже о книгахъ. Все это будетъ выслано къ 15 или 20 августа, все до послѣдней строки. Кромѣ того я бы предлагалъ печатать въ концѣ книги просто списокъ статей о Россіи въ иностр. журналахъ подъ назв. «Библіографич. указ. статей о Россіи въ иностр. пер. изд.». Вамъ стоитъ только пересмотрѣть все, что у Васъ есть изъ англійскихъ, и писать: въ Таймсъ — за сентябрь въ такомъ то № о томъ то и т. д. Я буду писать здѣсь то же самое.

Если Нотовичъ на это будетъ согласенъ, то извѣщайте. Если послѣдній пріобрѣтаетъ Кладеля за 200 р.—пусть деньги эти высылаетъ сразу и скорѣе, а 100 руб. за работу отдастъ послѣ; если не согласенъ, то извѣстите, — уйдетъ время и у насъ за 200 р. не возьмутъ—и продавайте ему журналъ на чистыя деньги.

Премію лучше всего объявить для всѣхъ подписчиковъ какъ старыхъ, такъ и будущихъ, и раздать ее 1-го января. Раздать раньше, она потеряетъ интересъ для новыхъ подписчиковъ.

Что же касается того, какъ распредѣлить работы по журналу, то я думаю, что непремѣнно нужно завоевать Вамъ право исключительное на то, чтобы никто не смѣлъ вмѣшиваться въ составленіе журнала, т. е. вся редакціонная часть лежала бы на Васъ и ни одна статья не должна быть помѣщена безъ Вашего согласія. Нотовичъ долженъ платить деньги и получать доходы. Необходимо, чтобы онъ согласился на то, чтобы всѣ статьи помѣщались только съ Вашего согласія; если меня тутъ нужно, то и моего. Относительно статей самого Нотовича, — разумѣется, съ ними самая бѣда и есть,—необходимо, чтобы онъ соглашался съ приговоромъ большинства сотрудниковъ. Выставьте ему меня какимъ-

нибудь страшилищемъ, и скажите, что молъ безъ моего согласія ни одна статья пойти не можетъ. Если, конечно, это возможно. Въ крайнемъ случаѣ его прямо можно стѣснить въ его писательствѣ объемомъ журнала, т. е. выговорить Вамъ и мнѣ извѣстное число листовъ изъ двѣнадцати, такъ, чтобы ему въ годъ оставалась самая малость. Печатаютъ дрянь вездѣ, посмотрите, что такое въ От. З. въ іюнѣ «Рамки» повѣсть. Ужъ хуже этой не бываетъ. Если же онъ не согласенъ или будетъ колебаться, прямо отдавайте ему за извѣстную сумму. Прокоф. Васильев. на дняхъ нанялъ себѣ комнату около Зоологич. сада. Вмѣстѣ мы съ нимъ рѣшительно ничего, кромѣ разговоровъ, не производили, а теперь онъ работаетъ, да и мнѣ тоже удобнѣе. Видимся мы всякій день. Извѣщайте же, приниматься за работу или нѣтъ.

Гл. Успенскій.

Парижъ 18 августа.

Дорогой Андрей Васильевичъ! Не могъ отвѣтить на Ваше письмо тотчасъ, п. ч. былъ въ ужасныхъ хлопотахъ—у меня едва не пропали 200 р. денегъ, посланныхъ изъ Отечественныхъ Записокъ. Намъ деньги нужны были необычайно и съ насъ всѣ требовали: пропажа денегъ въ такую минуту была чистою гибелью и я просто не зналъ, что дѣлать. Вчера однако нашлись онѣ на ст. Сѣв. ж. д. и мы заплатили, отдавъ все, часть своихъ долговъ. Сегодня я могу писать Вамъ. Я пишу Нотовичу, что я все, что писалъ Вамъ, исполню, но только съ нѣкоторыми измѣненіями, т. е. приглашу я сотрудниковъ только лично,—если онъ хочетъ, чтобы это было теперь же, то пусть высылаетъ деньги за Кляделя 200 р. и за первый мѣсяцъ 100 сразу. Я привезу матерьялъ на первую книгу и программу. Если онъ не можетъ этого сдѣлать, то пусть высылаетъ 200 р. (ежемѣсячныхъ) по доставленіи матеріала на 2-ю книгу и по выходѣ 1-й—я тогда пріѣду въ сентябрѣ. Сколько я долженъ писать,—если ужъ вести дѣло серьезно, объяснять о Нотовичѣ и т. д.—какой массѣ народу. При личномъ-же свиданіи можно устроить дѣло сразу. Если онъ согласенъ поступить такъ, то я сдѣлаю, что обѣщалъ, если нѣтъ—какъ хочетъ. Совѣтую и вамъ тогда не ждать и продавать ему изданіе. Если онъ не согласится на это, то что же будетъ потомъ? Вы, продавъ, дайте намъ, пожалуйста, только издать Кляделя, то есть дайте намъ 200 р. эти, — а когда книга выйдетъ (напечатаемъ въ долгъ)—то при выручкѣ мы отдадимъ ихъ.

Если же онъ согласится, то, пожалуйста, похлопочите, чтобы Ваше участіе продолжалось постоянно и никакого выхода изъ журнала Васъ не было возможнымъ, или же на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Также и я бы желалъ, чтобы условія моего участія —за ту плату, какая будетъ назначена мнѣ теперь, чтобы и эта плата шла покуда у журнала будетъ менѣе 1000 подписчи-

ковъ, а чтобы потомъ она обратилась въ жалованіе,—а работа оплачивалась отдѣльно, то же, что и всѣмъ.

Утомленъ я ужасно за послѣдніе годы и прямо даже боюсь думать, что со мной будетъ... Я такъ утомленъ ужасно, что не знаю, воротится ли ко мнѣ хоть капелька даже прошлогоднихъ силъ. Во всякомъ случаѣ я сдѣлаю надъ собой все, что еще возможно, чтобы заняться журналомъ. Г. Успенскій.

P. S. Н. С. Кур. ѣдетъ въ Петербургъ. Кажется, онъ явится къ Меркульеву за своими экземплярами.

Андрей Васильевичъ! Письмо Ваше получилъ и съ нетерпѣніемъ ожидаю результатовъ. Клядель отправленъ не весь. Если Нотовичъ не согласится уплатить сразу, то тогда переводъ мы уступаемъ Карбасникову.

Я пишу это письмо о Григорьевѣ и прошу Васъ все, что будетъ въ нихъ сказано, передать его женѣ.

Мнѣ кажется, что ей необходимо пріѣхать сюда недѣли на 2 или на 3, чтобы повидаться съ Пр. Вас., который отъ тоски по ней рѣшительно сходитъ съума.

Я настоятельно говорю, что это необходимо. *Во что бы то ни стало* она должна занять 150 руб. денегъ и пріѣхать сюда. Дорогу можно считать въ оба пути 90 р., стало быть, остается 200 франковъ на прожитіе здѣсь.

Это сдѣлать необходимо, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Жду отъ Васъ вѣстей хорошихъ.

Если Нотовичъ отдастъ деньги сразу, то, пожалуйста, вышлите ихъ по телеграфу, — мы въ ужасной крайности. Докуда же это будетъ продолжаться мученіе.

Гл. Успенскій.

Парижъ, 1 сентября.

Андрей Васильевичъ! Получилъ Ваше письмо, но отъ Нотовича ничего не получалъ. Если онъ теперь же не купитъ Кляделя, то пріѣхать я не могу, поэтому прошу Васъ, не можете ли Вы, чтобы сохранить этотъ переводъ отъ рукъ Карбасникова, достать и выслать мнѣ эти 200 рублей теперь же. Я крайне, крайне нуждаюсь. 15 сентября (сегодня 3) намъ съѣзжать съ квартиры и платить долги, а денегъ нѣтъ, и что будетъ въ От. Зап.—не знаю. Если устроится дѣло съ Нотовичемъ—то 200 р. получатся и возвратятся Вамъ отъ него. Если нѣтъ, то Карбасниковъ во всякое время возьметъ за эти деньги. Онъ обязался заплатить 25 сентября 100 и 15 октября—другіе 100. Мнѣ важно получить деньги теперь,—кое какъ мы выбрались бы—ждать же отъ Карбасникова болѣе мѣсяца это значитъ напрасно прожить болѣе 100 р.

Повторите женѣ Григорьева, чтобы она ѣхала сюда.

Вашъ Гл. Успенскій.

Сентября 3.

Русская пытка въ XIX вѣкѣ.

I.

Пыточные пережитки.

Краснорѣчивый указъ Императора Александра I-го, который я привелъ цѣликомъ въ предыдущемъ очеркѣ, — впервые отмѣнялъ пытку всенародно и гласно. Екатерина запретила судебныя истязанія гораздо раньше, но ея указы оставались тайной для подданныхъ въ теченіе цѣлой четверти вѣка. Александръ нарушилъ эту тайну, объявилъ пытку тяжкимъ преступленіемъ и выразилъ благородное пожеланіе, чтобы самое слово *пытка* исчезло изъ народной памяти, какъ оскорбительное и позорное для человѣчества.

Однако, это легче было «повелѣть», чѣмъ исполнить въ дѣйствительности. «Въ памяти народной» пытка оставила глубокій слѣдъ, до сихъ поръ еще отражающійся въ поговоркахъ, въ пословицахъ, въ самомъ русскомъ языкѣ. Снѣгиревъ мѣтко указываетъ намъ эти филологическіе рудименты.

«*Кнутъ не ангелъ души не вынетъ, а правду скажетъ*»,— говорили еще въ его время, и горькая или циническая иронія этого истязательскаго афоризма вполнѣ понятна.

«*Правда у Петра и Павла*». Мы понимаемъ теперь эту поговорку, какъ меланхолическое отнесеніе правды,—въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова—на небеса, гдѣ нынѣ пребываютъ Петръ и Павелъ. По мнѣнію же Снѣгирева это отраженіе простого историческаго факта: «самую правду» по уголовнымъ дѣламъ московская Русь «розыскивала» пытками у церкви Петра и Павла въ Преображенскомъ приказѣ, а Россія петербургскаго періода—въ Петропавловской крѣпости.

Мы часто и съ легкимъ сердцемъ употребляемъ выраженіе «сказать всю подноготную», забывая, что это опять точное указаніе на одинъ пріемъ пытки: «допрашиваемому завинчивали ручные и ножные пальцы въ тиски и забивали деревянныя спицы за ногти» *).

«*Согнуть въ бараній рогъ*», «*свернуть въ утку*», или «*въ*

*) М. М. Пыляевъ: „Застѣнокъ, пытки и палачи“ „Трудъ“. Январь. 1890.

три погибели» представляется намъ просто художественно-выразительными метафорами. Но Снѣгиревъ объясняетъ ихъ происхожденіе слѣдующимъ образомъ: «Пытка сія состояла въ томъ, что допрашиваемому привязывали голову къ ногамъ веревкою, въ которую, ввернувъ палку, вертѣли ею до того, что голова пригибалась къ ногамъ, и человѣкъ часто погибалъ среди сего истязанія».

Въ Костромской губерніи сохранилась въ памяти народной пытка, называемая «клячить голову». Это значитъ «сжать голову клячемъ» или «заклепать». Тамъ, по словамъ Снѣгирева,—и донынѣ говорятъ: «ужо его склячутъ»...

Приведя одну изъ этихъ цитатъ изъ Снѣгирева («о трехъ погибеляхъ»), г. П. Б. (Бартеневъ) говоритъ отъ себя: «Сколько намъ извѣстно, нигдѣ нѣтъ свидѣтельствъ о такого рода пыткахъ. Не надобно взводить на древнихъ русскихъ людей обвиненія почти бездоказательно».

Въ другомъ случаѣ, послѣ краснорѣчиваго описанія Соловецкой башни «Корожни», съ сохранившимся въ ней крюкомъ, на который, «вѣроятно», благочестивые монахи подымали пытаемыхъ на дыбу,—тотъ же г. Бартеневъ испытывалъ чувство облегченія и даже гордости счастливаго современника. «Отрадная мысль, гордое чувство, —восклицаетъ онъ,—освѣжало и утѣшало душу, при видѣ побѣды человѣчности надъ варварствомъ: башни пусты, желѣзныя двери сорваны съ петель, кнуты, веревки и блоки дыбы давно истлѣли, и лучъ солнечный свободно входитъ туда, гдѣ сидѣли узники».

Увы! Гордыя ощущенія почтеннаго автора были, несомнѣнно, слишкомъ преждевременны. По свидѣтельству А. С. Пругавина, не только въ 40-хъ, но въ шестидесятыхъ, семидесятыхъ, даже еще въ 90-хъ годахъ истекшаго столѣтія въ мрачныхъ казематахъ соловецкой обители, въ самыхъ суровыхъ условіяхъ, томились одиночные узники «за вѣру», къ которымъ лучъ свѣта проникалъ далеко не такъ свободно, какъ въ опустѣвшую башню Корожню *). Этотъ примѣръ показываетъ, къ сожалѣнію, какъ осторожно нужно относиться къ «гордымъ мыслямъ» и «отраднымъ чувствамъ», истекающимъ изъ созерцанія нѣкоторыхъ признаковъ русскаго прогресса... Изученіе нашихъ *современныхъ* слѣдственныхъ порядковъ менѣе всего оправдываетъ этотъ патріотическій оптимизмъ.

Крѣпостническій строй весь былъ проникнутъ истязательствомъ, Наказаніемъ по суду и при Александрѣ I-мъ часто являлись кнутъ, палки и плети, подъ которыми при торговыхъ казняхъ человѣкъ умиралъ мучительною смертію на глазахъ у толпы. Въ войскахъ

---

*) А. С. Пругавинъ. „Религіозные отщепенцы". Вып. I. Еретики.

гоняли «сквозь строй». Когда наказываемый падалъ, его подымали и вели дальше, съ руками на-крестъ привязанными къ ружью. Когда онъ терялъ окончательно сознаніе, его увозили въ госпиталь, вылѣчивали и затѣмъ, подъ грохотъ барабановъ, опять гнали «по зеленой улицѣ» до смерти. Мы видѣли, что уже екатериненскій вицъ-губернаторъ Макшеевъ указывалъ на связь запрещенной пытки съ существовавшими формами наказанія. Могло ли истязаніе въ застѣнкахъ глубоко волновать людей, которые мирились съ такими всенародными «законными» варварствами?

Кромѣ того, самое понятіе о пыткѣ было очень растяжимо и широко. Описанія пыточныхъ пріемовъ и орудій, которыя мы приводили выше изъ Котошихина и изъ «обряда», составленнаго для удовлетворенія любопытства Екатерины, даютъ, конечно, лишь общую схему старинной оффиціальной пытки. Но такъ какъ нигдѣ точными законами она не регулировалась,—былъ лишь обычай и своего рода «преданіе»—то, вѣроятно, пытка допускала значительныя отступленія и большое разнообразіе, сообразно мѣстнымъ обычаямъ, а иной разъ, быть можетъ, и личному творчеству. Оффиціальныя пытки производились въ застѣнкахъ разныхъ учреждений: въ разбойныхъ и сыскныхъ приказахъ, съѣзжихъ и губныхъ избахъ, въ воеводскихъ канцеляріяхъ, въ магистратахъ, въ «тайной канцеляріи». И если разбойный приказъ или тайная канцелярія могли обзавестись всѣми усовершенствованными аппаратами:—«дыбами и висками, кнутами и топорами, и клепиками, и клещами, и прочими палачевскими инструментами и приборами», то простыя съѣзжія и губныя избы часто должны были навѣрное обходиться болѣе или менѣе домашними средствами, въ родѣ самодѣльныхъ хомутовъ, простыхъ бревенъ, палокъ (батожье), шелеповъ, веревокъ и горящихъ вѣниковъ. И это, конечно, было всего опаснѣе, такъ какъ изъ области «установленнаго обряда» входило въ область нравовъ.

Когда человѣкъ по ходу дѣла «доводилъ себя до пытки», то объ этомъ составлялось особое постановленіе, и самая пытка совершалась «по обряду», вводившему извѣстное «безстрастіе» и ограничивавшему хоть въ нѣкоторой мѣрѣ личную жестокость и озвѣреніе исполнителей. Но въ старинныхъ дѣлахъ, встрѣчаются еще четыре термина, точное значеніе которыхъ, кажется, не опредѣлено и не разграничено историками. Эти термины: «допросъ», «разспросъ»; «розыскъ» и «пристрастіе». Повидимому, кромѣ простого допроса,—всѣ остальные термины выражали разныя степени допросныхъ истязаній. Это были, кажется, тѣ же пыточные пріемы по существу, только производимые безъ обрядовыхъ формальностей и допускавшіе большой произволъ: болѣе легкая степень могла разнообразиться и принимать формы, иной разъ и болѣе мучительныя, и болѣе опасныя для жизни, чѣмъ пытка «по формѣ суда». Бывало много случаевъ, что эту послѣднюю пытаемые выносили и

даже послѣ этого поправлялись. И бывали другіе, когда люди гибли отъ «разспросовъ» и пристрастія, производимыхъ безъ формальностей...

Если бы правительство Александра I-го было послѣдовательно, то ему слѣдовало бы обратить особое вниманіе именно на эти, неопредѣляемыя никакими законными «обрядами» формы истязаній, производимыхъ уже не только судомъ, но чаще—низшими слѣдственными инстанціями...

Къ сожалѣнію, гуманность Александра I-го была расплывчата, неустойчива и ненадежна, а прекрасное одушевленіе, внушившее ему указъ 1801 года, держалось недолго. Короткій праздникъ самодержавнаго благожелательства миновалъ. Прославленный и превознесенный послѣ побѣдоноснаго шествія въ Парижъ, «спаситель Европы» и «орудіе Провидѣнія»,—Александръ I ушелъ въ заоблачныя высоты квіетизма, сантиментальнаго и далеко не всегда чуждаго жестокости. Мѣсто Чарторижскихъ и Новосильцевыхъ занялъ въ его чувствительномъ сердцѣ Аракчеевъ, истязатель по натурѣ. И когда, послѣ убійства своей не менѣе свирѣпой любовницы,—Аракчеевъ залилъ застѣнки въ Грузинѣ кровью пытаемой дворни,—Александръ I писалъ ему чувствительныя утѣшенія той самой рукой, которая подписывала великодушный указъ противъ пытокъ.

Въ періодъ реакціи не было сдѣлано дальнѣйшихъ шаговъ въ борьбѣ съ пыточнымъ слѣдствіемъ. «Пытка по формѣ суда» была упразднена. «Пристрастіе», не отмѣчаемое въ судебныхъ документахъ, осталось. Рецидивы пытки всплывали то и дѣло въ разныхъ мѣстахъ обширной Россіи. .

Такъ, уже въ царствованіе Императора Николая I-го, въ 1827 году послѣдовалъ высочайшій указъ сенату, изъ котораго видно, что служилый сотникъ войска Донского Григорій Левицкій былъ судимъ за жестокое истязаніе малороссіянина Климова. «Изъ этого дѣла,—говорится въ высочайшемъ указѣ,—усмотрѣли мы, что Климовъ былъ посаженъ Левицкимъ въ станичной избѣ въ какую-то неподвижную колоду, каковаго рода колоды узаконеніями не допускаются и потому быть не должны». Указъ совершенно справедливо заключаетъ, что «таковой произвольный способъ содержать людей въ неподвижныхъ колодахъ есть ничто иное, какъ родъ пытки; изъ дѣла же видно, что Климовъ отъ послѣдствій сей пытки и умеръ,—событіе ужасное и доказывающее совершенное небреженіе мѣстнаго начальства объ отвращеніи жестокости;—то посему повелѣваемъ правительствующему сенату подтвердить повсемѣстно, дабы никто и нигдѣ не осмѣливался... изобрѣтать и употреблять иныхъ способовъ наказанія или содержанія, кромѣ тѣхъ, кои въ законѣ опредѣлены; сверхъ того предписать начальникамъ губерній при осмотрѣ повсюду мѣстъ, гдѣ содержатся арестанты, если окажутся еще гдѣ подобныя орудія, то ихъ истре-

бить подъ личною, въ противномъ случаѣ, отвѣтственностью губернаторовъ и губернскихъ прокуроровъ» *).

«Стулъ съ цѣпью», о которомъ говорится въ этомъ указѣ, составлялъ въ старину принадлежность всякой тюрьмы. Идея этого нехитраго инструмента была очень простая: арестованнаго приковывали за ногу къ огромному и тяжелому обрубку дерева, который имѣлъ цѣлью затруднить передвиженіе. Съ такой колодой содержался, между прочимъ, Емелька Пугачевъ въ Новочеркасской станицѣ (что не помѣшало ему бѣжать при помощи часового). Когда орудія пытокъ—дыба, хомуты и кнутъ,—по указу Екатерины, повсемѣстно уничтожались, колоды съ цѣпью во многихъ мѣстахъ были оставлены, такъ какъ не считались оффиціальными орудіями судебнаго истязанія. Такъ, вѣроятно, уцѣлѣла и колода, о которой говорится въ указѣ. Можетъ быть даже это была историческая емелькина колода въ Новочеркасскѣ, пережившая три царствованія и перешедшая въ четвертое. Надъ остаткомъ старины пріютились гонимыя традиціи и превратили ее изъ простой предохранительной мѣры въ настоящее орудіе пытки, отъ коей Левицкій, напримѣръ, умеръ. Въ запискахъ Я. М. Невѣрова, относящихся тоже къ николаевскому времени, приводится и еще случай употребленія такой колоды. Въ селѣ Веракуши, расположенномъ въ $1^1/_2$ верстахъ отъ почтовой станціи на трактѣ изъ Арзамаса на Тамбовъ, помѣщикъ Кошкаревъ содержалъ своихъ крѣпостныхъ въ стулѣ съ особымъ ошейникомъ. «Къ ошейнику прикрѣплена была небольшая желѣзная цѣпь, оканчивавшаяся огромнымъ деревяннымъ обрубкомъ, такъ что хотя и можно было, приподнявъ съ особымъ усиліемъ послѣдній, перейти съ одного мѣста на другое, но по большей части это дѣлалось не иначе, какъ съ посторонней помощью». Кромѣ того, на ошейникѣ были спицы **), т. е. кошкаревская колода напоминала довольно близко то орудіе, которымъ была замучена дворовая дѣвушка сосѣдей Болотова ***). «Такого рода истязанія,—прибавляетъ Невѣровъ,—практиковались не только между помѣщиками, но и у служилыхъ людей». «Стулъ съ цѣпью,—писалъ также г. Бартеневъ,—случалось и намъ видѣть. Въ прежнее время... у большихъ помѣщиковъ сажали въ такой стулъ дворовыхъ и мужиковъ за провинности».

Строгіе указы даже Николая I-го не всегда оказывали желаемое дѣйствіе. Въ 1847 году въ Москвѣ вспыхнула эпидемія пожаровъ (въ родѣ описанной выше казанской), и оказалось, что администрація первопрестольной столицы опять примѣнила къ подозрѣваемымъ въ поджогахъ пытку... Въ томъ-же году и такая же эпидемія повторилась въ Костромѣ. Молва обвиняла поляковъ. Губер-

*) „Русская Старина", сент. 1896 г., стр. 659.
**) „Русск. Старина". Ноябрь, 1883 г.
***) См. предыдущій очеркъ. „Р. Бог.", январь.

наторъ Григорьевъ, безъ дальнихъ околичностей, арестовалъ *всѣхъ* проживавшихъ въ городѣ поляковъ, и (какъ говорится въ новомъ указѣ), «взведя слѣпо вину на безвинныхъ» подвергъ ихъ (всѣхъ?!) допросамъ съ жестокими истязаніями. Высочайшимъ указомъ Григорьевъ арестованъ и подвергнутъ суду при петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ *). Это было спустя 46 лѣтъ послѣ указа Императора Александра I и черезъ двадцать лѣтъ послѣ указа самого Николая!

Въ томъ же 1847 году всплыло новое дѣло, гдѣ опять появляется пресловутая колода. По нѣкоему частному дѣлу, производившемуся въ Ямбургскомъ (петербургской губерніи) уѣздномъ судѣ,—суду этому потребовалась для чего-то колода, «употребляемая при Малосковицкомъ приходѣ» (въ тридцати верстахъ отъ города Ямбурга). Офиціальной бумагой уѣздный судъ и потребовалъ эту колоду къ себѣ. Оказалось, что она находилась во владѣніи мѣстнаго пастора, употреблявшаго ее въ пасторскомъ рвеніи для исправленія заблудшихъ овецъ своей паствы. Пасторъ считалъ колоду до такой степени полезымъ атрибутомъ своей духовной власти, что прежде, чѣмъ исполнить требованіе суда,—обратился оффиціально къ петербургской лютеранской консисторіи. Послѣдняя не увидѣла препятствій къ исполненію распоряженія суда, но въ оффиціальной бумагѣ потребовала «возвратить сіе орудіе мѣстному пастору по минованіи въ немъ надобности». Случай этотъ сталъ извѣстенъ министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому, который былъ имъ такъ заинтересованъ, что затребовалъ отъ консисторіи подробныхъ свѣдѣній. По справкѣ оказалось, что «до 1833 года въ лютеранскихъ церквахъ употреблялось сіе орудіе по распоряженію пасторовъ и церковныхъ старостъ для наказанія крестьянъ». Для какой надобности консисторія намѣревалась вернуть колоду пастору,—въ ея отпискѣ, конечно, не говорилось. Императоръ Николай, до свѣдѣнія котораго было доведено это дѣло, нашелъ «сіе требованіе нелѣпымъ и беззаконнымъ», почему повелѣвалось, дабы ямбургскій судъ оную колоду истребилъ **).

Да, очевидно одними указами, хотя бы даже властными указами Императора Николая I-го, трудно было бороться съ закоренѣлыми привычками. Не только пыточные нравы еще существовали очень долго, но существовали и строго запрещенныя пыточныя орудія...

Уже въ 1907 году, въ XX вѣкѣ намъ доведется встрѣтиться съ цѣлыми коллекціями этихъ орудій, напримѣръ въ нашумѣвшемъ эпизодѣ съ такъ называемымъ «рижскимъ застѣнкомъ», который

---

*) „Р. Старина“ 1879, XXVI, стр. 341—346.

**) Р. Старина, апр. 1887 г. (249—250). Объ этихъ случаяхъ мнѣ приходилось упоминать въ статьѣ «Любители Пыточной археологіи»,—«Р. Бог.», мартъ 1907 г.

впрочемъ, въ оффиціальномъ разъясненіи названъ былъ гораздо мягче, чѣмъ его называли газеты: «Музей вещественныхъ доказательствъ».

II.

Пытка, реформа и реакція.

Было въ XIX вѣкѣ одно время, когда, казалось, пыточнымъ традиціямъ былъ нанесенъ сильный и дѣйствительный ударъ. Это былъ періодъ «великихъ реформъ» и новаго самодержавнаго благожелательства въ первые годы царствованія Императора Александра II-го.

Въ жизнь одновременно съ разныхъ сторонъ врывались новыя начала. Прежде всего, смягчились наказанія: уничтожены кнутъ, плети, торговыя казни на эшафотахъ, «зеленая улица» въ войскахъ. Введены новые суды, въ томъ числѣ выборные мировые судьи, присяжные, а также гласность. То есть вступило въ дѣйствіе то самое начало, котораго такъ опасалась Екатерина и безъ котораго ея указы объ уничтоженіи пытокъ оставались въ значительной степени только платоническимъ пожеланіемъ. На борьбу съ пытками выступала пресса, а выборные судьи въ первое время широко пользовались своимъ правомъ посѣщать мѣста заключеній, слѣдить за правильностью арестовъ и содержанія заключенныхъ. Полицейскіе застѣнки, въ которыхъ такъ долго и такъ упорно гнѣздятся старые пыточные нравы, казалось, дѣйствительно становятся доступны свѣжему воздуху и свѣту. Нѣсколько громкихъ пыточныхъ процессовъ, оглашенныхъ въ свое время въ газетахъ и вызвавшихъ единодушное негодованіе всей печати безъ различія направленій, показали—съ одной стороны,—какъ дѣйствительно живучи еще эти пыточные нравы въ полицейской средѣ, а съ другой—давали надежду на успѣшную борьбу съ ними. Выведенные на свѣтъ божій *при тогдашнемъ настроеніи* истязатели производили впечатлѣніе филиновъ, которыхъ внезапно освѣтили въ затхлыхъ углахъ какой нибудь Соловецкой «Корожни»...

Однако, и этому «благожелательному періоду» наступилъ скоро конецъ. «Великія реформы» какъ будто еще продолжались по инерціи, доплескивая, какъ послѣднія волны прилива, въ дальніе углы русской жизни, а въ центрѣ уже началась реакція и борьба съ недавно провозглашенными началами.

Русская пытка тотчасъ же почуяла благопріятное для нея вѣяніе.

Любопытно и несомнѣнно, что консервативная реакція вообще благопріятна пыткѣ. Наши учрежденія на цѣлые вѣка отстали отъ европейскихъ, и «русскій кнутъ» сталъ символомъ «русскаго вар-

варства», держась слишкомъ долго въ нашей системѣ наказаній. Но собственно пытка уничтожена у насъ сравнительно рано. Въ Пруссіи она упразднена закономъ въ 1754 году, въ Даніи въ 1770, въ Австріи—въ 1787 г. и во Франціи—въ 1789 г. Такимъ образомъ, если считать первое воспрещеніе пытокъ Екатериной съ извѣстнаго указа 1774 года, то эта гуманная реформа отстала у насъ только на 20 лѣтъ противъ Пруссіи и опередила на 15 лѣтъ, Францію. Это была непослѣдовательность, такъ какъ «жесточайшія по законамъ истязанія» (оффиціально-юридическій терминъ старинныхъ бумагъ) пережили еще три царствованія, но непослѣдовательность знаменательная: пытка упразднена подъ вліяніемъ европейскаго общественнаго мнѣнія...

Чрезвычайно характерно, что въ Европѣ пытка дольше всего держалась въ мелкихъ германскихъ княжествахъ, оплотахъ нѣмецкой реакціи. Французское нашествіе во времена Наполеона всюду вносило въ эти затхлые уголки мелкой тираніи прогрессивныя учрежденія и—въ томъ числѣ—отмѣну пытокъ. Послѣ паденія Наполеона, въ то самое время, какъ Европа праздновала побѣду надъ «Апокалиптическимъ звѣремъ»,—реакція вновь хлынула вслѣдъ за побѣдоносными войсками Александра и союзниковъ. Въ Россіи повѣяло духомъ Аракчеева, а мелкіе нѣмецкіе самодержцы возстановили «всю полноту своей власти». И вотъ въ старыхъ нѣмецкихъ бургахъ вновь раздались стоны пытаемыхъ. Въ Ганноверѣ пытка окончательно уничтожена только въ 1822 году, а въ Готѣ она продолжала существовать до 1828 года.

Въ Россіи эта зависимость между реакціей и пыткой сказывается особенно ясно.

Въ февралѣ 1883 года произошелъ знаменательный эпизодъ, отмѣтившій одинъ изъ этаповъ реакціи. Была закрыта газета «Голосъ». И характерно, что въ этомъ эпизодѣ сыграла значительную роль та-же старинная россійская пытка.

Въ теченіе предыдущихъ лѣтъ возникало нѣсколько процессовъ о пыткахъ, производившихся полиціей при предварительномъ дознаніи, но то единодушіе, съ какимъ относилась къ этимъ процессамъ печать періода реформъ,—къ 80-мъ годамъ уже не существовало. Россійскій «консерватизмъ», еще не рѣшаясь выступать прямо на защиту «допросовъ съ пристрастіемъ» (это пришло позже), велъ борьбу съ «тенденціозностью» въ этомъ вопросѣ печати и съ «излишнимъ усердіемъ новыхъ судовъ въ преслѣдованіи «мелкихъ проступковъ полиціи». Русская государственность чувствовала инстинктивно, что аллегорическое «увѣнчаніе зданія», о которомъ прикровенно, но настойчиво говорила передовая печать, какъ о логическомъ продолженіи реформъ,—можетъ означать только дальнѣйшее усиленіе общественныхъ силъ и конституціонныя гарантіи. На другомъ полюсѣ — былъ автократически-полицейскій по-

рядокъ. Полиція становилась наиболѣе благопріятствуемымъ элементомъ жизни.

И вотъ, въ № 42 газ. «Голосъ» (отъ 11 февраля 1883 г.) появилась статья, обсуждавшая процессъ двухъ полицейскихъ чиновниковъ, обвинявшихся въ истязаніи арестованныхъ, съ цѣлью вынудить у нихъ сознаніе въ кражѣ. Указавъ на то, что этотъ случай не единичный, авторъ передовой статьи, въ очень сдержанномъ и корректномъ тонѣ, говорилъ о слабомъ развитіи понятія законности среди низшихъ представителей власти и видѣлъ въ этомъ симптомъ знаменательный и зловѣщій. Наряду съ этимъ въ фельетонѣ газеты былъ напечатанъ очеркъ А. С. Пругавина объ узникахъ Соловецкой обители, исторія которой, какъ мы видѣли, такими крѣпкими нитями связана съ русской пыткой.

Тотъ, кто теперь перечиталъ бы эту передовую статью «Голоса», едва ли представитъ себѣ то особое настроеніе, которыми въ то время были насыщены эти скромныя строки, говорившія о «законѣ» противъ явнаго и вопіющаго беззаконія. Но тогда всѣ улавливали это настроеніе. «Законность»—это было слово, за которымъ тянулись неизбѣжно соотвѣтствующія ассоціаціи вплоть до гарантіи и до «увѣнчанія зданія». Сильная власть, въ томъ числѣ и главнымъ образомъ полицейская,—это было то ближайшее будущее, къ которому рѣшительно потянулось правительсто. Отсюда ясно, что либеральная газета шла противъ «намѣреній правительства».

Съ особенной наивной яркостью эти точки надъ і поставилъ высмѣиваемый обществомъ, но уже властный тогда въ правительственной средѣ князь Мещерскій.

Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы князь бросаетъ часто ретроспективные взгляды на свою прошлую дѣятельность, и теперь ему почему то пріятно изображать себя въ прошломъ если не либераломъ, то консерваторомъ въ европейскомъ смыслѣ (порода, на Руси еще невѣдомая). Не такъ давно князю угодно было вспомнить и о томъ, что онъ былъ противъ закрытія «Голоса», «ужасно скорбѣлъ» о нарушеніи свободы печати и даже заявлялъ по этому поводу словесные протесты министрамъ. Увы! Дѣйствительная исторія, опирающаяся на печатные документы, рисуетъ этотъ эпизодъ совершенно иначе.

Въ ближайшемъ (послѣ статей «Голоса» о пыточномъ процессѣ) номерѣ (7-мъ) своего «Гражданина», справедливо указавъ на то, что, подъ видомъ полемики съ ретроградными газетами, «Голосъ» въ сущности полемизируетъ съ взглядами тогдашняго правительства,—вліятельный ретроградный публицистъ продолжалъ:

«Приходится спрашивать себя съ глубокимъ смущеніемъ: когда же этой (возмущающей?) всѣхъ русскихъ честныхъ и богобоязненныхъ людей дуэли между «Голосомъ» и правительственнымъ авторитетомъ будетъ положенъ конецъ?»

И далѣе:

«Сегодня, когда я прочиталъ его передовую статью по поводу двухъ судебныхъ процессовъ, въ которыхъ полицейскіе чиновники на Руси (sic) подверглись преслѣдованію...,—признаюсь откровенно, я почувствовалъ приливъ не только злости, но бѣшенства противъ публициста, написавшаго такую умышленно гнусную статью, опять таки подъ предлогомъ нападки на простаго полицейскаго, направленной противъ правительства».

«Голосъ» былъ закрытъ, а князь Мещерскій перешелъ къ требованію: расправиться подобнымъ же образомъ съ остальной прогрессивной печатью.

Конечно, нельзя сказать, что именно та статья о пыткахъ, которая привела въ такое бѣшенство сіятельнаго публициста, явилась настоящей и единственной причиной закрытія либеральнаго «Голоса». Напряженіе росло давно. Д. А. Толстой не могъ простить Краевскому борьбы съ классической системой, а постоянныя напоминанія и призывы къ «законному порядку» и обществомъ, и правительствомъ понимались, какъ отрицаніе строя, все болѣе поглощаемаго полицейскимъ произволомъ. Но все же закрытіе «Голоса» непосредственно послѣ статьи о полицейскихъ истязаніяхъ при дознаніи,—было очень краснорѣчиво и знаменательно, тѣмъ болѣе, что «консервативная печать» явно становилась на защиту этихъ порядковъ. «Московскія Вѣдомости» дѣлали это нѣсколько умнѣе и прикровеннѣе, князь Мещерскій—съ присущей ему изувѣрской откровенностью, но аттака противъ «законности», осуществляемой новыми судами,—велась по всей линіи торжествующаго консерватизма. Особенно негодовали на мягкость репрессіи въ тюрьмахъ и «деликатность» пріемовъ слѣдствія. «Мы должны сказать,—писали въ органѣ кн. Мещерскаго, — о самомъ вопіющемъ злѣ, которое пора, наконецъ, понять нашей высшей тюремной администраціи, — наши тюрьмы для мужика настолько роскошны, что въ нихъ можно сажать не за воровство, а за хорошее поведеніе» *). Насиліе полицейскихъ уже не только надъ подслѣдственными и арестантами, а прямо надъ всѣми сплошь жителями деревни—рекомендовалось, какъ единственно-спасительный пріемъ... «Расторопность урядника мало приноситъ пользы, когда его не слушаютъ... остается одно: *лупить ихъ нагайками* (sic!), что, конечно и дѣлаютъ нѣкоторые». Но для этого, къ явному огорченію автора, нужна все таки храбрость, такъ какъ «большинство страшно напуганы прокурорскимъ надзоромъ, который *ищетъ случая придраться* къ любому полицейскому чиновнику, чтобы отдать подъ судъ за превышеніе власти» **). Это писалось въ самый годъ запрещенія «Голоса». Консервативный пу-

---

*) № 73, 1887 года.

**) „Гражд.“, 1883, № 73, стр. 4.

блицистъ, какъ видимъ, переходитъ отъ нападокъ на прогрессивную печать къ аттакѣ на стремленіе суда ограждать населеніе отъ побоевъ и произвола, преслѣдовать по законамъ «допросы съ пристрастіемъ». Это вскорѣ же стало главнымъ мотивомъ постоянныхъ, настойчивыхъ, страстныхъ аттакъ по всей линіи консервативной прессы. «Суды *смѣшно* убѣдились,—писали въ редакціонной статьѣ «Гражданина», *что должны служить защитой отъ произвола администраціи* *). Это до того въѣлось и стало общимъ мѣстомъ, что адвокаты уже всегда подучаютъ преступниковъ показывать, что ихъ били въ полиціи. Хотя бы это и не подтверждалось,—все равно. Возбуждена въ средѣ дюжины согнанныхъ безаппеляціонно (?) судей идея, что преступника уже избили въ полиціи, и будетъ съ него — невиновенъ! Если гдѣ-нибудь какой-нибудь негодяй заявляетъ, что его «шашками» избили въ полиціи, такъ что онъ боленъ... прокурорскій надзоръ рьяно устремляется на дознанія, вскрытія (!), медицинскіе осмотры. «Превышеніе власти», «истязанія», «кровоподтеки» такъ и сыплются съ языка. Требуютъ планъ полицейскаго дома, чтобы видѣть, нѣтъ ли тамъ застѣнковъ и венеціанскихъ пломбъ. Начинается осмотръ, чтобы отыскать слѣды пытокъ и цѣпей (какъ было въ дѣлѣ двухъ чиновниковъ сыскной полиціи), и торжественно упекаютъ лицъ, *побившихъ грабителя при дознаніи*»... Это возмущаетъ автора до такой степени, что онъ заканчиваетъ свою замѣтку восклицаніемъ: «гнусно и противно говорить все это» **).

Эта замѣчательная по своей откровенности статья рисуетъ намъ полную картину взаимнаго положенія полиціи и суда въ дѣлѣ предварительныхъ дознаній. Въ концѣ 80-хъ годовъ девятнадцатаго вѣка въ судахъ, значитъ, то и дѣло слышатся заявленія о побояхъ и истязаніяхъ въ полицейскихъ участкахъ. Суды борются съ пыточными пріемами. Прокуратура пытается производить разслѣдованія, вскрытія, снимаетъ планы участковъ, ищетъ въ нихъ застѣнковъ и цѣпей («стульевъ съ цѣпью?»). Отъ времени до времени происходятъ соотвѣтствующіе процессы. Но россійскій консерватизмъ рѣшительно высказывается противъ этой роли судебной власти. Ему «гнусно и противно» видѣть, что учрежденія, созданныя судебными уставами Александра II-го, все еще пытаются защищать русскихъ людей отъ допросовъ съ пристрастіемъ...

И это черезъ 100 слишкомъ лѣтъ послѣ торжественнаго засѣданія Академіи наукъ, на которомъ директоръ ея Домашневъ говорилъ, что духъ времени его эпохи «освятилъ правосудіе человѣколюбіемъ, обычаи—чувствомъ» и «легъ въ основаніе двухъ важныхъ предметовъ—законодательства и нравственности». Ка-

*) Курсивы всюду мои. *В. К.*

**) „Гражданинъ" № 57, 1887 года (статья «Изъ жизни и печати». стр. 3).

ринъ, издалъ свою книгу, основанную на идеяхъ Беккаріа, а московскій профессоръ Лангеръ въ публичной рѣчи смѣло нападалъ на институтъ судебныхъ пытокъ...

Правда, князь Мещерскій служилъ тогда мишенью для насмѣшекъ. У него не было приверженцевъ въ обществѣ, если не считать земскихъ начальниковъ, «старыхъ исправниковъ» и неисправныхъ плательщиковъ дворянскаго банка. Но... въ «высшихъ сферахъ», т. е. именно тамъ, гдѣ изготовлялось ближайшее будущее страны, прислушивались теперь не къ голосамъ Домашневыхъ, Кариныхъ и Лангеровъ. Князь Мещерскій стоялъ у порога своего наивысшаго вліянія, когда черезъ его переднюю проходили на самыя видныя должности. За смертію Каткова онъ являлся выразителемъ наиболѣе вліятельныхъ тяготѣній высшей бюрократіи. А характеръ этихъ тяготѣній уже опредѣлился.

Это чувствовалось... Уже послѣ закрытія «Голоса» съ приведенными выше комментаріями, цензура должна была понять, что негодующія обличенія «допросовъ съ пристрастіемъ» будутъ разсматриваться, какъ «тенденціозныя» и несогласныя съ видами правительства. Печать смолкала, и такимъ образомъ порывался союзъ между судебной властью и гласностью (какъ органомъ общественнаго мнѣнія) въ борьбѣ съ закоренѣлыми пережитками пыточныхъ пріемовъ. Значеніе магистратуры тоже неуклонно умалялось. Давно уже мировые судьи были лишены права посѣщенія и надзора за мѣстами заключенія. Россійскія башни «корожни» становились опять глухими и темными. Цѣлый рядъ дѣлъ былъ изъятъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, самостоятельность суда подавлялась въ пользу дискреціонной власти администраціи... Явилась такъ называемая «служебная гарантія»: для преданія суду полицейскаго, злоупотребившаго властью, требуется предварительное согласіе его начальства...

Въ началѣ 1900-хъ годовъ эволюція эта зашла уже такъ далеко, что напримѣръ въ городѣ Полтавѣ ревностный полицейскій добился письменнаго сознанія въ убійствѣ человѣка, который оказался живымъ и здоровымъ. Потерпѣвшіе показали, что сознаніе у нихъ было вынуждено жестокими побоями въ участкѣ, и подали жалобу. Дѣло было до очевидности ясно, и однако, спустя *двѣ недѣли послѣ того, какъ жалоба поступила въ судъ*, полтавскій губернаторъ князь Урусовъ (не кишиневскій) печатнымъ приказомъ выразилъ тому-же полицейскому благодарность «за расторопное и умѣлое веденіе дознаній». Это тоже было довольно ясно, и дѣло послѣ этого заглохло.

Впрочемъ, о такихъ случаяхъ придется еще говорить впослѣдствіи. Теперь, лишь для того, чтобы была понятна почва, на которой въ наше время происходитъ возрожденіе старинныхъ пыточныхъ нравовъ,—мнѣ приходится утвердить въ памяти читателей печальную аналогію съ временами Екатерины: законы противъ

пытокъ существуютъ. Но на пути ихъ дѣйствительнаго примѣненія стоитъ личное соизволеніе г.г. губернаторовъ... Тамъ, гдѣ управляли губерніями просвѣщенные Сиверсы и гуманные Макшеевы,—считавшіе пытку «позоромъ и укоризной человѣчества»,—она воспрещалась и преслѣдовалась, хотя бы только въ дисциплинарномъ порядкѣ. Но тамъ, гдѣ властвовали губернаторы, подобные казанскому временъ Александра I-го или костромскому Григорьеву временъ Николая I-го,—«допросы съ пристрастіемъ» оживали и все болѣе входили въ «нормальные» участковые нравы.

III.

Почему я обратился къ изученію этого вопроса? Мултанское дѣло.

Въ половинѣ 90-хъ годовъ мнѣ, единственный разъ въ жизни, пришлось выступить на судѣ въ качествѣ защитника по уголовному дѣлу. Я вошелъ въ эту новую для меня область безъ всякой подготовки, такъ сказать, со стороны, со свѣжаго воздуха, и меня, новаго человѣка, глубоко поразили неожиданные «судебные порядки», успѣвшіе водвориться у насъ къ концу девятнадцатаго столѣтія.

Дѣло шло о «ритуальномъ убійствѣ» въ селѣ Старомъ Мултанѣ, малмыжскаго уѣзда, вятской губерніи.

Я не стану здѣсь возстановлять въ памяти читателей всѣ детали этой судебной драмы, въ свое время обошедшей всю русскую печать и проникшей въ заграничную прессу. Я коснусь ея лишь съ той стороны, которой она входитъ въ область современной пытки.

Вотяковъ судили (по обвиненію въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ божествамъ) три раза: въ Малмыжѣ, потомъ въ Елабугѣ, потомъ въ Мамадышѣ. Два раза они были осуждены. Въ третій разъ невинность ихъ была доказана, и присяжные вынесли вердиктъ: *нѣтъ, не виновны.*

Во время второго разбирательства я былъ въ Елабугѣ въ качествѣ наблюдателя и репортера, и то, что я здѣсь увидѣлъ, поразило меня настоящимъ ужасомъ, но не отъ варварства темныхъ вотяковъ, которые никакой человѣческой жертвы не приносили, а отъ тѣхъ *слѣдственныхъ* и увы—тоже *судебныхъ* порядковъ, которыхъ сами они сдѣлались жертвами.

Это было нѣчто въ родѣ поединка. На одной сторонѣ стоялъ обвинитель, тов. прокурора г-нъ Раевскій, на другой—кучка темныхъ неграмотныхъ обывателей села Мултана.

Г. Раевскій фигура характерная для нашего правосудія временъ реакціи. Онъ былъ земскимъ врачемъ, но врачебная его

карьера встрѣтила какія-то препятствія, и ему пришлось уйти съ земской службы. Послѣ этого бывшій врачъ поступилъ письмоводителемъ къ прокурору окружнаго суда. Черезъ нѣкоторое время, благодаря протекціи прокурора, онъ попалъ въ судебные слѣдователи, а еще черезъ нѣкоторое время—въ товарищи прокурора.

Въ этой стадіи своей нѣсколько парадоксальной карьеры онъ замѣтилъ, что дѣло о найденномъ на пустынной тропѣ мертвомъ тѣлѣ нищаго Матюнина, которое уже направлялось въ прекращенію,—имѣетъ всѣ признаки т. называемыхъ causes célèbres,—если только удастся удержать за нимъ характеръ ритуальнаго убійства.

Г. Раевскій получилъ доступъ къ дѣлу и принялся за него очень энергично. Судебный слѣдователь былъ отодвинутъ на второй планъ, и всѣми слѣдственными дѣйствіями съ этихъ поръ руководилъ ловкій товарищъ прокурора. Къ его услугамъ оказались два пристава (Тимофѣевъ и Шмелевъ), четыре урядника и сколько угодно лицъ низшей сельской администраціи. Составился настоящій отрядъ, занявшій Мултанъ и его окрестности и растянувшій полицейское дознаніе на $4^1/_2$ года. Вотяковъ судили, приговаривали, сенатъ кассировалъ, судили вновь, а *полицейское дознаніе все время продолжалось*. Можно сказать безъ преувеличенія, что законное предварительное слѣдствіе въ этомъ дѣлѣ было поглощено совершенно незаконнымъ полицейскимъ дознаніемъ.

Сказать попросту: обвинитель четыре года непрерывно готовился къ своимъ судебнымъ рѣчамъ. Назначеніе «отряда» было доставлять тоже непрерывно нужные аргументы для этой борьбы.

Противники вооруженнаго такимъ образомъ прокурора были до жалости безпомощны. Получивъ обвинительные акты, они сразу-же пропустили семидневный срокъ для вызова свидѣтелей, и... сарапульскій окружный судъ воспользовался этимъ промахомъ, чтобы прибавить еще лишній шансъ въ пользу обвиненія: въ вызовѣ какихъ-бы то ни было свидѣтелей вотякамъ было разъ навсегда отказано. Сенатъ, дважды кассируя приговоры, предписывалъ категорически допустить свидѣтелей защиты. И судъ дважды столь же категорически нарушалъ это предписаніе. Защита, въ жалобѣ сенату, а затѣмъ и печать разоблачила изумительные пріемы. Къ дѣлу былъ приложенъ фальсифицированный планъ съ несуществующими тропами, сильно облегчавшій задачу обвиненія. При составленіи обвинительнаго акта г. Раевскій дополнялъ данныя предварительнаго слѣдствія совершенно несуществующими уликами, которыя переносилъ будто бы изъ дѣла со ссылками на листы.

Наконецъ явились очень недвусмысленныя указанія на примѣненіе «слѣдственнымъ отрядомъ» стариннаго «пристрастія»...

На судѣ эти указанія прорывались неясно и робко: гг. предсѣдатели и въ Малмыжѣ, и въ Елабугѣ находили, что «это не относится къ дѣлу», и не позволяли защитѣ развернуть всю кар-

тину. Тѣмъ не менѣе, свидѣтели Титовъ и Моисеевъ, совершенно отрицавшіе на судѣ свои первоначальныя показанія, заявили, что эти показанія были у нихъ вынуждены истязаніями. Плохо выражаясь по русски, робѣя и оглядываясь среди торжественной и явно враждебной для нихъ обстановки,—они разсказали все таки, что ихъ били кнутомъ, *подвѣшивали* къ потолочнымъ брусьямъ и производили въ нихъ примѣрную стрѣльбу изъ ружья...

Эти очень невразумительныя жалобы подтверждались въ значительной степени показаніями свидѣтелей русскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, вызванные обвиненіемъ, не видѣли всетаки причинъ молчать о томъ, какъ именно допрашивали вотяковъ. *Свидѣтелей* сгоняли урядники и десятскіе и безъ церемоніи запирали въ амбаръ или въ кутузку. Оттуда ихъ поодиночкѣ выводили во въѣзжую избу, дверь запиралась, и начинался *допросъ*. Псаломщикъ Иванъ Богоспасаевъ разсказалъ, со словъ содержательницы въѣзжей избы Марьи Ив. Шлеймеръ, что однажды изъ избы спѣшно выбѣжалъ урядникъ, почерпнулъ ковшъ воды и побѣжалъ обратно. Она изъ любопытства пошла за нимъ и, пріоткрывъ дверь, увидѣла, что Титовъ (почти еще мальчикъ) стоялъ среди полицейскихъ, страшно блѣдный. Урядникъ тотчасъ захлопнулъ передъ ней дверь. А когда Титовъ вышелъ послѣ допроса, то шатался, какъ пьяный. Другой свидѣтель, Максимъ Гавриловъ, послѣ такого-же допроса явился домой въ такомъ видѣ, что домашніе пригласили къ нему священника о. Тукмачева для напутствія...

Вся эта картина завершилась изобрѣтенной полицейскими этнографами медвѣжьей присягой: приставъ Шмелевъ водрузилъ добытое у земскаго начальника г-на Львовскаго чучело медвѣдя, зажегъ передъ нимъ свѣчи и поставилъ дугу. Свидѣтелей-вотяковъ (христіанъ!) приводили изъ-подъ ареста, принуждали пролѣзать подъ дугой и прикладываться къ чучелу...

Во время второго разбирательства, въ Елабугѣ, г-нъ Раевскій былъ вынужденъ обратить часть своего краснорѣчія на опроверженіе этихъ показаній и газетныхъ статей, рисовавшихъ другія подробности руководимаго имъ «дознанія»...

— Въ настоящее время,—говорилъ онъ, — Титовъ отказался отъ своихъ показаній. Онъ о нихъ, видите-ли, не помнитъ, потому что приставъ, этотъ извергъ рода человѣческаго, подвѣшивалъ его *на два часа,* билъ, обливалъ его водой и стрѣлялъ въ него изъ револьвера. Возможно ли все это, господа?!. Есть способъ лѣченія (!) подвѣшиваніемъ, это правда, но не на два же часа! Нынѣ выдвигаютъ еще какое-то чучело, на которомъ *будто бы* вотяки приводились къ присягѣ приставомъ Шмелевымъ. Согласитесь, что это такое, какъ не нелѣпость, выдвинутая съ единственною цѣлью опорочить дѣйствія полиціи, производившей дознаніе!

И затѣмъ съ большимъ одушевленіемъ г. Раевскій продолжалъ:

— И развѣ судебный слѣдователь скрылъ бы это? Да какой же

судебный дѣятель позволитъ себѣ прибѣгать къ подобнымъ пріемамъ слѣдствія? Да какой же полицейскій приставъ позволитъ себѣ сдѣлать это на глазахъ у всѣхъ (?)... Если бы онъ это допустилъ, онъ бы самъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ!

Это было красиво и произвело впечатлѣніе. «Судебный дѣятель» выражалъ негодованіе и громилъ допросы съ пристрастіемъ, не допуская даже возможности ихъ въ наше просвѣщенное время.

Однако о «дознаніи г-на Раевскаго» громко и широко говорили въ уѣздѣ. Кое-что отмѣчено даже въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ («полиція прибѣгла къ непозволительнымъ пріемамъ знахарства»); а печать поволжская и столичная говорила прямо объ истязаніяхъ. Между прочимъ, пристава Шмелева обличали въ томъ, что, арестуя нужныхъ ему свидѣтелей, онъ кормилъ ихъ селедкой и не давалъ воды. Все это продѣлывалось съ такой «непосредственностью», что сначала приставъ, нимало не стѣсняясь, хвалился своимъ остроуміемъ «въ обществѣ». Корреспонденты предлагали доказать все это на судѣ...

Послѣ елабужскаго процесса толки усилились до такой степени, что вятская администрація сочла нужнымъ назначить офиціальное разслѣдованіе, которое... подтвердило очень многое, что съ такимъ красивымъ одушевленіемъ отвергалъ товарищъ прокурора... Были установлены и незаконные аресты свидѣтелей, и... вся колоритная картина кощунственной присяги у медвѣжьяго чучела. Чучело любезно предоставилъ «отряду» земскій начальникъ г. Львовскій. Его привезли въ сахарной бочкѣ и торжественно установили на въѣзжей избѣ. И затѣмъ—все остальное... Приставъ Шмелевъ признанъ подлежащимъ отдачѣ подъ судъ... Къ счастью для него, а также и для другихъ, вятская администрація признала всѣ эти преступленія какъ разъ въ той счастливой мѣрѣ, въ какой они покрывались недавнимъ манифестомъ... И едва пріоткрытая для суда и гласности дверь опять захлопнулась, какъ захлопнулась она передъ любопытнымъ взглядомъ Марьи Ивановны Шлеймеръ...

Какъ бы то ни было,—искренность того паѳоса, съ какимъ товарищъ прокурора г-нъ Раевскій кидалъ передъ елабужскими присяжными свои негодующіе вопросы (да какой же судебный дѣятель, да какой же приставъ?..) получила послѣ этого офиціальнаго дознанія довольно своеобразное освѣщеніе...

Впрочемъ, у г-на Раевскаго были и другія данныя для очень точнаго отвѣта... Въ той же Вятской губерніи (яранскій уѣздъ) только что закончилось дѣло, въ которомъ г.г. полицейскіе вынудили истязаніями сознаніе въ убійствѣ у завѣдомо невиннаго человѣка, и отчетъ былъ напечатанъ въ мѣстной газетѣ *). И еще

*) „Вятскій Край", 1895 г., № 116.

ближе: въ томъ же Малмыжскомъ уѣздѣ, можетъ быть даже въ камерѣ самаго г-на Раевскаго въ то самое время, когда онъ произносилъ свою рѣчь, находилось слѣдующее характерное «производство».

Мальчикъ 12 лѣтъ, Егоръ Булатовъ заподозрѣнъ въ кражѣ. Дознаніе производили: приставъ и урядникъ. Фамилія пристава—Ивановскій. Урядника звали Жуковымъ, *Егоромъ Пантелѣевымъ*. Дознаніе началось съ того, что урядникъ взялъ мальчика за уши и подвелъ къ становому. Тотъ сталъ бить его сначала по щекамъ, потомъ Булатова растянули на полу и били розгами. Чтобы избавиться отъ продолженія такого чувствительнаго допроса, мальчикъ указалъ мѣсто, гдѣ зарыты деньги. Но, такъ какъ бѣдняга и самъ не зналъ, гдѣ онѣ находятся, то понятно, что ихъ не нашли. Тогда приставъ съ урядникомъ стали возить его съ собой по деревнямъ, «приставъ грозилъ неоднократно, что привяжетъ его къ хвосту лошади, отрѣжетъ носъ и уши, если онъ не сознается». Мѣста отдыха полицейскихъ были для несчастной жертвы мѣстами сугубыхъ истязаній. Въ деревнѣ Кисели приставъ «поставилъ его на ночь подъ ружье» (буквальное выраженіе судебнаго отчета). Къ сожалѣнію, газетный отчетъ слишкомъ лакониченъ, и въ немъ не дано точнаго объясненія этого вятско-пыточнаго термина (мы не нашли его и у Снѣгирева въ его описаніяхъ старинной пытки). Мѣстные люди, которыхъ я разспрашивалъ по этому поводу, говорили «по слухамъ», будто пытаемаго такимъ образомъ привязываютъ къ ружью съ взведеннымъ куркомъ. Если онъ неосторожно двинется или, заснувъ, опустится на полъ, ружье можетъ выстрѣлить. Впрочемъ, давшій мнѣ это объясненіе мѣстный житель не настаивалъ на его точности. Не настаиваю и я. Очевидно только, что за этимъ загадочнымъ терминомъ скрывается нѣчто серьезное. Когда приставъ заснулъ невиннымъ сномъ человѣка, исполняющаго долгъ службы, а мальчикъ Булатовъ томился «подъ ружьемъ», урядникъ всталъ и «самовольно» освободилъ его отъ мученія.

Все это продолжалось *цѣлую недѣлю* (!), очевидно, на глазахъ у многихъ. И все это установлено на судѣ (казанская судебная палата) съ такой достовѣрностью, что приставъ Ивановскій приговоренъ въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ, а урядникъ Жуковъ—на 6.

Дѣло это въ *малмыжскомъ* уѣздѣ возникло въ 1894 году. Приговоръ состоялся въ 1898-мъ. Четыре года рука правосудія, занесенная надъ головой урядника Жукова, оставалась недвижима. А въ это время, то-есть, именно тогда, когда г-нъ Раевскій просилъ указать ему полицейскаго, который бы позволилъ себѣ подобные пріемы, *Акимъ Пантелѣевъ Жуковъ* состоялъ въ томъ самомъ «слѣдственномъ отрядѣ», который, подъ руководствомъ г-на Раевскаго, дѣйствовалъ въ Мултанѣ, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ находился около Титова въ ту трудную для бѣдняги ми-

нуту, о которой разсказывала Марья Ивановна Шлеймеръ псаломщику Богоспасаеву...

Послѣднее (третье) разбирательство мултанскаго дѣла происходило въ Мамадышѣ, и мнѣ, въ первый и единственный разъ въ моей жизни пришлось наблюдать судебную процедуру со скамьи защиты... Я никогда не забуду чувствъ, пережитыхъ въ небольшомъ и душномъ залѣ мамадышскаго съѣзда.

Во всѣхъ просьбахъ защитѣ опять было отказано. Обвиненіе привело 11 новыхъ свидѣтелей: защитѣ не дано ни одного. Одинъ изъ профессоровъ судебной медицины присутствовалъ въ залѣ: пригласить его въ качествѣ эксперта судъ не согласился. Урядникъ (кажется именно Жуковъ) излагалъ передъ присяжными содержаніе проповѣди священника Тукмачова, въ которой тотъ якобы упрекалъ свою паству въ убійствѣ. Показаніе производитъ впечатлѣніе на мужиковъ присяжныхъ. Защита проситъ допустить къ свидѣтельству самого священника. Онъ въ данное время въ Малмыжѣ, почти у порога суда..

Предсѣдатель, человѣкъ съ спокойнымъ и умнымъ лицомъ, наклоняетъ свою сѣдѣющую голову направо, къ одному изъ судей... Потомъ налѣво—къ другому. Въ просьбѣ защитѣ отказано.

У меня въ карманѣ было письмо этого же священника, въ которомъ онъ съ негодованіемъ опровергалъ обвиненіе, вскрывая его нелѣпости. Защита проситъ позволенія представить это письмо.

Новые наклоны головы: направо... налѣво... отказъ...

Я смотрѣлъ на этихъ людей въ судебныхъ мундирахъ, съ цѣпями на груди, и думалъ:

— Молодые годы ихъ совпали съ періодомъ «великихъ реформъ». Судебную карьеру они начинали въ «новыхъ судахъ», по уставамъ Александра II-го. Неужели въ нихъ успѣли совершенно заглохнуть всѣ отголоски того времени и тѣхъ чувствъ, которыя ихъ одушевляли. Неужели они могутъ мириться съ этимъ ощутительнымъ вѣяніемъ пытки, врывающейся въ «новое» судопроизводство... И помирятся съ приговоромъ, добытымъ у присяжныхъ такими полицейскими и такими *судебными* пріемами?.. . . . .
. . . .

На пятый день разбирательства мы почувствовали вдругъ, что что-то измѣнилось въ отношеніи суда. Было уже поздно, чтобы возстановить права защиты, чтобы вызвать ея свидѣтелей, но въ отношеніи къ состязающимся сторонамъ произошла перемѣна, легкая, какъ вѣяніе свѣжаго воздуха въ душномъ залѣ. Послѣ одной очной ставки опытнаго и умнаго урядника съ свидѣтелемъ вотякомъ, предсѣдатель сказалъ судебному приставу:

— Уведите его (урядника).—И тотчасъ прибавилъ: помѣстите отдѣльно и примите мѣры, чтобы онъ не сообщался съ другими свидѣтелями...

И въ лицѣ стараго судьи замѣтно промелькнуло выраженіе гнѣва и отвращенія.

Во время судебныхъ преній онъ далъ возможность защитѣ сказать все, что было нужно, и, когда самъ началъ свою рѣчь присяжнымъ, напутствуя ихъ передъ удаленіемъ въ совѣщательную комнату, — передъ нами былъ настоящій судья. Сдержанно, внимательно, подробно возстановляя аргументы обвиненія, — онъ такъ же внимательно и безпристрастно противопоставилъ имъ доводы защиты.

Какъ извѣстно, присяжные (въ ихъ средѣ было *десять* мужиковъ, раздѣлявшихъ мѣстный предразсудокъ противъ вотяковъ) — на всѣ вопросы суда отвѣтили:

— Нѣтъ, не виновенъ.

Теперь, когда я опять переживаю въ памяти эту недѣлю, проведенную въ напряженной атмосферѣ захолустнаго суда, и думаю о томъ противорѣчіи, которое сказалось въ поведеніи предсѣдателя,— мнѣ кажется, что я нашелъ объясненіе.

Въ то время, когда процессъ близился къ концу, въ «Вятскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано слѣдующее извѣстіе:

«На-дняхъ мултанскіе вотяки получили повѣстки о явкѣ на третій разборъ дѣла о человѣческомъ жертвоприношеніи въ городъ Мамадышъ. Такой оборотъ дѣла, какъ назначеніе слушанія въ Мамадышѣ,—ихъ совершенно ошеломилъ: они надѣялись, что судъ будетъ въ Казани... и они почему-то надѣялись, что въ Казани больше шансовъ на оправданіе. Въ настоящее время не только обвиняемые, но и прочіе *вотяки находятся въ паникѣ*. Одинъ даже покончилъ съ собой.

«Дѣло было въ концѣ апрѣля сего (1896) года. По мултанскому дѣлу и до сихъ поръ ($4^1/_2$ года! В. К.) не прекращались различные допросы судебной и полицейской власти. Одинъ вотякъ села Кизнери, смежной съ Мултаномъ, будучи полицейскимъ десятникомъ, часто находился на посылкахъ у мѣстнаго урядника за лицами, подлежащими къ допросу по мултанскому дѣлу, и, какъ говорятъ, не желая быть посредникомъ между властями и вотяками, — повѣсился».

Эта замѣтка въ Вяткѣ появилась 25 мая и легко могла попасть въ Мамадышъ къ концу дѣла. *Офиціальный органъ* сообщалъ старымъ судьямъ о томъ, что незаконное дознаніе, сопровождавшее дѣло $4^1/_2$ года, довело его до самаго порога суда. Закончилось оно загадочнымъ самоубійствомъ несчастнаго вотяка, не желавшаго содѣйствовать «отряду». Съ этого пункта дѣло гг. Раевскаго и Шмелева предстояло продолжать уже господамъ судьямъ...

Намекъ былъ многозначителенъ и мраченъ. Старый русскій допросъ съ пристрастіемъ въ концѣ девятнадцатаго вѣка всталъ лицомъ къ лицу съ «уставами Императора Александра II-го».

Вѣрно ли мое предположеніе,—не знаю. Но если оно вѣрно,

если дѣйствительно листокъ губернскихъ вѣдомостей попалъ тогда въ руки коронныхъ судей, а съ нимъ въ душную залу заглянула загадочная и скорбная тѣнь послѣдней жертвы «слѣдственнаго отряда» г-на Раевскаго, то—нужно сознаться,—было отъ чего дрогнуть старому судейскому сердцу...

IV.

Еще вятское дѣло.

Это было во время второго разбирательства мултанскаго процесса въ городѣ Елабугѣ. Пріѣхавъ туда въ качествѣ судебнаго репортера, я имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми дѣятелями Сарапульскаго окружнаго суда.

Въ томъ числѣ съ однимъ изъ товарищей прокурора г-мъ NN. Онъ подошелъ ко мнѣ, отрекомендовался, сказалъ нѣсколько лестныхъ словъ о моихъ разсказахъ и затѣмъ спросилъ о моемъ впечатлѣніи отъ дѣла и о томъ, каково мое мнѣніе по существу. Мой взглядъ къ тому времени уже началъ опредѣляться, и я не видѣлъ причины скрывать его. Г-нъ NN со мною не согласился. По его мнѣнію, нѣтъ предѣловъ темноты и невѣжеству мѣстнаго населенія. Все возможно на этой почвѣ, и вотяки достаточно изобличаются данными слѣдствія. Хотя...

Онъ нѣсколько запнулся, но затѣмъ очень сдержанно и корректно счелъ всетаки возможнымъ прибавить, что онъ не вполнѣ согласенъ съ той постановкой, какую придалъ дѣлу его товарищъ, руководившій слѣдствіемъ. Въ судебной сферѣ,—сказалъ онъ совершенно справедливо,—очень важно не только *что* будетъ доказано, но и *какъ* это будетъ доказано..

Это было сказано сдержанно, но понятно. Я и понялъ, что передо мною стоитъ просвѣщенный юристъ, осуждающій темноту полу-язычниковъ, но не сочувствующій своеобразнымъ пріемамъ мултанскаго дознанія.

По окончаніи дѣла я зашелъ какъ-то къ защитнику вотяковъ, М. І. Дрягину и между прочимъ подѣлился съ нимъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, которое вынесъ изъ разговора съ высоко культурнымъ товарищемъ прокурора.

Г. Дрягинъ въ свою очередь отнесся съ корректной сдержанностью къ этимъ моимъ похваламъ.

Въ это время къ нему явился мужикъ для совѣта по своему дѣлу. Поговоривъ съ нимъ въ отдѣльной комнатѣ, г. Дрягинъ пригласилъ меня и предложилъ ознакомиться еще съ нѣкоторыми проявленіями вятскихъ слѣдственныхъ нравовъ.

— Это будетъ вамъ тѣмъ интереснѣе,—прибавилъ онъ, — что видную роль въ этомъ дѣлѣ придется, быть можетъ, играть вашему новому знакомцу, товарищу прокурора NN.

И я услышалъ слѣдующее:

Мѣсто дѣствія—елабужскій уѣздъ. Въ деревню Новую Мурзиху на Мельницу крестьянина Денисова къ его работнику Фуженкову пріѣхалъ крестьянинъ дер. Яковлева Чернышовъ. Дѣло было 3 января, въ престольный праздникъ. Въ деревнѣ пировали, плясали, пили, ходили «ряжеными». Чернышовъ тоже пилъ и тоже ходилъ съ ряжеными; но затѣмъ отбился и—пропалъ безъ вѣсти. Его хватились, искали. Потомъ заявили старшинѣ... Подъ вечеръ этого дня поднялась сильная мятель. Нѣкоторые крестьяне говорили, что видѣли пьянаго человѣка, безъ шапки и въ разстегнутомъ полушубкѣ, который шелъ подъ вечеръ по направленію къ дер. Яковлево. Рѣшили, что Чернышовъ замерзъ. Ночь была необыкновенно бурная, къ утру нанесло огромные сугробы снѣга. Судьба Чернышова казалась совершенно понятной...

Но вотъ, до елабужскаго исправника, г-на Таширева доходитъ, какъ онъ говорилъ на судѣ,—«народная молва», будто Чернышовъ убитъ на мельницѣ Денисова. Г. Таширевъ человѣкъ дѣятельный: онъ лично отправляется въ Мурзиху, дѣлаетъ на мельницѣ обыскъ, находитъ на стѣнѣ и на полу въ сѣняхъ «подозрительныя пятна», дѣлаетъ вырѣзки этихъ пятенъ, арестуетъ Денисова и везетъ въ елабужскую тюрьму. Затѣмъ арестуется Фуженковъ, работникъ, и Борисовъ — сосѣдъ Денисова. Ихъ помѣщаютъ при елабужской полиціи...

Здѣсь послѣ очень непродолжительнаго пребыванія въ распоряженіи г-на Таширева и урядниковъ—всѣ трое приносятъ «чистосердечное сознаніе».

По ихъ словамъ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: когда всѣ ушли съ ряженными, хозяинъ мельницы, Денисовъ, вышелъ зачѣмъ-то въ сѣни и здѣсь увидѣлъ человѣка, который возился около сундука. Натурально, онъ ударилъ его кулакомъ, отъ чего тотъ упалъ и ударился головой объ уголъ сундука. Затѣмъ сталъ топтать его ногами, пока замѣтилъ, что воръ не шевелится. Тогда онъ остановился и присмотрѣлся къ «вору». Оказалось, что это не воръ, а просто пьяный гость его работника, Чернышовъ. Онъ былъ уже мертвъ.

Испугавшись, Денисовъ потребовалъ отъ работника, чтобы онъ, какъ знаетъ, убралъ своего гостя. Тотъ отправился къ сосѣду Борисову, у котораго была своя лошадь. Борисовъ охотно согласился оказать эту небольшую сосѣдскую услугу, запрегъ лошадь и повезъ мертвое тѣло. При «добровольномъ сознаніи» въ помѣщеніи елабужской полиціи онъ обстоятельно разсказалъ, какъ привезъ мертвое тѣло къ рѣкѣ Вяткѣ и спустилъ въ полынью. Разсказъ былъ обставленъ массой бытовыхъ подробностей, которыя такъ украшаютъ всякое показаніе и придаютъ ему въ глазахъ судей живую вѣроятность. Ледъ былъ непроченъ. Поэтому Борисовъ, привезя несчастнаго Чернышева къ рѣкѣ, остановилъ лошадь на берегу,

взялъ трупъ въ охапку и понесъ по льду. Не доходя до самой полыньи, онъ положилъ мертвеца на ледъ и спихнулъ въ полынью большой жердью.

Сознаніе было какъ слѣдуетъ запротоколено. Еще черезъ нѣкоторое время, такъ же добровольно, убійцы показали, что все это они сдѣлали по совѣту волостного старшины, у котораго, кстати, были какіе-то нелады съ полиціей. Оформленное дознаніе поступило къ слѣдователю и, хотя здѣсь всѣ трое заявили, что никого они не убивали, никого не возили къ Вяткѣ и не спускали въ полынью... что это имъ было продиктовано въ елабужской полиціи... что ихъ били тамъ смертнымъ боемъ; что Борисовъ, уже допрошенный, встрѣтясь съ приведеннымъ для допроса Фуженковымъ, не могъ говорить, такъ какъ у него былъ полонъ ротъ крови... Но, конечно, имъ не повѣрили. Составленъ обвинительный актъ, утвержденъ сарапульскимъ окружнымъ судомъ. Денисовъ, Фуженковъ и Борисовъ посажены въ тюрьму, а дѣло о старшинѣ, у котораго были нелады съ полиціей, поступило въ казанскую судебную палату, такъ какъ старшина лицо должностное и свои совѣты давалъ тоже въ качествѣ должностнаго лица.

Весна въ этотъ годъ была поздняя, но наконецъ она все-же пришла, и бугры, наметенные кругомъ Мурзихи въ бурную ночь 3 января, стаяли. И вотъ, близъ дороги изъ Мурзихи въ Яковлево, въ полѣ, проѣзжіе мужики увидѣли торчавшіе изъ подъ снѣга лапти. Когда разрыли снѣгъ, то подъ нимъ оказался... трупъ Чернышева: того самаго, котораго Борисовъ везъ въ мятель на саняхъ, котораго онъ тащилъ охапкой по льду, котораго длинной жердью спихнулъ въ полынью. Онъ былъ безъ шапки, въ разстегнутомъ полушубкѣ. Никакихъ поврежденій, которыя-бы могли причинить смерть, на немъ не было... Онъ умеръ, по заключенію вскрывавшихъ врачей, отъ асфиксіи, т. е. попросту задохся пьяный подъ снѣгомъ. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ на вискѣ обнажены нижніе покровы кожи, что по общему признанію, сдѣлано полевыми мышами, проложившими подъ снѣгомъ свои ходы къ трупу...

Это случилось на 97-й день послѣ рокового 3 января...

— Что-же? Теперь ихъ конечно отпустили?—наивно спросилъ я, выслушавъ этотъ разсказъ.

— То-то вотъ, что нѣтъ... — сказалъ мужикъ. — Держатъ въ тюрьмѣ. Хотятъ всетаки судить...

Это былъ тотъ самый старшина, у котораго не все было ладно съ елабужской полиціей и котораго, оговаривая «добровольно» себя, оговорили столь же добровольно Денисовъ, Борисовъ и Фуженковъ. Ему предстояло судиться въ судебной палатѣ, но онъ былъ «на порукахъ», и удивлялся, такъ же, какъ и я, что это дѣло, до такой степени выясненное вмѣшательствомъ божьяго солнца, все еще какъ-будто продолжается и все еще чѣмъ-то угрожаетъ.

М. I. Дрягинъ объяснилъ намъ, что, разъ состоялось постановленіе о преданіи суду, то уже прервать его теченіе невозможно. Такимъ образомъ, совершенно понятно, что мужиковъ всетаки будутъ судить въ окружномъ судѣ, а старшину—въ судебной палатѣ... А вотъ,—что ихъ продолжаютъ держать въ тюрьмѣ,—это показываетъ, что мой знакомый, корректный елабужскій товарищъ прокурора *намѣренъ настаивать на обвиненіи...*

— Видите ли. Дѣло стоитъ такъ, что кого-нибудь обвинять придется непремѣнно: если не виновны мужики, то... весеннее солнце оказало очень плохую услугу исправнику и полиціи...

— И вы думаете?..

— Ничего я не думаю... Посмотримъ.

Онъ замолчалъ и сталъ говорить съ мужикомъ о дѣловыхъ подробностяхъ... Я понялъ щекотливое положеніе культурнаго товарища прокурора: положеніе г-на Таширева было тоже очень непріятно.

Черезъ нѣкоторое время газеты принесли отчетъ по дѣлу объ убійствѣ крестьянина деревни Яковлева, Чернышова, крестьянами Денисовымъ, Борисовымъ и Фуженковымъ изъ Большой Мурзихи.

Картина была обычная. Такъ же важно, съ цѣпями на груди возсѣдали гг. члены сарапульскаго окр. суда. Такъ же торжественно священникъ призывалъ свидѣтелей содѣйствовать суду въ раскрытіи истины, «не увлекаясь ни дружбой, ни родствомъ, нижѐ ожиданіемъ выгодъ»... Такъ же внимательно прислушивались ко всему присяжные, и даже на столѣ «вещественныхъ доказательствъ» лежали куски одежи и вынутые изъ стѣнъ щепки съ пятнами; на одежѣ, по заключенію экспертизы, крови не оказалось; щепки даже не изслѣдовались. И однако—они лежали на столѣ, создавая соотвѣтственную обстановку.

Мой культурный знакомый *настаивалъ на обвиненіи...*

Свою систему защиты исправника Таширева онъ обосновалъ на поврежденіи наружныхъ покрововъ кожи. Рядомъ вопросовъ врачу онъ стремился установить слѣдующія «научныя положенія». *Первое*: отъ дѣйствія солнца трупъ начинаетъ разлагаться. *Второе*: разложеніе начинается скорѣе на мѣстахъ, поврежденныхъ уже ранѣе. *Третье*: мышей привлекаетъ запахъ разлагающагося мяса. *Четвертое*: мыши съѣли кожу именно на вискѣ потому, что високъ былъ поврежденъ ранѣе.

И вотъ, передъ зерцаломъ, передъ судьями въ цѣпяхъ, передъ присяжными товарищъ прокурора произноситъ рѣчь, въ которой доказываетъ, что Чернышовъ былъ убитъ ударомъ въ високъ; что рана привлекла мышей, которыя и уничтожили слѣды ужаснаго преступленія... Обвинитель проситъ для виновныхъ примѣрнаго наказанія...

Защитѣ осталось только указать, что отъ поврежденія наруж-

ныхъ покрововъ кожи никто еще не умиралъ... Присяжные вынесли обвиняемымъ оправдательный вердиктъ...

А г. Таширевъ и три бравыхъ урядника, добывшихъ истязаніями чистосердечное сознаніе, были всетаки выведены изъ непріятнаго положенія.

Оставался еще одинъ актъ этой судебной траги-комедіи: дѣло старшины, у котораго были счеты съ полиціей, тоже двигалось къ развязкѣ, подъ негодующіе комментаріи прессы. «Итакъ,—писали мы въ хроникѣ «Р. Бог.» (мартъ, 1896 года)—благодаря усердію елабужской полиціи, намъ предстоитъ еще одна судебная процедура, въ которой обвиняемаго придется спрашивать: «признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что взяли съ такихъ то взятку за сокрытіе убійства, котораго, впрочемъ, никто не совершалъ, и утопленія въ рѣкѣ Вяткѣ трупа Чернышева, который, впрочемъ, найденъ замерзшимъ въ полѣ. Положеніе, въ которомъ, *благодаря елабужской полиціи и елабужской прокуратурѣ*, оказалась судебная палата, вынуждаемая публично производить такія *удивительныя судебныя* дѣйствія,—наводитъ, разумѣется, на размышленія» *).

Казанская судебная палата все это продѣлала съ добросовѣстной торжественностью и старшину, конечно, оправдала. Даже болѣе: въ мотивахъ оправданія она упомянула и о дѣлѣ Денисова, Фуженкова и Борисова въ выраженіяхъ хотя и сдержанныхъ, но все же такъ, что въ нихъ сквозило неодобреніе. То-есть, именно такъ, какъ елабужскій товарищъ прокурора не одобрялъ дѣйствій товарища прокурора малмыжскаго . . . .

. . . .

Во время мултанскаго дѣла въ Мамадышѣ на эстрадѣ все время сидѣлъ прокуроръ казанской судебной палаты г. Чернявскій. Онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ процесса и что-то записывалъ. Говорили, что онъ готовитъ докладъ министру... Затѣмъ дѣло было оглашено во всѣхъ подробностяхъ, и печать на этотъ разъ съ полнымъ единодушіемъ осуждала и полицію, и слѣдствіе, и пріемы обвиненія. Даже «Московскія Вѣдомости» признавали, что только экстренныя усилія печати и адвокатуры спасли судъ отъ позора тяжкой судебной ошибки. Все мултанское дѣло было поднято, подъ стекляннымъ колпакомъ, на общее обсужденіе. Газеты требовали разслѣдованія и осужденія пытокъ...

Въ связи съ мултанскимъ—выплыло еще нѣсколько дѣлъ:—Ивановскаго и Жукова, яранскихъ истязателей, елабужское дознаніе, замѣчательная рѣчь елабужскаго товарища прокурора, цѣлый букетъ слѣдствій, въ которыхъ красовались вновь расцвѣтающіе старинные пыточные нравы...

---

*) Фразы, набранныя курсивомъ, были выкинуты цензурой, какъ и самыя размышленія, на которыя все это наводитъ хроникера.

И—ничего! Весь административный аппаратъ и весь аппаратъ судебный оставался спокойнымъ. Во всемъ его составѣ, снизу и до-верху, не нашлось нерва, который бы дрогнулъ отъ негодованія, гнѣва, простого чувства оскорбленнаго права...

Г. Раевскій получилъ повышеніе: изъ глухого Малмыжа онъ былъ переведенъ прямо въ Петербургъ... Пристава Шмелевъ и Тимофѣевъ подъ судъ не попали и осторожно воздержались отъ привлеченія корреспондентовъ, которые ихъ къ этому звали съ величайшей готовностью. Исправникъ Таширевъ былъ переведенъ на мѣсто, котораго добивался давно. Товарищъ прокурора, защищавшій его съ рискомъ обвиненія явно невиновныхъ мужиковъ,—изъ захолустной Елабуги переведенъ въ Симбирскъ.

Когда я выражалъ по этому поводу свое удивленіе, го слушавшій меня провинціальный адвокатъ только пожалъ плечами.

— Чему вы удивляетесь?—сказалъ онъ:—мы, провинціальные защитники, встрѣчаемъ это на каждомъ шагу... Почти ни одно уголовное дѣло не обходится безъ того, чтобы подсудимые не жаловались на истязанія и побои. Слѣдователи до того свыклись съ этимъ, что не обращаютъ уже ни малѣйшаго вниманія на такія жалобы. Да это считалось бы и «нетактичнымъ»: вмѣшательство въ дѣйствія полиціи.

И онъ развернулъ передо мной ту же картину, которую десять лѣтъ назадъ рисовалъ кн. Мещерскій: «стало общимъ мѣстомъ», что подсудимые жалуются на истязанія и побои при дознаніи. Только... десять лѣтъ реакціоннаго давленія на судъ сдѣлали свое дѣло: теперь суды бросили «смѣшное убѣжденіе», будто они должны защищать населеніе отъ допросовъ съ пристрастіемъ. Прокурорскій надзоръ не только не «устремляется рьяно на дознанія, вскрытія и медицинскіе осмотры», но кое-гдѣ поступаетъ вотъ именно такъ, какъ г. Раевскій изъ Малмыжа и г. NN изъ Елабуги...

— Да вы присмотритесь къ судебнымъ хроникамъ газетъ, —посовѣтовалъ мой собесѣдникъ... Не проходитъ недѣли безъ такихъ дѣлъ...

И безъ этого совѣта я сталъ присматриваться къ газетнымъ судебнымъ отчетамъ. Вѣрнѣе,—я пріобрѣлъ къ нимъ, послѣ мултанскаго процесса, какую-то особую воспріимчивость. То, что прежде являлось простыми газетными строками, сообщавшими объ отдѣльныхъ случаяхъ, теперь облекалось живыми образами и складывалось въ мрачную и широкую картину. «Въ глубь вятскихъ лѣсовъ, очевидно, еще не дошла вѣсть о существованіи законовъ, возбраняющихъ всякое вынужденіе при допросахъ, а тѣмъ болѣе истязанія... Тамъ еще не знаютъ, что вынужденное сознаніе... можетъ вести лишь къ величайшему изъ заблужденій, къ судебной ошибкѣ»... Такъ писалъ авторъ одной изъ безчисленныхъ него-

дующихъ статей по поводу мултанскаго дѣла *)... И это было невѣрно. Въ глубь вятскихъ лѣсовъ давно дошла вѣсть о существованіи законовъ, воспрещающихъ пытки. Но тамъ, быть можетъ, раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, объ этомъ стали забывать и, среди инородческаго сугубо безправнаго населенія, ярче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, проявлялось это забвеніе...

И ни откуда не слышалось напоминанія, что это — «событія ужасныя и доказывающія небреженіе объ искорененіи жестокостей» (слова указа Николая I-го). Офиціальный слѣдственно судебный аппаратъ потерялъ чувствительность, которая когда-то продиктовала Александру I-му благородный указъ, и пытка, позоръ и укоризну человѣчеству приносящая, все ширилась, годъ отъ году захватывая все болѣе широкія области.

Этотъ ужасающій «прогрессъ» и будетъ предметомъ послѣдующихъ очерковъ.

Вл. Короленко.

---

*) „Биржев. Вѣд.“, 29 декабря 1895 г., № 356 (статья г. Гаммы).

Драмы Герцена.

I.

«Мы присутствуемъ при великой драмѣ; для того, чтобы ее видѣть, надобно собрать всѣ силы души—у кого нервы слабы, могутъ идти въ поля, въ лѣса. Драма эта не болѣе и не менѣе, какъ *разложеніе христіано-европейскаго міра*»...

Такъ говорилъ Герценъ въ одномъ изъ неизданныхъ еще писемъ 1848 года *), когда волны февральской революціи не успѣли улечься, но когда реакція уже торжествовала побѣду. Старый міръ терпитъ крушеніе; его формы обветшали, изжили самихъ себя, онъ не устоитъ противъ волнъ революціи внѣшней и внутренней, будь то сейчасъ или черезъ сто лѣтъ—не все-ли равно! Одно ясно: приближается часъ гибели стараго міра:

Le monde fait naufrage—
Vieux bâtiment, usé par tous les flots,
Il s'engloutit: sauvons-nous à la nage!

Надо спасаться вплавь, надо найти новую твердую землю, надо *съ того берега* окинуть взглядомъ и погибающій старый міръ, и первые ростки міра новаго, которому суждено обновить человѣчество. Въ книгѣ «Съ того берега» (написанной въ 1848—1849 г.) Герценъ приводитъ, между прочимъ, два примѣра такого новаго строительства на новомъ берегу: съ одной стороны это—старый Римъ и христіанство, съ другой—англійскіе пуритане XVII-го вѣка и Сѣверная Америка. Гдѣ этотъ новый берегъ?—спрашиваетъ Герцена его собесѣдникъ (въ главѣ «Передъ грозой»),—куда плыть, куда бѣжать? «Гдѣ эта новая Пенсильванія, готовая...» —«...Для новыхъ построекъ изъ стараго кирпича»...—иронически подхваты-

*) Это и другія письма Герцена, еще нигдѣ не напечатанныя цѣликомъ, собраны въ спискахъ А. Н. Пыпина, наслѣдникамъ котораго приношу благодарность за доставленную мнѣ возможность ознакомиться съ этими матеріалами.

ваетъ Герценъ и продолжаетъ:—Вильямъ Пеннъ везъ съ собою старый міръ на новую почву; Сѣверная Америка—исправленное изданіе прежняго текста, не болѣе. А христіане въ Римѣ перестали быть римлянами,—этотъ внутренній отъѣздъ полезнѣе»...

Извѣстно, что тема эта—разложеніе стараго міра—стала основной, главной темой Герцена пятидесятыхъ годовъ; рядъ книгъ и статей былъ посвященъ имъ этой темѣ. «Съ того берега», «Письма изъ Франціи и Италіи», «Старый міръ и Россія» и многое множество болѣе мелкихъ статей, написанныхъ послѣ 1848 года, развивали тему неизбѣжности гибели стараго міра, этого vieux bâtiment, usé par tous les flots... Все это хорошо извѣстно. Менѣе извѣстно, что и въ тридцатыхъ годахъ тѣ-же самыя темы занимали молодого Герцена; по крайней мѣрѣ обѣ его юношескія драмы, «Лициній» и «Вильямъ Пеннъ», написанныя въ 1838—1839 году, касались все того-же вопроса гибели стараго міра и зарожденія новаго. Недаромъ въ главѣ «Передъ грозой» Герценъ, какъ мы видѣли, вспомнилъ по этому поводу римскихъ христіанъ и англійскихъ квакеровъ: это именно и была тема—съ одной стороны «Лицинія», съ другой—«Вильяма Пенна». Я остановлюсь на этихъ драмахъ, уничтоженныхъ въ свое время самимъ авторомъ; до насъ дошелъ однако сценарій обѣихъ пьесъ, одна сцена первой и почти полный списокъ второй изъ нихъ. Все это представляетъ большой интересъ особенно потому, что рисуетъ намъ тѣ взгляды и настроенія молодого Герцена, которые развились впослѣдствіи въ глубокое и стройное соціально-философское воззрѣніе.

Какъ и когда родились впервые у Герцена эти мысли о борьбѣ двухъ міровъ?--Это случилось въ 1833 году, когда Герцену и Огареву впервые «попались въ руки сенъ-симонистскія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессъ»... Это былъ знаменитый процессъ Базара и Анфантена въ 1832 году, когда обвиняемые превратились въ обвинителей и бичевали фарисейство и мѣщанскую мораль своихъ судей. Апостолы сенъ-симонизма, предтечи соціализма,—говоритъ Герценъ,—«торжественно и поэтически являлись середь мѣщанскаго міра... Они возвѣстили новую вѣру, имъ было что сказать и было во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ вещей... Новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ» («Былое и Думы», гл. VII). И съ этихъ поръ мысль о глубокой драмѣ *борьбы двухъ міровъ* не переставала занимать Герцена; онъ предвидѣлъ эту драму впереди, въ близкомъ или далекомъ будущемъ,—онъ видѣлъ ее и позади, въ далекомъ или недавнемъ прошедшемъ. Конечно, «всегда прошедшее съ грядущимъ вело тяжелый долгій споръ»,—и въ этомъ заключается вся драма всемірной исторіи; но бывали рѣзкіе и острые моменты, когда эта обычная драма достигала до вершинъ общественной и личной трагедіи, когда съ всемірнымъ

грохотомъ рушился старый міръ — старый Римъ,—когда что-то новое, невѣдомое подымалось на развалинахъ стараго. Такъ было отчасти и въ великой французской революціи, такъ будетъ и въ величайшей всемірной революціи будущаго. Этому вѣрилъ Герценъ и вѣрилъ, что крушеніе стараго міра близко, «при дверяхъ», что Catilina ante portas, что надо создавать новое содержаніе для новыхъ формъ. «Сенъ-симонизмъ—писалъ онъ тогда-же Огареву—имѣетъ право насъ занять. Міръ ждетъ обновленія, потому что революція 89-го года ломала и только, но надобно создать новое, *палингенезическое* время, надобно другія основанія положить обществамъ Европы»...

Таковы были мысли и чувства двадцати-двухъ-лѣтняго Герцена, когда онъ былъ арестованъ (21 іюля 1834 года), заключенъ въ тюрьму, судимъ «за образъ мыслей несвойственный духу правительства, за мнѣнія революціонныя и проникнутыя пагубнымъ ученіемъ Сенъ-Симона», и высланъ подъ надзоръ полиціи въ Вятку,—куда и прибылъ въ серединѣ мая 1835 года и гдѣ пробылъ два съ половиною года. Здѣсь онъ встрѣтился (23-го ноября 1835 г.) и близко сошелся съ геніальнымъ и несчастнымъ Витбергомъ *): о немъ надо сказать потому, что онъ оказалъ въ эти годы сильное вліяніе на молодого Герцена, а тѣмъ самымъ и на замыселъ двухъ его «соціально-религіозныхъ драмъ». Витбергъ былъ глубокій мистикъ, и мистицизмъ этотъ окрасилъ всѣ соціальные идеалы и вѣрованія Герцена той эпохи.

«Пріѣздъ сюда Витберга,—писалъ Герценъ изъ Вятки Кетчеру 22 ноября 1835 года, — есть для меня вещь важная. Онъ понимаетъ всякій восторгъ, цѣнитъ всякое чувство, онъ артистъ въ душѣ, артистъ не zum Zeitvertrieb, а потому, что онъ не могъ бы быть не артистомъ. Въ его головѣ родилась мысль высокая, сбыточная или нѣтъ — что за дѣло. Мысль эта обвила все его существованіе, была сердцемъ его жизни и не удалась. Пусть другіе назовутъ его сумасшедшимъ; я думаю, что онъ великій человѣкъ среди мелочнаго времени»... Такъ говорилъ Герценъ о Витбергѣ; тридцатью годами позднѣе онъ могъ бы съ горечью повторить это о самомъ себѣ: и у него была мысль высокая (сбыточная или нѣтъ—что за дѣло!), которая обвила все его существованіе, была сердцемъ его жизни; впервые мысль эта выражена Герценомъ и Огаревымъ въ 1827 году на Воробьевыхъ горахъ, какъ разъ на мѣстѣ закладки грандіознаго и неосуществленнаго храма Витберга: тамъ они дали клятву пожертвовать жизнью въ борьбѣ за свободу. Тогда они еще не знали, за какую «свободу» готовы они отдать жизнь; лѣтъ черезъ пять-шесть Герценъ сталъ «сенъ-симонистомъ» и готовъ былъ

---

*) О Витбергѣ и Герценѣ см. между прочимъ статью въ февральской книжкѣ журнала „Старые годы" за 1912 годъ, а также статьи въ „Русск. Стар." 1872 г. т. V, 1876 г. т. XVII и 1897 г. т. XCII.

бороться не за одну свободу политическую, а за новыя соціальныя формы, за «новый міръ» противъ стараго. И теперь, въ Вяткѣ, сойдясь съ Витбергомъ, Герценъ не могъ не вспомнить своей клятвы, данной на развалинахъ Витбергова храма: всѣмъ пожертвовать, ради участія въ построеніи новаго всемірнаго храма счастья человѣческаго.

Съ Витбергомъ Герценъ сошелся близко и всецѣло отдался религіозному вліянію геніальнаго неудачника. Недаромъ въ одномъ изъ писемъ 1838 года къ Герцену Витбергъ говоритъ о томъ сѣмени, которое посѣялъ онъ въ душѣ Герцена, о томъ «рожденіи въ духовную жизнь», которое совершилось съ Герценомъ, о его обращеніи въ христіанство. Витбергъ имѣлъ право говорить такъ—это достаточно ясно хотя-бы изъ одной переписки Герцена съ Витбергомъ, отчасти опубликованной *); и Герценъ имѣлъ основаніе впослѣдствіи воздать должное Витбергу и признать его вліяніе на себя; еще въ письмѣ 1838 года изъ Владимира Герценъ писалъ о себѣ Витбергу: «вы были Виргилій, взявшійся вести Данта, сбившагося съ дороги». Мистицизмъ Витберга отразился на взглядахъ Герцена. «Вліяніе Витберга поколебало меня, — говорилъ Герценъ: — ...Но именно въ ту эпоху, когда я жилъ съ Витбергомъ, я болѣе чѣмъ когда нибудь былъ расположенъ къ мистицизму. Разлука, ссылка, религіозная экзальтація писемъ, получаемыхъ мною, любовь...—все это помогало Витбергу. И еще два года послѣ я былъ подъ вліяніемъ идей мистически-соціальныхъ» («Былое и Думы», гл. XVI).

«Два года послѣ»—это значитъ года 1838 — 1839, время пребыванія Герцена во Владимирѣ на Клязьмѣ и время созданія имъ двухъ «соціально-религіозныхъ драмъ». Вообще это было время усиленныхъ попытокъ художественнаго творчества Герцена. Онъ пишетъ повѣсть «Его Превосходительство» (утеряна), задумываетъ повѣсть «Граница Ада съ Раемъ», пишетъ «Лицинія», сообщаетъ Витбергу, что «поэма Вильямъ Пеннъ почти окончена» и шутливо замѣчаетъ въ письмѣ 1838 года къ Кетчеру: «говорятъ, Нилъ способствовалъ плодородію женщинъ; но я начинаю думать, что Клязьма способствуетъ *литерацкому* плодородію; впрочемъ всѣ статьи у меня родятся per abortum—естественный недостатокъ»... Такими драмами «per abortum» были соціально-религіозныя сцены «Лициній» и «Вильямъ Пеннъ». Въ литературно-художественномъ отношеніи обѣ эти драмы крайне слабы, но представляютъ теперь большой историко-литературный интересъ; въ нихъ мы находимъ первое яркое проявленіе той драматической коллизіи, которая была «сердцемъ жизни» Герцена—коллизіи разложенія стараго міра и зарожденія новаго.

«Я въ 1838 году написалъ въ соціально-религіозномъ духѣ

*) «Русск. Старина» тт. XVII и XCII.

историческія сцены, которыя тогда принималъ за драмы. Въ однѣхъ я представлялъ борьбу древняго міра съ христіанствомъ; тутъ Павелъ, входя въ Римъ, воскрешалъ мертваго юношу къ новой жизни. Въ другихъ — борьбу офиціальной церкви съ квакерами и отъѣздъ Вильяма Пенна въ Америку, въ Новый Свѣтъ. Я эти сцены, не понимая почему, вздумалъ написать *стихами*. Вѣроятно я думалъ, что всякій можетъ писать пятистопнымъ ямбомъ безъ риѳмъ».

Такъ писалъ впослѣдствіи Герценъ въ «Быломъ и Думахъ»; а въ 1838-омъ году (4-го октября) онъ вотъ что писалъ на эту же тему къ Кетчеру: «при первой оказіи я пришлю тебѣ первую часть фантазіи *Палингенезія*,—я написалъ Сазонову, что это драма. Нѣтъ, просто сцены изъ умирающаго Рима. Это первые стихи съ 1812 года мною писанные,—кажется, пятистопный ямбъ дѣло человѣческое»... Если вспомнить выраженіе Герцена въ цитированномъ выше письмѣ его 1833-го года къ Огареву о необходимости создать новое *палингенетическое* время и обновить старый міръ,—то этимъ сразу освѣтятся задачи «драматическихъ фантазій» Герцена, носившихъ общее заглавіе «Палингенезія». Обратимся же къ двумъ этимъ драмамъ и сперва къ первой изъ нихъ —«Лицинію».

II.

На площадяхъ Рима раздается проповѣдь Евангелія, и всѣ рабы, бѣдняки, всѣ труждающіеся и обремененные жадно слушаютъ новую вѣсть искупленія, въ то время какъ римская аристократія съ улыбкой презрѣнія смотритъ на эту проповѣдь,—такъ писалъ впослѣдствіи Герценъ въ четвертомъ изъ своихъ «Писемъ объ изученіи природы» (1844 г.). «Тацитъ не понялъ сначала и Плиній не понялъ потомъ, что совершалось передъ ихъ глазами»,—а совершилось не болѣе и не менѣе какъ разложеніе стараго римскаго міра, гибель его отъ руки *пролетарія*, ищущаго новыхъ и духовныхъ, и соціальныхъ цѣнностей. Вотъ тема «Лицинія», на которую натолкнуло Герцена въ 1838-мъ году чтеніе Тацита. «Задыхаясь, съ холоднымъ потомъ на челѣ, читалъ я страшную повѣсть (Тацита),—какъ отходилъ въ корчахъ, судорогахъ, съ рѣчью предсмертнаго бреда вѣчный городъ... Есть особое состояніе трепета и безпокойства, мучительнаго стремленія и боязни, когда будущее, чреватое цѣлымъ міромъ, хочетъ развернуться, отрѣзать все былое, но еще не разверзалось; когда сильная гроза предвидится; когда ея неотразимость очевидна, но еще царитъ тишина»... И вотъ—«рядомъ съ мрачнымъ, окровавленнымъ, развратнымъ, снѣдаемымъ страстями Римомъ, предстала мнѣ бѣдная община гонимыхъ, угнетенныхъ проповѣдниковъ Евангелія, сознавшая, что ей вручено пересозданіе міра»... Столкновеніе этихъ двухъ міровъ — вотъ содержаніе

всѣхъ четырехъ картинъ «Лицинія», извѣстныхъ намъ въ позднѣйшемъ сценаріи Герцена и въ отрывкѣ одной сцены (напечатанномъ въ запискахъ Т. Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ», откуда и предыдущая цитата).

Лициній, молодой, больной, недавно вернувшійся въ Римъ изъ Аоинъ, присутствуетъ на «пышной оргіи à l'antique» у своего дяди, патриція Пизона, который работаетъ надъ заговоромъ противъ Нерона. Пиръ въ полномъ разгарѣ: горячія рѣчи, тосты, политическіе намеки заговорщиковъ, вино, цвѣты. Лициній одинъ не участвуетъ въ общемъ разгулѣ, и «на веселый тостъ отвѣчаетъ печальною рѣчью». Онъ говоритъ, что старый Римъ умеръ, не воскреснетъ, что безумно вызывать прошлое изъ могилы. На старомъ Римѣ лежитъ грѣхъ раздѣленія, грѣхъ братоубійства: не Ромулъ убилъ Рема, а патриціи угнетали и убивали плебеевъ; и теперь, вызывая прошедшее изъ могилы, какъ бы не вызвать вмѣсто Ромула—Рема, голоднаго и одичалаго въ подземной жизни своей! И его уже ждутъ—но ждутъ «не граждане Рима, не патриціи, его ждутъ безправные, покрытые рубищемъ, чернь спартаковская», ждутъ его рабы, пролетаріи... Рѣчь Лицинія заключаетъ собою шумную оргію; она угнетаетъ гостей; пиръ разстраивается.

Во второмъ дѣйствіи Лициній, тяжело больной, лежитъ подъ деревомъ въ саду; съ нимъ другъ его Мевій, «блестящій умомъ и красотой, пылающій здоровьемъ». Мевій проповѣдуетъ философію эпикуреизма (ту самую, которую впослѣдствіи въ безконечно углубленномъ и облагороженномъ видѣ отчасти проповѣдовалъ, какъ «философію настоящаго», самъ Герценъ), а Лициній мучается въ вѣчномъ колебаніи, въ тяжеломъ невѣріи и въ жизнь, и въ смерть, и въ боговъ. Одинъ только платоновскій *Логосъ* занимаетъ его душу, какъ тайна, какъ гіероглифъ, который онъ не можетъ разгадать. И еще другая тайна, другой гіероглифъ—это то, что совершается теперь въ мірѣ, въ исторіи. «Что-то великое совершается. Этимъ путемъ міръ дальше идти не можетъ: онъ своими когтями разорвалъ свою грудь и пожираетъ свои внутренности»... Мевій ведетъ разговоръ съ подошедшимъ патриціемъ о заговорѣ; оба они бранятъ «подлыхъ рабовъ», «подлое отродье подлыхъ корней» — плебеевъ, пролетаріевъ, которые позволяютъ себѣ «нечестивыя рѣчи» противъ патриціевъ и аристократовъ. Плебеевъ поощряетъ Неронъ. Но заговоръ зрѣетъ; и Мевій хочетъ вѣрить, что «разъ, два сядетъ солнце и въ третій взойдетъ надъ освобожденнымъ Римомъ и онъ, какъ фениксъ, воскреснетъ въ лучахъ прежней славы, пробудится отъ тяжелаго лихорадочнаго сна, въ которомъ грезилъ чудовищныя событія»... И снова эту вѣру разрушаетъ Лициній горячей, убѣжденной рѣчью. «Домъ падаетъ, — восклицаетъ онъ, — столбы покачнулись, скоро рухнутъ, а вы хотите поддержать его! Чѣмъ? руками? — васъ раздавитъ, а зданіе всетаки упадетъ... Римъ кончилъ свое бытіе... Что хотите? Воскресить Римъ? Зачѣмъ?.. Для кого

вы работаете, на кого обопретесь? На плебеевъ, что ли? Да они васъ ненавидятъ! Было время, плебей считалъ патриція за отца. Хорошо воспиталъ отецъ сына: онъ его ограбилъ, замучилъ на тяжкой работѣ, прогналъ изъ дома, рѣзалъ мясо его на куски за долги, морилъ въ тюрьмѣ, ругаясь надъ нимъ, спрашивалъ, глядя на закорузлую руку—не четвероногій ли онъ *)?.. При первомъ же шагѣ онъ васъ растерзаетъ на части, и нечему дивиться... Въ основѣ своей Римъ носилъ зародышъ гибели. Время казни настало. Онъ богами посвященъ! Ремъ, облитый кровью, всталъ, онъ требуетъ наслѣдія; отчета; онъ не забылъ, что его зарѣзалъ родной братъ изъ корысти. Онъ одичалъ въ преисподней; безумье блеститъ въ его глазахъ, лишенныхъ свѣта нѣсколько вѣковъ, у него въ груди одно чувство—месть!.. Онъ—огонь, прокравшійся всюду и сожигающій со всѣхъ сторонъ ветхое зданіе!..»—Мевій не хочетъ слушать такія рѣчи, «полныя отравы»; онъ хочетъ лучше погибнуть съ вѣрою въ Римъ, «неужели дать мѣсто въ груди ядовитымъ пѣснямъ фурій». Но Лицинію и самому больно; «не брани меня, плачь обо мнѣ»,—отвѣчаетъ онъ на упреки друга. «Я люблю Римъ, но не могу не видѣть, что стою у изголовья умирающаго. Если бъ можно было создать новый Римъ—прочную, обширную храмину!.. Теперь—*дѣлать нечего.* Да, нечего, и это худшая кара, которая можетъ пасть на людей... Бѣдные, несчастные! Фатумъ призвалъ насъ быть страдательными свидѣтелями позорной смерти нашего отца, и не далъ никакихъ средствъ помочь умирающему, даже отнялъ уваженіе къ развратному старику. А между тѣмъ въ груди бьется сердце, жадное дѣяній и полное любви. Ни Эсхилу, ни Софоклу не приходило въ голову такого трагическаго положенія. Можетъ, придутъ другія поколѣнія, будетъ у нихъ вѣра, будетъ надежда, свѣтло имъ будетъ, зацвѣтетъ счастье... Но мы—промежуточное кольцо, вышедшее изъ былого, не дошедшее до грядущаго. Для насъ темная ночь—ночь, потерявшая послѣдніе лучи заходящаго солнца и не нашедшая алой полосы на востокѣ. Счастливые потомки, вы не поймете нашихъ страданій, не поймете, что нѣтъ тягостнѣе работы, нѣтъ злѣйшаго страданія, какъ *ничего не дѣлать*! Душно!..»

Я намѣренно привожу съ такой полнотой эти рѣчи Лицинія, такъ изумительно предвосхитившаго (въ 1838-мъ году) все то, что самъ отъ себя высказалъ Герценъ десятью годами позднѣе, въ книгѣ «Съ того берега». Подъ этой сценой и слѣдующей стоитъ подпись: «1838 г. Владиміръ на Клязьмѣ»; если бы не эта подпись, то можно было бы подумать, что это уже въ пятидесятыхъ годахъ Герценъ, возстановляя по памяти сценарій «Лицинія», переложилъ въ прозу и значительно развилъ то, что десять лѣтъ тому назадъ

*) Острота Сципіона Африканскаго.

было написано пятистопнымъ ямбомъ и что въ первоначальномъ видѣ было значительно примитивнѣе. Но дата, которую мы не имѣемъ основанія оспаривать, заставляетъ придти къ другому возможному предположенію: задумавъ «Лицинія», Герценъ сперва набросалъ главную сцену прозой, а затѣмъ уже перевелъ ее на пятистопный ямбъ — первые стихи, писанные имъ съ 1812 года, по его шутливому выраженію. Объ этомъ «пятистопномъ ямбѣ», сохранившемся во второй драмѣ Герцена—рѣчь впереди; здѣсь надо было только подчеркнуть поразительную близость словъ Герцена, высказанныхъ устами Лицинія въ 1838 году, и suo nomine—десятью годами позднѣе.

Возвращаюсь къ сценарію, къ концу второго дѣйствія. Измученный болѣзнью, измученный невѣріемъ въ міръ и Римъ, Лициній вспоминаетъ о своей встрѣчѣ въ Аѳинахъ съ какимъ-то старикомъ-пророкомъ, вѣра котораго была полна покоя и надежды въ будущее... *) Лициній впадаетъ въ забытье и видитъ этого старика, который зоветъ его за собой. Дыханіе останавливается, Лициній умираетъ.

Третье дѣйствіе—forum Appii. Поютъ пѣвцы, шумитъ народъ, требуетъ panem et circenses; императорскіе шпіоны успокаиваютъ народъ: львы и тигры уже готовы и скоро ими будутъ травить какихъ-то назареевъ. Какая-то женщина говоритъ, что только-что сама видѣла одного изъ назареевъ на Аппіевой дорогѣ: онъ проповѣдывалъ, поучалъ своей вѣрѣ. «Онъ такъ утѣшительно говорилъ, такъ хорошо, не могу всего пересказать. Говорилъ онъ, что пора каяться, что новая жизнь началась, что Богъ послалъ сына своего спасти міръ, спасти притѣсненныхъ и бѣдныхъ»... Голоса подхватываютъ: «слышите! слышите! Говорятъ, и слѣпые стали видѣть, и мертвые воскресаютъ!»,—но толпа реветъ: «въ циркъ его, въ циркъ! Но сначала пойдемте его смотрѣть!»

Послѣднее дѣйствіе—via Appia: похоронная процессія, несутъ въ родовой колумбарій тѣло Лицинія; родные Лицинія, Сенека, патриціи, сенаторы и толпа съ форума. На встрѣчу процессіи идетъ поднимающійся въ гору апостолъ Павелъ со своими спутниками; онъ благословляетъ раскинувшійся передъ нимъ вѣчный городъ. Отецъ Лицинія съ сарказмомъ требуетъ, чтобы апостолъ воскресилъ его сына. «Молись и вѣрь»,—отвѣчаетъ Павелъ и, обращаясь съ проповѣдью къ народу, пророчитъ кончину стараго міра и водвореніе новаго; окончивъ проповѣдь, онъ молится, колѣнопреклоненный. Лициній приходитъ въ себя и узнаетъ въ Павлѣ аѳинскаго старика-пророка. Народъ въ ужасѣ, видя воскрешеніе мертваго. Отецъ Лицинія предлагаетъ апостолу часть своего состоянія, но

*) Слишкомъ очевидно, что для Лицинія-Герцена этимъ старикомъ пророкомъ въ 1838 году былъ старикъ Витбергъ.

Павлу этого не нужно: «раздай бѣднымъ»,—отвѣчаетъ онъ. Отецъ зоветъ сына съ собой, но тотъ кротко отвѣчаетъ ему: «Лициній твой умеръ, вотъ мой отецъ и моя родина, я иду по стопамъ его», и идетъ вслѣдъ за Павломъ. Народъ, разступаясь, привѣтствуетъ Апостола. «Сенека не вѣритъ въ воскрешеніе, онъ думаетъ, что Лициній былъ въ летаргическомъ снѣ. Какой-то жрецъ находитъ, что это гораздо опаснѣе, нежели думаютъ, и идетъ во имя боговъ дѣлать доносъ въ языческую консисторію».

Такъ содержаніе «Лицинія», насколько можно возстановить его изъ сохранившихся отрывковъ и возстановленнаго самимъ Герценомъ въ 1860 году по памяти, «sauf erreur et omission», сценарія. Ошибки и пропуски здѣсь очень возможны, если судить по сценарію «Вильяма Пенна» въ сравненіи съ имѣющимся въ нашихъ рукахъ спискомъ этой второй драмы; но конечно, все существенное передано вѣрно и полно. Тѣмъ цѣннѣе значеніе этой юношеской драмы для характеристики взглядовъ молодого Герцена въ связи съ его воззрѣніями уже послѣ февральской революціи. Мистическое вліяніе Витберга могло отразиться на двухъ послѣднихъ дѣйствіяхъ «Лицинія»; но два первые въ безмѣрно большей степени говорятъ о самостоятельной работѣ мысли молодого автора, стоявшаго уже давно на почвѣ соціально-религіозныхъ устремленій сенъ-симонизма.

Автобіографическое—въ самомъ общемъ смыслѣ—значеніе этой пьесы не подлежитъ сомнѣнію, и самъ Герценъ подчеркивалъ именно такое значеніе своей драмы. И это не только въ томъ отношеніи, что есть несомнѣнная связь между Лиціиніемъ и воскресившимъ его апостоломъ Павломъ съ одной стороны, и Герценомъ съ «возродившимъ» его Витбергомъ съ другой *); дѣло не въ этомъ внѣшнемъ сходствѣ положеніе, и, разумѣется, полной аналогіи здѣсь нѣтъ. Гораздо важнѣе та внутренняя созвучность, которая соединяетъ Герцена съ героемъ его драмы (или «поэмы», какъ онъ ее иногда называлъ). Недаромъ писалъ онъ, посылая вятскимъ друзьямъ отрывокъ «Лицинія»: «посылаю отрывокъ изъ моей поэмы, которая сама есть отрывокъ изъ меня самаго, а я—отрывокъ человѣчества, а человѣчество—вселенной»; онъ чувствовалъ, что драма души его есть именно драма Лицинія, и что драма эта—міровая. И недаромъ Витберъ, отвѣчая ему о «Лициніи», писалъ: «предметъ, вами избранный, хорошъ и вѣрно очень счастливо выполните; я между прочимъ понялъ тогда-же, что этотъ трудъ будетъ заключать въ себѣ нѣчто относящееся собственно къ вамъ»... Витберъ былъ правъ; но ни онъ, ни самъ Герценъ не могли предполагать, до какой степени грядущая драма жизни Герцена повторитъ собою «драматическую фантазію»—Лицинія...

*) Стоитъ только прочесть письмо Витберга къ Герцену отъ 18 января 1838 г., чтобы увидѣть «апостольское» отношеніе Витберга къ «рожденному» имъ духовно Герцену. См. „Русск. Стар.“, т. XCII, стр. 479.

Надъ «Лициніемъ» Герценъ работалъ много и долго. Въ письмѣ къ Кетчеру отъ 4 октября 1838 года Герценъ, какъ мы это видѣли, собирался «при первой оказіи» прислать своему другу «сцены изъ умирающаго Рима»—первую часть фантазіи *Палингенезія*». Это былъ «Лициній»; Герценъ послалъ его вятскимъ друзьямъ, послалъ и Кетчеру, но уже черезъ полгода требовалъ назадъ эту рукопись для исправленія и продолженія. Сохранилось шутливое письмо его къ Кетчеру изъ Владиміра отъ 28 іюня 1839 года, гдѣ упоминается о «Лициніи»; вотъ относящаяся къ «Лицинію» часть письма:

«Александръ Герценъ Николаю Кетчеру, Baro ab Upsala, здравія желаетъ...

Rp.

Уложи Витберговой работы портретъ ʒj.

Adde:

Писаную книгу мою ʒvj.

«Лицинія» ʒij.

Перемѣшать съ ароматическими травами «сѣно», propr. sic. dictum.

DMS.

Для втиранія въ мозговую плеву

Pro D-no A. Herzen.

Louis Philippe

Docteur en médecine.

18—28/VI—39.

Представь себѣ, что хочу поправить Лицинія и продолжать — и не могу, потому что m-me Ogareff, точно черниговская дворянская опека, перенесла все дѣло о «Лициніи» въ Упсальское (trans-basmano) владѣніе» *)...

Такимъ образомъ еще въ серединѣ 1839 года Герценъ работалъ надъ первой своей драмой; въ это самое время онъ писалъ Витбергу, что «почти окончилъ» вторую часть своей *Палингенезіи*— «Вильяма Пенна», къ которому мы теперь и перейдемъ—онъ тѣсно связанъ съ «Лициніемъ»: «та-же мысль, тотъ-же основной мотивъ... Опять разрывъ двухъ міровъ, опять отходящее старое тѣснитъ возникающее юное, опять двѣ нравственности съ ненавистью глядятъ другъ на друга»...

*) „Baro ab Upsala“, „Упсальскимъ барономъ“ называли въ дружескомъ кругу Н. Х. Кетчера, который жилъ въ это время въ Москвѣ за Басманной (trans-basmano); „Витберговой работы портретъ“ — портретъ Герцена 1836 г., рисованный Витбергомъ въ Вяткѣ; „писанная книга“—вѣроятно, та тетрадь, которую Герценъ велъ въ Вяткѣ и Владимирѣ съ 6-го марта 1836-го по 12 февраля 1838 го года, и которая была въ 1872 году найдена г-жой Е. Некрасовой у букиниста.

Это — слова самого Герцена въ позднѣйшемъ предисловіи къ сценарію «Вильяма Пенна»; но та же основная мысль сопровождала и зарожденіе этой драмы, какъ это можно видѣть изъ сохранившагося отрывка письма Герцена къ Витбергу отъ 18 апрѣля 1839 года. «Мое поэтическое настроеніе не истощается,—пишетъ Герценъ *),—начата новая поэма: *Вильямъ Пеннъ*, то есть уже не христіанство въ зародышѣ, не христіанство, какъ религія мистическая, поэтическая, восточная, какою оно является съ апостоломъ Павломъ въ Римѣ (Лициній),—но христіанство, какъ религія соціальная, прогрессивная, однимъ словомъ, квакерство»... Но попрежнему здѣсь будетъ и проповѣдникъ-апостолъ—сапожникъ Фоксъ, родоначальникъ квакеровъ; попрежнему будетъ здѣсь и воскрешаемый имъ къ новой жизни юноша, Вильямъ Пеннъ — онъ же Лициній, онъ же Герценъ. Есть однако и разница, которую подчеркиваетъ самъ Герценъ: мотивы *соціальные* выступятъ здѣсь на первый планъ и перебросятъ этимъ мостъ отъ драмы мистической къ драмѣ соціальной, которую Герцену еще суждено будетъ не написать, но пережить...

Все это можно было до сихъ поръ заключать по возстановленному Герценомъ сценарію драмы. Сценарій этотъ доселѣ считался всѣмъ, что осталось отъ второй драмы Герцена; но въ архивѣ А. Н. Пыпина сохранился списокъ этой пьесы, написанной (какъ и «Лициній») «пятистопнымъ ямбомъ». Извѣстна судьба обѣихъ этихъ драмъ—о ней разсказалъ самъ Герценъ. «Въ 1839 или 1840 году я далъ обѣ тетрадки Бѣлинскому и спокойно ждалъ похвалъ. Но Бѣлинскій на другой день прислалъ мнѣ ихъ съ запиской, въ которой писалъ: «вели, пожалуйста, переписать сплошь, не отмѣчая стиховъ, я тогда съ охотой прочту, а теперь мнѣ все мѣшаетъ мысль, что это стихи»... Убилъ Бѣлинскій обѣ попытки драматическихъ сценъ!» («Былое и Думы», гл. XVI). И въ примѣчаніи къ возстановленному четверть вѣка спустя сценарію обѣихъ пьесъ Герценъ тоже вспоминаетъ, какъ Бѣлинскій «просилъ переписать стихи *въ строку*, чтобы нельзя было замѣтить, что они писаны рубленой прозой на манеръ стиховъ»; этимъ Бѣлинскій «безжалостно убилъ» и Лицинія, и Вильяма Пенна.

Теперь, когда мы имѣемъ возможность ознакомиться съ подлинными «стихами» Герцена, можно убѣдиться, насколько былъ правъ Бѣлинскій въ своемъ безжалостномъ приговорѣ. Дѣйствительно, «пятистопный ямбъ» герценовскаго «Вильяма Пенна»—простая рубленая проза, неуклюже вдавленная въ ямбическій размѣръ. Достаточно привести хоть одинъ примѣръ, въ родѣ слѣдующаго:

*) Подлинникъ по французски; привожу въ переводѣ. Кстати замѣтить — изъ даты этого письма ясно, что «Вильямъ Пеннъ» начатъ и написанъ въ 1839 году (а не въ 1838-омъ, какъ утверждаетъ въ другихъ позднѣйшихъ ѣстахъ самъ Герценъ).

...Я видѣлъ ихъ житье-бытье
При Іаковѣ. покойномъ королѣ,
И волосъ становился дыбомъ у
Меня. Намъ въ голову съ тобою не
Придетъ, что ежедневно дѣлаютъ
Они...

Эту невозможную рубленую прозу Герценъ наивно считалъ пятистопнымъ ямбомъ, добродушно полагая, что «пятистопный ямбъ,—дѣло человѣческое»... Правда, это были «первые стихи съ 1812 года», писанные Герценомъ; но къ счастью первые его стихи оказались и послѣдними: онъ вполнѣ подчинился приговору Бѣлинскаго и никогда больше не пробовалъ писать стихами. Итакъ литературно-художественное значеніе «Вильяма Пенна»—совершенно нулевое, если не отрицательное; но это не мѣшаетъ, повторяю, имѣть этой пьесѣ, подобно «Лицинію», большое значеніе историко-литературное. Остановившись подробно на первой драмѣ, мы подробно остановимся и на второй.

III.

«Вильямъ Пеннъ»—«сцены въ стихахъ»—распадается на три дѣйствія или «отдѣленія», каждое изъ двухъ или трехъ сценъ, и каждое подъ особымъ заглавіемъ. Дѣйствіе первое—«*Пролетарій*». Сцена первая происходитъ въ 1650 году, въ Лейчестерѣ, въ подвалѣ сапожника. Величайшая бѣдность; на соломѣ въ углу лежитъ больной ребенокъ—сынъ сапожника; въ подвалѣ холодъ, стужа—и нѣтъ дровъ, чтобы затопить печку. Сапожникъ надѣется купить самое необходимое—

Когда заплатитъ долгъ
Пасторъ. Да что ты давича къ нему
Ходилъ, что-жъ онъ?—

спрашиваетъ сапожникъ своего подмастерья Жоржа. Тотъ разсказываетъ:

Прогналъ меня и разругалъ.
Я говорилъ ему: помилуйте,
У насъ нѣтъ дровъ, сегодня день торговый
И надо бы для праздника купить
Говядины. Но онъ отвѣтилъ мнѣ:
„Не знаешь развѣ, скотъ, что по субботамъ
Я предики пишу всегда? Оселъ,
Пришелъ мѣшать съ своими пустяками,
И нить мнѣ мыслей перервалъ!
Развѣ не зналъ хозяинъ твой
Вчера, что дровъ не будетъ у него?
И попоститься завтра не бѣда!»
Потомъ съ сердцами дверь захлопнулъ онъ
И заперъ изнутри, ворча сквозь зубы.

«Сапожникъ, слушавшій весь разсказъ скрестивъ руки на груди и мѣняясь въ лицѣ, говоритъ громко и отрывисто и подъ конецъ съ какимъ-то восторгомъ»:

Онъ пишетъ предику, онъ пишетъ предику.
А сынъ мой осьмилѣтній съ холоду,
Быть можетъ, околѣетъ; а мнѣ
Куска нѣтъ завтра перкусить *);
Ему, вишь, помѣшали мы!
О милосердіи, конечно, онъ
Писалъ, наемный проповѣдникъ,
Торгашъ даровъ Святаго Духа!
Не милостыню, а свои я деньги
Просилъ, и тутъ осмѣлился онъ выгнать,
Осмѣлился не дать—слуга Христовъ!
Они служители Ваала, не
Христа. Позоръ на нихъ, на фарисеевъ.
Мы помогли имъ иго папства свергнуть,
Нужна была тутъ грудь власатая
И жесткая рука простолюдина;
Тогда ласкали насъ, а вышло что-жъ?
Себѣ они искали правъ, искали,
Чтобъ имъ изъ десятины беззаконной
Дѣлежки съ Римомъ не чинить, а брать себѣ:
Теперь не нужны мы, опять мри съ голоду
Простолюдинъ!

Здѣсь уже ясно проявляется «христіанство, какъ религія соціальная, прогрессивная»—и въ этомъ сущность второй драмы Герцена; сапожникъ говоритъ однако то самое, что пятнадцатью вѣками ранѣе говорили пролетаріи того времени—«чернь спартаковская»:

И утро скоро, скоро ужъ займется,
Ужъ пѣтухи не разъ кричали громко.
(п а у з а).
Намъ нѣтъ досуга помолиться Богу,
Мы сутки цѣлыя должны работать,
Чтобъ хлѣбъ имѣть насущный:
Есть для другихъ науки, книги,
Досугъ, чѣмъ хочешь заниматься,
Для нихъ раскрытъ весь міръ Господень,
И отъ избытка притупились ихъ
Желанья вялыя. А намъ что на
Замѣнъ всего ограбленнаго дали?—
Работу тяжкую и униженье.
Кто надѣлилъ землею ихъ?
Да кто бъ ни надѣлилъ, какое право

---

*) „Перкусить“ — сокращеніе, согласно просодической теоріи Шевырева, усиленно развивавшейся послѣднимъ въ тридцатыхъ годахъ. Слѣдуя Шевыреву, Герценъ сокращаетъ „въ сам-дѣлѣ“ („въ самомъ дѣлѣ“), „перкусить“ и т. п. Еще въ восьмидесятыхъ годахъ это пробовалъ привить К. Случевскій, но высмѣивалъ Надсонъ и мн. др.

Имѣлъ надъ Божіимъ созданьемъ онъ?
Всѣ эти лорды, сиры, камергеры
Лакеи подлые, и больше ничего.
Награбили откуда денегъ тьму такую?
Полгосударственныхъ доходовъ,
Исторгнутыхъ съ клоками мяса
У бѣдняковъ, у поселянъ, имъ въ даръ
Идутъ, а на два пенса пользы нѣтъ
Отъ всѣхъ...
А на другую половину денегъ
Солдатъ содержатъ, чтобы насъ душили,
Чтобъ лили кровь такихъ же христіанъ,
Какъ ты и я; ну мудрено-ль, что при
Такомъ премудромъ управленьи
Мретъ съ голоду честной и добрый гражданинъ!
А представители Христа молчатъ—
Епископы, Искаріотскіе Іуды...

Но теперь эти фарисеи не обманутъ больше народъ; теперь народъ самъ читаетъ Евангеліе на своемъ родномъ языкѣ и разберется въ «глупыхъ обманахъ» и продѣлкахъ фарисеевъ:

Чего хотѣлъ Христосъ, теперь мы знаемъ,
Вѣдь английской языкъ ужъ не латынь—
— Хотѣлъ онъ братства, равенства, свободы.
Хотѣлъ, чтобъ не было богатыхъ вовсе,
Хотѣлъ, чтобъ бѣднымъ слезы отирали.
Хотѣлъ, чтобъ всѣ любили всѣхъ;
А вмѣсто этого подъ именемъ
Божественнымъ Христа Спасителя
Устроили порядокъ намъ прекрасный
Монахи римскіе и лорды,
Камеръ-лакеи, чуждые народу.
Которые народа не спросясь,
Явились представлять его предъ трономъ.
Египетскій пора окончить плѣнъ,
Израилю пора проснуться,
И утро радостнаго дня
Для искупленья отъ цѣпей
Займется скоро,—уже пѣтухи
Не разъ кричали громко, громко!.. *)

Сапожникъ выростаетъ въ проповѣдника и пророка; вѣроятно тѣ же рѣчи говорилъ народу и апостолъ Павелъ, когда входилъ въ Римъ и воскрешалъ Лицинія... Христіанство не спасло міра: черезъ полторы тысячи лѣтъ послѣ Павла снова идетъ борьба между патриціями и плебеями, снова «грудь власатая и жесткая рука простолюдина» ведетъ борьбу со старымъ Римомъ на новой почвѣ. Само христіанство извращено и постепенно подготовляется разложеніе уже не римскаго, а христіано-европейскаго міра: бѣдный сапожникъ, самъ того не зная, является однимъ изъ гроз-

*) Нѣкоторыя строки Герценъ вычеркнулъ, другія вписалъ. Я привожу первоначальный текстъ, какъ наиболѣе полный.

ныхъ memento mori для европейскаго общества и его соціальныхъ формъ. Подмастерье Жоржъ видитъ въ сапожникѣ пророка и учителя: «ты не для шила родился въ свѣтъ»,—говоритъ онъ ему и совѣтуетъ пойти въ солдаты и пробить себѣ дорогу въ жизни. Но сапожникъ не хочетъ сражаться этимъ оружіемъ:

Не мечъ вручилъ намъ Богъ, а слово,—
Оно врожденное, святое право,
И мощь его обширна, велика.

Между тѣмъ стучится въ дверь и входитъ ободранный и дрожащій отъ холода нищій, онъ боленъ и второй день ничего не ѣлъ. У сапожника ничего нѣтъ, но онъ оставляетъ у себя нищаго, дѣлится съ нимъ скуднымъ ужиномъ, предлагаетъ ему ночлегъ и отдыхъ. Нищій тронутъ, плачетъ: «ты душу отогрѣлъ больную,—и ей вѣдь надо подаянье»... Онъ хочетъ знать имя хозяина, чтобы поминать его въ молитвахъ, и сапожникъ, пожимая руку нищему, называетъ себя: «Карлъ Фоксъ, рабъ Божій!» Этимъ заканчивается первая сцена, и мы узнаемъ, что пролетарій-сапожникъ—историческое лицо, Фоксъ, родоначальникъ общины квакеровъ *).

Вторая сцена происходитъ десятью годами позднѣе, на дорогѣ отъ Лейчестера въ Лондонъ. Подъ деревомъ лежитъ больная старуха нищая, слѣпая; тутъ же присѣли отдохнуть Фоксъ, теперь уже бродячій проповѣдникъ, и его ученикъ Жоржъ. Нищая разсказываетъ о своихъ злоключеніяхъ, о гибели сыновей на войнѣ, о несправедливыхъ притѣсненіяхъ лордовъ. Проѣзжаютъ охотники, глумятся надъ старухой; скачетъ юноша — сынъ лорда Пенна, Вильямъ, и не хочетъ остановиться, подать милостыню: скучно искать кошелекъ, онъ далеко его засунулъ... Фоксъ схватываетъ коня за узду и произноситъ горячую рѣчь о жестокосердіи богатыхъ. Юноша бьетъ его хлыстомъ, но потомъ раскаивается, бросаетъ горсть денегъ на землю старухѣ и даже, подъ вліяніемъ укоризненныхъ словъ Фокса, соскакиваетъ съ коня, подбираетъ разсыпанныя деньги и даетъ ихъ слѣпой. Фоксъ тронутъ, и они разстаются друзьями съ Вильямомъ Пенномъ, чтобъ увидѣться еще не одинъ разъ.

Третья сцена открываетъ собою уже второе дѣйствіе, озаглавленное *Лордъ-отецъ*. Лордъ Пеннъ, отецъ Вильяма, вернулся въ Лондонъ послѣ пятилѣтняго отсутствія и успѣшнаго окончанія порученныхъ ему военныхъ дѣлъ; его чествуютъ пэры, представители короля, парламента, города. Входитъ Вильямъ Пеннъ въ темной и простой одеждѣ особаго покроя, въ шляпѣ съ широкими полями

*) Фокса звали не Карломъ а Джорджемъ; случайно или нѣтъ Герценъ перенесъ это имя на эпизодическую личность подмастерья. Вообще самъ Герценъ признавалъ, что исторической правды нѣтъ въ его драмѣ: „я плохо зналъ исторію Англіи того времени и имѣлъ самыя общія понятія о Пеннѣ, населившемъ Пенсильванію“...

и бросается на шею отцу; онъ молится со слезами, чтобы Богъ простилъ отцу человѣческую кровь, пролитую имъ на войнѣ. «Онъ сумасшедшій!»—мрачно говоритъ лордъ-отецъ; «нѣтъ, онъ квакеръ», язвительно отвѣчаетъ присутствующій пасторъ. Отецъ въ гнѣвѣ гонитъ сына съ глазъ долой и проклинаетъ его, если тотъ останется квакеромъ. Въ это время секретарь приноситъ письмо къ Вильяму «отъ лорда Букингама»; въ письмѣ этомъ сообщается, что король въ видѣ особой награды лорду Пенну, соизволилъ сдѣлать Вильяма Пенна «камергеромъ», и что завтра Вильямъ будетъ имѣть счастье нести шлейфъ королевы при большомъ выходѣ...

Вильямъ. Принять я не могу—вотъ мой отвѣтъ!

Секретарь (*съ ужасомъ*):

И это лорду первому министру написать?

Вильямъ (*холодно*)

Пожалуй хоть второму Карлу (*уходитъ*).

Такъ кончается третья сцена. Въ четвертой—семейный совѣтъ для увѣщанія непокорнаго сына; но Вильямъ является не подсудимымъ, а судьей и обличителемъ. Самъ Герценъ указалъ по этому поводу, что «процессъ сенъ-симонистовъ (Базара и Анфантена) въ 1832 году былъ еще живъ въ памяти», когда онъ въ 1839 году писалъ эту сцену суда надъ Вильямомъ Пенномъ. Родные требуютъ, чтобы Вильямъ отрекся отъ «лжеученія гнусной шайки сапожника Фокса»; а Вильямъ требуетъ, чтобы съ нимъ говорили не холодными формулами, а словами сердца:

Вильямъ. Пилатъ зла не желалъ Христу,
Но онъ былъ человѣкъ холодный;
И на Голгоѳу прямо отъ него
Пошелъ Христосъ. Пилатъ-же вымылъ руки
И вѣрно преспокойно спалъ ту ночь.
Докт. Теологіи. Невѣдѣнье писанія: землетрясенье было,
И слѣдственно онъ спать не могъ.
Вильямъ. Хотѣлъ сказать я только, что въ такихъ
Дѣлахъ судей нѣтъ хуже, какъ людей холодныхъ,
Такихъ, которыхъ колебаніе земли одно
Изъ равнодушной косности выводитъ...

Его убѣждаютъ раскаяться, обвиняютъ «въ вредномъ направленіи образа мыслей», а онъ обрушивается на своихъ судей, на церковное христіанство: «пятнадцать ужъ вѣковъ прошло, какъ мы окрещены водою,—пора намъ духомъ окреститься, пора пеленки снять... Не стыдно-ль христіанами вамъ зваться, и не обманъ-ли то позорный, низкій—съ Евангельемъ въ рукахъ тѣснить милліоны бѣдныхъ?» Вильямъ схватываетъ со стола Евангеліе и читаетъ, говоря:

Тутъ ясно все, двусмысленности нѣтъ,
Не такъ, какъ въ вычурныхъ проповѣдяхъ.
„ У вѣрующихъ всѣхъ душа была одна,
Они отдѣльно не имѣли ничего,

Все было общее, и между ними
Нуждающійся быть не могъ"...
Докт. Теологіи. Глава четвертая Дѣяній—знаю!
Вильямъ. Вотъ бытъ общественный, текущій ясно
Изъ словъ Спасителя...

И Вильямъ горячо нападаетъ на фарисеевъ поповъ и юристовъ, оправдывающихъ насиліе, богатство, власть—все то, что ниспровергало подлинное христіанство. Всѣ въ ужасѣ и негодованіи:

Докт. Юриспр. Ниспроверженье humanarum всѣхъ
Ac Divinarum, правъ гражданскихъ вѣковыхъ,
Подкопъ подъ бытъ общественный!
Всегда, конечно, были люди
Мечтавшіе о невозможномъ,
Платонъ и Томасъ Морусъ напримѣръ...
Но ежели-бъ вы вникли, лордъ,
Въ науку правъ и Corpus Juris прочитали...
А это явный бунтъ, возстановленье
Плебеевъ, пролетаріевъ противъ сената,
Возстановленье сына на отца.
За это diminutio capitis
Въ законахъ даже децемвировъ....
Вильямъ. Не вѣрю той наукѣ я,
Которая цвѣтетъ межъ Каракаллой
И отвратительнымъ паденьемъ Рима!
Предсмертное они могли боренье
Искусственными формами продлить
Преступной и развратной воли,
А не грядущимъ поколѣньямъ дать
Незыблемый законъ и право.
И что у васъ права?—Капканы, чтобъ ловить
Людей неосторожныхъ, вы которыхъ
На преступленіе зовете сами
Общественнымъ нелѣпымъ учрежденьемъ.
Топоръ и бичъ—вотъ ваше право,
И судьи ваши—палачи, отъ короля
До волостного Альдермана!..

Вильяма прерываютъ, ему угрожаютъ лишеніемъ наслѣдства, изгнаніемъ, позоромъ: «подумайте, вѣдь вы лишаетесь всѣхъ титловъ, сиръ»...—«Не всѣхъ—я человѣкъ»,—гордо отвѣчаетъ Вильямъ. Всѣ покидаютъ его, а на дворѣ толпа народа встрѣчаетъ его свистомъ, ругательствами, грязью и камнями...

Пятая сцена—смерть лорда-отца *); его окружаютъ жадные наслѣдники. Но онъ допускаетъ къ себѣ Вильяма, примиряется съ нимъ и умираетъ, оставляя сына наслѣдникомъ всѣхъ своихъ богатствъ.

Третье дѣйствіе носитъ подзаголовокъ *Вильямъ Пеннъ.* Сцена шестая—разговоръ старика Фокса съ Вильямомъ, теперь уже богатымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ. Вильямъ говоритъ, что

*) Въ оригиналѣ здѣсь недостаетъ трехъ листковъ.

почва Англіи и Европы отравлена, что для созданія царства равенства, братства и любви надо искать новый міръ; онъ видитъ неизбѣжный распадъ старой Европы и ищетъ новой земли обѣтованной... Онъ такъ говоритъ о временахъ реформаціи и ослабленія папства:

Когда второй разъ одряхлѣвшій Римъ
Въ предсмертную впадалъ свою болѣзнь
И связи рваться начали Европы,
Сколоченной насильемъ кое-какъ,
И части, спаянныя неповинной
Народовъ кровью, расторгались—
Казалось, рухнуться готовъ былъ міръ...

Но именно въ это время, когда старый міръ, казалось, погибалъ, былъ открытъ міръ новый—Америка, обѣтованная земля для Вильяма Пенна. Туда хочетъ онъ перевезти толпу людей, «обиженныхъ древнимъ міромъ», тамъ онъ хочетъ основать новую общину, міръ равенства, любви, братства:

Вильямъ. Мѣхъ для новаго напитка новый
Взять Богъ велитъ, чтобъ древо юное
На дѣвственной землѣ взрасло
Безъ ядовитыхъ старыхъ соковъ
Развратной Европейской почвы...
Фоксъ. Не та-ли же развратная Европа
Тебя вскормила на груди своей?
Не принесешь-ли ты туда съ собой
Начало заразительныхъ болѣзней?
Ты вспомни, что въ плѣну рожденные
Страны обѣтованной не видали;
Они, самъ Моисей—нечисты были,
Имъ рабство запятнало душу,
И Iегова ихъ схоронилъ въ пустынѣ...

Однако Вильямъ Пеннъ вѣритъ въ возможность новой жизни на новой почвѣ, и Фоксъ благословляетъ его идти въ лохмотьяхъ нищаго по міру проповѣдать желающимъ исходъ изъ Европы: «и нищимъ нищій ты скажи о новомъ мірѣ, ихъ зови туда»... Вильямъ со слезами бросается ему на шею:

Видьямъ. Иду, иду, благослови отецъ!
Фоксъ. О, горько, горько мнѣ съ тобой разстаться!

Здѣсь конецъ шестой сцены—и въ то же время конецъ рукописи Герцена; дальнѣйшее не сохранилось, и мы можемъ возстановить конецъ драмы только по позднѣйшему сценарію. Въ седьмой сценѣ *)—Пенсильванія; Вильямъ Пеннъ уже дряхлый старикъ близкій къ могилѣ. Жизнь кипитъ въ новомъ краю, растутъ де-

---

*) По сценарію Герцена—это сцена шестая, въ виду того, что сцены четвертая и пятая слиты имъ въ одну. Есть и еще кое-какія ошибки и пропуски въ сценаріи, но не представляющіе особой важности.

ревни и города, стучитъ топоръ, плугъ взрываетъ землю... Но старый Пеннъ печаленъ, мечты его юности схоронены. Фоксъ оказался правъ: заразительная болѣзнь богатства, власти, насилія перенесена колонистами изъ отравленной почвы Европы; новая община оказалась лишь видоизмѣненнымъ старымъ обществомъ. Или, говоря позднѣйшими словами Герцена («Съ того берега»)— «Вильямъ Пеннъ везъ съ собою старый міръ на новую почву; Сѣверная Америна—исправленное изданіе прежняго текста, не болѣе»... Новыя постройки изъ стараго кирпича...

Наконецъ, эпилогъ ко всей драмѣ,—который самъ Герценъ называетъ «чисто французскимъ финаломъ»: въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII-го вѣка на могилѣ Вильяма Пенна стоятъ три путника, пришедшіе поклониться его праху. Это—Вашингтонъ, Франклинъ и Лафайетъ, граждане Сѣверо-Американской республики. Утѣшеніе плохое, если имѣть въ виду, что всѣ эти три великихъ дѣятеля заложили и укрѣпили фундаментъ стараго зданія въ Новомъ свѣтѣ...

IV.

Передъ нами прошли обѣ драмы Герцена—обѣ части его «Палингенезіи». О художественной сторонѣ ея мы не распространяемся, такъ какъ теперь слишкомъ очевидно, насколько справедливъ былъ суровый приговоръ Бѣлинскаго *); но это не отнимаетъ величайшаго интереса отъ неудачно осуществленнаго замысла Герцена. Задача была титаническая, подъ силу только геніальному художнику; крушеніе стараго и зарожденіе новаго міра—тема міровая, громадная. Но будемъ судить не осуществленіе, а замыселъ, достаточно ярко выявленный въ двухъ частяхъ «драматической фантазіи» Герцена.

Разложился древне-римскій міръ, погибъ старый Римъ. Безсиліе и отчаяніе въ сердцахъ тѣхъ людей, которые поняли, что старое рушится безнадежно. Но есть возможность новой вѣры, ибо въ міръ идетъ новая сила, подымаетъ духомъ обездоленныхъ, равняетъ раба съ патриціемъ и дѣлаетъ изъ «пролетаріевъ» римскаго государства передовую колонну, авангардъ новаго человѣчества. Разлагается старый міръ, зарождается новый,—но гибнетъ рядъ поколѣній, которымъ «нечего дѣлать» среди этой борьбы міровъ, которые прокляли старое и не дождутся осуществленія новаго. Рожденные въ плѣну не войдутъ въ землю обѣтованную; рабство обезкрылило ихъ душу, они будутъ погребены въ пустынѣ. И

*) Самъ Герценъ призналъ это немедленно же. На оригиналѣ «Вильяма Пенна» имѣются слѣдующія интересныя помѣтки Герцена. Въ концѣ: «Сіе писаніе не апробовано Барономъ Упсальскимъ» (т. е. Н. Х. Кетчеромъ); въ началѣ: «Я рѣшительно сожгу этотъ неудавшійся опытъ»...

лишь немногіе счастливцы воскреснутъ къ новой жизни, подобно Лицинію, и пойдутъ съ новой вѣрой въ новый міръ.

Но вотъ проходятъ вѣка, свершается кругъ временъ, и снова прежняя драма стоитъ передъ человѣчествомъ. Все усложнилось, обострилось, но снова начинаетъ распадаться старый міръ отъ внутреннихъ противорѣчій. Власть, богатство, насиліе—все возродилось въ новыхъ формахъ, и само христіанство, когда-то разрушившее старый міръ, стало насиліемъ, богатствомъ и властью; оно извратилось, одряхлѣло и само уже разлагается въ церковныхъ формахъ. Снова «пролетарій» остался безъ опоры, и снова наростаетъ міровая драма—новая борьба, новое разрушеніе, новое созиданіе. Вильямъ Пеннъ—одинъ изъ многихъ такихъ борцовъ; на его примѣрѣ Герценъ показываетъ и обычный ходъ борьбы, и ея обычныя послѣдствія. Европейскій міръ боленъ, но лечить его надо не отъѣздомъ на корабляхъ въ новыя страны, не перестройкой зданія изъ старыхъ кирпичей Нѣтъ, надо сжечь свои корабли, надо выжечь въ огнѣ новые кирпичи. И вотъ приходитъ великая французская революція, сжигаетъ старое, закаляетъ новое. Да, но и послѣ нея—«міръ ждетъ обновленія, потому что революція 89 года ломала—и только, но надобно создать новое, *палингенетическое* время, надобно другія основанія положить обществамъ Европы»,—писалъ, мы это видѣли, молодой Герценъ. Эти новыя основанія для Герцена—*соціализмъ*; вотъ то новое, съ чѣмъ еще и еще разъ «пролетарій» идетъ въ старый міръ,—вотъ послѣдняя, до сихъ поръ, часть трилогіи «*Палингенезія*», которую задумалъ и осуществилъ Герценъ. Двѣ первыя части, «Лициній» и «Вильямъ Пеннъ», были написаны имъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ; третья часть была написана самой жизнью въ 1848—9 гг. и могла бы быть озаглавлена—«Герценъ». Это была третья драма—драма его жизни...

Прошло уже десять лѣтъ послѣ попытки Герцена создать двѣ свои «соціально-религіозныя» драмы. Онъ уже давно освободился отъ вліянія Витберга: «реальная натура моя взяла верхъ,—вспоминалъ впослѣдствіи Герценъ:—мнѣ не суждено было подниматься на третье небо, я родился совершенно земнымъ человѣкомъ»... Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ отдался одновременному изученію наукъ философскихъ, естественныхъ, соціологическихъ—и во всеоружіи выступилъ на историческую сцену, когда пришелъ часъ великой европейской драмы 1848 года, часъ личной трагедіи самого Герцена...

Catilina ante portas! Два раза уже Европа миновала грозу, побѣдила угрозу разложенія. Въ первый разъ Римъ палъ, но христіанство влило новую кровь въ тѣло Европы. Во второй разъ собиралась гроза, но «человѣчество нашло себѣ кормчаго—Христофоръ Колумбъ показалъ дорогу: Америка спасла Европу». Такъ пишетъ Герценъ въ статьѣ «Старый міръ и Россія», явно вспоминая двѣ

свои юношескія драмы, и продолжаетъ: «и вотъ, помолодѣвшая Европа еще разъ останавливается у третьяго порога, не смѣя перешагнуть... Она трепещетъ передъ словомъ *соціализмъ*, написаннымъ на дверяхъ входа. Она думаетъ, что дверь эта должна быть отворена Катилиною, и это правда. Дверь сама собой отвориться не можетъ, она будетъ отворена Катилиною... и Катилиною, у котораго столько друзей, что невозможно ихъ всѣхъ передушить въ темницѣ»... Катилина—это «пролетарій», ибо снова

Нужна тутъ грудь власатая
И жесткая рука простолюдина...

Catilina ante portas!—и на этотъ разъ онъ войдетъ; но когда? гдѣ? Да и войдетъ-ли? Быть можетъ вся Европа наляжетъ грудью на страшную дверь, задушитъ въ подземной темницѣ Катилину и сама умретъ на его трупѣ? Вотъ вопросы, которые стали трагедіей жизни Герцена—и не могли не стать: вѣдь онъ пережилъ въ Европѣ февраль 1848 года, но пережилъ и 15-ое мая, и страшные іюньскіе дни. И затѣмъ все покатилось въ яму, и великая соціальная революція окончилась жалкимъ фарсомъ Наполеона le Petit... Трудно было не отчаяться въ такую минуту—отчаяться если не въ будущемъ, то въ переживаемомъ. Герценъ не одинъ разъ, надо думать, вспоминалъ теперь отравленные монологи своего Лицинія; и что́ другое, какъ не эти монологи можемъ также вспомнить мы, читая мучительные вопли Герцена—его произведенія 1848—52 годовъ?

На глазахъ Герцена развернулось дѣйствіе драмы—борьбы двухъ міровъ, и самъ онъ принялъ участіе въ этомъ дѣйствіи. Новый міръ возсталъ противъ стараго—и былъ побѣжденъ, затоптанъ въ землю. Правда, хотя соціализмъ лежалъ тогда подъ землей—«но не въ могилѣ, а на вспаханномъ полѣ»; правда, соціализмъ это—«гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ»; но въ трагическіе годы реакціи эти утѣшенія плохо помогаютъ. Раненый солдатъ всегда считаетъ битву проигранной—это жизненное наблюденіе Л. Толстого въ Севастополѣ оправдалось и на Герценѣ въ Европѣ. Онъ въ отчаяніи сложилъ руки и, подобно своему Лицинію, съ горечью провозгласилъ, что ему и его поколѣнію «нечего дѣлать»; онъ звалъ смерть-успокоительницу и съ мрачной радостью провозглашалъ—«vive la mort!» Онъ думалъ, что Европа подошла къ своему концу и что наступило уже время разложенія европейской цивилизаціи; надо разрушить ее, чтобы Катилина могъ открыть дверь... И съ тяжелымъ удовлетвореніемъ повторялъ Герценъ слова своего соратника, Прудона: «ce n'est pas Catilina, qui est à vos portes—c'est la mort!»

«Мы присутствуемъ при великой драмѣ,—повторяю то письмо Герцена, съ котораго началъ:—для того, чтобъ ее видѣть, надобно собрать всѣ силы души — у кого нервы слабы, могутъ идти въ поля, въ лѣса. Драма эта не болѣе и не менѣе, какъ разложеніе

христіано-европейскаго міра. О возможности (не добивъ, не разрушивъ этотъ міръ) торжества демократіи и соціализма и говорить нечего. Если считать во Франціи 10,000,000 citoyens actifs, то 1 м. падетъ на 9 ретроградныхъ, состоящихъ изъ буржуа, мелкихъ землевладѣльцевъ, легитимистовъ и Орангъ-утанговъ. Орангъ-утанги, не развившіеся въ людей, составляютъ вообще 4/5 всей Франціи и 4/5 всей Европы... Вотъ теперь-то Европа несетъ казнь за аристократію, за развитіе одного меньшинства. Сердце кровью обливается, когда смотришь на людей, душой и тѣломъ отданныхъ демократіи, или на маленькую кучку работниковъ большихъ городовъ; но чувствуешь, что это святое меньшинство работаетъ попусту... Я рѣшительно отвергаю всякую возможность выйти изъ современнаго импасса безъ истребленія существующаго» (5 ноября 1848 года).

Мы хорошо знаемъ теперь, что Герценъ ошибался, что «святое меньшинство» работало далеко не «попусту», что не прошло и полувѣка, какъ «меньшинство» это превратилось въ громадную организованную силу. Но не забудемъ, что раненный въ битвѣ солдатъ всегда считаетъ ее проигранной—и войдемъ въ трагическое положеніе человѣка, потерявшаго въ этой битвѣ *все*: надежды молодости, вѣру въ человѣчество, чаянія въ свѣтлый день обновленія міра. Какъ смертельно раненый, метался Герценъ по всей Европѣ, нигдѣ не находя себѣ пристанища, успокоенія, вѣры, дѣла... «Теперь—*дѣлать нечего.* Да, нечего—и это худшая кара, которая можетъ пасть на людей... Бѣдные, несчастные! Фатумъ призвалъ насъ быть страдательными свидѣтелями позорной смерти нашего отца, и не далъ никакихъ средствъ помочь умирающему, даже отнялъ уваженіе къ развратному старику. А между тѣмъ въ груди бьется сердце жадное дѣяній и полное любви... Темная ночь,—потерявшая послѣдніе лучи заходящаго солнца и не нашедшая алой полосы на востокѣ»... Кто говорилъ эти слова—Лициній или Герценъ въ послѣднихъ строкахъ главы «Эпилогъ 1849 года?» И могъ-ли Герценъ предвидѣть десятью годами ранѣе, что трагедія Лицинія станетъ такъ скоро трагедіей жизни его самого?

Но судьба не осталась немилостивой къ Герцену до конца. Прошло пять тяжелыхъ лѣтъ мучительной летаргіи, и Герценъ, подобно Лицинію, воскресъ къ новой жизни и вѣрѣ, подобно Вильяму Пенну нашелъ новый міръ. Этой Пенсильваніей для него, какъ извѣстно, стала Россія; этой новой вѣрой—вѣра во внутреннія силы народной, общинной Руси. Вотъ гдѣ та дверь, черезъ которую Катилина войдетъ въ Европу! Общинный коммунизмъ русскаго крестьянина—вотъ что явится первымъ зерномъ будущаго коммунизма Европы, вотъ что довершитъ разложеніе западно-европейскаго міра и создастъ на развалинахъ его новый міръ демократіи и соціализма! Когда?—не все-ли равно! Важно то, что снова есть возможность работать во имя прежняго идеала, снова есть вѣра

въ побѣду новаго міра, снова возможна борьба, снова жизнь! Начинается яркая и мощная работа Герцена съ 1854—5 г.: «Полярная Звѣзда», «Колоколъ», освобожденіе крестьянъ, предполагавшіяся «великія» реформы... Лициній всталъ и съ новой вѣрой пошелъ въ новый путь.

Но не привелъ-ли этотъ путь Герцена къ тому-же, къ чему пришелъ и его Вильямъ Пеннъ къ концу жизни? Да, Россія шестидесягыхъ годовъ оживаетъ, работа кипитъ, стучитъ топоръ и валитъ старыя деревья, плугъ взрываетъ землю и поднимаетъ новь; но эта работа не приведетъ-ли въ своемъ развитіи русскую общину къ формамъ стараго общества Европы? Не построитъ-ли она новое зданіе изъ стараго кирпича?—Если бъ Герценъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ Вильяма Пенна, то онъ увидѣлъ-бы, какой горячій споръ возникъ вокругъ этого вопроса въ концѣ XIX вѣка, споръ, который разрѣшитъ сама жизнь. Во многомъ бы онъ разочаровался, но многому-бы и порадовался, и никогда-бы уже не впалъ въ то отчаяніе, которому онъ отдалъ дань въ тяжелые годы первой схватки новаго міра со старымъ. Новое побѣдитъ—и этого достаточно. «Настанетъ весна, молодая жизнь закипитъ на гробовой доскѣ, варварство младенчества, полное неустроенныхъ, но здоровыхъ силъ, замѣнитъ старческое варварство; дикая, свѣжая мощь распахнется въ молодой груди юныхъ народовъ и начнется новый кругъ событій и третій томъ всемірной исторіи»... Этотъ третій томъ — соціализмъ. Но и на третьемъ томѣ не остановится исторія, не прекратится борьба новаго со старымъ, «corsi e ricorsi старика Вико»... И вмѣсто трилогіи «Палингенезія» будущему художнику придется создавать міровую тетралогію... Такъ думалъ Герценъ, такъ вѣрилъ онъ.

И вотъ мы читаемъ теперь предисловіе къ этому третьему тому. Страницу за страницей перелистываетъ жизнь—но страницы всемірной исторіи читаются годами и десятилѣтіями. Намъ кажется, что это слишкомъ медленно, ибо масштабъ нашъ—человѣческая жизнь; но у человѣчества масштабъ иной. Два первыхъ тома—два тысячелѣтія жизни міра; и мы подошли теперь къ концу второго, къ началу третьяго, продолжая читать начатыя Герценомъ строки. Содержаніе всюду одно — борьба двухъ міровъ, разложеніе стараго, зарожденіе новаго, «Палингенезія». Умираетъ Римъ, но «пролетарій» съ тяжелой борьбой вноситъ въ міръ христіанство — это первая часть трилогіи, и Герценъ пишетъ своего «Лицинія», пусть слабаго по исполненію, но большого по замыслу. Проходитъ много вѣковъ. Умираетъ неудавшееся христіанство, гибнутъ феодальныя формы, рождается независимая мысль, находитъ спасеніе на дѣвственной почвѣ новаго міра, «пролетарій» уходитъ туда, «Америка спасаетъ Европу»—вотъ вторая часть міровой драмы, и Герценъ откликается на нее «Вильямомъ Пенномъ». Снова проходятъ вѣка. Умираетъ современная Европа въ тщетной борьбѣ съ «пролетаріемъ», гибнетъ сословный строй, соціализмъ при дверяхъ, Catilina ante portas,

побѣда будетъ за нимъ раньше или позже—эту послѣднюю часть трилогіи, по крайней мѣрѣ прологъ къ ней, написалъ Герценъ всей своею жизнью.

Такъ драма жизни Герцена неразрывно и тѣсно переплелась съ его юношескими драмами; такъ сама жизнь окончила незаконченную имъ трилогію.

Ивановъ-Разумникъ.

Къ сорокалѣтію антипольской политики Пруссіи.

(По поводу послѣднихъ выборовъ).

I.

Послѣдніе выборы въ германскій рейхстагъ, давшіе такую блестящую побѣду нѣмецкой соціалъ-демократіи, несомнѣнно сыграютъ выдающуюся роль и въ жизни польскаго населенія Пруссіи. Результаты избирательной кампаніи создали положеніе, напоминающее то, которое образовалось послѣ выборовъ 1893 г., когда сравнительно маленькая фракція польскихъ депутатовъ могла рѣшать судьбу того или другого законопроекта въ рейхстагѣ. И въ настоящемъ парламентѣ польскіе депутаты, несмотря на всю свою немногочисленность, могутъ стать столь же важнымъ факторомъ, такъ какъ исходъ голосованія по многимъ вопросамъ будетъ зависѣть отъ ихъ тактики.

Конечно, теперь еще нельзя говорить вполнѣ опредѣленно о судьбахъ новаго парламента, ибо неизвѣстно, какой политики по отношенію къ нему будетъ держаться императоръ и его правительство. Однако о немедленномъ распущеніи только что избраннаго парламента и о назначеніи новыхъ выборовъ хорошо освѣдомленная германская печать какъ-то сразу перестала говорить. Слѣдовательно, правительство будетъ искать средствъ добиться работоспособности новой палаты депутатовъ. А на этой почвѣ неизбѣжны компромиссы, такъ какъ выборы уничтожили то постоянное реакціонное большинство, на которое правительство Вильгельма II опиралось въ послѣднюю сессію. И вотъ, въ нѣмецкой печати начинаютъ раздаваться голоса о необходимости воспользоваться услугами польской фракціи, что, конечно, возможно только при измѣненіи господствующей до послѣдняго времени антипольской политики.

Впрочемъ, о необходимости пересмотра отношеній правительства къ полякамъ говорится теперь довольно много и внѣ связи съ результатами выборовъ. Мало того, послѣдніе годы уже отмѣчаются какъ бы нѣкоторымъ ослабленіемъ антипольскаго курса, достигнув-

шаго своего апогея въ 1908 г. Правда, всѣ антипольскія мѣры, принятыя правительствомъ раньше, проводятся неукоснительно, съ истинно-прусской послѣдовательностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно наблюдать и кое-что другое.

Во-первыхъ, законъ 1908 г. о принудительномъ отчужденіи польской земельной собственности въ пользу «Колонизаціонной Комиссіи» еще до сихъ поръ ни разу не примѣнялся, несмотря на громкія и категорическія требованія нѣмецкихъ націоналистовъ и ихъ организаціи «Ostmarkenverein». Во-вторыхъ, правительство уже нѣсколько разъ рѣшалось дать отпоръ ихъ домогательствамъ, заявляя, что оно не позволитъ оказывать на себя давленіе кучкѣ крикуновъ, въ дѣйствительности лишь вредящихъ нѣмецкимъ интересамъ. Въ-третьихъ, среди самой вѣрной правительству консервативной гвардіи,—восточно-прусскихъ юнкеровъ,—крайнее антипольское настроеніе начинаетъ, повидимому, выходить изъ моды. Въ-четвертыхъ, чрезвычайно враждебно относившійся къ полякамъ президентъ провинціи Познани замѣненъ лицомъ болѣе умѣренныхъ взглядовъ. Наконецъ, и произносимыя императоромъ за послѣдніе 2-3 года рѣчи, касавшіяся въ извѣстной степени поляковъ, лишены той аггрессивности, которой онѣ отличались прежде. Однимъ словомъ, въ прусской политикѣ на «восточныхъ окраинахъ» начинаютъ давать себя чувствовать какъ бы новыя вѣянія. И кто знаетъ, не находится ли Прусская Польша наканунѣ политическихъ событій, могущихъ серьезнымъ образомъ повліять на измѣненіе ея положенія? Кто знаетъ, не станутъ ли послѣдніе выборы исходной точкой перемѣны правительственной политики, шествовавшей ровно сорокъ лѣтъ по пути безпощаднѣйшей борьбы съ поляками?

Однако, и помимо такого или иного вѣянія въ правительственныхъ сферахъ, послѣдніе выборы имѣютъ громадное значеніе для Прусской Польши. Съ одной стороны, благодаря имъ, въ новомъ парламентѣ очень затрудняется возможность проведенія какихъ бы то ни было антипольскихъ законовъ, такъ какъ, при теперешнемъ взаимоотношеніи силъ, ихъ сторонники должны оказаться въ меньшинствѣ. Съ другой же, новый рейхстагъ, несомнѣнно, ускоритъ хотя бы только частичную демократизацію прусскаго ландтага,—этого гнѣзда крайней реакціи и настоящей фабрики антипольскихъ законопроектовъ.

Моментъ, переживаемый теперь прусскими поляками, тѣмъ важнѣе, что послѣдніе выборы обнаружили и въ польскомъ обществѣ рядъ новыхъ явленій, вродѣ колоссальнаго роста польскихъ соціалистическихъ голосовъ въ Силезіи и т. д. Поэтому мы считаемъ небезъинтересными и для русской публики ознакомленіе съ положеніемъ дѣлъ на западной окраинѣ польской этнографической территоріи, которая значительнѣйшей своей частью входитъ въ составъ Россіи. Знакомство съ антипольской политикой Пруссіи тѣмъ

болѣе поучительно для русскаго читателя, что оно можетъ явиться богатѣйшимъ источникомъ аргументовъ въ пользу совершенной безплодности насильственной денаціонализаціи. Трудно, казалось бы, представить себѣ болѣе неблагопріятныя условія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ трехъмилліонное польское населеніе принуждено выдерживать натискъ германизаторской политики Пруссіи и отчасти всей Германіи. А между тѣмъ, несмотря на то, что противъ поляковъ выступаетъ огромная въ экономическомъ, культурномъ и политическомъ отношеніяхъ сила, располагающая всѣми средствами государственнаго давленія, ни польскій элементъ не сдается, ни прусскій завоеватель не считаетъ себя побѣдителемъ.

По даннымъ переписи 1905 г., польскаго населенія въ Пруссіи было 3.714,923 чел. Оно распредѣлялось по отдѣльнымъ провинціямъ слѣдующимъ образомъ. Въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ (Posen) жила третья часть всѣхъ прусскихъ поляковъ: 1.231.298; въ Верхней Силезіи—другая треть: 1.186.404; шестая часть—въ Западной Пруссіи: 573.201; почти двѣнадцатая—въ Восточной Пруссіи: 305.026. Остальная часть прусскихъ поляковъ живетъ внѣ этой территоріи, сплошнымъ полукругомъ охватывающей съ сѣвера и съ запада Царство Польское,—въ Бранденбургѣ и, особенно, въ каменноугольныхъ районахъ Вестфаліи и Рейнской провинціи.

Отдѣльныя части прусско-польской территоріи отпали отъ Польши въ различное время, постепенно подпадая подъ вліяніе нѣмецкой государственности. Такъ, напримѣръ, Силезія потеряла связь съ остальными частями Польши еще во второй половинѣ XII столѣтія. Подвергаясь постепенной германизаціи, эта провинція, наконецъ, вошла въ составъ Пруссіи въ 1742 г. Точно также и южная полоса Восточной Пруссіи, населенная такъ называемыми мазурами, съ XIII столѣтія жила своей самостоятельной жизнью, хотя и находилась въ извѣстной зависимости отъ Польши. Восточно-прусскіе поляки приняли протестантизмъ, что ихъ еще болѣе отдѣлило отъ остального польскаго населенія. А съ 1657 г., когда Пруссія совершенно освободилась отъ Польши, прусскіе мазуры теряютъ всякую формальную связь съ Польшей. Въ томъ же 1657 г. Пруссія овладѣваетъ и той сравнительно небольшой польской территоріей, которая входитъ въ составъ Помераніи.

Отдѣльныя части такъ называемой «исторической» Польши Пруссія пріобрѣтаетъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій. Въ 1772 г., на основаніи перваго раздѣла Рѣчи Посполитой, послѣдняя теряетъ въ пользу Пруссіи Вармію (Ermeland), включенную впослѣдствіи въ Восточную Пруссію, всю Западную Пруссію, безъ Данцига и Торна, наконецъ, маленькую частицу Познани. При второмъ раздѣлѣ Польши (1793 г.) Пруссія захватила осталь-

ную часть Познани и Данцигъ съ Торномъ, — однако, ненадолго. По тильзитскому миру, Пруссіи пришлось уступить послѣднія пріобрѣтенія вмѣстѣ съ частью добычи 1772 г. герцогству Варшавскому. И только въ 1815 г. Пруссія получаетъ ихъ обратно. Значительная часть ихъ входитъ въ составъ учрежденнаго тогда же великаго герцогства Познанскаго, которое получаетъ извѣстнаго рода автономію и гарантіи національнаго развитія.

Съ 1815 г. Познань и Западная Пруссія являются главной ареной прусско-польской политики и вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіемъ польской жизни въ Пруссіи. Всѣ остальные обрѣзки польской территоріи очень долго не играютъ почти никакой роли, и всѣ мѣропріятія прусскихъ властей, касающіяся поляковъ, относятся обыкновенно только къ Познани и къ Западной Пруссіи, нѣкоторыя части которой были такимъ же недавнимъ пріобрѣтеніемъ, какъ и Познань. Не только прусскія власти, но и сами поляки склонны были считать «прусской Польшей» только Познань. Не говоря уже о томъ, что память объ общенаціональной жизни съ Силезіей или Восточной Пруссіей давно уже изгладилась, эти провинціи не обладали тѣмъ элементомъ, который могъ бы играть какую-нибудь роль въ практической политикѣ. Польскими тамъ были только народныя массы, все же, что изъ этихъ массъ поднималось на высшія ступеньки общественной лѣстницы, принимало нѣмецкій характеръ.

Въ Силезіи и аристократія, и мелкое дворянство, и духовенство, и мѣщане,—все это были нѣмцы. Въ Восточной Пруссіи, кромѣ этого, и народъ по своему вѣроисповѣданію сильно отличается отъ большинства поляковъ. Что же касается Западной Пруссіи, то, хотя значительная часть ея населенія была польской, хотя здѣсь сохранилось и польское дворянство, однако главные центры этой провинціи—Данцигъ и Торнъ—даже во время существованія Рѣчи Посполитой имѣли чисто-нѣмецкій характеръ. И если нѣмецкіе мѣщане Данцига отличались пламеннымъ польскимъ патріотизмомъ, заставившимъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ бороться съ Пруссіей, все же, присоединенные къ послѣдней, они быстро забываютъ о своемъ прежнемъ отечествѣ и становятся рьяными нѣмцами и въ политическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ одна Познань является на очень продолжительное время ареной развитія польскаго вопроса въ Пруссіи. Только въ концѣ XIX столѣтія этотъ вопросъ теряетъ свой узкопровинціальный характеръ и, проникнувъ во всѣ польскія провинціи Пруссіи, пріобрѣтаетъ совершенно другое значеніе. И, что всего характернѣе, эта эволюція польскаго вопроса наблюдается именно въ то время, когда прусское правительство напрягло всѣ свои силы, чтобы покончить не только съ польскимъ вопросомъ, но и съ польскимъ населеніемъ вообще, подвергнувъ его полной германизаціи.

Тѣ части польской этнографической территоріи, которыя не входили въ составъ «исторической» Польши, т. е. главнымъ образомъ Силезія и Восточная Пруссія, испытывали постепенную германизацію съ XII по XIX столѣтіе. Сначала онѣмечились силезскіе князья, поженившіеся на нѣмкахъ. Ихъ примѣру послѣдовала мѣстная знать. Германизовалось и рядовое дворянство. Малонаселенная и лѣсистая Силезія заполнялась нѣмецкими колонистами, которыхъ въ громадномъ количествѣ выписывали съ запада и владѣльцы дворянскихъ помѣстій, и особенно многочисленные монастыри. Мало-по-малу польская этнографическая территорія Силезіи съуживается. Совершенно онѣмечивается Нижняя Силезія, затѣмъ Средняя. Польской остается только Верхняя. Въ остальныхъ частяхъ этого края лишь отдѣльныя группы польскихъ селъ свидѣтельствуютъ о его славянскомъ характерѣ въ прошломъ.

Съ присоединеніемъ Силезіи къ Пруссіи (1742 г.) германизація первой подвигается впередъ довольно быстрыми шагами. Вмѣстѣ съ тѣмъ она превращается изъ стихійной въ сознательно проводимую прусскимъ правительствомъ. Такъ, напр., Фридрихъ II издаетъ распоряженіе, запрещающее держать прислугу, не знающую по-нѣмецки, и вѣнчать молодыхъ, которые не смогутъ отвѣтить понѣмецки на рядъ предложенныхъ имъ вопросовъ. Эти мѣры, оказавшіяся совершенно несвоевременными, вскорѣ были отмѣнены. Зато мѣстное силезско-польское нарѣчіе было почти совершенно вытѣснено изъ начальной школы. Только въ 1848 г. по почину епископа Богеданна въ силезскія народныя школы было введено преподаваніе на польскомъ литературномъ языкѣ, сохранившееся вплоть до 1872 г. Однако, эта мѣра, вызванная чисто педагогическими побужденіями, не имѣвшими ничего общаго съ польскимъ національнымъ движеніемъ, мало способствовала замедленію процесса германизаціи силезскихъ поляковъ. Послѣдніе вовсе даже не считали себя поляками и самое названіе «полякъ» считали оскорбительнымъ.

Польское общество другихъ частей Польши совершенно не заботилось о силезцахъ, точно такъ же, какъ и о другихъ полякахъ, живущихъ внѣ предѣловъ «исторической» Польши,—о восточнопрусскихъ мазурахъ, померанскихъ кошубахъ и т. д. Всѣ связи между «исторической» и «неисторической» частью польской территоріи были давно порваны, и польское общество отстаивало свою индивидуальность только въ Познани и отчасти въ Западной Пруссіи. Германизаторскія затѣи прусскаго правительства встрѣчались здѣсь съ отпоромъ польскаго общества, опирающагося на постановленіяхъ вѣнскаго трактата 1815 г. Поляки боролись тутъ за равноправіе, гарантированное имъ Вѣнскимъ конгрессомъ, причемъ положеніе ихъ зависѣло отъ тенденцій, преобладавшихъ въ данный періодъ среди прусскихъ правительственныхъ сферъ. Во всякомъ случаѣ съ 1815 по 1830 г. условія, въ которыхъ жили

познанскіе поляки, можно назвать совершенно сносными по сравненію съ тѣми, въ которыхъ очутились австрійскіе и русскіе поляки. Полякъ былъ намѣстникомъ Познани; среди чиновниковъ преобладали поляки; польскій языкъ не подвергался преслѣдованіямъ, и т. д.

Съ усиленіемъ реакціи послѣ 1830 г. и положеніе прусскихъ поляковъ ухудшается. Права польскаго языка подвергаются ограниченіямъ; начинается нѣмецкая колонизація; увеличивается количество нѣмецкихъ чиновниковъ. Съ другой стороны, польское общество, руководимое демократическими элементами, проникается революціоннымъ настроеніемъ и готовится къ рѣшительной борьбѣ съ прусскимъ правительствомъ. Широкія массы нѣмецкаго общества, несомнѣнно, симпатизировали полякамъ и считали Познань какъ бы временнымъ пріобрѣтеніемъ Пруссіи, чуждымъ ей всей совокупностью своихъ условій. Вплоть до франко-прусской войны нѣмецкое общество относилось съ сочувствіемъ къ идеѣ возстановленія независимой Польши, причемъ мирилось и съ необходимостью отдать самостоятельному польскому государству Познань. Идеалъ гражданскихъ свободъ и объединеннаго демократическаго государства, лелѣемый прогрессивными нѣмецкими элементами, заставлялъ ихъ смотрѣть на поляковъ,—борцовъ за свободу и независимость,—какъ на друзей и союзниковъ. Когда, послѣ подавленія возстанія 1831 г., польскіе выходцы шли тысячами во Францію черезъ нѣмецкія государства, нѣмцы устраивали повсюду бурныя манифестаціи въ пользу поляковъ,—манифестаціи, которыя въ то же самое время были демонстраціями противъ офиціальной Пруссіи, враждебной польскому возстанію. Особенно сильны были польскія симпатіи на югѣ Германіи. На многочисленныхъ банкетахъ, въ печати, въ поэзіи (Уландъ, Ленау, Платенъ) раздавались привѣтствія польскимъ выходцамъ, смѣшивавшіяся съ рѣшительными протестами противъ поведенія Пруссіи.

Полякофильство быстро охватило и прусскихъ либераловъ, которые не скрывали своихъ симпатій къ польскимъ стремленіямъ во время громкаго суда надъ познанскими заговорщиками въ 1846 г. А въ 1848 берлинская улица устраиваетъ восторженную овацію освобожденнымъ изъ тюрьмы Мѣрославскому и другимъ польскимъ «бунтовщикамъ». Во франкфуртскомъ парламентѣ появилось 26-го іюля 1848 г. предложеніе, требующее, чтобы нѣмецкое правительство вошло въ соглашеніе съ Англіей и Франціей по вопросу о созывѣ европейскаго конгресса для возстановленія Польши. Авторы этого предложенія требовали, чтобы нѣмецкіе депутаты Познани не были допущены во франкфуртскій парламентъ, такъ какъ Познань должна цѣликомъ отойти къ Польшѣ. И парламентъ два дня обсуждалъ это предложеніе, отвергнутое довольно незначительнымъ большинствомъ.

Во время возстанія 1863 г. общественное мнѣніе либеральной

Германіи было опять-таки всецѣло на сторонѣ поляковъ, и прусскій ландтагъ выразилъ правительству порицаніе за помощь, оказываемую имъ России. Только со времени побѣдъ Пруссіи надъ Австріей (1866) и особенно послѣ франко прусской войны, когда Пруссія становится вершительницей судебъ германскаго міра, полякофильство начинаетъ быстро падать. Осуществленіе политическаго идеала въ видѣ объединенной Германіи и побѣдоносная война вызываютъ ростъ крайняго шовинизма у прусской буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляются тенденціи покончить съ разноплеменностью прусскихъ «окраинъ», которыя должны стать германскими и въ національномъ отношеніи. Эти тенденціи выступаютъ особенно ярко, благодаря вырожденію бюргерскаго либерализма, быстро забывающаго свое демократическое прошлое. На почвѣ возрожденія юнкерскаго консерватизма и сближенія націоналъ-либераловъ съ правительствомъ и развивается антипольская политика Бисмарка.

II.

Создавъ объединенную Германскую имперію, Бисмаркъ ополчился противъ ея «внутреннихъ враговъ», которыми онъ считалъ: католицизмъ, соціалистическое движеніе и поляковъ. Послѣдніе были для него ненавистны въ качествѣ элемента, не разстающагося съ надеждами на возстановленіе польской государственности и стремящагося къ обезпеченію за Познанью и Западной Пруссіей широкой автономіи. Кромѣ того, поляки, какъ приверженцы католицизма, становились естественными союзниками нѣмецкихъ католическихъ сферъ, которымъ Бисмаркъ объявилъ войну. Пользуясь тѣмъ, что оппозиціонные элементы прусскаго ландтага послѣ 1870 г. были сведены до минимума, Бисмаркъ сталъ опираться на консерваторовъ и націоналъ-либераловъ для реализаціи своихъ антипольскихъ проектовъ.

Первоначально,—съ 1872 по 1883 г.,—антипольская политика Бисмарка была какъ бы частью той «культурной борьбы», которую онъ объявилъ католикамъ безъ различія національности. Антикатолическія мѣропріятія, вводимыя Бисмаркомъ при посредствѣ прусскаго ландтага и имперскаго парламента, распространялись и на польское духовенство. Познанскій архіепископъ Ледоховскій былъ приговоренъ къ двумъ годамъ тюрьмы; другіе польскіе епископы подвергались аресту и штрафамъ; сотни приходовъ остались безъ священниковъ; всѣ церковныя филантропическія учрежденія были закрыты; десятки тысячъ прихожанъ должны были платить штрафъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подверглись полной германизаціи польская народная и средняя школа. Только кое-гдѣ сохранилось въ видѣ исключенія необязательное преподаваніе польскаго языка. До 1875 г. польскія школы были повсемѣстно

превращены въ нѣмецкія, и Бисмаркъ принялся за искорененіе польскаго языка въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ. Вскорѣ отъ прежней равноправности поляковъ и польскаго языка не осталось почти никакихъ слѣдовъ, и Бисмаркъ перешелъ къ ограниченію чисто гражданскихъ правъ польскаго населенія.

Мало-по-малу поляки превращаются въ прусскихъ гражданъ особаго сорта. Они несутъ всѣ повинности наравнѣ съ нѣмецкимъ населеніемъ, но пользуются только тѣми правами, которыхъ у нихъ не отнялъ прусскій ландтагъ, какъ гарантированныхъ имъ общеимперской конституціей. Очень скоро антипольскія мѣры совершенно выдѣляются изъ той «культурной борьбы», которую Бисмаркъ ведетъ съ католической церковью, и антипольская политика становится вполнѣ самостоятельнымъ цѣлымъ, все болѣе и болѣе оттѣсняющимъ на задній планъ борьбу съ католицизмомъ на нѣмецкой почвѣ. Какъ извѣстно, Бисмаркъ долженъ былъ въ концѣ концовъ «пойти въ Каноссу», примириться съ папой и ликвидировать «культурную борьбу» (1883). И именно съ того момента, когда «желѣзный канцлеръ» капитулируетъ передъ католической церковью, его антипольская политика принимаетъ еще болѣе рѣзкій характеръ.

Періодъ «культурной борьбы» имѣлъ громадное значеніе въ жизни прусскихъ поляковъ. Бисмаркъ, преслѣдуя поляковъ, какъ католиковъ, толкнулъ польское общество въ объятія католическаго центра. Принужденное защищать прежде всего свои вѣроисповѣдные и церковные интересы, познанское общество сплачивается вокругъ церкви и духовной іерархіи. Вслѣдствіе этого прежній его либерализмъ мало-по-малу блѣднѣетъ, и та же самая Познань, которая была одно время главнымъ средоточіемъ польскаго свободомыслія, превращается въ настоящій очагъ клерикализма. Послѣдній усиливается по мѣрѣ роста вліянія католическаго центра,— единственной партіи, которая въ прусскомъ ландтагѣ поддерживаетъ и защищаетъ поляковъ. Съ другой стороны, «культурная борьба» способствуетъ демократизаціи польскаго движенія въ Пруссіи и распространенію его внѣ Познани и Западной Пруссіи. Дѣло въ томъ, что преслѣдованія, сыпавшіяся на поляковъ въ области церковной жизни, касались не только польскаго образованнаго общества, но, — въ еще большей мѣрѣ,—крестьянскихъ массъ. А какъ какъ эти преслѣдованія имѣли антипольскій характеръ, то они пробуждали въ массахъ вмѣстѣ съ религіознымъ фанатизмомъ и чувство національнаго самосознанія и ненависть къ нѣмецкимъ угнетателямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на почвѣ общенаціональнаго гнета всѣ общественные элементы польской народности должны были неминуемо сблизиться и образовать одинъ компактный, солидарный лагерь. Этимъ путемъ Бисмаркъ создалъ въ Познани и Западной Пруссіи новую политическую силу, отражавшую систематически всѣ его нападенія.

Характерно, что тому же Бисмарку и его антипольской политикѣ польское общество обязано возникновеніемъ національно-польскаго движенія во всѣми забытой Силезіи. Католическое духовенство послѣдней, хотя и вышедшее изъ мѣстнаго населенія, но по своей культурѣ нѣмецкое, рѣшило опереться въ борьбѣ съ бисмарковскимъ «Kulturkampf»омъ на народныя массы. Для привлеченія послѣднихъ въ политическій лагерь партіи центра силезское духовенство принимаетъ на себя обязанность защищать и національные интересы польскихъ крестьянъ и рабочихъ. Силезскіе священники издаютъ агитаціонныя газеты на польскомъ языкѣ, говорятъ по-польски на народныхъ собраніяхъ и требуютъ отъ имени польскихъ массъ извѣстныхъ правъ для польскаго языка въ школѣ, судопроизводствѣ и администраціи.

Конечно, польско-національный характеръ нѣмецко-клерикальной агитаціи былъ только средствомъ для прибѣгавшей къ ней партіи. Цѣль состояла единственно въ усиленіи политическаго могущества клерикальной партіи центра,—что въ Силезіи было невозможно безъ поддержки мѣстныхъ польскихъ массъ. Однако, демагогическое по своему существу средство привело къ неожиданнымъ для самихъ нѣмецкихъ клерикаловъ результатамъ. Оно укрѣпило польское самосознаніе силезскихъ народныхъ массъ и содѣйствовало возникновенію среди нихъ польскаго національнаго движенія, которое современемъ освободилось совершенно изъ-подъ власти центра и примкнуло къ общепольскому лагерю, вопреки желанію его первоначальныхъ руководителей. Такимъ образомъ, антипольская политика Бисмарка и дѣятельность нѣмецкой партіи центра привели въ концѣ-концовъ къ тому, что Силезія объединилась съ остальными польскими провинціями Пруссіи на почвѣ общенаціональной самозащиты. Съ конца XIX столѣтія депутаты, избираемые силезскими поляками, входятъ уже въ составъ «Польскаго кола», а не фракціи центра, какъ это было прежде.

Между тѣмъ антипольская политика Бисмарка развивается неудержимо. 26 марта 1885 г. было обнародовано правительственное распоряженіе о высылкѣ изъ Пруссіи всѣхъ русскихъ и австрійскихъ подданныхъ поляковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это распоряженіе предписываетъ провинціальнымъ властямъ принять строжайшія мѣры къ недопущенію на постоянное жительство въ предѣлахъ Пруссіи заграничныхъ подданныхъ поляковъ въ качествѣ «нежелательныхъ чужеземцевъ» (lästige Ausländer). Мѣстная администрація приступила въ апрѣлѣ того же года къ исполненію этого распоряженія съ безпримѣрной жестокостью. Высылкѣ подвергались умирающіе старики и дѣти-сироты, люди, жившіе въ Пруссіи болѣе пятидесяти лѣтъ, многіе бывшіе прусскіе солдаты и т. д. Тысячи семействъ подвергались при этомъ раззоренію; были и случаи самоубійствъ. Жертвой бисмарковскаго указа пало слишкомъ 30.000 человѣкъ, высланныхъ изъ Пруссіи до конца 1885 года.

Первой и въ то же время самой серьезной антипольской мѣрой *экономическаго* характера было учрежденіе въ 1886 г. «Колонизаціонной Комиссіи». Задачи послѣдней состояли въ томъ, чтобы выкупать изъ рукъ поляковъ крупныхъ собственниковъ землю и селить на ней нѣмецкихъ колонистовъ. Операціи «Колонизаціонной Комиссіи» должны были производится въ двухъ провинціяхъ: Познани и Западной Пруссіи. И прусскій ландтагъ охотно ассигновалъ правительству на эту цѣль 100 милліоновъ марокъ,—сумму, которая первоначально считалась вполнѣ достаточной для уничтоженія крупнаго польскаго землевладѣнія на восточной «окраинѣ» Пруссіи. Въ томъ же 1886 г., когда ландтагъ поспѣшилъ предупредительно пойти навстрѣчу желаніямъ Бисмарка, принимая предложеніе, касающееся «Комиссіи», послѣдняя выкупила за 7 милліоновъ марокъ 12.000 гектаровъ земли, почти исключительно изъ польскихъ рукъ. Бисмаркъ торжествовалъ, такъ какъ ему казалось, что, сломивъ экономическую мощь крупнаго дворянскаго землевладѣнія, онъ лишитъ польское крестьянство «прирожденныхъ руководителей». А это позволитъ Пруссіи низвести польское населеніе Познани и Западной Пруссіи на уровень восточно-прусскихъ мазуровъ или силезцевъ, въ то время еще почти не обнаруживавшихъ никакихъ польско-національныхъ стремленій. Бисмаркъ, подобно кн. Черкасскому и Милютину въ 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ, былъ убѣжденъ, что сила польской націи коренится только въ шляхтѣ и духовенствѣ. Разъ эти элементы будутъ лишены вліянія, «добрый, трудолюбивый польскій мужичекъ» станетъ идеаломъ преданности правительству. Бисмаркъ иронизировалъ въ одной изъ своихъ рѣчей надъ польской шляхтой, предлагая ей спускать деньги, полученные отъ «Колонизаціонной комиссіи», въ... Монако.

«Колонизаціонная комиссія» энергично принялась за свое дѣло, обративъ первоначально главное вниманіе на выкупъ польской земли. До конца 1890 г. она пріобрѣла 82 крупныхъ имѣнія и 32 крестьянскихъ хозяйства, необходимыхъ для округленія болѣе значительныхъ пріобрѣтеній. Все это пріобрѣталось по крайне низкимъ цѣнамъ, — въ среднемъ по 606 марокъ за гектаръ, — безъ опредѣленнаго плана, въ самыхъ разнообразныхъ округахъ Познани и Западной Пруссіи. На пріобрѣтеніе первыхъ 50 тысячъ гектаровъ пошло болѣе 30 милліоновъ марокъ, т. е. почти третья часть ассигнованной ландтагомъ суммы. Однако, вторая часть задачи «Колонизаціонной комиссіи», — поселеніе нѣмецкихъ крестьянъ на пріобрѣтенной отъ поляковъ землѣ, — совершенно не соотвѣтствовала по своимъ размѣрамъ первой. Въ теченіе пяти первыхъ лѣтъ дѣятельности «Колонизаціонной Комиссіи» ей удалось поселить всего 690 колонистовъ, причемъ почти половина послѣднихъ были мѣстные нѣмецкіе крестьяне,— что вовсе не содѣйствовало увеличенію нѣмецкаго элемента поль-

ской «окраины». Мало того, «Колонизаціонная комиссія» создавала крупныя крестьянскія хозяйства, не ниже 20 гектаровъ, что принуждало нѣмецкихъ колонистовъ прибѣгать къ помощи наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ,—конечно, польскихъ, такъ какъ другихъ подъ рукой не было. И въ результатѣ создавались настоящіе курьезы (съ точки зрѣнія антипольской политики): въ нѣмецкихъ колоніяхъ, замѣнившихъ крупныя польскія имѣнія, оказывалось поляковъ больше, чѣмъ ихъ было тогда, когда хозяевами этихъ имѣній были поляки.

III.

Какъ ни какъ, учрежденіе «Кол. Ком.» было мѣрой, вызвавшей страшный переполохъ въ польскомъ обществѣ. Легкость, съ какой «Кол. Ком.» находила польскихъ помѣщиковъ, готовыхъ продавать ей свою землю, вызвала серьезныя опасенія, что идея Бисмарка, дѣйствительно, можетъ осуществиться, и что земля,—территоріальная опора націи,—можетъ ускользнуть изъ рукъ поляковъ. Въ польскихъ газетахъ стали появляться списки помѣщиковъ, продавшихъ свою землю «Кол. Ком.», съ призывомъ къ общественному бойкоту ихъ въ качествѣ «національныхъ предателей». Вмѣстѣ съ тѣмъ польское общество стало готовиться практически къ борьбѣ съ дѣятельностью «Кол. Ком.». Между прочимъ, былъ основанъ частный польскій банкъ, который сталъ заниматься покупкой польскихъ помѣстій и перепродажей ихъ по частямъ польскимъ крестьянамъ и рабочимъ. Мало-по-малу начинаютъ возникать и другія польскія предпріятія съ аналогичными задачами. И, хотя первоначально ихъ конкурренція почти не давала себя чувствовать «Кол. Ком.», однако нѣсколько лѣтъ спустя польскія парцелляціонные банки и товарищества становятся крупными факторами экономической жизни Познани и Западной Пруссіи. Вмѣстѣ съ этимъ побѣда въ борьбѣ за землю начинаетъ склоняться, какъ это ни странно,—на сторону поляковъ.

Чтобы выяснить себѣ эту поразительную эволюцію польско-нѣмецкихъ отношеній въ области землевладѣнія, слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе на исторіи послѣдняго въ предѣлахъ Познани съ 1815 г.

Въ періодъ 1815—1860 гг., ознаменовавшійся аграрными реформами, крупная польская земельная собственность переходитъ довольно быстро въ нѣмецкія руки,—вслѣдствіе самыхъ разнообразныхъ мѣропріятій прусскаго правительства. Въ 1848 г. уже почти 39% крупной собственности Познани было въ рукахъ нѣмецкихъ помѣщиковъ. Въ 1860 г. этотъ процентъ поднимается до 47. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этотъ періодъ возрастало и количество мелкой нѣмецкой собственности, такъ какъ нѣмецкіе помѣщики,

хлынувшіе въ предѣлы Познани, привозили съ запада нѣмцевъ-управляющихъ, служащихъ, а то и простыхъ работниковъ. Многіе изъ нихъ, пообжившись на мѣстѣ, пріобрѣтали земельную собственность изъ польскихъ рукъ. Этимъ путемъ увеличивалось въ Познани (и Западной Пруссіи) количество нѣмецкихъ землевладѣльцевъ. Въ періодъ 1860 — 1886 этотъ процессъ еще болѣе развивается, причемъ крупное землевладѣніе растетъ въ ущербъ мелкому. Помѣстья поглощаютъ массу крестьянской собственности, главнымъ образомъ польской, какъ слабѣйшей экономически и культурно. Одновременно съ этимъ увеличивается и территорія крупной нѣмецкой собственности. Министръ земледѣлія, д-ръ Луціусъ, констатируетъ въ 1886 г., что нѣмецкая крупная частная собственность въ Познани и въ Западной Пруссіи равняется 1.443.000 гектаровъ (въ Познани 724.000), а польская всего 914.000 (въ Познани 656 000); и что поляки потеряли за 25 лѣтъ (съ 1861 по 1886 г.) 293.000 гектаровъ.

И вотъ какъ разъ къ тому моменту, когда у польскаго землевладѣнія является опаснѣйшій врагъ въ лицѣ «Кол. Ком.», какъ бы на помощь первому спѣшитъ естественное развитіе экономическихъ факторовъ, крайне неблагопріятныхъ для крупной земельной собственности. Со второй половины 70-хъ годовъ, вслѣдствіе заграничной конкурренціи, въ Германіи начинается быстрое паденіе цѣнъ на хлѣбъ: 1000 килогр. пшеницы въ 1871 г. стоила 235,2 марки, въ 1895—165,5; ржи, въ 1871—179,2, въ 1895—148,5; ячменя, 170,8 и 142,5. Доходность крупныхъ помѣстій вслѣдствіе этого быстро уменьшается, тѣмъ болѣе, что и вознагражденіе сельскохозяйственныхъ рабочихъ возрастаетъ. Наоборотъ, благодаря растущимъ цѣнамъ на скотъ, сильно увеличивается доходность крестьянскихъ хозяйствъ. Положеніе послѣднихъ постепенно улучшается, что вызываетъ почти полное прекращеніе крестьянской эмиграціи въ Америку, весьма значительной въ періодъ 1871—1890 г.г.

Такимъ образомъ создаются условія, чрезвычайно благопріятствующія развитію парцелляціи крупныхъ помѣстій и укрѣпленію, благодаря этому, крестьянской собственности. И вотъ къ этимъ-то явленіямъ чисто-экономическаго характера очень умѣло приноровилось польское общество Познани и Западной Пруссіи, стараясь использовать ихъ для національной самозащиты и борьбы съ антипольской политикой правительства. Экономическому натиску правительственныхъ мѣропріятій была противупоставлена экономическая организація польскихъ массъ, главнымъ образомъ крестьянскихъ. Было обращено вниманіе на такъ называемые крестьянскіе кружки, на мелкія кредитныя общества и на тотъ капиталъ, который сосредоточивался въ рукахъ уходящихъ на заработки польскихъ крестьянъ.

Земледѣльческіе кружки существовали въ Познани и въ За-

падной Пруссіи съ половины 60-хъ годовъ, но почти никакой роли не играли. Только съ 1873 г., когда ихъ развитіемъ озаботилось польское центральное земледѣльческое общество, ихъ число и вмѣстѣ съ тѣмъ количество ихъ членовъ быстро растетъ. Въ 1880 г. ихъ было уже 120. Содѣйствуя распространенію среди крестьянъ сельско-хозяйственныхъ знаній, земледѣльческіе кружки стали мелкими культурными центрами, способствующими сплоченію польскихъ крестьянъ. Къ слову сказать, въ настоящее время въ одной Познани земледѣльческихъ кружковъ около 400, а число ихъ членовъ поднялось почти до 20.000. Крестьяне, примыкавшіе къ этимъ кружкамъ, стали дѣятельно поддерживать своими взносами польскія мелкія кредитныя учрежденія, прежде влачившія довольно жалкое существованіе, со временемъ же ставшія крупнымъ факторомъ экономической жизни поляковъ, особенно благодаря заработкамъ польскихъ выходцевъ въ западныхъ провинціяхъ Пруссіи.

Дѣло въ томъ, что очень сильная до начала 90-хъ годовъ эмиграція поляковъ изъ Познани и Западной Пруссіи въ Америку почти, какъ мы видѣли, прекращается. Ее замѣняетъ стремленіе польскихъ крестьянъ на западъ Пруссіи, главнымъ образомъ въ каменноугольныя копи и фабрики бассейна рѣки Руръ. Въ 1880 г. поляковъ, болѣе или менѣе постоянно пребывающихъ внѣ польскихъ областей Пруссіи, было всего 32.000, въ 1890—115.000, въ настоящее же время число ихъ достигаетъ 400.000. Эта эмиграція носитъ преимущественно временный характеръ. Крестьяне, отправляющіеся на заработки въ западныя провинціи Пруссіи, возвращаются домой съ довольно значительными сбереженіями (приблизительно 160—170 марокъ на человѣка въ годъ). Часть этихъ сбереженій идетъ на покупку земли, другая становится оборотнымъ капиталомъ польскихъ кредитныхъ учрежденій, которыя, благодаря постоянному наплыву крестьянскихъ денегъ, расширяютъ свои финансовыя операціи. Всѣ польскія кредитныя и т. п. финансовыя учрежденія сплачиваются въ одинъ союзъ, становящійся очень быстро весьма серьезной силой. Въ 1886 г. польскихъ финансовыхъ обществъ, примыкавшихъ къ «Союзу», было всего 64 съ 21.000 членовъ. Въ настоящее время ихъ болѣе 200, количество же членовъ поднялось до 100.000, причемъ капиталъ «Союза» съ 11 милліоновъ марокъ въ 1886 г. увеличился до 140 милліоновъ въ настоящее время. Вполнѣ понятно, что, владѣя такимъ капиталомъ, «Союзъ» можетъ оказывать чрезвычайно серьезную помощь польскимъ предпріятіямъ экономическаго характера.

Въ области поземельныхъ отношеній этотъ ростъ польскихъ экономическихъ организацій получилъ очень важное значеніе. Польское парцелляціонное движеніе успѣшно конкуррируетъ съ операціями «Кол. Ком.». Вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, крупное землевладѣніе Познани и Западной Пруссіи очутилось въ положеніи, вызывающемъ необходимость его частичной ликвидаціи.

И въ послѣдней, наряду съ «Кол. Ком.», принимаетъ участіе польское крестьянство при содѣйствіи польскихъ финансовыхъ учрежденій. Въ 1896 г. въ Западной Пруссіи впервые оказывается, что количество польской земли, перешедшей въ нѣмецкія руки, на 2500 гектаровъ меньше количества нѣмецкой земли, скупленной поляками. Въ Познани въ этомъ году разница въ пользу нѣмцевъ сводится къ 67 гект. Однако уже въ слѣдующіе годы и тутъ поляки побѣждаютъ нѣмцевъ. Въ 1897 поляки выкупили у нѣмцевъ на 1.858 гектаровъ больше, чѣмъ нѣмцы у поляковъ; въ 1898—на 1.167; въ 1899—на 8000. Въ общемъ въ періодъ 1896—1904 г.г. польскіе крестьяне Познани и Западной Пруссіи выкупили изъ нѣмецкихъ рукъ 268.000 гект. По офиціальнымъ даннымъ, чистая прибыль поляковъ за этотъ періодъ времени равнялось 63.000 гект. Такимъ образомъ поляки не только обогнали въ покупкѣ земли нѣмцевъ, но и возвратили себѣ гораздо больше, чѣмъ «Кол. Ком.» удалось вырвать за все время ея существованія изъ польскихъ рукъ.

Эти результаты предпріимчивости польскаго крестьянства и его экономическихъ организацій поставили въ тупикъ правительственныя власти, бдительно слѣдившія за ходомъ борьбы за землю. Побѣда польскаго крестьянства была тѣмъ тягостнѣе для нихъ, что уменьшеніе площади крупной польской собственности нисколько не ослабило антипрусскаго настроенія поляковъ. Наоборотъ, демократизаціи польскаго общества сопутствовалъ ростъ національнаго радикализма, гораздо болѣе рѣзкаго у крестьянъ, чѣмъ у помѣщиковъ. Мало того, и польская крупная собственность оказалась значительно болѣе живучей, чѣмъ думалъ Бисмаркъ. «Кол. Ком.» легко дались первыя побѣды надъ польскими помѣщиками, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которыя стояли у порога банкротства, поспѣшили отвязаться отъ земли, ставшей имъ въ тягость. Но владѣльцы болѣе крѣпкихъ въ финансовомъ отношеніи польскихъ помѣстій не обращались къ «Кол. Ком.», по мѣрѣ же развитія польскаго парцелляціоннаго движенія и тѣ помѣщики, которымъ было выгодно разстаться съ земельной собственностью, могли игнорировать «Кол. Ком.», потому что польскій крестьянинъ сталъ гораздо лучшимъ покупщикомъ, да и не зазорно было продавать ему землю, какъ «земляку», «своему».

И вотъ «Кол. Ком.» приходится выкупать земли у помѣщиковъ-нѣмцевъ. Съ 1895 г. поляки становятся все болѣе и болѣе рѣдкими кліентами «Кол. Ком.» Въ 1895—1897 г.г. она выкупаетъ изъ нѣмецкихъ рукъ почти вдвое больше, нежели изъ польскихъ, въ 1898—1901—въ четыре раза, а въ 1902—1906 въ десять разъ больше. Съ 1895 по 1906 г. «Кол. Ком.» пріобрѣла отъ поляковъ 31.000 гект., отъ нѣмцевъ же—192.000 гект. Въ результатѣ громадный перевѣсъ нѣмецкой крупной собственности надъ польской постоянно уменьшался, а въ 1906 г. равнялся всего 19.000 гект.

Только за два года 1905-1906 площадь польской крупной собственности уменьшилась на 3.400 гект., нѣмецкой же на 26.000. Благодаря дѣятельности «Кол. Ком.» и, особенно, крестьянской парцелляціи, въ Познани и въ Западной Пруссіи быстро поднимаются цѣны на землю. Такъ, напр., въ 1886 г. «Кол. Ком.» платила 568 марокъ за гектаръ, въ 1897—769, въ 1907—1508. Возникновеніе цѣлаго ряда польскихъ парцелляціонныхъ банковъ сильно содѣйствуетъ росту цѣнъ. А такъ какъ перепродажа земли польскимъ крестьянамъ оказалась предпріятіемъ очень выгоднымъ въ финансовомъ отношеніи, то и мелкія нѣмецкія кредитныя учрежденія принимаются за это дѣло. И у «Кол. Ком.» появляются новые конкурренты.

IV.

Полное фіаско новыхъ шаговъ «Кол. Ком.» заставило правительство прибѣгнуть къ цѣлому ряду мѣръ усиленія ея дѣятельности. Въ 1898 г. прусскій ландтагъ проводитъ слѣдующую реформу. «Кол. Ком.», которая первоначально должна была функціонировать только до 1907 г. (такъ какъ Бисмаркъ полагалъ, что ей удастся справиться съ польскимъ землевладѣніемъ въ 20 лѣтъ), превращается въ учрежденіе постоянное; колонизаціонный фондъ увеличивается до 200 милліоновъ марокъ. Въ 1902 г. этотъ фондъ былъ увеличенъ до 350 милліоновъ, къ которымъ было прибавлено еще 1 милліонъ на покупку въ Познани и Западной Пруссіи помѣстій и лѣсовъ для превращенія ихъ въ государственныя имѣнія съ управленіемъ за счетъ казны. Однако и этого оказалось мало. Ежегодные отчеты «Кол. Ком.», несмотря на ихъ тенденціозный оптимизмъ, констатировали полное безсиліе искусственныхъ мѣропріятій въ борьбѣ съ общественной самопомощью поляковъ и, въ частности польскихъ крестьянъ, опирающеюся на естественный ходъ экономическаго развитія польскихъ провинцій.

И вотъ въ 1908 г. прусскій ландтагъ увеличиваетъ фондъ «Кол. Ком.» съ 350 до 475 милліоновъ марокъ, а фондъ на покупку лѣсовъ и казенныхъ имѣній усиливаетъ до 25 милліоновъ. Кромѣ этого, 50 милліоновъ ассигнуется на образованіе крупныхъ нѣмецкихъ помѣстій новаго типа, и 75 милліоновъ на превращеніе нѣмецкой частной крестьянской собственности въ т. н. «Rentengüter» *). Нѣкоторого рода «увѣнчаніемъ зданія» антипольской колонизаціозной политики явился принятый въ томъ же 1908 г. прусскимъ ландтагомъ законъ о принудительномъ отчуж-

*) Участки, не находящіеся въ неограниченномъ распоряженіи собственника, но обложенные извѣстной денежной или натуральной рентой.

деніи польской земельной собственности. На основаніи этого закона правительство имѣетъ право экспропріировать максимумъ 70.000 гект. земли, которая должна перейти въ вѣдѣніе «Кол. Ком». Эта послѣдняя, совершенно уже отчаянная (и досихъ поръ еще ни разу не примѣненная) мѣра какъ нельзя лучше иллюстрируетъ фіаско антипольской колонизаціонной политики Пруссіи, фіаско, становящееся все болѣе и болѣе очевиднымъ даже для націоналистическихъ элементовъ нѣмецкаго общества. Вѣдь задачей «Кол. Ком.» было, съ одной стороны, свести до минимума польское землевладѣніе, а съ другой,—такъ усилить нѣмецкое населеніе Познани и Западной Пруссіи, чтобы превратить ихъ въ почти нѣмецкія провинціи. Между тѣмъ «Кол. Ком.» за 25 лѣтъ своего существованія, т. е. до 1911 г., пріобрѣла 385.000 гект. земли, въ томъ числѣ всего 111.000 гект. отъ поляковъ, болѣе же двухъ третей—отъ нѣмцевъ. А количество нѣмцевъ, поселившихся благодаря 25-лѣтнимъ усиліямъ «Кол. Ком.» въ двухъ польскихъ провинціяхъ, составляетъ всего на всего 3% ихъ нѣмецкаго населенія. Дѣйствительно, есть отъ чего прійти въ уныніе нѣмецкому націоналисту!..

А вѣдь борьба съ польскимъ обществомъ за землю сопровождалась цѣлымъ легіономъ мѣръ, сильно парализующихъ польскую самозащиту. Въ то время какъ «Кол. Ком.» предоставлялись, кромѣ колоссальныхъ суммъ, всякія привилегіи и выгоды, польская колонизація стѣснялась и подвергалась всевозможнѣйшимъ придиркамъ, крайне затруднявшимъ ея развитіе. Ей приходилось приноравливаться ко всякаго рода административнымъ предписаніямъ и просто злоупотребленіямъ, пытавшимся ее уничтожить. Самой тягостной изъ всѣхъ этихъ мѣръ былъ исключительный законъ 1904 г., направленный спеціально противъ польской парцелляціи. Онъ не мѣшалъ польскому крестьянину пріобрѣсти частицу распродаваемаго въ раздробь помѣщичьяго имѣнья, но не позволялъ ему возводить на этомъ кускѣ земли никакихъ построекъ, такъ какъ позволеніе на постройку дома получалъ только тотъ, кого мѣстныя власти снабдили спеціальнымъ документомъ. Послѣдній же долженъ былъ гласить, что возведеніе новой постройки не противорѣчитъ интересамъ нѣмецкой колонизаціи. При такихъ условіяхъ развѣ одинъ изъ десяти тысячъ польскихъ колонистовъ могъ получить право на постройку дома. Казалось, что польской колонизаціи пришелъ конецъ. Лишенные возможности жить на пріобрѣтенной землѣ, польскіе крестьяне поспѣшатъ отвязаться отъ нея, а польскіе парцелляціонные банки обонкротятся,—таково было убѣжденіе нѣмецкихъ націоналистовъ, которые провели законъ 1904 г. въ прусскомъ ландтагѣ. Дѣйствительно, положеніе польскихъ крестьянъ, особенно тѣхъ, которые уже купили кусокъ земли, но не могли на немъ обзавестись ни жилищемъ, ни хо-

зяйственнымъ постройками, было чрезвычайно затруднительно. И вотъ на сцену появляется такъ назыв. «фургонъ Джымалы».

Одинъ изъ такихъ обездоленныхъ крестьянъ—Джымала—поселился съ своей семьей въ фургонѣ (на манеръ цыганскаго) и ежедневно перевозилъ его съ мѣста на мѣсто. Это было жилище, но не «постройка»; слѣдовательно, имъ можно было обзавестись безъ всякаго позволенія со стороны властей. Примѣръ Джымалы нашелъ многочисленныхъ послѣдователей, и «фургонъ Джымалы» сталъ обычнымъ явленіемъ, пока прусскія власти не догадались отыскать и противъ нихъ дѣйствительное средство *). Этимъ средствомъ явилось запрещеніе помѣщать въ такомъ фургонѣ печку,—конечно, «въ видахъ общественной безопасности»,—безъ печки же, особенно зимой, «джымалитамъ» (какъ ихъ прозвали) приходилось очень плохо, и многіе изъ нихъ были вынуждены продать землю сосѣдямъ, обладающимъ нормальными жилищами. Однако заминка въ польскомъ парцелляціонномъ движеніи, вызванная исключительнымъ закономъ 1904 г., продолжалась недолго. Скоро были найдены средства его обхода. Во-первыхъ, крупное помѣстье, купленное польскимъ парцелляціоннымъ банкомъ, распродавалось теперь между сосѣдними крестьянами, земля которыхъ непосредственно прилегала къ парцеллируемому имѣнью. Затѣмъ, крестьянинъ, желающій увеличить площадь своего землевладѣнія, продавалъ свой кусокъ земли со всѣми постройками менѣе достаточному или безземельному крестьянину, самъ же покупалъ либо болѣе крупное крестьянское хозяйство, либо ту часть помѣстья, которая осталась послѣ распродажи его между сосѣдними крестьянами и на которой были готовыя хозяйственныя постройки.

И опять закипѣла дѣятельность парцелляціонныхъ банковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сильно увеличился спросъ на крестьянскія хозяйства, уже вполнѣ оборудованныя и не требующія поэтому никакихъ позволеній на постройки. Спросъ вызвалъ предложеніе, совершенно неожиданное для нѣмецкихъ шовинистовъ. Крестьяне-нѣмцы стали продавать свои хозяйства польскимъ банкамъ, платившимъ очень хорошую цѣну, и такимъ образомъ антипольскій исключительный законъ привелъ въ конечномъ результатѣ къ уменьшенію площади нѣмецкаго крестьянскаго землевладѣнія.

Вообще на почвѣ борьбы за землю выросъ цѣлый рядъ чрезвычайно характерныхъ явленій. Такъ какъ съ 1898 г. предложеніе земли «Кол. Ком.» со стороны польскихъ помѣщиковъ стало чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ, то этому учрежденію пришлось прибѣгнуть къ услугамъ темныхъ личностей, спеціализовавшихся въ качествѣ «колонизаціонныхъ агентовъ». Обыкновенно такой агентъ

*) Первый фургонъ „Джымалы", привезенный въ Краковъ, красуется понынѣ въ польскомъ національномъ музеѣ, какъ образчикъ „прусской культуры".

изъ поляковъ игралъ роль искренняго патріота, который покупаетъ имѣнье для себя лично. Купивъ имѣнье, онъ перепродаетъ его затѣмъ «Кол. Ком.», получая за посредничество извѣстную, по большей части довольно крупную сумму. Конечно, такой «патріотъ», уличенный какъ «колонизаціонный агентъ», только съ большимъ трудомъ можетъ пуститься на подобную продѣлку вторично, потому что всѣ польскія газеты оглашаютъ его фамилію. И уже въ силу одного этого соображенія «агентъ» старается содрать съ «Кол. Ком.» какъ можно больше.

А вотъ другой типъ дѣльца, порожденнаго «Кол. Ком.». Это помѣщикъ-нѣмецъ, который старается навязать послѣдней свое имѣніе. Онъ ставитъ вопросъ ребромъ: либо «Кол. Ком.» пріобрѣтетъ его имѣніе, и оно будетъ сохранено для «нѣмецкаго отечества»; либо нѣтъ—и тогда онъ будетъ принужденъ продать его полякамъ. «Кол. Ком.», конечно, спасаетъ нѣмецкую землю, а нѣмецкій помѣщикъ кладетъ въ карманъ такую сумму, какой бы онъ никогда не получилъ отъ частнаго покупателя. Иногда вполнѣ достаточно было пустить слухъ, что нѣмецъ-помѣщикъ договаривается съ польскимъ парцелляціоннымъ банкомъ относительно продажи ему земли, какъ сейчасъ же являлся уполномоченный «Кол. Ком.», который и спасалъ отъ полонизаціи нѣмецкое имѣнье. Бывали и такіе случаи, когда нѣмецкій спекулянтъ входилъ въ сдѣлку съ польскимъ и представлялъ «Кол. Ком.» формальный контрактъ о продажѣ имѣнья поляку, причемъ въ контрактѣ фигурировалъ пунктъ, позволяющій перепродать имѣнье тому, кто въ извѣстный срокъ заплатитъ за него, положимъ, тысячъ на 20-30 больше. Конечно, «Кол. Ком.» уплачивала эту разницу находчивому помѣщику, который и дѣлился со своимъ польскимъ сообщникомъ такъ легко пріобрѣтенной суммой.

Паденіе Бисмарка и замѣна его графомъ Каприви привела къ нѣкоторому замедленію темпа антипольской политики. Правда, и «Кол. Ком.» продолжаетъ дѣйствовать, и всякіе исключительные законы антипольскаго характера даютъ себя чувствовать полякамъ. Однако, въ періодъ 1890—1894 г. правительство Каприви старается вызвать у поляковъ примиренческое настроеніе путемъ извѣстныхъ конфиденціальныхъ обѣщаній и мелкихъ уступокъ національнаго характера. Пользующійся личной благосклонностью императора депутатъ Косцельскій сталъ посредникомъ между правительствомъ Каприви и польскими консервативными сферами. Послѣднія рѣшились поддержать правительство въ парламентѣ по вопросу объ увеличеніи контингента рекрутовъ на 80.000 чел., ожидая въ награду за это по крайней мѣрѣ возстановленія преподаванія на польскомъ языкѣ въ познанскихъ и западно-прусскихъ школахъ. Когда же эти чаянія не оправдались, и правительство ограничилось совершенно ничтожными уступками (каковы прекращеніе высылки поляковъ иностранныхъ подданныхъ, позволеніе

обучаться польскому языку частнымъ образомъ, нѣкоторая самостоятельность польскихъ экономическихъ организацій),—большинство польскаго общества выступило противъ консерваторовъ: «Польское Коло» уклонилось отъ голосованія правительственнаго предложенія, касающагося флота, Косцельскій сложилъ депутатскія полномочія, и между поляками и правительствомъ произошелъ разрывъ. Вскорѣ послѣ этого Вильгельмъ II примирился съ Бисмаркомъ, и антипольская политика Пруссіи вошла въ свою прежнюю колею.

V.

Съ 1894 года эта политика принимаетъ особенно рѣзкій характеръ вслѣдствіе того содѣйствія, которое прусское правительство встрѣтило со стороны нѣмецкихъ консерваторовъ и націоналъ-либераловъ. Основанный въ этомъ году «Всенѣмецкій союзъ» обнародовалъ обширную программу антипольскаго характера, требующую усиленія германизаціи во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Эта программа вызвала антипольскую агитацію въ повременной печати. Бисмаркъ, принимая въ Варцинѣ депутацію познанскихъ и западно-прусскихъ нѣмцевъ, проповѣдывалъ настоящій крестовый походъ противъ поляковъ, доказывая, что ихъ слѣдуетъ третировать не иначе, какъ соціалистовъ, ибо они представляютъ для государства неменьшую опасность. Императоръ Вильгельмъ произнесъ 22 сентября 1894 г. свою знаменитую торнскую рѣчь, въ которой заявилъ, что, если поляки «не будутъ безусловно и вполнѣ чувствовать себя прусскими подданными», то онъ «можетъ стать тоже весьма непріятнымъ для поляковъ». Консервативная и націоналъ-либеральная печать подхватила эти слова императора, и противъ всего польскаго открылась ожесточенная кампанія. Въ концѣ 1894 года возникаетъ «Общество для поддержки германизма на восточной окраинѣ», основанное по почину Ганземанна, Кеннеманна и Тидеманна. Это общество, прозванное организаціей Г—К—Т или «гакатистовъ» (по первымъ буквамъ фамилій его основателей), положило начало крайнему антипольскому теченію, извѣстному подъ названіемъ «гакатизма», къ которому примкнули десятки тысячъ нѣмецкихъ шовинистовъ во всей Германіи. Гакатизмъ пользовался открытой поддержкой правительства, что привлекло въ организацію гакатистовъ массу правительственныхъ чиновниковъ.

Отказъ поляковъ отъ участія въ «патріотическихъ» торжествахъ по поводу 25-лѣтней годовщины Седана и голосованіе ихъ въ прусскомъ ландтагѣ противъ предложенія поздравить Бисмарка по случаю его 80-лѣтія еще больше вооружили нѣмецкихъ шовинистовъ противъ польскаго элемента. Гакатизмъ начинаетъ охватывать все болѣе и болѣе широкія сферы нѣмецкаго

буржуазнаго общества, новые антипольскіе проекты появляются одинъ за другимъ, и большая часть ихъ становится законами, такъ какъ въ прусскомъ ландтагѣ только католическій центръ не поддерживаетъ антипольскихъ предложеній. Начиная съ 1895 г., Пруссія опять высылаетъ поляковъ австрійскихъ и прусскихъ подданныхъ, которымъ удалось поселиться въ Познани и въ Силезіи въ періодъ ослабленія антипольскаго курса при гр. Каприви. Польскій языкъ или, вѣрнѣе, тѣ его незначительные остатки, которые сохранились въ школахъ и судахъ Познани, были окончательно оттуда вытѣснены. Желѣзнодорожнымъ служащимъ запрещено говорить по-польски. Польскихъ рабочихъ массами увольняли изъ всѣхъ предпріятій, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ казнѣ. Въ области колонизаціоннаго дѣла появляются все новыя и новыя мѣры, задача которыхъ—сдѣлать совершенно невозможной покупку земли польскими крестьянами. Польская печать подвергается неслыханнымъ преслѣдованіямъ: польскія газеты платятъ громадные штрафы, а редакторы-поляки заполняютъ тюрьмы, причемъ ихъ третируютъ, какъ уголовныхъ преступниковъ, нерѣдко заковывая въ кандалы. Польскія экономическія организаціи подвергаются всякаго рода придиркамъ, подрывающимъ ихъ кредитъ. Польскія собранія все чаще и чаще распускаются единственно за то, что на нихъ произносятся рѣчи на польскомъ языкѣ.

Гакатисты ведутъ антипольскую пропаганду съ возрастающей энергіей. Проповѣдуя ненависть къ полякамъ и указывая на опасность, какую послѣдніе представляютъ для развитія нѣмецкаго дѣла, гакатисты въ то же самое время клеймятъ всякаго нѣмца, не поддерживающаго ихъ стремленій, какъ предателя, врага нѣмецкихъ интересовъ и т. д. Нѣмецъ, живущій въ Познани, долженъ бойкотировать поляковъ и не давать имъ вытѣснить себя ни подъ какимъ видомъ. Императоръ Вильгельмъ въ одной изъ своихъ рѣчей (9 августа 1905 г.) заявилъ: «Нѣмецъ, который на востокѣ продаетъ свою собственность, не принуждаемый къ этому необходимостью, совершаетъ грѣхъ противъ своего отечества. Онъ долженъ остаться на своемъ посту. Нѣмецъ не смѣетъ покидать своего поста на востокѣ». Само собой разумѣется, что «патріотическіе» кличи гакатизма вытекали не столько изъ чистой любви къ нѣмецкому отечеству, сколько изъ побужденій весьма прозаическаго характера. Гакатисты требовали, чтобы правительство щедро оплачивало ихъ патріотическое усердіе, и эти требованія исполнялись. Чиновникъ, учитель, фабрикантъ, ремесленникъ, врачъ, адвокатъ, студентъ,—каждый изъ нихъ извлекаетъ свою долю выгодъ изъ антипольской политики правительства.

Для чиновниковъ и учителей введено такъ называемое «Ostmarkenzulage», т. е. «Восточно-окраинное добавочное жалованіе», получаемое служащими на польской окраинѣ. Фабриканты и ремесленники пользуются казенными субсидіями и заказами, врачи и

адвокаты—финансовой поддержкой «общества гакатистовъ», нѣмецкіе студенты, обязавшіеся по окончаніи университета поселиться въ Познани—многочисленными стипендіями. А «Колонизаціонная Коммиссія» является прямо дойной коровой для нѣмецкихъ помѣщиковъ, которые дерутъ съ нея неслыханныя суммы подъ угрозой, что они продадутъ свою землю полякамъ. Все это выясняетъ намъ, почему гакатизмъ сталъ такъ популяренъ, и почему антипольская политика пріобрѣла такое множество сторонниковъ среди нѣмецкой интеллигенціи. Явная же безуспѣшность антипольской тактики правительства заставляетъ гакатистовъ предъявлять все новыя и новыя требованія.

И, однако, несмотря на всѣ усилія правительства и гакатистовъ, эмиграція нѣмецкаго элемента изъ польскихъ провинцій не ослабѣвала. Это объясняется преимущественно тѣмъ, что польскія провинціи сильно отстали въ культурно-экономическомъ отношеніи отъ западныхъ частей Пруссіи. Правительство держало эти провинціи «въ черномъ тѣлѣ», какъ населенныя преимущественно польскимъ ненавистнымъ элементомъ. Достаточно сказать, что оно и слышать не хотѣло объ основаніи университета въ Познани, опасаясь, какъ бы онъ не сталъ средоточіемъ польской молодежи. О содѣйствіи развитію промышленности въ Познани тоже не было рѣчи, такъ какъ индустріализація ея была бы, съ одной стороны, невыгодна для нѣмецкихъ юнкеровъ, а съ другой сконцентрировала бы на мѣстѣ польскія рабочія массы. Вслѣдствіе этого всѣ мѣропріятія, способствующія культурному и экономическому развитію западно-нѣмецкихъ областей, къ польскимъ окраинамъ не примѣнялись. Въ результатѣ познанскіе и западно-прусскіе нѣмцы массами направлялись на западъ, гдѣ они находили и хорошій заработокъ, и болѣе благопріятныя культурныя условія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они разставались и съ несносными отношеніями, которыя создавала все разростающаяся національная борьба.

Понимая, что патріотическими рѣчами, и даже казенными субсидіями не остановить нѣмецкой эмиграціи, гакатисты начинаютъ обращаться къ правительству съ требованіемъ озаботиться развитіемъ экономическихъ и культурныхъ предпріятій на востокѣ. Правительство должно, молъ, создать условія, въ которыхъ познанскій или западно-прусскій нѣмецъ чувствовалъ бы себя такъ же хорошо и пріятно, какъ въ западныхъ провинціяхъ. Слѣдуетъ поэтому снабдить Познань и Западную Пруссію рядомъ чисто нѣмецкихъ культурныхъ учрежденій, какъ академіи, музеи, библіотеки, научные институты, театры и т. д., улучшить тамъ пути сообщенія, поднять уровень профессіональнаго образованія, поддерживать нѣмецкія ассоціаціи всякаго рода и, прежде всего, развить нѣмецкую крупную промышленность. Всѣ эти мѣры должны были бы создать сильную нѣмецкую буржуазію, которая находила бы на мѣстѣ средство удовлетворенія всѣхъ своихъ матеріальныхъ и

духовныхъ потребностей, а потому и не стремилась бы на западъ. И однако только совершенно ослѣпленные шовинизмомъ люди могли полагать, что улучшеніемъ путей сообщенія воспользуются почему-то одни нѣмцы, а не воспользуются и поляки, что музеи, библіотеки и т. д. поднимутъ культурный уровень только нѣмецкаго населенія, и что можно создать въ польскихъ областяхъ промышленность, не пользуясь услугами польскихъ рабочихъ. А между тѣмъ правительство поспѣшило исполнить эти требованія гакатистовъ, щедро тратя на ихъ осуществленіе народныя деньги. Цѣною 2.279.000 марокъ въ Познани была создана публичная библіотека и провинціальный музей, затѣмъ гигіеническій институтъ, стоившій 450.000 марокъ; 18.000.000 марокъ пошло на уничтоженіе фортификацій, окружавшихъ г. Познань и мѣшавшихъ ему развиваться, причемъ поляки были лишены права покупать землю, очищенную отъ фортификаціонныхъ построекъ. Въ Познани былъ торжественно открытъ памятникъ Бисмарку. Увѣнчаніемъ же всѣхъ этихъ усилій превратить г. Познань въ крупный «нѣмецкій центръ» было учрежденіе «Королевской академіи,—довольно курьезнаго суррогата университета безъ университетскихъ правъ, безъ настоящихъ профессоровъ и настоящихъ студентовъ. На всѣ эти затѣи правительство ухлопало около 30 милліоновъ марокъ — и, конечно, не получило въ результатѣ ни «крупнаго нѣмецкаго центра», ни надежды на ослабленіе польскаго элемента. Ближайшая же перепись (1905 г.) опять должна была констатировать ростъ перевѣса поляковъ надъ нѣмцами *); а тѣ изъ новыхъ правительственныхъ учрежденій, которыя носили дѣйствительно культурный характеръ, оказались использованными и поляками.

И Западная Пруссія воспользовалась «культурнымъ» курсомъ антипольской политики. Въ Данцигѣ былъ открытъ техническій институтъ, а нѣмецкій театръ въ Торнѣ получилъ 150.000 марокъ казенной субсидіи. Западная Пруссія, какъ провинція съ нѣмецкимъ большинствомъ, должна была стать центромъ развитія «нѣмецкой промышленности». Въ Данцигѣ съ правительственной помощью была основана «Centralstelle zur Förderung industrieller Unternehmungen in den östlichen Provinzen» (центральное учрежденіе для развитія промышленныхъ предпріятій въ восточныхъ провинціяхъ), которая занялась насажденіемъ крупной фабрично-заводской промышленности, совершенно не считаясь съ мѣстными условіями. Конечно, этотъ экспериментъ не могъ удаться, и изъ всѣхъ фабрикъ, основаннымъ Данцигскимъ учрежденіемъ, въ настоящее время сохранилась только одна единственная—небольшая фабрика бисквитовъ...

---

*) Въ 1900 г. поляки составляли 50,76% жителей города Познани, нѣмцы—49,09%. Къ 1905 г. процентъ поляковъ повысился до 57,13, нѣмцевъ же упалъ до 42,72%.

VI.

Однимъ словомъ, всѣ «культурно-экономическія» мѣры, предпринятыя правительствомъ по требованію гакатистовъ, дали до сихъ поръ весьма мизерные результаты, и гакатизмъ сталъ домогаться прямыхъ репрессалій, ничего общаго съ культурой не имѣющихъ. Изобрѣтательность его въ этомъ отношеніи прямо поразительна. Гакатизмъ изловчился придавать антипольскій характеръ даже реформамъ, по своему характеру либеральнымъ, какъ это, напр., было съ новымъ закономъ о собраніяхъ (1908 годъ). Вслѣдствіе происковъ гакатистовъ въ немъ фигурируетъ, между прочимъ, такой параграфъ: «Языкомъ публичныхъ собраній является нѣмецкій. Это правило не относится къ интернаціональнымъ конгрессамъ и къ собраніямъ передъ выборами въ парламентъ и въ законодательныя учрежденія союзныхъ государствъ точно такъ же, какъ и Эльзаса и Лотарингіи, со дня офиціальнаго объявленія срока выборовъ до ихъ окончанія. Правительство каждаго изъ союзныхъ государствъ можетъ допустить исключенія изъ этого правила. Однако въ районѣ, гдѣ во время дѣйствія этого закона живетъ коренное населеніе, употребляющее не-нѣмецкій языкъ,— поскольку его число, на основаніи послѣдней переписи, доходитъ до 60% общаго количества жителей,—оно имѣетъ право въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ по обнародованіи этого закона пользоваться на собраніяхъ и не-нѣмецкимъ языкомъ, если устроитель собранія заявитъ объ этомъ полиціи, по крайней мѣрѣ, за трое сутокъ до собранія».

Этотъ параграфъ, принятый большинствомъ парламента (противъ голосовъ соціалъ-демократовъ, центра, эльзасцевъ, датчанъ и, разумѣется, поляковъ), былъ, собственно говоря, первой антипольской мѣрой, проведенной въ жизнь не реакціоннымъ прусскимъ ландтагомъ, а имперской палатой депутатовъ, избранной на основаніи всеобщей, прямой и т. д. подачи голосовъ. За антипольскій § 7 закона о собраніяхъ голосовали даже свободомыслящіе,—кромѣ четырехъ депутатовъ! Это показываетъ, до чего усилился гакатизмъ въ Германіи. На основаніи этого позорнаго параграфа, поляки лишены возможности организовать собранія не только въ вестфальскихъ и прирейнскихъ колоніяхъ, но и въ значительномъ количествѣ округовъ польскихъ провинцій. Такимъ образомъ даже основные конституціонные законы Германіи принимаютъ явно антипольскій характеръ. Конечно, запрещеніе польскихъ собраній своей цѣли достигнуть не можетъ. Не имѣя возможности говорить на собраніяхъ по-польски, поляки не стали, однако, прибѣгать къ нѣмецкому языку, чего желали гакатисты. За то польскія собранія стали устраиваться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде не бывало, — напр., въ ма-

ленькихъ мѣстечкахъ и селахъ на границѣ округовъ съ польскихъ 60-процентнымъ большинствомъ, — для привлеченія туда публики изъ сосѣдняго округа, лишеннаго права употребленія польскаго языка на собраніяхъ. Самый фактъ существованія § 7-го сталъ могучимъ средствомъ польской національной агитаціи, такъ какъ польская печать не преминула его использовать для этой цѣли.

А слѣдуетъ замѣтить, что польская печать въ Пруссіи является чрезвычайно вліятельнымъ факторомъ національной жизни. Во многихъ мѣстахъ, особенно въ Западной Пруссіи и въ Силезіи, народная газета съ разнообразными прибавленіями (беллетристическаго, популярно-научнаго, экономическаго и т. д. содержанія) играетъ роль настоящаго руководителя массъ. Распространеніе этихъ газетъ поразительно. Многія изъ нихъ насчитываютъ десятки тысячъ подписчиковъ, и, напр., «Грауденцская Газета» имѣетъ ихъ болѣе ста тысячъ. Издатели газетъ являются популярнѣйшими вождями польскаго общества, его организаторами и представителями. И борьба прусскаго правительства съ польской печатью совершенно безплодна. Эта борьба и всѣ преслѣдованія, падающія на голову редакторовъ народныхъ листковъ, только окружаютъ ихъ нѣкотораго рода ореоломъ и еще болѣе укрѣпляютъ ихъ вліяніе и авторитетъ.

Безсильны и всѣ правительственныя мѣры, вызванныя желаніемъ остановить ростъ польскаго элемента въ городахъ. Мы уже знаемъ, какъ сильно увеличивается польское населеніе въ гор. Познани. Подобное же явленіе наблюдается и въ другихъ городахъ. Повсюду наростаетъ количество поляковъ мелкихъ промышленниковъ, ремесленниковъ, купцовъ; въ города наплываетъ и рабочее населеніе, что способствуетъ росту польской интеллигенціи, такъ какъ и польскому адвокату, и польскому врачу все легче и легче найти заработокъ среди земляковъ. А поддержка «своего» становится извѣстнаго рода патріотической обязанностью, энергично пропагандируемою польскими газетами. Гр. Бюловъ, которому принадлежитъ историческое сравненіе поляковъ съ кроликами (намекъ на ихъ большую плодовитость), въ одной изъ своихъ рѣчей приводитъ доказательства усиленія польскаго элемента въ городахъ, указывая на ростъ различныхъ польскихъ предпріятій. По его словамъ, въ 1891 г. въ Познани было 98 нѣмецкихъ и 27 польскихъ аптекъ, въ 1901 же нѣмецкихъ оказалось 85, польскихъ — уже 49. Въ самомъ городѣ Познани за два года (1900—1901) нѣмцы купили у поляковъ 59 домовъ за 3.530 тыс. марокъ, но и поляки купили у нѣмцевъ 64 дома за 3.479 тыс. марокъ. Въ болѣе мелкихъ городахъ Познани уронъ нѣмцевъ еще чувствительнѣе. Прежде въ ремеслѣ господствовали нѣмцы, теперь же ихъ мало-по-малу вытѣсняютъ поляки. Тоже самое наблюдается и въ области торговли. Быстро растетъ и количество польскихъ врачей и адвокатовъ.

Противники антипольской политики указываютъ постоянно на

ее безплодность. Преслѣдованія поляковъ содѣйствуютъ ихъ сплоченію и превращаютъ ихъ въ силу, съ которой ни правительству, ни гакатистамъ не справиться,—тѣмъ болѣе, что антипольскія мѣропріятія идутъ въ разрѣзъ съ естественнымъ развитіемъ экономической и соціальной жизни восточныхъ окраинъ. Искусственное насажденіе германизма тамъ, гдѣ естественныя условія ведутъ неминуемо къ его ослабленію, не даетъ результатовъ, ожидаемыхъ гакатистами. Вмѣстѣ съ тѣмъ противники антипольской политики, какъ, напр., извѣстный профессоръ Дельбрюкъ, указываютъ на весь тотъ вредъ, какой приноситъ нѣмецкому дѣлу эта политика, вскармливающая цѣлыя полчища спекулянтовъ, тунеядцевъ и всевозможныхъ проходимцевъ, которые наживаются на «патріотизмѣ». Въ то время какъ поляки, благодаря тяжелой борьбѣ, развиваютъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для побѣды, нѣмцы восточной окраины на каждомъ шагу ожидаютъ помощи со стороны правительства и, даже поддерживаемые послѣднимъ, уступаютъ полякамъ. Германизація деморализуетъ самихъ нѣмцевъ, не причиняя серьезнаго вреда полякамъ. Это становится все яснѣе и яснѣе для той части нѣмецкаго общества, которая не заинтересована лично въ усиленіи антипольской политики. Послѣдняя стоитъ все дороже и дороже,—что отражается и на ростѣ налоговъ, — а финансовое положеніе Пруссіи вовсе не такъ ужъ блестяще, чтобы пренебрегать десятками милліоновъ марокъ, ассигнуемыхъ на борьбу съ польскимъ элементомъ.

И вотъ, за послѣдніе годы мы видимъ, что число безусловныхъ сторонниковъ антипольской политики начинаетъ уменьшаться. Гакатизмъ, пріобрѣтавшій громадное количество приверженцевъ въ первое десятилѣтіе своего существованія, въ послѣднее время теряетъ прежнюю популярность. Его агитація, по прежнему крикливая и демагогически-наглая, уже не вызываетъ прежняго эффекта. Къ гакатизму стали относиться недовѣрчиво даже юнкера-консерваторы, которые съ ужасомъ должны были констатировать фактъ, что нѣмецкіе крестьяне, поселенные въ Познани и Западной Пруссіи «Колонизаціонной Комиссіей», организуются въ «Bauernbund» (крестьянскій союзъ) и выступаютъ весьма рѣзко противъ помѣщиковъ. Во взглядахъ нѣмецкаго буржуазнаго общества на антипольскую политику начинаетъ получать преобладаніе пессимизмъ. Чтобы понять послѣдній, прежде всего слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ: удалось ли прусскому правительству всѣми вышеупомянутыми мѣрами ослабить количественно польское населеніе? На основаніи данныхъ прусской статистики видно, что въ 1858 г. поляковъ въ предѣлахъ Пруссіи было 2.095.816, а въ 1905 г.— 3.714.923. Объ уменьшеніи количества поляковъ, такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи. Мало того, періодъ самыхъ крупныхъ антипольскихъ мѣропріятій ознаменованъ исключительно быстрымъ ростомъ польскаго населенія Пруссіи. За 29 лѣтъ, съ 1861

по 1890 г., количество прусскихъ поляковъ увеличилось всего на 700.000; въ періодъ же 1891-1905 г.г., т. е. за 15 лѣтъ, — на 737.000, причемъ послѣдняя цифра распредѣляется слѣдующимъ образомъ: за десятилѣтіе 1891-1900—416.000, за пятилѣтіе 1901-1905—321.000. Слѣдовательно, особенно усилился ростъ польскаго населенія Пруссіи послѣ 1900 г.

Правда, прусскому правительству удалось всякими искусственными мѣрами увеличить количество нѣмцевъ въ польскихъ провинціяхъ. Однако, это увеличеніе, какъ мы уже знаемъ, сравнительно ничтожно. Едва ли оно даже возмѣщаетъ тотъ убытокъ, который терпитъ нѣмецкій элементъ Познани и Западной Пруссіи вслѣдствіе эмиграціи. Дѣло въ томъ, что очень сильная эмиграція въ западныя, промышленныя провинціи существуетъ и у поляковъ, и у нѣмцевъ восточныхъ провинцій Пруссіи. Однако поляки, уѣзжающіе на заработокъ въ Вестфалію, направляются туда затѣмъ, чтобы, скопивъ извѣстное количество денегъ, вернуться домой и тутъ купить землю. Между тѣмъ, нѣмецъ изъ Познани и на западѣ чувствуетъ себя дома, а не на чужбинѣ, какъ полякъ, и старается устроиться тамъ навсегда. Вслѣдствіе этого только незначительная часть нѣмецкихъ выходцевъ возвращается на восточныя окраины, между тѣмъ какъ возвращеніе поляковъ явленіе вполнѣ обычное и нормальное. И этого стихійнаго процесса никакія искусственныя мѣры правительственныхъ властей и гакатизма не въ состояніи измѣнить.

Именно въ той провинціи, въ которой польскій элементъ подвергается исключительнымъ преслѣдованіямъ,—въ Познани,—польское населеніе растетъ быстрѣе нѣмецкаго, и процентъ послѣдняго уменьшается до 1900 г.,—на что указываетъ слѣдующая табличка:

Годъ.	Поляки.	%	Нѣмцы.	%
1858	783.692	55,8	619.936	44,2
1861	801.372	54,6	666.083	45,4
1890	1.053.098	60,1	697.224	39,8
1900	1.219.612	61,6	723.703	38,4

Только съ 1900 по 1905 г. процентъ нѣмецкаго населенія, благодаря дѣятельности «Колонизаціонной Комиссіи», увеличивается, а именно на 0,1, съ 38,4 на 38,5. Однако и это ничтожное увеличеніе объясняется ростомъ нѣмецкой колонизаціи лишь въ нѣсколькихъ округахъ съ громаднымъ преобладаніемъ (около 80%) поляковъ. Между тѣмъ въ смѣшанныхъ округахъ, и особенно въ тѣхъ, гдѣ поляки составляютъ меньшинство, можно констатировать и въ этомъ періодѣ ихъ сильный ростъ, на 2—4%. Совершенно аналогичное увеличеніе процента польскаго населенія и уменьшеніе нѣмецкаго наблюдается и въ другой провинціи, подвергнутой самому интенсивному натиску антипольскихъ мѣропріятій, — въ Западной Пруссіи.

Годъ.	Поляки.	%	Нѣмцы.	%
1858	346.075	30,9	774.285	69,1
1861	379.403	32,4	790.849	67,6
1890	493.193	34,4	939.442	65,5
1900	546.012	34,9	1.016.140	65,0
1905	572.652	34,9	1.067.356	65,0

Тутъ, какъ мы видимъ, даже «Колонизаціонная Комиссія» не могла измѣнить процентнаго отношенія между поляками и нѣмцами, установившагося десять лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ, о германизаціи поляковъ въ двухъ этихъ провинціяхъ нѣтъ и рѣчи. Механическое же увеличеніе количества мѣстныхъ нѣмцевъ почти не отражается на общей картинѣ національныхъ отношеній Познани и Западной Пруссіи.

Если гдѣ дѣйствительно наблюдается нѣкоторый успѣхъ германизаціи, то только въ тѣхъ провинціяхъ, на которыя не распространена большая часть антипольскихъ мѣропріятій. И въ Силезіи, и въ Восточной Пруссіи ростъ нѣмецкаго элемента не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя тамъ «Колонизаціонная Комиссія» вовсе не развиваетъ своей дѣятельности. Впрочемъ, этого роста германизма въ Силезіи нельзя отожествлять съ германизаціей. И тамъ польское населеніе растетъ количественно, но, благодаря колоссальному росту мѣстной горнозаводской промышленности, туда стекается масса пришлыхъ нѣмецкихъ элементовъ. Вслѣдствіе этого процентъ польскаго населенія Верхней Силезіи понизился съ 60,1 до 58 въ періодъ 1861-1900 г.г. Однако въ пятилѣтіе 1900-1905 г.г. онъ опять нѣсколько возвысился, такъ что въ настоящее время процентное отношеніе поляковъ къ нѣмцамъ благопріятнѣе для первыхъ, чѣмъ въ 1858 году. Германизація въ тѣсномъ смыслѣ этого слова прогрессируетъ только въ Восточной Пруссіи,—именно на томъ незначительномъ клочкѣ польской территоріи, котораго въ наименьшей мѣрѣ коснулась антипольская политика. Восточнопрусскихъ мазуровъ-протестантовъ прусскія власти совсѣмъ даже не считаютъ поляками. Въ прусской офиціальной статистикѣ для нихъ существуетъ спеціальная рубрика. А такъ какъ они до самаго послѣдняго времени не принимали участія въ общепольской жизни, то и правительство ихъ до извѣстной степени щадило. Тѣмъ болѣе, что, будучи протестантами, восточно-прусскіе поляки не подвергались тѣмъ преслѣдованіямъ, которыя сыпались на остальныхъ поляковъ Пруссіи, какъ на католиковъ, въ періодъ «культурной борьбы».

Такимъ образомъ можно было бы прійти къ выводу, что какъ разъ отсутствіе антипольскихъ мѣръ облегчаетъ германизацію тамъ, гдѣ послѣдняя является стихійнымъ, естественнымъ процессомъ. Тамъ же, гдѣ германизація вторгается насильственно въ мѣстную жизнь, не будучи вызвана нормальными причинами, она терпитъ фіаско и вызываетъ отпоръ. Какъ ни умѣренны проявленія анти-

польской политики въ Восточной Пруссіи, однако и они уже успѣли возстановить въ самые послѣдніе годы противъ себя польское протестантское населеніе. И послѣднее начинаетъ переживать теперь ту стацію національнаго возрожденія, которую въ Силезіи мѣстныя польскія массы пережили въ 70-хъ г.г.

VII.

Итакъ, антипольской политикѣ Пруссіи не удалось германизовать поляковъ. Но, можетъ быть, она ослабила ихъ политически? Можетъ быть, количество польскихъ депутатовъ прусскаго ландтага и имперскаго парламента уменьшилось до минимума? Можетъ быть, оппозиціонное настроеніе польскихъ народныхъ массъ оказалось сломленнымъ? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы дастъ намъ офиціальная статистика выборовъ.

Эта статистика указываетъ намъ прежде всего на постепенное расширеніе территоріи польскаго національнаго движенія. Съ 1871 по 1890 г. только въ Познани и въ Западной Пруссіи поляки выступаютъ со своими самостоятельными кандидатами; въ остальныхъ они не выдѣляются изъ нѣмецкаго лагеря и поддерживаютъ нѣмецкихъ кандидатовъ. Въ 1890 г. впервые появляется польская кандидатура въ Восточной Пруссіи, въ той ея части, которая населена поляками-католиками (Вармія). Съ теченіемъ времени къ общепольскому политическому движенію примыкаетъ и Верхняя Силезія, которая впрочемъ эволюціонируетъ въ этомъ направленіи постепенно.

Сначала польскія крестьянскія и рабочія массы, идущія за нѣмецкой партіей центра, требуютъ, чтобы послѣдняя выставляла въ Силезіи кандидатовъ-поляковъ, но не настаиваютъ на томъ, чтобы они послѣ выборовъ вошли въ составъ «Польскаго Кола». Вожаки партіи центра отнеслись съ пренебреженіемъ къ такому требованію и, въ результатѣ, рядомъ съ офиціальными кандидатурами партіи центра стали появляться самостоятельныя польскія кандидатуры. Послѣднія, поддержанныя польскими массами, побѣждали, и партіи центра не оставалось ничего другого, какъ помириться съ этимъ фактомъ и принять фрондёровъ въ свою парламентскую фракцію. Однако, и эта стадія развитія національнаго сознанія силезскихъ поляковъ вскорѣ оказывается пройденной, и съ 1903 г. въ Силезіи кандидатурамъ партіи центра противопоставляются польскія національныя кандидатуры. Послѣднія получаютъ громадное количество голосовъ и побѣждаютъ своихъ конкуррентовъ. Благодаря этому, число польскихъ депутатовъ въ прусскомъ ландтагѣ увеличивается съ 12 до 15, а въ имперскомъ парламентѣ (въ 1907 году) до 20, вмѣсто 13, избранныхъ въ 1893 году.

Количество голосовъ, поданныхъ за польскихъ кандидатовъ, быстро растетъ, особенно послѣ національнаго объединенія въ Силезіи. Въ 1871 г. ихъ было 176.000, въ 1881—194.000, въ 1893—229.000, въ 1903—347.000 и, наконецъ, въ 1907—453.000. Любопытно, что появляются и быстро растутъ польскіе голоса среди выходцевъ въ западныхъ провинціяхъ Пруссіи. Поляки-эмигранты выступаютъ въ Вестфаліи, Рейнской провинціи, а также въ Берлинѣ со своими самостоятельными кандидатурами. Въ 1890 г. онѣ получаютъ всего 73 голоса, въ 1907—35.000, а на послѣднихъ выборахъ—55.000. Въ цѣломъ рядѣ вестфальскихъ округовъ исходъ выборовъ зависитъ отъ поляковъ, которые при перебаллотировкѣ рѣшаютъ своими голосами судьбу того или другого нѣмецкаго кандидата.

Антипольская политика Пруссіи не только не въ состояніи ослабить ростъ польскихъ голосовъ или уменьшить количество польскихъ депутатовъ, но она содѣйствуетъ поразительному сплоченію всѣхъ слоевъ польскаго населенія въ одно солидарное цѣлое. Классовый антагонизмъ внутри польскаго общества затушевывается, и польскіе крестьяне, а также польскіе рабочіе подаютъ свои голоса наравнѣ съ помѣщиками и представителями буржуазіи за какого-нибудь князя Радзивилла по соображеніямъ чисто національнаго характера. Соціалистическое движеніе среди поляковъ даже въ Силезіи съ ея огромными заводами, фабриками и рудниками почти не развивается; зато «Національный рабочій союзъ» привлекаетъ десятки тысячъ членовъ. Національная борьба отодвигаетъ на задній планъ всѣ остальные элементы общественной жизни. И «Польское Коло» подъ знаменемъ національной защиты служитъ интересамъ помѣщиковъ, которыхъ оно въ сущности представляетъ, совершенно игнорируя матеріальные интересы бѣднаго крестьянства и особенно рабочихъ. Мало того, «Польское Коло» постепенно сходитъ съ позиціи, принципіально враждебной правительству. Познанскіе и западно-прусскіе помѣщики, составляющіе большинство «Польскаго Кола», начинаютъ заигрывать съ правительствомъ и обнаруживать желаніе вести примирительную политику, какъ только становится замѣтнымъ нѣкоторое охлажденіе правительственныхъ сферъ къ гакатизму. Однако, это вызываетъ сильное недовольство широкихъ массъ польскихъ избирателей, особенно въ Силезіи. Среди зажиточнаго крестьянства Познани и Западной Пруссіи аграрная политика «Польскаго Кола» не вызываетъ оппозиціи, такъ какъ она въ извѣстной мѣрѣ удовлетворяетъ экономическимъ требованіямъ крестьянъ. Но силезскіе рабочіе относятся къ ней съ рѣзкимъ порицаніемъ точно такъ же, какъ и къ обнаруживаемымъ «Польскимъ Коломъ» примиренческимъ аллюрамъ.

Такое настроеніе польскихъ массъ отразилось очень характерно на результатахъ послѣднихъ выборовъ. Оппозиціонно на-

строенные избиратели-поляки во многихъ округахъ совсѣмъ отстранились отъ выборовъ, чѣмъ и объясняется до извѣстной степени уменьшеніе количества голосовъ, полученныхъ кандидатами «Польскаго Кола» въ Познани и въ Западной Пруссіи: вмѣсто 193.000 голосовъ (1907 г.) въ первой и 102.000—во второй, они получаютъ теперь 188.000 и 100.000. Въ Познани имъ удается сохранить всѣ депутатскія полномочія, до сихъ поръ бывшія въ рукахъ поляковъ. Въ Западной Пруссіи они теряютъ одинъ мандатъ вслѣдствіе совершенно исключительныхъ условій, не имѣющихъ ничего общаго съ настроеніемъ избирателей *). Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Познани, и въ Западной Пруссіи довольно сильно увеличились голоса, поданные за кандидатовъ польской соціалистической партіи. Въ Восточной Пруссіи, гдѣ польскіе голоса до сихъ поръ являются лишь показателемъ развитія національнаго самосознанія мазуровъ, но гдѣ еще нельзя и думать о выборѣ польскаго депутата, обнаружился значительный ростъ польскихъ голосовъ,—съ 7.800 до 12.200. Еще сильнѣе этотъ ростъ среди поляковъ-выходцевъ на западѣ (55.000 вмѣсто 35.000, какъ мы уже объ этомъ упоминали). Все это вполнѣ нормально и не представляетъ ничего неожиданнаго.

Зато полной неожиданностью былъ исходъ выборовъ въ Силезіи. Главные выборы 12 января закончились тутъ полнымъ пораженіемъ кандидатовъ «Польскаго Кола». Вмѣсто 5 депутатскихъ полномочій, завоеванныхъ имъ въ 1907 г., оно получило всего 1, вмѣсто 118.000 голосовъ—89.000. Наоборотъ, соціалисты могли впервые похвастать блестящими результатами, такъ какъ имъ удалось собрать почти 22.000 голосовъ, причемъ въ одномъ изъ округовъ кандидату «Польскаго Кола» пришлось бороться изъ-за мандата на перебаллотировкѣ съ мѣстнымъ руководителемъ польской соціалистической партіи, рабочимъ Бинишкевичемъ. Такой неслыханный ростъ соціалистическихъ голосовъ, число которыхъ въ польскихъ округахъ утроилось, объясняется оппозиціоннымъ настроеніемъ и недовольствомъ тактикой «Польскаго Кола», охватившимъ силезскихъ рабочихъ. Правда, «Польскому Колу», при поддержкѣ партіи центра и при мобилизаціи всѣхъ агитаціонныхъ средствъ, удалось на перебаллотировкахъ отстоять еще три депу-

*) Въ свѣцскомъ округѣ былъ фактически избранъ мѣстный польскій помѣщикъ Сасъ-Яворскій, представлявшій и въ прежнемъ парламентѣ этотъ округъ. Но на другой день послѣ выбора былъ констатированъ фактъ, что до абсолютнаго большинства у него не хватаетъ 2-хъ голосовъ. Былъ объявленъ вторичный выборъ, и выбраннымъ оказался мѣстный окружной начальникъ, руководившій выборами. А этотъ результатъ былъ имъ достигнутъ путемъ признанія недѣйствительными карточекъ, на которыхъ стояло „Sas Jaworski“, а не „Sass Jaworski“. Это явное злоупотребленіе вызвало въ Свѣцѣ бурныя демонстраціи и введеніе осаднаго положенія. Выборъ контръ-кандидата Сасъ-Яворскаго, по всей вѣроятности, будетъ кассированъ, въ чемъ не сомнѣваются и нѣмецкія газеты.

татскихъ полномочія, но всетаки одно оказалось имъ потеряннымъ въ пользу партіи центра. Во всякомъ случаѣ новому «Польскому Колу» точно такъ же, какъ и прусскому правительству, придется считаться съ рѣзко оппозиціоннымъ настроеніемъ польскихъ народныхъ массъ.

Въ результатѣ, сорокъ лѣтъ національной травли польскаго элемента въ Пруссіи не только его не уничтожили, не только не ослабили, но даже не выбили изъ него оппозиціоннаго духа.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Стачка углекоповъ въ Англіи.

I.

Если бы нѣмцы, внезапно объявивъ войну, перебросили на берега Англіи стотысячный корпусъ, и если бы получено было извѣстіе, что черезъ двадцать четыре часа непріятель будетъ въ Лондонѣ, то и тогда врядъ ли царствовало бы здѣсь большее смущеніе, какъ за день до начала стачки всѣхъ углекоповъ. «Намъ грозитъ опасность, равной которой не было съ тѣхъ поръ, какъ разбита непобѣдимая армада». Это—изъ передовой статьи *Times*'а отъ 27 февраля. Стачка всѣхъ углекоповъ означаетъ не только то, что болѣе милліона человѣкъ въ Англіи, Шотландіи и Валлисѣ прекратили работу. Затянись стачка, должна замереть вся промышленная жизнь Англіи. Станутъ поѣзда, окоченѣютъ громадные greyhounds, т. е. гончія, какъ называютъ плавающіе города, курсирующіе между Ливерпулемъ и Нью-Іоркомъ; замрутъ машины, потухнетъ газъ и электричество. Угольная стачка означаетъ холодъ во всѣхъ квартирахъ, «отъ фараона до рабыни, прикованной къ жернову», и мертвые очаги въ кухняхъ. Всеобщая *желѣзнодорожная* стачка парализуетъ все сразу. Самый страшный моментъ, это—первый. Затѣмъ все улаживается кое какъ: пускаютъ кое-какіе поѣзда; почту отправляютъ на лошадяхъ или въ автомобиляхъ.

Не то при стачкѣ *углекоповъ* въ такой странѣ, какъ Англія. Первые дни стачка почти совершенно не чувствуется, такъ какъ желѣзныя дороги, пароходы, заводы и частные обыватели сдѣлали большіе запасы угля. Правда, уголь сильно поднимается въ цѣнѣ; но осязательные результаты стачки проявляются примѣрно лишь къ концу второй недѣли. Тогда приходится залить

громадныя доменныя печи; тогда пароходы не могутъ выйти изъ гавани; замираютъ тысячи фабрикъ. Страна, въ которой жизнь клокочетъ ключемъ, превращается въ трупъ. Третьяго дня знаменитый англійскій біологъ Бэйтсонъ прочиталъ въ Оксфордѣ «Спенсеровскую лекцію», въ которой доказываетъ, что мы быстро приближаемся къ «гистолизису» (histolysis), или распаденію общественныхъ тканей. «Гистолизисъ» предшествуетъ развитію новаго организма. «Современный соціальный строй,—говоритъ знаменитый біологъ,—слишкомъ неустойчивъ, чтобы продолжаться долго. Надо обладать слишкомъ черствой душой, чтобы желать этому строю долголѣтія». И мы, посторонніе наблюдатели, присутствующіе въ Англіи при процессѣ броженія, охватившемъ всѣ слои общества, безусловно признаемъ, что на нашихъ глазахъ происходитъ «гистолизисъ». Есть, конечно, другой терминъ, болѣе понятный всѣмъ—революція. «Нація, переживающая революцію,—говоритъ Дантонъ,—похожа на бронзу, которая кипитъ и возрождается въ плавильномъ тиглѣ». Мы примѣняемъ, поэтому, терминъ *революція* тамъ, гдѣ есть бурные всплески кипящаго металла; гдѣ, не имѣя выхода, «прорвется пламенный потокъ».

„Съ громовымъ трескомъ домъ на части
Взрываетъ мѣди бурный паръ
И, какъ изъ черной адской пасти,
Стремитъ губительный пожаръ“*).

Англія, къ счастью для страны, переживаетъ свой «гистолизисъ», или революцію съ отвинченными предохранительными клапанами, которыми является широкая политическая свобода и дѣйствительно народное представительство. Революціонныя *рѣчи*, т. е. такія, которыя раздавались во Франціи во времена террора, мы слышимъ; но, вслѣдствіе того, что «предохранительные клапаны» открыты, рѣчи ведутъ, къ счастью, только къ парламентскимъ дѣйствіямъ. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ рѣчи капитана Тёппера, являющагося теперь вождемъ союза матросовъ на западномъ берегу Англіи. Тёпперъ былъ прежде капитаномъ купеческаго корабля. «Если стачка углекоповъ начнется,—сказалъ ораторъ,—то монархическому правленію въ Англіи придетъ конецъ. Если начнется стачка, то она захватитъ пять или шесть милліоновъ рабочихъ. И тогда, въ случаѣ столкновенія, ужасы кровавой французской революціи превратятся въ дѣтскую сказку. Солдаты черезъ десять минутъ перейдутъ на сторону стачечниковъ и ни за что не станутъ стрѣлять въ нихъ. Если забастуютъ углекопы, то къ нимъ присоединятся также транспортные рабочіе, которые не дозволятъ выгружать пароходы съ германскимъ или французскимъ углемъ... Насъ гонятъ въ адъ; что-жъ, мы будемъ сражаться адскими средствами. Капиталисты будутъ морить голодомъ нашихъ женъ и дѣтей. Насъ

*) „Пѣснь о колоколѣ“.

будутъ убивать пулями и штыками. Мы тоже будемъ морить голодомъ женъ и дѣтей капиталистовъ. Мы сдѣлаемъ это, затянувъ стачку». Въ послѣднемъ нумерѣ *Labour Leader* помѣщено воззваніе къ солдатамъ не стрѣлять въ рабочихъ, а перейти на ихъ сторону. Такимъ образомъ, въ революціонныхъ рѣчахъ нѣтъ недостатка. Мы увидимъ дальше, какія мѣры принимаетъ министерство и парламентъ, чтобы вся революція могла пройти мирно.

Съ окончаніемъ лѣтней стачки не прекратилось броженіе среди англійскихъ рабочихъ. Мѣры, предложенныя правительствомъ, не принесли успокоенія. Когда августовская желѣзнодорожная стачка закончилась, правительство, согласно мировому договору *), назначило немедленно королевскую коммиссію, состоящую изъ предпринимателей и рабочихъ представителей, для изслѣдованія дѣйствія примирительныхъ камеръ, установленныхъ въ 1907 году. Коммиссія допросила всѣхъ хозяевъ и рабочихъ, желавшихъ дать показанія, и составила отчетъ, который вышелъ въ октябрѣ 1911 года въ видѣ Синей книги и подписанъ всѣми членами. Коммиссія намѣчаетъ рядъ мѣръ, которыя, по ея мнѣнію, могутъ уладить недоразумѣнія, возникающія между желѣзнодорожными компаніями и рабочими. Желѣзнодорожныя примирительныя камеры или «соглашеніе 1907 года», явились результатомъ большой стачки которая подготовлялась тогда. Посредникомъ между обѣими сторонами выступилъ Ллойдъ-Джорджъ, по иниціативѣ котораго выработано «соглашеніе». Оно устанавливало *мѣстную* примирительную камеру (sectional board) для каждой отрасли работы и *центральную* (central board) для всей желѣзной дороги. Каждая камера состояла изъ представителей отъ предпринимателей и отъ рабочихъ, которые непремѣнно должны были состоять на службѣ у желѣзной дороги. Камеры могли разсматривать только вопросы о заработной платѣ и о продолжительности рабочаго дня, но *не условія службы* (напримѣръ, жалобы на дисциплинарныя взысканія). Предположимъ, стрѣлочники на Большой западной дорогѣ недовольны заработной платой. Они должны, по соглашенію 1907 года, заявить претензію директорамъ *непосредственно*, черезъ делегатовъ-стрѣлочниковъ, а не черезъ секретаря своего профессіональнаго союза. Если директоры отказываются удовлетворить претензію, стрѣлочники посылаютъ своихъ делегатовъ въ *мѣстную* примирительную камеру (sectional board). Если камера не можетъ уладить спора, делегаты обращаются въ *центральную* примирительную камеру. И, если Господь ожесточитъ сердца директоровъ, какъ нѣкогда сердце Фараона, если случится такъ, что и central board не можетъ уладить спора, тогда стрѣлочникамъ остается обратиться къ *арбитру*, т. е. къ министру промышленности. И только тогда, когда дѣло пошло къ нему, стрѣлочники могутъ послать для объясненія не делега-

---

*) См. „Русское Богатство". X, 1911.

товъ, а секретаря своего трэдъ-юніона. Таковъ механизмъ «соглашенія 1907 года».

Желѣзнодорожные рабочіе жаловались на громоздкость, неуклюжесть и медленность машины. Ни одинъ сколько-нибудь важный вопросъ,—говорили рабочіе,—не разрѣшается въ *мѣстной* или въ *центральной* камерахъ. Рабочіе, кромѣ того, жаловались на то, что въ конторахъ желѣзнодорожныхъ компаній десять тысячъ головъ вѣчно заняты мыслью, какъ бы обойти законъ 1907 года. Справедливость этихъ жалобъ призналъ даже «Times»». Каждый клэркъ зналъ доподлинно, что получитъ повышеніе, если найдетъ способъ обходить законъ. Въ коммиссіи, назначенной въ августѣ, представители отъ трэдъ-юніоновъ намѣчали слѣдующія мѣры; 1) прямое признаніе желѣзнодорожными компаніями профессіональныхъ союзовъ; 2) *мѣстныя, центральныя* и *національныя* примирительныя камеры, состоящія изъ хозяевъ и рабочихъ; 3) независимый арбитръ, если камеры не могутъ разрѣшить спора; 4) рабочіе излагаютъ во всѣхъ инстанціяхъ свои претензіи черезъ секретарей профессіональныхъ союзовъ. Представители отъ желѣзнодорожныхъ компаній, дававшіе показанія, абсолютно высказывались противъ признанія профессіональныхъ союзовъ и противъ того, чтобы «въ переговоры между хозяевами и рабочими вмѣшивались не служащіе». Директоры желали только одного: строгихъ законовъ противъ «пикетированія» (сниманія). Совѣты, предложенные коммиссіей въ ея отчетѣ, представляли собою попытку найти золотую середину.

Отчетъ рекомендовалъ измѣненіе соглашенія 1907 года. *Центральныя* примирительныя камеры надо упразднить и оставить только *мѣстныя*, расширивъ ихъ компетенцію въ томъ смыслѣ, что онѣ разсматриваютъ не только вопросы о заработной платѣ и рабочихъ часахъ, но также объ условіяхъ службы (служащіе жаловались, что компаніи, ссылаясь на интересы службы, дѣлаютъ безплоднымъ всякое соглашеніе о рабочей платѣ и рабочихъ часахъ). Но тутъ же коммиссія дѣлаетъ оговорку въ томъ смыслѣ, что, въ виду важности и отвѣтственности дѣла, желѣзнодорожныя компаніи не могутъ допустить вмѣшательства постороннихъ, когда дѣло идетъ о соблюденіи дисциплины. Если рабочіе имѣютъ претензію, они обращаются съ заявленіемъ, подписаннымъ 25% всѣхъ служащихъ въ компаніи. Если претензія не удовлетворена, рабочіе послѣдовательно обращаются въ примирительной камерѣ или къ арбитру. Примирительныя камеры собираются разъ въ шесть мѣсяцевъ, но могутъ быть и чрезвычайныя засѣданія. Рабочіе могутъ выбирать своего секретаря, представляющаго ихъ интересы въ примирительной камерѣ, и *не изъ служащихъ компаніи* (другими словами, этимъ представителемъ можетъ быть секретарь трэдъ-юніона). Передъ *арбитромъ* претензію рабочихъ можетъ излагать секретарь трэдъ-юніона. Соглашеніе, выработанное примирительной камерой, дѣйствительно на годъ, а то, которое выработано арбит-

ромъ,—на два года. Отчетъ коммиссіи высказываетъ пожеланія, чтобы стачекъ и локаутовъ не было до тѣхъ поръ, покуда не будутъ пройдены всѣ стадіи примиренія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что трэдъ-юніоны признаны только отчасти. Коммиссія рекомендовала не то, чего добивались желѣзнодорожные рабочіе: секретарь отъ профессіональныхъ союзовъ въ примирительной камерѣ—крайне важная уступка; но рабочіе хотѣли, чтобы всѣ объясненія съ компаніями велись черезъ секретарей. «Публика не должна слишкомъ увлекаться иллюзіями по поводу *отчета*,—предупреждалъ «Times»,—насъ не удивитъ, если агитація среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ будетъ продолжаться». Дѣйствительно, *отчетъ* не удовлетворилъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Надо имѣть въ виду недовѣріе, порожденное у рядовыхъ рабочихъ рѣшеніемъ суда по дѣлу Осборна, про которое я писалъ уже. Недовѣріе заставило рядовыхъ рабочихъ подвинуться въ сторону синдикализма. И этотъ сдвигъ такъ силенъ, что многіе рабочіе вожди *вынуждены* были послѣдовать тоже влѣво. Большинство вождей, опрошенныхъ репортерами, высказались противъ реформъ, рекомендованныхъ коммиссіей. «Отчетъ страшно разочаровалъ насъ,—сказалъ коммонеръ-рабочій Томасъ (одинъ изъ секретарей желѣзнодорожнаго союза).—Онъ не устраняетъ недостатковъ соглашенія 1907 года. Уступки, предлагаемыя намъ теперь одною рукою, отнимаются другой». «Реформы, рекомендуемыя отчетомъ, непріемлемы,—говоритъ секретарь General Railway Workers Union.—Намъ не нужна та форма признанія профессіональнаго союза, которая рекомендуется теперь». «Я съ удовольствіемъ могу заявить, что желѣзнодорожные рабочіе не одобряютъ отчета, — сказалъ главный секретарь желѣзнодорожнаго союза Уильямсъ.—Намъ хотятъ разрѣшить теперь, чтобы представителемъ рабочихъ въ примирительной камерѣ былъ секретарь трэдъ-юніона. Но это ни на дюймъ не подвигаетъ вопроса о признаніи профессіональнаго союза. Конечно, это—важная уступка, равно какъ и то, что примирительныя камеры будутъ разсматривать теперь также вопросы объ условіяхъ службы; но мы требуемъ большаго». Вожди рабочихъ находили, что примирительный механизмъ, если можно такъ выразиться, не упрощенъ, а дѣйствіе его не ускорено. Предложенными реформами довольны были только вожди рабочихъ стараго типа.

II.

Рѣшеніе суда, вынесенное 21 декабря 1909 года по дѣлу Осборна противъ желѣзнодорожнаго союза (Amalgamated Society of Railway Servants), совершенно разрушило старыя представленія о правахъ трэдъ-юніоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе отняло у рядовыхъ трэдъ-юніонистовъ вѣру въ парламентскую рабочую партію,

«Богачи ей все равно ничего не дадутъ сдѣлать»,—можно слышать отъ *рядовыхъ* рабочихъ. «Намъ постоянно устроятъ такой сюрпризъ, какъ дѣло Осборна». И, какъ результатъ разочарованія, въ рабочую партію проникъ синдикализмъ съ вѣрой во всеобщую забастовку. Вотъ почему, когда августовская забастовка кончилась, стачки возникали постоянно въ разныхъ концахъ Соединеннаго королевства. Характерной чертой было то, что стачки эти, начинавшіяся помимо воли вождей, стремились перейти во всеобщую. Каждая стачка порождала стачки «по симпатіи». Въ сентябрѣ началась всеобщая желѣзнодорожная стачка въ Ирландіи, кончившаяся крайне неудачно для рабочихъ. Они не только отказались отъ своихъ требованій, ради которыхъ объявили стачку (чтобы дороги не принимали товаровъ, нагруженныхъ штрейкбрехерами), но подчинились ультиматуму компаній, принявшихъ обратно только 90% всѣхъ забастовавшихъ. Разсчетъ получили наиболѣе сознательные рабочіе. Ирландскіе желѣзнодорожные рабочіе горько жаловались на англійскихъ товарищей, не объявившихъ стачки «по симпатіи». Въ октябрѣ началась большая стачка ткачей въ Ланкаширѣ, на которую фабриканты отвѣтили поголовнымъ разсчетомъ. Причиной стачки было требованіе ткачей, чтобы фабрикантъ уволилъ четырехъ рабочихъ, не принадлежавшихъ къ трэдъ-юніону. Рабочіе, изъ-за которыхъ возникла стачка, поспѣшили переѣхать въ другой округъ, и броженіе улеглось.

Правительство, въ интересахъ публики, учредило въ концѣ октября Центральную примирительную камеру, или Промышленный совѣтъ (Industrial Council), съ цѣлью остановить стачечную волну. Во время лѣтнихъ стачекъ посредниками между рабочими и предпринимателями являлись министры, между прочимъ генералъ-контролеръ сэръ Джорджъ Асквитъ. Теперь, если возникаетъ большая стачка, и когда воюющія стороны пожелаютъ, споръ разрѣшается промышленнымъ совѣтомъ при генералъ-контролерѣ. Совѣтъ этотъ состоитъ изъ тринадцати представителей отъ крупныхъ промышленныхъ организацій (желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, заводовъ, корабельныхъ компаній и пр.) и изъ тринадцати представителей отъ рабочихъ. Если понадобится, могутъ быть назначены еще члены совѣта. Среди представителей отъ предпринимателей мы находимъ въ Промышленномъ совѣтѣ предсѣдателя мощнаго союза горнозаводчиковъ, сэра Хью Белла, директора Сѣверо-западной желѣзной дороги Клоутона, предсѣдателя союза судовладѣльцевъ, Дэвитта, и пр. Въ числѣ представителей отъ рабочихъ мы видимъ секретарей громадныхъ трэдъ-юніоновъ: тутъ секретари федераціи углекоповъ, амальгамированнаго союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, союза ткачей и пр. Аштонъ, Чандлеръ, Гослингъ, Хендерсонъ, Ходжъ, Уильки, «Джэкъ» Уильямсъ и другіе *еще очень недавно* были признанными вождями трэдъ-юніонистовъ. Учитывая британскую лояльность къ вождямъ, *еще очень недавно* можно было сказать, что рабочіе

выполняютъ то, что имъ посовѣтуютъ Хендерсонъ или «Джэкъ» Уильямсъ. «Правительство, — говорится въ официальномъ сообщеніи,—не желаетъ препятствовать обычнымъ методамъ переговоровъ между предпринимателями и рабочими. Напротивъ, оно даже всячески ихъ поощряетъ. Промышленный совѣтъ предложитъ свои услуги только тогда, когда другіе методы разрѣшенія споровъ не дадутъ удовлетворительныхъ результатовъ». Тутъ же прибавляется, что рѣшеніе промышленнаго совѣта не носитъ характера обязательности. Industrial Council—пробная мѣра и введена только на годъ. «Обычные методы», о которыхъ говоритъ оффиціальное сообщеніе, это—переговоры между хозяевами и секретарями трэдъ-юніоновъ.

Крайне интересно выяснить отношеніе предпринимателей и рабочихъ къ новому совѣту. Надо знать, что лѣтъ 7—8 тому назадъ трэдъ-юніоны мечтали о такомъ «промышленномъ совѣтѣ». Нѣсколько разъ во время большихъ стачекъ министерство торговли предлагало учредить такую центральную примирительную камеру, но предприниматели отказывались. Въ октябрѣ 1911 года они, въ общемъ, охотно приняли предложеніе. Объяснялось это, конечно, крайней серьезностью положенія дѣлъ.

Въ трэдъ-юніонахъ, какъ я сказалъ, теперь наблюдаются два теченія: одно — умѣренное, другое крайнее. Къ «умѣреннымъ» принадлежатъ почти всѣ секретари союзовъ и многіе кочегары-рабочіе. Еще очень недавно нѣкоторые изъ нихъ были оракулами въ своихъ трэдъ-юніонахъ, какъ, напр., «Мэйбонъ» (Абрагамъ), представитель углекоповъ въ парламентѣ. Всѣ эти «умѣренные» безусловно высказались за промышленный совѣтъ. Они придаютъ ему громадное значеніе потому, что впервые является организація, въ которой хозяева и рабочіе работаютъ рядомъ. «Умѣренные» были крайне довольны совѣтомъ еще потому, что его рѣшенія не имѣютъ обязательнаго характера. Новозеландская примирительная камера съ обязательнымъ рѣшеніемъ никогда не находила сочувствія среди англійскихъ рабочихъ.

Но «умѣренные» теперь оттиснуты на задній планъ въ трэдъ-юніонахъ. Послѣ дѣла Осборна, породившаго у рядовыхъ рабочихъ глубокое недовѣріе ко всему тому, что создано капиталистистическимъ строемъ, синдикализмъ сдѣлалъ въ Англіи стремительные шаги. Всюду въ трэдъ-юніонахъ нлблюдается бунтъ рядовыхъ рабочихъ-синдикалистовъ противъ секретарей союзовъ и недавнихъ вождей. Рядовые трэдъ-юніонисты крайне подозрительно отнеслись къ промышленному совѣту. Правда, эту мѣру намѣчали когда-то сами рабочіе. Но развѣ примирительныя камеры 1907 года, одобренныя рабочими, не превратились въ капканъ для трэдъ-юніонистовъ? — разсуждаютъ рядовые рабочіе. — Предприниматели хитры: они нанимаютъ рѣчистыхъ адвокатовъ, которые ломаютъ голову надъ придумываніемъ средства, какъ бы обойти законъ.

Создавшіе дѣло Осборна сумѣютъ придумать такую каверзу, которая превратитъ промышленный совѣтъ въ мышеловку для рабочихъ. Правда, въ совѣтѣ засѣдаютъ тринадцать рабочихъ представителей. Все это народъ хорошій, честный, противъ котораго ничего нельзя сказать. Но предприниматель всегда найдетъ способъ обернуть рабочаго вокругъ пальца на совѣщаніи. Затѣмъ, — разсуждали рядовые рабочіе, — почему въ совѣтѣ нѣтъ ни одного «крайняго»? Когда говорятъ о «крайнихъ», то имѣютъ въ виду не соціалистовъ: изъ тринадцати рабочихъ представителей въ промышленномъ совѣтѣ — девять соціалистовъ. «Крайніе» это — синдикалисты.

«Всѣ представители отъ рабочихъ въ промышленномъ совѣтѣ,— говоритъ синдикалистъ Аппльтонъ,—выражаютъ собою взгляды не боевого трэдъ-юніонизма. Несмотря на то, что промышленный совѣтъ носитъ на первый взглядъ очень невинный характеръ, онъ можетъ быть современемъ превращенъ предпринимателями въ оружіе противъ рабочихъ. ...Самое лучшее, что есть въ совѣтѣ, это— необязательный характеръ его рѣшенія. Но, кто знаетъ, быть можетъ, современемъ явится и это» *). По мнѣнію синдикалистовъ, промышленный совѣтъ, это—или «нажимъ на предохранительный клапанъ», или «выпусканіе паровъ, которые могутъ привести въ движеніе трэдъ-юніонизмъ». Вмѣсто учрежденія промышленнаго совѣта, правительство, по мнѣнію синдикалистовъ, должно было бы внести въ парламентъ немедленно два билля: законопроектъ о правѣ на трудъ (Right to Work Bill) и законопроектъ о minimum'ѣ заработной платы во всѣхъ отрасляхъ труда. Промышленный совѣтъ это,—по выраженію синдикалистовъ,—«мокрое одѣяло», которое правительство старается набросить на разгорающееся пламя. «Почему рабочіе вожди, — допытывался «Labour Leader»,—приглашенные въ совѣтъ, всѣ представляютъ «умѣренныхъ» трэдъ-юніонистовъ?». Надо сказать, что правительство приглашало во всякомъ случаѣ нѣкоторыхъ крайнихъ. Такъ, напримѣръ, былъ приглашенъ извѣстный рабочій дѣятель и коммонеръ Уилль Торнъ, но онъ отказался. По мнѣнію Торна, вмѣсто учрежденія промышленнаго совѣта, надо было принять мѣры къ повышенію заработной платы, такъ какъ недостаточностью ея обусловливается броженіе среди рабочихъ.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ «умѣренные» трэдъ-юніонисты и почти всѣ секретари профессіональныхъ союзовъ высказались за промышленный совѣтъ, рядовые рабочіе, какъ синдикалисты, возстали противъ него.

Въ началѣ ноября 1911 года состоялся конгрессъ углекоповъ въ Соутпортѣ, и тамъ синдикаты взяли верхъ. Въ исполнительный комитетъ федераціи углекоповъ, вмѣсто «умѣренныхъ», засѣ-

---

*) «Labour Leader», October, 13, 1911.

давшихъ тамъ съ 1898 года, были выбраны синдикалисты. Голосованіе дало возможность опредѣлить соотношеніе силъ умѣренныхъ и синдикалистовъ: за первыхъ подано 43067 голосовъ, а за вторыхъ—61221 голосъ. На этомъ конгрессѣ вполнѣ опредѣлилась стачка, начавшаяся теперь; но *намѣтилась* она гораздо раньше. Вотъ ежемѣсячный крошечный, шести вершковъ длины и въ два ширины журналъ синдикалистовъ «The Industrial Syndicalist», издаваемый Томомъ Мэномъ. Нумеръ этотъ—отъ февраля 1911 года и весь посвященъ угольному кризису. «Статья *Minimum заработной платы*, помѣщенная въ этомъ нумерѣ,—говоритъ Томъ Мэнъ,—написана двумя углекопами, работающими и теперь въ шахтахъ. Обращена она ко всѣмъ горнорабочимъ, но въ частности къ членамъ федераціи углекоповъ, къ которой принадлежатъ и авторы *).

Вотъ что пишутъ сами углекопы: «Непрекращающееся брожение на шахтахъ и эпидемія большихъ и маленькихъ стачекъ тамъ обусловливаются одной причиной: недостаточной заработной платой. Она такъ мала, что углекопы зачастую никакъ не могутъ свести концы съ концами. Короче сказать, каменноугольное дѣло теперь—промышленность, въ которой изъ рабочихъ «выжимаютъ потъ (a sweated industry)». Въ особенности жалуются рабочіе на систему заработной платы, основанной на количествѣ добытаго угля. Во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности,—читаемъ мы въ «Industrial Syndicalist»,—поштучная плата находится въ зависимости отъ трудолюбія и искусства рабочаго. Ткачъ, напримѣръ, или прядильщикъ вырабатываютъ тѣмъ больше, чѣмъ лучше они понимаютъ дѣло и чѣмъ они прилежнѣе. Не то въ каменноугольномъ дѣлѣ. Количество добытаго угля, отъ котораго зависитъ заработная плата, обусловливается не трудолюбіемъ и искусствомъ забойщика, а свойствомъ пласта и мощностью его. И тамъ, гдѣ работа особенно трудна и опасна, углекопъ вырабатываетъ меньше. «Industrial Syndicalist» жалуется дальше на то, что соглашеніе между хозяевами и рабочими, состоявшееся 18 лѣтъ тому назадъ, было истолковано судьей Брайномъ Робертсомъ въ невыгодномъ смыслѣ для углекоповъ. Такимъ образомъ, какъ въ дѣлѣ по поводу стачки въ долинѣ Таффъ или какъ «въ осборнскомъ инцидентѣ», явился законъ, созданный судебнымъ рѣшеніемъ помимо парламента.

Углекопамъ необходимо добиться установленія минимальнаго заработка, — говоритъ «Industrial Syndicalist».—«Путемъ дѣятельности въ парламентѣ вы ничего не добьетесь,—читаемъ мы.—Вспомните, что вопросъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ въ шахтахъ обсуждался 25 лѣтъ. Чтобы добиться чего-нибудь парламентскимъ путемъ, надо агитировать, надо расположить въ свою пользу большинство коммонеровъ. Для всего этого требуется время. Нѣтъ!

*) «The Industrial Syndicalist», № 8. Feb., 1911.

Сила въ нашихъ рукахъ. Устройте всеобщую стачку, и мы добьемся всего». И нумеръ «Industrial Syndicalist» отъ февраля 1911 года заканчивается такъ: «Готовьтесь къ большой стачкѣ 1912 года». Лозунгомъ выставлено знаменитое четверостишіе:

«Eight hours' work,
Eight hours' play,
Eight hours' sleep,
And Eight bob a day».

(Восемь часовъ работы, восемь часовъ отдыха, восемь часовъ сна и восемь шиллинговъ въ день).

III.

На конгрессъ углекоповъ въ Соутпортѣ делегаты отъ углекоповъ Ланкашира и Чешира привезли резолюцію о введеніи minimum'а заработка въ размѣрѣ семи шиллинговъ въ день для *всѣхъ* рабочихъ и предложеніе объявить, въ случаѣ отказа со стороны хозяевъ, всеобщую забастовку на всѣхъ угольныхъ копяхъ Соединеннаго королевства. На конгрессѣ выяснилось, что секретари трэдъ-юніоновъ и большинство парламентскихъ представителей рабочей партіи, т. е. «вся старшина»,—противъ всеобщей забастовки и противъ синдикализма. Зато выяснилось также, что вся молодежь—синдикалисты. Въ особенности это относится къ углекопамъ Южнаго Валлиса. «Значные» трэдъ-юніонисты и коммонеры-рабочіе не находили достаточно сильныхъ словъ для осужденія синдикализма на конгрессѣ. «Синдикализмъ—чистая анархія; это—ядовитая гадюка, которую намъ надо раздавить»,—сказалъ Сноудэнъ. «Первая побѣда синдикализма,—его смертный приговоръ,—сказалъ Рамсэй Макъ-Дональдъ.—Объявивъ первую общую забастовку, синдикализмъ самъ вложилъ голову въ петлю». Такимъ образомъ, прежніе вожди трэдъ-юніонистовъ высказались противъ синдикализма почти такъ же сильно, какъ члены кабинета. «Всеобщая забастовка,—сказалъ, напримѣръ, Чёрчилль,—самое страшное оружіе, но остріе его всегда направлено противъ рабочихъ. Это—оружіе для самоубійства».

На конгрессѣ углекоповъ въ Соутпортѣ, какъ я сказалъ уже, побѣдила молодежь, и рѣшено было прибѣгнуть къ всеобщей стачкѣ, если шахтовладѣльцы откажутся ввести minimum заработной платы. Съ цѣлью облегченія вопроса о такой забастовкѣ, конгрессъ измѣнилъ даже пунктъ устава федераціи углекоповъ. По прежнему уставу, забастовка на всѣхъ шахтахъ можетъ явиться только *какъ отвѣтъ* на дѣятельность хозяевъ. Другими словами, уставъ признаетъ общую стачку только какъ средство защиты. По измѣненному уставу общая забастовка могла явиться также, какъ способъ *нападенія*.

Раздраженіе рабочихъ проявилось, между прочимъ, въ тонѣ рѣчей. Почти одновременно съ конгрессомъ углекоповъ происходилъ въ Карлайлѣ конгрессъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. И здѣсь раздавались такія рѣчи, которыя не часто приходится слышать въ Англіи. Одинъ изъ ораторовъ, Горъ, предложилъ резолюцію, представляющую собою ультиматумъ правительству: если въ 24 часа не будутъ отозваны солдаты, посланные въ Ирландію, чтобы замѣнить бастующихъ машинистовъ, то объявляется забастовка на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ. Газеты, помѣстившія сообщеніе, что резолюція эта принята, напечатали также телеграмму изъ Ирландіи, что бастующіе желѣзнодорожные рабочіе сдались на капитуляцію. Горъ, предложившій резолюцію, предсказалъ Асквиту трагическій конецъ одного континентальнаго министра. Ораторъ былъ остановленъ предсѣдателемъ и поправился въ томъ смыслѣ, что не рекомендуетъ насильственныхъ мѣръ.

Почему углекопы, а въ особенности горнорабочіе Южнаго Валлиса съ такой настойчивостью выдвинули вопросъ о minimum'ѣ заработной платы? Отчасти причина выяснена уже въ вышеприведенной статьѣ изъ «Industrial Syndicalist». «Пятая часть забойщиковъ получаетъ меньше одного фунта стерлинговъ въ недѣлю,— объясняетъ делегатъ абердинскихъ углекоповъ Айдрисъ Дэвисъ.— На всѣхъ шахтахъ многіе работники получаютъ плату, совершенно недостаточную для существованія (*starvation wages*, т. е. голодную плату, по характерному англійскому выраженію). И когда рабочимъ достается жребій, они должны работать «въ ненормальныхъ мѣстахъ».

Тутъ мнѣ надо пояснить, что такое «жребій» и «ненормальныя мѣста». На шахтахъ, съ незапамятныхъ временъ, дѣйствуетъ система жеребьевки или «cavell system». Въ шахтахъ есть «хорошія» мѣста, гдѣ пластъ толстъ и работать легко, и «плохія» («ненормальныя») мѣста, гдѣ жила бѣдна и приходится работать скрючившись. Надо помнить, что плата, получаемая углекопами, находится въ зависимости отъ нарубленнаго ими угля. Такимъ образомъ, въ «хорошемъ» мѣстѣ неизмѣримо легче выработать извѣстную сумму, чѣмъ въ «ненормальномъ». Углекопы, слѣдуя, вѣроятно, русской поговоркѣ: «Таланецъ—братецъ, жеребьекъ—батюшка», сами распредѣляютъ между собою путемъ жеребьевки хорошія и плохія мѣста. Кому попался скверный нумеръ, работаетъ въ опасномъ мѣстѣ и добываетъ столько, что не хватаетъ на хлѣбъ. Удачливые, вытянувшіе хорошій жребій, вырабатываютъ, «играючи», въ три раза больше. Есть углекопы, которыхъ преслѣдуетъ судьба: имъ постоянно достается плохой жребій.

— Но почему углекопы стоятъ за *cavell system*?

— Во-первыхъ, наши дѣды еще метали жребій,—отвѣтили бы на этотъ вопросъ углекопы.—Во-вторыхъ, бываетъ такъ, что въ

шахту являются, скажемъ, 2.000 человѣкъ, а надо только 1.700. Нарядчикъ не хочетъ самъ выбирать людей и обижать забракованныхъ. Вотъ тутъ жеребьевка и помогаетъ. Нарѣжутъ 1.700 билетовъ; тутъ хорошія и плохія мѣста, да потомъ прибавятъ еще 300 пустыхъ. Кто вытянетъ бѣлый нумеръ, тотъ идетъ домой. Значитъ, счастье противъ него.

И вотъ теперь работающіе въ «ненормальныхъ мѣстахъ» требуютъ заработка, достаточнаго для существованія. Въ Южномъ Валлисѣ углекопы особенно раздражены, потому что, какъ объясняетъ Айдрисъ Дэвисъ, тамъ:

1) Рабочіе живутъ въ исключительно плохихъ коттеджахъ,

2) въ шахтахъ больше «ненормальныхъ» мѣстъ, и

3) хозяева наиболѣе несговорчивы *).

Было время, когда углекопы, которымъ досталось по жребію «ненормальное» мѣсто, получали добавочную плату, или «паекъ» (allowance), по терминологіи рабочихъ. «Паекъ» этотъ разсчитанъ былъ такъ, чтобы углекопъ вырабатывалъ, въ среднемъ, столько же, сколько остальные рабочіе (въ среднемъ, отъ 6 шиллинговъ 6 пенсовъ до 8 шиллинговъ въ день). Годы 1904—1905 были неблагопріятны для промышленниковъ. Чтобы сократить расходы, они начали уменьшать «паекъ». Федерація углекоповъ начала процессъ, считая сокращеніе «пайка» незаконнымъ. Дѣло разбиралось въ 1906 году судьею Брайномъ Робертсомъ, который рѣшилъ въ пользу шахтовладѣльцевъ. Правда, объяснилъ судья, система «пайка» существуетъ съ незапамятныхъ временъ, но это не обязательство со стороны хозяевъ, а только проявленіе ихъ доброй воли, ихъ снисходительности къ рабочимъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ судья, предприниматели могутъ въ любую минуту сократить «паекъ» или совершенно отмѣнить его, нисколько не нарушая закона. Рѣшеніе судьи Брайна Робертса имѣло такія же серьезныя послѣдствія, какъ приговоръ по поводу стачки въ долинѣ Таффъ или рѣшеніе по дѣлу Осборна. На шахтахъ начался рядъ стачекъ, потому что предприниматели теперь на законномъ основаніи отказывались давать «паекъ» всѣмъ работающимъ въ «ненормальныхъ» мѣстахъ. «Возьмемъ нѣсколько примѣровъ,—говоритъ извѣстный экономистъ Стэнли Джевонсъ.—Вотъ старый, опытный углекопъ, всю жизнь проработавшій въ шахтахъ. Ему достался плохой жребій, и углекопъ работаетъ въ ненормальномъ мѣстѣ, гдѣ при всемъ стараніи и искусствѣ не можетъ нарубить достаточнаго количества угля. Помощникъ управляющаго, знающій много лѣтъ рабочаго, назначаетъ ему «паекъ» въ размѣрѣ 21 шиллинга въ двѣ недѣли (на шахтахъ въ Южномъ Валлисѣ расчетъ съ рабочими производится каждыя двѣ недѣли). Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Углекопъ получаетъ пра-

*) „Daily News", February 29, 1912.

вильно свой паекъ; но вотъ прежній помощникъ управляющаго замѣненъ новымъ, который, желая блеснуть экономіей, уменьшаетъ «паекъ» сперва на три шиллинга, потомъ на шесть шиллинговъ, потомъ на половину. Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и «паекъ» совсѣмъ отмѣняется, хотя углекопъ все еще работаетъ на «ненормальномъ» мѣстѣ. Старый, опытный рабочій теперь получаетъ меньше, чѣмъ новичекъ, которому досталось «хорошее» мѣсто.

«Мнѣ приводили случаи,—продолжаетъ Джевонсъ,—когда помощникъ управляющаго, осматривая мѣсто, гдѣ работаютъ углекопы, назначалъ «паекъ» тѣмъ, которымъ достался особенно плохой жребій. Когда же наступалъ разсчетъ, рабочіе получали только $^2/_3$ или половину обѣщаннаго пайка». Рабочіе протестуютъ и жалуются, но помощникъ управляющаго заявляетъ, что вина не его. Директоры, видите ли, требуютъ отъ управляющаго, чтобы онъ сократилъ расходы. И тотъ управляющій, который не въ состояніи нагонять экономію, получаетъ разсчетъ. Съ другой стороны, управляющій, сократившій расходы, получаетъ значительную премію. Управляющіе находятъ, что легче всего нагонять экономію, сокращая заработную плату. «Въ послѣдніе годы установилась на шахтахъ система обмана,—продолжаетъ Джевонсъ.—Людей поощряютъ работать усерднѣе обѣщаніемъ «пайка», хотя дающіе обѣщаніе иногда очень хорошо знаютъ, что оно не можетъ быть выполнено».

Размѣръ «пайка» обыкновенно опредѣляется количествомъ добытаго угля. Работающему на «ненормальномъ» мѣстѣ обѣщаютъ дать на 6 пенсовъ 1 шиллингъ или на 1 шиллингъ 4 пенса больше, чѣмъ другимъ, за каждую тонну. Обѣщанія даются всегда только устно. И когда приходитъ разсчетъ, углекопъ убѣждается иногда, что «паекъ» не прибавленъ. Если рабочій на «ненормальномъ» мѣстѣ нарубилъ столько же угля, сколько другіе, то «паекъ» ужъ несомнѣнно не выдается.

— Зачѣмъ вамъ «паекъ»?—спрашиваетъ управляющій.—Вы и безъ того много заработали.

Но если мѣсто было исключительно плохо, и углекопъ мало выработалъ, то обѣщанный «паекъ» выдается ему только послѣ многократныхъ хожденій въ контору и долгихъ просьбъ. И лишь тогда рабочій получаетъ «паекъ», да и то не весь, а часть,—въ зависимости отъ того, какое положеніе занимаетъ въ Федераціи углекоповъ. Есть еще другая форма опредѣленія размѣра «пайка»: «за всю работу». Углекопу обѣщаютъ дать опредѣленную сумму, помимо обычной платы, основанной на количествѣ добытаго угля, когда *вся* работа въ «ненормальномъ» мѣстѣ будетъ кончена. Такая система называется «возмѣщеніемъ» (consideration). Рабочіе жалуются на то, что при выдачѣ «возмѣщенія» ихъ такъ же обманываютъ, какъ при уплатѣ «пайка». Стэнли Джевонсъ опи-

сываетъ такую сцену, которую называетъ типичной. Углекопъ, получивъ разсчетъ, убѣждается, что, несмотря на всѣ старанія, выработалъ только по 4 шиллинга 6 пенсовъ въ день. Онъ идетъ къ помощнику управляющаго, котораго ждетъ часъ или два. Наконецъ, завѣдующій является.

— Я выработалъ въ двѣ недѣли только 2 ф. 9 шил. 7 пен. (24 рубля),—начинаетъ рабочій.

— Какъ смѣете вы, damned fool (проклятый дуракъ), надоѣдать мнѣ! — кричитъ помощникъ управляющаго. — Убирайтесь вонъ, лѣнтяй!

— Слушайте, сэръ! Я прошу только справедливаго вознагражденія за трудъ!

— Чорта ли мнѣ въ «справедливомъ вознагражденіи»! Какъ вы думаете, зачѣмъ мы тутъ? Чтобы давать милостыню? Шахта не богадѣльня и не благотворительное учрежденіе!

Рабочій уходитъ, но черезъ два дня опять является.

— Помните, сэръ, я не получилъ еще моего «возмѣщенія» за послѣднее «ненормальное» мѣсто, гдѣ работалъ. Когда мнѣ заплатятъ?

— Пошли вонъ! Не надоѣдайте!

— Но я хочу получить «возмѣщеніе»!

— Чорта вамъ дадутъ!

— Я пойду къ директору.

— Что же, Сэми, вамъ что-нибудь надо дѣлать!—насмѣшливо отвѣчаетъ помощникъ управляющаго.—Ступайте къ управляющему.

Послѣ двухъ или трехъ неудачныхъ попытокъ рабочій, наконецъ, попадаетъ къ управляющему.

— Мнѣ посовѣтовали обратиться къ вамъ,—начинаетъ рабочій, — чтобы поговорить о моей заработной платѣ. Ее урѣзали на 1 ф. 7 ш. 6 пенсовъ.

— Что значитъ «урѣзали»? Вы, вѣроятно, вмѣсто того, чтобы работать, всхрапнули:

— Нѣтъ. Я работалъ все время; но пластъ очень тонкій и съ прожилками. Я не могъ нарубить достаточное количество угля.

— Ну, что-жъ. Быть можетъ, дальше пластъ пойдетъ толще,— отвѣчаетъ директоръ.

— Я прошу, чтобы мнѣ выдали «возмѣщеніе».

— Хорошо!—отвѣчаетъ управляющій. Проходитъ еще двѣ недѣли. Углекопъ находитъ, что ему выдано добавочныхъ $7^1/_2$ шил., хотя онъ выработалъ на 1 ф. 9 ш. меньше, чѣмъ товарищи. За прошлую работу «возмѣщеніе» не выдано. Слѣдуютъ опять объясненія съ помощникомъ управляющаго и съ управляющимъ. Ему удается выторговать $6^1/_2$ шил. Въ нѣкоторыхъ шахтахъ, гдѣ нѣтъ жеребьевки, существуетъ обычай ставить на «плохихъ» мѣстахъ наиболѣе «неспокойныхъ» (т. е. развитыхъ) рабочихъ, чтобы «смирить» ихъ голодомъ. И такимъ образомъ обращаются съ разви-

тыми людьми, которыхъ очень много среди валлійскихъ углекоповъ,—заканчиваетъ Джевонсъ. Многіе рабочіе «прикрѣплены» къ шахтѣ, такъ какъ являются собственниками коттеджей. Чтобы отправиться искать работу въ другимъ мѣстѣ, углекопы должны были бы продать свой коттеджъ, потерявъ при этомъ 20—30 ф. ст. То обстоятельство, что углекопы «прикрѣплены», конечно, хорошо извѣстно шахтовладѣльцамъ.

IV.

Въ началѣ февраля, въ Лондонѣ, собрались делегаты Федераціи углекоповъ и выработали «скалу минимальной платы», для разныхъ округовъ (отъ 4 ш. 11 п. до 7 шил. 6 п.). Эта скала была предъявлена шахтовладѣльцамъ, которые отказали наотрѣзъ, что послужило сигналомъ къ всеобщей стачкѣ всѣхъ углекоповъ. «Милліонъ рабочихъ взываетъ теперь о справедливости,—читаемъ мы въ «манифестѣ», выпущенномъ къ населенію Англіи и подписанномъ Вернономъ Хартшорномъ. — Въ награду за тяжелый трудъ, на которомъ держится вся промышленность страны, углекопы просятъ, чтобы имъ гарантировали плату, достаточную для жизни. Просьба эта исходитъ изъ рабочихъ коттеджей, отъ жены и дѣтей. Минимальная плата будетъ означать достаточное количество пищи тамъ, гдѣ теперь ощущается постоянная нужда. Взываютъ не лѣнтяи и лежебоки, а честные, трудолюбивые люди, рискующіе ежедневно своею жизнью... Шахтовладѣльцы обязаны гарантировать рабочимъ минимальную плату».

Любопытно, что люди, усматривающіе въ каждомъ общественномъ движеніи только результатъ дѣятельности «агитаторовъ», выставляютъ Вернона Хартшорна, подписавшаго манифестъ, слѣпымъ фанатикомъ, подбивающимъ рабочихъ выставлять совершенно непріемлемыя требованія. «Броженіе среди углекоповъ создано Хартшорномъ»,—писали всего лишь за десять дней до стачки газеты. Черезъ нѣсколько дней даже *Daily Express* и *Evening Times* уразумѣли, что массовыя движенія вызываются не рѣчами агитаторовъ. Но несомнѣнно также то, что Хартшорнъ—самый видный и вліятельный вождь, выдвинутый положеніемъ дѣла въ Южномъ Валлисѣ. Еще недавно тамъ властителемъ думъ углекоповъ былъ «Мэйбонъ», трэдъ-юніонистъ стараго типа. Хартшорнъ — представитель новаго ученія среди трэдъ-юніонистовъ. «Старики годны только на то, чтобы ихъ свезли на кладбище, — сказалъ онъ о «Мэйбонѣ».—И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Хартшорнъ постоянно убѣждалъ рабочихъ дѣйствовать дружно и принимать забастовку отдѣльныхъ трэд-юніоновъ, какъ свое личное дѣло. Въ августѣ 1910 года Хартшорнъ совѣтовалъ мистэгскимъ горнорабочимъ не выступать изъ Федераціи углекоповъ за то, что она не

поддержала мѣстную стачку. Хартшорнъ—одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ трэдъ-юніоны отправили въ Оксфордъ, въ Ruskin college *), чтобы имѣть свою собственную интеллигенцію.

Предприниматели наотрѣзъ отказали углекопамъ въ ихъ требованіи. «Введеніе минимальной платы должно повести къ увеличенію расходовъ по добычѣ угля, которые уже и безъ того велики теперь»,--отвѣтилъ вождь южно-валлійскихъ шахтовладѣльцевъ Томасъ.—Мы раззоримся и вынуждены будемъ бросить эксплоатацію шахтъ. Затѣмъ установленіе минимальной платы невыгодно для хозяевъ въ томъ отношеніи, что разовьетъ «malingering», то-есть отлыниваніе отъ работы. Теперь каждый рабочій усердствуетъ, потому что плата находится въ зависимости отъ добытаго угля. Если же рабочій знаетъ, что онъ все равно получитъ опредѣленную плату, будетъ ли онъ усердствовать или нѣтъ, то онъ, забравшись въ шахту предпочтетъ проспать нѣсколько часовъ. Намъ придется держать въ шахтахъ надсмотрщиковъ, что страшно увеличитъ расходы».

Такъ говоритъ Томасъ. Разсмотримъ каждое изъ возраженій. Одни говорятъ, что прибыль, получаемая шахтовладѣльцами, очень велика. Многія компаніи выдали въ прошломъ году 10% дивиденда на акцію. Такимъ образомъ, возраженіе, выставляемое Томасомъ, не основательно. Другіе говорятъ, что въ словахъ Томаса есть много правды: шахтовладѣльцы, правда, получаютъ очень много, но они вынуждены платить также очень много «royalty» за каждую тонну добытаго угля собственникамъ, на землѣ которыхъ находится шахта. «Однимъ изъ самыхъ темныхъ пунктовъ въ каменноугольномъ дѣлѣ является вліяніе размѣра «royalty» (то есть, платы собственникамъ за каждую тонну, помимо арендной платы) на заработную плату и на цѣны на уголь»,—говоритъ Робертсъ. — Наиболѣе авторитетнымъ источникомъ является отчетъ королевской коммиссіи о Royalty **).—Но отчетъ этотъ отчасти устарѣлъ, такъ какъ напечатанъ почти двадцать лѣтъ тому назадъ. Не устарѣли за то всѣ тѣ страницы, на которыхъ разсказывается про самую систему royalty.

Предположимъ, компанія нашла уголь на землѣ, принадлежащей помѣщику Джонсу. До тѣхъ поръ, вѣроятно, земля пустовала

*) Рабочій университетъ (Ruskin Hall Workingmen's College) основанъ въ 1899 году на частныя пожертвованія для молодыхъ рабочихъ, желающихъ посвятить себя общественной дѣятельности. Преподаются предметы: политическая экономія, исторія промышленности, исторія соціальныхъ движеній, мѣстное самоуправленіе, соціологія и логика. Студенты платятъ 52 ф. ст. въ годъ за все, т. е. за ученіе, квартиру, столъ и книги. Эти деньги вносятся за стипендіатовъ трэдъ-юніонами, представители которыхъ участвуютъ въ совѣтѣ университета. Ruskin College имѣетъ также студентовъ, живущихъ въ другихъ мѣстахъ Англіи. Въ этомъ случаѣ преподаваніе ведется письменно.

**) Report of the Royal Commission on Mining Royalty.

и не приносила никакого дохода. Компанія контрактуетъ землю на 21, 63, а въ рѣдкихъ случаяхъ, на 99 лѣтъ. Этотъ наемъ называется «lease». Помѣщикъ выговариваетъ себѣ, помимо арендной платы, еще добавочную плату за каждую тонну добытаго угля (royalty) Royalty есть нѣчто фиксированное разъ на всегда до истеченія контракта, и представляетъ собою перемѣнную, все возрастающую величину. Въ Нортумберлэндѣ royalties достигали въ годъ отчета 10 пенсовъ за тонну, въ Уоррикширѣ—8 п., въ Сомерсетширѣ—9 пенсовъ, въ Сѣверномъ Валлисѣ—10 пенсовъ; въ Шотландіи—1 ш. 3 п. Въ томъ же году royalties въ другихъ странахъ были:

Въ Вестфаліи	$1^3/_4$	пенса
» Бельгіи	$1^1/_2$	»
» Франціи	0	

Въ Южномъ Валлисѣ royalties за лучшій антрацитъ были въ годъ отчета отъ 1 ш. 3 п. до 1 ш. 8 пенсовъ за тонну. Съ тѣхъ поръ royalties сильно возрасли и достигаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (правда, исключительныхъ), до 5 шиллинговъ за тонну. У насъ нѣтъ данныхъ, показывающихъ, какую именно сумму получаютъ помѣщики теперь въ видѣ royalty; но приблизительно можно высчитать. Въ своемъ знаменитомъ бюджетѣ Ллойдъ-Джорджъ обложилъ royalty налогомъ въ размѣрѣ 5%. Недавно въ парламентѣ было заявлено, что въ прошломъ году налогъ этотъ далъ 300.000 ф. ст. Такимъ образомъ, выходитъ, что помѣщики, помимо арендной платы, получаютъ еще ежегодно около шестидесяти милліоновъ руб. въ видѣ royalty. Отчетъ королевской коммиссіи, цитированный выше, говоритъ, что уменьшеніе royalty повело бы къ повышенію къ заработной платы. За послѣдніе годы заработная плата повышалась, но royalties тоже увеличивались. Королевская коммиссія признаетъ также, что цѣны на уголь уменьшились бы, если бы royalties тоже уменьшились. Такимъ образомъ, передъ нами своего рода незаработанное приращеніе, отъ котораго одинаково страдаютъ потребитель, шахтовладѣльцы и рабочіе. Шахтовладѣлецъ рискуетъ капиталомъ, рабочій рискуетъ жизнью, а помѣщикъ — ничѣмъ. Между тѣмъ онъ получаетъ все больше и больше royalty.

«Шахтовладѣльцы съ трудомъ могутъ повысить заработную плату,—выяснялъ въ «Westminster Gazette» освѣдомленный экономистъ,—такъ какъ расходы по добычѣ угля очень высоки. Въ шахтахъ обыкновенно тонна угля приноситъ чистой прибыли отъ $7^1/_2$ п. до $1^1/_2$ шил., тогда какъ рабочимъ уплачивается за нее отъ 4 ш. 5 п. до 9 шиллинговъ. Есть еще другіе расходы, которые никакъ не могутъ быть сокращены. И если бы *вся прибыль* была отдана рабочимъ, то и тогда заработная плата повысилась бы не больше, чѣмъ на 10—15%. Все это доказываетъ,—увѣряетъ экономистъ,—что стремленіе синдикалистовъ разрушить нынѣ дѣйствующую систему заставитъ шахтовладѣльцевъ отказаться отъ дѣла».

Въ отвѣтъ на это синдикалисты отвѣчаютъ: «надо націонализировать шахты, тогда заработную плату можно будетъ навѣрное повысить».

Что касается «malingering», т. е. отлынииванія лежебоковъ отъ работы, если введена будетъ минимальная плата, то на эту тему много писали консервативныя газеты, покуда не началась стачка. «Если рабочему гарантирована хорошая плата, внѣ зависимости отъ добытаго имъ количества угля,—писалъ «Times»,—то ничто не помѣшаетъ ему, послѣ часового упражненія, завалиться спать на весь день. Искушеніе будетъ слишкомъ велико. Вскорѣ наступитъ всеобщая деморализація». Сомнѣвающіеся въ добросовѣстности рабочихъ рекомендовали такую систему. Пусть разсчетъ будетъ произведенъ за *все* количество нарубленнаго угля съ тѣмъ, чтобы деньги потомъ разверстывались самими рабочими. При такой круговой гарантіи можно установить минимальную плату,—говорили авторы проекта,—потому что сами рабочіе будутъ подгонять лежебоковъ. Горнорабочіе показали, что система круговой поруки и разсчета на основаніи всего добытаго угля невыполнима практически. Съ другой стороны, они обѣщали принять всякія мѣры, чтобы предупредить «malingering». Одной изъ этихъ мѣръ было обѣщаніе федераціи углекоповъ не заступаться за лежебока, если на него будетъ наложенъ штрафъ.

При первомъ же большомъ и серьезномъ кризисѣ выяснилось, что примирительныя камеры не въ силахъ предупредить стачку. Обѣ стороны не подчинились рѣшенію Промышленнаго совѣта (т. е. центральной примирительной камеры) *).

---

*) Не лишнее, мнѣ кажется, напомнить читателямъ о примирительныхъ камерахъ съ обязательнымъ рѣшеніемъ, дѣйствующихъ въ Австраліи. Каждый штатъ Австралійской федераціи имѣетъ свои собственныя камеры, но наиболѣе интересны изъ нихъ тѣ, которыя введены закономъ 1904 года для всей Федераціи. Примирительный судъ (Court of Conciliation) состоитъ изъ предсѣдателя, ученаго судьи, назначаемаго представителемъ короны на семь лѣтъ. Судья старается примирить предпринимателей и рабочихъ въ случаѣ возникновенія спора. Если хозяева и рабочіе не могутъ придти къ соглашенію, то судъ постановляетъ рѣшеніе, имѣющее силу до пяти лѣтъ. На рѣшеніе суда нѣтъ апелляціи. Неповиновеніе рѣшенію карается штрафомъ. Если это—организація, то штрафъ доходитъ до 500 ф. ст.; если предприниматель, то до 250 ф. ст. Если рѣшенію отказывается подчиниться рабочій, то ему грозитъ штрафъ до 10 ф. ст. Судъ можетъ опредѣлить minimum заработной платы и можетъ потребовать, чтобы преимущество было отдано членамъ профессіональнаго союза.

Наиболѣе характерной чертой австралійской примирительной камеры надо считать право назначать „living wage“, т. е. заработную плату, которой хватило бы на то, чтобы жить. Въ 1909 году въ Австраліи была громадная стачка горнорабочихъ въ Broken Hill. Судья, постановляя рѣшеніе, не вполнѣ благопріятное для рабочихъ, сказалъ: „Подобныя стачки могутъ быть закончены только тогда, когда рабочіе получаютъ плату, достаточную для приличнаго существованія. Покуда рабочій не можетъ держаться „надъ чертой бѣдности“, онъ будетъ бороться и долженъ бороться“.

И когда выяснилось, что стачка неизбѣжна, со всѣхъ сторонъ стали обращаться къ правительству съ просьбами и требованіями вмѣшаться.

V.

«Остановить стачку!—завопили консервативныя газеты.—Будь у власти юніонисты, они покончили бы со стачкой въ двѣ недѣли». «Если стачка начнется, то это будетъ вина правительства». «Вотъ, до чего доводятъ соціалистическія рѣчи Ллойдъ-Джорджа,»— пришлось мнѣ слышать отъ повидимому умныхъ и серьезныхъ людей. Но никто изъ нихъ не могъ мнѣ объяснить, какая именно связь существуетъ между «революціоннымъ бюджетомъ» и требованіемъ углекоповъ. Консервативныя газеты, требовавшія, чтобы остановили стачку, подразумѣвали только физическую силу. Имъ указали, что никакое правительство въ Англіи не можетъ заставить углекоповъ спуститься въ шахту, если они этого не хотятъ. Любопытно, что противъ углекоповъ, требующихъ минимальную плату, вопили тѣ самыя консервативныя газеты, которыя недавно подбивали всѣхъ врачей Соединеннаго королевства къ бойкоту закона о страхованіи, чтобы такимъ образомъ добиться болѣе высокой платы (8 ш. 6 п. вмѣсто 5 шил.). Тѣ самыя консервативныя газеты, которыя приходили въ ужасъ отъ нѣкоторыхъ рѣчей углекоповъ, восхваляли сэра Эдуарда Карсона за призывъ ольстерцевъ къ сопротивленію съ оружіемъ въ рукахъ, если въ Ирландіи введенъ будетъ гомруль. «Валлійскіе революціонеры желаютъ добиться всеобщей стачки во чтобы то ни стало,—писало «Daily Mail»,—такъ какъ въ этомъ лежитъ главная надежда синдикалистовъ. Правительство поэтому обязано употребить всю силу, находящуюся у него въ рукахъ, чтобы предупредить стачку и спасти государство отъ гибели. Какъ бы ни были суровы и рѣшительны эти мѣры, вся нація будетъ за правительство».

Министерство по телеграфу вызвало въ Лондонъ представителей отъ предпринимателей и рабочихъ для переговоровъ. Девятаго февраля, когда прибывшіе делегаты явились въ министерство иностранныхъ дѣлъ для совѣщанія съ членами кабинета, я стоялъ у зданія министерства. Несмотря на проливной дождь, зарядившій на цѣлый день, какъ по найму, я нашелъ здѣсь громадную толпу, цѣлый океанъ раскрытыхъ и струящихся зонтиковъ. Можно было бы подумать, что Англія потерпѣла страшное пораженіе на морѣ, и теперь населеніе Лондона явилось къ своему правительству, чтобы

Судья постановилъ, чтобы горнорабочимъ назначенъ былъ „справедливый minimum заработной платы", а именно семь шиллинговъ въ день. Австралійскіе рабочіе довѣряютъ судьямъ. Въ Англіи, послѣ ряда рѣшеній, вынесенныхъ судомъ противъ трэдъ-юніоновъ, рабочіе полагаютъ, что судья невольно подчиняется воззрѣніямъ класса, къ которому принадлежитъ.

узнать, какъ держать себя. Охрипшіе отъ дождя мальчишки, размахивая аншлагами, мчались, какъ будто ихъ травили собаками, выкликая первыя изданія вечернихъ газетъ. «Тонна угля стоитъ 36 шиллинговъ вмѣсто 18!»... «Опасность, угрожающая океанскимъ гончимъ»! (т. е. большимъ пароходамъ). «Южный Валлисъ непримиримъ!»... «Серьезное положеніе дѣлъ!»—такъ значилось на мокрыхъ плакатахъ. Въ толпѣ я слышалъ тревожные разговоры на тему, что будетъ, если министерству не удастся помирить шахтовладѣльцевъ съ углекопами, и если начнется безпримѣрная по грандіозности стачка. Вотъ подходитъ подъ большимъ зонтикомъ маленькій, аккуратненько одѣтый человѣкъ съ такимъ неинтереснымъ на первый взглядъ лицомъ. Это—Ллойдъ-Джорджъ. Рядышкомъ идутъ широкоплечіе, нѣсколько нескладные бородатые старики, съ котелками, сдвинутыми на затылокъ. По черному океану раскрытыхъ зонтиковъ пробѣгаетъ зыбь. Эти старики—представители федераціи углекоповъ. Наиболѣе коренастый и сутуловатый изъ нихъ—коммонеръ Абрагамъ или «Мэйбонъ», т. е. «Бардъ», первый тайный совѣтникъ изъ рабочихъ. Эти старики — парламентеры одной изъ «воюющихъ сторонъ», и отъ нихъ зависитъ миръ или промышленная война, т. е. безконечныя страданія для публики.

Желали ли всѣ въ Англіи тогда мирнаго разрѣшенія? Если да, то непонятенъ слѣдующій фактъ. Въ самый день переговоровъ, когда пресса, казалось, должна была проявить наибольшую осторожность, въ рядѣ консервативныхъ газетъ, съ «Times'омъ» во главѣ, появились статьи о «заговорѣ углекоповъ». «Western Mail» разыскала какую-то брошюру, выпущенную синдикалистами. И эта брошюра неизвѣстнаго автора была выставлена, какъ своего рода коллективный манифестъ всѣхъ углекоповъ. Даже тотъ фактъ, что брошюра, выпущенная въ Кардифѣ, совершенно не циркулировала среди углекоповъ, истолкованъ былъ въ смыслѣ: «нарочно прячутъ и временно придержали». Подобныя брошюры въ странѣ съ такой широкой свободой печати, какъ Англія, появляются десятками, но имъ не достается честь быть комментированными сотней газетъ. «Памфлетъ», о которомъ идетъ рѣчь, называется: «Слѣдующій шагъ углекоповъ». «Сегодня «Western Mail» раскрываетъ заговоръ противъ частной собственности,—писалъ Times.—Цѣлью заговора—сдѣлать невозможнымъ полученіе какихъ-нибудь прибылей отъ шахтъ, чтобы такимъ образомъ добиться національзаціи ихъ. Минимальная заработная плата—только первый шагъ, самый трудный. Если это требованіе будетъ достигнуто, то заговорщики не видятъ никакихъ трудностей въ осуществленіи всего плана. Послѣ минимальной платы, горнорабочіе будутъ добиваться семичасового рабочаго дня вмѣсто восьмичасового. Такъ какъ minimum платы останется тотъ же, то добыча угля сократится, и прибыль, получаемая шахтовладѣльцами, сведется къ нулю. Если же окажется, что шахтовладѣльцы все-таки получаютъ еще прибыль, не-

смотря на введеніе семичасового дня, то углекопы должны всѣми силами уничтожить ее. Это заставитъ предпринимателей стоять за націонализацію шахтъ. Съ цѣлью планомѣрнаго дѣйствія со стороны рабочихъ, должна возникнуть новая «Промышленная организація углекоповъ», въ составъ которой входятъ всѣ горнорабочіе, раздѣленные на «палаты» (lodges). Вся законодательная сила находится въ рукахъ всѣхъ членовъ. Въ исполнительный комитетъ не могутъ быть избраны ни постоянные служащіе Федераціи углекоповъ, ни члены парламента. Каждый изъ членовъ «Промышленной организаціи» вноситъ 1 шил. въ мѣсяцъ. Изъ нихъ 8 пенсовъ идутъ въ центральный фондъ, а четыре пенса—въ распоряженіе «палатъ».

Выдержки, приводимыя «Times'омъ» изъ будто бы тайной брошюры, показываютъ, что это—обычный трактатъ синдикалистовъ. «Старая политика, основанная на томъ, что у предпринимателей и рабочихъ общіе интересы, должна быть отмѣнена. Вмѣсто этого надо ввести политику открытой и непримиримой вражды» —читаемъ мы въ брошюрѣ (цитирую по «Times'у»). «Насколько возможно, «палаты» должны воздерживаться отъ стачекъ по незначительному поводу. Надо усвоить болѣе научный методъ борьбы съ предпринимателями, чтобы довести ихъ до отказа отъ шахтъ». Этотъ «научный методъ»—sabotage.

Раскрытіе этого «заговора» въ самый день совѣщанія между делегатами какъ будто бы спеціально было разсчитано на то, чтобы сдѣлать предпринимателей несговорчивыми. Первый министръ впослѣдствіи далъ самый подробный отчетъ о переговорахъ съ «воюющими сторонами», которые сперва держались въ глубокой тайнѣ.

«Двѣ недѣли тому назадъ, — сказалъ Аскитъ въ парламентѣ 4 марта, — правительство, внимательно слѣдившее за различными фазисами спора между шахтовладѣльцами и углекопами, пришло къ заключенію, что въ интересахъ общества министерство должно вмѣшаться. Отъ имени правительства послано было приглашеніе представителямъ обѣихъ сторонъ явиться для совѣщанія». Кабинетъ при этомъ преслѣдовалъ двѣ цѣли, — объяснилъ премьеръ. «Мы хотѣли получить свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, а затѣмъ мы желали измѣрить, какъ широка пропасть, раздѣляющая обѣ стороны, чтобы выяснить, нельзя ли перекинуть черезъ нее мостъ». Обѣ стороны немедленно отозвались. «Я только воздаю должное,— продолжалъ премьеръ,—сказавъ, что каждая сторона изложила свое дѣло ясно, полно, замѣчательно умѣло и спокойно». Буду по возможности излагать исторію переговоровъ словами Аскита, чтобы показать читателямъ, на сколько отличается въ подобныхъ случаяхъ поведеніе англійскаго правительства отъ континентальнаго.

«Мнѣ не надо говорить палатѣ, что мы, представители правительства, съ напряженнымъ вниманіемъ слушали обѣ стороны и проявили полную безпристрастность. Затѣмъ мы совѣщались и при-

шли къ нѣкоторымъ выводамъ. Прежде всего, мы уяснили себѣ, что дѣйствительно бываютъ случаи, когда рабочіе, несмотря на все усердіе и искусство, не могутъ выработать справедливый минимумъ». Къ этому заключенію пришли всѣ министры, участвовавшіе въ переговорахъ. «Мы всѣ пришли дальше также къ заключенію, что необходимо установить минимальную плату для каждаго округа въ отдѣльности (District *minimum* wages). Но при этомъ необходимо соблюсти два условія. Во-первыхъ, минимальная плата должна быть разумна, а, во-вторыхъ, предприниматели, согласившіеся дать ее, имѣютъ право требовать извѣстную гарантію отъ рабочихъ, что не будетъ злоупотребленій, и что добыча угля не уменьшится. Уменьшеніе добычи угля было бы гибельно для промышленности». Прійдя къ этимъ выводамъ, министры рѣшили предъявить ихъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ. «Мы надѣялись, — надѣемся еще и теперь, что minimum платы будетъ введенъ путемъ добровольнаго соглашенія». Въ случаѣ же отказа со стороны предпринимателей, министры рѣшили ввести минимальную плату, различную для отдѣльныхъ округовъ, законодательнымъ путемъ. Всѣ выводы, къ которымъ пришли министры, были формулированы въ видѣ четырехъ тезисовъ, предъявленныхъ потомъ предпринимателямъ и рабочимъ. «Бо́льшая часть шахтовладѣльцевъ (65%), правда, неохотно приняла тезисы. Шахтовладѣльцы Нортумберлэнда, поколебавшись нѣкоторое время, тоже приняли тезисы. Зато шахтовладѣльцы Южнаго Валлиса и Шотландіи отказались наотрѣзъ».

Затѣмъ тезисы были предъявлены рабочимъ делегатамъ. Рабочіе были крайне довольны тѣмъ, что принципъ минимальной платы признанъ. Они вполнѣ согласились съ министрами, что невозможно ввести minimum, одинаковый для всѣхъ округовъ. Но тутъ же прибавили, что размѣръ минимальной платы уже опредѣленъ на конгрессѣ углекоповъ. Рабочіе потребовали, чтобы этотъ minimum (отъ 4 ш. 11 п. до 7 ш. 6 пенсовъ) не обсуждался даже. Принятіе его шахтовладѣльцами—условіе sine qua non.

Въ статьѣ, помѣщенной въ «*Daily News*», Вернонъ Хартшорнъ объясняетъ, почему углекопы отказались обсуждать minimum платы, выработанный ими.

«Мы и безъ того проявили крайнюю умѣренность, намѣчая minimum. Въ Южномъ Валлисѣ, напримѣръ, рабочіе требовали minimum въ 8 шил. въ день. Желая проявить возможно большую умѣренность, цифру эту уменьшили до 7 шил. $1^1/_2$ пенса. Все это было сдѣлано въ интересахъ сохраненія мира», — говоритъ Хартшорнъ. Федерація углекоповъ включила было сперва въ свои требованія минимальную плату не только для работающихъ въ штрекахъ, но потомъ, опять же въ интересахъ мира, рѣшила ограничить свои требованія. И вотъ, потому, кромѣ выработанной скàлы, Федерація углекоповъ поставила лишь два требованія: чтобы ни одинъ взрослый углекопъ, работающій подъ землей, не полу-

чалъ бы меньше 5 шил. въ день, а подростки—меньше 2 шиллинговъ. По утвержденію Хартшорна, выработанная скàла — «rock-bottom rates», то есть, углекопы въ ней ничего не уступятъ. Что касается опредѣленія минимальной платы третейскимъ судомъ, то, по словамъ Хартшорна, рабочіе теперь не довѣряютъ посредникамъ.

Аскитъ сообщилъ парламенту, какъ онъ убѣждалъ делегатовъ отъ Федераціи углекоповъ. Онъ указывалъ на то, что они получили уже очень много. Правительство признало принципъ минимальной платы. Шестьдесятъ пять процентовъ шахтовладѣльцевъ тоже согласны признать разумный minimum заработной платы. «Больше того: правительство нашло, что вообще принципъ минимальной платы справедливъ». Но рабочіе требовали, чтобы скàла, выработанная ими, принята была безусловно. На этомъ прекратились переговоры съ рабочими. Министерство затѣмъ предъявило тезисы предпринимателямъ, которые отказались категорически принять скáлу.

Такимъ образомъ завязался крѣпкій узелъ: обѣ стороны разошлись по вопросу о *размѣрѣ* минимальной платы. Разговоры прекратились, и 1 марта началась угольная стачка, или «черная стачка», какъ ее называютъ.

VI.

«Обязанность всѣхъ, кому дорога родина, забыть на время партійные споры и сдѣлать все возможное, чтобы поддержать правительство, — писалъ «*Times*» черезъ два дня послѣ начала стачки. — Эта обязанность сознавалась бы всѣми, если бы Англіи угрожало непріятельское вторженіе. Бѣдствія, причиненныя затянувшейся угольной стачкой, такъ же велики, какъ и тѣ, которыя могутъ явиться результатомъ непріятельскаго вторженія. Угольная стачка, если затянется, можетъ нанести такой страшный ударъ нашей промышленности, что отъ него она не скоро оправится. Мы нуждаемся теперь въ коллективной мудрости всѣхъ партій. Правительство обязано выслушивать безпристрастно всѣ совѣты, кто бы ихъ ни подавалъ». И совѣты, дѣйствительно, посыпались со всѣхъ сторонъ. Всѣ, предсказывающіе разныя бѣдствія англійской промышленности, исходятъ изъ положенія, что стачка можетъ затянуться.

Дѣйствительно, всѣ стачки углекоповъ, бывшія до сихъ поръ, отличались упорствомъ и продолжительностью. Вотъ, напримѣръ, историческая справка.

1864 годъ. Угольная стачка въ Южномъ Іоркширѣ. Бастовало 37 тысячъ человѣкъ. Стачка продолжалась четыре мѣсяца.

Стачка въ Стаффордширѣ. Забастовщиковъ 20 тысячъ. Стачка продолжалась четыре мѣсяца.

1873 годъ. Стачка углекоповъ въ Южномъ Валлисѣ. Бастовало 60 тысячъ человѣкъ. Продолжительность стачки одиннадцать недѣль. Такъ какъ валлійцы обладаютъ пылкимъ и раздражительнымъ характеромъ, то стачка, какъ всѣ промышленныя войны въ Валлисѣ, сопровождалась безпорядками.

1875 годъ. Угольная стачка въ Южномъ Валлисѣ; бастовавшихъ—70 тысячъ человѣкъ, продолжительность стачки девятнадцать недѣль.

1877 годъ. Стачка въ Ланкаширѣ, участвуютъ 30 тысячъ, продолжительность—шесть недѣль.

Нортумберлэндъ, участвуютъ 14 тысячъ, продолжительность—восемь недѣль.

1878 годъ. Дёрхэмъ. Участвуютъ 70 тысячъ, а продолжительность—шесть недѣль.

1880 — 1881 годъ. Стачка въ Ланкаширѣ; участвующихъ—шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, продолжительность—семь недѣль.

1891—2 годъ. Дёрхэмъ. Участвующихъ въ стачкѣ 75 тысячъ углекоповъ, продолжительность—одиннадцать недѣль. Стачка была вызвана желаніемъ шахтовладѣльцевъ понизить заработную плату на 15%.

1893 годъ. Южный Валлисъ. Участвующихъ въ стачкѣ 90 тысячъ, а продолжительность—четыре недѣли.

Стачка въ центральныхъ графствахъ. Участвующихъ 300 тысячъ. Продолжительность стачки тринадцать недѣль. Стачка была вызвана локаутомъ. Закончилась она послѣ вмѣшательства тогдашняго премьера (лорда Розбери). Тогда возникла примирительная камера.

1894 годъ. Стачка на шотландскихъ шахтахъ. Участвующихъ 70 тысячъ человѣкъ, а продолжительность—шестнадцать недѣль.

1898 годъ. Одна изъ самыхъ упорныхъ и бурныхъ стачекъ въ Южномъ Валлисѣ. Участвующихъ 100 тысячъ человѣкъ, а продолжительность—двадцать пять недѣль.

1906 годъ. Стачка въ Южномъ Валлисѣ, продолжавшаяся только двѣ недѣли, но отличавшаяся крайней бурностью. Произошли большіе безпорядки, въ которыхъ видное участіе приняли женщины.

1910—11 годъ. Громадная стачка въ Южномъ Валлисѣ на Камбрійскихъ шахтахъ, продолжавшаяся десять мѣсяцевъ. Она сопровождалась безпорядками въ Тонипенди и въ другихъ городкахъ, гдѣ толпа разгромила лавки.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что стачки углекоповъ продолжались до десяти мѣсяцевъ. Сорокъ двѣ недѣли безъ угля! Тогда какъ четырехнедѣльной всеобщей угольной стачки достаточно, чтобы нанести англійской промышленности такія раны, отъ которыхъ она должна оправляться годами. Каменный уголь, это—кровь англійской промышленности. Чтобы дать представленіе о томъ, какія великія

потери несетъ Англія отъ прекращенія «притока крови», я приведу нѣкоторыя цифры. Въ 1910 году добыто въ Англіи 264.433.000 тонны угля. Такимъ образомъ, каждый день добывается около 845 тысячъ тоннъ. Все это — конденсированная энергія, которая превращается потомъ въ свѣтъ, теплоту, движеніе. Стоимость добытаго угля—108.378.000 ф. ст. въ годъ, или 346.256 ф. ст. въ день (въ году 56 нерабочихъ дней). Потребляемое количество угля такъ громадно, что, какъ бы ни были велики запасы, ихъ можетъ хватить очень ненадолго.

Послушаемъ теперь, какіе совѣты подаются министерству со всѣхъ сторонъ. «Проведите скорѣе законодательнымъ путемъ минимальную плату»,—говорятъ одни. «Хорошо, но какъ убѣдить коммонеровъ-рабочихъ принять такой билль, если они непремѣнно требуютъ включенія туда безъ измѣненія скалы о минимальной платѣ, выработанной Федераціей углекоповъ? — отвѣчаютъ другіе. «Мы не говоримъ, что этотъ *minimum* несправедливъ или чрезмѣренъ; но утверждаемъ лишь, что никакое правительство не можетъ принять скàлу заработной платы, не обсуждая ее. И если правительство сдѣлаетъ это, ему останется только выйти въ отставку. Принявъ безъ обсужденія требованія углекоповъ, мы сдѣлали бы ихъ хозяевами страны. Въ самомъ дѣлѣ, имъ останется тогда только объявить стачку, чтобы заставить насъ принять какое угодно требованіе.» Такъ говоритъ радикальныя *Daily News*, принявшія съ самаго начала сторону углекоповъ. «Парламенту нельзя поставить требованіе, чтобъ онъ принялъ безъ обсужденія скàлу заработной платы»; но заявляющіе это сознаютъ въ то же время, что углекопы теперь въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ публика». «Процессъ принужденія углекоповъ путемъ голода взяться за работу будетъ продолжаться слишкомъ долго, — указываютъ знающіе люди.—Гораздо раньше умрутъ отъ голода сотни тысячъ обывателей. Трудно также разсчитывать на то, что углекопы подчинятся общественному мнѣнію. Правда, сотни тысячъ людей, потерявшихъ работу вслѣдствіе закрытія заводовъ и фабрикъ, разъярены, но эта ярость обрушится не на углекоповъ, а на правительство.» Но все же парламентъ всесиленъ,—говорятъ эти совѣтчики. Надо внести скорѣе билль о минимальной платѣ, убѣдивъ предварительно углекоповъ согласиться на то, чтобы скáла обсуждалась.

У консерваторовъ имѣется цѣлый кошель совѣтовъ. Надо, прежде всего, внести билль о минимальной платѣ. Эта уступка углекопамъ совершенно необходима. Но рядомъ съ ней необходимо также потребовать у трэдъ-юніоновъ гарантію, что общество не будетъ подвергаться больше такой опасности отъ стачки, какъ теперь. Какія же это гарантіи? Надо, чтобы трэдъ-юніоны снова были имущественно отвѣтственны за дѣятельность своихъ членовъ, какъ до 1906 года,—совѣтуетъ Гарвинъ въ *Observer*'ѣ. Другими словами, надо возстановить парламентскимъ путемъ судебное рѣ-

шеніе по поводу стачки въ долинѣ Таффъ, отмѣненное либеральнымъ правительствомъ. Читатели *Русскаго Богатства*, быть можетъ, помнятъ, какое глубокое впечатлѣніе на умы рабочихъ произвело судебное рѣшеніе. Первымъ послѣдствіемъ явилось возникновеніе рабочей партіи въ парламентѣ.

Observer рекомендуетъ либеральному министерству отмѣнить свой собственный законъ о трэдъ-юніонахъ. Не только либералы, но и консерваторы этого никогда не сдѣлаютъ. Походъ противъ трэдъ-юніоновъ означалъ бы неминуемую гибель для каждаго министерства. Затѣмъ консерваторы рекомендуютъ, конечно, «тарифную реформу», или протекціонизмъ. Вся бѣда, видите-ли, въ томъ, что при свободной торговлѣ цѣны на продукты поднимаются, а заработная плата остается безъ измѣненія. «Тарифная реформа», т. е. протекціонизмъ, создаетъ обратное явленіе: цѣны на продукты понижаются, а заработная плата увеличивается («Тарифная реформа удвоитъ заработную плату», увѣряютъ экономисты кооперативной партіи). Углекопы являются жертвами системы свободной торговли. И совершенно напрасно этимъ экономистамъ задаютъ вопросы: почему, если протекціонизмъ удваиваетъ заработную плату, въ Россіи положеніе трудящихся массъ неизмѣнно хуже, чѣмъ въ Болгаріи (глѣ ужъ тамъ сравнивать съ Англіей!)? Почему, если тарифная реформа уменьшаетъ цѣны, въ Германіи и во Франціи хлѣбъ, мясо, сахаръ, чай, кофе и пр. стоятъ не дешевле, а дороже, чѣмъ въ Англіи? Почему, если тарифная реформа устраняетъ безработицу, въ Нью-Іоркѣ больше безработныхъ, чѣмъ въ Лондонѣ? Почему, если протекціонизмъ является такимъ благодѣяніемъ для рабочихъ, въ Германіи соціалъ-демократы требуютъ возвращенія къ свободной торговлѣ? На всѣ эти вопросы консерваторы спокойно отвѣчаютъ: «Тарифная реформа понижаетъ цѣны на предметы первой необходимости и автоматически удваиваетъ заработную плату».

Затѣмъ у консерваторовъ имѣется еще одно средство — улучшить положеніе рабочихъ и предупредить стачки. Средство это — участіе въ прибыляхъ, и впервые, какъ пунктъ партійной программы, выдвинуто въ этомъ году при обсужденіи тронной рѣчи лордомъ Робертомъ Сесилемъ. «Рабочій долженъ быть непосредственно заинтересованъ въ количествѣ богатствъ, созданныхъ его трудомъ,—говоритъ Аньюринъ Уильямсъ. Рабочему должна принадлежать доля въ капиталѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и часть отвѣтственности. Съ теченіемъ времени, во всякомъ случаѣ, рабочій долженъ пріобрѣсти голосъ, какъ акціонеръ, чтобы имѣть контроль надъ предпріятіемъ. Мы не хотимъ отнимать у рабочаго стремленія къ болѣе высокой заработной платѣ, справедливому рабочему дню и къ лучшимъ условіямъ жизни. Не покушаемся мы также на право рабочаго объединиться съ товарищами въ профессіональные союзы. Напротивъ даже. Но мы хотимъ, чтобы рабочій имѣлъ нѣчто боль-

шее, чѣмъ одну заработную плату; мы хотимъ предупредить страшныя столкновенія между трудомъ и капиталомъ, какое наблюдаемъ теперь».

Уильямсъ указываетъ на громадный газовый заводъ, который 22 года тому назадъ далъ всѣмъ служащимъ долю въ прибыляхъ. Служащихъ (рабочихъ, клэрковъ, управляющихъ и инженеровъ) теперь тамъ 5000. Имъ принадлежитъ часть предпріятія, оцѣниваемая въ 400.000 ф. ст. Рабочіе-акціонеры имѣютъ право выбирать трехъ директоровъ изъ девяти. Кромѣ доли въ прибыляхъ, рабочіе получаютъ нормальную заработную плату, установленную трэдъ-юніономъ. Работаютъ они восемь часовъ въ день. На этомъ заводѣ наблюдается экономія въ матеріалѣ, заботливость объ инструментахъ и добросовѣстность въ работѣ, какой нѣтъ на другихъ газовыхъ заводахъ, гдѣ нѣтъ системы участія въ прибыляхъ. На упомянутомъ газовомъ заводѣ *) рабочіе и хозяева болѣе близки и лучше знаютъ другъ друга, чѣмъ на другихъ заводахъ. Примѣру Газовой компаніи Южнаго Лондона послѣдовала въ 1893 году Газовая компанія южной окраины (South Suburban Gas C°), въ 1890 году Ньюпортская газовая компанія, въ 1900 году еще одна Лондонская компанія (Commercial), а въ 1901 году—Честерская газовая компанія. Теперь около тридцати газовыхъ компаній дали уже рабочимъ долю въ прибыляхъ. Капиталъ этихъ компаній равенъ 50 мил. ф. ст. На долю двадцати тысячъ рабочихъ и служащихъ, участвующихъ въ прибыляхъ, приходится ежегодно 90 тысячъ ф. ст. дивиденда. Съ тѣхъ поръ, какъ компаніи приняли свою нынѣшнюю систему, онѣ разверстали между служащими и рабочими 750 тысячъ ф. ст., или $7^1/_2$ мил. руб. Служащимъ и рабочимъ принадлежатъ акціи на сумму въ 600.000 ф. ст. Эта цифра станетъ внушительнѣе, если вспомнимъ, что большинство заводовъ ввело систему участія въ прибыляхъ только въ 1909 году. На двухъ заводахъ служащіе и рабочіе выбираютъ собственныхъ директоровъ. Вообще, участіе рабочихъ въ прибыляхъ является характерной необходимостью газовыхъ компаній въ Англіи.

Уильямсъ полагаетъ, что та же система, примѣненная на шахтахъ, предупредила бы стачки и установила бы лучшія отношенія между предпринимателями и рабочими.

Г. Стэдъ выступилъ тоже съ «очень простымъ предложеніемъ, которое если будетъ принято, можетъ быстро привести стачку къ концу». Стачечники требуютъ извѣстныхъ уступокъ,—разсуждаетъ редакторъ «Review of Reviews».—Они говорятъ, что требованія эти умѣренны, что могутъ быть осуществлены безъ причиненія шахтовладѣльцамъ какихъ бы то ни было убытковъ. Съ другой стороны, предприниматели утверждаютъ, что осуществленіе этихъ уступокъ разоритъ шахтовладѣльцевъ. Что въ данномъ случаѣ подсказываетъ

*) South Metropolitan Gas C°.

здравый смыслъ? Третья сторона т. е. публика, которая больше всѣхъ теряетъ отъ стачки, должна гарантировать шахтовладѣльцамъ на извѣстный срокъ, скажемъ, на три мѣсяца, извѣстную премію, покрывающую убытки, если таковые будутъ, когда осуществятся требованія углекоповъ. По разсчетамъ шахтовладѣльцевъ, они въ три мѣсяца, если бы уступили углекопамъ, должны потерять 1.850.000 ф. ст. Если поднять цѣны на уголь, то приведенная выше цифра можетъ быть значительно уменьшена. Но возьмемъ, однако самое худшее, — говоритъ г. Стэдъ. Предположимъ, что сумма, которую надо гарантировать шахтовладѣльцамъ, равна двумъ милліонамъ ф. ст. Взявъ на себя эту сумму, общество сразу застрахуетъ себя отъ потерь, которыя теперь уже страшно велики. Одни только рабочіе въ первую недѣлю потеряли $1^1/_2$ мил. ф. ст. въ видѣ заработной платы. Каждую недѣлю во время стачки общество теряетъ не менѣе 5 мил. ф. ст. Такимъ образомъ, согласившись гарантировать два милліона въ теченіе трехмѣсячнаго опыта, общество останется въ громадномъ барышѣ.

Любопытны «соображенія», съ которыми выступилъ въ нумерѣ «Times'а» отъ шестого марта извѣстный романистъ Уэльсъ. Онъ отмѣчаетъ прежде всего крайнюю подозрительность и недовѣрчивость рабочихъ. Они не хотятъ возвратиться въ шахты до тѣхъ поръ, покуда предприниматели не примутъ безъ обсужденія скалу минимальной платы. Углекопы настаиваютъ на томъ, чтобы ничего не оставлено было потомъ третейскому суду или примирительнымъ камерамъ для обсужденія. «Я не буду выяснять происхожденія этой крайней подозрительности,—говоритъ Уэльсъ.—Я обойду совершенно вопросъ о томъ, порождена ли она «агитаторами», прежними разочарованіями, или это только отраженіе нашей политики. Важно то, что рабочіе проявляютъ подозрительность, превосходящую все то, что наблюдается при обычныхъ столкновеніяхъ труда и капитала въ Англіи. При нынѣшней стачкѣ мы можемъ наблюдать отраженіе общаго упадка нашей политики. Поведеніе рабочихъ показываетъ, что они уже не считаютъ всѣхъ политическихъ вождей джентльмэнами, а крючкотворами и эксплуататорами. Я не буду входить въ обсужденіе ни того, какимъ образомъ сложился подобный взглядъ, ни того, на сколько онъ справедливъ. Правительству приходится обращаться теперь къ рабочимъ, не вѣрящимъ больше ни въ обѣщанія, ни въ то, что примирительныя камеры уладятъ все впослѣдствіи. Вотъ почему правительство можетъ добиться какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ только въ такомъ случаѣ, если будетъ дѣйствовать совершенно откровенно и на чистоту.

И это приводитъ меня, — продолжаетъ Уэльсъ, — ко второму соображенію, а именно къ мысли о невѣжествѣ нашихъ правителей. Рабочіе тщательно формулировали требованіе относительно минимальной платы для каждаго округа. Каждый безпристрастный че-

ловѣкъ скажетъ, что эти требованія очень умѣренны. Намъ говорятъ, что требованія рабочихъ въ значительности части чрезмѣрны и неосуществимы. Но если это такъ, то почему же ни правительственные чиновники, получающіе такъ много за свой трудъ, ни предприниматели не выработали другую скалу, которая была бы практична и могла бы быть введена немедленно? Стачка надвигалась уже давно. Почему же у «экспертовъ» нѣтъ никакихъ ясныхъ и точныхъ предложеній, чтобы предъявить ихъ рабочимъ»? Стачка эта, по мнѣнію Уэльса, еще больше компрометируетъ правящіе классы, чѣмъ Южно-Африканская война. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ событія захватили правительство врасплохъ. «Съ одной стороны рабочіе, проявляющіе большую освѣдомленность, точность и ясность. Съ другой—шахтовладѣльцы и правительство, говорящіе нѣчто неясное, смутное, туманное и напирающіе на свое достоинство. У меня,—продолжаетъ Уэльсъ, очень небольшой опытъ; но я знаю, что нельзя совершенно вести дѣлъ съ людьми, напирающими на свое достоинство, когда отъ нихъ требуютъ факты и цифры. Стачка подготовлялась давно, а между тѣмъ люди, которымъ мы довѣрили управленіе страной, ничего не знали». Уэльсъ приходитъ къ самымъ печальнымъ заключеніямъ по поводу этого невѣжества, и по поводу «эксплуатаціи парламента крючкотворами». «Моментъ теперь крайне серьезенъ,—заканчиваетъ Уэльсъ.—Сильное броженіе происходитъ въ рабочихъ массахъ вообще, а не только въ рядахъ углекоповъ. Положеніе до такой степени опасно, что аналогію ему мы должны искать 130 лѣтъ тому назадъ. Если стачка эта затянется, она поведетъ къ соціальной революціи и къ гражданской войнѣ». Уэльсъ совѣтуетъ немедленно уступить требованіямъ углекоповъ и во что бы то ни стало прекратить стачку. А затѣмъ правящіе классы должны заняться внимательнымъ изученіемъ положенія дѣлъ.

Совѣты подаются теперь не только правительству, но и рядовому обывателю. И, читая эти совѣты, можно подумать, что Англія вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ блокируется непріятелемъ или что она парусное судно, загнанное въ Саргассово море и заштилѣвшее неизвѣстно на какое время.

«Мэръ города Миддльборо выпустилъ воззваніе, въ которомъ совѣтуетъ жителямъ, для предупрежденія голода, быть экономными во всемъ, даже когда дѣло касается пенса».

«Въ Болтонѣ боковыя улицы болѣе не освѣщаются, чтобы протянуть запасы угля на газовомъ заводѣ. Городской совѣтъ проситъ населеніе бережно обходиться съ газомъ. Обывателей просятъ, чтобъ они, изъ человѣколюбія, когда у нихъ будутъ освѣщены комнаты, не спускали шторъ. Освѣщенныя окна—единственные маяки на темныхъ улицахъ. Болтонъ возвратился къ началу XVIII вѣка, когда улицы еще не освѣщались».

«Берегите уголь въ домахъ. Сократите до послѣдней возмож-

ности число топокъ. Берегите газъ и электричество. Откажитесь отъ поѣздокъ, если только есть какая-нибудь возможность. Экономничайте съ провизіей. Ее нужно доставлять, а это сопряжено съ расходомъ угля,—читаемъ мы въ «Times'ѣ». Сократите, по возможности, число рабочихъ часовъ. Банки, напр., закрываются теперь въ четыре часа; ихъ надо запирать въ три. Почтовыя конторы можно закрывать въ шесть часовъ, вмѣсто семи. Пусть конторы и торговые дома послѣдуютъ тому же совѣту. Такимъ образомъ можно растянуть надолго запасы угля. Каждый рабочій часъ въ Лондонѣ послѣ заката солнца требуетъ расхода въ нѣсколько тысячъ тоннъ угля. Сбереженный такимъ образомъ уголь надо отдавать бѣднякамъ, жестоко страдающимъ уже теперь вслѣдствіе страшной дороговизны продукта». Мы наблюдаемъ также, что стачка пробуждаетъ въ рядовомъ обывателѣ звѣриные инстинкты пещернаго человѣка, подобно тому, какъ это бываетъ въ осажденныхъ городахъ или на плотахъ среди океана послѣ кораблекрушенія. Вотъ, напримѣръ, рычаніе несомнѣннаго современника неандертальскаго троглодита. Нашелъ я это «рычаніе» въ нумерѣ «Times'а отъ 7 марта.

«Я желаю протестовать противъ вашего совѣта желѣзнымъ дорогамъ, газовымъ заводамъ и частнымъ обывателямъ сберегать уголь съ цѣлью отдавать излишекъ черезъ извѣстныя организаціи бѣднякамъ. И вотъ мои соображенія. Возьмите, напримѣръ, меня. Я уже много мѣсяцевъ тому назадъ предвидѣлъ, что стачка будетъ. Въ августѣ 1911 года, во время желѣзнодорожной стачки, насъ предупредили, что катастрофа надвигается. Я не получалъ никакихъ секретныхъ увѣдомленій объ этомъ: достаточно было прочитать передовыя статьи «Times'а». Въ октябрѣ 1911 года я накупилъ поэтому уголь на цѣлый годъ и набилъ имъ не только погребъ, но и конюшню. Сомнѣваясь, чтобы газовый заводъ могъ доставлять освѣщеніе въ случаѣ кризиса, я сдѣлалъ недавно большой запасъ свѣчей и керосина. Припоминая, какъ все было парализовано во время желѣзнодорожной стачки, я накупилъ также консервы». И теперь современникъ неандертальскаго человѣка заявляетъ категорически, что ему нѣтъ никакого дѣла до ближняго. «Неужели я долженъ пожертвовать результатами моей осторожности и предусмотрительности ради людей, которые, подобно правительству, беззаботно твердили все: «стачки не будетъ»? Нѣтъ, времена ненужныхъ самопожертвованій подобнаго рода прошли. Мы приближаемся къ такимъ временамъ и къ такимъ условіямъ, когда каждый долженъ бороться за себя. Теперь наступаетъ соціальный хаосъ, и уцѣлѣли только семейныя узы». Бережливый троглодитъ заявляетъ, что своими запасами подѣлится только съ родными. Въ этомъ отношеніи несчастный некрасовскій мужикъ идетъ дальше:

Ковригу съѣмъ
Гора горой,

Ватрушку съѣмъ
Со столъ большой!
Все съѣмъ одинъ,
Управлюсь самъ,
Хоть мать, хоть сынъ
Проси—не дамъ!

«Я не имѣю ни малѣйшаго желанія отдавать часть моихъ запасовъ добродѣтельнымъ священникамъ для распредѣленія между бѣдняками». Зачѣмъ имъ помогать? Эти бѣдняки выбрали либеральное правительство, которое «разорило средніе классы тяжелыми налогами». Ну и пусть теперь массы голодаютъ! Заключеніе письма троглодита, такимъ образомъ, можно формулировать тѣми словами, съ которыми украинскій крестьянинъ, купившій, по ошибкѣ, вмѣсто рѣпы хрѣнъ, обращается къ своимъ глазамъ: «бачили, дурни очі, що купували: іишьте, хочь повылазьте!»

VII.

Первые дни стачки прошли такъ, что трудно было догадаться по наружному виду городовъ о кризисѣ. «Пользуйтесь стачкой, какъ праздникомъ,—совѣтовалъ углекопамъ Южнаго Валлиса Хартшорнъ.— Валяйтесь долго въ постели, гуляйте по горамъ, веселитесь». И первые дни Южный Валлисъ представлялъ, дѣйствительно, праздничный видъ. Старики слушали пѣніе, до котораго валлійцы такіе охотники; молодежь играла въ футболъ, устраивала скачки на лошадяхъ, поднятыхъ изъ шахтъ, посѣщала мюзикъ-холлы и кинематографы. Ужасы стачки испытали раньше всего не углекопы, а публика и другіе рабочіе. Спекулянты скупили весь уголь и устроили то, что на биржевомъ жаргонѣ называется «corner». Уголь стремительно поднялся въ цѣнѣ и сталъ недоступенъ бѣднякамъ. Тысячи людей на третій же день стачки не только сидѣли въ нетопленныхъ квартирахъ, но и питались консервами, такъ какъ не на чемъ было сварить обѣдъ. На третій же день мэры призывали населеніе устроить комитеты съ цѣлью организаціи столовыхъ для дѣтей (въ Англіи—не преступленіе кормить голодающихъ). Черезъ четыре дня выяснилось, что масса заводовъ не можетъ работать вслѣдствіе отсутствія угля. Закрывшіяся фабрики, мастерскія и заводы выбросили на улицу сотни тысячъ рабочихъ. Приведу нѣсколько телеграммъ, рисующихъ положенія дѣлъ въ первые же дни стачки.

«Первый же день стачки причинилъ много бѣдъ Шеффильду. Закрываются заводы, на которыхъ работаютъ тысячи рукъ. Трамвайное сообщеніе сокращено... Въ началѣ слѣдующей недѣли закрываются громадные прокатные и литейные заводы. 45 тысячъ человѣкъ очутятся безъ работы» («Times», March 2).

«Въ Глазго уже теперь двадцать пароходовъ не могутъ оста-

вить портъ вслѣдствіе отсутствія угля,—телеграфируетъ корреспондентъ «Westminster Gazette» послѣ перваго дня стачки.—Черезъ два дня число пароходовъ удвоится. Черезъ день закрывается заводъ локомотивовъ (North British Locomotive Company). На заводѣ «Бирдморъ и К°» сегодня получили разсчетъ 5000 человѣкъ».

«Въ гончарномъ районѣ черезъ день останутся безъ работы 50 тысячъ человѣкъ»,—телеграфируетъ изъ Hanley на шестой день стачки корреспондентъ «Daily Mail». Такъ какъ громадные гончарные заводы потребляютъ въ день 500 тоннъ угля и такъ какъ шахты находятся черезъ дорогу, то въ Хенли не дѣлали никакихъ запасовъ. «Черезъ нѣсколько дней,—сообщаетъ «Times» въ нумерѣ отъ 7 марта,—въ гончарномъ районѣ (т. е. въ городахъ Тёнстоллъ, Бёрслэмъ, Хэнли, Стокъ, Фентонъ и Лонгтонъ) будутъ безъ работы 260 тысячъ человѣкъ». «Въ началѣ слѣдующей недѣли въ Ланкаширѣ безъ работы остаются сто десять тысячъ ткачей». «Толпы безработныхъ ждутъ въ докахъ Гримсби прибытія случайнаго парохода». Такъ какъ вслѣдствіе отсутствія угля закрылись заводы, и рабочіе остались безъ работы, то трэдъ-юніонамъ приходится расходовать громадныя суммы. Союзъ машинистовъ, напр., израсходовалъ въ первую же недѣлю 10 тыс. фунт. стерл., Союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ—20 тыс. фунт. стерл., Союзъ рабочихъ по металлу — 5 тыс. фунт. стерл., Національный союзъ рабочихъ на газовыхъ заводахъ — 3 тыс. фунт. стерл. «Если стачка затянется, то всѣ большіе трэдъ-юніоны раззорятся». Стачка уже повела къ сокращенію сообщенія и къ поднятію цѣнъ на продукты. У лондонскихъ хлѣбопековъ черезъ три недѣли не станетъ угля. Тогда Лондону будетъ угрожать форменный голодъ. Состоятельная публика покуда не страдаетъ сильно отъ стачки; но всѣ ужасы ея уже испытываютъ массы.

Когда я заканчиваю эту статью, стало извѣстно, что премьеръ снова пригласилъ хозяевъ и рабочихъ для совмѣстнаго совѣщанія. Рабочіе немедленно согласились, но подъ условіемъ, чтобы принципъ минимальной платы не подвергался даже обсужденію. Чѣмъ кончится стачка, покуда неизвѣстно, но она несомнѣнно показала уже торжество «молодыхъ» трэдъ-юніонистовъ надъ «старыми», т. е. синдикалистовъ надъ всѣми остальными теченіями. «Синдикалисты покуда показали остальнымъ рабочимъ, что имѣютъ хорошій методъ для немедленнаго повышенія заработной платы,—говоритъ Раулэндъ Кенни.—Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ парламентѣ Рабочая партія можетъ указать на законъ о трэдъ-юніонахъ, на пенсію для стариковъ, на законъ объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье рабочихъ и на нѣсколько другихъ менѣе важныхъ законовъ. Все это, конечно, очень хорошо, но не такъ импонируетъ рядовымъ рабочимъ, какъ успѣхъ, достигнутый большими забастовками, явившимися результатомъ дѣя-

тельности синдикалистовъ. Прибавка, полученная матросами послѣ іюньской стачки, составляетъ милліонъ ф. ст. въ годъ. Транспортные рабочіе въ Ливерпулѣ, послѣ лѣтней стачки, получили повышеніе заработной платы на 8 шил. въ недѣлю каждый». Синдикалисты указываютъ на Ливерпуль, какъ на классическій примѣръ общности интересовъ всѣхъ рабочихъ. Доковые рабочіе тамъ почти всѣ ирландцы и католики. Девяносто процентовъ (7500 челов.) фургонщиковъ тамъ не только протестанты, но и члены оранжистскихъ ложъ (эти «ложи»—нѣчто въ родѣ «палатъ» истинно-русскихъ людей). Между тѣмъ синдикалисты объединили ирландцевъ-націоналистовъ и протестантовъ-оранжистовъ для требованія болѣе высокой заработной платы. Покуда продолжалась стачка (75 дней), ни разу не было ни одного столкновенія между католиками и протестантами, хотя въ другое время постоянно бываютъ жестокія драки между «республиканцами»-ирландцами и «лоялистами»-оранжистами.

Что касается вопроса о безработицѣ,—продолжаетъ Раулэндъ Кенни,—то и тутъ аргументы синдикалистовъ тоже импонируютъ рядовымъ трэдъ-юніонистамъ. «Сократите рабочій день,—говорятъ синдикалисты,—и тогда работы хватитъ всѣмъ». И синдикалисты рекомендуютъ рабочимъ организоваться такъ, чтобы диктовать свои условія хозяевамъ. Сорокъ восемь рабочихъ часовъ въ недѣлю на желѣзныхъ дорогахъ означаетъ работу еще для шестидесяти тысячъ человѣкъ. Если восьмичасовой рабочій день будетъ введенъ на докахъ, то тамъ будетъ мѣсто еще для девяноста тысячъ человѣкъ. Эти цифры и эти доводы кажутся рядовымъ рабочимъ неотразимыми и, конечно, неизмѣримо болѣе соблазнительными, чѣмъ парламентскій билль о правѣ на трудъ (Right to Work Bill), за который надо еще долго бороться» *). Но съ другой стороны, всѣ прежніе рабочіе вожди выясняютъ трэдъ-юніонистамъ опасность синдикализма. Надо сказать, впрочемъ, что англійскій синдикализмъ не совсѣмъ похожъ на континентальный, представителемъ котораго въ Англіи является только Томъ Мэнъ. Остальные вожди не отрицаютъ парламентской дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, на ближайшихъ выборахъ будетъ выставлена кандидатура Джемса Уинстона, Вернона Хартшорна и Бена Тиллета.

Діонео.

---

*) „The English Review", March, 1912, p. 694—695.

Хроника внутренней жизни.

1. «У насъ все спокойно»-. Жизнь въ легендѣ и легенда въ жизни.—2. О почвѣ для русскаго національзма.—3. Націоналистическая «Вампука». Удобныя темы.—4. Національные политики и національные обыватели.

Кажется, весьма благополучно подходитъ къ своему естественному концу зимній, «дѣловой», сезонъ, завершающій полномочія третьей Думы. Говорятъ, Дума ничего не дала. Говорятъ, на $3^1/_2$ милліарда рублей, отпущенныхъ военному вѣдомству, ничего не сдѣлано. Говорятъ, голодъ. Говорятъ, милліоны крестьянскихъ хозяйствъ въ неурожайныхъ губерніяхъ потеряли отъ безкормицы или распродали на хлѣбъ весь рабочій скотъ, встрѣчаютъ весну безъ инвентаря, безъ необходимѣйшаго имущества,—все проѣдено, погибло, распродано за безцѣнокъ. Говорятъ, многія десятки тысячъ семействъ проѣли и земельку,—продана, сдана въ аренду, и страна за одну зиму получила нѣсколько сотъ тысячъ, а можетъ быть, и милліоны новыхъ пролетаріевъ, которыхъ некуда дѣть, и которымъ некуда дѣться. Много и другого говорятъ. И много въ томъ, что говорятъ горькой правды. Но не въ этомъ сила. Гораздо важнѣе другое: по сравненію съ тѣмъ, что происходитъ за рубежомъ, «у насъ», какъ радостно подчеркнулъ членъ Государственной Думы Новицкій-второй, «все спокойно»:

«въ Англіи премьеръ-министръ, вѣроятно, грѣетъ руки у чужого камина, и всѣ министры зябнутъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ угля, а въ Петербургѣ его достаточно, такъ какъ Драчевскій достаточно зорко смотритъ за преступниками» *).

Власть зорко слѣдитъ, энергически пресѣкаетъ, такъ называемыхъ «ашвабадительныхъ» движеній нѣтъ. Это—вещь, а прочее все гиль. Г. Коковцовъ блестяще пояснилъ эту мысль на конкретномъ примѣрѣ. Правительство упрекнули въ Думѣ за то, что оно не позволяетъ оказывать частную помощь голоднымъ. Г. Коковцовъ отвѣтилъ: да, не позволяемъ и не позволимъ, такъ какъ опасаемся, что частныя лица и организаціи

«вмѣстѣ съ мукой и врачебной помощью» будутъ распространять «литературу, которую такъ кстати распространять въ 1912 г. передъ новыми выборами. Это безспорно». (Рукоплесканія справа и въ центрѣ. Голоса: браво, правильно) **).

---

*) Изъ рѣчи г. Новицкаго въ засѣданіи Думы 27 февраля. Цит. по «Рѣчи».

**) Изъ отчета о засѣданія Думы 1 марта, напечатаннаго «Рѣчью».

Опасенія, что распространится «литература»,—играютъ рѣшающую роль. Опасенія, что голодный лишится хлѣба, больной—врачебной помощи,—повидимому, не должны играть роли. Такъ и слѣдуетъ. «Браво, правильно», ибо мудрость такихъ государственныхъ взглядовъ доказана опытомъ: вотъ въ Англіи «всѣ министры зябнутъ», а «у насъ все спокойно».

Не все, однако, и у насъ спокойно. Въ самомъ охранительномъ лагерѣ, помимо удовольствія, замѣтна и тревога. И есть для нея основанія. «Опять студенты». Кромѣ студентовъ, вдругъ, неожиданно заворошились приказчики: изъ Екатеринодара, Уфы, Рязани, Сызрани изъ многихъ другихъ большихъ и малыхъ городовъ сыплются протесты противъ предложенія коммиссіи Государственнаго Совѣта удлинить рабочій день торговыхъ служащихъ до 15 часовъ и урѣзать праздничный отдыхъ. Какъ ни зорко смотрѣло начальство, какъ ни энергически принимало мѣры, а интеллигенція прорвалась таки въ голодную деревню. Въ цѣломъ рядѣ городовъ возникло, растетъ и крѣпнетъ удивительное, специфически русское «муниципальное движеніе», и вотъ по какому поводу:

«Городская дума вычеркнула изъ смѣты необязательные расходы на полицію. Въ отвѣтъ на это администрація пріостановила сооруженіе новой линіи городского трамвая» и похоронила «въ нѣдрахъ губернскаго правленія» разработанные городомъ чертежи и проекты канализаціи *).

Городская дума «отклонила предложеніе губернатора о дополнительномъ ассигнованіи на полицію». Узнавъ объ этомъ, губернаторъ издалъ раззорительныя для домовладѣльцевъ «обязательныя поставленія объ учрежденіи сторожевой охраны», а полиціймейстеръ приказалъ «привлекать къ отвѣтственности домовладѣльцевъ, не исполняющихъ эти требованія» **).

Мнѣ уже приходилось отмѣчать факты этого рода. Горожане терпѣли, молчали. Во многихъ мѣстахъ и теперь молчатъ. Но многіе уже начали и разговаривать, — заговорили даже такія «черносотенныя» думы, какъ екатеринославская... Есть и нѣкоторыя другія частности, конечно, не слишкомъ тревожныя, но болѣе или менѣе непріятныя. А кромѣ частностей, есть разныя общія явленія довольно тревожнаго свойства. Тревожно прежде всего то, что Россія превратилась въ страну чудовищныхъ слуховъ и легендъ, гораздо болѣе опасныхъ, чѣмъ та «литература», которой боится г. Коковцовъ. Объ этой эпидеміи не разъ говорили газеты, между прочимъ, и такія, какъ «Новое Время», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Голосъ Москвы». Нѣкоторыя изъ современныхъ легендъ въ краткомъ видѣ оглашены печатью. Напомню хотя бы легенду о крайнемъ развитіи заразныхъ болѣзней, «напущенныхъ» де, чтобы «переполовинить народъ» и «забрать» землю. Легенда пригодилась и для нынѣшней продовольственной кампаніи. Одинъ изъ

*) Екатеринославъ. «Одесскія Новости», 16 февраля 1912 г.
**) Херсонъ. «Современное Слово», 11 февраля 1912 г.

слуховъ, по поводу 1912 (о раздѣлѣ панской земли) извѣстенъ всѣмъ. Пожалуй, не менѣе популяренъ, также отмѣченный печатью, противоположный слухъ о намѣреніи «отобрать землю», оставивъ «по 3 аршина на мужика» для могилки. Но, конечно, подавляющее большинство такихъ легендъ и слуховъ совершенно непередаваемо. А слухи идутъ о многомъ. Оказывается, въ глухіе низы, въ захолустнѣйшія деревушки доходятъ, Богъ вѣсть какими путями, вѣсти даже о такихъ совершенно какъ будто не стоющихъ деревенскаго вниманія персонажахъ, какъ Распутинъ; и здѣсь даже эти фигуры оказываются героями легендъ, далеко превосходящихъ петербургскія сплетни и сказки. Подобное состояніе умовъ отчасти объяснимо: слишкомъ много недоумѣній рождаетъ «успокоительный» режимъ съ его народоборчествомъ и «ставкой на сильныхъ»; для объясненія всѣхъ несообразностей, какими полна жизнь, народная мысль строитъ гипотезы, облекаетъ ихъ въ форму легендъ, пользуясь, между прочимъ, обрывками свѣдѣній, доходящихъ сверху, и передѣлывая ихъ на свой ладъ. Чѣмъ безгласнѣе страна, чѣмъ больше стиснуто ея публичное слово, тѣмъ чудовищнѣе легенда. Чѣмъ сильнѣе разочарованъ коллективный авторъ легендъ въ старыхъ цѣнностяхъ, тѣмъ меньше онъ щадитъ ихъ. И плодятся, и летаютъ слухи, по своему содержанію, повторяю, болѣе опасные, чѣмъ пресловутыя брошюры, за которыя судебная палата приговариваетъ minimum къ годичному заточенію въ крѣпость. Но независимо отъ этого,—когда «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Голосъ Москвы» говорятъ, что такое состояніе умовъ не бываетъ передъ добромъ,—они правы. Добра не жди уже потому, что данное явленіе обнаруживаетъ нѣкоторый основной и неустранимый дефектъ успокоительной системы: начальство смотритъ очень зорко, но опасность возникаетъ не тамъ, куда оно смотритъ, и не такая, которую можно преодолѣть силою оружія.

Обнаруживается, чѣмъ дальше, тѣмъ чувствительнѣе, и другой органическій порокъ успокоительнаго режима. Само по себѣ не очень опасно и даже совсѣмъ не опасно, что «студенты не хотятъ слушать *назначенныхъ* профессоровъ». Важнѣе, *почему* «не хотятъ слушать». Однимъ изъ первыхъ въ теченіе текущаго академическаго года былъ «назначенъ» сотрудникъ «Новаго Времени» г. Пиленко, и его появленіе въ петербургскомъ университетѣ въ качествѣ «назначеннаго профессора» не вызвало никакихъ инцидентовъ, о которыхъ стоило бы говорить. Проходитъ нѣкоторое время, въ томъ же университетѣ появляются два другіе «назначенные профессора» гг. Удинцовъ и Мигулинъ,—возникаютъ протесты, нежеланіе слушать. Г. Мигулинъ (профессоръ «съ либеральной репутаціей») заболѣлъ. У г. Удинцова болѣе крѣпкое здоровье, и ему предоставили возможность читать лекціи, собравъ десятка полтора «академистовъ» и поставивъ для порядка городовыхъ. Затѣмъ выступилъ «назначенный профессоръ» Локоть въ Москов-

скомъ университетѣ, и просто не нашелъ въ предоставленной ему аудиторіи ни одного слушателя, —даже академисты не явились къ исполненію своихъ непремѣнныхъ въ такихъ случаяхъ обязанностей. Очевидно, что-то случилось въ краткій промежутокъ времени между г. Пиленкомъ и г. Мигулинымъ? Что же именно? «Переломъ настроенія»? Настроеніе—вещь крайне капризная. Быть можетъ, оно и измѣнилось. Но это лишь возможно. А вотъ что несомнѣнно: за промежутокъ времени между г. Пиленкомъ и г. Мигулинымъ вполнѣ выяснилось, что министръ народнаго просвѣщенія и не думалъ отказываться отъ своего проекта создать профессоровъ, политически благонадежныхъ, какъ околоточные надзиратели, и безпрекословныхъ, какъ педеля. Оказалось, министерство старательно подыскиваетъ подходящихъ людей. Какъ и гдѣ подыскиваетъ,—легко догадаться хотя бы по такому газетному сообщенію:

„Одинъ изъ молодыхъ чиновниковъ иркутской судебной палаты получилъ отъ министерства народнаго просвѣщенія предложеніе отправиться въ Германію на казенный счетъ для подготовки къ профессорскому званію, но отклонилъ это предложеніе» *).

Какъ извѣстно, первая партія кандидатовъ, соотвѣтствующихъ поставленной цѣли, уже найдена и отправлена въ Германію за счетъ суммъ, происхожденіе которыхъ для Государственной Думы тайна. При такихъ условіяхъ энергическая перетасовка научныхъ силъ, уцѣлѣвшихъ отъ кампаніи 1910—1911 гг., и не менѣе энергическое назначеніе профессоровъ, помимо университетскихъ коллегій, или даже вопреки ихъ желанію, получаютъ характеръ какъ бы подготовки почвы къ принятію «паровыхъ ученыхъ», имѣющихъ вылупиться (на манеръ «парового цыпленка» у Г. И. Успенскаго) изъ русскихъ яицъ въ нѣмецкихъ инкубаторахъ. «Паровой профессоръ» еще не явился. Но его предугадываемый обликъ, несомнѣнно, давитъ на психику молодежи. И не только молодежи. Сама академія наукъ вышла изъ равновѣсія. Даже къ правительственному большинству третьей Думы г. Кассо не рискнулъ обратиться за поддержкой на такое дѣло. И понятно. «Паровой профессоръ» есть нѣчто столь же самоочевидное и непререкаемое, какъ «ядъ-тіоколъ»; какъ тотъ административный шантажъ, которымъ вызываются протесты со стороны самыхъ спокойныхъ элементовъ городского населенія; какъ проектъ коммисіи Государственнаго Совѣта о необходимости ухудшить положеніе приказчиковъ... Что можно сказать въ защиту подобныхъ изобрѣтеній человѣческаго генія? Ихъ можно проводить силою. На протестъ противъ нихъ можно отвѣчать такъ, какъ и отвѣчаетъ г. Кассо студентамъ,—отвѣчаетъ съ присущей ему и общеизвѣстной любовью къ учащейся молодежи, съ не менѣе общеизвѣстнымъ

*) «Сибирская Жизнь». 4 февраля 1912 г.

непоколебимымъ уваженіемъ къ закону, къ достоинству научныхъ учрежденій. Войну вести можно; палить изъ пулеметовъ и осадныхъ орудій можно. Но нельзя отдѣлаться отъ мысли, что «паровой профессоръ» въ качествѣ повода войны—вещь, чрезвычайно неудобная. Между тѣмъ предсказаніе, что успокоительный режимъ фатально ведетъ къ переполненію жизни такими неудобными для охранителей поводами, исполняется съ буквальною точностью.

Вотъ сейчасъ, когда я это пишу, разгорается стычка возлѣ процесса партіи Дашнакцутюнъ. Стычка небольшая,—не забастовка, въ самомъ дѣлѣ, англійскихъ углекоповъ. Но «малъ золотникъ, да дорогъ». Ничего особеннаго,—просто судебный слѣдователь Лыжинъ принялъ нѣкоторыя мѣры къ отягченію участи подсудимыхъ, квалифицируемыя печатью, какъ подлоги, допросы несуществующихъ свидѣтелей и т. д., при чемъ кто-то выкралъ изъ особаго присутствія сената часть вещественныхъ доказательствъ, которыя, по мнѣнію защитниковъ, могли бы служить уликой противъ г. Лыжина. До такой степени тутъ нѣтъ ничего особеннаго, что даже «Голосъ Москвы» пишетъ:

„отъ Петербурга до Кавказа вездѣ то же самое... Одновременность обнаруживающихся язвъ (не только на данномъ, но и на рядѣ другихъ процессовъ) указываетъ на огромное ихъ количество, и всѣ эти слѣдователи не устранены отъ дѣлъ, въ ихъ рукахъ судьба массы людей и весьма проблематична кара въ грядущемъ. Вѣдь, это обычно, такъ всѣ дѣлаютъ въ глухихъ, покрытыхъ тайною и мракомъ слѣдственныхъ коридорахъ. Въ этомъ-то и весь ужасъ».

«Всѣ такъ дѣлаютъ», по мнѣнію офиціоза октябристовъ. Я думаю,—это неправда. Конечно, не всѣ слѣдователи такъ дѣлаютъ. Но многіе—да. Иногда это дѣлаютъ просто изъ озорства,—вотъ какъ пишетъ тотъ же «Голосъ Москвы»:

«одинъ слѣдователь держалъ пари, что упрячетъ такого-то въ тюрьму и для этого преувеличилъ въ протоколѣ осмотра вдвое размѣры риги, въ поджогѣ которой обвинялся подсудимый» *).

Но чаще всего на этомъ строится карьера. Между прочимъ, г. Лыжинъ не новичекъ. Онъ прославился на процессѣ «Новороссійской республики». О его подвигахъ еще въ 1909 г. довелъ со свѣдѣнія министра юстиціи военный судъ. Извѣстно, къ чему это привело: военный судъ подвергся обвиненіямъ въ политической неблагонадежности, а г. Лыжинъ получилъ формально—замѣчаніе «за небрежность», реально—крупное повышеніе (назначенъ на должность члена судебной палаты). Не всѣ такъ дѣлаютъ. Но всякое стараніе отягчить участь привлекаемыхъ къ отвѣтственности по политическимъ дѣламъ цѣнится и награждается. Это—порядокъ, столь же неизбѣжный по вѣдомству г. Щегловитова, какъ «боевой

*) Цит. по „Кіевской Мысли“ 18 февраля 1912 г.

академизмъ» по вѣдомству г-на Кассо. Система требуетъ такого отношенія къ политическому подсудимому. Приходится отстаивать и эту систему, и необходимые къ ней придатки. Но когда на знамени, подъ которымъ воюетъ г. Кассо, исторія ставитъ помѣтку: «смерть Иглицкаго», на знамени г. Щегловитова та же исторія вписываетъ слово: «Лыжинъ», положеніе создается не изъ самыхъ пріятныхъ.

Начинаютъ принимать болѣе опредѣленную форму и общія тенденціи слѣдствія успокоительной системы. Въ газетахъ читаемъ:

„21 февраля состоялось экстренное рязанское губернское дворянское собраніе, на которомъ губернскій предводитель дворянства В. А. Драшусовъ доложилъ *циркуляръ министра финансовъ о предоставленіи обезземелившимся дворянамъ права льготной покупки у крестьянскаго банка нераспроданныхъ участковъ земли въ размѣрѣ ценза*" *).

Собственно, надѣленіе землею безземельныхъ лицъ привиллегированнаго состоянія началось давно,—еще при П. А. Столыпинѣ. Сначала это шло потихоньку, молчкомъ. Затѣмъ все смѣлѣе и смѣлѣе. По словамъ г. Шингарева (рѣчь въ засѣданіи Думы 29 февраля),—

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ былъ изданъ циркуляръ по крестьянскому банку о томъ, чтобы изъ участковъ земли, оставшихся за банкомъ, тамъ, гдѣ есть усадьбы, продавались участки частнымъ лицамъ. Этотъ циркуляръ прошелъ въ совѣтѣ управленія землеустройствомъ и земледѣліемъ, обсуждался и въ совѣтѣ министровъ... Мы знаемъ, какъ во Владимирской, Калужской, Смоленской и другихъ губерніяхъ шло образованіе участковъ, знаемъ, какъ совершались рекомендаціи изъ Петербурга: „обратите вниманіе на такого-то, покажите такому-то подходящій участокъ". Нѣсколько тысячъ десятинъ продано такимъ образомъ, вопреки явному смыслу устава банка **).

Г. Коковцовъ призналъ эти свѣдѣнія г. Шингарева въ основѣ правильными и пояснилъ ихъ цифровыми справками. Всего, по словамъ предсѣдателя совѣта министровъ, изъ земельнаго фонда крестьянскаго банка выдѣлено 498 «культурныхъ гнѣздъ» пространствомъ въ 38.000 дес.; «правительство не хочетъ распродать ихъ крестьянамъ»; изъ нихъ 91 участокъ «переданъ земскимъ учрежденіямъ подъ школы, питомники и другія культурныя предпріятія, 400 же гнѣздъ частью распроданы, а частью распродаются и по цѣнамъ не дешевымъ» ***). Словомъ назначеніе «культурныхъ гнѣздъ» давно опредѣлено, и опредѣленіе это частью уже выполнено. Теперь, повидимому, на очередь ставится реформа болѣе обширнаго характера. По свѣдѣніямъ «Русскаго Слова», министромъ финансовъ «послана предводителямъ дворянства для доклада

*) „Русское Слово", 23 февраля 1912 г.

**) Цитирую по «Рѣчи» (№ 1 марта), опуская всѣ указанія г. Шингарева на то, что фактически «частнымъ лицамъ» продаются полные цензовые участки. Это послѣднее указаніе оспаривалъ г. Коковцовъ.

***) Рѣчь г. Коковцова въ засѣданіи Думы 1 марта.

дворянскимъ собраніямъ особая циркулярная бумага»; вообще о снабженіи именно «обезземелившихся дворянъ» землею за счетъ фонда крестьянскаго банка. Циркуляръ предлагаетъ слѣдующія льготныя условія:

дворяне при покупкѣ цензовыхъ участковъ оплачиваютъ только 10% покупной стоимости, 60% выдаются въ ссуду дворянскимъ поземельнымъ банкомъ, а остальная сумма (30%) уплачивается покупщикомъ въ 6 лѣтъ *).

Рязанское дворянское собраніе однимъ изъ первыхъ обсудило это предложеніе, разсмотрѣвъ его и съ формальной стороны, и по существу. Формальная сторона не всѣхъ удовлетворила. По словамъ члена собранія г. Новикова, бывшаго саратовскаго вице-губернатора,

«нужно, чтобы вопросъ прошелъ въ законодательномъ порядкѣ, а не въ видѣ циркуляра министра. Министры мѣняются часто, мѣняются и циркуляры. Кто попалъ подъ дѣйствіе настоящаго циркуляра—счастливъ, а другимъ, можетъ быть, такого счастья получить не придется» *).

Черезъ Думу, понятно, провести такой вопросъ не легко. Но есть 87 статья, еще лучше—«порядокъ управленія». Это все таки прочнѣе, чѣмъ циркуляръ министра, проводящій столь важную и столь крупную мѣру. По существу же, собраніе признало «реформу» очень благодѣтельной для дворянскаго сословія, но предлагаемыя министромъ финансовъ льготы недостаточными:

Членъ крестьянскаго банка, по выбору отъ губернскаго земства, В. И. Кудрявцевъ внесъ предложеніе ходатайствовать о выдачѣ дворянамъ ссудъ въ размѣрѣ 95% покупной стоимости земли. Далѣе В. И. Кудрявцевъ предложилъ ходатайствовать о порученіи крестьянскому банку продавать земли безземельнымъ дворянамъ по той цѣнѣ, по которой онѣ были куплены:

— Хозяйство крестьянскаго банка—говорилъ г. Кудрявцевъ—ведется нераціонально. Штатъ служащихъ у него большой, а порядка нѣтъ. Имѣнія даютъ убытокъ. Чиновники разъѣзжаютъ и получаютъ по 25 руб. суточныхъ. Всѣ эти непроизводительные расходы увеличиваютъ стоимость земли.

Собраніе сочувственно отнеслось къ этимъ мыслямъ и постановило ходатайствовать:

1) о выдачѣ безземельнымъ дворянамъ ссудъ въ размѣрѣ 95% покупной стоимости земли;

2) объ освобожденіи крѣпостныхъ актовъ на земли, коими имѣютъ быть надѣлены безземельные дворяне, отъ крѣпостныхъ пошлинъ ***).

Рѣчи резонныя. Дѣла не совсѣмъ открытыя, но въ достаточной мѣрѣ среди бѣла дня. Дальше, безъ сомнѣнія, они пойдутъ еще откровеннѣе. И ничего тутъ нѣтъ неожиданнаго,—наоборотъ, все послѣдовательно и логично. Нѣтъ ничего неожиданнаго и въ об-

---

*) «Русское Слово», 25 февраля.

**) „Русское Слово", 23 февраля.

***) «Русское Слово», 23 февраля.

ратной сторонѣ медали, — въ обезземеленіи крестьянства, принимающемъ нынѣ грозные размѣры: оно предусмотрѣно еще въ тѣхъ совѣщаніяхъ, которыя предшествовали 9 ноября 1906 г. Все разыгрывается, «какъ по нотамъ». Но музыка получается такая, что, по сравненію съ нею, и «паровые профессора» и всѣ Лыжины, вмѣстѣ взятые—игрушка. Тутъ нечего комментировать, — просто, читай псаломъ царя Давида:

— «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его».

Конечно, ни молитвой, ни крестомъ «не запугаете». Но то интеллектуальное впечатлѣніе, какое производитъ эволюція успокоительнаго режима, не остается только интеллектуальнымъ. Оно, какъ и всѣ вообще интеллектуальныя величины, обладаетъ свойствомъ воплощаться въ матеріальныя формы. Поясню примѣромъ,— однимъ изъ многихъ.

Въ Царевскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи нѣкто Кошелевъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности по 29 ст. уст. о наказ. за раздачу голодающему населенію муки, купленной на средства, присланныя императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ. Кромѣ того, царевскій исправникъ возбудилъ вопросъ о привлеченіи къ судебной отвѣтственности нѣкоего Бѣляева за точно такое же преступленіе, какое совершилъ и Кошелевъ *).

Правильно, логично. И наравнѣ со многими другими, столь же логичными, проявленіями успокоительнаго режима, этотъ мелкій фактъ, повторяю, не требуетъ поясненій, и лишь хочется наивно, по-дѣтски сказать:

— Господи, что же это такое? Неужели дѣйствительность, а не навожденіе?

Но этимъ г. Коковцова не смутишь. Гораздо серьезнѣе, съ его точки зрѣнія, нѣкоторыя матеріальныя выраженія естественныхъ чувствъ, рождаемыхъ такими фактами. А матеріализація происходитъ: обывателя Бѣляева за раздачу голоднымъ муки, купленной на средства вольно-экономическаго общества, царевскій исправникъ привлекаетъ къ судебной отвѣтственности; и тотъ же самый обыватель Бѣляевъ за то же самое преступленіе уже получилъ благодарность отъ губернатора. Такъ выходитъ въ частномъ случаѣ. Такъ и вообще. Не разрѣшать сборъ пожертвованій, не позволять частной помощи, на выстрѣлъ не подпускать интеллигенцію къ голодной деревнѣ. Но силы, собранныя для выполненія этого вполнѣ логичнаго въ данной системѣ распоряженія, оказываются не въ состояніи выдержать характеръ. Кто-то слабѣетъ, кто-то колеблется, кто-то тайно измѣняетъ, кто-то явно поддается естественному чувству человѣколюбія. Въ результатѣ: прорывъ кордона, «колосъ ржи»; энергическое искорененіе частной помощи рядомъ съ нѣкоторымъ «попустительствомъ» ей. Такимъ же точно свой-

---

*) „Рѣчь", 25 февраля.

ствомъ обладаютъ, конечно, и другія логическія послѣдствія режима, выясняющіяся на нашихъ глазахъ. Одно дѣло — охрана, направленная въ защиту «отъ революціи»; и во многихъ отношеніяхъ другое дѣло—та же охрана, направленная въ защиту надѣленія безземельныхъ дворянъ землею; въ случаяхъ, подобныхъ этому послѣднему, самая крѣпкая сталь легко размягчается, а иногда прямо превращается въ свинецъ. Догадливые люди — и г. Меньшиковъ въ ихъ числѣ—уже подмѣтили это постепенное превращеніе охранной стали Столыпина въ охранный свинецъ Коковцова. Г. Меньшиковъ уже взываетъ къ консуламъ. Но—увы!—консулы тутъ такъ же безсильны, какъ и въ борьбѣ съ легендами и слухами, гуляющими по землѣ русской. Жизнь заставляетъ занимать позиціи, членораздѣльная защита которыхъ затруднительна. Для защиты же нечленораздѣльной въ изобиліи заготовлены средства. Но ихъ боевыя качества тѣмъ ниже, чѣмъ незащитимѣе позиція въ порядкѣ словесномъ. Чтобы угадывать, къ чему ведетъ такое «спокойствіе», вовсе не надо быть пророкомъ.

II.

Первому «всероссійскому національному съѣзду» предшествовали большія приготовленія. И на него возлагались большія надежды. Его заранѣе называли «національнымъ собраніемъ». Собралось оно и убѣдило г. Меньшикова, что «въ кассѣ всего 59 рублей», а «враги злорадствуютъ, подсчитывая скромныя силы нашей партіи» *). Но враги суть враги, — чего отъ нихъ путнаго дождешься? Гораздо хуже, что и друзья нынѣ дѣйствующаго «національнаго курса» пишутъ нехорошо. По мнѣнію, напр., г. Маркова II въ «Земщинѣ», «всероссійскій національный союзъ» со всѣми его столичными и провинціальными отдѣлами даже не партія, а такъ ни то, ни се, — «междупартія», которую составилъ покойный Столыпинъ частью прямо изъ чиновниковъ, частью изъ «обивателей министерскихъ пріемныхъ и поглотителей сановныхъ чашекъ чаю». Другой не менѣе ревностный сторонникъ «національнаго курса» кн. М. Волконскій нѣсколько мѣсяцевъ назадъ писалъ въ «Русскомъ Знамени», что для «партіи націоналистовъ» въ Россіи вообще нѣтъ почвы; въ странѣ, по мнѣнію кн. М. Волконскаго, есть правые, есть лѣвые; помимо этихъ основныхъ элементовъ, есть среднiй межеумочный слой—октябристы, но нѣтъ націоналистовъ; это—искусственный продуктъ, такъ сказать, политическій гомункулюсъ, сфабрикованный бюрократіей, и при томъ для цѣлей, въ значительной мѣрѣ искусственныхъ и фальшивыхъ; бюрократія собрала людей, съ которыми можно обра-

*) „Новое Время“, 21 февраля 1912 г.

щаться, какъ съ «казенной вещью», назвала ихъ «націоналистами», и сдѣлала это потому, что ей

хочется играть въ конституцію и желательно имѣть свою „партію“ въ „парламентѣ“ *).

О «врагахъ» помолчимъ. Но друзья «нашей партіи» кое въ чемъ отступаютъ отъ истины. Въ частности, они приписываютъ родителямъ «всероссійскаго національнаго союза» (П. Столыпину, г.г. Меньшикову, Балашеву и др.) не совсѣмъ тѣ замыслы, какіе на самомъ дѣлѣ были. «Союзъ» возникъ въ 1908 г. Его учредители гласно ставили своею цѣлью собрать и сплотить націоналистическіе элементы государственной народности. Цѣль, очевидно, не достигнута. Но отсюда не слѣдуетъ, что для нея въ странѣ нѣтъ почвы. Почва, конечно, есть. Въ томъ-то и горе націоналистовъ, въ томъ и комизмъ ихъ неудачи, что для націоналистической партіи вообще въ Россіи очень много почвы. Они весьма хотятъ кушать, но не кушаютъ, потому что не могутъ переварить. И только на первый взглядъ это можетъ казаться парадоксомъ.

Подъ націоналистическое знамя въ Россіи можно было собрать силы даже въ тѣ спокойныя и отдаленныя времена, когда большой сановникъ саркастически просилъ произвести его въ нѣмцы. О причинахъ перегруженія верхнихъ и среднихъ слоевъ бюрократіи инородцами можно долго говорить и спорить. Лично я полагаю, что, помимо разныхъ личныхъ вліяній, много значитъ общее направленіе внутренней политики, которое давно уже не соотвѣтствуетъ ни взглядамъ и понятіямъ образованнаго русскаго общества, ни сознаннымъ потребностямъ широкихъ массъ народа. Чтобы проводить такую политику, нужны дѣятели, способные не стѣснять себя понятіями, господствующими среди образованнаго общества, и не очень задумываться о сознанныхъ страною потребностяхъ. Государственная — русская — народность не давала и доселѣ не даетъ достаточнаго контингента дѣятелей, приспособленныхъ къ реакціонному (за рѣдкими исключеніями) политическому курсу. И реакція давно уже черпаетъ недостающія, но необходимыя для нея служебныя силы среди инородцевъ. Крупнѣйшими поставщиками по этой части являются нѣмцы. Въ послѣдніе годы съ ними довольно успѣшно ведутъ конкурренцію молдаване. Но это — вопросъ о причинахъ заполненія административной лѣстницы инородцами, — такъ сказать, «философія». Само же по себѣ заполненіе или, какъ выражаются націоналисты, «инородческое засилье» въ правящихъ кругахъ есть несомнѣнный фактъ. И уже оно — вода на колесо націоналистической мельницы. Но это вода старая. Теперь появились новыя и, быть можетъ, болѣе мощныя воды.

Съ верхними и средними слоями чиновничества непосредственно

*) Пользуюсь перепечаткой въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ“, 23 іюня 1911 г.

сталкивается по преимуществу «чистая публика», среди которой не мало грамотныхъ людей, умѣющихъ понять простую истину: какое бы положеніе ни заняли г.г. Гурляндъ и Крыжановскій, дѣло не въ ихъ національности, а въ чисто личныхъ талантахъ и качествахъ, необходимыхъ при нынѣшнемъ режимѣ. Повальное смѣшеніе этихъ элементарныхъ понятій возможно лишь въ малокультурныхъ низахъ. Но низы со средними и верхними слоями бюрократіи непосредственно сталкиваются въ рѣдкихъ случаяхъ. Есть, конечно, исправники, становые, земскіе и даже урядники «не русскаго происхожденія». Но, если оставить въ сторонѣ западные районы, имѣвшіе особую исторію, то до 1905 года въ великорусскихъ, центральныхъ губерніяхъ основная масса населенія съ инородцемъ, какъ носителемъ государственной власти, лично знакомилась лишь эпизодически. Пожалуй, больше давалъ себя чувствовать инородецъ въ качествѣ представителя вотчинной власти,—помѣщикъ или управляющій барской экономіей. Но и въ такомъ видѣ онъ—говорю опять таки о центральныхъ губерніяхъ— не былъ сплошнымъ явленіемъ, не окрашивалъ сословную среду, а наоборотъ, самъ принималъ сословную окраску: владѣютъ нами бары, а среди нихъ случаются «нѣмцы»—вотъ и все. Съ 1905 г. положеніе измѣнилось. Таланты и качества, соотвѣтствующіе режиму, понадобились въ усиленномъ размѣрѣ для массового, всенароднаго употребленія. За недостачею такихъ талантовъ среди русскихъ, пришлось обратиться къ инородцамъ. Много всякой всячины отсюда произошло. Но, чтобъ не углубляться въ эту сложную тему, отмѣчу лишь одну деталь: возникли, напримѣръ, совершенно новыя и едва ли предусмотрѣнныя закономъ учрежденія, которыя украшены вывѣсками: «Черкесское управленіе А—скаго уѣзда», «управленіе черкесской команды Б—скаго уѣзда» и т. п. Долженъ признаться: когда я впервые въ одномъ изъ городовъ Орловской губерніи увидѣлъ такую вывѣску, то почувствовалъ нѣкоторую оторопь. Невольно вырвалось замѣчаніе:

— Что, такое? Не можетъ быть...

Но, конечно, «черкесскія управленія» не только могутъ, но и должны быть. Для надобностей охраны въ городахъ и уѣздахъ сосредоточено не мало ингушей, осетинъ, татаръ и другихъ кавказскихъ народцевъ. Въ большинствѣ, они состоятъ въ сущности на частной службѣ (у заводовъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ и пр.). Но жалованье имъ считается какъ бы пособіемъ казначейству на усиленіе полицейской стражи. А потому и сами ингуши или осетины числятся должностными лицами полиціи, стражниками. Они не только люди особой націи, но и положеніе ихъ особое, двойственное. Для нихъ, естественно, понадобились и особыя инструкціи, особыя правила субординаціи, особые начальники. Такъ и возникли «черкесскія управленія», состоящія въ очень сложныхъ отношеніяхъ къ общей, сыскной и жандармской поли-

ціи. Самыя слова: «черкеское управленіе», звучатъ великолѣпно. Но надо еще знать, изъ какихъ «черкесовъ» эти управленія комплектуются. Въ 1906 году газеты сообщали о комиссіонерахъ, отправляемыхъ изъ центральныхъ губерній на Кавказъ: они вербовали охотниковъ, заключали съ ними контракты, везли ихъ на мѣсто службы и т. д. Способъ громоздкій и очень дорогой. Средства удешевить его скоро нашлись. Съ Кавказа въ административномъ порядкѣ очень энергически высылаются «преступные элементы». Мѣстомъ ссылки администрація назначаетъ нерѣдко «русскія»,—въ частности, центральныя губерніи. И, напримѣръ, въ Тульской губерніи почти всѣ такіе административно-ссыльные кавказцы, оказывается, «немедленно находятъ себѣ мѣста въ качествѣ стражниковъ, объѣздчиковъ, управляющихъ» *). Дешево и удобно: казна привозитъ «черкесовъ», казна увозитъ, и такъ какъ они люди не вольные, то и жалованье ихъ не Богъ вѣсть какое. Такимъ образомъ, полудикарь почти тотчасъ по водвореніи его на мѣсто ссылки становится властью. Власть сама по себѣ опьяняетъ полудикаго человѣка. Сверхъ того, это—полудикарь, насильственно оторванный отъ семьи, отъ родной природы, обреченный на тоску по родинѣ, обостряющую затаенное чувство мести ко всѣмъ тѣмъ, кого онъ считаетъ виновниками своего несчастья. Что отсюда выходитъ? Беру для примѣра краткое изложеніе нѣсколькихъ судебныхъ дѣлъ, «накопившихся за послѣднее время» въ Тульской губерніи.

Дѣло Суфи-Юсуфъ-Оглы:

Суфи-Юсуфъ пилъ чай, ему стало скучно, онъ снялъ со стѣны ружье, заряженное крупной дробью, и сказалъ, что пойдетъ *«бить руски человѣки»*; онъ вышелъ на крыльцо и выстрѣлилъ въ толпу стоящихъ плотниковъ, — одного, по фамиліи Шацкаго, убилъ, двоихъ, Козлова и Шурочкина, ранилъ.

Дѣло Тоната-Шахбанъ-Оглы, управителя имѣнія Голополосовыхъ въ Чернскомъ уѣздѣ:

Тонатъ-Шахбанъ загналъ изъ барскаго лѣса въ усадьбу цѣлую партію женщинъ, среди которыхъ была крестьянка Рыжова. На выручку Рыжовой явились ея мужъ и братъ. Тонатъ-Шахбанъ двумя выстрѣлами убилъ обоихъ

Дѣло 1) Шахбана-Гаджи-Навризъ-Оглы, 2) Оруджа-баладжа-оглы, 3) Абдусалама-Нуръ-Магометъ-оглы и 4) Магомета-Шика-оглы:

всѣ четверо пошли гулять по городу Ефремову, и во время прогулки нѣсколькихъ прохожихъ ранили, стражника Боровскаго убили, двухъ городовыхъ тяжело ранили **).

Много такихъ дѣлъ накопилось въ Тульской губерніи за послѣдніе годы. Болѣе же «мелкіе факты буйства, звѣрства, избіенія жителей и насилія надъ женщинами стали обычнымъ явленіемъ» ***).

*) «Русское Слово», 12 января 1912 г.

**) «Русское Слово», 12 января 1912 г.

***) Тамъ же.

«Бить руски человѣки»... Да и какъ же иначе? Вѣдь каждый такой Суфи-Юсуфъ-оглы твердо знаетъ, что именно «руски человѣки» пришли къ нему въ аулъ, забрали, посадили, увезли далеко-далеко отъ жены, дѣтей, отца, матери.. Повторяю, «черкесскія управленія» — лишь деталь. Послѣ 1905 г. народные низы познакомились не только съ «черкесомъ». Узнали они, даже въ деревняхъ, и шпіона изъ поляковъ, и провокатора изъ евреевъ. Не надо забывать, далѣе, что нынѣшнее время—не совсѣмъ обыкновенное. Въ народѣ происходитъ нѣкоторое идейное броженіе. Вниманіе глубокихъ низовъ сильнѣе, чѣмъ въ спокойныя эпохи, привлечено къ общегосударственнымъ вопросамъ и явленіямъ. Отъ него, судя по всему, не ускользнула инородческая подмѣсь въ правящихъ кругахъ. И такимъ образомъ на взглядъ снизу представляется законченная, цѣльная картина: тамъ «нѣмцы», здѣсь «черкесы». Не забудемъ также, что серьезнѣе, чѣмъ прежде, низы столкнулись съ инородческимъ вопросомъ и на экономической почвѣ. Краткости ради опять таки напомню лишь одну изъ частностей—борьбу деревни съ крестьянскимъ банкомъ. Сложными причинами обусловлена эта борьба. Но въ нее, и съ той, и съ другой стороны внесены и нѣкоторыя политическія соображенія. Банкъ ставитъ «политическія цѣны» на скупленную имъ землю и ради извѣстныхъ политическихъ цѣлей продаетъ ее только отрубными участками, только въ «единоличную собственность». Мѣстные крестьяне, отчасти по «политическимъ соображеніямъ», не покупаютъ земли на предложенныхъ условіяхъ, — такъ сказать, «выдерживаютъ характеръ». Извѣстно, какъ сламывается этотъ своеобразный «бойкотъ». Въ Орловской, Тамбовской, Смоленской губерніяхъ банкъ распродаетъ свои участки эстамъ, латышамъ, въ Тульскую и Пензенскую губерніи зовутъ на помощь «хохловъ», какъ въ Черниговскую и Полтавскую—«кацаповъ». «Наши» вынуждены «переселяться», Богъ знаетъ куда, — въ далекую Сибирь. На земли, лежащія возлѣ «насъ» и «намъ самимъ до зарѣзу нужныя», по вызову начальства водворяется иноплеменный чужакъ, къ которому тѣмъ меньше лежитъ сердце, что онъ является отчасти въ роли, аналогичной штрейкбрехеру.

Для различныхъ слоевъ, быть можетъ, и не столь глубокихъ, но весьма широкихъ, конкретнѣе и острѣе, чѣмъ въ былые годы, сталъ вопросъ и объ иноземцахъ. Кіевскій, національный клубъ, на основаніи данныхъ о промысловомъ налогѣ, пришелъ къ любопытнымъ выводамъ: за послѣднія 6 лѣтъ (съ 1905 по 1911 г.) «русскія» торговопромышленныя предпріятія Кіева медленно, но неизмѣнно падаютъ,—общій оборотъ сократился на 3,18%; въ то же время иностранныя предпріятія въ Кіевѣ быстро растутъ: ихъ общій оборотъ увеличился почти въ полтора раза, — на 42% *).

*) «Новое Время», 14 февраля.

Къ цифрамъ національнаго клуба можно и должно относиться къ крайней осторожностью, но фактъ экономическаго завоеванія страны чужеземцами остается фактомъ. Распродается Уралъ. Распродаются другія богатѣйшія по природнымъ даннымъ мѣстности. Распродаются свидѣтельства ипотечныхъ банковъ,—не исключая и государственнаго крестьянскаго. Помимо прямой распродажи оптомъ и въ розницу, страна стиснута послѣдствіями непосильной для нея (при нынѣшней общей и экономической политикѣ) внѣшней задолженности. Со времени организованнаго гр. Витте знаменитаго $2^1/_2$—милліарднаго займа, помогшаго рѣшить судьбу манифеста 17 октября и первой Думы, внѣшній долгъ страшно выросъ и продолжаетъ рости. Вопросъ о своевременной уплатѣ процентовъ по внѣшнимъ займамъ получилъ прямо таки роковое значеніе. Отсюда небывало лихорадочныя усилія всѣми правдами и неправдами «поощрять» вывозную торговлю, поддерживать разсчетный балансъ. Результаты извѣстны. О нихъ теперь говорятъ уже не лѣвые, не соціалисты, а такіе органы, какъ, напр., «Новое Время», «Петербургская Газета», «Петербургскій Листокъ».

— Иностранцы берутъ у насъ лучшій хлѣбъ и тамъ, заграницей, онъ продается дешевле, чѣмъ у насъ хлѣбъ плохой. Иностранцы берутъ отъ насъ лучшее масло, лучшіе сорта яицъ, и тамъ, заграницей, эти наши продукты продаются дешевле или, по крайней мѣрѣ, не дороже, чѣмъ то худшее, что остается у насъ. Иностранцы создали въ Россіи цѣлыя предпріятія по выкормкѣ русскаго скота на убой, — лучшее по спеціальному дешевому тарифу и въ спеціально приспособленныхъ вагонахъ-холодильникахъ везутъ заграницу, худшее остается въ Россіи и распредѣляется на внутреннемъ рынкѣ по дорогому тарифу и при посредствѣ первобытныхъ вагоновъ и еще болѣе первобытныхъ проселочныхъ дорогъ, позволяющихъ перевозить лишь живой скотъ; и вотъ плоды: австралійская баранина въ Петербургѣ, оказывается, можетъ быть продаваема дешевле, чѣмъ баранина русская. Не говоря уже о русскомъ сахарѣ, но и русская кожа, русская птица, русская щетина, даже русская клюква и русскіе грибы въ Берлинѣ не дороже или дешевле, чѣмъ въ Пензѣ или Тамбовѣ. Мы отдаемъ за дешево иностранцамъ лучшія произведенія нашей земли и изъ своего кармана покрываемъ убытки на вывозномъ тарифѣ.

Повторяю, я беру нареканія частью изъ «Новаго Времени», преимущественно же изъ желтой прессы. Послѣдняя многое огрубляетъ, иное неосновательно обобщаетъ; обо всемъ этомъ она трактуетъ въ связи съ злободневнымъ вопросомъ о непомѣрно растущей дороговизнѣ, которая, конечно, зависитъ не только отъ политики, направленной къ поощренію вывозной торговли. Но массовой обыватель еще менѣе, чѣмъ желтая пресса, способенъ разбираться въ тонкостяхъ. Онъ знаетъ факты, которые больно бьютъ его по карману и больно задѣваютъ національное чувство. И не только они задѣваютъ.

Припомните хотя бы нескончаемые разговоры о «диктовкахъ изъ Берлина». Какъ началось легендами 1905—1906 г., что «Берлинъ не позволяетъ ввести самоуправленіе въ царствѣ польскомъ», «Берлинъ запрещаетъ принудительное отчужденіе», такъ и до сихъ поръ продолжается, Константинопольскаго посла неожиданно удалили въ сенатъ, — говорятъ и пишутъ: «опять Берлинъ». И уже одна живучесть такихъ легендъ, ихъ кредитъ, легкость, съ какою онѣ возникаютъ, является признакомъ обостренія національнаго чувства и самолюбія.

Почва для националистической партіи именно теперь крайне благопріятна. Я бы сказалъ даже: до опасной степени благопріятна. Не надо закрывать глаза, что накопляемое въ странѣ національное раздраженіе численно преобладающей народности въ ближайшемъ будущемъ можетъ привести къ обиднымъ, вреднымъ неожиданностямъ и эксцессамъ... Силы, во всякомъ случаѣ, есть. Но причемъ тутъ г.г. Балашевы и Меньшиковы?

III.

Нынѣшнее положеніе русскаго національзма не совсѣмъ безпримѣрно. 300 лѣтъ назадъ, до національной побѣды подъ гегемоніей нижегородцевъ, уже было нѣчто подобное: съ одной стороны, чрезвычайная острота національнаго чувства; съ другой,—открытыми, «прямыми» націоналистами рисковали быть только такіе крѣпкіе люди, какъ патріархъ Гермогенъ, — за что частенько и попадали иные въ острогъ, а иные на плаху. Аналогичный разладъ между инстинктомъ націи и политикою руководящихъ круговъ наблюдается и нынѣ: самыя причины раздраженія національнаго чувства таковы, что оно является силой, невозможной для правительственныхъ «союзовъ», слишкомъ острой для оппозиціонно-либеральныхъ партій, и способной вмѣститься развѣ только въ революціонномъ подпольѣ; но тамошніе аборигены въ національзмъ не играютъ, да и самъ обыватель—массовой, средній—туда не пойдетъ, ибо, между прочимъ, страшновато. Существуетъ, такимъ образомъ, свободная, непристроенная сила. Всѣ около нея ходятъ вокругъ да около. А прибрать къ рукамъ никто не можетъ. Г.г. Меньшиковъ и К° спеціально углубились въ рѣшеніе задачи, какъ «прибрать» непристроенную силу. Но, когда они пытаются проводить въ жизнь свою оффиціальную, неизбѣжную для каждой националистической партіи программу, то выходитъ у нихъ не столько политическая пропаганда, сколько вольное подражаніе «Вампукѣ». Два-три примѣра въ поясненіе.

Важнѣйшій, фундаментальный пунктъ націоналистической программы: русская народность должна быть господствующей... Гр. В. Бобринскій чрезвычайно охотно примѣнилъ этотъ лозунгъ къ Холмщинѣ. Но отчего бы ему не вести пропаганду въ находящихся

подъ «черкесскимъ управленіемъ» деревняхъ Тульской и Орловской губерній? «Мы возстаемъ — пишетъ г. Меньшиковъ — противъ заполненія» не русскими народностями «важнѣйшихъ нашихъ государственныхъ... позицій» *). «Русское Знамя», пишетъ: въ Варшавѣ (національный аванпостъ)

«генералъ-губернаторъ Скалонъ; помощникъ его по гражданской части Антоній Оттовичъ Эссенъ; помощникъ генералъ-губернатора по полицейской части... Левъ Карловичъ Утгофъ»..,

«Мы возстанемъ»... «мы возстанемъ», Право же, это—куплеты изъ «Вампуки».

Въ принятой «всероссійскимъ съѣздомъ націоналистовъ» избирательной платформѣ читаемъ: «усиленіе военной мощи имперіи». Резонъ. И націоналистамъ легко ввести этотъ резонъ въ предвыборную агитацію. Начальство охотно разрѣшаетъ имъ собранія. Зачѣмъ же дѣло стало? Устраивайте митинги. Собирайте народъ, попытайтесь говорить на собраніяхъ хотя бы только то, что писалось и пишется въ «Новомъ Времени», предоставьте возможность откровенно обсудить этотъ вопросъ... Успѣхъ, навѣрное, обезпеченъ... Силы вокругъ лозунга о военной мощи собрать можно бы. Но это была бы очень плохая услуга г. Коковцову,—отъ которой онъ, впрочемъ, надлежаще гарантированъ: и націоналистамъ полиція не позволитъ разговаривать въ серьезъ на столь опасную тему.

Для позволительныхъ разговоровъ требуются, очевидно, темы, удовлетворяющія двухъ основнымъ условіямъ: 1) чтобы было національно, 2) чтобы не было опасно. Вотъ, напримѣръ, двѣ газеты, «Московскія Вѣдомости» и «Земщина» обсуждали: не пора ли изъ Четьихъ-Миней и Святцевъ исключить святыхъ, хотя и канонизированныхъ православною церковью, но несомнѣнно происходящихъ изъ зловреднаго еврейскаго племени. Взвѣсивъ доводы за и противъ, «Земщина» въ концѣ концовъ пришла къ выводу, что исключать старыхъ святыхъ не слѣдуетъ изъ опасенія вызвать «внутренній церковный бунтъ», но на будущее время необходимо принять мѣры, чтобы евреи отнюдь не могли угождать христіанскому Богу и пріобрѣтать святость. Одна изъ такихъ мѣръ состоитъ въ томъ, что бы дѣти евреевъ, принявшихъ христіанство, ни въ какомъ случаѣ не были принимаемы въ духовныя учебныя заведенія. Прекрасная тема: политически безопасно, а «національныхъ чувствъ», хоть отбавляй.

Г. Меньшиковъ, пользуясь книгой Чемберлена и другими чужеземными источниками, требуетъ отвергнуть ученіе церкви, что Іисусъ Христосъ плотски рожденъ, согласно пророчествамъ, изъ «колѣна Іудина» «рода Давидова». По мнѣнію г. Меньшикова, «Христосъ и по крови, и по духу, и по убѣжденіямъ, и по религіознымъ воззрѣніямъ происходилъ изъ хеттеевъ, а хеттеи—арійцы».

*) «Новое Время», 16 февраля 1912 г.

Въ то же время сначала кіевскіе націоналисты, а потомъ «Земщина» открыли походъ противъ признаваемыхъ церковью священными книгъ Ветхаго завѣта: Библія ветхозавѣтная написана де евреями, а слѣдовательно, и почитаніе ея оскорбительно для русскаго національнаго чувства; а установилось между тѣмъ не только почитаніе: еврейскія событія, записанныя евреями въ еврейскихъ книгахъ, «къ стыду нашему, возмущается «Земщина», мы заставляемъ дѣтей нашихъ изучать на урокахъ Закона Божія». *) Церковная печать пытается урезонить явно ополоумѣвшихъ «ратоборцевъ за національное дѣло». Но развѣ ихъ урезонишь? Темы-то ужъ больно заманчивыя: шумно, звонко, «національно» и политически безопасно. Это—только темы: навѣрное ни святѣйшій синодъ, ни совѣтъ министровъ не станутъ ниспровергать церковныя ученія, согласно указаніемъ «Новаго Ввемени» и «Земщины». Но, разумѣется, далеко не всѣ «національныя» темы столь платоничны. Возьмите хотя бы многошумныя заявленія объ «оскорбленіи» религіознаго, національнаго и всякаго другого «русскаго чувства» евреями, «дерзающими присваивать себѣ православныя христіанскія имена». Помнится, газетные фельетонисты предлагали національнымъ клубамъ и «русскому собранію» обратить вниманіе на цѣлый рядъ такихъ же «вопіющихъ безобразій»: котовъ и козловъ называютъ Васьками, кошекъ—Машками, медвѣдя—Мишкой и даже Михаиломъ Иванычемъ... Но независимо отъ этого, для всякаго, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ происхожденіемъ православныхъ Святцевъ, самая попытка обвинить евреевъ «въ присвоеніи христіанскихъ именъ» можетъ казаться, если не прямо бредомъ, то невѣжественнымъ сумасбродствомъ. Чтобы не входить въ длинныя сужденія по этому поводу, приведу на справку нѣсколько *еврейскихъ* именъ изъ недавно вышедшей и спеціально посвященной данному вопросу работы г. И. И. Кулишера, «ученаго еврея при волынскомъ губернаторѣ» *). Вотъ эти имена, давно принятыя евреями, частью происходящія отъ еврейскаго же корня, частью усвоенныя изъ общихъ съ христіанствомъ источниковъ: Александръ, Борисъ, Вавила, Василій, Гаврила, Денисъ, Иванъ, Николай, Павелъ, Петръ, Семенъ, Агафья, Анна, Марія, Надежда, Ольга... Тѣмъ не менѣе крики объ оскорбленномъ національномъ чувствѣ услышаны начальствомъ, превратились въ одинъ изъ лозунговъ внутренней политики; государственная машина пришла въ ходъ, появились циркуляры, предписанія, доносы, возникъ цѣлый рядъ даже судебныхъ дѣлъ; людей начинаютъ преслѣдовать за то, что они, будучи евреями, «присвоили» себѣ коренныя еврейскія имена: Авраамъ, Моисей, Да-

---

*) Цит. по «Кіевской Мысли», 15 февраля 1912 г.

**) «Сборникъ для согласованія разновидностей именъ: библейскихъ, національныхъ, талмудическихъ, заимствованныхъ и другихъ, употребляемыхъ евреями въ Россіи». Житомиръ, 1911 г.

видъ, Даніилъ, Илья, Іаковъ, Іона, или, чаще, они подвергаются отвѣтственности на томъ основаніи, что ихъ имена, кромѣ семейнаго, интимнаго или народнаго произношенія, имѣютъ еще произношеніе книжное. Соломонъ, напр., оказывается виноватымъ потому, что это его имя въ семейномъ и народномъ быту произносится: Шалмонъ, Шлёма, Шлёме, Шлемка... Въ шутку совѣтовали газетные остроумцы обратить вниманіе на имена кошекъ, козловъ, медвѣдей. Однако, для національнаго курса и эта шутка пригодилась. До кошекъ и козловъ, правда, за оскорбительныя для національнаго чувства названія пока не добрались, но на племенныхъ кобылъ и жеребцовъ уже обращено должное вниманіе. Изъ за какого-то, напр., воинскаго жеребца, названнаго Львомъ Діакономъ, возникло чрезвычайно обширное дѣло *). Недавно мнѣ пришлось прочесть еще одну газетную шутку: «потреотамъ» рекомендуется принять мѣры противъ «оскорбительнаго для національнаго чувства обычая» называть Іоанна Ванькой, Ксенію - Аксюткой, Февронію Хавроньей... Ручаться нельзя,—быть можетъ, дойдетъ и до этого.

Для изобрѣтательности такого рода не нужно ни ума, ни таланта, ни даже обязательной для націоналистической партіи программы. Тутъ входъ всѣмъ свободенъ. Изобрѣтательствомъ занимаются собственно всѣ, у кого есть охота. И успѣхъ обезпеченъ всякому, кто умѣетъ сообразить, что можно, и чего нельзя. О «черкесскомъ управленіи», напр., благоразумные люди помалкиваютъ. Объ инородцахъ на административныхъ постахъ, если и говорятъ, то изрѣдка, осторожно. Но есть машинисты, кондуктора, стрѣлочники, телеграфисты, столоначальники, секретари... Это — тема. Тутъ «мы возстаемъ». Тутъ «мы» безпощадны, настойчивы, непоколебимы; тутъ «мы» умѣемъ перейти отъ словъ къ дѣлу. Пишутся циркуляры о принятіи на службу только «лицъ русскаго происхожденія» и о вытѣсненія со службы «лицъ нерусскаго происхожденія». Проводя въ жизнь эти приказы, разумѣется, приходится сталкиваться съ сложнѣйшими и запутаннѣйшими вопросами. Кого, напримѣръ, считать русскимъ? Обрусѣвшій потомокъ нѣкогда нѣмецкаго или польскаго рода долженъ ли считаться русскимъ? Какъ быть съ несомнѣннымъ русскимъ, если его жена, напримѣръ, по рожденію, полька или—избави, Боже—еврейка? **). Кто долженъ опредѣлять національность лица, состоящаго на службѣ

*) „Саратовскій Вѣстникъ", 17 января.

**) Вслѣдъ за правительственными учрежденіями въ эти вопросы углубились и тѣ частныя предпріятія, владѣльцы которыхъ пожелали держаться «національнаго курса». Въ прошломъ году «Врачебная Газета» отмѣчала, между прочимъ, такой фактъ: Никольская мануфактура «Саввы Морозова сынъ и К° удалила состоящаго у него на службѣ врача Бритнева за то, что онъ, во-первыхъ, «реформатскаго вѣроисповѣданія», во-вторыхъ, «женатъ на еврейкѣ». Заимствую это сообщеніе изъ «Одесскихъ Новостей», № 17 апрѣля 1911 г.

или желающаго поступить на службу? Человѣкъ заявляетъ, что онъ русскій и по паспорту значится православнымъ, а между тѣмъ его фамилія Зейдлеръ, Гершковичъ или Любинскій... Рѣшено «не вѣрить голословнымъ заявленіямъ». Относительно лицъ, возбуждающихъ сомнѣнія, забираются справки: кто былъ отецъ, мать, дѣдъ, бабка, прадѣдъ, прабабка. Производятся цѣлыя этимологическія изысканія. Напомню хотя-бы споръ о національности начальника Николаевской желѣзной дороги г. Ивановскаго. Самъ г. Ивановскій признаетъ себя русскимъ. Но мало-ли что онъ признаетъ? Эдакъ всякій можетъ сказать, что онъ русскій. «Патріотамъ» сомнительно: они желаютъ знать, на какомъ слогѣ стоитъ удареніе? Ежели, дескать Ивàновскій, то русскій, а ежели Ивановскій, то полякъ. Газеты увѣряли, будто г. Ивановскій обезоружилъ сомнѣвающихся посредствомъ циркулярнаго разъясненія чинамъ ввѣренной ему дороги, что его фамилія «произносится съ русскимъ, а не польскимъ удареніемъ»... Г-ну Ивановскому, во всякомъ случаѣ, удалось оправдаться. Но не всѣ такъ счастливы. Какъ извѣстно, во время выборовъ въ западное земство нѣкоторые столбовые русскіе дворяне не сумѣли доказать, что они русскіе, и были причислены къ польской куріи. По словамъ г. Родичева, даже одного изъ рюриковичей полиція отказывалась признать русскимъ и желала объявить инородцемъ *) И нельзя сказать, что это дѣлается лишь маленькими чинами. Самимъ совѣтомъ министровъ въ холмскій законопроектъ внесена особая статья, предоставляющая именно администраціи рѣшать, къ какой національности относится подданный россійскаго государства, хотя бы и заявляющій о себѣ, что онъ русскій или полякъ. И, какъ ни старалась оппозиція объяснить абсурдность этого принципа, правительственнымъ большинствомъ онъ признанъ правильнымъ.

Опасно и нежелательно устанавливать національный цензъ въ тѣхъ сферахъ труда и службы, гдѣ незамѣнимы качества ингушей или таланты дѣятелей à la г. Кассо. Но непрестанно удается открывать все новыя и новыя сферы, гдѣ съ этимъ деликатнымъ соображеніемъ можно не считаться. Недавнее открытіе:

„*Ищутъ чистокровныхъ русскихъ свинопасовъ.* Въ одно изъ общественныхъ учрежденій города Владимира поступила просьба управляющаго Вильямпольскимъ дворцовымъ управленіемъ (Ковно) о рекомендаціи кого-либо изъ мѣстныхъ чисто-русскихъ жителей въ качествѣ пастуховъ для нуждъ имѣнія". Требуются кандидаты, „которые могли-бы поддержать достоинство націи... Вознагражденіе за сезонъ 300 рублей" **).

Еще сфера:

„Въ русскомъ городѣ" Екатеринославѣ заработокъ уличныхъ чистильщиковъ обуви захваченъ „персюками, родственники которыхъ разстрѣли-

*) „Рѣчь", 25 февраля.
**) «Утро Россіи», 17 ноября 1911 г.

ваютъ русскихъ", а между тѣмъ этотъ заработокъ пригодился бы лицамъ русскаго происхожденія... *)

Относительно чистокровныхъ русскихъ свинопасовъ вопросъ, кажется, рѣшенъ—они желательны. Предложеніе же установить обязательный національный цензъ для уличныхъ чистильщиковъ обуви пока находится въ дискуссіонной стадіи. Екатеринославскій городской голова г. Способный,—тоже большой «патріотъ»—разсмотрѣвъ это предложеніе, высказался противъ. По его мнѣнію, «предпочтительно, чтобы персы чистили башмаки русскимъ, а не наоборотъ»... **) Все это въ общемъ немножко похоже на психіатрическое заведеніе. Зато много шума, много суеты, многое множество вопросовъ чрезвычайно удобныхъ, задѣвающихъ, раздражающихъ, нервирующихъ и въ то же время далекихъ отъ наиболѣе опасныхъ для реакціи жупеловъ.

И сколько удалось открыть такихъ вопросовъ и такихъ дѣлъ! Появляется пьеса г-жи Хинъ: «Наслѣдники». Её разрѣшаетъ театральная цензура. Её включаютъ въ репертуаръ московскаго Малаго театра. Проходитъ 10 представленій при хорошихъ сборахъ. И вдругъ «Наслѣдники» запрещены, въ виду обнаруженнаго тенденціознаго направленія. Тенденція же пьесы, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей»,

«усмотрѣна въ томъ, что обѣднѣвшая дворянская семья проживаетъ у богатаго свойственника, въ чаяніи получить отъ него наслѣдство. Свойственникъ же—*еврей*, изображенъ авторомъ не такъ, какъ изображаютъ еврея гг. Шмаковы, Пуришкевичи и Глинки» ***).

Еврей изображенъ не въ видѣ злодѣя, предателя, негодяя,—слѣдовательно, оскорбленіе національнаго русскаго чувства, и пьесу надо запретить.

Въ одно изъ одесскихъ почтово-телеграфныхъ отдѣленій, по словамъ мѣстнаго «Листка», является молодой человѣкъ и подаетъ поздравительную рождественскую телеграмму. Чиновница-телеграфистка находитъ, что фамилія лица, которому адресована телеграмма,—«еврейская». И заявляетъ, что адресатъ еврей, а слѣдовательно и поздравлять его съ праздникомъ Рождества Христова нельзя, и телеграмма не можетъ быть принята****). Закона такого нѣтъ. Вѣроятно, и циркуляра нѣтъ. Быть можетъ, телеграфисткѣ вдругъ неожиданно пришла въ голову вдохновенная мысль, соотвѣтствующая національному курсу и, можно думать, не очень непріятная начальству. Но, какъ бы то ни было, а найденъ и еще лозунгъ.

*) „Утро Россіи", 21 января 1912 г.

**) Тамъ же.

***) Цит. по „Кіевской Мысли", 6 ноября 1911 г.

****) Заимствую сообщеніе изъ перепечатки въ „Саратовскомъ Вѣстникѣ", 3 января 1912 г.

Какой-то священникъ обратилъ вниманіе, что на «открыткахъ» часто встрѣчаются снимки съ картинъ «религіознаго содержанія» (Рафаэль, Микель-Анджело, Васнецовъ и т. д.). «Открытки» эти продаются во всѣхъ писчебумажныхъ лавкахъ,—а владѣльцами послѣднихъ бываютъ и татары, и евреи. Новая тема для разговоровъ о спасеніи Россіи отъ инородческой заразы, объ оскорбленіи русскаго національнаго и религіознаго чувства. И еще въ прошломъ году одно изъ возбужденныхъ на этомъ основаніи дѣлъ—по обвиненію гомельскаго книгопродавца еврея Сыркина въ продажѣ постъ-карточекъ со снимками съ картины художника Макса, изображающей Христа въ терновомъ вѣнцѣ,—было доведено до суда. И хотя судъ не согласился съ доводами обвиненія, что такія постъ-карточки составляютъ «предметъ христіанскаго почитанія» наравнѣ съ иконами, крестами и т. д., однако, призналъ Сыркина виновнымъ и приговорилъ къ штрафу *).

Трудно сказать, кто первый предложилъ строго слѣдить за исполненіемъ евреями предписаній ихъ религіи. Кажется, иниціатива принадлежитъ Одессѣ, администрація которой обратила однажды вниманіе на то, что евреи осмѣливаются покупать и кушать «русское» мясо, тогда какъ по ихъ еврейскому «закону» имъ разрѣшено употреблять въ пищу только еврейскую же, «кошерную», говядину. Счастливая мысль понравилась. За нее ухватились. Дошло до того, что полицейская власть стала арестовывать евреевъ, напримѣръ, «*за куреніе табаку въ субботу*» **). Мало-по малу первоначальная мысль принимаетъ болѣе общую форму, приводитъ къ цѣлому ряду мѣръ, направленныхъ къ борьбѣ противъ денаціонализаціи евреевъ. Появляются запрещенія въ Одессѣ напр. еврейскимъ труппамъ играть не еврейскія пьесы, или хотя бы еврейскія, по своему содержанію, но написанныя не на еврейскомъ, а, напримѣръ, на нѣмецкомъ языкѣ ***). Возникаютъ предложенія преслѣдовать евреевъ за переходъ въ христіанское, хотя бы и православное, вѣроисповѣданіе. Находятся администраторы, которые воплощаютъ это слово въ дѣло. До какой степени они порою рѣшительны, можно судить, напр., по судьбѣ нѣкоего Лехновицера, рожденнаго отъ евреевъ, но принявшаго христіанство: онъ просилъ выдать ему свидѣтельство на веденіе судебныхъ дѣлъ; курскій окружный судъ постановилъ удовлетворить просьбу, но прокуроръ выступилъ съ протестомъ, такъ какъ по его, прокурора, мнѣнію Лехновицеръ отказомъ отъ вѣры отцовъ и принятіемъ христіанства «*совершилъ безнравственный поступокъ*», руководился, вѣроятно, «корыстными мотивами». Харьковская судебная палата согласилась съ мнѣніемъ прокурора и отмѣнила постановленіе окружнаго суда ****). Явля-

*) „Сѣверо-Западный Голосъ“ 18 іюня 1911 г.

**) „Рѣчь“, 7 апрѣля 1911 г.

***) „Утро“, 10 ноября 1911 г.

) жная Заря“, 8 декабря 1911 г.

ются мѣропріятія, направленныя къ тому, чтобы не допустить бытового сближенія евреевъ съ неевреями,—еврейскую молодежь стараются вытѣснять изъ спортивныхъ кружковъ (гребцы, лыжники, футболисты и пр.), евреевъ купцовъ, врачей, адвокатовъ, инженеровъ выдворяютъ изъ клубовъ. .

«Національное дѣло» явно не вмѣстилось въ тѣ рамки, какія ему предполагали отвести учредители союза націоналистовъ. Оно живетъ и развивается во многихъ отношеніяхъ совершенно независимо отъ національныхъ клубовъ и отдѣловъ. Да какъ живетъ! Представьте, какой-либо чудакъ или даже просто Авксентій Иванычъ Поприщинъ объявилъ конкурсъ: «кто придумаетъ самую невѣроятную нелѣпость въ националистическомъ вкусѣ, тому я дамъ 200000 р.» Думается, что даже конкуренты на призъ Поприщина не превзошли бы современныхъ намъ «ратоборцевъ за національную идею». Спрашивается: кому это нужно? для чего? Люди весьма талантливо подражаютъ паціентамъ богоугодныхъ заведеній. Но что движетъ ими? Безъ сомнѣнія, крайне сложные и многообразные мотивы. И среди нихъ стремленіе найти отзвукъ въ сумбурномъ національномъ чувствѣ обывателя—лишь частность и, быть можетъ, не первостепенная. Есть и болѣе дѣловой политическій разсчетъ: между прочимъ, многія нынѣшнія «національныя» темы и мѣры возникли примѣнительно къ выборамъ въ четвертую Думу. Безъ сомнѣнія, сказывается и та потребность заполнить пустоту, которая вела Столыпина къ тому, что онъ называлъ «яркой политикой». Есть среди мотивовъ и divide et impera. Есть, конечно, и многое другое. Сложны мотивы. Но нѣкоторые изъ нихъ, мнѣ кажется, необходимо выдѣлить и взвѣсить болѣе тщательно.

IV.

На глазахъ у барыни растетъ мужицкая дѣвка «Аленка». Она учится, оканчиваетъ курсъ, или выходитъ замужъ за хорошаго человѣка. И той же барынѣ приходится увидѣть визитную карточку: «Елена Михайловна»... Бываютъ барыни, которыя въ такихъ случаяхъ прямо-таки дрожатъ отъ злости:

— «Елена Михайловна»... Скажите на милость! Это Аленка-то!

У полунищаго еврея, какихъ много, есть сынъ Зуська. Сынъ растетъ, пробиваетъ себѣ дорогу, становится адвокатомъ, врачемъ, купцомъ, членомъ той среды, гдѣ не принято называть другъ друга Митьками, Дуньками, Зуськами, Рифками... Зуська становится Александромъ *). И есть люди, у которыхъ эта простая замѣна просто-

*) Отъ кореннаго слова Александръ еврейскій народный языкъ усвоилъ много производныхъ именъ: Зиса, Зусль, Зуся, Шискинъ, Сендеръ, Шендеръ, и т. д.

народнаго выговора болѣе принятымъ въ культурной средѣ вызываетъ искреннѣйшую злость,—до истерики:

— Былъ Зуська и вдругъ Александръ! Да какъ онъ смѣетъ?

Собственно, отъ превращенія Аленки въ Елену барынѣ ни тепло, ни холодно,—а все-таки «злость разбираетъ». Точно также оттого, что еврей Зуська сталъ Александромъ или Ицка Игнатіемъ ни г. Меньшикову, ни г. Балашову, ни даже государству Россійскому никакого ущерба нѣтъ. И если г. Меньшиковъ, тѣмъ не менѣе, впадаетъ въ нервное разстройство, то, быть можетъ, не столько изъ политическаго разсчета, сколько отъ того, что «сердцу непереносно».

Въ газетахъ не мало высказывалось догадокъ, почему собственно тамбовскій губернаторъ г. Муратовъ такъ настойчиво добивался, чтобы евреи не проводили вечеровъ въ клубахъ за карточнымъ столомъ. Разныя по этому поводу приводились предположенія. Высказывалась, между прочимъ, и догадка, что это «предвыборное мѣропріятіе»: губернаторъ де опасается вліянія евреевъ на чиновниковъ, купцовъ и другихъ клубныхъ завсегдатаевъ, предполагая, что евреи непремѣнно кадеты. Среди нынѣшнихъ бюрократовъ, конечно, наблюдается готовность стрѣлять изъ осадныхъ орудій по каждому комару, въ которыхъ предполагается «лѣвый» микробъ. И все таки, когда я читалъ о выдвореніи евреевъ изъ тамбовскихъ клубовъ, то невольно вспомнилъ одну почтенную даму, супругу статскаго совѣтника, которая въ небольшой компаніи за чайнымъ столомъ горячо возмущалась «поведеніемъ» своей бывшей горничной, вышедшей замужъ и будто бы употребляющей специфическія средства, чтобы не имѣть дѣтей:

— Что же это такое? Простая баба! А? какъ вамъ это нравится?

Мнѣ захотѣлось точнѣе выяснить, что собственно возмущаетъ статскую совѣтницу. И я замѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, не только бабы. И барыни не безгрѣшны.

— Такъ вѣдь то барыни!—рѣзко и убѣжденно возразила на это почтенная дама.

Если барыни прибѣгаютъ къ средствамъ противъ дѣторожденія,—это ничего. Но ежели бабы, горничныя, кухарки,—развѣ не возмутительно? Если чиновникъ, офицеръ, дворянинъ проводитъ ночи въ клубѣ за картами,—это просто благородный образъ жизни. Но если купецъ, то уже непріятно, ибо какія у купца права на благородство? А еврей,—да какъ онъ смѣетъ? Въ этой своеобразной логикѣ есть доза глухого чувства вражды, возбуждаемаго какъ положительными, такъ и отрицательными проявленіями надвигающейся демократизаціи. Но есть и просто безкорыстный «крикъ сердца». Не все у хранителей разсчетъ. У нихъ, мнѣ кажется, много и неподдѣльнаго, искреннѣйшаго чувства. Это чувство они вносятъ въ свои отношенія къ русскому крестьянству. Этимъ чувствомъ на-

поено всякое слово охранителей объ интеллигенціи. Это чувство многое опредѣляетъ и въ судьбѣ инородцевъ,—особенно такихъ, какъ евреи, безъ сомнѣнія, виновные въ тайныхъ или явныхъ симпатіяхъ къ освободительному движенію. И на евреяхъ въ особенности хочется «сорвать сердце». Едва ли у г. Меньшикова можетъ быть большой разсчетъ, когда онъ стремится ниспровергнуть церковные догматы о происхожденіи Христа. Публицисту реакціи такое занятіе по многимъ причинамъ прямо таки не къ лицу и невыгодно. Но у него много чувства,—остраго, пожалуй, паническаго, доводящаго до безразсудства, до азарта, до озорства, до публичныхъ сожалѣній, что давно не было погромовъ.

Есть нѣкій коллективъ, который, помимо всѣхъ другихъ соображеній, руководится и слѣпымъ чувствомъ. Есть мелкіе винтики административнаго механизма, которые хотятъ отличиться. И есть наконецъ, партикулярные обыватели, не лишенные умѣнья приспособить все это для тѣхъ или иныхъ личныхъ цѣлей. А что отсюда выходитъ, о томъ свидѣтельствуютъ факты.

Г. редакторъ! Вами была помѣщена замѣтка о томъ, что я пьяный явился къ своей женѣ, служившей у Фишманъ,... и былъ связанъ и повѣшенъ своею женою на кранѣ. Все это такъ. Но я сталъ жертвою темныхъ людей, распространившихъ слухъ, будто я былъ повѣшенъ евреями съ ритуальной цѣлью. Позвольте мнѣ выразить г-жѣ Фишманъ свою горячую благодарность за то, что она меня спасла отъ вѣрной гибели. Если бы г-жа Фишманъ не перерѣзала во время полотенца, не быть бы мнѣ теперь живымъ. Жена моя и теперь еще находится подъ арестомъ. Н Купріенко.

Между супругами Купріенко, въ Одессѣ, были нелады. Жена Прасковья Купріенко жила прислугой въ еврейской семьѣ Фишманъ. Мужъ пришелъ къ женѣ. Она встрѣтила его привѣтливо. Щедро угощала водкой. И когда, онъ сталъ очень пьянъ, рѣзнула ножомъ по горлу, схватила полотенце, накинула ему на шею петлей, придушила, повѣсила и ушла. Вскорѣ въ комнату, гдѣ угощались супруги, заглянула г-жа Фишманъ; на поднятый ею крикъ сбѣжались люди; прибѣжала и Прасковья Купріенко, разрыдалась и стала вопить, что «жиды» давно хотѣли воспользоваться кровью ея мужа и таки добились своего—зарѣзали... Но вдругъ Купріенко-мужъ ожилъ; рана нанесенная ему, оказалась не опасной. Тогда Прасковья перестала рыдать. И на обращенные къ ней разспросы отвѣтила:

— «Какъ же я могла знать, что онъ еще живъ? А такъ каждый повѣрилъ бы, что это евреи убили для мацы» *).

Глупая баба. Но, если бы посильнѣе полоснула ножомъ или покрѣпче придушила,—то, быть можетъ, «патріотическія» организаціи, газеты, всевозможные ратоборцы за національное дѣло, по-

---

*) Письмо Купріенко-мужа въ редакцію «Одесскихъ Новостей» и сообщенія одесскихъ газетъ объ этомъ дѣлѣ привожу по перепечаткѣ въ «Современномъ Словѣ», 15 февраля 1912 г.

лиція, слѣдователи, прокуроры, судьи оказались бы, и въ самомъ дѣлѣ, всего лишь бабьей игрушкою. Въ данномъ случаѣ планъ рухнулъ прежде всего потому, что Купріенко очнулся, разсказалъ, какъ было дѣло, и даже выступилъ съ приведеннымъ выше письмомъ къ редактору газеты. Въ другихъ случаяхъ на удочку не такъ легко попадается начальство. Напомню хотя бы нашумѣвшее въ прошломъ году «ритуальное убійство» въ мѣстечкѣ Коростышевѣ, Кіевской губерніи. Въ лѣсу возлѣ мѣстечка найденъ трупъ дѣвочки,—«животъ разрѣзанъ, всѣ тѣло въ ранахъ, голова совершенно изуродована, волосы вырваны». Словомъ, не только «по Лютостанскому», но и сверхъ Лютостанскаго. «Патріоты» догадались. Но мѣстный приставъ оказался умнѣе. И ему удалось вытащить концы, спрятанные въ воду. Дѣвочка,—ей было 12 лѣтъ,—пошла въ лѣсъ за зеленью и встрѣтилась тамъ съ лѣснымъ сторожемъ. Будь она еврейка, пожалуй, ничего бы не случилось. Но сторожъ узналъ, что она—христіанка. И у него возникъ планъ, разсчитанный на безнаказанность: набросился, изнасиловалъ, потомъ убилъ, съ трупомъ поступилъ такъ, какъ считалъ нужнымъ, чтобы походило на убійство евреми съ ритуальной цѣлью*)... Коростышевскій сторожъ тожъ сорвался. Однако, кіевское дѣло Бейлиса позволяетъ думать, что не всѣ срываются. Даже такія черезчуръ ужъ нелѣпыя попытки эксплоатировать соображенія и чувства руководящихъ круговъ иногда обывателю удаются.

Кромѣ обывателей, пользующихся изысканіями и популяризаціями Лютостанскаго, есть просто хулиганы, отбросы, рыцари легкой наживы, чутко слѣдящіе, когда же настанетъ моментъ, благопріятный для погромовъ и грабежей. Въ Одессѣ баба крикнула: «мужа зарѣзали на мацу». Мужьями не бываютъ младенцы. И самъ «зарѣзанный» не позволилъ бабѣ ввести кого-либо въ обманъ. Но рыцари не упустили и этого случая — выскочили, пошумѣли, покричали... Ожидаемаго «разрѣшенія» «погулять» и «заработать» они не выкричали. Пришлось опять спрятаться и ждать. Но при первомъ новомъ слухѣ «о пропавшемъ ребенкѣ», при первой новой бабьей сказкѣ они не преминутъ выскочить и понюхать: нѣтъ ли «разрѣшенія»? Теперь то и дѣло возникаютъ попытки погромовъ на почвѣ слуховъ о ритуальныхъ убійствахъ. Надо, однако, радоваться — да, пожалуй, и удивляться, — что убійства по Лютостанскому все таки, сравнительно, рѣдкое явленіе. Я боюсь, что, быть можетъ, не далекъ моментъ, когда жаждущимъ погрома и наживы надоѣстъ ждать, и они примутся фабриковать поводы и ускорять событія.

Во всякомъ случаѣ, свою долю пользы изъ настроеній и чувствъ руководящихъ круговъ пытаются извлекать люди уголовнаго темперамента и уголовныхъ порывовъ. Но въ жизни, какъ и въ лѣсу,

*) „Одесскія Новости", 22 апрѣля 1911 г.

надлежаще умѣютъ устраиваться не волки, а болѣе гибкіе Рейнекс-Лисы. Сидитъ какой-либо обыватель изъ породы Лисовъ гдѣ нибудь, положимъ, въ лавченкѣ и слышитъ или читаетъ, что вотъ, напримѣръ, судили еврея за продажу открытокъ съ изображеніемъ Христа въ терновомъ вѣнцѣ. Гм... а, вѣдь, на этомъ можно заработать... Беретъ бумагу и пишетъ губернатору, архіерею, попечителю округа, Меньшикову, Дубровину, Пуришкевичу... Теперь ловкіе люди очень навострились писать и знаютъ, къ кому адресоваться:

— Прошу де обратить вниманіе. Торгуетъ въ нашемъ городѣ жидъ Генцель. И неизвѣстно, по чьему попустительству, едва ли безкорыстному, продаетъ ученикамъ и ученицамъ учебныя книги, какъ-то: православный катехизисъ, богослуженіе, священную исторію, молитвенникъ, Евангеліе... До какихъ же поръ намъ терпѣть такое надругательство?

Обыватель города Ровно, Волынской губерніи, нѣкто Андреевъ идетъ дальше. У него есть «маленькая лавчонка, и онъ, между прочимъ, торгуетъ книгами и писчебумажными принадлежностями». Мѣстные школьники и то, и другое покупаютъ въ еврейскихъ лавкахъ. Это г. Андрееву не нравится.

„И вотъ идетъ агитація, чтобы начальство учебныхъ заведеній предписало учащимся покупать училищныя принадлежности исключительно у г. Андреева“ *).

Почему именно у г. Андреева? А потому, что онъ «выходецъ изъ Тульской губерніи».

Забѣгая впередъ, мѣстная черносотенная газета пишетъ:

„Какъ слышно, министерство народнаго просвѣщенія предписало попечителямъ учебныхъ округовъ обратить вниманіе на то, чтобы училищные принадлежности и инструменты покупались только въ магазинахъ, принадлежащихъ русскимъ владѣльцамъ“ **).

О предписаніи министерства еще «слышно». Власти провинціальныя уже пріемлютъ дѣйствительныя мѣры:

Витебскъ. Циркулярнымъ предписаніемъ преосвященнаго Никодима всѣ учрежденія епархіи обязываются не покупать письменныхъ и канцелярскихъ принадлежностей въ еврейскихъ магазинахъ. Благочиннымъ вмѣняется въ обязанность строго слѣдить при ревизіяхъ за соблюденіемъ этого предписанія ***)

Студентъ-академистъ переживаетъ «тяжелые дни». Темныя деньги разворованы и временно изсякли. Приходится подумать о такихъ прозаическахъ вещахъ, какъ уроки. Но «еврейская конкурренція» одолѣла: экстерны, гимназистки, гимназисты, студенты репетируютъ на перебой по всѣмъ предметамъ и за баснословно дешевую цѣну...

---

*) „Кіевская Мысль“; 7 февраля 1912 г.

**) Тамъ же.

***) «Современное Слово», 17 февраля 1912 г.

«По всѣмъ предметамъ»... А вѣдь это, значитъ, и по Закону Божію. . Черезъ нѣкоторое время въ реакціонной печати появляется грозный запросъ правительству:

— А почему жиды преподаютъ Законъ Божій?..

Печать же, прогрессивная, горестно отмѣчаетъ появленіе новой «національной» мѣры:

«Попечитель Кіевскаго учебнаго округа циркулярно предписалъ директорамъ учебныхъ заведеній собирать отъ вновь поступающихъ учащихся свѣдѣнія относительно того, кто ихъ готовилъ по Закону Божію, причемъ, если окажется, что репетировалъ по православному Закону Божію еврей, то немедленно сообщить попечителю округа фамилію и мѣстожительство репетитора для привлеченія его къ отвѣтственности» *).

Кн. Мещерскій писалъ въ «Гражданинѣ»:

Всякая правительственная мѣра хотя бы противъ евреевъ не имѣетъ на практикѣ другого значенія, какъ установленіе новаго вида взятокъ, платимыхъ евреями за нарушеніе этого мѣропріятія.

Лично я хорошо помню одну характерную черту, съ которой мнѣ пришлось считаться на первыхъ шагахъ своей газетной работы въ провинціи (1901 г.). Вообще полиція въ то время, какъ во многихъ мѣстахъ и теперь, неохотно допускала сотрудниковъ газеты пользоваться даже обычными «рапортами о происшествіяхъ». Но были свѣдѣнія, иногда въ сущности, неподлежащія оглашенію (напримѣръ, матеріалы предварительнаго слѣдствія), которыя чинами полиціи сообщались репортажу, хотя и «по секрету», но чрезвычайно охотно и съ неизбѣжнымъ полусовѣтомъ-полупросьбой:

— Вотъ напишите-ка объ этомъ... Только на полицію не ссылайтесь, а будто по слухамъ...

Это были сплошь матеріалы о разныхъ продѣлкахъ мошенниковъ и хищниковъ изъ евреевъ,—и порою очень цѣнные матеріалы, собранные кропотливо, трудолюбиво, и лишь односторонне освѣщенные; въ самомъ подборѣ ихъ частенько видно было желаніе доказать необходимость какой-либо новой ограничительной мѣры или усугубленіи старой. Я началъ работу въ газетѣ, которая не задолго передъ тѣмъ считалась «консервативной». Повидимому, не предполагая перемѣны «направленія», и, замѣтно, довольный тѣмъ, что я «русскій», а не еврей, секретарь городской полиціи (особа въ губернскомъ городѣ не маловажная) при первомъ знакомствѣ счелъ возможнымъ высказаться «по душамъ», напрямки:

— Хорошо, знаете ли, если обоюдная польза. Вы—намъ, мы—вамъ. Я вотъ написалъ докладъ. Полицеймейстеръ доложилъ. А губернаторъ говоритъ: это для доходовъ... Ну, а если вы пропечатаете,—совсѣмъ другой разговоръ. Потому—пресса...

Много нехорошаго было и для взяточниковъ при «старомъ

---

*) «Кіевская Мысль», 19 мая 1911 г.

строѣ». То ли дѣло «строй обновленный»: чуть ли не въ каждомъ крупномъ городѣ «своя» газета, «свои» полурепортеры-полусыщики, все это возглавляется столичными и тоже «своими» органами съ полумасками, полукассіями, въ качествѣ ближайшихъ сотрудниковъ. Каждому мелкому плуту, попавшему на полицейскую службу, открыта полная возможность превращать свои «доклады» въ «отзывъ прессы», въ «голосъ общественнаго мнѣнія», подсказывать не только губернаторамъ, но и министрамъ практическія мѣропріятія.

Рука объ руку съ плутами этого сорта идутъ совершенно партикулярные плуты. Разсердится какой-либо Деруновъ, такъ какъ въ «его уѣздѣ» появились, напримѣръ, агенты еврейскихъ фирмъ и «набиваютъ цѣны» на яйца, на ленъ, на холсты, на пеньку и т. д. Конечно, скупщикъ-еврей сумѣетъ обкрутить мужика не хуже любого Дерунова. Но конкурренція скупщиковъ все таки улучшаетъ положеніе продавцовъ сырья. Этого достаточно, чтобы Деруновъ почувствовалъ необходимость дѣйствовать. Къ его услугамъ тѣ же силы, на которыя опирается и плутъ изъ участка. Начинается кампанія. Въ обычные крики о «еврейскомъ засильѣ» вкрапливается нѣсколько указаній на конкретные факты: а вотъ даже въ Московскомъ уѣздѣ въ селѣ такомъ-то евреи устроили то-то... Въ результатѣ — новый ограничительный циркуляръ съ его обычными послѣдствіями: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно; еврей скупщикъ не исчезаетъ, но вслѣдствіе строгостей, ему приходится нести такіе накладные расходы, что онъ лишается всякой возможности предложить продавцу болѣе выгодныя условія, чѣмъ Деруновъ. И административный плутъ въ барышахъ, и Деруновъ не въ обидѣ.

Руководящіе круги руководятъ. Начальство предписываетъ и принимаетъ мѣры. Но нельзя ручаться, что та или иная конкретная мысль круговъ, та или иная мѣра начальства не подсказана маленькимъ человѣчкомъ, а иногда и просто мелкимъ плутомъ. Эти маленькіе человѣчки играютъ роль, напоминающую пикадоровъ во время боя быковъ: раздражаютъ, шумятъ, хлопаютъ, заставляютъ метаться по аренѣ, устремляться въ желательную имъ сторону,—и пожинаютъ плоды. Немудрено, что «національный курсъ» заполняется всякаго рода темами и мотивами, какіе только могутъ взбрести въ голову «тульскаго выходца» или одесской бабы Прасковьи. Въ значительной мѣрѣ подъ ихъ диктовку пишется нынѣшняя исторія. Обыватель въ лицѣ совсѣмъ не лучшихъ своихъ представителей старается, и не безуспѣшно, водить за носъ и Пуришкевичей, и Балашовыхъ, и Дубровиныхъ, и особъ, занимающихъ гораздо болѣе офиціальное положеніе. Не весело это. Къ сожалѣнію, на почвѣ національнаго курса возникаютъ послѣдствія, еще болѣе невеселыя.

Я употребилъ выраженія: волки и Рейнеке-Лисы. Не ко всѣмъ, однако, нынѣшнимъ россійскимъ пикадорамъ можно при-

мѣнить эти термины. Одесская Прасковья Купріенко, напримѣръ, или коростышевскій сторожъ... Дѣйствительно ли это волки? Быть можетъ, резоннѣе сравнивать ихъ съ тѣми подгородними крестьянами, людьми хозяйственными и мирными, которые съѣзжаются на погромъ: слышно, дескать, что вышло разрѣшеніе евреевъ грабить, поѣдемъ и мы, авось, и на нашу долю что-либо достанется... Быть можетъ, коростышевскій сторожъ никогда не пошелъ бы на то злое дѣло, какое онъ совершилъ, если бы не соблазнъ.

— Чортъ попуталъ. Шепнулъ окаянный: сдѣлай,—вѣдь теперь ничего не стоитъ спрятать концы въ воду...

Обыватель хищникъ старается увлекать руководителей «національнаго курса». Но, несомнѣнно, и самъ по себѣ тотъ экурсъ вовлекаетъ обывателя въ хищническія дѣла, поступки и мысли.

Купеческія собранія, торгово-промышленные съѣзды, биржевые комитеты высказываются довольно единодушно и рѣшительно, если не о всемъ вообще «національномъ курсѣ», то, по крайней мѣрѣ, объ его многочисленныхъ эксцессахъ. Лишь только купечество соберется вмѣстѣ и примется обсуждать свои болѣе или менѣе общіе интересы и нужды, сразу же становится яснымъ, что націоналистическія мѣропріятія дезорганизуютъ торговлю и промышленность, ведутъ къ неисчислимымъ потерямъ. Казалось бы, вотъ врагъ «національнаго курса», естественный, непримиримый, движимый классовымъ самосознаніемъ. Но удивительный это врагъ: лишь только собраніе закрывается, каждый въ отдѣльности взятый его участникъ, за рѣдкими исключеніями, повидимому, не слишкомъ взволнованъ и не очень тревожится по поводу предстоящихъ неисчислимыхъ потерь всей русской торговли и промышленности. Мнѣ недавно пришлось въ вагонѣ вести долгую бесѣду съ однимъ довольно крупнымъ провинціальнымъ купцомъ-мануфактуристомъ. Онъ былъ въ нѣсколько оппозиціонномъ настроеніи и критиковалъ:

— Эта самая національзація кредита, дескать, большое утѣсненіе для торговли...

— Ну, а лично для васъ?—спросилъ я.

— Для меня-то? Какъ сказать?.. Въ нашемъ дѣлѣ есть двѣ стороны. Если теперь настояще разбить кредитъ по націямъ... Съ лица поглядѣть—Лодзь, къ примѣру, закряхтитъ. А ежели поглядѣть съ изнанки, то Москва безпремѣнно копейку, а то и двѣ на ситцы накинетъ. Ну, а наше дѣло купеческое. Мы изнанку вмѣстѣ съ лицомъ продаемъ: намъ отпускаютъ ситецъ по гривеннику, мы ставимъ по 12, съ насъ возьмутъ по 12, мы поставимъ отъ 14 до 15... Конечно,—продолжалъ онъ, подумавъ,—будетъ утѣсненіе. Теперь евреи изъ Польши сами кредитъ предлагаютъ, только бери товаръ. А за ними и Москва тянется... Не миновать, стало быть, что и намъ заводчики кредитъ урѣжутъ. Однако, вотъ что я вамъ скажу. Въ третьемъ годѣ появился у насъ въ городѣ

армянинъ. Большую мануфактурную торговлю открылъ. Такъ вѣдь что дѣлаетъ...

Словомъ, оказалось, разумѣется, что конкуррентъ-армянинъ много всякихъ «пакостей» дѣлаетъ. И ежели бы ему «на счетъ кредита хвостъ прищемить», то было бы, право же, не очень ужъ плохо.

Двѣ стороны: изнанка и лицо. Лицо—общіе, совокупные интересы промышленности и торговли. Изнанка—нѣкоторый, по преимуществу частный разсчетъ. Нижегородскій, напримѣръ, ярмарочный комитетъ и «собраніе уполномоченныхъ всероссійскаго купечества» по поводу чрезвычайнаго выдворенія евреевъ съ ярмарки заявили министру внутреннихъ дѣлъ (въ телеграммѣ 3 августа 1911 года):

„Эта мѣра, направленная какъ бы противъ евреевъ, больно отзывается на русскихъ и можетъ вызвать такія тяжкія послѣдствія,... учесть которыя въ настоящее время не представляется даже возможнымъ" *).

Но, когда рѣчь идетъ о каждомъ въ отдѣльности взятомъ промышленникѣ и купцѣ, у этой несомнѣнной и очевидной истины можетъ обнаружиться изнанка.

— Евреевъ-покупателей выдворяютъ; значитъ, спросъ будетъ хуже, а, слѣдовательно, лично мнѣ, быть можетъ, удастся пріобрѣсти партію товара и дешево, и на льготныхъ условіяхъ.

Такія соображенія вполнѣ возможны у явившагося на ярмарку покупателя.

— Очень скверно, что выселютъ евреевъ-покупателей. Но выселяютъ также и евреевъ-продавцовъ, и ихъ агентовъ. Авось, лично мнѣ это поможетъ сбыть залежь.

Не будетъ ничего противоестественнаго, если такія соображенія возникнутъ у многихъ явившихся на ярмарку продавцовъ.

Предсѣдатель одесскаго биржевого комитета г. Котляревскій заявилъ по поводу предначертаній правительства, направленныхъ къ отстраненію евреевъ въ хлѣбной торговлѣ: это крайне вредно отражается какъ на всей организаціи хлѣбной промышленности, такъ, въ частности, и на интересахъ производителей зерна (землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ).

Евреи... довольствуются малымъ процентомъ прибыли съ каждой сдѣлки. Это даетъ имъ возможность вести отчаянную конкурренцію **) и т. д.

Но каждый въ отдѣльности взятый хлѣботорговецъ, вынужденный считаться съ этой «отчаянной конкурренціей», имѣетъ основаніе не очень плакать отъ того, что начальство намѣрено ее устранить.

Словомъ, ежели жить «по закону», нормальнымъ порядкомъ,

*) „Волжскія Вѣсти", 9 августа 1911 г.
**) „Южная Заря", 27 іюля 1911 г.

то пропасть надо. Но ежели по-волчьи, хищнымъ манеромъ, то можно и выкарабкаться, а при удачѣ, и выгоду получить. Чтобы добиться нормальнаго, соотвѣтственнаго общимъ интересамъ, порядка, нужны большія усилія. Да и когда этого добьешься? Скоро ли? А урвать компенсацію волчьимъ манеромъ можно и сейчасъ,—только не зѣвай. Это легче. Тутъ законъ наименьшаго сопротивленія. И такимъ образомъ «политика» толкаетъ, втягиваетъ обывателя въ сторону хищничества, не только того уголовнаго, какое мы видѣли на примѣрѣ коростышевскаго сторожа, но и чисто коммерческаго, такъ сказать, дѣлового. А кто соблазнился, втянулся, тотъ поневолѣ вынужденъ «поддержать курсъ», подсунуть начальству какую-либо идейку, на которой можно «заработать». Такъ оно и «идетъ колесомъ». Политики соблазняютъ и втягиваютъ обывателя. Обыватель по мѣрѣ умѣнья и усердія водитъ политиковъ за носъ. Все это вмѣстѣ взятое въ торжественныхъ случаяхъ, по праздникамъ, называется «борьбой за національное дѣло», а въ будни—сумасшедшимъ домомъ.

А. Петрищевъ.

Обозрѣніе иностранной жизни.

I. Экономика и политика Германіи: стачка углекоповъ; характеръ партій въ Имперіи.—II. Министерскій кризисъ въ Венгріи и конституціонная проблема.—Изъ письма Джорджа Кеннана.

I.

Вопросы войны и дипломатіи, столкновеній и переговоровъ не могутъ исчерпывать всю сложность современной политической жизни. Словно громадная гора, захватывающая бо̀льшую часть горизонта, высится надъ всѣмъ міромъ общественныхъ задачъ гигантскій соціальный вопросъ, который, несмотря на внѣшнія диверсіи, властно заявляетъ о своемъ существованіи. Почти во всей Европѣ происходитъ въ настоящее время сильное броженіе рабочихъ массъ, достигающее особенной напряженности въ Великобританіи, но прокатывающееся волнами судорожнаго сотрясенія и на континентѣ. Такъ, 10 марта н. ст. громаднымъ большинствомъ представителей рабочихъ союзовъ на западѣ Германіи, въ рейнско-вестфальскомъ каменноугольномъ бассейнѣ, вотирована забастовка, которая продолжается до сихъ поръ, нисколько не умаляясь въ своей силѣ и начиная возбуждать по симпатіи стачечное движеніе

въ Бельгіи, Франціи и особенно Чехіи (гдѣ 21 марта произошло уже сильное столкновеніе между жандармами и забастовщиками въ Залугѣ). И каждый день ея сказывается дефицитомъ въ 150 тысячъ тоннъ обыкновенно производимаго угля...

Чтобы составить себѣ понятіе о размѣрахъ германской стачки и ея значеніи, нужно вспомнить, что рурскій бассейнъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ каменноугольныхъ районовъ Германіи. На треугольномъ пространствѣ, обнимающемъ всего какихъ-нибудь 440 кв. кил., почва изрыта отверстіями безчисленныхъ шахтъ, и въ странѣ тѣснится населеніе горнорабочихъ, охватывающее не менѣе 360000 человѣкъ. Изъ этой-то огромной арміи, 230000 чел., т. е. почти $64^0/_0$, сложили руки и поставили владѣльцамъ шахтъ ультиматумъ: или повышеніе заработной платы на $15^0/_0$; или остановка въ дѣятельности гигантскаго муравейника. А каковы размѣры этой дѣятельности, видно изъ того, что въ истекшемъ году она дала болѣе 91 милл. тоннъ угля, 18 милл. тоннъ коксу и 4 милл. тоннъ брикетовъ, т. е. болѣе половины всего германскаго производства перваго продукта, болѣе $^3/_4$ второго и $65^0/_0$ третьяго. А владѣльцы 24 копей рурскаго округа получили въ теченіе этого же года около 183 милл. марокъ прибыли. Не забудемъ, что рейнско-вестфальскій угольный синдикатъ, который стягиваетъ теперь въ своихъ рукахъ всѣ нити мѣстнаго производства, былъ основанъ въ 1893 г. съ акціонернымъ капиталомъ, не превышавшимъ 900000 марокъ. Уже сопоставленія этихъ двухъ цифръ достаточно для того, чтобы видѣть, въ какой степени выгодна угольная промышленность для собственниковъ шахтъ, и какъ эгоистичны эти властелины сотенъ тысячъ рабочихъ, не желающіе увеличить ни на пфенигъ мизерную плату, получаемую тѣми самыми Илотами капитала, которые обогащаютъ акціонеровъ.

Давленіемъ горькой необходимости и объясняется этотъ походъ людей труда противъ рыцарей эксплуатаціи, имѣющій цѣлью хоть до нѣкоторой степени пріобщить рабочихъ къ опьяняющему росту капитала и благосостоянія привилегированныхъ классовъ. Надо замѣтить, что изъ 360000 чел. всего рабочаго населенія округа членами синдикатовъ является менѣе половины, а именно 160000, изъ которыхъ 80000 входятъ въ составъ соціалистическихъ синдикатовъ, 20000 распредѣлены приблизительно поровну между нейтральными синдикатами Гиршъ-Дункера и польскими организаціями, а 60000 являются членами христіанскихъ синдикатовъ. Послѣдніе, кстати сказать, отказались принять участіе въ стачкѣ, но въ принципѣ и они признали законность требованій выставленныхъ забастовщиками. И вотъ мы видимъ, что въ рурскомъ бассейнѣ работу прекратила армія трудящихся, далеко превышающая по своимъ размѣрамъ не только число соціалистическихъ членовъ синдикатовъ, но и общую цифру синдицированныхъ рабочихъ. На сцену, очевидно, выступаетъ и неорганизо-

ванный пролетаріатъ. Рядомъ съ увеличеніемъ заработной платы, о которомъ мы упомянули выше, забастовщики требуютъ сокращенія рабочаго дня до восьми часовъ,—включая время спуска въ шахту и выхода оттуда,—съ дальнѣйшимъ сокращеніемъ до семи часовъ въ тѣхъ копяхъ, гдѣ температура поднимается выше 22° Реомюра, и до шести часовъ тамъ, гдѣ она достигаетъ 28°.

Какъ же повели себя по отношенію къ требованіямъ трудящихся капиталисты и правительство Германіи? Представители капитала согласились обсуждать условія мира, но, вѣрные своей обычной тактикѣ фабричныхъ самодержцевъ, отказались вступить въ переговоры съ синдикатами, а изъявили притязаніе имѣть дѣло съ функціонирующими, въ сущности, лишь на бумагѣ «рабочими комитетами», которые признаны германскимъ законодательствомъ, но которые до сихъ поръ третируются капиталистами съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ и синдикаты. Два раза уже, въ 1906 и въ 1910 г., рабочіе, дѣйствительно пытались выдвинуть посредниками переговоровъ эти комитеты. И два раза имъ пришлось убѣдиться, что рѣшенія, на которыхъ останавливались упомянутыя рабочія организаціи вмѣстѣ съ капиталистами, нисколько не исполнялись послѣдними.

Бывшій соціалъ-демократическій депутатъ, а нынѣ одинъ изъ вожаковъ горнорабочихъ, Гюэ, предалъ гласности тотъ фактъ, что и со стороны представителей имперскаго правительства, кичащагося тѣмъ, что оно паритъ якобы превыше всякихъ партій и принимаетъ близко къ сердцу интересы всѣхъ слоевъ населенія, не было, однако, выражено никакого желанія принять мало-мальски дѣятельное участіе въ выработкѣ соглашенія между двумя враждующими лагерями. И въ то время, какъ по другую сторону Нѣмецкаго моря, на родинѣ манчестерства, правительство не побоялось заявить о своемъ твердомъ намѣреніи провести билль относительно минимума заработной платы (и палата единодушно приняла въ первомъ чтеніи, на засѣданіи 19 марта, этотъ законопроектъ), *) въ феодально-монархической Германіи, гдѣ сторонники современныхъ порядковъ любятъ прославлять отеческую патріархальность отношеній между династіей и народомъ, представители центральной власти, при первомъ же свиданіи съ делегатами рабочихъ, объяснили, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь посредничествѣ, а лишь о собираніи свѣдѣній. Это имѣло мѣсто еще за недѣлю до 10 марта. А въ результатѣ, вожаки синдикатовъ, хотя и полагая, что моментъ для стачки былъ дурно выбранъ, должны были уступить порыву самихъ рабочихъ, пред-

*) Выступленіе Бальфура противъ билля во второмъ чтеніи (21 марта) вызывало въ нѣкоторыхъ кругахъ опасеніе министерскаго кризиса и новыхъ выборовъ. Теперь, однако, эти опасенія исчезли: билль во второмъ чтеніи принятъ.

ставители которыхъ, собравшись въ Гернѣ, большинствомъ 507 голосовъ противъ 74 рѣшили немедленное прекращеніе работы.

Но если правительство не обнаружило иниціативы въ роли посредника, то оно проявило большой починъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы запугать забастовщиковъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что стачечники производятъ насилія надъ желающими работать,—(забастовщики, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, старались убѣждать штрейкбрехеровъ не портить начатаго дѣла)—власти наводнили каменноугольный округъ сначала полиціей, а затѣмъ, подъ вліяніемъ запросовъ центра и реакціонеровъ въ ландтагѣ и въ рейхстагѣ,—войсками: пѣхотой, кирасирами и гусарами. И, какъ слѣдствіе, въ Реклингаузенѣ, Брукгаузенѣ, Гамборнѣ, Гертенѣ и многихъ другихъ мѣстахъ горнаго района произошли стычки жандармовъ и полиціи съ рабочими. Съ десятокъ рабочихъ было тяжело ранено сабельными ударами, четверо убито, изъ которыхъ одинъ, 17-ти лѣтній подростокъ, былъ застрѣленъ жандармами, хотя и не принималъ никакого участія въ стачкѣ,—что однако не помѣшало мѣстнымъ властямъ преспокойно заявить, что такъ, молъ, ему и надо, ибо убитый еще мальчишкою совершилъ какую-то мелкую кражу, да и вообще принадлежитъ къ семьѣ, которая не пользуется хорошей репутаціей...

Такая расправа произвела на рабочихъ, впрочемъ, совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ на какое разсчитывали организаторы этихъ избіеній. Руководители христіанскихъ синдикатовъ, высказавшіеся противъ забастовки и обращавшіеся къ властямъ съ просьбою защитить желающихъ работать отъ «насилій» стачечниковъ, уже утратили часть вліянія на членовъ своихъ союзовъ; и, въ настоящее время, въ числѣ 230000 бастующихъ находится не одна тысяча католическихъ рабочихъ, которые примкнули къ стачкѣ при видѣ того, какъ расправляются съ ихъ товарищами по шахтѣ мѣстныя власти. За послѣдніе дни обнаруживается, какъ будто, нѣкоторое утомленіе среди рурскихъ углекоповъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно сконцентрированы силы подавленія. Но зато стачечная волна перекатывается въ саарскія копи, а въ Саксоніи двѣ пятыхъ рабочихъ, занятыхъ въ шахтахъ, примкнули къ забастовкѣ *)...

Смутно и тяжело, какъ видите, складываются обстоятельства на почвѣ Германіи въ области внутреннихъ вопросовъ. И можно очень скептически отнестись къ тѣмъ надеждамъ на обновленіе политики, которыя вызывались еще недавно у нѣкоторыхъ опти-

*) Телеграфъ принесъ извѣстіе, что конференція горнорабочихъ, состоявшаяся въ Бохумѣ 19 марта, постановила прекратить забастовку, считая, что она не достигаетъ цѣли. Подробностей рѣшенія еще нѣтъ. За продолженіе стачки вотировало изъ 577 делегатовъ 349, противъ продолженія всего 215. Но такъ какъ голоса за продолженіе не составили $^3/_4$ всей цифры вотировавшихъ, то рѣшено стать на работы.

мистовъ результатами новыхъ выборовъ. Картина, представляемая новымъ рейхстагомъ, врядъ ли способна внушить безпристрастному наблюдателю особенно радужныя перспективы. Когда говорятъ о томъ, что черно-голубой блокъ сломленъ естественнымъ союзомъ лѣвыхъ партій «отъ Бассермана до Бебеля», то въ этомъ надо видѣть значительную степень самообольщенія со стороны умѣренныхъ и аккуратныхъ друзей «свободы и порядка». То, что въ данный моментъ происходитъ въ парламентѣ, врядъ ли оправдываетъ розовыя ожиданія либеральнаго бюргерства относительно «прогрессивной работоспособности» рейхстага. Прогрессисты съ большимъ удовольствіемъ распространяются, напр., о томъ знаменательномъ, по ихъ мнѣнію, фактѣ, что на окончательныхъ выборахъ президіума 9 марта президентомъ былъ выбранъ прогрессистъ Кемпфъ, первымъ вице-президентомъ — національ-либералъ Пааше, а вторымъ—прогрессистъ же Довэ. «Vossische Zeitung» не нахвалится тѣмъ обстоятельствомъ, что бюро парламента состоитъ теперь изъ лицъ, принадлежащихъ къ типичному бюргерству. «Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ рейхстагъ, всѣ члены президіума взяты изъ рядовъ бюргерскаго сословія. Игра случая? Но эта игра наглядно выражаетъ значеніе, которое должно выпадать въ настоящее время на долю буржуазіи: представитель дальнозоркихъ, творческихъ, пріобрѣтательныхъ круговъ (мы переводимъ по возможности ближе къ подлиннику патетическія фразы: «weitblickenden, schaffenden Erwerbskreise» и т. д. Н. Р.), а рядомъ съ нимъ членъ ученаго сословія и, наконецъ, человѣкъ, который, выйдя изъ рядовъ чиновничества, стоитъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ экономической жизнью. Это именно и соотвѣтствуетъ тому развитію, которое совершилось въ обществѣ въ теченіе жизни послѣдняго поколѣнія» *).

Однако, ликующая газета не можетъ совершенно затушевать того обстоятельства, что составъ настоящаго президіума, слагающагося изъ членовъ партій, занимающихъ по числу лишь третье и четвертое мѣсто въ парламентѣ послѣ соціалъ-демократовъ, центра (и даже консерваторовъ, взятыхъ вмѣстѣ), является въ сущности выраженіемъ не столько реальныхъ измѣненій, совершившихся въ послѣднее время, сколько парадоксальнаго политическаго положенія страны: самая сильная въ рейхстагѣ партія соціальной демократіи, не можетъ разсчитывать на соотвѣтствующее ея значенію мѣсто только потому, что не желаетъ исполнять «придворныхъ обязанностей»,—требуемыхъ не самой конституціей, а лишь обычаемъ, созданнымъ преимущественно правыми партіями, которыя до сихъ поръ занимали мѣсто въ президіумѣ. Вообще, характеръ нѣмецкихъ политическихъ партій, укладывающихся въ рамкахъ бюргер-

---

*) „Vossische Zeitung", № 129 отъ 11 марта 1912, въ статьѣ „Nach der Wahl".

скаго строя, достаточно ясно показываетъ, что особеннаго прогресса въ области законодательства и отъ новаго парламента ждать нечего. Въ лагерѣ ревизіонистовъ, которые чрезвычайно желали бы приступить къ совмѣстной съ бюргерствомъ реформаторской дѣятельности, прорываются уже меланхолическія разсужденія по вопросу о возможности «Соціальной политики въ новомъ рейхстагѣ»: «Можемъ ли мы теперь, когда перевѣсъ консервативно - ультрамонтанскаго блока въ рейхстагѣ ослабленъ, разсчитывать на значительный прогрессъ въ области охраняющаго рабочій классъ законодательства? Врядъ ли. Ибо именно въ этой области либерализмъ всѣхъ оттѣнковъ не обнаруживаетъ намѣренія помогать соціалъ-демократіи. Наоборотъ. Правое крыло націоналъ-либераловъ,—поскольку можно основываться на опытѣ до настоящаго времени,—будетъ бороться противъ всѣхъ мѣръ въ сферѣ охраны рабочаго класса, чтобы защищать властительную точку зрѣнія (Herrenstandpunkt) предпринимателей въ духѣ «Центральнаго союза нѣмецкихъ промышленниковъ». А между другими либералами у насъ не имѣется соціалъ-политиковъ, такъ какъ Науманнъ и Поттгоффъ, которые могли изъявлять притязаніе на этотъ титулъ, не выбраны на сей разъ въ рейхстагъ. Такимъ образомъ усиленіе лѣвыхъ партій будетъ выражаться скорѣе въ чисто политическихъ вопросахъ, а въ области соціальной политики мы хорошо сдѣлаемъ, если не будемъ ожидать никакого переворота» *).

Вдумываясь подъ вліяніемъ послѣднихъ событій въ исторію партій въ Германіи, съ точки зрѣнія политическаго и соціальнаго прогресса, я считаю полезнымъ отмѣтить ихъ внутреннія черты, осуждающія ихъ на безсиліе въ смыслѣ живыхъ общественныхъ факторовъ, правильнаго развитія по пути свободы и демократіи. Меня навело на эту мысль изображеніе исторіи и сущности различныхъ нѣмецкихъ партій, данное на страницахъ довольно интересно задуманнаго въ Германіи «Руководства къ политикѣ», первые выпуски двухъ томовъ котораго только что вышли. Я рекомендую читателю эту работу, которая по своемъ окончаніи будетъ, повидимому, служить небезынтереснымъ справочнымъ пособіемъ для оцѣнки главнѣйшихъ вопросовъ современной политики. Она выходитъ подъ редакціей такихъ извѣстныхъ авторитетовъ, какъ Лабандъ, Лампрехтъ, Адольфъ Вагнеръ, Францъ Листъ и (недавно умершій) Георгъ Еллинекъ и др. Весь VII отдѣлъ этого руководства занятъ очеркомъ германскихъ политическихъ партій, характеристика каждой изъ которыхъ была поручена совершенно сознательно редакторами изданія представителю ея взглядовъ.

И вотъ перебирая эти очерки pro domo sua, мы можемъ безъ

*) См. статью: Robert Schmidt, „Die Sozialpolitik im neuen Reichstag“ въ „Sozialistische Monatshefte“, 1912, № 3, стр. 155.

особаго труда придти къ заключенію, что во всѣхъ бюргерскихъ партіяхъ Германіи,—понимая выраженія «бюргерскія» въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. начиная отъ крайнихъ консерваторовъ и доходя до наиболѣе яркихъ либераловъ,—скрывается внутренняя червоточина, мѣшающая имъ сыграть роль живой исторической силы при выработкѣ свободы и гражданственности въ Германіи.

Вотъ, что говоритъ, напр., консерваторъ Георгъ фонъ Беловъ о консервативной и имперской партіи. Поиздѣвавшись,—и не безъ основанія,—насчетъ неумѣнія либераловъ и демократовъ 48-го года захватить власть въ свои руки и гордо заявивъ, что въ этомъ отношеніи нѣмецкіе консерваторы оказались «политически болѣе способными» *) авторъ уже гораздо скромнѣе говоритъ о политическихъ идеалахъ и о практической работѣ своей излюбленной партіи. Здѣсь прежде всего поражаетъ крайній, если можно такъ выразиться, фетишизмъ консерваторовъ, разрѣшающій жизненные вопросы политическаго устройства и общественной организаціи съ точки зрѣнія абстрактнаго предпочтенія того или иного отвлеченнаго понятія. Консерваторы,—говоритъ нашъ авторъ,—«выступаютъ во имя «королевской власти божіей милостью»: этой формулой выражается та мысль, что корона покоится не на переносѣ ея народомъ на голову властителя, а на собственномъ историческомъ правѣ династіи» (Ibid., стр. 6). Дальше авторъ объясняетъ, что консерваторы не только отвергаютъ «народный суверенитетъ», но и отбрасываютъ «парламентарное правленіе», потому, что «это не соотвѣтствуетъ существующимъ учрежденіямъ и несовмѣстимо съ сущностью нашихъ партій». Такимъ образомъ высшимъ оправданіемъ извѣстнаго явленія становится лишь тотъ фактъ, что оно *есть*.

Или далѣе. Почему консерваторы рѣшительно возстаютъ противъ «схематическаго распредѣленія мандатовъ въ рейхстагѣ по голому количеству населенія»? Да потому, что «рѣшенія, диктуемыя государственной необходимостью, могутъ осуществляться лишь при предположеніи настоящаго дѣленія по округамъ съ неравномѣрнымъ числомъ жителей». (стр. 7). Объясненіе безподобно! Мы видимъ верхъ политической мудрости въ государственномъ строѣ, какой удовлетворяетъ нашему сословному фетишизму. И мы считаемъ наиболѣе соотвѣтствующимъ способомъ избранія народныхъ представителей такую систему, которая даетъ намъ возможность проводить наши партійныя желанія подъ флагомъ «государственной необходимости».

Послушаемъ теперь Карла Бахема, адвоката и апологета центра. Сколько усилій употребляетъ онъ, чтобы затушевать клерикальный характеръ своей партіи и доказать, что именно въ центрѣ заключены возможности нормальнаго развитія германской жизни! И однако, что же выходитъ? Все время говоря о желаніи

---

*) Handbuch der Politik. т. II, вып. 1, стр. 3; Берлинъ-Лейпцигъ. 1912.

центра проводить принципъ равенства различныхъ вѣроисповѣданій и «религіозныхъ обществъ», онъ на самомъ дѣлѣ выдвигаетъ вѣроисповѣдное начало; и тотъ фактъ, что въ его партіи не оказалось въ концѣ концовъ ни одного не-католика, онъ съ комическимъ огорченіемъ приписываетъ тому обстоятельству, что этого упорно не хотѣли вѣрующіе другихъ толковъ... За то у Бахема вырывается характеристичное признаніе въ двуличности своей партіи, умѣло балансирующей между консерваторами и либералами, когда онъ говоритъ, что центръ осуществлялъ свою провиденціальную миссію, играя роль «честнаго маклера» между двумя борющимися лагерями бюргерства (стр. 24). Какъ видите, и на эту партію нельзя возлагать большихъ надеждъ въ смыслѣ прогресса свободы и гражданственности, ибо,—это доказали событія послѣднихъ лѣтъ,—она съ одинаковой легкостью способна ad majorem Dei gloriam, къ вящему торжеству клерикализма, вступать въ выборную коалицію съ соціалъ-демократами, какъ и предавать меньшую братію на растерзаніе реакціонерамъ и аграріямъ въ вопросѣ о налогѣ на наслѣдство *).

Очеркъ о націоналъ-либералахъ, написанный «самимъ» Бассерманомъ, является, быть можетъ жесточайшей ироніей надъ дѣйствіями и характеромъ этой партіи, настоящимъ историческимъ самопамфлетомъ умѣреннаго германскаго либерализма. Вожакъ нѣмецкихъ октябристовъ все время говоритъ о «развитіи» націоналъ-либеральной партіи, а когда дѣло доходитъ до конкретныхъ фактовъ, которые должны были бы подкрѣплять этотъ взглядъ, то оказывается, что, съ точки зрѣнія самаго же вожака, лишь 70-ые годы были періодомъ процвѣтанія партіи. Начиная съ 1880 г. націоналъ-либералы раздираются внутренней борьбой, превращаются въ партію, идущую на помочахъ у правительства, забѣгающую пѣтушкомъ впереди всѣхъ желаній желѣзнаго канцлера, съ піэтетомъ принимающую отъ него самые безпощадные пинки и въ концѣ концовъ уменьшающуюся съ 150 депутатовъ въ 1874 г. до 55 въ 1907 г., т. е. съ 40% до 14% всего состава рейхстага, между тѣмъ какъ число поданныхъ за нее голосовъ упало съ 36% до 15% (пройдя даже черезъ 11% въ 1893 г.). Это называется «развитіе націоналъ-либеральной партіи въ голосахъ избирателей и мандатахъ!» (стр. 31). На фасадѣ націоналъ-либеральной программы красуются громкія фразы: «Несокрушимая вѣрность императору и имперіи, властелину и отечеству. Отечество выше партіи. Всеобщее благо выше всѣхъ частныхъ интересовъ». А внутри самой программы: «поддержаніе нѣмецкой вооруженной силы, въ особенности же внушающаго по-

*) Только что подавшій въ отставку имперскій министръ финансовъ Вермутъ, повидимому, палъ жертвою общаго давленія консерваторовъ и центра на правительство, которое и на сей разъ намѣрено отказаться отъ налога на наслѣдство.

чтеніе флота для защиты страны во имя заокеаническихъ нѣмецкихъ интересовъ. Дальновидное веденіе колоніальной политики. Защита германства (Deutschtum) противъ нападеній всякаго рода. Упорная защита нѣмецкихъ земляковъ въ пограничныхъ областяхъ противъ антинѣмецкихъ стремленій. Поддержаніе общественнаго порядка. Охрана національнаго труда. Удержаніе надлежащей таможенной политики. Поддержаніе необходимаго таможеннаго покровительства» и т. д. Что же это, какъ не преклоненіе передъ фетишемъ государственности, національзма, военщины съ одной стороны, какъ не принесеніе въ жертву интересовъ трудящихся классовъ привилегированнымъ сословіямъ, питающимся «жирными говядами» таможеннаго покровительственнаго тарифа, съ другой?...

Перейдемъ, наконецъ, къ характеристикѣ лѣваго либерализма, который изображается такимъ компетентнымъ лицомъ, какъ Конрадъ Гауссманнъ. Этой нѣмецкой партіи, или, лучше сказать, этимъ различнымъ, не всегда уживавшимся между собою фракціямъ лѣваго либерализма нельзя собственно отказать въ желаніи ввести возможно больше права и свободы въ нѣмецкія учрежденія. Не говорила ли «нѣмецкая свободомыслящая партія» въ дни своего расцвѣта, когда она (въ 1884 г.) заключала въ своихъ рядахъ сто членовъ, о «развитии истинной конституціонной жизни путемъ прочно установленнаго сотрудничества правительства и народнаго представительства и легальной организаціи отвѣтственнаго имперскаго министерства» (стр. 38). Но этотъ ея политическій либерализмъ парализовался крайнимъ тяготѣніемъ къ манчестерской догмѣ въ лицѣ такого, казалось бы, идейнаго защитника гражданской свободы и противника милитаризма и неограниченной центральной власти, какъ Рихтеръ, который деспотически велъ за собой по этому пути своихъ приверженцевъ. Подъ его управленіемъ партія свободомыслящихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ боролась противъ всякой дѣйствительно серьезной попытки охраненія труда отъ эксплуатаціи. Подъ предлогомъ сопротивленія государственному соціализму она вотировала и противъ закона о страхованіи рабочихъ. Да и въ смыслѣ общаго покровительства интересовъ труда она ухитрилась въ самой программѣ 1884 г. сдѣлать явное отступленіе отъ программы 1878 г. своего прежняго аватара, «нѣмецкой прогрессистской партіи», замѣнивъ прежнее болѣе или менѣе опредѣленное требованіе «дальнѣйшаго развитія законодательства, особенно мѣръ, клонящихся, къ защитѣ жизни и здоровья рабочихъ, женщинъ и дѣтей» гораздо болѣе двусмысленной формулой «заступничества (Eintreten) за всѣ стремленія рабочихъ классовъ, ведущія къ поднятію ихъ положенія (стр. 38). И лишь подъ вліяніемъ сближенія съ «нѣмецкой народной партіей» южной Германіи, которая объявила себя въ программѣ 1895 г. «партіей соціальныхъ и экономическихъ реформъ», выработалось въ рядахъ свободомыслящей партіи признаніе необходимости болѣе дѣятельнаго покровительства трудящихся массъ;

пока, наконецъ, на засѣданіи 5 марта 1910 г. не создалась такъ называемая «прогрессистская народная партія», которая поставила, между прочимъ, въ программѣ своей цѣлью «способствовать политическому и соціальному прогрессу» и снова заговорила о «покровительствѣ рабочихъ и, въ сугубой мѣрѣ, подростковъ и женщинъ, равно какъ о «надзорѣ за промыслами, усиленномъ при помощи привлеченія къ нему рабочихъ мужского и женскаго пола» (стр. 42).

Не надо, кромѣ того, забывать, что эта партія прогрессистовъ еще недавно считала возможнымъ работать на почвѣ консервативно-либеральнаго блока, высиженнаго Бюловымъ на «готтентотскихъ» выборахъ 1907 г. и поддерживавшагося въ теченіе двухъ лѣтъ даже лѣвыми либералами, несмотря на преобладаніе консервативныхъ интересовъ въ этомъ ублюдочномъ союзѣ. Лишь грубо эгоистическая политика, въ области налоговой реформы, проводившаяся правой, которая слилась для этой цѣли съ центромъ, заставила прогрессистовъ отказаться отъ черезчуръ компрометирующей дружбы. Можно ли послѣ всего сказаннаго, — и сказаннаго въ сущности самимъ же прогрессивнымъ авторомъ — подписаться подъ его заключительными словами о значеніи партіи, къ которой онъ принадлежитъ: «Исторія и программа прогрессивной народной партіи показываютъ, что лѣвый либерализмъ и въ Германіи является выраженіемъ современнаго движенія впередъ и организаціей силъ, которыя находятъ соотвѣтствующее общественнымъ и государственнымъ интересамъ Германіи направленіе въ срединѣ между націоналъ-либеральнымъ и соціалъ-демократическимъ теченіями, и которыя при нормальномъ развитіи и по возстановленіи внутренняго и внѣшняго единства должны ожидать все возрастающаго вліянія на общественное мнѣніе» (стр. 43).

Такимъ образомъ, мы перебрали одна за другой всѣ бюргерскія партіи, претендующія на руководительство политикой Германіи, и не можемъ не придти къ заключенію, что до сихъ поръ ни одна изъ нихъ не являлась могущественнымъ факторомъ гражданскаго развитія, ни одна не даетъ и въ будущемъ друзьямъ свободы и прогресса прочной надежды на широкую творческую дѣятельность въ смыслѣ выработки гражданскаго самосознанія и демократическаго строя. Именно худосочіемъ нѣмецкихъ бюргерскихъ партій, отсутствіемъ у нихъ темперамента, слабостью инициативы и объясняется историческая роль, возлагаемая на себя даже въ чисто буржуазномъ смыслѣ нѣмецкою соціалъ-демократіей, которая, выступая какъ классовая партія трудящихся, и притомъ, главнымъ образомъ, пролетаріевъ, тѣмъ не менѣе болѣе всѣхъ ихъ удовлетворяетъ требованіямъ принципіальной политической оппозиціи. Здѣсь разгадка значительной притягательности ея для всѣхъ дѣйствительно живыхъ элементовъ въ странѣ, которые могутъ идти подъ ея знамена не только вслѣдствіе сознанія полной солидарности

съ развертываемымъ ею идеаломъ, но и подъ вліяніемъ энергичной защиты ею политической и гражданской свободы. «Политическая цѣль» соціалъ-демократіи,—какъ говоритъ въ своемъ очеркѣ членъ партіи, Пауль Гиршъ,—заключается въ требованіи «радикальной демократіи, т. е. демократіи безъ всякаго затушевыванія, и государственнаго устройства на основѣ республики» (стр. 54). И несомнѣнно, что сторонники «радикальной демократіи» и республики, даже не раздѣляя и общественныхъ идеаловъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, должны пополнять ея ряды, особенно въ узловые моменты политической жизни въ родѣ выборовъ, и въ замѣтной степени усиливать ростъ этой партіи, производящей впечатлѣніе чуть ли не единственнаго истинно прогрессивнаго фактора въ современной Германіи.

II.

8 марта подало въ отставку венгерское министерство графа Куэна Хедервари. Это само по себѣ обыкновенное въ жизни парламентарныхъ странъ событіе вызываетъ, однако, въ данномъ случаѣ рядъ интересныхъ, и теоретическихъ и практическихъ, вопросовъ государственнаго права, словно бы его нарочно придумалъ профессоръ - казуистъ для ознакомленія своихъ слушателей съ функціонированіемъ современныхъ конституцій. Намъ представляется интереснымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на обстоятельствахъ отставки Хедервари, такъ какъ она, дѣйствительно, затрагиваетъ серьезныя стороны современнаго публичнаго права.

Австро-венгерская монархія, такъ извѣстно, представляетъ собою типъ настоящаго дуалистическаго государства: Австрійская имперія и Венгерское королевство объединены не только «личной уніей», не только особой монарха, но и извѣстными общими учрежденіями, — представительствомъ государства во-внѣ, военнымъ дѣломъ, нѣкоторыми общими расходами. Въ частности, переходя къ войску, по вопросу о которомъ венгерскій кабинетъ и подалъ въ отставку, должно сказать, что оно слагается: изъ общей имперской арміи въ количествѣ 294.523 солдатъ (въ 1911 г.) на мирномъ положеніи; и изъ спеціальныхъ для каждой страны резервовъ (въ Австріи они называются ландверомъ, въ Венгріи — гонведшегомъ) и изъ спеціальныхъ же для каждой страны ополченій (ландштурма въ Австріи, непфёлькелеша въ Венгріи). Замѣтимъ мимоходомъ, что австрійскіе резервы достигаютъ 41.835 человѣкъ, венгерскіе 25.580 *).

На основаніи такъ называемаго «австро-венгерскаго соглаше-

*) Ср. «The Statesman's Year-book 1911»; Лондонъ, 1911, стр. 588—590 и „Almanach de Gotha 1911»; Гота, 1912, стр. 680—684.

нія» 67 г., у венгерскаго парламента есть свои права, которыя ревниво соблюдаются мадьярами, несмотря на личныя большія симпатіи къ настоящему носителю короны. Въ примѣненіи къ арміи эти права состоятъ въ вотѣ двухъ законовъ, а именно: общаго закона, который опредѣляетъ контингентъ рекрутовъ и имѣетъ силу въ теченіе извѣстнаго періода; и спеціальнаго закона, который разрѣшаетъ рекрутскій наборъ каждаго года. Какое значеніе имѣетъ этотъ параграфъ соглашенія въ глазахъ венгерцевъ, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ заявленій, сдѣланныхъ въ моментъ кризиса графомъ Аппоньи, вице-президентомъ партіи Кошута, на столбцахъ парижскаго «Le Temps»: «Это право представляетъ собою одну изъ величайшихъ силъ венгерскаго парламента для соблюденія столь труднаго въ Венгріи равновѣсія между властью короля и властью націи. Хорошо знаютъ, какъ сильно королевская власть преобладаетъ надъ властью народною въ современной игрѣ венгерскихъ учрежденій. Легко, поэтому, понять, до какой степени важно съ точки зрѣнія общественныхъ свободъ не допускать новыхъ перемѣщеній силы въ пользу королевской власти. Именно воодушевленные этимъ чувствомъ, авторы соглашенія 1867 г. и оставили неприкосновеннымъ право парламента голосовать рекрутированіе арміи, и сохраненіе этого права является однимъ изъ основныхъ элементовъ упомянутаго соглашенія въ его самомъ строгомъ и самомъ ортодоксальномъ толкованіи» *).

Случилось, однако, такъ, что въ 1888 г. международныя обстоятельства сдѣлали для Австро-Венгріи необходимымъ увеличить силу нѣкоторыхъ корпусовъ, не прибѣгая къ мобилизаціи. Вотъ тогда-то въ обѣихъ частяхъ монархіи и былъ вотированъ законъ, давашій нраво императору-королю удерживать или призывать на дѣйствительную службу самые послѣдніе резервы «въ случаѣ особенныхъ обстоятельствъ и пока онѣ длятся». Въ тотъ моментъ, когда этотъ законъ обсуждался въ венгерскомъ парламентѣ, никому изъ депутатовъ и въ голову не могло прійти, чтобы къ числу этихъ «особенныхъ обстоятельствъ» могъ быть отнесенъ фактъ отвергнутія парламентомъ контингента. И однако это какъ разъ и случилось во время произвольнаго хозяйничанья въ странѣ кабинета Фейервари, который, прижатый къ стѣнѣ палатой во время великаго конституціоннаго конфликта 1905 г., отсрочилъ засѣданія парламента sine die (неопредѣленно) и воспользовался именно закономъ 1888 г., чтобы замѣнить число недостающихъ рекрутовъ чрезвычайнымъ призывомъ резервовъ.

Въ концѣ-концовъ правительству пришлось уступить энергичному и умѣлому сопротивленію венгерскихъ парламентаріевъ, которые отличаются, если хотите, всѣми недостатками цензовиковъ, но

*) «Le Temps», № отъ 9 марта 1912.

обладаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ большой политической дальновидностью и упорствомъ при защитѣ своихъ привилегій. И передъ побѣдившей націей открылись два пути, санкціонирующіе исходъ борьбы: привлеченіе къ законной отвѣтственности кабинета Фейервари; или же изданіе новаго закона, или «аутентичное» толкованіе закона 1888 г., съ тѣмъ, чтобы опредѣлить ясно и точно, что ни отказъ парламента вотировать контингентъ, ни отсрочка палатъ королевскимъ указомъ не можетъ считаться въ числѣ «особенныхъ обстоятельствъ» и не можетъ давать права на чрезвычайный созывъ резервовъ. Лойялизмъ, уживающійся съ твердой защитой конституціи, позволилъ венгерцамъ, по соглашенію съ монархомъ, отказаться отъ обвиненія кабинета. Но тогда выдвинулась на первый планъ необходимость законодательнымъ актомъ точно опредѣлить смыслъ закона 1888 г.

Тѣмъ временемъ снова возникъ вопросъ о необходимости увеличенія военныхъ силъ двойственной монархіи и усиленія военнаго бюджета. Въ результатѣ былъ выработанъ законопроектъ, который, въ видѣ вознагражденія за возлагаемыя на націю тяготы, сокращалъ срокъ службы съ трехъ до двухъ лѣтъ. Онъ-то и являлся предметомъ обсужденія въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ венгерскомъ парламентѣ. И именно онъ обладалъ свойствомъ вызывать пріемы самой отчаянной обструкціи противъ графа Куэна-Хедервари, кабинетъ котораго сталъ у власти 18 января 1910 г.

До сихъ поръ еще не забыты дикія сцены, разыгравшіяся въ венгерской палатѣ депутатовъ въ мартѣ 1910 г., когда, какъ выражается безстрастный лѣтописецъ «Историческаго календаря», «многіе депутаты обрабатывали (sic!) графа Куэна книгами, досками и т. д., такъ что лицо его было разбито въ кровь, между тѣмъ, какъ въ его голову неслись безпрерывно со всѣхъ сторонъ всевозмозможные метательные снаряды» *). Рейхстагъ былъ распущенъ. Выборы 1 Іюня дали громадный перевѣсъ такъ называемой правительственной партіи, состоявшей теперь изъ 201 члена, тогда какъ группа Андраши получила 14 мандатовъ, умѣренно-радикальная партія Кошута—39, болѣе радикальная партія Юста—26 и клерикальная народная партія—7.

Несмотря на сравнительно незначительную цифру членовъ оппозиціи, ихъ сопротивленіе въ новомъ рейхстагѣ приняло формы обструкціи, ничѣмъ не уступавшей прежней и въ сущности питавшейся атмосферою сочувствія даже на скамьяхъ правительственной партіи, которая, и соглашаясь вести совмѣстную работу съ правительствомъ, тѣмъ не менѣе требовала отъ него извѣстныхъ гарантій и не могла ни на минуту отказаться отъ сильно

---

*) «Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1910»; Мюнхенъ, 1911, стр. 462.

развитаго національнаго чувства, характеризующаго мадьяровъ. Два года длилась борьба. И, наконецъ, Хедервари удалось заручиться согласіемъ оппозиціи на принятіе законопроекта, но подъ тѣмъ условіемъ, что если не въ самый текстъ, то въ объясненія его будетъ внесено истолкованіе надлежащаго смысла закона. Рѣшено было даже придать этому истолкованію форму простого заявленія обѣихъ палатъ относительно исключенія изъ числа «особенныхъ обстоятельствъ» отверженія контингента парламентомъ или отсрочки его засѣданій. Было условлено вмѣстѣ съ тѣмъ, что палаты удовлетворятся присоединеніемъ правительства къ этой деклараціи, и такимъ образомъ будетъ пощажено самолюбіе монарха, который заявилъ при самомъ началѣ конфликта, что «если бы даже онъ хотѣлъ, онъ не можетъ согласиться на уменьшеніе прерогативъ короны, въ особенности въ военномъ дѣлѣ».

Францъ-Іосифъ принялъ такой компромиссъ, и законъ о двухлѣтней службѣ долженъ уже былъ пройти, какъ вдругъ въ дѣло вмѣшался наслѣдный принцъ, Францъ-Фердинандъ, отчаянный реакціонеръ и католикъ, который къ тому времени успѣлъ замѣстить общаго военнаго министра имперіи, «слабаго» генерала Шёнайха, генераломъ Ауффенбергомъ, отличающимся воинственными замашками и тяготѣніемъ къ произволу, и при содѣйствіи этого рыцаря милитаризма убѣдилъ престарѣлаго монарха во всей гибельности сдѣланной имъ уступки... Вѣна отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ на законопроектъ, выработанный въ Будапештѣ. Но обстоятельства политической борьбы завели и венгерскія партіи, и венгерскій кабинетъ такъ далеко, что въ мадьярскомъ парламентѣ обнаружился одинъ общій порывъ національнаго конституціоннаго достоинства, и столь ненавистный еще годъ тому назадъ гр. Куэнъ-Хедервари былъ встрѣченъ теперь живѣйшимъ одобреніемъ всѣхъ партій.

Дѣло пошло еще дальше: выдающійся вожакъ правительственной партіи Тисса, громко заявилъ въ моментъ кризиса свое мнѣніе, рѣзко идущее противъ политики императора, или, лучше сказать, наслѣднаго принца: «Мы не можемъ допустить, чтобы венгерскій президентъ совѣта былъ какимъ-нибудь простымъ областнымъ губернаторомъ, а венгерскій парламентъ простымъ мѣстнымъ сеймомъ, и чтобы глава нашего правительства долженъ былъ на каждомъ шагу спрашивать совѣта въ Вѣнѣ. Венгрія—государство парламентарное и независимое. Она обладаетъ отвѣтственнымъ правительствомъ, и Вѣна жестоко ошибается, если думаетъ иначе». Куэну-Хедервари ничего другого не осталось, для сохраненія личнаго и политическаго достоинства, какъ подать въ отставку и покинуть, — вѣроятно, ненадолго, — арену съ ореоломъ венгерскаго патріота. Съ другой стороны, и партія эрцгерцога не могла довести своего тріумфа до конца, такъ какъ 10 марта и генералъ Ауффенбергъ принужденъ былъ подать въ

отставку вслѣдствіе отказа Франца-Іосифа принять новую программу военнаго министра, имѣющую въ виду взятіе назадъ законопроекта о двухлѣтней службѣ и внесеніе временнаго военнаго закона при удержаніи трехлѣтняго срока. За этимъ шагомъ естественно должно было бы послѣдовать, по плану Ауффенберга проведеніе въ Австріи этого предложенія въ порядкѣ верховнаго управленія на основаніи пресловутой 14 ст. австрійской конституціи (кстати сказать, скопированной нашею конституціею въ ст. 87).

Печальнѣе всего въ этомъ дѣлѣ позиція австрійскихъ либераловъ, которые въ своей запальчивой борьбѣ противъ «мадьярскаго упрямства» требуютъ, чтобы и венгерцы подчинялись «дѣйствію упомянутой 14 ст., функціонированіе которой въ Австріи казалось, однако, до сего времени этимъ своеобразнымъ любителямъ свободы верхомъ несправедливости и произвола. Было бы, дѣйствительно, тяжелымъ ударомъ для австрійскаго либерализма, если бы цензовое представительство Венгріи учило политической стойкости и гражданскому мужеству австрійскихъ парламентаріевъ, избираемыхъ всеобщей подачей голосовъ.

Каковъ бы ни былъ, впрочемъ, исходъ этого любопытнаго парламентарнаго и національнаго конфликта, но онъ врядъ ли въ состояніи задержать надолго нормальное развитіе австро-венгерскихъ учрежденій. Пока что, этотъ кризисъ возбуждаетъ общественныя страсти, и соціалисты уже успѣли организовать въ Будапештѣ большой митингъ, на которомъ ораторы энергично требовали введенія всеобщей подачи голосовъ и въ Венгріи.

Мнѣ передано, съ правомъ полнаго распоряженія, письмо Джорджа Кеннана къ одному изъ русскихъ друзей, и я считаю полезнымъ перевести возможно точнѣе къ подлиннику наиболѣе выдающіяся мѣста изъ этого письма.

«Обращеніе съ евреями въ Россіи и аггрессивная политика, преслѣдуемая вашимъ правительствомъ въ Персіи,—пишетъ Кеннанъ—произвели очень неблагопріятное впечатлѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ. И въ этомъ году здѣсь прокидывается болѣе сильное антирусское теченіе, чѣмъ какое существовало за послѣднія десять лѣтъ. Когда я говорю «антирусское», я, конечно, разумѣю теченіе противъ русскаго правительства (anti-Russian-government). А чувства по отношенію къ самому русскому народу до сихъ поръ вполнѣ дружественныя. Ваши реакціонныя газеты думаютъ, повидимому, что наше заявленіе о намѣреніи покончить съ договоромъ 1832 г., въ видѣ протеста противъ фактическаго исключенія нашихъ еврейскихъ гражданъ изъ Русской имперіи, есть исключительно дѣло еврейской части нашего населенія. Но это совершенно не такъ. Всѣ классы американцевъ вели агитацію во имя отмѣны договора. И ораторы массовыхъ митинговъ, устраивавшихся во всѣхъ

частяхъ страны, были выдающимися чистокровными американцами, а отнюдь не евреями. Въ самомъ Конгрессѣ врядъ ли есть евреи. И, однако, обѣ палаты были практически единодушны въ вопросѣ о прекращеніи трактата.

«Точно также и аггрессивная политика русскаго правительства въ Персіи привлекла здѣсь особенное вниманіе, потому что Шэстеръ, главный казначей либеральной персидской администраціи, былъ американцемъ, уже выгодно отличившимся на Кубѣ и въ Филиппинахъ. И всѣ его сотрудники были также американцами. Когда они были вытолкнуты, въ результатѣ русскаго ультиматума, поставленнаго персидскому правительству, то, конечно, это вызвало здѣсь чувства негодованія, которыя еще болѣе возрасли подъ вліяніемъ вѣстей о казняхъ въ Тавризѣ. Россія могла бы повѣсить тысячу человѣкъ на своей собственной территоріи—и не возбудила бы этимъ здѣсь такого вниманія, какое было возбуждено тѣмъ, что она повѣсила два десятка людей въ Персіи. Впрочемъ, и Великобританія заслуживаетъ почти такого же порицанія, какъ и Россія. Она надѣялась, развязавъ Россіи руки въ Персіи, найти себѣ союзника противъ Германіи. Но она гораздо бы лучше сдѣлала, если бы заключила дружбу съ Германіей и совершенно бы выставила Россію изъ Персіи (keep Russia out of Persia altogether). Она раздражила свои магометанскія народности въ Азіи, и въ концѣ концовъ ей, можетъ быть, придется бороться съ Россіей за господство въ Персидскомъ заливѣ. Она долго и ожесточенно сопротивлялась русскому наступленію на Индію черезъ среднюю Азію, но наступленіе черезъ Персію много опаснѣе».

Письмо это показываетъ, между прочимъ, какъ извѣстныя стороны нашей внутренней и внѣшней политики успѣшно возбуждаютъ чувства антипатіи и тамъ, гдѣ до сихъ поръ не замѣчалось особой вражды... Политика, нельзя сказать, чтобы очень цѣлесообразная, особенно въ виду натянутаго международнаго положенія.

Н. С. Русановъ.

Изъ литературныхъ впечатлѣній.

(8-ой сборникъ „Земля").

I.

Окончанія повѣсти г. Арцыбашева пришлось ждать меньше, чѣмъ можно было думать. Но недлинный срокъ, отдѣлившій появленіе конца отъ начала второй части (въ седьмомъ сборникѣ), для героевъ повѣсти оказался роковымъ: въ живыхъ никого не осталось!

Со всѣми участниками повѣсти раздѣлался авторъ, безъ различія взглядовъ и общественныхъ положеній. Офицеръ, студентъ, мелкій чиновникъ, мѣщанинъ, знаменитый художникъ, дѣвушка безвольная, дѣвушка энергичная... На протяженіи 152 страницъ— всѣ кончаютъ или кончатъ однимъ и тѣмъ же; только средства и видимыя причины самоуничтоженія мѣняются. Одинъ офицеръ застрѣлился—подъ видимымъ давленіемъ проповѣди Наумова. Другой офицеръ зарѣзался изъ-за невыносимой семейной жизни. Дѣвушка утопилась изъ-за обманутой любви. Другая готовится отравиться ціанистымъ кали—по той же причинѣ. Герой литературно приготовленный á la Рогожинъ, сошелъ съ ума—отъ сознанія, что физическое обладаніе женщиной, къ которому онъ стремился много лѣтъ, ломая свою жизнь и мучаясь изо-дня въ день,—не только не дало ему Санинской «радости», но принесло нѣчто противное: чувство глухого отвращенія...

Всѣ будто-бы по разнымъ причинамъ, а на самомъ дѣлѣ—по существу—въ силу единственной, но достаточной причины: въ жизни вообще нѣтъ привлекательности.

Какъ и слѣдовало ожидать, знаменитый художникъ Михайловъ, такой, казалось, жизнерадостный и стойкій, тоже не устоялъ. Сполна извѣдавъ жизнь, построенную по схемѣ Санина, онъ убѣдился, что Санинъ ошибся и что жить ради наслажденія нельзя и не стоитъ: это не удовлетворяетъ. «Нѣтъ, докторъ—исповѣдуется Михайловъ незадолго передъ концомъ повѣсти—если не можешь повѣрить, если не можешь жить для чего-нибудь, то жить нельзя совсѣмъ!.. Страсть—это тоже сказка, и наслажденіями нельзя заполнить душу свою»!.. Поэтому, дождавшись подходящей минуты настроенія, застрѣлился и онъ.

До послѣднихъ главъ въ повѣсти рѣшительнымъ противникомъ самоубійства, какъ философской идеи и жизнеисцѣляющаго средства, является студентъ со смѣшной фамиліей Чижъ. У него есть свое объясненіе, почему именно въ маленькомъ уѣздномъ россій-

скомъ городѣ г. Арцыбашева вдругъ началась эпидемія самоубійствъ. По его словамъ, современное общество всего міра дошло «до послѣдней черты» въ пользованіи «цѣнностями науки и искусства». Если перейти съ условнаго языка философіи на грубый языкъ мужиковъ русскихъ, причину всеобщаго тяготѣнія къ «желтой могилѣ» пришлось бы объяснить словами: люди съ жиру бѣсятся.

Именно по этой причинѣ среди нихъ имѣетъ и должна имѣть успѣхъ проповѣдь инженера Наумова о всеобщемъ самоубійствѣ. Чижъ начинаетъ говорить объ этомъ съ оговоркой: «*быть можетъ*, для современнаго общества, исчерпавшаго всѣ цѣнности науки и искусства и дошедшаго до послѣдней черты, онъ и правъ». Но въ дальнѣйшемъ оговорку о «быть можетъ» Чижъ опускаетъ и говоритъ уже увѣренно: «*Конечно*, общество, взявши все, что можно было взять, исчерпавшее до дна всѣ наслажденія, естественно должно придти къ вопросу: «что дальше?» и рѣшить его въ наумовскомъ смыслѣ»...

Въ какой мѣрѣ на сторонѣ своего Чижа самъ авторъ повѣсти, мы не знаемъ. Съ одной стороны, изъ устъ этого человѣка со смѣшной фамиліей мы слышимъ—подъ конецъ повѣсти—самое заглавіе ея, т. е. какъ будто именно онъ и угадалъ два слова: «послѣдняя черта», которыя все объясняютъ, что разсказывается въ повѣсти. И нѣтъ, повидимому, указаній, что авторъ озаглавилъ свою повѣсть въ ироническомъ разумѣніи словъ о «послѣдней чертѣ». Съ другой стороны, жизнь въ Арцыбашевскомъ городкѣ съ Чижомъ-философомъ, до такой степени нудна и тосклива и убога, что говорить о чрезмѣрномъ использованіи въ этомъ нудномъ городкѣ «цѣнностей науки и искусства», какъ о мотивѣ самоубійства, не приходится. Это очевидно. Да и авторъ слишкомъ грубо подчеркиваетъ въ другихъ, болѣе раннихъ эпизодахъ свое насмѣшливое отношеніе къ соціалъ-демократу и философу Чижу, заставляя его, напр., натыкаться на свинью (подлинную, не символическую) въ самый убѣдительный моментъ его философскихъ опроверженій «наумовщины».

Такъ мы и не знаемъ въ концѣ концовъ, что же именно толкнуло обитателей изображеннаго городка въ «желтую могилу» въ одну изъ осеней,—такую же какъ и всѣ. Мы только знаемъ изъ первой половины второй части, изъ разсказа самого инженера Наумова, что «писатель Арцыбашевъ», цитируемый упомянутымъ персонажемъ повѣсти, самъ по себѣ независимо и опредѣленно выяснилъ вопросъ, что для человѣка, достаточно умудреннаго жизнью, нѣтъ никакого исхода, какъ «сунуть голову въ помойную яму» и умереть.

Бѣдный Чижъ въ третьей части повѣсти тоже умеръ. Выставляя, въ противовѣсъ теоріи Наумова, призывъ къ жизни во имя будущаго, во имя человѣчества, онъ кончилъ все-таки тѣмъ же, чѣмъ

и другіе. Только мѣсто нашелъ для себя особенное, повѣсившись на вѣшалкѣ, рядомъ со своей шинелью. «Пара маленькихъ калошъ, старыхъ и рваныхъ, стояла на полу возлѣ»,—разсказываетъ авторъ о подробностяхъ смерти Чижа. Только и осталось послѣ него и всей его стойкой борьбы противъ Наумова,—однѣ только калоши, съ которыми онъ тоже все не мирился, все собираясь купить новыя цѣльныя, когда разбогатѣетъ».

Остался безсрочно живъ лишь докторъ Арнольди, но и то потому, что онъ давно чувствуетъ себя «мертвымъ» въ жизни, какъ аттестуетъ себя, въ угоду автору, самъ же докторъ Арнольди.—Мертвымъ онъ себя называетъ потому, что въ его существованіи нѣтъ никакихъ радостно-красочныхъ проблесковъ вообще и въ особенности по части женской любви. По разсказу, Арнольди очень уменъ, не расплывается въ жалобахъ на то, что приходится жить по Пушкинской формулѣ,—«чтобъ мыслить и страдать», но въ его неизмѣнномъ молчаніи чувствуется еще большій обвинитель бытія, чѣмъ инженеръ Наумовъ и даже «писатель Арцыбашевъ».

Куда дѣлся инженеръ Наумовъ, остается неизвѣстнымъ до конца повѣсти; о Наумовѣ только вспоминаютъ мимоходомъ, повидимому, какъ о живомъ еще, хотя и отсутствующемъ. Не исключена возможность, что онъ уѣхалъ въ другой уѣздный городъ, чтобы и его тоже опустошить, какъ нѣкогда ангелъ Божій библейскій Египетъ.

Относительно роли Наумова въ самоубійствахъ нужно, однако, сдѣлать оговорку и существенную оговорку. Авторъ настолько опытный художникъ, чтобы понимать, что одного *убѣжденія* героевъ въ полезности самоубійства недостаточно. Нужно еще и соотвѣтственное настроеніе, позволяющее подчиниться голосу даже своего убѣжденія, а не только убѣжденія со стороны. Это соображеніе авторъ настолько имѣлъ въ виду, что въ повѣсти у него для каждаго самоубійства существуютъ свои особенныя частныя причины; о нихъ мы уже упоминали; именно, эти причины и создаютъ воспріимчивость персонажей «У послѣдней черты» къ рѣчамъ, какъ будто Наумова, какъ будто самого автора.

Это переноситъ художественный интересъ, конечно, на соотвѣтствующія частныя сцены. И если бы автору удалось нарисовать убѣдительныя по настроенію сцены, это было бы, конечно, очень плохо для читателя, но очень хорошо для самой повѣсти. Къ счастью - несчастью, но получилось другое: получилось очень хорошо для читателя, имѣющаго возможность читать оптовую повѣсть о самоубійцахъ, безъ всякаго потрясенія. Исключеніе только одно: сцена, предшествующая самоубійству Тренева... Происходитъ семейная ссора, происходитъ нелѣпо, какъ и раньше 1001 разъ. Но на этотъ разъ злоба и отчаяніе вдругъ переходятъ за предѣлы переносимаго, роковая развязка крутится, какъ мятель, около обоихъ ссорящихся, и вы чувствуете въ описаніи Арцыбашева, что теперь

все возможно... Но это единственная ярко и правдиво написанная сцена. Все остальное—только «отъ Наумова» чтеніе.

Немного скучно, другого тяжелаго результата не получается. Скучно отъ гиперболической конструкціи повѣсти. Скучно отъ гиперболическихъ подробностей, которыя не усиливаютъ, а понижаютъ впечатлѣніе. Скучно отъ попытокъ автора во что бы то ни стало создать повѣсть съ универсальнымъ настроеніемъ, объединяющимъ всѣхъ въ позывѣ къ самоубійству. Но вмѣсто того, чтобы заставить васъ почувствовать и повѣрить, что «всѣ» на самомъ дѣлѣ заражены тяготѣніемъ къ могильному холмику на кладбищѣ, авторъ безсильно, а потому утомительно прибѣгаетъ къ простымъ завѣреніямъ, что это именно такъ и было въ захолустномъ городкѣ, имъ описанномъ. Поэтому, когда покончилъ съ собой маленькій чиновникъ Рысковъ — изъ категоріи незамѣтныхъ ни для кого въ городѣ, въ повѣсти это оказывается событіемъ центральной важности: разсказывается, что самоубійство Рыскова «*всѣхъ* поставило въ тупикъ». Когда же за этимъ незамѣтнымъ обывателемъ покончили съ собой еще «мѣщанинъ — огородникъ и дочь купца», то оказывается, что «*весь*» городокъ былъ потрясенъ и снова на слѣдующей страницѣ повторяется, что «*весь* городокъ кипѣлъ»... Не иначе, какъ «весь городокъ» и не иначе, какъ «кипитъ» — «потрясенъ»—«поставленъ въ тупикъ»!.. Меньшимъ эффектомъ авторъ не удовлетворяется; не удовлетворяется и читатель, для котораго въ этомъ случаѣ впечатлѣніе чрезмѣрной авторской горячности очень близко къ ощущенію очень холоднаго и дѣланнаго.

Такъ же гиперболично и упрощенно авторъ пробуетъ обезпечить нужное себѣ настроеніе въ деталяхъ. Если у него фигурируетъ эскадронъ для отданія воинскихъ почестей корнету Краузе, то этотъ эскадронъ движется, какъ цѣлая армія и даже внушительнѣе, чѣмъ цѣлая армія: эскадронъ идетъ «сотрясая землю мощнымъ гуломъ»... Но и это описаніе все-таки приходится считать равнодушнымъ и спокойнымъ по сравненію съ тѣмъ, что разсказывается о дальнѣйшемъ моментѣ похоронъ злополучнаго Краузе, когда—по описанію— «гробъ *горбато* и *хищно* выгнулся, качнулся и *нырнулъ* въ открытыя темныя двери (кладбищенской церкви)».

Несомнѣнно, что даже мертвые должны были содрогнуться отъ такого ужаса. И если это не такъ въ отношеніи живыхъ, виновато во всякомъ случаѣ не равнодушіе автора къ тому, чтобы его повѣсть была ужасающей.

И что всего поразительнѣй: этотъ нынѣ желающій быть *ужаснымъ* авторъ четыре года назадъ задавалъ себѣ какъ-разъ обратную задачу—быть прельстителемъ во славу жизни, доказавъ во что бы то ни стало ея необычайную, невѣроятную красоту и привлекательность.

II.

«Звѣриный бытъ»—таково заглавіе разсказа Ѳ. Сологуба. Но не подумайте, что это гимнословіе въ честь «звѣря» душъ нашихъ, какъ это слѣдовало бы съ увѣренностью догадаться, если бы Ѳ. Сологубъ печаталъ свой разсказъ три-два года назадъ. Тогда «звѣрь» былъ въ модѣ, онъ былъ «святъ» на печатныхъ страницахъ, и заглавіе: «звѣриный бытъ» могло бы натолкнуть на мысль о радостяхъ жизни, имѣющихъ развернуться передъ читателемъ въ разсказѣ, озаглавленномъ такимъ «святымъ» словомъ.

Теперь же—времена мѣняются—«звѣрь» не въ такомъ почетѣ, и въ «Звѣриномъ быту» разсказывается случай, какъ нѣкій подражатель Ласси захотѣлъ убить своего племянника, дабы получить наслѣдство. Въ этихъ цѣляхъ злоумышленникъ натолокъ стекла, подговорилъ гувернантку подсыпать это истолченное стекло въ пищу мальчику и кромѣ того подарилъ ему коробку конфектъ съ тертыми каштанами, въ которыя были натыканы кончики отъ тонкихъ иголокъ! Двѣнадцатилѣтній мальчикъ долженъ былъ это съѣсть и не замѣтить... Къ счастью, въ разсказѣ какъ deus ex machina появляется проницательный сыщикъ—не Шерлокъ Хольмсъ, а совершенно русскій: Кундикъ-Разноходскій—и своевременно за 1100 рублей разоблачаетъ замыслы родственника, представивъ убѣдительныя доказательства. Отецъ ребенка, потрясенный этими доказательствами, воочію установившими звѣриный бытъ въ городахъ, рѣшаетъ бѣжать съ сыномъ куда-нибудь отъ «звѣринаго быта». Намѣчены для этого Аргентинская республика и Сандвичевы острова.

Какъ видите, авторъ очень отрицательно относится къ звѣриному элементу въ людяхъ. Правда, онъ еще не проклинаетъ своего Триродова изъ неконченныхъ «Навьихъ чаръ» за жестокосердіе, съ которымъ тотъ, удовольствія ради, на письменномъ столѣ держалъ призмы, спрессованныя изъ труповъ убитыхъ имъ самимъ людей. Но авторъ все-же скорбитъ о томъ, что «въ городѣ нашихъ дней, великолѣпномъ Содомѣ, возрождается древній звѣрь и хочетъ властвовать». У разсказчика есть даже публицистическій выводъ, сдѣланный изъ властолюбія просыпающагося (?) древняго звѣря. «Все то жестокое, что совершалось въ странѣ, шло отсюда», утверждаетъ разсчазчикъ.

Итакъ, война со «звѣремъ», съ недавнимъ «святымъ» элементомъ въ людяхъ! И... Ѳедоръ Сологубъ противъ него!

Къ сожалѣнію, отъ этой прибавки самъ разсказъ не сталъ ни содержательнѣе, ни художественнѣе. Выпадъ противъ «звѣринаго быта» только одно изъ украшеній разсказа, не имѣющихъ органическаго значенія. Самый же разсказъ сводится къ уголовному ска-

занію о сыщикѣ, не уступающемъ въ проницательности Шерлоку Холмсу.

Не обошлось дѣло, конечно, безъ пропаганды объ освобожденіи человѣчества отъ злѣйшаго врага человѣка—одежды. Вѣдь «тѣла прекраснѣе лицъ»,—утверждаетъ герой разсказа г. Сологуба,—и не только прекраснѣе, но и «менѣе поддаются вліянію старости, болѣзней и слабости»! Но почему же въ такомъ случаѣ открываются лица и закрывается тѣло?.. Наконецъ, пусть на самомъ дѣлѣ существуютъ безобразныя тѣла: что же изъ этого слѣдуетъ? По герою,—ровно ничего: «вокругъ насъ много безобразныхъ предметовъ... тогда бы и на нихъ надѣвать покровы и маски, чехлы и футляры». Герой предлагаетъ дамѣ—своей собесѣдницѣ, вообразить такой городъ: «Представьте себѣ видъ такого города».

Этотъ доводъ въ передачѣ г. Сологуба оказывается почти рѣшающимъ. Дама пробуетъ представить себѣ дома, затянутые сѣрымъ холстомъ или кисеею по причинѣ дурного фасада и восклицаетъ: «Какой ужасъ!..» Близокъ уже конецъ спора. Дама перестаетъ возражать и «задумчиво» — по описанію автора — полусоглашается съ героемъ. Но въ это время «кто-то подошелъ»—по дальнѣйшему описанію—и «разговоръ прервался», близкій къ концу и логической побѣдѣ, но не конченый...

Къ слову замѣтить, «Звѣриный бытъ» начатъ въ спокойныхъ, красивыхъ полутонахъ, и по этому началу можно было думать, что разсказъ будетъ имѣть свое особенное содержаніе, ибо сведется къ неясной лирикѣ переживаній, которая удается поэту Ѳ. Сологубу. Но конецъ, вѣнчающій дѣло, у беллетриста опредѣлился уголовнымъ анекдотомъ и теоріей обнаженія человѣчества — на равныхъ правахъ съ домами безобразной внѣшности.

III.

Въ послѣднее время г. Чириковъ часто обращается къ годамъ молодости, юности и дѣтства. Въ этомъ отношеніи онъ правъ. Все вокругъ насыщено маскарадомъ идей и чувствованій. Хотѣлось бы простоты, искренности и въ то же время чувства свободы и непринужденности. Но гдѣ же искать эту волшебную возможность, какъ не въ молодости, не въ юности и дѣтствѣ? Положимъ, не было ихъ, вѣроятно, и тамъ: и въ то время надъ нами тяготѣли разные законы житейской необходимости, порой и подъ часъ очень больные для дѣтской души. Но поэзія отъ того и присуща воспоминаніямъ юности и дѣтства, что все отрицательное и тяжелое оказывается забытымъ. Помнится только то, что кажется радостнымъ въ воспоминаніяхъ... Поэтому мы всѣ плохо разбираемся въ психологіи дѣтской души: свои дѣйствительныя переживанія мы давно забыли и живемъ одной миѳологіей дѣтства... Поэтому мы

плохіе педагоги и порядочные истязатели дѣтской непосредственности, которыхъ оцѣнить и понять, пережить въ чувствѣ своемъ давно неспособны... Но миѳологія дѣтства ярка въ нашихъ душахъ, и этого достаточно для того, чтобы служить испытаннымъ источникомъ поэзіи. Здѣсь не нужно сочинять, здѣсь нужно только умѣть разсказать то, что горитъ въ неточной памяти, и родникъ поэзіи на-лицо, и сочувствіе читателя тоже на-лицо.

Особенно сейчасъ, когда всѣмъ достаточно прискучили всевозможные лики и личины литературнаго производства. Литература успѣла только разжечь жажду индивидуалистическаго освобожденія, полноту и свободу переживаній, ни отъ кого и ни отъ чего независящихъ. Но удовлетворить эту жажду литература не могла. Удовлетворить ее оказалось столь же трудной задачей, какъ и разрѣшить задачу о дѣленіи угла на три части. По внѣшности, по видимости, нѣтъ ничего легче, но проходятъ не года, не сотни лѣтъ, а тысячелѣтія, а «простая» геометрическая задача остается неразрѣшенной, и простая задача для человѣка — быть свободнымъ и простымъ и ничѣмъ не стиснутымъ въ душевной жизни—остается тоже неразрѣшенной.

Поневолѣ, какъ разсказчикъ Е. Чириковъ, уйдешь въ область миѳологіи дѣтства, когда все это «было».

Его новый разсказъ («Утро жизни») въ «Землѣ» ведется отъ лица женщины, мечтающей о томъ, «какъ хорошо было бы сбросить съ себя всѣ путы, связывающія тѣло съ головы до пятокъ, выпрыгнуть изъ окна (вагона) и съ распущенными волосами, въ одной рубашкѣ побѣжать по зеленому лугу... къ самой рѣчкѣ, замутить ея прозрачность босыми ногами». Вѣдь все это было возможно когда-то: въ то время, когда она не была еще «мадамъ», какъ называетъ ее кондукторъ, контролирующій билеты; тогда она была маленькой деревенской дѣвчонкой, пріятельницей сѣдого дѣда, съ которымъ и выполняла всѣ хозяйственныя обязанности по огороду и прочимъ дѣламъ въ страдную пору, за неимѣніемъ въ домѣ иныхъ серьезныхъ работниковъ... Конечно, она въ то время не думала о рѣчкѣ такими словами, какъ теперь, когда ей хочется «замутить ея прозрачность» босыми ногами. Это вѣдь отъ стиля, да еще опредѣленнаго стиля, а она въ то время еще не вѣдала стилей. Но вѣдь мы уже оговорились о неизбѣжномъ миѳотворчествѣ въ такихъ воспоминаніяхъ дѣтства... И этотъ налетъ не портилъ бы этого разсказа г. Чирикова, какъ и другихъ его воспоминаній о бодрой юности и о радости дѣтства. Ихъ портитъ другое: патетическая сантиментальность. Что угодно можетъ быть въ этихъ разсказахъ изъ миѳологіи прошлаго—«счастливой, невозвратимой поры дѣтства», но конечно не пафосъ, да еще и сантиментальный! И въ данномъ случаѣ—воспоминанія путницы тепло переданы, понятно чувство поклоненія своему дѣтству и юности, гдѣ и ошибки были красивыми, не портящими воспоминанія. Удачно подобрано слово

«мадамъ», въ которомъ сосредоточенъ контрастъ съ прошлымъ деревенской дѣвчонки, хлопотавшей когда-то въ огородѣ полуголышемъ. Все дѣло именно въ этомъ: была голышемъ дѣвчонкой, а стала «мадамъ», и отъ этого не чувствуется выигрыша и душевнаго пріобрѣтенія. Но ко всему этому прибавлена ложка упомянутаго дегтю.

IV.

Сборникъ имѣетъ еще любопытную особенность. Въ немъ четыре вещи, и въ трехъ изъ нихъ люди бѣгутъ, мысленно или фактически, изъ города и отъ города, которому еще недавно слагались гимны спеціальными поэтами городской жизни въ ея цѣломъ и во всѣхъ частностяхъ, вплоть до продающихся женщинъ...

Въ восьмомъ сборникѣ «Земля» мы имѣемъ—если выражаться ученымъ образомъ — 75°/₀ писательскаго бѣгства изъ города въ деревню, ибо деревня обѣщаетъ тоскующимъ представителямъ городской культуры—душевный отдыхъ среди «нетронутой» культурой обстановки.

Какъ признакъ кризиса, переживаемаго современной «новой» литературой, это бѣгство отъ города или, точнѣе, отъ своей *мысли* о городѣ представляетъ значительный интересъ для читателя художественной литературы.

Послѣдній разсказъ, помѣщенный въ «Землѣ», имѣетъ темой какъ-разъ такое бѣгство въ деревню («Первое знакомство»—Саши Чернаго).

Разсказъ интересно написанъ. Собственно это даже не разсказъ, а отчетъ о видѣнномъ въ деревнѣ. Отчетъ написанъ такъ, какъ былъ бы написанъ дневникъ во время этнографической экспедиціи въ невѣдомыя земли. Авторъ разсказываетъ добросовѣстно, не стараясь ни преуменьшать, ни преувеличивать значеніе видѣннаго и не скрывая, что онъ самъ—«индивидуалистъ въ пиджакѣ», бѣжавшій отъ города, гдѣ ему «нечѣмъ жить» стало. Результатъ предпринятой экспедиціи не утѣшителенъ. Городъ и сюда просочился—въ томъ специфическомъ, что обусловило бѣгство изъ города самаго разсказчика. Правда, есть и свое, давнее, созданное былымъ, прошлымъ бытомъ. Есть пѣсни поразительной — для разсказчика — красоты, которыя для него оказались такъ же интересны, какъ стихи Верлена. Но этихъ пѣсенъ не поютъ иначе, какъ по приглашенію. Нравится же то, что пришло изъ города, изъ угольныхъ копей. И общее настроеніе—это готовность убѣжать изъ деревни въ городъ при первой же возможности. Готовы бѣжать мужики и бабы. Готовъ бѣжать и докторъ, который имѣетъ своимъ конкуррентомъ знахарку, мать мѣстнаго школьнаго учителя, и долженъ быть всегда на сторожѣ, чтобы горчичникъ не приклеили къ больному мѣсту обратной стороной, и не вывели изъ безплодности

соотвѣтственнаго леченія, что мать учителя все-таки лечитъ лучше и больше помогаетъ.

Въ этомъ итогъ переживаній автора за нѣсколько мѣсяцевъ; въ деревнѣ пытаются спастись отъ деревни бѣгствомъ въ городъ, въ дворники, обѣщая разсказчику за хлопоты поставить пудовую свѣчу; а въ городѣ тоже «нечѣмъ жить», по опредѣленному выраженію разсказчика — «индивидуалиста въ пиджакѣ». Ему немного нужно; онъ не «индивидуалистъ во фракѣ». Но того, что ему нужно, не даетъ ни городъ, ни деревня. Онъ уѣзжаетъ назадъ въ тотъ же городъ, съ тѣмъ же вопросомъ: гдѣ настоящая жизнь? Въ городѣ, нѣтъ и въ деревнѣ — нѣтъ. Иронически авторъ замѣчаетъ, что правду на этотъ счетъ знаютъ только «въ толстыхъ журналахъ».

Мѣстами разсказъ написанъ хорошо. Портитъ иногда разудалость въ тонѣ нарушающая основной серьезный тонъ, внушающій вѣру въ искренность разсказчика.

Кажется, это беллетрическій дебютъ «Саши Чернаго». Въ такомъ случаѣ, дебютъ удачный.

А. Е. Рѣдько.

Новыя книги.

Ив. Шмелевъ. Разсказы. Томъ второй. Издательское Т-во писателей. Спб. 1912. Стр. 288. Ц. 1 р. 25 к.

Одобренный успѣхомъ «Человѣка изъ ресторана», г. Шмелевъ выступилъ со вторымъ сборникомъ своихъ разсказовъ—и, кажется, сдѣлалъ это напрасно. Не потому, чтобы разсказы, собранные во второмъ томѣ произведеній г. Шмелева, были совсѣмъ плохи, но потому, что, когда писатель начинаетъ выдвигаться въ общемъ вниманіи, ему нѣтъ нужды какъ разъ въ это время напоминать о старыхъ своихъ произведеніяхъ, которыя ему на это особое вниманіе права не давали. Среди разсказовъ сборника есть недурные, есть неудачные, но, кажется, и тѣ и другіе съ одинаковой отчетливостью рисуютъ довольно существенный недостатокъ литературной физіономіи г. Шмелева: ея отсутствіе. Хороши или плохи разсказы г. Шмелева, худо то, что плохіе изъ нихъ могъ написать Баранцевичъ, хорошіе—Купринъ, а на долю собственно Шмелева ничего бы не осталось; впрочемъ нѣтъ: Купринъ или Сергѣевъ-Ценскій запечатлѣли бы свой разсказъ своей индивидуальностью: у г. Шмелева этого не видно, а вѣдь только это важно.

Непонятно, какъ человѣкъ, несомнѣнно не лишенный дарованія, можетъ такъ плохо разбираться въ своемъ собственномъ творче-

ствѣ. Рядомъ печатаетъ г. Шмелевъ разсказы «Подъ небомъ» и «Подъ горами»: первый ясенъ, простъ и правдивъ, второй—натянутое сочинительство, каждая строчка котораго кричитъ о томъ, что авторъ разсказываетъ о вещахъ, ему безконечно чуждыхъ. Хотите знать, какъ крымскій татаринъ говоритъ о своей любви? «Цикадочка моя... Звонкая ты... Нѣтъ, ты лучше. Ты еще не знаешь, какъ я хочу называть тебя! Ты бабочка! Да? Иволга ты, маленькая-маленькая лягушечка, которая играетъ въ дудочку по ночамъ. Ты золотенькая рыбка, какихъ продаютъ на набережной. Бѣлая голубка! Твое лицо розовое, какъ розоватыя яйца страуса». И дальше: «Она спрашиваетъ, почему онъ такъ говоритъ. Пусть спроситъ у горлинки, зачѣмъ вырываетъ свои старыя перышки и правитъ носикомъ яркія. Почему такъ томно и нѣжно выводитъ свое замирающее «тур-уррр».. И у игривой кукушки, хихикающей по лѣсамъ и зовущей. Пусть у соловья спрашиваетъ, забывающаго весь міръ въ треляхъ, и пойметъ рѣзкіе, какъ труба, серебряные зовы самцовъ оленей. И у румяной зари спроситъ, играющей съ вечеромъ за горами въ небѣ». Вотъ какимъ стилемъ разговариваютъ съ своими татарскими возлюбленными крымскіе проводники. Съ русскими дамами они менѣе краснорѣчивы, а также, если вѣрить г. Шмелеву, менѣе активны: хорошенькая дама, чтобы соблазнить на прогулкѣ героя г. Шмелева, везетъ съ собой и флаконъ духовъ, и флаконъ ликера—цѣлая батарея флаконовъ требуется для того, чтобы соблазнить невиннаго ялтинскаго проводника и оторвать его отъ его магометанской возлюбленной. За нѣсколько лѣтъ до г. Шмелева ту-же «задачу трехъ тѣлъ» въ той же Ялтѣ, въ той же комбинаціи—проводникъ+татарка+пріѣзжая барыня—пытался поставить г. Купринъ, но бросилъ своего «Меджида». Г. Шмелевъ пошелъ дальше, потратилъ много выдумки и еще больше этнографической наблюдательности, которая у него, несомнѣнно, есть—и ничего важнаго, интереснаго, *своего* сообщить читателю не съумѣлъ. Не съумѣетъ онъ, кажется, сообщить что-нибудь существенное также о жизни интеллигентовъ, которая какъ-будто также ему чужда, какъ жизнь ялтинскихъ проводниковъ. Совершенно иные результаты выноситъ г. Шмелевъ изъ наблюденій надъ русскими низами. Здѣсь онъ можетъ видѣть и обобщать, здѣсь онъ набирается силъ, здѣсь мѣняется его языкъ, пріобрѣтая звонкость и выразительность подлинной народной рѣчи. Конечно, дать стиль «Человѣку изъ ресторана» ему удалось не вполнѣ: ему помѣшало первоначальное заданіе. Выдержать лакейскую манеру разсказа можно на протяженіи получаса, то есть печатнаго листа; заполняя цѣлую книгу, этотъ стиль надоѣдливъ, маниренъ и скоро перестаетъ быть убѣдительнымъ, особенно для человѣка, уже утомленнаго сентиментальной тенденціозностью автора. Но за натянутостью стиля и назойливостью благихъ намѣреній всетаки раскрывается психологія, и личная, и классовая,

виденъ человѣкъ въ типѣ, и виденъ типъ въ человѣкѣ. Еще лучше мелкіе народные разсказы г. Шмелева, изъ которыхъ въ лежащій предъ нами сборникъ вошли «Подъ небомъ» и «На томъ берегу». Непритязательно и въ старой манерѣ, но какъ сочно, какъ чувствуется острое зрѣніе и напряженное чутье народнаго настроенія. Здѣсь, кажется намъ, область, въ которой можетъ развернуться дарованіе г. Шмелева; а романтическихъ проводниковъ, блазированныхъ земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ дамъ изъ «высшихъ натуръ» ему лучше не касаться и въ дальнѣйшемъ не напоминать читателямъ о своихъ первыхъ мало удачныхъ опытахъ въ этихъ сферахъ.

Е. Е. Колосовъ. Очерки міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго. Теорія раздѣленія труда, какъ основа научной соціологіи. (Схема и анализъ). Спб. 1912. Стр. 434. Ц. 2 р.

Г. Колосовъ поставилъ себѣ важную и трудную задачу—систематизировать соціологическія воззрѣнія Н. К. Михайловскаго—и настоящая книга, посвященная взглядамъ Михайловскаго на раздѣленіе труда, является въ представленіи ея автора первымъ шагомъ къ выполненію такой задачи. Систематизація взглядовъ крупнаго писателя, который въ теченіе долгаго ряда лѣтъ работалъ въ литературѣ и однако же самъ не далъ изложенія своихъ воззрѣній въ формѣ вполнѣ законченной системы,— всегда нелегкая задача. но эта задача становится особенно трудной и отвѣтственной, когда рѣчь идетъ о такомъ писателѣ, какъ Н. К. Михайловскій, въ которомъ философъ и соціологъ неразрывно переплетался съ публицистомъ и художественнымъ критикомъ. Горячій поклонникъ Михайловскаго, г. Колосовъ хорошо сознавалъ всю трудность этой задачи и вложилъ въ свою книгу много напряженнаго труда, много стараній и усилій. И, тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы основная ея задача была выполнена вполнѣ удовлетворительно. Въ книгѣ г. Колосова читатель найдетъ слѣды тщательнаго изученія авторомъ многочисленныхъ произведеній Михайловскаго, найдетъ отдѣльныя вѣрныя замѣчанія и мѣткія сопоставленія, встрѣтитъ, наконецъ, временами удачное парированіе кое-какихъ полемическихъ выпадовъ литературныхъ противниковъ и критиковъ Михайловскаго. Но, какъ попытка систематизаціи основныхъ воззрѣній покойнаго писателя, книга г. Колосова далеко не стоитъ на уровнѣ тѣхъ требованій, какія могутъ и должны быть предъявлены къ подобной попыткѣ. Начать съ того, что во многихъ случаяхъ авторъ излишне осложнилъ свое изложеніе. Онъ, съ одной стороны, безъ нужды вводитъ въ послѣднее большое количество тѣхъ частныхъ иллюстрацій, какими Михайловскій сопровождалъ развитіе своихъ общихъ взглядовъ, и подробно останавливается на рядѣ частныхъ литературахъ эпизодовъ, которые были бы умѣстны и интересны въ литературной біографіи Михайловскаго, но,

будучи вставлены въ попытку систематическаго изложенія его взглядовъ, только развлекаютъ вниманіе читателя, съ другой—удѣляетъ черезчуръ много мѣста и силъ полемикѣ съ критиками Михайловскаго, полемикѣ часто мелочной и далеко не всегда удачной. Къ тому же г. Колосовъ не скупится на многократныя и утомительныя повторенія, и читатель его книги часто бываетъ вынужденъ вмѣстѣ съ авторомъ долго топтаться на одномъ мѣстѣ, не извлекая изъ такого топтанія никакихъ существенныхъ выгодъ. Рядомъ съ этимъ въ книгѣ г. Колосова имѣется и другой недостатокъ, не менѣе, если не болѣе серьезный. Ничего какъ будто не привнося къ Михайловскому, на всемъ протяженіи своей книги оперируя исключительно однимъ Михайловскимъ, его понятіями и терминами, безъ конца повторяя, въ кавычкахъ и безъ кавычекъ, его фразы и цѣлыя тирады, г. Колосовъ на дѣлѣ однако оперируетъ не столько надъ Михайловскимъ, сколько надъ выдержками и цитатами изъ него, подчасъ насильственно вырванными изъ живого контекста и благодаря этому сильно обезцвѣченными. Это придаетъ всему изложенію книги какой-то схоластическій — мы готовы были бы даже сказать, мертвенный — характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ порою отводитъ автора въ сторону отъ того мыслителя, взгляды котораго онъ взялся систематизировать. Когда г. Колосовъ обращаетъ Михайловскаго изъ мыслителя, признававшаго и изслѣдовавшаго громадную и многообразную силу классовыхъ дѣленій общества, въ проповѣдника классовой точки зрѣнія, онъ совершаетъ несомнѣнное насиліе надъ своимъ учителемъ и можетъ не замѣчать этого только благодаря усвоенному имъ способу работы, который помогъ ему отойти отъ подлиннаго, живого Михайловскаго. Въ конечномъ счетѣ среди той небогатой литературы о Михайловскомъ, какая имѣется у насъ, книга г. Колосова не можетъ быть названа безполезной, но въ дѣлѣ систематизаціи взглядовъ покойнаго писателя она, благодаря указаннымъ особенностямъ, мало поможетъ своему читателю и подчасъ даже направитъ его на невѣрный путь.

Д. В. Философовъ. Неугасимая лампада. Статьи по церковнымъ и религіознымъ вопросамъ. М. 1912. Стр. 203. Ц. 1 р.

Небольшая по объему книга г. Философова представляетъ собою сборникъ статей, раньше, какъ видно изъ ихъ содержанія, печатавшихся въ періодическихъ изданіяхъ и являвшихся своего рода откликами автора на различныя злобы дня. Темы этихъ статей довольно разнообразны. Личность А. В. Караулова, котораго авторъ именуетъ «предтечей русской реформаціи», православная и старообрядческая церковь въ ихъ отношеніяхъ къ извѣстному православному архимандриту, позднѣе старообрядческому епископу Михаилу, Вл. Соловьевъ и его взгляды на католическую и православную церковь, современные разговоры о соединеніи

церквей, петербургскіе «трезвенники» и «братецъ Иванушка», статья г. Бончъ-Бруевича о «Новомъ Израилѣ», работы проф. Кондакова въ области русской иконографіи, обсужденіе вопросовъ церковной жизни въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ въ 1908—10 гг., наконецъ, споръ «богоискателей» и «богостроителей» въ томъ курьезномъ значеніи, какое усвоено было этимъ терминамъ въ нашей публицистикѣ послѣднихъ лѣтъ,—таковы темы, затрагиваемыя г. Философовымъ въ отдѣльныхъ статьяхъ его книги, Достаточно перечислить эти темы, чтобы видѣть, что ихъ не связываетъ какое-либо внутреннее единство. И, дѣйствительно, если въ статьяхъ, вошедшихъ въ книгу г. Философова, и есть какая-нибудь связующая, всѣмъ имъ равно общая мысль, то развѣ только мысль о рѣшительномъ первенствѣ религіознаго начала въ жизни русскаго народа. Эту мысль авторъ выдвигаетъ уже въ своемъ, написанномъ съ претензіей на художественность, предисловіи, рисуя «нелѣпое русское село», въ которомъ «нѣтъ ни христіанства, ни язычества, ни первобытности, ни культуры», но теплится у церкви «неугасимая лампада». «Въ лампадѣ—продолжаетъ авторъ—какъ бы теплится вся подлинная жизнь села. Безъ нея—небытіе. Безъ нея ярмарочные баранки, дѣвки въ пестрыхъ сарафанахъ, пьяные мужики, больные, сидящіе на крылечкѣ въ ожиданіи пріема,—все мертвѣетъ, тускнѣетъ, становится ненужнымъ, чѣмъ-то лишнимъ въ этой строгой, чистой природѣ... Творческаго огня для обновленія жизни нѣтъ, пока еще нѣтъ. И еле мерцающій огонь неугасимой лампады — единственный свѣтъ, просвѣщающій мрачную жизнь русской деревни. Деревни ли только?» (6, 7). Въ не столь импрессіонистской формѣ, но не съ меньшей категоричностью та же мысль повторяется и въ отдѣльныхъ статьяхъ, вошедшихъ въ книгу г. Философова. «Истинно народная «общественность»—пишетъ и подчеркиваетъ г. Философовъ—не въ *политикѣ*, а въ *религіи*. Политика—всегда для избранныхъ, и русскій народъ понять ея не можетъ» (13). «Сознательная, духовная жизнь народа связана съ вопросами религіозными — утверждаетъ авторъ—и только русская реформація способна соединить сознаніе со стихіей, превратить русскій бунтъ, безсмысленный и жестокій, въ возрожденіе народныхъ плоти и духа» (14). Соотвѣтственно этому для г. Философова самый «народъ» исчезаетъ тамъ, гдѣ исчезаетъ преобладающій интересъ въ религіи, и даже тамъ, гдѣ такой интересъ существуетъ, но соединенъ съ сознательной мыслью. «Что такое «народъ»,— говоритъ авторъ, разсказывая о собраніяхъ петербургскихъ «трезвенниковъ» у «братца Иванушки», — никто не знаетъ, никто не опредѣлитъ. Это—загадочный «иксъ». Но инстинктивно чувствуется, что именно трезвенники—типичный кусокъ народной массы. Сектанты, «сознательные» рабочіе или крестьяне, это—въ нѣкоторомъ родѣ исключенія» (72). Разсуждая такимъ же порядкомъ хотя бы объ Англіи, г. Философовъ могъ бы, пожалуй, договориться до

того, что англійскій «народъ» исчерпывается Арміей Спасенія, и тогда, вѣроятно, самъ бы остановился въ нѣкоторомъ недоумѣніи передъ сказаннымъ. Но онъ говоритъ не объ англійскомъ народѣ, а о русскомъ, о которомъ давно принято разсказывать диковинныя вещи, и мысль его не встрѣчаетъ никакихъ препонъ. Впрочемъ, онъ и не аргументируетъ эту мысль, не трудится даже сколько-нибудь развить ее и, если она и связываетъ отдѣльныя его статьи, то только въ томъ смыслѣ, что повторяется въ нихъ и служитъ до нѣкоторой степени общимъ фономъ для частныхъ разсужденій автора. Въ свою очередь эти послѣднія носятъ на себѣ не менѣе яркую печать холоднаго, чисто разсудочнаго импрессіонизма, и это всецѣло опредѣляетъ ихъ цѣну. Нельзя отрицать за г. Философовымъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ знаній, хотя наличность этихъ знаній не мѣшаетъ ему подчасъ дѣлать непростительно грубыя ошибки, нельзя отрицать за нимъ и извѣстной литературной талантливости. И тѣмъ не менѣе его статьи представляютъ собою ничто иное, какъ бѣглые фельетоны, одинаково лишенные и строгой послѣдовательности мысли, и заразительности горячаго убѣжденія. Въ нихъ можно найти отдѣльныя вѣрныя замѣчанія, но врядъ-ли кто, однажды ихъ пробѣжавшій, вздумаетъ когда-нибудь снова перечитывать ихъ. Собранные вмѣстѣ, они производятъ поэтому впечатлѣніе какой-то странной и ненужной случайности, ненужной, пожалуй, даже для тѣхъ, кто склоненъ, говоря словами Герцена, интересоваться спорами о томъ, откуда происходятъ вѣдьмы, изъ Кіева или изъ Чернигова.

А. Изгоевъ. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности· (Біографическая библіотека № 1). Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1912. Ц. 50 к.

Г. Изгоевъ не въ первый уже разъ даетъ оцѣнку личности и дѣятельности Столыпина. Еще въ 1907 г. онъ помѣстилъ въ «Русской Мысли» его характеристику, «отъ основныхъ линій которой—пишетъ онъ теперь—не приходится отказываться». Этихъ линій двѣ. Авторъ характеризуетъ Столыпина, какъ человѣка съ «горячимъ сердцемъ», «горячо любившаго родную землю», имѣвшаго «безкорыстное желаніе служить ей до самопожертвованія» (стр. 3 и 133). «Онъ несомнѣнно былъ даровитымъ человѣкомъ» (128). «Нельзя отрицать въ немъ большой, совершенно незаурядной силы духа и достойной удивленія крѣпости и упругости воли» (132). Это—«человѣкъ безукоризненной личной честности», обладавшій «большой выдержкой» и «незауряднымъ мужествомъ» (125 и 128). «П. А. Столыпинъ былъ честнымъ конституціоналистомъ» (106), «исповѣдывалъ, несомнѣнно, основы конституціоннаго строя». (107). Въ основѣ «самаго важнаго и самаго значительнаго» его дѣла—земельной реформы — лежала «правильная государственная мысль» (74 и 75)... Такова одна основная линія,—линія похвалы,

звучащей мѣстами, какъ дифирамбъ. Не менѣе рѣзкой однако и, главное, несравненно лучше обоснованной получилась у г. Изгоева другая линія, которую ему почти все время пришлось вести, немедленно отступая отъ первой. «Лично очень честный, П. А. Столыпинъ, однако, проявилъ большую наклонность къ непотизму» (125—126). «Человѣкъ очень энергичный и очень честолюбивый, онъ любилъ власть, цѣплялся за нее, но тамъ, гдѣ ему приходилось сталкиваться съ настоящей и для него опасной силой, онъ не столько боролся, сколько отступалъ и подлаживался» (128 и 129) «Эта измѣнчивость заставляла говорить о лицемѣріи» (129). «У П. А. Столыпина былъ сильный умъ, но это былъ какой то умъ второго сорта, дѣйствительно лишенный и углубленія, и идеалистическаго благородства, умъ смѣшанный съ мелкой хитростью и лукавствомъ». (130). «Открытое нарушенье закона въ случаяхъ чрезвычайныхъ и обходъ его въ случаяхъ обыденныхъ—такова политическая теорія покойнаго премьера» (112). «Настоящаго правового уваженія къ Основнымъ Законамъ Россійской Имперіи у него не было» (110). «Въ области аграрнаго законодательства сказалась сильнѣе всего двойственность» (77)... Такова эта вторая линія,—линія осужденія, становящаяся все болѣе рѣзкой, по мѣрѣ того какъ біографъ подвигается къ концу жизни Столыпина и вводитъ въ свое изложеніе новые факты. Въ результатѣ, какъ полагаетъ г. Изгоевъ, у него получилась «книга, равно далекая и отъ лести, и отъ надругательства» (4). Нѣсколько иное впечатлѣніе получается у читателя, который не удовлетворенъ этой двойственностью характеристики, объясняемою не столько двойственностью самаго объекта, сколько двойственнымъ отношеніемъ къ нему автора: при всей склонности и готовности послѣдняго преклониться передъ Столыпинымъ, онъ ясно видитъ всю невозможность сдѣлать его «героемъ своего романа». Предрасположеніе разбивается о факты, и въ результатѣ получается довольно жалкій остатокъ: «при выдающемся предсѣдателѣ совѣта министровъ П. А. Столыпинъ могъ бы быть хорошимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ» (131). Но и въ этомъ приходится, конечно, усомниться.—Фактическая сторона жизни и дѣятельности Столыпина охвачена г. Изгоевымъ далеко не полно и, главное, неравномѣрно. «Борьба съ кадетами—пишетъ онъ—заняла непропорціонально большое мѣсто» (48) въ дѣятельности Столыпина. И г. Изгоевъ дѣйствительно удѣляетъ ей непропорціонально большое вниманіе. Это не значитъ, конечно, что онъ ничего не говоритъ о «лѣвыхъ». Со свойственнымъ ему умѣньемъ г. Изгоевъ не упускаетъ случая бросить тѣнь на нихъ, подчеркнуть ихъ слабость, намекнуть на ихъ вредоносность. Онъ пускаетъ стрѣлу въ какихъ-то «фальсификаторовъ народныхъ настроеній», выступавшихъ на митингахъ (38); не забываетъ отмѣтить, что на собраніяхъ революціонныхъ группъ «секретарствовалъ Азефъ» (39); позволяетъ себѣ безъ нужды и основанія усомниться въ вѣрности и безпри-

страстности передачи лидеромъ трудовиковъ въ 1-й Думѣ нѣкоторыхъ фактовъ (23); объясняетъ успѣхъ лѣвыхъ на выборахъ во 2-ю Думу помощью черносотенцевъ и трактуетъ этотъ успѣхъ, какъ «побѣду Столыпина» (56), утверждаетъ, что «крестьяне тяготились опекой революціонеровъ» (57) и т. д. Даже введеніе прямыхъ выборовъ въ пяти городахъ (по указу 3 іюня) онъ считаетъ возможнымъ объяснить тѣмъ, что «Столыпинъ надѣялся, что крайніе лѣвые помогутъ ему совершенно избавиться отъ кадетъ» (64). Въ результатѣ у читателя должно составиться впечатлѣніе, что Столыпинъ помогалъ лѣвымъ и лѣвые—Столыпину. Но за то о борьбѣ, какую Столыпинъ велъ съ лѣвыми, читатель не получитъ ни малѣйшаго представленія. Да и вообще репрессіямъ—этой наиболѣе выпуклой сторонѣ Столыпинской дѣятельности—г. Изгоевъ удѣлилъ непропорціонально малое мѣсто. Онъ упоминаетъ о нихъ, главнымъ образомъ, постольку, поскольку ими затрагивались кадеты или поскольку это нужно ему, чтобы выяснить отношеніе Столыпина къ конституціи. Далеко не полно освѣщены въ біографіи и взаимныя отношенія кадетъ и Столыпина. Между прочимъ, со словъ черносотенцевъ, безъ всякой оговорки, г. Изгоевъ упоминаетъ о «заигрываніи» правительства съ кадетами въ началѣ 1907 г. (66), т. е. въ разгарѣ предвыборной кампаніи 2-ю Думу. Что это за «заигрываніе»? Не имъ ли объясняется тогдашній рѣзкій разрывъ кадетъ съ лѣвыми? Подробности своихъ сношеній съ правительствомъ кадеты вообще хранятъ въ секретѣ, и г. Изгоевъ не приподнялъ скрывающей ее завѣсы. — Съ внѣшней стороны «очеркъ жизни и дѣятельности» Столыпина написанъ живо и литературно. Читатели найдутъ въ немъ также нѣсколько интересныхъ сопоставленій и увидятъ, что итогъ дѣятельности Столыпина, даже у предрасположеннаго къ нему біографа, получаеться убійственный.

М. Клочковъ. Населеніе Руси при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени. Томъ первый. Переписи дворовъ и населенія (1678—1721). Спб. 1911. Стр. IV+435.

Какъ сообщаетъ г. Клочковъ въ предисловіи къ своей книгѣ, онъ, приступая къ работѣ, первоначально предполагалъ «изучить первую ревизію и прослѣдить ея вліяніе на судьбу тяглаго населенія». Но ближайшее ознакомленіе съ матеріаломъ измѣнило этотъ планъ работы, убѣдивъ автора въ томъ, что «раньше ревизіи должны быть изучены переписи дворовъ и населенія за конецъ XVII и начало XVIII вѣковъ, которыя существеннымъ образомъ опредѣлили реформу податного обложенія, произведенную Петромъ I, самый ходъ подушной переписи и тѣ послѣдствія, которыя она имѣла». Этой предварительной задачѣ, т. е. «изученію переписей до ревизіи и характеристикѣ населенія по нимъ»,

и посвященъ, по словамъ г. Клочкова, вышедшій въ свѣтъ первый томъ его изслѣдованія (III—IV).

Однако, изъ двухъ частей указанной задачи, надо сразу сказать, въ книгѣ г. Клочкова выполнена лишь одна. «Характеристики населенія» Петровской Россіи читатель напрасно сталъ бы искать въ этой книгѣ; ея здѣсь нѣтъ, если только не считать за такую характеристику цифровые итоги переписей, отвѣчающіе на вопросъ о количествѣ дворовъ и людей разныхъ разрядовъ тяглаго населенія. Помимо этихъ итоговъ г. Клочковъ даетъ своему читателю лишь исторію переписей, производившихся Петровскимъ правительствомъ до ревизіи, но исторію подробную и обстоятельную. Послѣдней общей переписью передъ Петровской эпохой была перепись дворовъ 1678 г. Петръ, въ поискахъ новыхъ плательщиковъ податей, вслѣдъ за образованіемъ губерній предпринялъ въ 1710 г. новую перепись дворовъ, но она дала совершенно неожиданные для него результаты, обнаруживъ громадную «пустоту», иначе говоря, убыль населенія сравнительно съ 1678 г. «Пустота,—говоритъ г. Клочковъ — если вполнѣ полагаться на переписныя книги новой переписи, отписки, доношенія и челобитныя, въ 1710 году достигала одной пятой числа дворовъ старой переписи; въ ближайшіе годы она возросла до одной четверти, а къ 1715—1716 году поднималась выше, приближаясь къ одной трети» (83). Установивъ это обстоятельство, авторъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи останавливается на разсмотрѣніи разнообразныхъ факторовъ, которые могли содѣйствовать появленію и разростанію подобной «пустоты». Такое разсмотрѣніе въ концѣ концовъ приводитъ его къ выводу, что, какъ ни велики были всевозможныя тягости и бѣдствія, обрушившіяся на тяглое населеніе Россіи въ Петровскую эпоху, все же показанія переписныхъ книгъ 1710 г. «не соотвѣтствуютъ реальному положенію вещей». По словамъ г. Клочкова, «если число дворовъ и убыло, то уже никакъ не больше 10%, а населеніе и того меньше. Весьма возможно даже, что количество населенія къ 1710 г. сравнительно съ 1678 годомъ не уменьшилось. «Пустота» же въ 20% и выше была явленіемъ мѣстнымъ, а иногда и фиктивнымъ» (256). Къ тому же выводу, какъ показываетъ авторъ, постепенно пришло и Петровское правительство. Обманувшись въ своихъ надеждахъ обнаружить путемъ переписи прибыль населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ не видя возможности сократить свои расходы, оно первоначально по-просту отказалось считаться съ результатами переписи 1710 г. и продолжало взимать съ населенія подати и повинности по даннымъ переписи 1678 г., лишь въ немногихъ случаяхъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, допуская кое какія послабленія для наиболѣе раззоренныхъ мѣстностей. Вслѣдъ за тѣмъ правительство попыталось произвести повѣрку итоговъ переписи 1710 г., сперва путемъ частныхъ переписей, потомъ, послѣ назначенія во всѣ

губерніи ландратовъ, путемъ новой общей переписи, производство которой было поручено этимъ новымъ должностнымъ лицамъ. Но и частныя переписи, и перепись ландратская обнаружили лишь дальнѣйшій ростъ «пустоты» въ видѣ новаго и весьма серьезнаго умаленія числа населенныхъ дворовъ. Однако же въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ, наряду съ этимъ уменьшеніемъ числа дворовъ, было обнаружено увеличеніе количества жившаго въ нихъ населенія. Это обстоятельство, подтвердивъ подозрѣнія Петра, что констатированная переписями его времени убыль населенія имѣетъ не столько реальный, сколько фиктивный характеръ, являясь результатомъ укрывательства населенія, натолкнуло правительство на мысль о необходимости измѣненій въ системѣ обложенія, которыя позволили бы власти ближе подойти къ плательщику податей. Ту же мысль развивали передъ Петромъ разнобразные «доносители», авторы довольно многочисленныхъ проектовъ, рекомендовавшихъ правительству перейти къ подушному обложенію и подушной переписи, при которыхъ укрывательство станетъ для плательшиковъ крайне труднымъ, если не совершенно невозможнымъ. Когда такая мысль была вполнѣ усвоена Петровскимъ правительствомъ, оно оставило ландратскую перепись, даже не закончивъ ея, и перешло къ новой системѣ переписей, выраженіемъ которой явилась первая ревизія.

Въ этой общей своей формѣ выводы г. Клочкова не представляютъ собой какой-либо новости въ нашей исторической литературѣ и въ сущности лишь повторяютъ то, что было уже сказано по данному вопросу въ трудахъ П. Н. Милюкова о государственномъ хозяйствѣ Россіи и реформѣ Петра Великаго и г. Богословскаго объ областной реформѣ Петра. П. Н. Милюковъ только склоненъ былъ придавать больше вѣры цифрамъ переписи 1710 г. Но и скептическій взглядъ на эти цифры высказывался въ нашей литературѣ раньше г. Клочкова. Новы въ трудѣ послѣдняго только нѣкоторыя частныя положенія и отчасти тотъ матеріалъ, которымъ онъ ихъ иллюстрируетъ. Къ сожалѣнію, въ обращеніи съ этимъ матеріаломъ авторъ не проявляетъ большого искусства, и книга его, при своемъ не особенно большомъ объемѣ, настолько перегружена сырымъ матеріаломъ, что является мало доступной для рядового читателя и обречена оставаться исключительнымъ достояніемъ ученыхъ спеціалистовъ.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Историческая Коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Томъ II. М. 1911. Стр. IV+748+VII Ц. 3 р. 25 к.

На смѣну исторической хрестоматіи стараго типа, хрестоматіи, въ которую входятъ болѣе или менѣе искусно подобранные отрывки изъ произведеній историковъ и изъ историческихъ памятниковъ, въ нашей учебной литературѣ за послѣдніе годы все рѣшительнѣе выдвигается новый видъ хрестоматіи—«книга для чтенія», составляемая изъ спеціально для нея написанныхъ статей. Достоинства такого типа хрестоматіи ясны съ перваго взгляда. Читатель получаетъ въ ней не отрывки произведеній, въ лучшемъ случаѣ способные больше разжечь, чѣмъ удовлетворить его любознательность, а цѣльныя и законченные статьи, которыя вдобавокъ должны быть спеціально приноровлены къ уровню его пониманія. Одною изъ хрестоматій этого новаго типа является и издаваемая московской Исторической Коммиссіей «Книга для чтенія по исторіи новаго времени». Дать преподавателю книгу, которая помогла бы ему освѣжить свои знанія, дать ученику старшихъ классовъ, заинтересовавшемуся исторіей, возможность расширить свой научно-историческій горизонтъ и освоиться съ методами, господствующими въ современной наукѣ, дать широкимъ слоямъ читающей публики пособіе для самообразованія» — такова цѣль, которую поставила себѣ редакція «Книги». Выработавъ удачный въ общемъ планъ изданія и привлекши къ участію въ послѣднемъ рядъ серьезныхъ спеціалистовъ, редакція тѣмъ самымъ уже немало сдѣлала для достиженія намѣченной цѣли. Но первые шаги на новомъ пути рѣдко бываютъ вполнѣ удачны, и «Книга для чтенія по исторіи новаго времени» оказалась не свободной отъ кое-какихъ серьезныхъ недостатковъ. Главнымъ изъ нихъ является чрезмѣрная трудность многихъ статей для того читателя, которому «Книга» должна бы служить по преимуществу, — для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Этотъ недостатокъ сказывался въ первомъ томѣ «Книги», сказывается и во второмъ. Меньше всего даетъ себя знать этотъ недостатокъ въ статьяхъ по исторіи Россіи въ XVIII в., принадлежащихъ гг. Сыромятникову, Богословскому, Клочкову, Кизеветтеру, Прѣснякову и Мельгунову. Сравнительно менѣе удачна статья г. Пичета о торговой и промышленной политикѣ Россіи XVIII в., не столько по своей трудности, впрочемъ, сколько благодаря своему тусклому и не совсѣмъ удовлетворительному изложенію. Не вполнѣ удовлетворительна и не свободна вдобавокъ отъ ошибокъ и статья г. Рябинина о Польшѣ въ XVIII столѣтіи. Германіи XVII — XVIII вѣковъ въ книгѣ посвящены три статьи— г. Дживелегова («Германія послѣ тридцатилѣтней войны»), г. Рейснера («Просвѣщенный абсолютизмъ») и г. Перцева («Умственныя теченія въ Германіи въ XVIII в.»). Всѣ эти статьи заключаютъ въ себѣ немало любопытнаго матеріала, но изложеніе ихъ порою

представить трудности для мало подготовленнаго читателя. Изъ статей, посвященныхъ Франціи, статьи гг. Потемкина («Людовикъ XIV и французскій абсолютизмъ»), Тарле («Рабочіе во Франціи въ XVII в.») и Филатова («Государственное хозяйство стараго порядка») изложены достаточно популярно. За то статья И. В. Лучицкаго о французскомъ крестьянствѣ въ XVIII в., основанная на свѣжемъ архивномъ матеріалѣ и въ высшей степени интересная по своему содержанію, по всей вѣроятности, останется недоступной для большинства читателей «Книги». Впрочемъ, редакція послѣдней предвидѣла эту возможность и рядомъ помѣстила болѣе популярную статью г. Васютинскаго на ту же тему. Менѣе всего посчастливилось въ разбираемой книгѣ исторіи Англіи. Въ статьѣ г. Ященка данъ пересказъ англійскихъ политическихъ теорій XVII в., но пересказъ слишкомъ краткій и потому недостаточно отчетливый. Статья г. Савина объ англійскомъ парламентѣ при Тюдорахъ и двухъ первыхъ Стюартахъ написана съ большой претензіей не оригинальность, но читателю, знакомому съ предметомъ, она не дастъ ничего новаго, а мало освѣдомленнаго читателя скорѣе запутаетъ. Статьи же г. Щепкина о борьбѣ партій при созданіи англійской республики и о контръ-революціи въ Англіи чрезмѣрно перегружены мелкими фактами и спеціальными терминами, а самое изложеніе ихъ крайне тяжеловѣсно. Говоря объ этихъ статьяхъ, не мѣшаетъ, пожалуй, отмѣтить одну мелочь. Въ книгѣ, предназначенной для учебнаго употребленія, не слѣдовало бы отступать отъ принятой уже транскрипціи иностранныхъ именъ Между тѣмъ въ «Книгѣ для чтенія по исторіи новаго времени» по отношенію къ англійскимъ именамъ не только часто допускаются такія отступленія, но въ сущности каждый авторъ практикуетъ свой собственной способъ транскрипціи. Такъ, г. Савинъ пишетъ: «Вентвёрсъ», «Гэмденъ», «Корнволь»; г. Щепкинъ—«Уэнтвортъ», «Гэмпденъ», «Корнуоль». Г. Щепкинъ пишетъ: «генералъ-атторней», какъ мы всѣ привыкли писать, г. Савинъ — «генералъ-аттёрни». За то у г. Щепкина, вмѣсто знакомаго русскимъ читателямъ «лорда казначея» Англіи, встрѣчается «лордъ-трежюреръ». Это конечно, мелочи но все же такіе капризы транскрипціи и терминологіи врядъ-ли удобны въ книгѣ, которая должна служить учебнымъ пособіемъ. Возвращаясь же къ болѣе важнымъ вопросамъ, нельзя не пожелать, чтобы въ дальнѣйшихъ томахъ редакція «Книги для чтенія по исторіи новаго времени» обратила больше вниманія на популярность изложенія печатаемыхъ ею статей. Было бы очень жаль, если бы это изданіе, хорошо задуманное и въ общемъ хорошо выполняемое, оказалось въ значительной своей части изъ всѣхъ категорій читателей, служить которымъ оно предназначено, вполнѣ пригоднымъ лишь для преподавателей исторіи.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей, учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній и лицъ, ищущихъ самообразованія. **Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Томъ III. Изданіе третье, переработанное Я. Я. Гуревичемъ въ сотрудничествѣ съ С. В. Вознесенскимъ.** Спб. 1911. Стр. XVI+569. Ц. 2 р.

«Историческая хрестоматія» Гуревича давно пользуется большой извѣстностью и широкимъ распространеніемъ среди учащихъ и учащихся въ нашей средней школѣ. Второй томъ этой хрестоматіи годъ назадъ вышелъ пятымъ изданіемъ, третій томъ появляется уже въ третьемъ изданіи. Этотъ третій томъ, посвященный Петру I и его эпохѣ, въ новомъ изданіи значительно переработанъ Я. Я. Гуревичемъ и С. В. Вознесенскимъ. Ихъ переработка не затронула самого плана изданія, который сохраненъ въ неприкосновенномъ видѣ, но значительно обновила содержаніе хрестоматіи. Изъ разбираемаго ея тома въ новомъ изданіи исключенъ рядъ статей—по преимуществу отрывковъ изъ устарѣвшихъ историческихъ трудовъ,—а одновременно съ этимъ, частью въ замѣну исключенныхъ, частью въ дополненіе къ оставшимся статьямъ, введенъ рядъ отрывковъ изъ историческихъ работъ по эпохѣ Петра I, появившихся въ послѣдніе годы. Такъ, въ новое изданіе третьяго тома хрестоматіи включены выдержки изъ курсовъ русской исторіи Ключевскаго, Милюкова и Платонова, изъ работы Лаппо-Данилевскаго о крестьянахъ при Петрѣ, изъ книги Павлова-Сильванскаго о русскомъ дворянствѣ и т. п. Можно было бы, правда, пожелать, чтобы эта переработка была проведена нѣсколько дальше и чтобы изъ книги были совсѣмъ устранены, съ одной стороны, черезчуръ мелкіе и малозначительные отрывки, съ другой—выдержки изъ такихъ устарѣлыхъ авторовъ, какъ Устряловъ, Щебальскій, Богдановичъ и нѣкоторые другіе. Но во всякомъ случаѣ и того, что сдѣлано гг. Гуревичемъ и Вознесенскимъ, достаточно, чтобы удержать третій томъ «Исторической хрестоматіи» Гуревича на уровнѣ полезнаго учебнаго пособія.

Д. И. Троицкій. Двѣнадцатый годъ. Очерки и разсказы изъ исторіи Отечественной войны. М. 1911. Стр. 305. Ц. 75 к., въ папкѣ 90 к.

Книга г. Троицкаго представляетъ собою одно изъ тѣхъ «патріотическихъ» издѣлій, которыми, вѣроятно, будетъ богатъ нынѣшній юбилейный годъ. Разсчитанная на неподготовленнаго читателя, эта книга не преслѣдуетъ однако же цѣли сколько-нибудь значительно раздвинуть его историческій кругозоръ. Она не даетъ своему читателю никакого представленія о внутренней жизни Россіи передъ 1812 годомъ, какъ не даетъ и достаточно яснаго понятія объ европейской политикѣ этого момента. Двѣнадцатый годъ взятъ авторомъ книги совершенно изолированно, а вдобавокъ

и самыя событія двѣнадцатаго года изложены крайне односторонне. При этомъ дѣйствительной исторіи въ разсказѣ г. Троицкаго не особенно много, и мѣсто ея по большей части занимаютъ разнообразные анекдоты, нерѣдко совершенно фантастическіе, а характеристики почти всѣхъ дѣйствующихъ въ разсказѣ историческихъ лицъ написаны авторомъ по патріотическому трафарету «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма». Въ результатѣ читатель книги г. Троицкаго останется не въ особенномъ выигрышѣ. За то въ несомнѣнномъ выигрышѣ останется авторъ: его книга уже допущена и училищнымъ комитетомъ при св. синодѣ въ библіотеки церковныхъ школъ, и министерствомъ народнаго просвѣщенія — въ народныя библіотеки и читальни, и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній—въ ротныя и другія библіотеки.

М. А. Соловейчикъ. Очерки по еврейской исторіи и культурѣ. (Историческая хрестоматія подъ ред. М. И. Кулишера и Л. А. Сева). Т. I. Библейскій періодъ. Изд. Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества. Спб. 1912. Стр. VI+236. Ц. 1 р. 50 к.

Этотъ сборникъ какъ будто предназначенъ для еврейскихъ читателей и долженъ быть, какъ всякая хрестоматія, лишь книгой для чтенія. Но систематичность хрестоматіи дѣлаетъ ее по существу болѣе похожей на научный курсъ, а значительность ея содержанія заставляетъ желать ея распространенія въ гораздо болѣе широкихъ читательскихъ кругахъ. Волею судебъ библейскій періодъ еврейской исторіи сдѣлался одной изъ важнѣйшихъ эпохъ въ жизни европейскаго человѣчества. Эта важнѣйшая эпоха европейской Vorgeschichte была въ то же время, какъ извѣстно, одной изъ недоступнѣйшихъ научному изслѣдованію. И теперь, когда свѣтомъ науки озарены наиболѣе темные моменты этой исторіи, оффиціальная школа, черезъ которую проходитъ средній европеецъ, не знаетъ правды о ней, не смѣетъ знать правду о бытѣ и событіяхъ, составляющихъ содержаніе Ветхаго Завѣта.

Въ хрестоматіи прежде всего освѣщенъ самый текстъ его: особое приложеніе, трактующее объ источникахъ библейской исторіи, опредѣляетъ проблему библейской исторіи, критически оцѣниваетъ Библію, какъ историческій источникъ, уясняя матеріалы, легшіе въ основаніе библейскаго повѣствованія и т. д. Статьи, тщательно подобранныя составителемъ, принадлежатъ наиболѣе авторитетнымъ представителямъ европейской науки—Вельгаузену, Дармстетеру, Бенцингеру, Гизебрехту и др.—и расположены такъ, чтобы одновременно выступали и основныя черты каждой эпохи, и общая линія культурнаго развитія. При этомъ рядомъ со статьями современныхъ ученыхъ поставлены историческіе источники и соотвѣтственные литературные памятники эпохи, предоставляя такимъ образомъ читателю возможность судить о томъ, какими ос-

новными данными располагала наука и что она изъ этихъ данныхъ извлекла. Рисунки, сопровождающіе текстъ, даютъ представленіе о тѣхъ матеріальныхъ остаткахъ культуры, на которыхъ основываются предположенія научной археологіи.

Въ противоположность Европѣ—особенно протестантской—у насъ удивительно мало распространено знаніе ветхозавѣтной исторіи. Древній міръ исчерпывается для насъ греко-римской культурой—и нѣтъ ничего болѣе чуждаго нашей интеллигенціи чѣмъ *историческое* пониманіе той духовной культуры, которая, родившись въ рядовомъ семитическомъ племени, должна была пріобрѣсти всемірное значеніе. Въ этотъ міръ новыхъ знаній удачно вводитъ «Историческая хрестоматія».

К. Г. Воблый. Статистика. Изд. 3-е, пересмотрѣннсе и дополненное. Съ 13 діаграммами и картограммой. Кіевъ. 1912. Стр. 396. Цѣна 2 р. 10 коп.

До недавняго времени едва ли не единственнымъ полнымъ курсомъ статистики являлось у насъ сочиненіе Янсона. Давая подробное изложеніе исторіи, теоріи и техники статистики, оно однако успѣло сильно устарѣть; второе же изданіе, вышедшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ, представляло собою лишь перепечатку перваго, сохраняя всѣ архаическія данныя и не присоединяя ничего новаго. Въ виду этого, при всей цѣнности книги, она оказывается въ настоящее время совершенно непригодной для изученія. Еще болѣе устарѣлой является составленная Янсономъ статистика населенія, въ свое время также представлявшая собою цѣнное изслѣдованіе.

Лишь въ послѣднее время стали появляться новые курсы статистики, которые должны замѣнить книгу Янсона. Среди нихъ обращаетъ на себя вниманіе курсъ Г. К. Воблаго, по полнотѣ сообщаемаго имъ матеріала и ясности изложенія. Въ этой книгѣ мы находимъ всѣ тѣ отдѣлы, которые когда то считалъ необходимыми Янсонъ въ качествѣ частей учебника статистики. Изложена съ достаточной подробностью, но безъ излишнихъ мелочей исторія направленій въ области науки статистики, далѣе развитіе административной статистики и организаціи статистическихъ учрежденій на Западѣ и у насъ и международныхъ организацій вплоть до настоящаго времени. Затѣмъ слѣдуютъ виды статистическихъ записей, профессіональныя переписи, записи по сельскому хозяйству, промышленности, по уголовной статистикѣ. Авторъ подробно останавливается на всеобщей переписи 1897 года, указывая на то, что «общественныя силы были почти совсѣмъ устранены отъ участія въ ней», что «разработка ея длилась очень долго и организована была довольно примитивно». (Стр. 133).

Много мѣста авторъ удѣляетъ и профессіональнымъ перепи-

сямъ Германіи, проводя параллель между организаціей ихъ въ 1882, 1895, и въ 1907 гг. (этому вопросу посвящена спеціальная монографія К. Г. Воблаго) и сопоставляя германскія переписи съ промысловыми переписями другихъ государствъ—Франціи, Бельгіи, Австріи, Англіи, Соед. Штатовъ. Послѣднія главы общей части касаются сводки и обработки статистическаго матеріала, причемъ излагаются всѣ новѣйшіе пріемы въ области сводки, значеніе діаграммъ и картограммъ и т. д.

Вторая часть книги (170 стр.) представляетъ собою статистику народонаселенія, распадаясь на два отдѣла—на состояніе (статику) населенія и движеніе (динамику) населенія. Въ этой части обстоятельно разсмотрѣны авторомъ вопросы распредѣленія населенія на сельское и городское, распредѣленіе по полу, возрасту, семейному составу, по занятіямъ, по національностямъ и вѣроисповѣданію, далѣе рождаемость, смертность, брачность и переселенія. Авторъ комбинируетъ и различные признаки между собою; такъ, онъ останавливается на распредѣленіи браковъ по возрасту и по семейному положенію, на измѣненіяхъ рождаемости и смертности во времени, на вопросѣ о вліяніи занятій и уровня благосостоянія на смертность населенія. Повсюду приводятся новѣйшія цифровыя данныя, такъ что этотъ отдѣлъ имѣетъ и существенное справочное значеніе, тѣмъ болѣе что авторъ подробно останавливается на Россіи и старается выяснить развитіе цифровыхъ данныхъ по различнымъ районамъ и колебанія ихъ по отдѣльнымъ губерніямъ. Во многихъ случаяхъ приводятся и историческія данныя, относящіяся къ XVIII ст. и предшествующимъ вѣкамъ, для установленія перемѣнъ, происшедшихъ съ тѣхъ поръ въ области движенія населенія. Авторъ разбираетъ и такіе вопросы, которые, какъ напр. жилищный вопросъ, обыкновенно не трактуются въ статистикѣ населенія, но которые несомнѣнно существенны для пониманія проблемы роста городовъ и переселенія изъ селъ въ города. Въ связи съ этимъ онъ указываетъ на то обстоятельство, что въ Англіи въ послѣднее десятилѣтіе замѣчается значительное улучшеніе жилищныхъ условій; въ Германіи же положеніе гораздо хуже: въ Англіи квартира считается перенаселенной, если на одну комнату приходится болѣе 2 жильцовъ; въ Германіи же лишь въ томъ случаѣ, если въ одной комнатѣ живетъ болѣе 5 лицъ. И все же перенаселенныхъ жилищъ въ Германіи оказывается больше, чѣмъ въ Англіи. Хуже всего, какъ и слѣдовало ожидать, жилищныя условія въ нашихъ городахъ, гдѣ городскія управленія совсѣмъ не заботятся о нуждахъ населенія.

Любопытенъ и тотъ фактъ, что низкая пропорція городского населенія въ Россіи (у насъ считается, что 13 проц. живетъ въ городахъ) объясняется отчасти тѣмъ, что у насъ городами считаются только поселенія съ городскимъ управленіямъ. Если же принять во вниманіе все населеніе, живущее на мѣстахъ, имѣю-

шихъ 2 и болѣе тысячъ жителей (какъ дѣлаетъ нѣмецкая и французская статистика), тогда мы получимъ другую картину. Всѣхъ такихъ поселеній въ Россіи насчитывалось по даннымъ всеобщей переписи 7.167 съ 39,6 милл. жителей, что даетъ 31,5% всего населенія. И эта цифра значительно ниже того, что мы находимъ въ Германіи (56 проц.), и даже ниже цифры городского населенія во Франціи (41 проц.), но все же разница уже не столь велика, какъ при подсчетѣ однихъ лишь поселеній съ городскимъ управленіемъ.

Въ послѣднее время у насъ иногда высказывается мнѣніе, что курсъ статистики долженъ ограничиваться отдѣлами исторіи, теоріи и техники статистики; статистика же населенія, какъ выясняющая результаты статистическихъ наблюденій и вычисленій, относится къ области экономики, а не статистики. Напротивъ, западно-европейская наука не только не исключаетъ изъ статистики отдѣла демографической статистики, но присоединяетъ къ нему новые отдѣлы: извѣстный статистикъ Майръ въ послѣднихъ выпускахъ своего курса статистики разсматриваетъ моральную статистику и статистику народнаго образованія, а Конрадъ въ своемъ учебникѣ статистики даетъ, кромѣ статистики населенія, также статистику сельскаго хозяйства и статистику промышленности. Насколько велики трудности, сопряженныя съ разработкой этихъ новыхъ отдѣловъ статистики, можно впрочемъ усмотрѣть уже изъ того, что курсъ Майра подвигается впередъ весьма медленно, Конрадъ же вынужденъ былъ поручить составленіе выпуска о промышленной статистикѣ другому лицу—проф. Гессе. Но все же и нашимъ статистикамъ слѣдуетъ обратить вниманіе на эти новые отдѣлы курса статистики, въ особенности на экономическую статистику; присоединеніе хотя бы небольшой главы о статистикѣ сельскаго хозяйства, промышленности, торговли въ разсматриваемой книгѣ К. Г. Воблаго (причемъ кой-что можно было бы перенести туда изъ отдѣла о профессіонально-промысловыхъ переписяхъ и о записяхъ по сельскохозяйственной статистикѣ) было бы весьма желательно и вполнѣ возможно, имѣя въ виду, что авторъ много занимался разработкой этихъ вопросовъ.

Н. Лосскій. Введеніе въ философію. Часть I. Введеніе въ теорію знанія. Спб. 1911 г., 275 стр., ц. 1 р. 25 к.

Объ «интуитивизмѣ» проф. Лосскаго мы уже говорили въ нашей рецензіи на «Обоснованіе интуитивизма» («Р. Б.» 1907 г. № 10).

Новый трудъ проф. Лосскаго, въ общемъ, построенъ по тому же плану, какъ и его «Обоснованіе интуитивизма». Здѣсь опять авторъ доказываетъ, что разъединеніе въ процессѣ знанія «я» и «не я» ведетъ къ неопреодолимымъ затрудненіямъ: эмпиризмъ, исходящій изъ «опыта», изучающій «дѣйствіе» «не-я» на «я», «не

способенъ обосновать возможность общихъ и необходимыхъ синтетическихъ сужденій въ примѣненіи къ внѣшнему міру» (стр. 102). Мало того, извѣстный видъ эмпиризма, благодаря своему утвержденію, что знаніе складывается только изъ состояній познающаго индивидуума, «въ концѣ концовъ не можетъ избѣжать солипсизма, такъ какъ неспособенъ доказать даже *существованіе* внѣшняго міра» (стр. 102). Раціонализмъ относится отрицательно къ «опыту» и считаетъ источникомъ познанія самодѣятельность индивидуальнаго разума, но связать эту «дѣятельность разума» съ чѣмъ-либо лежащимъ внѣ разума онъ не можетъ.

Таковы, по словамъ проф. Лосскаго, затрудненія, встрѣчаемыя всякой трансцендентной теоріей знанія, т. е. теоріей, допускающей «расколъ между знаніемъ и бытіемъ». Кантъ явился создателемъ имманентной теоріи знанія, отрицающей расколъ между знаніемъ и бытіемъ и утверждающей «что бытіе, обусловливающее процессъ знанія и служащее предметомъ знанія, *входитъ въ составъ* самого знанія» (стр. 58).

Но Кантъ смотрѣлъ на познаніе, какъ на «*причинное взаимодѣйствіе* между познающимъ субъектомъ и міромъ» (стр. 213) и въ этомъ лежитъ источникъ неудачи Канта. Ибо «губительный для теоріи Канта дуализмъ формы и содержанія знанія обусловленъ предпосылкой, согласно которой содержаніе знанія возникаетъ вслѣдствіе «аффицированія» чувственности предметами» (стр. 213).

Выходъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій проф. Лосскій находитъ въ «интуитивизмѣ», согласно которому, прежде всего, познаніе не есть нѣчто причинно-обусловленное, не есть результатъ «взаимодѣйствія» между «я» и «не я», а есть «*созерцаніе*, или непосредственное воспріятіе» (стр. 235). Далѣе, «различая объективную и субъективную сторону знанія, предметъ и содержаніе знанія съ одной стороны, актъ знанія съ другой стороны» (стр. 267), интуитивизмъ утверждаетъ, что въ составѣ знанія, какъ его объективная сторона, имѣется самый предметъ знанія, а не его «копія», не «представленіе» о немъ и не его «воздѣйствіе» на «я». Если ко всему этому прибавить, «что, согласно теоріи интуитивизма, нѣтъ различія по существу между *онтологическою и логическою* связью функціональной зависимости» (стр. 254), благодаря чему причинная зависимость между вещами «*поскольку онѣ входятъ въ составъ сужденія*, называется, согласно интуитивизму, *логическою связью*» (стр. 255),—если, повторяемъ, прибавить и это указаніе, то «интуитивизмъ» проф. Лосскаго будетъ вполнѣ обрисованъ.

Начнемъ съ обсужденія этой послѣдней черты интуитивизма: съ утвержденія, что логическая связь только потому и имѣетъ свое raison d'être, что она есть другая сторона причинной связи. Мы, конечно, отъ всего сердца привѣтствуемъ подобное заявленіе. Но при этомъ не можемъ не замѣтить, что, вѣдь, вся англійская фи-

лософія построена на этой мысли; а послѣднее и высшее проявленіе англійскаго эмпиризма, философія Герберта Спенсера, даетъ классическое обоснованіе правомѣрности пользованія логической связью, какъ показателемъ связи причинной. Знаменитое ученіе Спенсера о томъ, что формы познанія «будучи апріорны для индивида, апостеріорны для человѣчества—это ученіе дало философіи высшій интересъ, объединяющій эмпиризмъ съ раціонализмомъ, и объясняющій почему наша человѣческая логика логична. И если правовѣрные кантіанцы и приходятъ въ ужасъ отъ этого ученія Спенсера, то это понятно, ибо они, такимъ образомъ, борятся за свое существованіе. Но если проф. Лосскій, отожествившій онтологическую и логическую связи, все-таки считаетъ себя въ правѣ коротко расправиться со Спенсеромъ нѣсколькими небрежными строками на стр. 93—4, то этимъ онъ лишь обнаруживаетъ, что путы Канта все еще на немъ тяготѣютъ, что, отдѣлавшись съ бѣдой пополамъ отъ самого Канта, онъ все еще находится во власти кантіанцевъ и полукантіанцевъ, во власти Когена и Шуппе.

Самой характерной (и даже сенсаціонной) стороной интуитивизма проф. Лосскаго является утвержденіе, что въ познаніи мы имѣемъ самую вещь въ подлинникѣ, а не «копію» ея, не «представленіе» о ней, и не ея «дѣйствіе» на насъ. Съ перваго взгляда это кажется громаднымъ философскимъ переворотомъ. Но приглядимся поближе. Спросимъ себя, о какомъ «подлинникѣ» здѣсь, собственно говорится? Вѣдь, понимая *буквально* утвержденія проф. Лосскаго, слѣдовало бы принимать, что, напримѣръ, когда я гляжу на Волгу (т. е. когда я «воспринимаю» Волгу), то Волга, не «дѣйствуетъ» на мой «духъ» (не «аффицируетъ» его, какъ сказалъ бы Кантъ), и я не имѣю «представленія» Волги,—нѣтъ, при этомъ сама Волга въ подлинникѣ, такъ сказать, течетъ въ моемъ духѣ. Когда же я думаю о походахъ Александра Македонскаго, то опять таки и Александръ, и Дарій, и всѣ ихъ сподвижники «даны» въ моемъ духѣ «въ подлинникѣ». Наконецъ, моя мгновенная мысль о вѣчности заключаетъ эту «вѣчность» опять-таки «въ подлинникѣ».

Очевидно, что такого буквальнаго толкованія словамъ проф. Лосскаго придавать нельзя. Но тогда, какъ же понимать ихъ? Въ нашей вышеупомянутой рецензіи на «Обоснованіе интуитивизма» мы поставили этотъ вопросъ проф Лосскому и онъ отвѣтилъ намъ въ 93 книгѣ «Вопросовъ философіи», что вопросы, отмѣченные рецензіей «Русскаго Богатства», «подняты въ самомъ «Обосновании интуитивизма» (стр. 234, 248) и, какъ мы полагаемъ, вполнѣ разрѣшены посредствомъ различенія *акта* сужденія и *содержанія* сужденія подобно тому, какъ Шуппе въ своей «Erkenntnisstheoretische Logik» (стр. 74) показываетъ, что весь пространственно-временный міръ есть содержаніе сознанія я,

но изъ этого не слѣдуетъ, будто я есть огромный *сосудъ*, охватывающій вселенную» (стр. 453). Если бы проф. Лосскій подумалъ о томъ, что мы съ достаточнымъ вниманіемъ читали его книгу и знали безъ его указаній логику Шуппе, то онъ, быть можетъ, и не огранился бы простой ссылкой, тѣмъ болѣе, что источникъ разногласія и недоумѣнія былъ нами ясно указанъ. Мы утверждаемъ, что «различеніемъ *акта* сужденія и *содержанія* сужденія» указанное нами затрудненіе не устранено, а только передвинуто. Вѣдь, если (возвращаемся къ нашему старому примѣру) нашему «сужденію» о походѣ Александра-Македонскаго (хотя бы и не въ «актѣ» сужденія, а въ его «содержаніи») «данъ» Александръ «въ подлинникѣ», то, очевидно, или это совершенно особенный «подлинникъ», или онъ «данъ» какимъ-нибудь особеннымъ образомъ. Вѣдь «подлинность» Александра нельзя свести просто къ тому, что мы правильно себѣ его *представляемъ*: не прибавляемъ и не убавляемъ ни одной черты, ибо тогда это будетъ не «подлинность», а *вѣрность представленія*; а «данность» Александра нельзя свести къ мышленію о немъ, ибо тогда и Химера «дана».

Что же понимаетъ проф. Лосскій подъ «подлиннымъ» Александромъ, который «данъ» нашему сужденію? Реализмъ (какъ «наивный» такъ и «критическій») тоже вѣдь утверждаетъ, что предметъ «данъ» въ воспріятіи. Но реализмъ хорошо знаетъ, что подъ «данностью» предмета онъ понимаетъ лишь его «дѣйствіе» на насъ; напр., предметъ «данъ» нашему зрительному воспріятію, когда на нашъ зрительный нервъ дѣйствуютъ свѣтовые лучи, исходящіе отъ этого предмета. Но, вѣдь, вся суть ученія проф. Лосскаго сводится къ отрицанію существованія подобнаго способа даванія предмета: онъ безпрестанно повторяетъ, что въ знаніи данъ самъ подлинный предметъ, а не его «дѣйствіе» или «представленіе» о немъ. Теперь ясно, что для уничтоженія противорѣчія въ своемъ утвержденіи, проф. Лосскій долженъ придать терминамъ «подлинный» и «данный» совершенно иной смыслъ. А это онъ можетъ сдѣлать лишь въ своей онтологіи. Слѣдовательно, такая теорія познанія, какая дана проф. Лосскимъ можетъ быть послѣдовательно развита лишь на основаніи онтологіи или, по крайней мѣрѣ, въ связи съ онтологіей.

Но кантизмъ слишкомъ еще держитъ проф. Лосскаго въ своей власти. И вотъ почему онъ уже во второй разъ развиваетъ свою теорію знанія и все еще не даетъ онтологіи, безъ которой его теорія знанія можетъ быть лишь намѣчена. Правовѣрные кантіанцы вполнѣ правы, когда вотъ уже болѣе столѣтія все развиваютъ теорію знанія, все, такъ сказать, куютъ орудіе для добычи знанія, но въ дѣло этого орудія, такъ и не пускаютъ.

Кантіанцы правы потому, что имъ, собственно, и нечего добывать. Вѣдь, по Канту, абсолютно непознаваемая вещь въ себѣ есть только поводъ для нашего духа пустить въ ходъ всѣ свои

«формы созерцанія», «категоріи» и т. п., причемъ, въ концѣ концовъ мы познаемъ только эти же свои формы созерцанія, категоріи и т. п. Нѣмцы презрительно смотрятъ на англичанъ, которые не ограничиваются выковкой орудій для добычи знанія, но сейчасъ же и пускаютъ въ ходъ это орудіе. Нѣмцы за это называютъ англійскихъ философовъ «некритическими». Но проф. Лосскому, у котораго не только познаніе распространяется на вещи, но у котораго и критерій истины есть «данность» вещи и, мало того, вещь всегда самолично присутствуетъ во всякомъ знаніи,— ему-то слѣдовало бы смѣлѣе освободиться отъ ига Канта и дать не только теорію «знанія», но и теорію «вещи», безъ которой само знаніе невозможно.

Слѣдовательно, суть нашихъ замѣчаній заключается въ томъ, что до тѣхъ поръ, пока проф. Лосскій не создастъ своей онтологіи, изъ которой мы узнаемъ, что «данность» и «подлинность» вещей въ познаніи имѣетъ какой-то особый, намъ теперь неизвѣстный смыслъ,—до тѣхъ поръ мы имѣемъ законное право подозрѣвать, что утвержденіе о «данности» предмета въ воспріятіи и сужденіи есть лишь замаскированное признаніе «дѣйствія» этого предмета на познающаго субъекта, а въ такомъ случаѣ «подлинность» предмета есть лишь «подлинность» ощущенія или представленія.

Русскіе учителя за границей. Годъ третій. М. 1912. Стр. 256. Ц. 50 к.

Въ свое время на страницахъ «Р. Богатства» отмѣчалось появленіе первыхъ двухъ выпусковъ настоящаго сборника, посвященнаго начатому четыре года тому назадъ въ Москвѣ дѣлу организаціи коллективныхъ экскурсій русскихъ учителей за границу, въ Западную Европу. Вновь вышедшій въ свѣтъ третій выпускъ этого сборника составленъ въ общемъ приблизительно по такому же плану, какъ и два предыдущихъ. Въ рядѣ статей, принадлежащихъ, съ одной стороны, участникамъ центральной организаціи всего дѣла экскурсій, съ другой, руководителямъ послѣдними на мѣстахъ, подводятся разнообразные итоги лѣтней кампаніи 1911 г., выясняются ея хорошія и слабыя стороны, указываются подлежащіе устраненію недочеты въ постановкѣ дѣла и развиваются планы на будущее, въ частности на лѣто текущаго 1912 года. Другая часть сборника, по своему объему составляющая приблизительно около трети его, посвящена передачѣ впечатлѣній экскурсантовъ ихъ собственными словами: здѣсь помѣщены выдержки изъ дневниковъ и путевыхъ записокъ отдѣльныхъ экскурсантовъ, равно какъ небольшія статьи, заключающія въ себѣ разсказъ о сдѣланной поѣздкѣ, либо о томъ или иномъ частномъ ея моментѣ. Наконецъ, въ приложеніяхъ къ сборнику помѣщены правила записи въ число участниковъ экскурсій, мар-

шруты экскурсій, намѣченныхъ на лѣто 1912 года, и списки книгъ, рекомендуемыхъ организаторами дѣла экскурсантамъ для предварительнаго ознакомленія съ тѣми странами, куда направляются экскурсіи. Списки эти, замѣтимъ мимоходомъ, составлены не особенно удачно, за то въ остальной своей части содержаніе сборника способно привлечь къ себѣ вниманіе не только лицъ, желающихъ и могущихъ принять участіе въ подобныхъ экскурсіяхъ, но и вообще людей, интересующихся развитіемъ культурнаго общенія между Россіей и странами европейскаго Запада. Въ развитіи такого общенія и поднятіи путемъ его культурнаго уровня самой русской жизни поѣздки за границу русскихъ учителей и, въ особенности, учителей русской народной школы могли бы, конечно, сыграть довольно видную роль. Но къ сожалѣнію, какъ видно изъ настоящаго сборника, какъ разъ учительскія экскурсіи за границу не толькъ не учащаются, но даже, наоборотъ, чрезвычайно быстро сокращаются въ своемъ числѣ. И причиной этому являются какъ общія условія русской учительской жизни, такъ и спеціальныя «вѣянія» текущей минуты.

Когда четыре года тому назадъ при Учебномъ Отдѣлѣ московскаго Общества Распространенія Техническихъ Знаній сорганизовалась Коммиссія по устройству образовательныхъ экскурсій, эта Коммиссія разсчитывала набирать своихъ кліентовъ главнымъ образомъ среди учителей низшихъ, народныхъ школъ и лишь во вторую очередь ставила учителей средней школы, вовсе уже не предполагая включить въ число своихъ кліентовъ лицъ какихъ-либо другихъ категорій иначе, какъ въ видѣ болѣе или менѣе рѣдкаго исключенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ самое устройство экскурсій предполагалось поставить на строго дѣловыхъ основаніяхъ, по возможности избѣгая поддержки со стороны частной благотворительности. Эта послѣдняя задача была выполнена въ полномъ размѣрѣ. За три года, 1909—1911, въ устроенныхъ Коммиссіей экскурсіяхъ приняло 3.945 человѣкъ. Расходы на эти экскурсіи выразились въ суммѣ 556.695 р. Изъ этой суммы 551.552 р. составились изъ взносовъ самихъ экскурсантовъ и только 5.093 р. были получены путемъ пожертвованій. При этомъ, какъ отмѣчаютъ организаторы, «дѣло развитія поѣздокъ за эти три года неуклонно шло впередъ какъ въ смыслѣ хозяйственнаго улучшенія, такъ, главнымъ образомъ, углубленія культурной ихъ стороны» (26). Въ 1911 г. при общемъ бюджетѣ экскурсій въ 189.000 р., на руководительское дѣло было истрачено уже около 19.000 р. Но въ этомъ была и своя оборотная сторона: поѣздки становились все дороже. Такъ, напр., поѣздка по Италіи черезъ Константинополь, Аѳины и Неаполь въ 1909 г. обходилась экскурсанту въ 125 р., въ 1910 г.—145 р. и въ 1911 г.—180 р. А между тѣмъ при нищенскомъ бюджетѣ учителей нашей начальной школы даже поѣздки 1909 г. были по своей цѣнѣ не особенно

доступны для нихъ, и Коммиссіи уже въ этомъ первомъ году своей дѣятельности пришлось принять въ число своихъ кліентовъ гораздо большее количество учителей среднихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ она первоначально разсчитывала. На первыхъ порахъ Коммиссія надѣялась еще понизить цѣну поѣздокъ путемъ исходатайствованія для экскурсантовъ разнаго рода льготъ при оплатѣ передвиженія. За границей, дѣйствительно, то правительства, то органы мѣстнаго самоуправленія охотно предоставляли «русскимъ учителямъ» нѣкоторыя льготы и продолжаютъ предоставлять ихъ кліентамъ Коммиссіи и въ настоящее время. Но иначе сложилось дѣло въ самой Россіи. Правда, въ 1909 г., первомъ году дѣятельности Коммиссіи, экскурсантамъ и въ Россіи были даны серьезныя льготы въ видѣ разрѣшенія брать коллективные заграничные паспорта (одинъ на группу въ 50 человѣкъ) и предоставленія права проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ въ пассажирскихъ поѣздахъ въ вагонахъ 3-го класса по тарифу 4-го, что равнялось 50% скидки. Но уже въ 1910 г. экскурсантамъ было отказано въ коллективныхъ паспортахъ. Въ 1911 г. московскій градоначальникъ, сославшись на чисто формальныя основанія, закрылъ самую Коммиссію по организаціи образовательныхъ экскурсій. Готовое рухнуть дѣло перенялъ Совѣтъ Учебнаго Отдѣла, при которомъ существовала Коммиссія, и оно уцѣлѣло, но вслѣдъ за тѣмъ экскурсантамъ было отказано и въ предоставленной имъ раньше желѣзнодорожной льготѣ. Все это повело къ сильному вздорожанію поѣздовъ, а послѣднее, естественно, отразилось и на составѣ ихъ участниковъ. Еще въ 1909 г. изъ общаго числа экскурсантовъ въ 1089 чел. учителей начальной школы было 723 чел. или 66%. Въ 1910 изъ 1670 экскурсантовъ на долю учителей начальной школы приходилось уже только 765 чел. или 45%, въ 1911 г. изъ 1186 чел.—всего 296 чел или 25%. Учителя и начальной, и средней школы вмѣстѣ съ фельдшерами составляли въ средѣ экскурсантовъ въ 1909 г.—93%, въ 1911 г.—55%. Такимъ образомъ экскурсіи, организованныя первоначально по преимуществу для учителей начальной школы, теперь привлекаютъ къ себѣ уже совсѣмъ другіе элементы: народные учителя составляютъ лишь четверть всего числа экскурсантовъ, учителя вообще—немного болѣе половины, а около половины приходится на долю частныхъ лицъ, обслуживать интересы которыхъ организаторы экскурсій раньше вовсе не ставили своей задачей. На будущее время они, правда, собираются принять рядъ мѣръ, которыя могли бы хоть отчасти возвратить экскурсіи къ первоначальной ихъ задачѣ. Такъ, предположено установить на поѣздки 1912 года двоякій взносъ; одинъ съ народныхъ учителей и другой, нѣсколько болѣе высокій, съ лицъ всѣхъ другихъ категорій. Наряду съ этимъ на 1912 годъ выработаны и «два типа поѣздокъ: однѣ сокращенныя, удешевленныя; другія имѣютъ въ виду лицъ,

обладающихъ большимъ запасомъ времени, средствъ и физическихъ силъ». «Цѣны за поѣздки—сообщаетъ сборникъ—колеблются между 60—70 р. за трехнедѣльную поѣзду въ сосѣднія намъ страны— Австрію и Германію—и доходятъ до 175 р. за отдаленную поѣздку въ Парижъ и Лондонъ. А въ Италію (до Рима включительно) можно попасть за 120 р. для учителей и за 135 р. для частныхъ лицъ» (147). Это все таки очень далеко отъ первоначальнаго плана устройства экскурсій спеціально для народныхъ учителей, но устоять на своемъ первоначальномъ планѣ при указанныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ организаторы московскаго предпріятія, очевидно, не сочли возможнымъ. Быть можетъ, они въ этомъ случаѣ и правы, но только, отступаясь отъ первоначальнаго плана, слѣдовало бы, думается намъ, измѣнить и самое названіе экскурсій; а то едва-ли удобно говорить объ экскурсіяхъ «русскихъ учителей», когда въ составѣ экскурсантовъ учителя могутъ быть въ рѣшительномъ меньшинствѣ и могутъ даже совершенно отсутствовать *).

Берлинъ. Сборникъ - путеводитель. Сост. **И. А. Шнеерсонъ.** Стр. 288. Ц. 1 р.—**Вѣна.** Сост. подъ ред. **П. И. Звѣздича.** Стр. X+422. Ц. 1 р. 25 к. Издательство «Образовательныя экскурсіи». Москва. 1911.

Руководители московскихъ «образовательныхъ экскурсій», не ограничиваясь организаціей этихъ превосходныхъ просвѣтительныхъ путешествій, задались цѣлью дать русскимъ, путешествующимъ по Западной Европѣ, также литературное руководство. Пока вышли два выпуска задуманной издателями коллекціи «сборниковъ-путеводителей»; они посвящены Берлину и Вѣнѣ. Въ противоположность распространенному типу путеводителей, здѣсь культурно-просвѣтительныя характеристики занимаютъ гораздо больше мѣста, чѣмъ узко-практическія указанія. Эту тенденцію можно только привѣтствовать. Трудно себѣ представить, сколь многое остается совершенно скрытымъ отъ путешественника, имѣющаго руководителемъ даже Бедекера, достовѣрнаго, обстоятельнаго, неподкупного, но узко-формальнаго. Типичный путеводитель ограничивается достопримѣчательностями, тогда какъ во многихъ случаяхъ именно достопримѣчательности наименѣе характерны для чужой страны. Великолѣпнаго Рембрандта можно видѣть и въ петербургскомъ Эрми-

*) Мы писали свою рецензію въ разсчетѣ на дальнѣйшее существованіе московскаго предпріятія. Но, когда эта рецензія была уже сдана въ печать, московскія газеты принесли извѣстіе, что Учебному Отдѣлу Общества распространенія техническаго знанія пришлось по требованію московскаго градоначальника совершенно ликвидировать свою дѣятельность по организаціи образовательныхъ экскурсій за-границу. Еще одно цѣнное культурное предпріятіе такимъ образомъ разрушено, еще разъ жизнь въ жестокомъ и наглядномъ урокѣ выяснила тѣсную связь „культуры“ съ „политикой“.

тажѣ, а нѣмецкую народную школу увидишь только въ Германіи. Между тѣмъ, напримѣръ, Бедекера такое великое созданіе нѣмецкой культуры, какъ берлинскій университетъ, интересуетъ гораздо меньше, чѣмъ архитектурно ничтожный новый Dom. Въ новыхъ русскихъ путеводителямъ мы находимъ попытку ввести путешественника въ то общественное строительство жизни, проявленія котораго составляютъ первую и подлинную достопримѣчательность, достойную изученія. Такія статьи какъ «Берлинская пресса», «Техническія предпріятія Берлина», «Врачебное дѣло въ Берлинѣ», «Художественная Вѣна», «Муниципальная Вѣна», «Общественная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія въ Вѣнѣ» и т. п. въ общемъ превосходно подготовляютъ туриста къ конкретному знакомству съ европейскимъ культурнымъ творчествомъ. Конечно, не все ладно въ первыхъ опытахъ. Книжка, посвященная Вѣнѣ и составленная русскими писателями, изучившими жизнерадостную столицу Австріи, свободна отъ грубыхъ промаховъ; но путеводитель по Берлину, въ значительной части переведенный съ нѣмецкаго, пестритъ непростительными погрѣшностями. Kaiser-Friedrich-Museum здѣсь многократно называется музеемъ *короля* Фридриха, Laubenkolonie—лиственными колоніями, хотя Laube значитъ не только листва, но и бесѣдка, Lehrergesangverein, то есть пѣвческій кружокъ учителей—обществомъ учителей пѣнія и т. д. Особенно много напуталъ невѣжественный переводчикъ въ отдѣлахъ, посвященныхъ искусству; здѣсь есть Вероччіо, Жіованни Беллини, Геертгенъ тотъ сенъ Жанъ, дочь Іоріоса и т. п. Мы узнаемъ о статуѣ «Просящаго мальчика», хотя beten значитъ также молиться (извѣстный «Адорантъ») о «плитахъ»» ванъ-Эйковъ, которые однако писали иконы не на камняхъ, а на доскахъ и т. д. Все это нехорошо и недостойно идейнаго изданія. Опечатокъ, безобразящихъ текстъ, также слишкомъ много. Но за всѣмъ этимъ издательство сдѣлало всетаки прекрасное дѣло.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи, по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Кн-во «Польза» В. Антикъ и К°. М. 1912 г.—***Ч. Диккенсъ.*** Давидъ Коперфильдъ. Ц. 40 к.—***Л. Деларю-Мардрюсъ.*** Изступленная. Ц. 20 к. ***М. Доджъ.*** Серебряные коньки. Ц. 30 к.—***Ан. Погорѣльскій.*** Монастырка. Ц. 20 к.—***А. Додэ.*** Малышъ. Ц- 80 к.—***Маркъ Твэнъ.*** Приключенія Тома Сойера. Ц. 30 к.—***П. Г. Мижуевъ.*** Современная школа въ Европѣ и Америкѣ.

Кн-во «Атенеумъ». М. 1912.—***Эд. де-Амичисъ.*** Жизнь военныхъ. Пер. I. А. Маевскаго. Ц. 60 к. —***Антоніо Фогаццаро.*** Вѣра. Пер. I. А. Маевскаго. Ц. 60 к. —***Джэкъ Лондонъ.*** Собр. сочин. Т. IV. Мартинъ Идэнъ. Ц. 1 р. 50 к.

Московское книгоиздательство. М. 1912.—***М. Арцыбашевъ.*** Собр. соч. Т. V. Разсказы. Ц. 1 р 25 к.—***Анна Маръ.*** Невозможное. Ц. 1 р. 25 к.—***Земля.*** Сборникъ восьмой. Ц. I р. 50 к. ***Д. М. Болдуинъ.*** Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. Т. II. Пер. съ 3-го америк. изд. Ц. 1 р. 50 к.—***Фридрихъ Ницше.*** Полное собр. соч. Т. I. Рожденіе трагедіи. Изъ посмертныхъ произведеній. Подъ ред. Ѳ. Зѣлинскаго. Ц. 3 р. 50 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1912.—***Ал. Ремизовъ.*** Сочиненія. Т. VI и т. VII. Ц. по 1 р. 25 к.—***А. Серафимовичъ.*** Сочиненія. Т. II. Изд. 2-е. Ц. 1 р- 25 к. ***А. Измайловъ.*** Кривое зеркало. Пародіи и шаржи. Ц. 1 р. 25 к.—***Гюи де-Мопассанъ.*** Полн. собр. соч. Т. XXVII. Ц. 1 р.

Изд. „Посредникъ". М. 1912 г.—***Ѳ. А. Дмитріевъ.*** Коопераціи въ Италіи. Ц. 10 к.—250 мыслей философовъ, поэтовъ и ученыхъ о вегетаріанствѣ. Ц. 10 к. Проф. ***Геймъ.*** Половая жизнь. Съ вступ. ст. Л. Н. Толстого. Ц. 15 к. ***I. Беттнеръ.*** Садъ и огородъ. В. III. Ц. 50 к. ***С. Т. Семеновъ.*** Машка-Домашка. Ц. 60 к. ***И. С. Никитинъ.*** Избранныя стихотворенія русскимъ дѣтямъ и юношамъ. Ц. 15 к.

Кн-во «Прометей». Спб. 1912 г.—***Дженъ Лондонъ.*** Собр. соч. Т. 1. Морской волкъ. Ц. 1 р. 25 к.—***Его же.*** Т. II. Вѣра въ человѣка. Ц. 1 р.—***Левъ Ждановъ.*** Въ стѣнахъ Варшавы. Т. I. Ц. 1 р. 50 к.—***Н. Б. Сѣверова.*** Къ идеаламъ. Ц. 1 р. 25 к.—***Н. Мишеевъ.*** Очерки по исторіи всеобщ литературы. Ч. III. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1912 г. Библіотека обществознанія. Подъ общей редакц. I. М. Бикермана: ***В. Берарь.*** Персія и персидская смута. Пер. А. Павловича. Ц. 2 р.—***I. Гольдцигеръ.*** Лекціи объ исламѣ. Пер. А. Черновой Ц. 2 р.—***Жанъ Родъ.*** Современный Китай. Пер. М. А. Брагинскаго. Ц. 2 р.—***Вильг. Грубе.*** Духовная культура Китая. Пер. П. О. Эфруси. Ц. 2 р.—***I. Шастенъ.*** Тресты и синдикаты. Пер. И. Брусиловскаго. Ц. 2 р.

Кн-во «Посѣвъ». Спб. 1912 г.—***В. О. Барановъ*** д-ръ философіи. Основныя начала общественнаго устройства. Ц. 50 к. ***SA—WE.*** Банкроты. Пьеса въ 5 д. Ц 65 к.

Кн-во «Альціона». Спб. 1912 г.—***З. Н. Гиппіусъ.*** Лунные муравьи. Шестая книга разсказовъ. Ц. 1 р.—***Любовь Столица.*** Лада. Пѣсенникъ. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Я. Башмаковъ и К°. Спб. 1912 г. ***М. В. Анцевъ.*** Методическая хрестоматія хороваго пѣнія. Ц. 2 р.—***А. П. Медвѣдковъ.*** Кр. исторія педагогики. Ц. 1 р. 20 к.—***С. Спокойская-Францевичъ.*** Руков. къ изученію французскаго языка. II годъ. Ц. 60 к.—***М. К. Фотъ.*** Краткая нѣмецкая грамматика. Ц. 25 к.

Изд. Т-во И. Д. Сытина. М. 1912 г.—***Н. И. Фальѣевъ.*** Лѣсное право. Ц. 2 р. — ***Викт. Острогорскій.*** Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Ц. 1 р. 25 к. — ***И. Н. Божеряновъ.*** Походъ въ Москву Наполеона и бѣгство его изъ Россіи. Ц. 80 к.—***Игрушка, ея исторія и значеніе.*** Сборникъ статей. Ц. 1 р. 25 к.—***Н. Соболевъ.*** Набойка въ Россіи. Ц. 75 к.—***Н. Карабановъ.*** Переселеніе и разселеніе крестьянъ. Ц. 30 к.—***К. Фохтъ.*** Значеніе опытнаго дѣла въ сельскомъ хозяйствѣ.

Ц. 30 к.—***В. Зарѣцкій***. Какъ улучшаютъ луга. Ц. 12 к.

Кн-во «Путь». М. 1912 г. — ***Серг. Булгаковъ***. Философія хозяйства. Ч. I. Ц. 2 р. — ***С. А. Аскольдовъ***. А. А. Козловъ. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Копельмана и Навроцкаго. Одесса. 1912 г. Проф. ***Т. Рибо***. О страстяхъ. Ц. 75 к. — Д-ръ ***Л. Левенфельдъ***. О глупости. Ц. 1 р. 25 к.— ***П. Гартенбергъ***. Физіономія и характеръ. Ц. 1 р. 25 к.

Пав. Радимовъ. Полевые псалмы. Стихи. Казань. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Леонила Семилуцкая. Смѣна волнъ. Стихи. 1911—1912.

Ромэнъ Роланъ. Жанъ Кристофъ. III. Юность. М. 1912. Ц. 80 к.

Кн. ***Сергѣй Волконскій***. Разговоры. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Н. Русовъ. Озеро. Романъ. М. 1912. Ц. 1 р.

Ж. Гюисмансъ. Въ пути. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Н. В. Гоголь. Иллюстр. полное собр. соч. Пред. А. Е. Грузинскаго. Съ ст. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. I. Кн-во «Печатникъ».

Ив. Шмелевъ. Разсказы. Т. II. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Никандръ Туркинъ. Загадки жизни. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Повѣсти и разсказы малороссійскихъ писателей въ переводѣ Н. Шадурскаго. Плоцкъ. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Украина. Сборникъ повѣстей и разсказовъ малороссійскихъ писателей въ переводѣ Н. Шадурскаго. Плоцкъ. Ц. 90 к.

Живописецъ. Смѣхотворно-бичевательное сочиненіе Николая Ивановича Новикова 1772—73 годовъ. М. Изд-во «Сатириконъ». 1912. Ц. 11 к.

Н. И. Николаевъ. «Эфемериды». Кіевъ. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

Рѣшетка. Литературно-художественный альманахъ. Книга первая. Спб. 1912. Ц. 80 к.

Сборникъ первый. Издательское Т-во писателей. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Кроммелинкъ. Ваятель масокъ. Пер. К. Бальмонта. М. 1912. Ц. 50 к.

В. В. Брусянинъ. Леонидъ Андреевъ. Жизнь и творчество. М. 1912. Ц. 50 к.

Левъ Николаевичъ Толстой и голодъ. Сборникъ подъ ред. Ч. Вѣтринскаго. Н.-Новгородъ. 1912. Ц. 1 р.

Проф. ***И. А. Сикорскій***. Даровитость и талантливость. Ц. 30 к.

Его же. Надвигающійся великій кризисъ вѣка. Ц. 20 к.

С. Г. Гликманъ. Varia. Кіевъ. 1911.

А. М. Селитренниковъ. Сѣятели вѣчнаго. Спб. 1912. Ц. 1 р. 35 к.

Дм. Ройтманъ. Евгеній Дюрингъ, основатель новаго жизнедѣятельнаго духовнаго руководительства. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Письма А. П. Чехова. Т. I. (1876—1887). Изд. М. П. Чеховой. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

М. Соболевъ. Элемент. учебникъ политической экономіи. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Генри Чарльзъ-Ли. Исторія инквизиціи въ средніе вѣка. Пер. А. В. Башкирова. Подъ ред. С. Лозинскаго. Т. II. Спб. 1912.

Грабовскій. В. М. проф. Государственное устройство и управленіе Россійской Имперіи. Одесса. 1912. Ц. 2 р. 25 к.

А. Бачинскій. Старое и новое въ физикѣ. М. 1911. Ц. 25 к.

Его же. Дѣятельность М. В. Ломоносова и значеніе его трудовъ. М. 1912. Ц. 40 к.

С. Кузницкій. Половничество на сѣверѣ. Архангельскъ. 1911. Ц. 25 к.

Maxim Anin. Die Nationalitätenprobleme d. Gegenwart. Riga. 1910.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Ник. Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Кн. IV и XV. Изд. Т-ва «Міръ». М.

Исторія нашего времени. Подъ ред. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. 6 и 7 вып. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Ал. Закржевскій. Карамазовщина. Изд. журн. «Искусство». 1912. Ц. 1 р.

Рихардъ Вагнеръ. Моя жизнь. Мемуары. Т. III. 1912.

Русская поэзія XIX в. Ч. I. Произведенія оригинальныя. Изд. В. М. Слободчикова. М. 1912. Ц. 60 к.

М. А. Рейснеръ. Государство. Ч. II. Государство и общины. Ч. III. Государственныя формы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Н. И. Никифоровъ. Сеньеріальныя повинности по наказамъ третьяго сословія этампскаго бальяжа въ 1789 г. Кіевъ. 1912. Ц. 60 к.

Н. П. Черепнинъ. Отечественная война. Очеркъ. Спб. 1912. Ц. 15 к.

А. Лаврецкій. Онъ ушелъ. М. 1912. Ц. 10 к.

Армейская дидактика.

Недавно въ газетахъ былъ перепечатанъ приказъ Омскаго коменданта по гарнизону. Приказомъ этимъ гг. штабъ- и оберъ офицеры г. Омска приглашались для встрѣчи Новаго года во дворецъ генералъ-губернатора, причемъ, кромѣ обычныхъ указаній касательно формы одежды, въ приглашеніи заключались и такіе пункты:

«Всѣмъ приглашеннымъ генераламъ, гг. офицерамъ и ихъ семействамъ прибыть во дворецъ 31-го декабря непремѣнно къ 9-ти часамъ вечера и ни въ какомъ случаѣ не позже. При встрѣчѣ Новаго года, при возглашеніи тоста за Государя Императора и Царскую фамилію всѣмъ присутствующимъ гг. офицерамъ дружно и громко подхватывать «ура». Приглашеннымъ гг. офицерамъ оживленно и, по возможности, непрерывно танцовать, а не стоять около стѣнъ зрителями» *).

Штатскимъ читателямъ этотъ приказъ доставилъ, конечно, минутку развлеченія. Но военныхъ нисколько не удивилъ, какъ пришлось убѣдиться пишущему эти строки,—до такой степени свыклись они съ этимъ менторскимъ тономъ командующихъ, такъ примелькалась имъ подобная литература приказовъ, инструкцій, наставленій и пр.

Знакомый молодой офицеръ показалъ мнѣ книжку, которую ему и его товарищамъ-юнкерамъ дали при выпускѣ изъ училища въ качествѣ карманнаго руководства въ предстоящей имъ новой дѣятельности.

— Начальникъ училища совѣтовалъ заучить, какъ катехизисъ,—необходимая и полезнѣйшая книга!—сказалъ онъ при этомъ.

— Что-же, дѣйствительно—полезнѣйшая?

— Обыкновенныя «Правила хорошаго тона». Написана подъ Суворовскій стиль, но мѣстами туманно, точно изрѣченія Заратустры... Не сразу разжуешь.

Я перелисталъ книжку,—она имѣла видъ солдатской памятки листовки, цѣною копеекъ въ пять. На титульномъ листѣ значилось: *В. М. Кульчицкій. Совѣты молодому офицеру. Изданіе I-е. Волочискъ. 1910 г.* Въ предисловіи было сказано, что цѣль изданія *Совѣтовъ*—избавить молодыхъ офицеровъ отъ промаховъ и ошибокъ какъ въ частной жизни, такъ и на службѣ, что тутъ собраны старыя, но вѣчно новыя истины, которыя большинствомъ забываются, молодые же люди, не освоившіеся съ новымъ положеніемъ, часто не знаютъ, какъ слѣдуетъ поступить въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ уставами, «слѣдствіемъ чего происходятъ грустныя, непоправимыя и нежелательныя послѣдствія»...

Хотя стиль и не очень показался мнѣ безупречнымъ, но эти благія цѣли подкупили, и я погрузился въ чтеніе.

---

*) «Рѣчь», 17 янв. 1912 г.

Въ главѣ первой давалось указаніе, какъ долженъ поступать офицеръ, въ первый разъ пріѣхавшій въ полкъ: согласно Уст. гарниз. службы, ст. 400 и 401, онъ обязанъ явиться къ командиру полка послѣ 11 час. утра. Но на практикѣ поступаютъ такъ: сперва въ канцеляріи надо представиться адъютанту и получить отъ него необходимыя указанія, такъ какъ «въ каждомъ полку свои обычаи-традиціи». Не заставши командира дома, явиться вторично, стараясь застать, а первый разъ расписываться или оставлять служебный билетъ не рекомендуется.

Столь же полезныя указанія идутъ далѣе—о визитахъ офицерамъ женатымъ и холостымъ, о появленіи въ общественныхъ мѣстахъ, о формѣ одежды въ разныхъ случаяхъ, съ самыми детальными указаніями, примѣчаніями и оговорками:

«При брачной церемоніи—парадная форма. Участвующіе: женихъ, шафера, посаженный отецъ. Женихъ безъ оружія. Всѣ безъ траура».

«Гулянья—сюртукъ, за городомъ—китель. Въ каждомъ военномъ округѣ свои правила».

«Маскарадъ публичный—офицерамъ не принято танцовать»... (стр. 22—23).

Если вспомнить, что, при нынѣшнемъ обиліи и разнообразіи военныхъ формъ, регламентація вопроса, какъ одѣваться въ разныхъ случаяхъ, составляетъ цѣлую науку, не легко доступную усвоенію, то такого рода указанія, какъ вышеприведенныя, конечно, чрезвычайно полезны.

На дальнѣйшихъ страницахъ шли наставленія, которыя, собственно, и можно было отнести къ категоріи «правилъ хорошаго тона»:

«Знакомясь съ дамой, руки не цѣлуй. На улицѣ никогда и никому не слѣдуетъ цѣловать руки. Не цѣлуютъ руку въ перчаткѣ. На балу, представляясь дамѣ, во время танцевъ, чтобы поздороваться съ ней,—перчатки не снимай.

«При дамахъ (вообще въ обществѣ) не совсѣмъ прилично закладывать ноги (sic) на ногу.

«Желая курить—проси разрѣшенія дамъ, а лучше жди, пока тебѣ предложатъ: или хозяйка дома, или старшій (смотря, гдѣ и когда). За столомъ и при дамахъ даже неудобно и обращаться за подобнымъ разрѣшеніемъ, если старшіе не курятъ.

«Разговаривая,—избѣгай жестикуляцій»... (стр. 17).

Непосредственно за правилами хорошаго тона и благовоспитанности, въ одной рубрикѣ съ ними, идутъ наставленія высшаго порядка,—касательно офицерской этики, такъ сказать,—и сообразно съ этимъ нѣсколько мѣняется стиль: казарменная «словесность» обрубленнаго типа чередуется съ неожиданными глубокомысленными реченіями:

«За полковыми дамами не ухаживай (въ пошломъ смыслѣ). Не заводи грязь въ своей полковой семьѣ, въ которой придется служить десятки лѣтъ. Подобные романы всегда кончаются траги

чески. Ищи женщинъ на сторонѣ: каждая женщина стоитъ одна другой.

«Отъ женщины труднѣе отдѣлаться, нежели плѣнить другую.

«Женщину страшитъ всегда болѣе огласка, чѣмъ потеря чести.

«Въ интимной своей жизни будь очень и очень остороженъ»— «полкъ твой верховный судья».

«Избѣгай разговоры (sic) на военныя темы съ случайными знакомыми.

«Будь осмотрителенъ въ выборѣ знакомыхъ; руководствуйся не только ихъ образованіемъ, но и соціальнымъ положеніемъ въ обществѣ (sic).

«Скажи, съ кѣмъ ты знакомъ и что читаешь, и я скажу кто ты.

«Итакъ, будь порядочнымъ офицеромъ»... (стр. 18 и 19).

Хотя и не прибавлено: «такъ говорилъ Заратустра», но, судя по тону, это само собой должно подразумѣваться.

Въ дальнѣйшемъ авторъ нѣсколько разъ возвращается къ вопросу объ офицерской порядочности, чувствуя, очевидно, что ограничить ее однимъ воздержаніемъ отъ ухаживанія за полковыми дамами и выборомъ знакомствъ сообразно положенію и состоянію— нельзя. Онъ дополняетъ ее новыми указаніями то краткими и внушительными, то очень распространительными, съ экскурсіями въ сторону, въ области философіи и политики, съ мотивировкой, параллелями, сравненіями и прочими стилистическими украшеніями:

«Не кути на чужой счетъ.

«Избѣгай исторій и скандаловъ. Не выступай непрошеннымъ свидѣтелемъ: поддержавъ одного, наживешь врага въ другомъ— палка о двухъ концахъ. Нейтралитетъ—средство великихъ державъ, чтобы сохранить со всѣми добрыя отношенія.

«Услугами чужого денщика не пользуйся, ничего не приказывай— не тактично. Помни всегда: «если хочешь жить, дай жить другимъ».

«Никогда не критикуй дѣйствій и поступковъ начальства вообще, особенно и Боже упаси—при нижнихъ чинахъ. (Дисц. уст. § 2).

«Руководствуйся въ жизни инстинктомъ, чувствомъ справедливости и долгомъ порядочности»...

Перечисленіе признаковъ и правилъ офицерской порядочности не ограничивается этими пунктами. Но здѣсь нѣтъ возможности исчерпать все обиліе цѣнныхъ указаній, разсыпанныхъ въ книжкѣ и дающихъ полный сводъ понятій военнаго автора объ этикѣ. Заключительный штрихъ дается въ той спеціальной части о воинскомъ достоинствѣ и чести мундира, которая временами порождаетъ въ нашей общественной жизни такіе острые и печальные эксцессы, поднимаетъ вопросы—всегда безплодные—объ обывательской безопасности, объ отвѣтственности или безотвѣтственности лицъ, коимъ присвоено ношеніе оружія, прибѣгающихъ къ нему въ случаяхъ столкновеній съ людьми, одѣтыми въ штатское платье.

На стр. 10 и 11-й по этому вопросу даются «молодому офицеру» слѣдующіе совѣты:

«Не умѣя владѣть оружіемъ, не обнажай его!

«Если обстоятельствами принужденъ прибѣгнуть въ силѣ оружія—полумѣръ не должно быть. *Бей наповалъ и непремѣнно съ одного раза.* Даже за одно обнаженіе оружія отвѣтишь по суду. *Бойся живого, а мертвый безвреденъ и на судѣ. Раненый и калѣка—ярмо. Онъ обвинитъ тебя на судѣ. Спасая себя отъ отвѣтственности, оклевещетъ, а ты, не доказавъ его лжи, хотя и правъ, погибъ или принужденъ содержать всю жизнь (не убитаго тобою), вслѣдствіе рѣшенія экспертовъ и суда*, какъ не способнаго къ труду послѣ увѣчья».

Нѣсколько ниже (на стр. 15-й), послѣ разсужденія объ отвѣтственности по закону за убійство, совершенное офицеромъ при обстоятельствахъ, заключающихъ въ себѣ признаки оскорбленія офицерской чести, авторъ *Совѣтовъ* добавляетъ: «На практикѣ до сихъ поръ всѣ подобнаго рода дѣла повергались или военнымъ судомъ, или, еще до преданія суду, военнымъ начальствомъ на Монаршее милосердіе, и наказаніе или вовсе отмѣнялось, или значительно смягчалось».

Надо вспомнить, что книжка эта была роздана начальствомъ одного военнаго училища выпускному классу юнкеровъ и рекомендована къ изученію въ качествѣ катехизиса офицерскаго поведенія. Слѣдовательно, воспитатели молодого командного состава арміи раздѣляли не только этотъ совѣтъ—бить наповалъ и непремѣнно съ одного раза, но и откровенную мотивировку этого пріема («мертвый не повредитъ на судѣ, а живой непремѣнно оклевещетъ, да еще содержи его всю жизнь по приговору экспертовъ и суда»), а также вѣскость послѣдующихъ соображеній о ненаказуемости или о слабой наказуемости такого рода дѣяній...

Въ короткой замѣткѣ нѣтъ возможности, разумѣется, обстоятельно остановиться на этомъ пунктѣ военной этики, столь существенномъ во взаимоотношеніяхъ арміи, какъ касты, и остальной массой народа, несущаго на своихъ плечахъ не только тяжесть ея содержанія, но, въ сущности, и все «дѣло защиты отечества» (Высочайшій манифестъ 1 января 1874 года). Да и много уже было высказано въ печати по этому вопросу,—много горькаго, справедливаго, твердо обоснованнаго; не меньше—постыднаго, цинично-льстиваго, угодливаго со стороны той части печати и тѣхъ общественныхъ группъ, которыя монополизировали патріотизмъ и вмѣстѣ съ нимъ «любовь къ арміи». Подкладка этого фавора сшита бѣлыми нитками, и мыслящая часть арміи, можетъ быть, знаетъ истинную цѣну этой любви, но отмахнуться отъ нея, по нынѣшнимъ временамъ, не такъ-то просто. Подлинный голосъ патріотовь прозвучалъ, впрочемъ, недавно, при обсужденіи новаго военнаго закона въ Г. Думѣ, когда деп. Марковъ II ругательски ругалъ представителя оппозиціи, деп. Шингарева за внесеніе вопроса о пенсіи нижнимъ чинамъ.

Но это къ слову. Обратимся къ *совѣтамъ* г. Кульчицкаго и,

въ связи съ ними, къ свѣжимъ воспоминаніямъ, иллюстрирующимъ отношенія нѣкоторой части офицерства къ штатскимъ обывателямъ—къ «шпакамъ». Въ короткое время передъ русскимъ обществомъ прошелъ рядъ дѣлъ, обагренныхъ кровью: дѣло братьевъ Коваленскихъ, подпоручиковъ Накашидзе и Разсказова, Марченко, поруч. Кугатова и др.

Особенно характерно дѣло поруч. Кугатова въ Царицынѣ. Подвыпившій на Пасху приказчикъ Поляковъ оскорбилъ жену офицера нескромнымъ предложеніемъ, принявъ ее за другую особу. Поручикъ Кугатовъ, чтобы наказать оскорбителя, прибѣгъ къ револьверу: пять разъ выстрѣлилъ въ Полякова, но каждый разъ промахивался. Прибѣжавшій на выстрѣлы полицейскій патруль взялъ Полякова въ часть. Спустя значительный промежутокъ времени, явился въ часть и поруч. Кугатовъ и здѣсь, уже въ присутствіи чиновъ полиціи, стрѣлялъ въ Полякова опять и, когда Поляковъ, обливаясь кровью, упалъ, поручикъ рубилъ его еще и шашкой... *).

Неизвѣстно читалъ ли поручикъ Кугатовъ *Совѣты молодому офицеру*, но полицейскіе чины г. Царицына, безмолвно присутствовавшіе при этой расправѣ, вѣроятно, читали, потому что бóльшаго проникновенія духомъ *Совѣтовъ* и представить себѣ нельзя: обыватель — шпакъ, т. е. просто птица, и, какъ всякое пернатое, можетъ служить мишенью военному человѣку для упражненія въ стрѣльбѣ... Ну, а чтобы «раненый и калѣка не былъ ярмомъ» для г. офицера,—его, понятное дѣло, удобнѣе бить наповалъ...

Безправіе и беззащитность россійскаго обывателя тоже, конечно, не новость, но тѣмъ не менѣе есть общественныя категоріи, между которыми даже и военнымъ приходится дѣлать различіе. Въ Тифлисѣ убѣленный сѣдинами старикъ, ѣхавшій въ трамваѣ, обратился съ просьбой къ двумъ молодымъ офицерамъ, сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ, не курить въ вагонѣ. За эту просьбу старикъ, по требованію курящихъ офицеровъ, былъ арестованъ городовымъ и отведенъ для выясненія личности въ участокъ. Въ участкѣ личность выяснилась: старикъ оказался членомъ тифлисской судебной палаты г. Кованько. Полицейскіе получили выговоръ, офицеры извинились передъ г. Кованько... Но нашелся, все-таки, «шпакъ», которому пришлось пострадать изъ за этой исторіи, это былъ редакторъ газеты «Новая Рѣчь», напечатавшій замѣтку по поводу инцидента съ г. Кованько. Тифлисскій генералъ-губернаторъ Рябинкинъ, во первыхъ наложилъ административное взысканіе на газету, а во-вторыхъ—возбудилъ противъ редактора дѣло въ судѣ. И, какъ ни доказывалъ суду подсудимый, что онъ считалъ себя обязаннымъ выступить въ защиту оскорбленнаго старца и призывать общество къ соблюденію порядка и законности, окружный судъ все таки приговорилъ его къ 2-хъ недѣльному аресту. **).

---

*) Цариц. Вѣстн. отъ 16 апр. 1911.

**) «Зак. Рѣчь», 30 апр. 1911 г.

Позволю себѣ привести еще одну иллюстрацію для характеристики тѣхъ широкихъ возможностей, которыя россійская дѣйствительность предоставляетъ глазомѣру, быстротѣ и натиску «молодыхъ офицеровъ» на обывателей всѣхъ возрастовъ. Это—приказъ командующаго войсками казанскаго военнаго округа, ген.-лейт. Сандецкаго, № 234 (1908 г.) *):

«Въ ночь на 18-е сентября с. г. въ Уфѣ чинами казачьей 2-й полусотни 4-й сотни 11-го Донского казачьяго полка были произведены буйства. Произведеннымъ дознаніемъ выяснилось, что сотникъ Сдобновъ, *будучи на именинахъ у одного изъ членовъ союза русскаго народа* **) и узнавъ изъ разговора, что въ то время на заводѣ Гутмана происходитъ совѣщаніе революціонеровъ, отправился самъ произвести обыскъ въ квартирѣ Гутмана, вызвавъ по тревогѣ дежурную часть сотни—10 казаковъ—и пригласивъ для присутствія при обыскѣ дежурнаго околоточнаго надзирателя Константиновскаго. Во время производства обыска урядникъ Деревяшкинъ, возмущенный заявленіемъ 2 казаковъ объ угрозѣ Гутмана стрѣлять въ нихъ, ударилъ Гутмана нагайкой. Показаніями свидѣтелей со стороны потерпѣвшаго выяснилось, что Гутмана били по приказанію сотника Сдобнова. По его же приказанію тѣломъ Гутмана вышибали дверь конторы, и сотникъ Сдобновъ стрѣлялъ изъ револьвера, и что по окончаніи обыска казаки потребовали отъ хозяина пива и, получивъ его, пили въ квартирѣ Гутмана. Принимая во вниманіе, что сотникъ Сдобновъ былъ въ возбужденномъ состояніи, я, на основаніи 10 ст. дисц. уст., ограничиваюсь на этотъ разъ дисциплинарнымъ взысканіемъ и предписываю арестовать его за произведенное имъ буйство на 20 сутокъ, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. Урядника Деревяшкина за нанесеніе ударовъ Гутману арестовать смѣшаннымъ арестомъ на гауптвахтѣ на 30 сутокъ. Командиру 11-го Донского казачьяго полка полковнику Кочконогову за отсутствіе дисциплины въ полку объявляю выговоръ и предписываю принять мѣры къ поддержанію дисциплины и внутренняго порядка».

Возвращаюсь, однако, къ *Совѣтамъ молодому офицеру*. Мнѣ хочется думать,—и я имѣю основаніе такъ думать,—что далеко не вся армія проникнута такими представленіями о порядочности и чести, какія рекомендуетъ г. Кульчицкій, а съ нимъ и нѣкоторые военные воспитатели. По условіямъ переживаемаго момента, мы не слышимъ подлиннаго голоса арміи. Свободно и побѣдоносно раздаются лишь казенно-патріотическіе голоса. Но даже и то немногое, что случаемъ попадаетъ изъ военныхъ сферъ въ независимую печать, свидѣтельствуетъ объ иномъ образѣ понятій, чѣмъ рекомендуемый авторомъ *Совѣтовъ молодому офицеру*. Передо мной сейчасъ второй сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ

---

*) „Русск. Слово", 1908 г. № 252.

**) Курсивъ, разумѣется, мой. Ѳ. К.

вопросамъ — «Великая Россія», издатель котораго задался цѣлью внѣдрить въ сознаніе русскаго общества «здоровый милитаризмъ». Въ сборникѣ имѣется статья «Основы подготовки команднаго состава арміи». Въ заключительной части авторъ ея, человѣкъ несомнѣнно военный, разсуждаетъ, можетъ быть, и поштатски, съ точки зрѣнія г. Кульчицкаго, но очень резонно:

«Армія есть только часть цѣлаго, плоть отъ плоти, кость отъ кости своей націи... Интересы ея тѣсно связаны съ интересами каждаго индивидуума... Обѣ стороны (народъ и армія) должны видѣть другъ въ другѣ работниковъ одного и того же дѣла, связанныхъ общими интересами и направляемыхъ законами, одинаково для всѣхъ обязательными... Армія должна и будетъ серьезно готовиться къ тому экзамену, для котораго она содержится, отбросивъ въ сторону все эгоистичное, все мелочное, все неподходящее къ высокому идеалу—служенія Родинѣ» *)...

Припоминаю еще и статьи газеты «Военный Голосъ», не такъ давно издававшейся группой офицеровъ. Въ статьяхъ этихъ говорилось между прочимъ слѣдующее:

«Современная армія есть не что иное, какъ спеціально-организованная для государственной обороны часть народа...

«Въ сферѣ обще-правовыхъ отношеній надъ военнослужащимъ долженъ господствовать тотъ же законъ, что и надъ остальными гражданами. Этотъ принципъ является общепризнаннымъ во всѣхъ современныхъ европейскихъ законодательствахъ. Поэтому установленіе привиллегій, необходимость которыхъ не вызывается исключительными условіями военной службы, должно разсматриваться, какъ простой актъ фаворитизма къ арміи, нетерпимый при современныхъ условіяхъ государственной жизни»...

«Необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ вся офицерская семья въ цѣломъ, такъ и каждый ея членъ въ отдѣльности были возможно ближе къ обществу и народу,—чтобы между послѣдними и корпораціей офицеровъ стала невозможной наблюдаемая нынѣ отчужденность, а нерѣдко даже и вражда» **)...

Это звучитъ иначе, чѣмъ наставленія г. Кульчицкаго и его единомышленниковъ.

Справедливость требуетъ отмѣтить и то, что̀ въ Совѣтахъ молодому офицеру есть подлинно хорошаго и достойнаго усвоенія. На стр. 19—21 авторъ поучаетъ, какъ надо относиться къ солдату. Повторяя напоминаніе ген. Драгомирова: «стойку поправлять безъ прикосновенія»,—онъ совершенно резонно разсуждаетъ далѣе такъ:

«Если *руками лѣпить*,—солдатъ и забудетъ въ чемъ была ошибка, потому что она не дошла до его сознанія.

«Даже лошадь любитъ, чтобы ей говорили, а обучать человѣка, какъ безсловесное, совсѣмъ не подобаетъ»...

---

*) *Великая Россія*, кн. II, 172—173 стр.
**) Цит. по сборн. „Военн. реформа", изд. „Военнаго Голоса" стр. 85.

Опущена безъ упоминанія въ *Совѣтахъ* только одна важная сторона, о которой не мѣшаетъ напоминать и молодому, и опытному офицерству—въ интересахъ сохраненія воинской чести въ незапятнанномъ видѣ. Сторона эта всплыла не въ однихъ только интендантскихъ процессахъ. Не очень давній процессъ 4-й донской дивизіи (да и не онъ одинъ) показалъ, что и строевыми офицерами иногда предается забвенію *восьмая* заповѣдь... На-дняхъ обошелъ газеты приказъ ген.-лейт. Жигалина по отдѣльной забайкальской бригадѣ (№ 161, отъ 21 декабря 1911 г.). Генералъ, достигнувшій предѣльнаго возраста, въ своемъ прощальномъ приказѣ нашелъ необходимымъ также напомнить «о береженіи чести»... Но какая разница между простодушными, открытыми, безхитростными словами стараго служаки и глубокомысленными вѣщаніями г. Кульчицкаго...

«Въ торжественно-грустный для меня моментъ,—говорится въ этомъ удивительномъ приказѣ:—предъ лицомъ предстоящаго ухода изъ дорогой арміи... еще прошу, любя васъ,—это беречь доброе имя своей чести, дабы и впредь не заслужить никому обвиненія, сказаннаго, какъ доложили мнѣ, командиромъ корпуса на маневрѣ одному изъ командировъ полка, что *въ полку воръ на ворѣ*» *)...

Сказано рѣзко, но самая эта рѣзкость постановки вопроса въ приказѣ пристарѣлаго генерала не показываетъ ли, что въ слѣдующихъ изданіяхъ своихъ *Совѣтовъ* г. Кульчицкому не мѣшало бы обратить свою дидактику и въ эту сторону...

Ѳ. Кр.

ПОПРАВКИ:

1) Въ февральской книжкѣ „Русскаго Богатства“ въ замѣткѣ „Герой повѣсти Л. Н. Толстого“ (стр. 30) по ошибкѣ напечатано: *Георгій Петровичъ Побѣдоносцевъ*. Нужно: Константинъ Петровичъ.

2) На обложкѣ авторъ разсказа „Безъ праздника“ названъ *А. Бушенъ*. Нужно: Надежда Бушэнъ.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Съ благотворительной цѣлью: отъ А. П.—1 р.; отъ М. А. Е.—50 р.; отъ неизвѣстнаго—35 р.; отъ д-ра Николаева—10 р.; въ память студента А. А. Щепкина—25 р.; отъ В. Н. Ф.—450 р.; изъ нихъ 4 р. 15 к. изъ кассы взаимопомощи учащихся въ Цюрихѣ, остальные—литературныя чтенія и пожертвованія въ Женевѣ, Лозаннѣ, Лезинѣ и Цюрихѣ

Итого. . . . 571 р. — к.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: отъ группы изъ Бендеръ—44 р. 65 к.

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко.***

*) „Рѣчь“, 26 янв. 1912.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118002150